© 1995 г.

А.Г. Лундин

АРХИВЫ ДРЕВНЕГО ЙЕМЕНА

Изучение древней Южной Аравии началось больше 150 лет назад. Его отправной точкой явилось открытие Британской картографической экспедицией на мысе Хусн ал-Гураб на южном побережье надписи неизвестным письмом[1]. Оно было расшифровано без затруднений по сходству с эфиопским. За этой надписью последовали другие, и теперь число их приближается к 15 тыс., но до сих пор древняя Южная Аравия остается страной, почти неизвестной миру, своеобразной "легендарной" страной, начиная с самого ее названия в античных источниках – Счастливая Аравия. С ней связаны многие самые известные в мире легенды, прежде всего – библейская легенда о царице Савской и ее визите к царю Соломону, о необыкновенных богатствах и необычайной мудрости царицы. Евангельская легенда о приходе к младенцу Христу "волхвов" или "царей Востока" также восходит к йеменским реалиям[2]. Наконец, и знаменитый "Роман об Александре" в мусульманских версиях связывается с Йеменом[3]. Однако вряд ли даже те люди, которые знают эти легенды, представляют местоположение "страны царицы Савской", не говоря уже о ее древних памятниках или событиях ее истории.

Для специалистов, историков древнего Востока и семитологов Йемен также остается "экзотической" страной, не входящей в область их интересов и в круг их знаний. Только этим можно объяснить недавний факт, когда видный семитолог-эпиграфист, специально занимающийся историей алфавита, не опознал в клинописной таблице из Бет-Шемеша запись букв алфавита лишь потому, что буквы были расположены в порядке южносемитского письма[4]. Это тем более поразительно, что именно в последние годы порядок букв южносемитского алфавита очень активно обсуждался в науке[5].

Такое положение объясняется прежде всего тем, что до сих пор единственным источником для изучения древнего Йемена остаются эпиграфические памятники, надписи на камне и бронзе. Они очень разнообразны, в них можно найти описание самых неожиданных событий, вплоть до описания трудных родов (впрочем, окончив-

---

[1] *Wellsted J.R.* Narrative of a Journey from the Tower of Ba'l-haff on the Southern Coast of Arabia to the Ruins of Nakab al-Hajar in April 1835 // Journal of Royal Geographical Society. V. VII. L., 1837. P. 20–34.

[2] *Ryckmans G.* De l'or (?), de l'encens et de la myrre // RB. 1951. V. 58. P. 372–376.

[3] *Пиотровский М.Б.* Предание о химйаритском царе Ас'аде ад-Камиле. М., 1977. С. 103 сл.

[4] *Puech E.* Origine de l'alphabet // RB. 1986. V. 93. P. 206–208; Ср. *Лундин А.Г.* Табличка из Бет-Шемеша // ВДИ. 1989. № 2. С. 144–150.

[5] *Bron F., Robin Ch.* Nouvelles données sur l'ordre des lettres de l'alphabet sudarabique // Semitica. 1974. 24. P. 77–82; *Jamme A.* Miscellanées d'Ancient Arabe. IX. Washington, 1979. P. 26–33, 73–76; *Beeston A.F.L.* South Arabian Alphabetic Letter Order // Raydan. 1979. 2. P. 87–88; *Drewes et Schneider R.* L'alphabet sudarabique du Dahanamo // Raydan. 1980. 3. P. 31–32; *Ryckmans J.* L'ordre des lettres de l'alphabet sud-semitique. Contribution à la question de l'origine de l'écriture alphabétique // L'Antiquité Classique. 1981. 50. P. 698–706; *Irvine A.K., Beeston A.F.L.* New Evidence on the Qatabanian Letter Order // PSAS. 1988. 18. P. 25–38.

шихся благополучно)[6]. Но надписи – очень специфический источник. Это – всегда официальные тексты, посвященные определенному и ограниченному кругу тем и скованные строгим каноном. Они всегда дают единичные, разрозненные сведения, из которых почти невозможно воссоздать целостную картину событий и их последовательности. Видимо, этим объясняется и непомерное внимание сабеистики к хронологии, и бесконечные дискуссии сторонников "долгой" и "краткой" хронологии, не прекращавшиеся на протяжении всего века и дожившие до наших дней. Кажется, только сейчас они заканчиваются с появлением новых археологических материалов, позволивших связать радиоуглеродные даты слоев с ранними сабейскими надписями[7], а также с находкой новых аккадских текстов, упоминающих сабейцев и сабейские товары в IX–VIII вв. до н.э.[8]

Таким образом, сейчас можно с уверенностью говорить о возникновении южноаравийских государств (Саба', Катабана, Хадрамаута) уже в конце II тыс. до н.э. К этому же времени относятся и древнейшие надписи. Сабейский мукарриб Кариба'ил Ватар, сын Замар'алайа, завоевавший почти всю территорию Южной Аравии и оставивший две большие надписи, описывающие его деяния, может быть теперь уверенно отождествлен с сабейцем Кариби'илу.

Интерпретация надписей весьма неустойчива: зачастую термин, встречающийся десятки раз, известен только в единственном контексте, не позволяющем раскрыть его значение, и только новая надпись с четким контекстом может позволить понять слово. Ярким примером может послужить формула w'l/t'ly, много раз встретившаяся в катабанских строительных надписях, всегда в конце текста и всегда после имени катабанского бога 'Анбайа (вавилонский Набу). Это давало все основания переводить формулу как имя бога: "И 'Ил (Бог) Всевышний". И только в 50-х годах новый контекст сабейской надписи Ja 540 позволил увидеть в этом выражении "запретительную формулу": "И пусть никто не портит (не нарушает)"[9]. Но с тех пор ни одной новой надписи с подобным контекстом не появилось и толкование формулы до сих пор основывается лишь на одном тексте Ja 540.

Добавим, что все надписи составлены в 3-м лице и формы 1-го и 2-го лица глагола в языках древнего Йемена совершенно неизвестны. Все это говорит о неизбежной ограниченности наших знаний истории, культуры Йемена и языка надписей.

Тем большее значение имеет новый тип древнейеменских письменных памятников – текстов, написанных на деревянных палочках или на черенках пальмовых листьев. Впрочем, документы оказались настолько неожиданными и сложными, что это сенсационное открытие растянулось на 15 лет.

Первые две палочки с письменами были найдены в 1970 г. при неорганизованных раскопках на городище ас-Савда в оазисе Джайф на севере Йемена. Они попали в руки принца Хасана ибн Хусейна, внука имама Йахйи. Только в 1972 г. палочки были переданы на короткое время известному сабеисту-эпиграфисту М. Гулю, работавшему в университете Йармука в Иордании. Он сделал с них фотографии и цветные слайды[10].

Письмо, да и сами палочки, были настолько непохожи на все, известное из Южной Аравии, что вначале их приняли за привозные индийские документы, и только консультации со специалистами заставили отказаться от этого предположения. Это были куски веток, обрезанные в форме сигары, длиной в 16 и 12 см и диаметром около 3 см. Они были полностью заполнены письменами, расположенными строками вдоль

---

[6] *Doe D.B., Jamme A.* New Sabaean Inscriptions from South Arabia // JRAS. 1968. P. 2–28.

[7] *Maigret A. de, Robin Ch.* Les foulles italiennes de Yala (Yemen du Nord): nouvelles données sur la chronologie de l'Arabie du Sud préislamique // CRAIBL. 1989. P. 255–291.

[8] *Liverani M.* Early Caravan Trade between South Arabia and Mesopotamia // Yemen. V. I. 1992. P. 111–115.

[9] Такие запретительные или охранительные формулы, хотя и иначе выраженные, очень обычны в южноаравийских строительных надписях.

[10] *Beeston A.F.L.* Mahmoud 'Ali Ghul and the Sabaean Cursive Script // Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul. Symposium at Yarmouk University, 8–11 December, 1984. Wiesbaden, 1989. P. 15–16.

палочек, написанными справа налево. Каждая палочка содержала 14 строк. Начало и конец текста разделялись горизонтальной линией.

Встала задача дешифровки неизвестного письма. Оно настолько отличалось от письма надписей, да и от небрежных наскальных граффити, что сначала удалось определить только примерное число знаков, около 30, и опознать по сходству с письмом надписей две буквы – t̲ и r. Последовал вывод: документы написаны южноаравийским консонантным алфавитом; по месту находки М. Гуль назвал его "маинским курсивом".

Попытка дешифровки по частоте знаков не принесла результата из-за незначительного объема текстов (около 900 букв) и из-за многозначности форм букв. В результате серия докладов М. Гуля, посвященных новым документам[11], не вызвала большого интереса даже среди специалистов[12]. Только в 1977 г., когда документы были предоставлены на обсуждение группы виднейших сабеистов, готовивших тогда "Сабейский словарь" (в нее входили А. Бистон, М. Гуль, В. Мюллер и Ж. Рикманс) удалось прочесть первое слово ʿt̲tr "ʿАстар", имя главного божества Южной Аравии. Смелая догадка о чтении предыдущего слова – ʾlmqh "ʾАлмакаҳ", имя сабейского этнического бога (вместе два имени образуют известную в сабейских надписях формулу "ʿАстар и ʾАлмакаҳ") – дала исследователям значения десяти букв и послужила ключом к дешифровке.

При большем знакомстве с характером письма и его манерой (удлиненные хасты, загнутые по направлению письма, соединение последовательных черт в один штрих) выяснилось, что сходство новых букв с монументальными значительно большее, чем казалось. Вскоре были установлены уже все буквы (лишь одна из них – ẓ до сих пор не встретилась в текстах). Однако чтение продвигалось с большим трудом.

Письмо новых документов производит полное впечатление курсива, хотя буквы не соединяются между собой. Однако многие буквы имеют очень схожее, практически одинаковое написание, различающееся только положением в строке. На практике в конкретном почерке или документе положение в строке часто не выдерживается и различение букв возможно только по смыслу всего слова. Схожие буквы весьма многочисленны. Такие группы схожих букв составляют ʾ – k – s (и часто q); ʿ – l – y (и часто также b и m); w – ḥ-t̲; g-f-z, а также пары t̲ – ṣ; r – g; h – ḥ. Легко различимые индивидуальные формы имеют только буквы n, š, t и ḍ, да и то при небольшом повреждении n легко можно спутать с ḥ, а t – с h и т.д. Такие сложности легко преодолеваются при чтении на знакомом языке привычного текста, при чтении словами или целыми словосочетаниями, но при нашем знании сабейского языка и малом объеме текстов чрезвычайно затрудняют их чтение.

Именно письмо стало первым предметом исследования. Неоднократное копирование документов и их обсуждение в семинаре позволили Ж. Рикмансу детально описать письмо первых двух документов, а привлечение еще семи текстов, которые стали известны к 1985 г., даже заметить некоторые черты развития письма[13]. Позднее эти исследования были продолжены на материале еще четырех документов из частной коллекции[14]. К настоящему времени письмо дешифровано вполне надежно, хотя чтение приносит еще большие трудности. Почти каждый новый документ содержит индивидуальные формы отдельных букв, не встречающиеся в других известных

---

[11] Deutsche Orientalistentag, 1972; the 6th Seminar for Arabian Studies, September 27th and 28th (London): International Symposium on North Arabia in Antiquity, December 15th–17th (Harvard, USA).

[12] *Ryckmans J.* Inscribed Old South Arabian Sticks and Palm Leaf Stalks: an Introduction and a Palaeographical Approach // PSAS. 1993. 23. P. 128, Not. 5.

[13] *Ryckmans J.* Une écriture minuscule sud-arabe antique récemment découverte // Scripta Signa Vocis. Studies about Scripts, Scriptures, Scribes and Languages in the Near East... to J.H. Hospers. Groningen, 1986. P. 185–200.

[14] *Ryckmans.* Inscribed... Sticks. P. 133 et tabl.; *idem.* Les deux batonnets sud-arabes déchiffrés par Mahmoud Ghul; *Gingrich A. et al.* Studies in Oriental Culture and History. Festschrift for Walter Dostal. Frankfurt am Main, 1993.

текстах. Возможно, что в документах можно встретить и двойные написания одной и той же буквы.

Интерпретация текстов также продвигается медленно. Документы, с которыми работал М. Гуль, были опубликованы А. Бистоном в том состоянии разработки, которого достиг М. Гуль[15], но и повторное издание К. Робена также дает лишь текст документа А и краткие толкования отдельных слов и фраз[16].

Новые документы по своему содержанию и стилю резко отличаются от официальных текстов южноаравийских надписей. Так, документы, которые были у М. Гуля, представляют собой частные письма, посвященные, видимо, каким-то личным и деловым отношениям. В них изобилуют не только ранее неизвестные слова, но и грамматические формы, не употребляющиеся в надписях. Это прежде всего – слитные и самостоятельные местоимения 2-го лица, а также глаголы в 1-м и 2-м лице[17]. Приведем примеры: в документе Ghul A, 1 – lk/nʿmtm "благоденствие тебе", стк. 3 – wfym/ʿbrnkmw "благополучие вам"; стк. 4 – kl/ḏysrk/bʿmh "все, что я (может быть – ты) послал с ней".

Новые слова относятся к самым разным сферам деятельности, встречаются названия сельскохозяйственных культур (blśn – "чечевица", Ghul B, 11, 12) и экономические термины (ḍmn – "поручительство", Ghul B, 9), сохраняющиеся в современном арабском, иногда – только в диалектах Йемена. Во многих случаях параллели нельзя найти ни в арабском, ни в других семитских языках. Но и слова, известные по надписям, часто имеют совсем иное значение. Приведем сравнительно легко понятную фразу Ghul B, 2–3: wlbk/lyfṯn bn/šn ʿdwqbk "И сердце твое пусть отвратится[18] от зла, которое ты затаила"[19]. Эта ярко эмоциональная фраза резко отличается от сухого официального стиля надписей.

С середины 80-х годов сведения о новых документах распространились довольно широко и резко возрос интерес к ним. Примерно в это время на рынке в Сане стали появляться новые документы. В 1985 г. В. Мюллер, Й. Абдаллах, Н. Небес и Ж. Рикманс смогли ознакомиться уже с семью палочками с письменами, часть из которых находилась в университете Саны, часть – в частной коллекции в ФРГ. Один из текстов вскоре был издан Й. Абдаллахом[20].

Видимо, эта публикация вызвала интерес в Йемене, что привело к своеобразному буму кладоискательских раскопок. На рынке в Сане в конце 80-х годов стали появляться уже десятки новых документов на палочках и на черенках пальмовых листьев. Значительная часть из них благодаря усилиям Й. Абдалла и спонсорской помощи французских фирм, работающих в Йемене, попала в музей университета в Сане, и в августе 1991 г. В. Мюллер и Ж. Рикманс смогли ознакомиться там уже с 40 текстами[21].

В это же время Советско-йеменская комплексная экспедиция при раскопках в Райбуне обнаружила в сезон 1986 г. несколько фрагментов черенков пальмовых листьев с текстом очень плохой сохранности. Однако их письмо сильно отличалось как от эпиграфического, так и от письма документов М. Гуля, а фрагментарность и плохое состояние памятников делали дешифровку невозможной[22].

---

[15] *Beeston.* Mahmoud ʿAli Ghul... P. 15–17.

[16] *Robin Ch.* L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet // Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée. 1991–1993. 61. Aix-en-Provence, 1993. P. 132–133.

[17] *Beeston.* Mahmoud ʿAli Ghul... P. 16–19.

[18] Ср. значение, известное по надписям: hfṯh "получить судебное решение; начать процесс": *Beeston A.F.L. et al.*, Sabaic Dictionary – Dictionnaire Sabéen. Louvain-Beyrouth, 1982. P. 47.

[19] wqb: в надписях корень не встречается; ср. араб. wqb "вваливаться, западать (о глазах); скрываться": *Biberstein-Kasimirsky A.de.* Dictionnaire arabe-français. V. II. P., 1860. P. 1580.

[20] *ʿAbdallah Y.* Haṭṭ al-musnad al-musnad waʾl-nuquš al-yamaniyya al-qadima. II // Al-Yaman al-Gadid. 1986. 15. P. 10–18.

[21] *Ryckmans.* Inscribed... Sticks. P. 129.

[22] *Лундин А.Г.* Надписи Внутреннего Хадрамаута (Общая характеристика) // ВДИ. 1989. № 2. С. 147–148.

В сезон 1987 г. было найдено еще семь документов на черенках пальмовых листьев, целые, однако плохой сохранности. Письмо очень своеобразно. Пока удалось прочесть лишь один документ, письмо которого близко к эпиграфическому. Это хозяйственный документ. Текст расположен в две строки и разделен на неравные сегменты. Он содержит запись числа жертвенных животных, предназначенных богине зат-Сахран. Текст сопровождается буквенными пометами[23].

Хадрамаутские документы на черенках пальмовых листьев до сих пор остаются единственными памятниками такого рода, найденными при раскопках и имеющими археологический контекст. Это позволяет датировать их ориентировочно V–IV вв. до н.э. Находка показывает также, что такие документы были широко распространены по всей Южной Аравии.

Отметим также, что небольшой документ на обрезке ветки неправильной формы (длина ок. 5–6 см, диаметр ок. 4 см) был найден в Шибам Сухайме в одной из скальных гробниц вместе с известными мумиями. Он хранится в музее университета в Сане. Письмо близко к эпиграфическому. Текст очень краток.

Количество новых документов лавинообразно увеличивалось в 1991 г. Если в августе Ж. Рикманс и В. Мюллер смогли ознакомиться с полусотней документов, то в конце года их насчитывалось в музее университета уже около 500 и, по слухам, шли переговоры о приобретении еще 300 документов. Документы есть теперь и в других музеях города. На рынке появился даже глиняный сосуд с сотней документов и принадлежностями для письма.

Одновременно такие документы стали появляться и в Европе, в частных коллекциях и даже у антикваров. Количество и местонахождение таких коллекций и число попавших в них документов нельзя оценить даже приблизительно, и в поле зрения ученых они попадают только случайно[24]. Несколько коллекций, насчитывающих 10 документов, предоставлены проф. Ж. Рикмансу для публикации.

Все эти документы проходят через рынок древностей в Сане, а местом их происхождения продавцы называют городище ас-Савда (древний Нашан), т.е. то же место, где были найдены документы, с которыми работал М. Гуль. Содержание текстов подтверждает слова продавцов. Так, в документе YA 2 одна из сторон в контракте – ʾdm dnšn "люди (слуги) Нашана"[25], а в тексте YA 1, 3 упомянут некий "нашкиец", т.е. житель Нашка, соседнего с Нашаном. Во II–III вв. н.э. Нашк и Нашан, видимо, объединились в одну городскую общину, которая в надписях называется как "Нашк", так и "Нашк и Нашан"[26].

Заметим также, что бедуинские племена, владеющие Джауфом (и довольно слабо подчиняющиеся центральным властям), уже несколько лет препятствуют проникновению туда археологических экспедиций. По-видимому, там уже долгое время ведутся масштабные кладоискательские раскопки, увенчавшиеся в 1991 г. крупным успехом – находкой одного или нескольких значительных архивов, насчитывающих сотни (а может быть, и тысячи) документов.

Даже внешние характеристики палочек подтверждают их принадлежность к архивам. Они представляют собой черенки пальмовых листьев или ветки деревьев разных пород, разрезанные на куски нужной длины, обычно 10–20 см, но иногда и до

---

[23] *Бауэр Г.М., Акопян А.М., Лундин А.Г.* Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2. С. 168–173.

[24] Так, по устному сообщению проф. Ж. Рикманса, после его доклада в Бельгийской академии один из слушателей сообщил, что он видел подобный документ у одного из брюссельских антикваров. Выяснить судьбу этого документа не удалось.

[25] *Abdallah Y.* Übersetzung einer von kurzem entdeckten Holzinschrift verfasst in südarabischen Kursivschrift und entziffert // Al-Yaman. Impression aus Südarabien anlassich der Südarabien-Ausstellung. Österreich, 1991; *idem.* Ein altsüdarabischer Vertragstext von den neuentdecktem Inschriften auf Holz, in N. Nebes // Festrschrift für Walter Müller. 1993.

[26] *Lundin A.G.* Sabaean City Sanʿa in the Ist to VIth Centuries A.D. // Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia. M., 1988. P. 42–43.

40 см, с чуть закругленными краями, диаметром в 2–3 см. При раскопках в Райбуне наряду с документами были обнаружены и черенки пальмовых листьев, подготовленные для письма, но не использованные. По-видимому, писали на свежих ветках, легко прорезая незасохшую кору. После высыхания она затвердевала и хорошо сохраняла текст.

Писали заостренным стило длиной 5–6 см. Известны бронзовые и костяные стило, а также деревянные с металлической вставкой-острием. Чернила или краска не употреблялись, хотя иногда процарапанный текст, видимо, заполнялся каким-то красящим составом[27]. Писали вдоль, справа налево, горизонтальными строками. Обычно палочки содержат 5–6 строк, а иногда до 14–18. Справа небольшое свободное поле, часто ограниченное вертикальной чертой. Слева, где писец держал палочку, поле побольше. Если текст не умещался, его продолжали на этом поле, но "вверх ногами". Над первой строкой часто проводили горизонтальную черту. В левой части палочки иногда имеется отверстие для хранения ее на шнурке или для навешивания печати[28]. На некоторых документах часть текста зачеркнута серией косых штрихов или горизонтальной линией по тексту. Иногда за таким зачеркиванием следует очень схожая фраза В одном документе текст повторен дважды в близких вариантах, написанных "вверх ногами" по отношению друг к другу. По-видимому, это черновые варианты или школьные упражнения.

На ряде документов имеются приписки или пометы, сделанные на полях. Это буквы, знаки, иногда целые слова. Они очень напоминают архивные пометы: указание жанра (категории) документа, если это слова, или просто архивные буквенные шифры. Иногда такие буквенные пометы есть в конце текста (документ из Райбуна). Может быть, это отметка об исполнении или погашении записи.

В конце текста, иногда с отступом от основного текста, встречаются фразы, написанные той же или другой рукой. На черенках пальмовых листьев такие фразы обычно помещаются на уплощенной стороне. В хозяйственных документах подобные фразы, вероятно, представляют собой итог.

Таким образом, документы явно носят следы принадлежности к архиву или пребывания в архиве, причем хорошо организованном. В надписях можно обнаружить некоторые данные о существовании таких архивов. В катабанском декрете RES 3566,21 сообщается, что текст был написан на камне и на дереве по приказу царя и был подписан рукой царя[29]. Так же формула wtʿlmy/yd/šhr(ydʿᵓb) "И засвидетельствован рукой Шахра (Йадаʿᵓаба)" имеется и в других катабанских декретах (RES 3854,10; 3878,13–14; 3879,7–8). Нет сомнения, что подлинники декретов, подписанные царями, хранились в катабанском царском архиве в Тимнаʿ.

Несомненно существование архивов и в Сабейском государстве. Особенно интересно, что один из архивов засвидетельствован именно в Нашке, см. RES 3859,4: wmṯl/ḏn/wtfn/bmḫrmn/šbʿn/bnšqm "И копия этого документа уступки (wtf) в храме Шабʿан в Нашке". Может быть, именно этот архив и обнаружен кладоискателями.

Черенки пальмовых листьев, найденные при раскопках в Райбуне в слое мусора, находятся в очень плохом состоянии. Они могут рассыпаться при неосторожном прикосновении. Сами черенки пропитаны солями, выступающими при малейшем проникновении влаги, причем черенки трескаются и рассыпаются. Напротив, палочки и черенки пальмовых листьев, прошедшие через рынок в Сане, отличаются великолепной сохранностью. Это – старое, высушенное и выдержанное дерево, совершенно не принимающее влаги. В то же время климатические условия вади Хадрамаут и Джауфа весьма схожи. По-видимому, хорошая сохранность документов из Нашана свидетельствует об особых условиях хранения: об архивном хранении.

---

[27] *Ryckmans*. Inscribed... Sticks. P. 130.

[28] В документе Ghul A, 9–10 читаем: wḫtmhw/blkm/wḫytmn "и он запечатал его сургучом (lkm) и печатью"; см. *Ryckmans*. Inscribed... Sticks. P. 130. Not. 9.

[29] *Ryckmans*. Inscribed... Sticks. P. 127.

В настоящее время издано только четыре документа, причем их понимание и интерпретация весьма сложны и во многом несовершенны. На основании таких скудных данных говорить об их содержании вряд ли возможно. Однако Ж. Рикманс, ознакомившийся уже с полусотней документов, дает превосходное общее описание и выделяет несколько категорий документов[30].

Первую группу составляют школьные или учебные тексты. Образцом может служить черенок пальмового листа с записью букв в алфавитном порядке. Запись содержит 23 буквы и заканчивается гайном; она точно совпадает с недавно установленным порядком знаков южносемитского алфавита[31]. Письмо несколько утрировано; подчеркнуты конечные хасты. По-видимому, это пропись – образец для письма. К учебным текстам можно отнести, вероятно, и упомянутый выше документ с двумя вариантами текста.

Распространенный тип составляют списки имен. Иногда их дополняют цифры, обозначенные черточками или буквами, а иногда – какие-то словесные дополнения, чаще неясные. Изредка внизу подводится итог (сумма). Скорее всего, это хозяйственные или фискальные документы, записи платежей или налогов.

Значительную долю документов составляют частные письма. Они разнообразны по содержанию, но следуют весьма разработанному и стандартному формуляру. Письма начинаются обращением ʿbr/N... ʿmn/N "такому-то от такого-то". После этого идут различные благопожелания и приветствия, более или менее развернутые. Завершают текст также благопожелания, обычно более краткие. Преобладают пожелания благополучия (wfy), благоденствия (nʿmt) и здоровья или долголетия (ḥyw). Иногда в конце стоит подпись автора или имя писца. Авторы обращаются к корреспондентам во 2-м лице, но себя называют обычно в 3-м; Ж. Рикманс объясняет это участием профессионального писца. Известно и применение 1-го лица, причем подпись (zbr/N – "написал такой-то") совпадает с именем отправителя. Содержание писем весьма разнообразно, от простого обмена новостями до деловых писем о платежах, долгах, пересылке товаров и т.п. Переписка предстает как обычный способ общения, распространенный и регулярно применяемый. Характерна фраза из документа Ghul A, 12–13: wsʾr/ḥdṯhmw/fl/tzʾn/hḥdṯnkmw/ḥyw "И остальные новости их (о них, об этом) пусть продолжает сообщать вам Хайва".

Платежные или долговые документы начинаются с указания денежной суммы (blṯm/ḥyʾlym "хайʾалийские монеты") или мешков (ʾʿṯl), видимо, зерна[32]. Затем указываются получатель (или человек, от которого получана плата) и дата платежа или сделки (по сабейским эпонимам). Ж. Рикманс описывает документ, сообщающий о передаче зерна для помола мельнику, который предоставит муку к определенному сроку. Документ датирован и подписан (т.е. засвидетельствован) официальным лицом[33]. К этой категории относится и документ Ja 1, изданый Й. Абдаллахом[34]. Он начинается фразой, в которой почти каждое слово заслуживает самого пристального внимания: slʿ/tmrn/dhrmm/ʾmn/mrṯdm "Сикль фиников по обычной цене от Марсадума". Термин slʿ "сикль" известен также по поздней сабейской надписи CIH 548,8 в выражении ḫms/'slʿ "пять сиклей" и совпадает с названием известной ближневосточной монеты и мерой веса – сикль/шекель. "Сабейский словарь" считает термин заимствованием (DS. P. 127).

---

[30] *Ryckmans.* Inscribed... Sticks. P. 127–140; *idem.* Pétioles de palmes et batonnets inscrits: un type nouveau de documents du Yémen antique // Académie Royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques. 1993. 1.

[31] *Ryckmans.* L'ordre alphabétique sud-sémitique et ses origines // Mélanges linguistiques offerts à Maxime Rodinson / Ed. C.P. Robin. 1985. P. 343–359; *Irvine A.K., Beeston A.F.L.* New Evidence on the Qatabanian Letter Order // PSAS. 1988. V. 18. P. 35–38.

[32] *Ryckmans.* Inscribed... Sticks. P. 132.

[33] Ibid.

[34] *Abdallah.* Ḥaṯt al-musnad. P. 10–18.

Однако сикль как весовая единица (около 14 г.) явно не подходит для измерения фиников. Отсюда следует, что речь идет о денежном эквиваленте: "(на) сикль – фиников". Следующее выражение Й. Абдаллах понимает как топоним "хирнамийские финики", но такое название местности не встречается в надписях. Единственная приводимая параллель, эпитет ʾАлмакаха – "господин ʾАввама и Хирванума" (Ja 563, 564, 629 и т.д.) вряд ли подходит. Напротив, арабский глагол ḥarana со значением "продавать не слишком дорого, не слишком дешево, быть справедливым (по цене)"[35] дает смысл, очень хорошо сочетающийся с обозначением количества через цену. Одна только эта фраза показывает весьма высокое развитие товарно-денежных отношений, существование повседневной торговли, в том числе и продуктами питания – явлений, совершенно не отраженных в богатой сабейской эпиграфике.

Довольно часты и юридические документы, например контракты, иногда весьма сложные и детальные. В первую очередь отметим уже упомянутый документ YA 2, контракт о передаче родом Ганʾан, "зависимыми" (ʾdm) Нашана, некой Бараʾ "служанке" (ʾmt) третьего лица, трех взрослых овец на выпас сроком на год. В контракте оговаривается распределение приплода и шерсти, а также ответственность сторон за возможные убытки: от болезни овец или их бесплодия, от плохой пастьбы и т.д. Через год овцы переходят в собственность Бараʾам, но приплод по-прежнему делится пополам. В документе имеется дата и специальный раздел, подтверждающий правомочность контракта и документа.

Ж. Рикманс сообщает также о другом контракте, по которому передаются права на орошение поля из канала на один дождливый сезон. Определяется размер права – 47 мер (mfrʿ) воды. По-видимому, мерой является время, на которое открывается отводной канал. Документ датирован и подписан официальным лицом общины – mdrr – "орошающий"[36].

Встречаются и разного рода хозяйственные записи. Так, в документе из Райбуна сообщается о числе жертвенных животных, предназначенных богине зат-Сахран, а документ YA 1 представляет собой запись расходов на наем верблюда и плату погонщику; впрочем, последний документ содержит дату, что придает ему официальный характер, и составлен по схеме платежных документов; может быть, речь идет о тратах, сделанных в пользу третьего лица.

По-видимому, один документ необычного размера (палочка 39 см длиной), написанный своеобразным канцелярским почерком, хотя лишь частично прочтенный, представляет собой отрывок из официальных анналов[37].

Особый интерес представляют даты по эпонимам, часто встречающиеся в документах на черенках пальмовых листьев. Такие датированные документы, по оценке Ж. Рикманса, составляют не менее 10% текстов. Уже сейчас известно больше десяти таких текстов; отметим, что общее число сабейских надписей, имеющих дату по эпониму, лишь немного превышает 50. Новые даты позволяют значительно расширить наши знания о южноарабских способах датировки и не только датировать отдельные документы, но и примерно установить их общий хронологический охват и внести дополнения и уточнения в хронологический список сабейских эпонимов I–III вв. н.э.

Один из документов датирован, вероятно, по маинскому эпониму и содержит новое, ранее неизвестное, название месяца. Сам документ относится, несомненно, к периоду существования государства Маин, т.е. не позднее середины I в. до н.э.

Большинство дат – по сабейским эпонимам и содержат новые данные о сабейском календаре и датировке. Так, уже в первом изданном документе YS 1 имеется дата: bwrḥ/dkšbm/dḫrf/tbʿkrb/bn/mʿdkrb/bn/kbr/ḥll "В месяце зу-кашабам эпонимата Тубба'ка-

---

[35] *Biberstein-Kasimirski A. de.* Dictionnaire arabe-français. V. I. P. 416–417.

[36] *Ryckmans.* Inscribed... Sticks. P. 132.

[37] Ibid. P. 135.

риба, сына Ма'адкариба, из кабиров Халил". В ней впервые встретилось название месяца *зу-кашабам*, которое позднее появилось в архаической сабейской надписи из Баракиша Y.90.DA 1[38].

Эпоним известен также по надписи Er 10, где он, однако, носит родовое имя bn/ḥzfrm "из Хазфарам". В этой надписи упомянуты сабейские цари – ʿАлхан Нахфан и его сын Ша'ир ʾАвтар, что позволяет датировать документ YA 1 концом III в. н.э. Документ 180 × 14, датирован эпонимом Наша'карибом, сыном Ма'адкариба из Фадахам[39]. Он известен также по надписи Ja 610, упоминающей царя Наша'кариба Йу'мина, и может быть датирован примерно 263 г. н.э. Таким образом, новые даты подтверждают хронологическую таблицу сабейских эпонимов.

Особо отметим дату документа YA 2: bwrḥ/ḏhwds/ḏhrf/bʿṯtr/bn/ʾbʾmr/bn/ḥzfrm/ḏmtbʿm "В месяце зу-хавбас эпонимата Би'астара сына ʾАбʾамара из Хазфарам зу-Матба'ам". Термин mtbʿm известен в поврежденной дате надписи RES 4133. А. Бистон предлагал понимать этот термин как имя нарицательное – "следующий"[40]; ему следует Й. Абдаллах. Но автор статьи еще в 1971 г. высказал предположение, что mtbᶜm следует понимать как второе родовое имя эпонима, например, в надписях CIH 73 "из Хазфарам зу-Таṣваран", Fa 30 "из Хазфарам зу-Дамран" и Gl 1533 "из Хазфарам зу-Райдан". Соответственно в RES 4133 было предложено восстановление ḏhrf/nbṭʾl/bn/ʾbʾ[mr/bn/ḥzfrm/ḏ]mtbʿm, "во второй год эпонимата Набатʾила, сына ʾАбʾа[мара из Хазфарам зу]Матба'ам"[41]. Новый документ полностью подтверждает это предположение.

Двойные родовые имена встречаются в надписях примерно в III–I вв. до н.э. О ранней дате документа YA 2 говорят и нехарактерные имена как самого эпонима, так и его отца. Интересно, что имя ʾАбʾамар в качестве имени эпонима известно только в RES 4133, согласно которой эпоним принадлежит к тому же роду зу-Матба'ам. Все эти данные позволяют датировать документ II–I вв. до н.э.

В 70-х годах автор высказывал предположение, что в Сабейском государстве наряду с общесабейской существовали и локальные системы эпонимата; в частности, к локальной системе предполагалось отнести и надпись RES 4133[42]. Но за истекшие годы не появилось никаких новых материалов, которые подтвердили бы эту гипотезу. Вряд ли с ней можно связать и две новые даты в архаических сабейских надписях из Баракиша, в которых не названы родовые имена эпонимов[43]. Один из этих эпонимов, ʾlrm/bn/mlksmʿ – ʾИлрам, сын Маликсами' (YA 90 DA 2) упоминается также в списке эпонимов из племени Халил (Gl 1679)[44], второй же носит характерное имя Сумхукариб, а его отец – Йухкам[45] – имя, наиболее частое в списке Халил. По-видимому, здесь просто краткое написание имен эпонимов, без имени рода (впрочем, вполне достаточное для современников, чтобы установить дату).

Однако в этом отношении привлекает внимание странная дата в документе на черенке пальмового листа, приводимая Ж. Рикмансом wkwn/dn/ʿlmn/bḏmlyt/ḏhrf/rbn/ḏbrtn "И был (составлен) этот документ в месяце зу-Малайт года (эпонимата?) Раббана зу-Бартана". Формула "с месяцем, но без года" хорошо известна в надписях сабейских эпонимов и обозначает первый или последний год эпонимата. Название месяца также хорошо известно. Но и имя эпонима, и его род ясно показывают, что это – не обычный эпоним.

---

[38] *Gholi G., Robin Ch.* Nouveaux documents sabéens de Baraqish // Yemen. 1992. V. I. P. 93–95.

[39] Я рад выразить глубокую признательность проф. Ж. Рикмансу, сообщившему мне эту дату, как и даты других документов на черенках, подготовленных к печати.

[40] *Beeston A.F.L.* Epigraphic South Arabian Calendars and Dating. L., 1956. P. 33–34.

[41] *Лундин А.Г.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971. С. 57–58.

[42] Там же. С. 75–77, 116 сл., 131.

[43] *Gholi, Robin* Op. cit. P. 93–98.

[44] *Lundin A.* Die Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil) // Sammlung Eduard Glaser. V. Wien, 1965. P. 42, 47.

[45] *Лундин.* Государство мукаррибов Саба' С. 49.

Родовое имя зу-Бартан знакомо по надписи CIH 601, важному сабейскому декрету, подписанному членами совета старейшин Саба'. Один из этих свидетелей, видимо секретарь совета, называет себя nbṭ'l/mlk/'rb'n/ḏbrtn – "Набат'ил, царь 'Арба'ан, зу-Бартан". Таким образом, мы приходим к выводу, что Раббан зу-Бартан – сабейский магистрат из племени 'Арба'ан, одного из неэпонимных племен сабейского совета старейшин[46]. Эти магистраты также входили в состав общесабейского совета старейшин и, видимо, рекрутировались по тем же принципам, что эпонимы, но отличались от них по своим функциям. К сожалению, функции магистратов племени 'Арба'ан остаются неясными.

Датировка по магистрату вполне естественна в сфере его функций. Но датированный документ подписан также другим магистратом, Рабб'илом. Эта подпись имеется еще под одним документом той же коллекции и датированным по общесабейскому эпониму рода Хазмат[47], хотя и неизвестному по другим надписям. Вероятно, оба документа происходят из одного архива. Таким образом, датировка по магистрату племени 'Арба'ан применялась одновременно с обычной и в том же месте. Причины ее использования остаются неясными; может быть, содержание документа прольет какой-то свет на эту проблему.

Даты по эпонимам показывают, что уже известные документы на ветках деревьев и черенках пальмовых листьев охватывают период не менее чем в 500 лет, со II в. до н.э. по конец III в. н.э. Изучение эволюции письма документов позволило Ж. Рикмансу отнести наиболее ранние тексты к IV в. до н.э.[48]; документы из Райбуна по археологическим данным датируют V–IV вв. до н.э.[49] Нет оснований думать, что составление документов закончилось в III в. н.э. По всей вероятности, оно продолжалось до конца существования южноаравийской культуры, т.е. до середины VI в. н.э. Документы на черенках пальмовых листьев сопровождают южноаравийскую цивилизацию практически все время ее существования и составляют такую же характерную особенность, как папирусы для древнего Египта и глиняные таблички для культуры Месопотамии.

Природные условия Южной Аравии способствуют сохранности дерева, особенно в центральных районах, примыкающих к пустыне Сайхад. Но именно эти районы были местом зарождения и расцвета южноаравийской цивилизации, поэтому ее даже иногда называют "сайхадской культурой". Основные центры, все столицы государств древнего Йемена – Маин и Мариб, Тимна' и Шабва, находились на краю пустыни. По этому краю шел и главный торговый путь, соединявший Кану на побережье Индийского океана через Шабву и Тимна', Мариб и Нашан с Ближним Востоком и Месопотамией. Специальное хранение даже на протяжении небольшого времени (до полного просыхания древесины) многократно увеличивало стойкость документов, даже на таком непрочном материале, как черенки пальмовых листьев. Это рождает надежды на то, что архивы Нашата с их сотнями документов не останутся единичной находкой.

Правда, Нашк-Нашан – один из крупнейших городов Южной Аравии, во всяком случае в I–III вв. н.э., сравнимый с двумя столицами Сабейского государства, Марибом и Саной[50]. К тому же через этот город шла вся торговля Южной Аравии со странами Средиземноморья после гибели Маина. Однако это и не исключительный случай. Можно не сомневаться, что архивы Саны и Мариба, Тимна' и Шабвы не уступали архивам Нашана. В столицах государств велика вероятность находки царских архивов. Кроме того, высокая степень самостоятельности даже мелких городских общин позволяет говорить и о городских архивах. Перспективы находок таких архивов определяют и перспективы развития сабеистики.

---

[46] Там же. С. 213–215, 225; ср.: *Loundine A.* Les inscriptions du Jabal al-'Amud et le conseil des anciens de Saba' // PSAS. 1989. 19. P. 94.

[47] *Ryckmans.* Inscribed... Sticks. P. 132.

[48] Ibid. P. 133.

[49] *Бауэр, Акопян, Лундин.* Ук. соч. С. 169–172.

[50] *Lundin.* Sabaean City San'a... P. 40–43.

Находка массовых документов, охватывающих практически всю многовековую историю древнего Йемена, все стороны жизни этой страны, открывает широчайшие перспективы исследований не только самого Йемена, но и сопредельных стран Ближнего Востока и Африки, от Аксума до Сирии и Палестины, для семитологии и истории Ближнего Востока. С публикацией сотен документов, уже сейчас сосредоточенных в музеях Йемена, Южная Аравия перестанет быть "экзотической" страной древнего Востока. Южноаравийские материалы займут важнейшее место в изучении семитских языков и религии семитских народов. О значении, которое могут иметь эти материалы, говорит, например, решающая роль, которую сыграло южносемитское письмо в решении проблемы возникновения алфавита.

Открытие документов на черенках пальмовых листьев и находка архивов древнего Йемена – одно из крупнейших открытий нашего века в истории изучения Ближнего Востока, и без того богатой такими открытиями, как Угарит и Эбла или документы Мертвого моря.

ARCHIVES OF ANCIENT YEMEN

A.G. Lundin

The article is devoted to the deciphering and analysis of a new kind of ancient Yemeni monuments, texts written on wooden sticks or cuttings of palm leaves. The first finds of this kind were discovered in 1970, at present hundreds of them are known (including the ones found during excavations at Raibun) by a joint Soviet-Yemeni expedition. The texts cover the period of about 500 years (from the 2nd c. B.C. to the end of the 3rd c. A.D.), but they may have existed until the very end of South Arabian culture (i.e. until the mid 6th c. A.D.). These texts are private letters, lists of names, teaching aids, etc. and there is evidence that they have been kept in archives. The monuments represent a distinctive peculiarity of South Arabian civilization like papyri in ancient Egypt or clay tablets in Mesopotamia.

Massive finds of documents covering practically the whole centuries-old-history of ancient Yemen, all aspects of the life of that country open up excellent prospects for the study of Yemen and the adjacent countries of the Middle East and Africa.

© 1995 г.

Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский

ТРОЯ И "ПРА-АХХИЯВА"*

В конце предыдущей статьи мы, завершая цепь аргументов, обратили внимание на впечатляющую параллель между картиной распространения в конце III – начале II тыс. до н.э. по Балканскому полуострову прагреческих племен из числа народов так называемой "курганной волны IV" (в воссоздании этой картины мы, в основном, опирались на реконструкцию Н. Хаммонда) и сообщением Геродота (VII.20) о том, как в некие времена всю Фракию и Северную Грецию до ионийского моря и фессалийской реки Пенея заполонили племена "тевкров", т.е. выходцев из Троады. Тогда же мы поставили вопрос: есть ли основание предполагать, что для позднейших греков I тыс. до н.э. их собственные предки, некогда двигавшиеся к историческим балканским местам обитания, могли в преданиях представать под именем "тевкров" – и как в таком случае можно было бы объяснить подобный казус исторической памяти? На этот вопрос мы намерены ответить в нынешней статье.

I

В I тыс. до н.э. Троада была частью греческого мира, примыкавшей к полосе тянущихся на юг до Герма эолийских колоний. Эолийцы считались самыми ранними греческими колонистами в Анатолии, приведенными сюда через 60–70 лет после Троянской войны правнуками Агамемнона (Strabo XIII. 1, 3). Происхождение имени Αἰολεῖς *темно: попытки его сблизить с* αἰόλοι "быстрые"[1] – не более чем народная этимология. Следы называвшегося так народа обнаруживаются в Греции, на юго-востоке Фессалии (St. B., см. Ἄρνη); диалекты последней входят в одну группу с диалектами Эолиды. По Геродоту (VII. 176), фессалийские эолийцы соседствовали и воевали с фокейцами. Эолидой называлась также часть Этолии между Калидоном и Плевроном, куда часть эолийцев, видимо, проникла в конце II тыс. до н.э., во время великих переселений (Thuc. III. 102; Strabo X.3, 4). Проще всего было бы думать, что название фессалийского племени, принявшего в конце II – начале I тыс. участие в колонизации, в конечном счете было распространено на всю группу греков, занявших земли к северу от Герма и ближайшие острова.

Но итальянский лингвист О. Карруба предложил иное, весьма интересное объяснение этого темного этнонима[2]: скептически относясь к отождествлению Аххиявы с микенскими ахейцами и исходя из факта соседства владений "человека из Аххии" Аттариссия с Лидией-Арцавой, он предположил отражение негреческого названия малоазийского государства Аххиявы[3] в позднейшем имени эолийцев. О. Карруба ука-

---

* Настоящая работа является продолжением статьи "Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект)", опубликованной в ВДИ. 1994. № 4.

[1] *Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 4.

[2] *Carruba O.* Lydisch und Lyder // MIOF. 1963. Bd VIII. S. 407 f.

[3] Об Аххияве и Аттариссии подробно см.: *Гиндин Л.А.* Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3; *он же.* Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии Древней Анатолии. М., 1993. С. 92–133 с литературой; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1995. Гл. II.

зывает на то, что в лидийском в ряде случаев исчезает хетто-лувийский ларингал: ср. лид. *ãntẽt* "он распорядился" при хет-лув. *ḫandai-* "приводить в порядок", лид. *afaris* "документ о продаже" при хет. *ḫapparija-* "продавать", глосса Гесихия λαΐλας "тиран по-лидийски" при хет. *laḫḫijala-*"герой-воин". Поэтому, за этнонимом Αἰολεῖς < **Aiu̯ol-* как наименованием народа, соседствующего с лидийцами, он предположил местную, анатолийскую форму вроде *Aia(wa)lis* с лидийским суффиксом притяжательных прилагательных *-ali*. В основе этой формы могло бы лежать название страны **Aiawa*, восходящее к более древнему *Aḫḫijawa*. Тогда *Aiawalis* исконно означало бы "живущие на земле Айявы=Аххиявы". В этом случае оказалось бы, согласно Каррубе, что Аххиява находилась не в Греции, а в Малой Азии и охватывала область, в какой-то степени совпадающую с позднейшей Эолидой[4].

В подкрепление мысли о некой связи между Аххиявой и Эолидой можно было бы сослаться на одно место в "Письме о Тавакалавасе", расцененное Э. Форрером в качестве упоминания об эолийцах. Это кол. I, ст. 11 и сл., где, рассказав о том, как Тавакалавас пренебрег посланным ему навстречу военачальником, хеттский царь затем риторически восклицает: (11) ... ^{LÚ}*TARTENU* (12) *Ú.UL A.NA* LUGAL *a-ia-ua-la-aš* ŠU-*an-ma-an ḫa*[*r-ta*], в понимании Форрера: "(11) ... Полководец (12) не держит руку мою (т.е. не представляет меня должным образом) для царя *aiawalaš*"[5]. В этом случае *aiawalaš* необходимо оказывается определением при слове "царь", а именно, названием народа или страны, к правителям которой себя причисляет Тавакалавас. Э. Форрер фонетически безупречно соотнес данный этнический либо географический термин с именем эолийцев[6]. И даже Ф. Зоммер не смог противопоставить этому толкованию каких-либо серьезных аргументов. Более того, он вполне поддержал мысль Форрера о том, что в хеттской клинописи некоторые этнические обозначения могли выступать безо всяких предварительных детерминативов. На примере много раз встречающегося выражения *ḫurlaš* KUR-*e* "страна хурритов" при более редком KUR [URU] *ḫurlašša* он убедительно показал, что это может быть связано с таким употреблением этнонима, когда народ не определяется через страну, где он проживает, не выступает как "люди страны такой-то", а носит постоянное собственное имя[7]. Если такое рассуждение правдоподобно, то в *aiawalaš* следовало бы видеть хеттскую форму родительного падежа на *-aš*, не различающую единственного и множественного числа[8], а LUGAL *aiawalaš* переводить как "царь айвалов" или идя за Форрером, "царь эолийцев", но ни в коем случае не "царь Эолиды". Правда, Зоммер попытался предложить свое,

---

[4] Более подробно см.: *Carruba O.* Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell'Anatolia occidentale // Athenaeum. 1964. V. 42. P. 295 sqq. В частности, в последней статье Карруба предполагает, что к той же основе можно возвести и имя ионийцев, если принять для какого-то из анатолийских диалектов фонетическое развитие *Ahhija(wa)-wanni* > **(H)ijawana*, по типу позднеанатолийских аферез в сверхдлинных именах вроде лик. *Pulenjda* < Ἀπολλωνίδης, *Tẽnegure* < Ἀθαναγόρας и т.д. Вероятно, древнейший засвидетельствованный пример такой аферезы можно видеть в хет. *Tawak(a)lawaš* из знаменитого письма о Тавакалавасе в Аххияву начала XIII в. до н.э. как передаче чисто греч. **Ετεϝόκλεϝες* = мик. **Etewoklewēs*, ср. PY An 654, Aq 64 *e-te-wo-ke-re-we-i-jo*, гом. Ἐτεοκληείη (Il. IV. 386). (*Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. 2 ed. Cambr., 1973. P. 547; подробнее см.: *Гиндин.* Троянская война... С. 47; *он же.* Население... С. 127). Сложность, однако, в том, что в отличие от имени эолийцев имя Ἰάονες, мик. *i-ja-wo-ne* – KN B 164, Xs 146, для греков, судя по формам Ἰάς "иониянка", Ἰαστί "по-ионийски" четко членились на суффикс и краткую ономастическую основу *Ija-*, которую затруднительно возвести к *Ahhija(wa)*, если не видеть в ней вторичного извлечения из Ἰάων (впрочем, см. *Гиндин.* Язык древнейшего населения... С. 127). Для ионийского этнонима толкование Каррубы остается несравненно более шатким, чем в случае с именем эолийцев, особенно ввиду приводимого ниже анализа фрагмента из "Письма о Тавакалавасе".

[5] *Sommer F.* Die Aḫḫijavā-Urkunden. München, 1932. S. 2 f.

[6] *Forrer E.* Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazköi // MDOG. 1924. Bd 63. S. 10; *idem.* Für die Griechen in den Boghazköi-Inschriften // Kleinasiatische Forschungen. 1929. Bd I. Ht 2. S. 255 f.; ср.: *Friedrich J.* Werden in den hethitischen Keilschrifttexten die Griechen erwähnt? // Ibid. 1927. Bd I. Ht. 1. S. 97 f.

[7] *Sommer.* Die Aḫḫijavā-Urkunden... S. 43 f.

[8] *Фридрих И.* Краткая грамматика хеттского языка / Пер. с нем. М., 1952. С. 43 сл.

альтернативное истолкование этого места в качестве полемического противопоставления двух утверждений: "Полководец не является для царя *aḫawalaš*-ом? Он мою руку держит (т.е. представляет меня)!", где *aḫawalaš* обозначало бы тот официальный статус, в котором Тавакалавас отказывает присланному к нему военачальнику. Впрочем, сам Зоммер признавал сомнительность этого объяснения при отсутствии других упоминаний *aḫawalaš* как должности, функции или титула в хеттских текстах. По своей структуре с двойным суффиксом *-ḫa-la* это слово не может быть причислено к хетто-лувийским именам деятелей, оформляемым суффиксами *-tala* или *-ala*[9], а синтаксически интерпретация Форрера выглядит более связной и естественной.

Итак, предположенная Каррубой под звездочкой гипотетическая форма **Ai(a)wa-la/is* как диалектное анатолийское название для людей, живущих на земле Аххиявы, точно в таком виде обнаруживается в хеттском тексте при титуловании брата царя Аххиявы. Похоже, что она, в самом деле, относится к народу, а не к стране, ибо Тавакалавас, явно не располагавший собственным царством (поскольку он пытался получить себе вассальное владение от хеттского царя), тем не менее считал себя "царем над *Aiawala*", видимо, в том же смысле, в каком в гомеровской Трое не только Приам, но и его сыновья собирательно именовались "царями троянцев", Τρώων βασιλεῖς (Il. XX. 84). Однако, хотя догадки Каррубы подтверждаются, ставится ли этим под сомнение тождество Аххиявы XV–XIII вв. до н.э. с Микенской Грецией и всем регионом, на который распространялось ее влияние? Думается, весь материал, рассмотренный нами до сих пор, совершенно не позволяет отказаться от данного отождествления. Кроме того, если считать, что греки взяли себе имя эолийцев, только поселившись в конце II или начале I тыс. до н.э. на малоазийской земле рядом с лидийцами, то мы не сможем объяснить присутствия племени эолийцев в Фессалии и Этолии. Значит, нам придется пересмотреть взгляды на происхождение имени ахейцев и эолийцев и на соотношение этих этнонимов с анатолийским названием Аххиявы.

С мыслью, будто бы греки могли называть свою страну Ἀχαίϝα, словом, соответствующим хеттскому топониму *Aḫḫijawa*[10], дело обстоит не так просто, как это кажется на первый взгляд. В греческом мире данная основа всегда изначально представляет название народа, а не топоним. Лишь вторично при помощи различных суффиксов от этого этнонима образуются географические названия. Таково гом. Ἀχαιός (Il.III, 75) как определение для всей Ахейской Греции, а также топонимы Ἀχαιίη, Ἀχαιΐα, в стяженной форме Ἀχαία, раскиданные по периферии владений микенских греков: на Родосе, Эвбее, Крите (см. в кносском тексте линейного письма *B* KN C 914 *a-ka-wi-ja-de=Akhaiwijande* "в Ахайвию"). Все эти топонимы означают "ахейские поселения" или "ахейская земля". Этникон здесь так же первичен, как в наименовании порта на Кипре "Берег ахейцев" (Ἀχαιῶν ἀκτή), связывавшемся с приходом изгнанного с Саламина ахейца Тевкра, или в обозначении Ахеи на северо-западе Пелопоннеса, ставшей одним из прибежищ микенских греков в пору крушения их столиц. Подобные осколки Микенской Греции не проливают никакого света на внутреннюю структуру термина "ахейцы".

Особое место среди созвучных названий занимает топоним "Ахайя" или "Ахейская Фтиотида" как наименование юго-западной части Фессалии (Herod. VII. 196; Strabo XI.2.12). В этих местах топоним явно независим от микенского влияния. Напротив, в соответствии с общей картиной движения греческих племен с севера на юг следует думать, что в Фессалии поселения ахейцев древнее, чем на Пелопоннесе. Не случайно только здесь сохранился в I тыс. до н.э. такой реликт ахейской речи, как родительный падеж на -οιο (во Фтиотиде часто в варианте -οι), утвердившийся в микенском койне, а также, в качестве одного из вариантов, в языке эпоса[11]. Следы племенных имен

---

[9] Там же. С. 56; *Ларош* Э. Очерк лувийского языка // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 231.

[10] См. *Kretschmer P.* Die Hypachäer // Glotta. 1933. Bd 21. S. 227.

[11] *Тронский.* Ук. соч. С. 33.

ахейцев и эолийцев обнаруживаются в Греции на очень близких территориях Южной Фессалии, как бы в подтверждение принадлежности их носителей к одной раннегреческой общности. Напомним, что до дешифровки линейного письма *B* многие ученые считали ахейцев – создателей микенской культуры как раз эолийцами[12], а эолийские диалекты часто относились к "ахейской" ветви[13]. После дешифровки этой письменности в микенском койне – канцелярском языке Ахейской Греции обнаружены многочисленные эолийские черты, наряду с иными, объясняемыми ионийским или, скорее, аркадо-кипрским вкладом[14]. Все эти факты говорят об исторической неразрывности имен эолийцев и ахейцев, по-видимому, первоначально двух племенных групп в составе той волны, по Н. Хаммонду, праэолийской, которая на переходе от Ранней к Средней бронзе двинулась из Западной Македонии через Фессалию и Среднюю Грецию на Пелопоннес.

И все равно, термин "ахейцы" остается загадкой. Бросается в глаза его нехарактерность в структурном плане для греческого ономастикона. Хотя в греческом языке известен ряд прилагательных с тем же суффиксом *-ɥo-*, который, вероятно, представлен и в 'Αχαιϝοί[15], но в этнических именах он практически не встречается. Немногие включающие этот суффикс топонимы, вроде Λυκόα < **Lukuwa*, на поверку часто оказываются субстратными или адстратными хетто-лувийскими вкраплениями на Балканах[16]. Более того, сам этот суффикс в имени ахейцев вычленяется лишь по общим соображениям, ибо на греческой почве данный этноним неделим и непрозрачен. Все же попытки объяснять его, выходя за пределы греческого языка, сугубо гипотетичны: будь то сопоставление с названием германского племени *Ingaevones*[17], или же в качестве иранского заимствования либо исконно родственной формы с авест. *haxay-* "друг, спутник"[18]. Тем больше трудностей заключает в себе объяснение формы *Aḫḫija* в тексте о Маддуваттасе (XV в. до н.э.) как передачи этого фактически нечленимого греческого этнонима с исходом на *-ɥo-*.

Напротив, для Анатолии соотношение форм *Aḫḫijā*: *Aḫḫijawā*/*Aḫḫijuwa* представляет совершенно закономерную ономастическую модель, документированную многими примерами: ср. *Haššu* – название горы в области Киццуватна, но *Haššuwa* – обозначение прилегающей страны, точно так же *Išhara* – гора, но *Išharuwa* – город, кроме того, топонимические дублеты Ankulla: *Ankulluwa, Hišarla* : *Hišarluwa, Zalpa* : *Zalpuwa*[19]. Сторонники теории "малоазийской Аххиявы" с полным правом могут утверждать, что словообразовательные отношения между вариантами этого названия типичны для малоазийской, а не для греческой топономастики. Но ведь точно также не укладывается в нормальные греческие модели и имя ахейцев.

---

[12] *Kretschmer P.* Ionier und Achäer // Glotta. 1909. Bd 1; *Nilsson M.P.* Homer and Mycenae. L., 1933; *Porzig W.* Sprachgeographische Untersuchungen zu den altrgriechischen Dialekten // IF. 1954. Bd 61. S. 166.

[13] *Hoffmann O.* Geschichte der griechischen Sprache. Bd I. Lpz, 1911. S. 32 ff.

[14] *Georgiev Vl.* La koiné créto-mycénienne // Études Mycéniennes / Ed. M. Lejeune. P., 1956; *idem.* The Arrival of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // Bronze Age Migrations in the Aegean. Duckworth, 1973; *Bartonek A.* Mycenaean Koine Reconsidered // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies / Ed. L.R. Palmer, J. Chadwick. Cambr., 1966; *Тронский.* Ук. соч. С. 31; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // ВЯ. 1991. № 2. С. 50 сл.

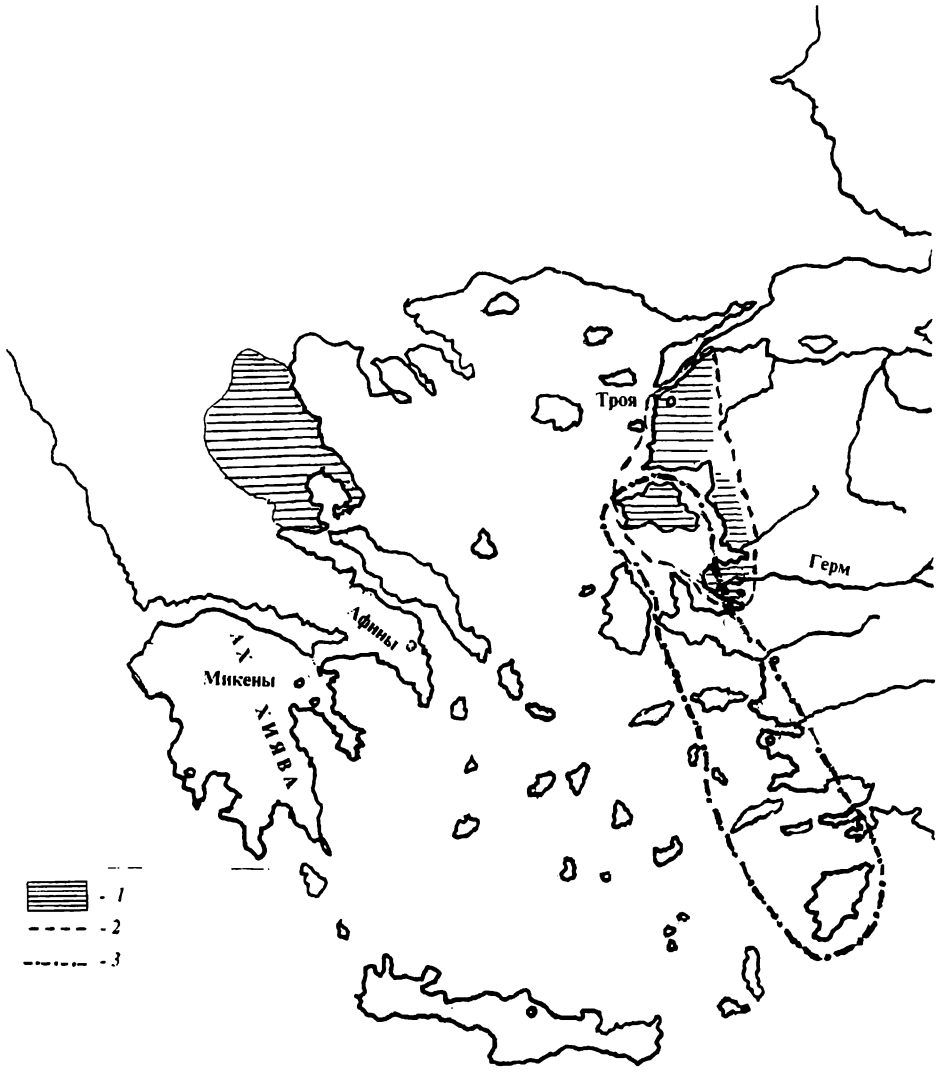
[15] *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 472.

[16] *Гиндин.* Язык древнейшего населения... С. 104.

[17] *Тронский.* Ук. соч. С. 166.

[18] *Güntert H.* Die arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923. S. 73; *idem.* Über die Namen Achaier und Hellenen // Wörter und Sachen. 1926. Bd 9. S. 130 ff.; *Kretschmer P.* Literaturbericht für das Jahr 1926 // Glotta. 1927. Bd 15. S. 190; *idem.* Literaturbericht für das Jahr 1926 // Glotta. 1929. Bd 17. S. 250; *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg, 1960, S. 199; *Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 100.

[19] *Laroche E.* Études sur les hiéroglyphes hittites // Syria. 1958. T. 35. P. 267; *Garstang J., Gurney O.R.* The Geography of the Hittite Empire. L., 1959. P. 52 f.; *Гиндин.* Язык древнейшего населения... С. 104.

Карта-схема. *1* – эолийские диалекты, *2* – Пра-Аххиява, *3* – малоазийская зона владений Аххиявы

Мы считаем, что все эти факты лучше всего могут быть объяснены, если предположить, что формы *Aḫḫijā* и *Aḫḫijawa/Aḫḫijuwa* до прихода греков изначально представляли название области, находившейся на северо-западе Анатолии. Если установить ее границы в малоазийских координатах, то это по вертикали пространство от южных пределов Троады до долины Меандра, а по горизонтали в глубь Анатолии на восток примерно до Бейджесултана (см. карту). В нашей реконструкции эта область совпадает с зоной распространения "инегёльской" серой керамики, о которой пишет Д. Френч, т.е. это исторические Мисия и Эолида.

В связи с этим чрезвычайно важным для нашего построения предположением может показаться, будто в данном месте мы противоречим тому, что сами писали несколько лет назад[20], тогда отрицая правомерность отождествления Аххиявы с какой-либо областью Малой Азии, а здесь, казалось бы, утверждая прямо противо-

[20] См. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Античная версия исторического события, отраженная в KUB XXIII. 13 // ВДИ. 1986. № 1. С. 86.

положное. Но напомним, что в указанной статье речь шла о событиях XIII вв. до н.э. Думается, сейчас можно считать уже доказанным, что для этого времени Аххиява – это Ахейская Греция и ее западно-анатолийские колонии[21]. Здесь же мы занимаемся совсем иным временем, гораздо более ранним – концом III тыс. до н.э. Нас интересует одно: где ахейцы, позднее пришедшие в Грецию, могли получить свое наименование. И для этого времени (конец Ранней бронзы) мы не видим ничего невероятного в допущении, что некая часть прагреков, вторгшаяся в Северо-Западную Анатолию под 2300 г. до н.э. или позднее и продвинувшаяся к югу от Трои в сторону Герма и Меандра, могла заселить здесь местность, носящую анатолийское название *Aḫḫijawā*, и принять это название в качестве наименования своего этноса. (Тут прямой параллелью может быть усвоение индоевропейскими племенами также в Анатолии этнонима *Ḫatti* от доиндоевропейского населения страны, носившей данное название.) Поэтому обсуждать формальную возможность соответствия Ἀχαιϝοί=*Aḫḫijawā* следует, не отталкиваясь от передачи анатолийцами греческого этнонима, но скорее исходя из возможной адаптации греками малоазийского местного названия. В этом случае метатеза, давшая Ἀχαιϝοί вместо **Akhjawoi*, может объясняться стремлением греков избежать обязательного в исторический период в такой позиции развития *i* в полугласный *j* и последующей палатализации χι > σσ (как ταράσσω "возбуждать" при ταραχή "волнение"), ибо такие изменения должны были до неузнаваемости деформировать поддерживаемое анатолийским соответствием традиционное имя племени. Можно думать, что в лидийских диалектах типа того, где *laḫḫijalaš* давало λαῖλας, для обозначения жителей страны *Aḫḫijawā* издревле существовала форма **Aiawales* < **Aḫḫijawales*. Это имя и получили из уст части пралидийцев утвердившиеся в Аххияве в конце III тыс. до н.э. прагреки. Более того, какая-то их, вероятно, самая южная группа, пребывавшая в тесных контактах с пралидийцами, переняла как раз у последних это имя и стала употреблять его как самоназвание. Так на земле "Пра-Аххиявы" оформились две близкородственные племенные группы прагреков, называемые в исторический период соответственно "ахейцами" и "эолийцами". Когда через некоторое время, может быть, как полагает Меллаарт, под давлением соседних народов наметился отход части малоазийских прагреков на юг Балканского полуострова, где они влились в поток двигавшихся со стороны Подунавья в Грецию носителей курганной культуры IV (предположительно "нашествие тевкров" по Геродоту, "поход Ила" по Ликофрону), с собой они взяли оба варианта – имена как ахейцев, так и эолийцев, пронеся их в Фессалию и дальше на юг.

Спрашивается, соответствует ли предполагаемому выпадению на некоторое время праэолийцев из массива прагреческих этносов какая-то лингвистическая реальность? Место эолийской группы среди других раннегреческих диалектов, как известно, вызывает у специалистов серьезные споры. С одной стороны, в эолийских диалектах Фессалии и Беотии глагол имеет окончание 3-го лица ед. числа -τι (φατί – "он говорит"), подобно дорийским формам, тогда как в ионийских и аркадо-кипрских диалектах, в микенском койне и, вероятно, под ионийским влиянием в эолийском лесбосском обнаруживается окончание -σι (φασί, мик. *pa-si* и т.д.). По данному и некоторым другим признакам ряд ученых постулирует для Греции во II тыс. до н.э. единую "северную" диалектную общность, будто бы лишь со временем разделившуюся на дорийскую и эолийскую ветви[22]. Но этой гипотезе противоречит наличие в дорийском целого ряда древних индоевропейских образований, не имеющих в эолийском аналогов: в глаголе 1-е лицо мн. числа на -μες, будущее время с суффиксом

---

[21] В деталях см.: *Гиндин Л.А.* Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3. С. 51; *он же.* Население... С. 10 сл. (с литературой); *Гиндин, Цымбурский.* Гомер... Гл. III.

[22] *Risch E.* Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht // Museum Helveticum. 1955. Bd 12; *Chadwick J.* The Greek Dialects and Prehistory // Greece and Rome, 1956. Bd 3; *idem.* Who were the Dorians? // Parola der Passato. 1976. V. 166. P. 108; *Bartonek A.* The Place of the Dorians in the Late Helladic World // Bronze Age Migrations...

-sejo-, типа δωσέω, ср. лит. *duósiu*. Еще важнее то, что эолийский располагает одной фундаментальной чертой, отделяющей его от всех других греческих диалектов: в нем лабиовелярные перед *e, i* отражаются обычно в виде губных (φήρ "зверь" < *$g^{u}her$-, πέμπε "пять" < *$penk^{u}e$), тогда как в ионийских и дорийских в этой позиции находим зубные (θήρ, πέντε), развившиеся из смягченных заднеязычных или аффрикат. Последние до середины I тыс. до н.э. сохранялись в аркадских надписях, а в кипрском могли давать не зубной, а спирант: *si-se* "кто" < *$k^{u}is$[23]. По этому признаку И.М. Тронский предположил исключительно раннее отделение праэолийского от всех других прагреческих диалектов и сохранение в нем сочетаний типа $k^{u}e$ в ту пору, когда прочие диалекты уже их преобразовали в *k'e* или *č e*. Это означало бы, что микенское койне, где имеются особые знаки *qe, qi*, хотя и разделило с ионийскими и аркадо-кипрским глагольное окончание *-si*, но в трактовке лабиовелярных следовало эолийской фонетике[24]. Нами недавно было установлено, что примеры на развитие лабиовелярных в зубные есть и в древнемакедонском (ср. цитированное τελεσίας < < *$k^{u}elesia$ "круговой танец" и т.д.). Следовательно, выделение праэолийского необходимо предполагать еще для времени тесной близости прагреков и прамакедонцев, т.е. для последних веков III тыс. до н.э.[25]

Итак, получается следующая картина. Приблизительно около 2300 г. до н.э. прагреки, прамакедонцы, прафригийцы движутся со стороны Подунавья из западных областей Северного Причерноморья в Северо-Западную Грецию и на юг Дардании в числе народов "курганной волны IV". Какая-то часть прагреков, достигнув Пропонтиды, отклоняется от общего пути, переходит проливы и, пользуясь временным ослаблением Трои в периоды Трои III–IV, пытается освоить данный регион. Диалект этой группы (праэолийцы) не разделяет смягчения лабиовелярных перед узкими гласными, происходящего в прагреческих и прамакедонских диалектах по другую сторону проливов. В то время как праэолийцы задерживаются в Малой Азии, прааркадо-киприоты, напротив, вырываются вперед и проникают на рубеже раннебронзового периода III на самый юг Греции, обособившись от оставшихся на севере праионийцев и прадорийцев. Таким образом, в праэолийском перед *e, i* сохраняются лабиовелярные, в прааркадо-кипрском – аффрикаты как следующий этап развития, а в праионийском и прадорийском процесс доходит до конца: возникают зубные смычные. В дальнейшем праэолийцы, отступившие из Анатолии на Балканы и вторгнувшиеся в Македонию и Фессалию, оказываются в тесной региональной близости с осевшими в Эпире прадорийцами. Тогда праионийцы, согласно Хаммонду, уже достигают Ионийского моря и по его водам перебираются на Пелопоннес и в Аттику, вступая в контакт с прааркадо-киприотами. Поэтому эолийцы в Фессалии вместе с дорийцами и не воспринимают происшедшего в южной группе развития глагольного кончания -τι > -σι, хотя немного позже утвердившиеся на Пелопоннесе эолийцы-ахейцы столь же легко переняли этот последний вариант окончания в свой письменный язык, как в I тыс. до н.э. эолийцы Лесбоса.

Наша мысль об изначальной, доисторической Аххияве на северо-западе Анатолии близка к концепции Ф. Хоуинка тен Катe[26]. Но с этим ученым мы расходимся в двух пунктах. Во-первых, Ф. Хоуинк тен Кате трактует малоазийских "аххиявцев" просто как отколовшуюся ветвь уже выступивших под этим именем греков-ахейцев. Мы же допускаем анатолийское происхождение самого имени Ἀχαιοί как продолжения анатол. *Aḫḫijawā*, и эта "Пра-Аххиява" к югу от Троады нам представляется областью, где греки впервые стали называть себя ахейцами, откуда они перенесли это

---

[23] *Buck C.D.* The Greek Dialects. 4 ed. Chicago–London, 1968. P. 62.

[24] *Тронский.* Ук. соч. С. 31.

[25] *Гиндин, Цымбурский.* Отражение индоевропейских лабиовелярных...

[26] *Houwink ten Cate Ph.H.J.* Anatolian Evidence for Relations with the West in the Late Bronze Age // Bronze Age Migrations...

имя в Грецию. (Таким образом, мы принимаем для этой части прагреков модель Меллаарта, тогда как Хоуинк ближе к Блегену.) Во-вторых, вопреки Каррубе и Хоуинку, мы не видим никакой возможности для существования в XV в. до н.э. и позднее независимого государства Аххиявы на территориях, которые тогда должны были быть разделены между странами Арцавы, особенно страной реки Сеха и лежащей к северу от них Вилусой.

Однако принятие этимологии Каррубы для этнонима эолийцев (см. выше), на наш взгляд и вопреки этому ученому, вовсе не противоречит давним попыткам А. Фика, с которым полемизирует Карруба, сблизить Αἰολεῖς с топонимом Αἶα в Фессалии, приводимым Стефаном Византийским (s.v.) со ссылкой на место из неизвестной трагедии Софокла, где упоминается τις Αἶα θεσσαλῶν παγκληρία "некая Айа, достояние всех фессалийцев". Подобный контекст позволяет видеть в термине "Айа" своего рода дублетное обозначение Фессалии – исконного ареала ахейских и эолийских племен в греческой метрополии. Правомерно предположить, что эта топонимическая форма этимологически тождественна темному по происхождению апеллативу αἶα "земля, страна". Основа этой апеллативной и топонимической лексемы реконструируется в виде **Aiwa-*, как показывает микенское отражение ряда древних ее производных, например, Αἴας, -ντος "Аякс" = мик. KN C 973 a_3-*wa* – кличка быка, Αἰήτης "Ээт" = мик. KN Vc 7612 a_3-*wa-ta*, ср. KN As 1516 a_3-*wa-to*; Αἰαίη "Ээя" = мик. PY En 74, Eo 16 a_3-*wa-ja*[27]. Вполне правдоподобно, что **Aiwa* как термин для "страны, земли", более узко для региона Фессалии или для этой области в целом может восходить к анат. *Aḫḫijawa* – наименованию ахейской и эолийской прародины до переселения соответствующих племен в Фессалию из Западной Анатолии. Соотношение форм *Aḫḫijawa* : **Aiwa-* вполне тождественно случаю с хет. *laḫḫijalaš* : лид. λαῖλας.

Не исключено, что самое знаменитое из мифологических имен, отразивших эту основу, – Αἴας, -ντος, в этрусской передаче *Aivas* (< **Aiwant-*), собственно "человек из Айи" (ср. титулование Аякса в Il. III. 226 Ἀχαιὸς ἀνήρ, приложимое кроме него в "Илиаде" только к Агамемнону[28]) возникло еще в добалканский, малоазийский период ранней истории праахейцев и праэолийцев. На то может указывать контекст, которым греческая мифология окружает образы обоих Аяксов. Если Аякс Теламонид имеет в качестве сводного брата и соратника Тевкра, т.е. "Троянца" по самому имени, то отец Аякса Оилида, согласно фр. 116 Гесиода, был зачат в один день с началом строительства Илиона, и имя его, собственно, значит "Со-Илеец". Можно думать, что в объединении Аяксов то с Тевкром, то с Оилеем – как братьев или как отца с сыном – преломилось древнее вхождение Илиона в один ареал расселения прагреков в Северо-Западной Анатолии с областью Аххиявы-Айвы, от которой образовано мифо-героическое имя Аякса. Здесь могут проступать фрагменты добалканских родовых сказаний части прагреков.

Кроме того, мы располагаем еще одним свидетельством традиции в пользу того, что эолийская колонизация конца II тыс. до н.э. охватила те самые земли, где намного раньше существовала "Пра-Аххиява", она же "Пра-Эолида". В "Илиаде" (XXIV. 544) Лесбос фигурирует как Μάκαρος ἕδος "обиталище Макара" или Макарея – "Блаженного", героя, который считался сыном Эола, родоначальника всех эолийских племен (Hom. hymn. I.37). По одной мифо-легендарной версии, Макар явился на Лесбос с Родоса (Diod. V.56). По второй же, он пришел сюда из пелопонесской Ахайи, сразу после Девкалионова потопа, когда греки еще не освоили Киклад, и сыновья Макара колонизовали первыми Хиос, Самос, Кос, Родос (Diod. V.81). Так, традиция прямо говорит, что родовое имя эолийцев должно было бытовать в будущих эолийских краях задолго до колонизации конца II тыс. до н.э. Но интересно и другое. Традиция о приходе Макара с Родоса явно выводит его из региона, входившего в XVI–

[27] *Ventris, Chadwick*. Op. cit. P. 537 (в принятой позже транскрипции a_3 = *ai*).

[28] *Гиндин*. Население... С. 128.

XIII вв. до н.э. в малоазийскую сферу преимущественного доминирования исторической *Аххиявы*, Ахейской Греции. И если Родос и не совпадает с Аххиявой, то во всяком случае он был одним из центров, откуда по Анатолии распространялось ахейское влияние. Другая же версия выводит Макара из далекой области на северо-западной окраине Пелопоннеса лишь потому, что та звалась *Ахайей*. В обоих случаях миф представляет "сына Эола" пришельцем на Лесбос из *Ахайи* или *Аххиявы*, хотя под этим названием понимались, в зависимости от исторических обстоятельств, разные места. Изложенное позволяет допустить, что изначально предание о прародителе Макаре и его первичной Эолиде подразумевало под "Ахайей" или "Аххиявой" край, отделенный от Лесбоса лишь узкой полосой моря, где на рубеже III–II тыс. до н.э. прагреки могли впервые обрести имена "ахейцев" и "эолийцев".

Тем не менее, мы думаем, что связь между пелопонесскими ахейцами-эолийцами и областью "Пра-Аххиявы" не исчезала до конца и в те столетия, которыми отделяется отход праэолийцев в Грецию от начала исторической микенской колонизации в Анатолии. Эта связь поддерживалась ранними торговыми отношениями с Троей, трудно-необъяснимыми, если не предполагать тесного знакомства греков с этим городом в среднеэлладские времена, когда области Анатолии к югу от Гебра, сфера их позднейшей колонизации, для них были в основном "землей неведомой". Следует иметь в виду и вероятность переселения в Ахейскую Грецию уроженцев "Пра-Аххиявы", поглощенной соседними династами – вспомним рассказ об изгнании Пелопса Илом, возможно отражающий поглощение Илионом-Вилусой части земель "Пра-Аххиявы". Не исключено, что специфический стиль жизни микенской эпохи, характеризующийся широким кругозором, налаженными связями с Анатолией, Критом, Египтом и Ближним Востоком, мог быть в значительной мере создан не тем контингентом эолийцев, которые пришли из Македонии, а "свежими" представителями малоазийских *айавала*, подобных Пелопидам. Всеми этими факторами подготавливалось начинающееся с XV в. до н.э. прямое вторжение ахейских правителей в Западную Анатолию, где они в обоснование своих прав на здешние территории могли с гордостью выставлять себя малоазийскими уроженцами: "асиями", "людьми страны Аххия", "царями над народом айавала". Вступая на эту землю, ахейские вожди вроде Атрисия-Атрея с его двумя именами-эквивалентами – греческим и анатолийским – могли сознательно назвать себя древним малоазийским именем Аххии-Аххиявы.

Нам представляется достаточно логичным предположение о неразрывной связи освоения эолийской области "потомками Агамемнона" с памятью о Троянском походе, прочертившем для греков направление этой последующей не то экспансии, не то бегства. С другой стороны, насколько сама идея Троянской войны могла быть навеяна памятью о родовых корнях потомков Атрея в областях, прилегающих к Троаде! Если бы попытаться в ускоренном темпе обозреть полуторатысячелетнюю историю этого региона, скажем, с XXIII до VIII в. до н.э., то не исключено, что расцветающие под конец этого промежутка эолийские колонии своей конфигурацией могут замечательно напомнить раскинувшиеся здесь некогда владения эолийских предков – ахейцев и айавалов. В преданиях об эолийской колонизации внимательного читателя не может не поразить один момент: путь, по которому, как предполагалось, прошли будущие колонисты. По Страбону (XIII. 1.3), на этот путь понадобилась жизнь трех поколений, ибо они по суше, двигаясь с Пелопоннеса на север через всю Грецию, достигли побережья Фракии, чтобы уже оттуда, через остров Кизик в Пропонтиде переправиться в Троаду, а уже из нее – на Лесбос. Спрашивается, что это за странная, отнявшая 60 с лишним лет дорога, тогда как до Троады и Лесбоса можно было доплыть из Греции за считанные дни, как и поступали воинства Геракла и Агамемнона? Случайно или нет, но традиция приписала ахейцам-изгнанникам, по нашей гипотезе восстановившим греческую Эолиду, маршрут, едва не точно повторяющий в обратном порядке тот, которым – через Фессалию, Эгейскую Фракию и проливы – почти тысячелетием раньше могли прийти их предки.

II

Переходя к вопросу о том, почему приход прагреков на север Греции предстал в легенде в странной форме "нашествия тевкров", имеет смысл сперва разобрать один пример, показывающий, на какой стадии этноязыкового становления могли находиться прагреческие племена к тому времени, когда они должны были достичь Троады и соседних с ней областей Фракии. Сохраненное эпосом древнейшее название греков *данайцы* (Δανᾱοί) на самом деле имеет прямые параллели в индоиранском мире. П. Кречмер убедительно отождествил данный этноним по форме с авест. *Dānava*, наименованием какого-то приречного кочевого племени, вед. *Dānava*, названием группы демонов. Все эти индоиранские образования связаны с авест. *dānu* "река", осет. *don* то же, др.-инд. *dānu* "капля, роса, жидкость". Та же самая основа отражена в иранских по происхождению названиях крупных рек юга России – Дона, Днепра, Днестра[29]. В "Авесте" гидронимом *Дану* обозначена Сырдарья, а именем *данавов* – сырдарьинские скифы, которых можно видеть и в демонизированных данавах "Ригведы"[30]. К иранским формам присоединяются кельтские: *Danuvius* как название Дуная, фракийского Истра, откуда через посредство гот. *Dōnawi* происходит слав. *Dunajь*[31]; кимр. *Donwy*, а также речное название *Don* в ряде мест Англии < **Danuꞑia*[32].

Ирано-кельтское соответствие может быть истолковано двояко. Кречмер (в указанной статье) считал значение основы *danu-* "река" чисто иранским. Отмечая, что такая лексема в кельтских языках не засвидетельствована, он полагал данный гидроним заимствованным кельтами у иранцев в Подунавье, откуда, по его мысли, шло расселение кельтов по Европе. В этом случае название Дуная могло бы рассматриваться в качестве крайне западного предела распространения раннеиранской гидронимики в Причерноморье, прочие же европейские гидронимы отражали бы перенос кельтами этого названия на все новые реки, встречавшиеся на их пути. Другие авторы считают **danu-* древней общеиндоевропейской основой[33]. Нельзя не видеть, что охватываемое гидронимами с элементом **Danu-* пространство от Дона до Дуная четко совпадает с регионом, где, по мнению большинства исследователей, должны были обитать носители праиндоевропейских диалектов до начала своего движения на восток – в Среднюю Азию (ср. Danu как вероятное название Сырдарьи) и на запад, в Центральную и Западную Европу (см. отражения основы *Danuꞑi* в кельтских областях). Любопытно, что в дако-мисийском, т.е. крайне северном районе Фракии, непосредственно прилегающем к Дунаю, зафиксированы местные названия с элементом -δανος, -δανα. Особенно прозрачно Δανε-δεβαι[34], которое легко толкуется как **Danu-dhēꞑā* "поселение на (реке) Дану" или просто "поселение на реке". Это свидетельство очень важно, так как вместе с кельт. *Danuvius* мисийские названия подтверждают архаичный характер реликтов основы *Danu-* в Подунавье.

В любом случае индоиранское происхождение греч. Δανᾱϝοί несомненно из-за полного формального тождества этого этнонима наименованиям приречных народов в индоиранских языках, с типичным для последних и невозможным в греческом аблаутом *dānu- : Dānava*. Напрашивается мысль об участии в движении прагреческих племен в

---

[29] *Kretschmer P.* Zum Balkan-Skytischen // Glotta. 1936. Bd 24. S. 16 f.; *Frisk.* Op. cit. Bd I. S. 347; *Георгиев.* Ук. соч. С. 100; *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 216 сл.

[30] *Абаев В.И.* Скифский быт и реформы Зороастра // Archiv Orientální. 1956. V. 24. № 1. S. 42 f.

[31] Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 5. С. 156.

[32] *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern–München, 1959. S. 175.

[33] *Förster M.* Der Flussname Themse und seine Sippe. München, 1941. S. 141 f.; *Nikolaisen N.* Die alteuropäischen Gewässernamen der britischen Hauptinsel // BNF. 1957. Jg. 8. S. 245 f.

[34] *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 115; *Георгиев В.И.* Траките и техният език. София, 1977. С. 185, 259.

конце III тыс. до н.э. одного этноса или целой их группы, усвоивших индоиранское название. Скорее всего оно объясняется, как и в случае с сырдарьинскими скифами, проживанием называемого так народа на какой-то из рек, в обозначении которых представлена основа *Danu*, на стыке прагреческого и праиндоиранского ареалов (такой рекой не обязательно должен быть Дон, как это иногда предполагается[35]). Это название определенно указывает на приход прагреков со стороны причерноморских степей, из региона "между Доном и Дунаем" в числе народов "курганной волны IV". В свете этих выводов оказывается отчасти разрешима и загадка таинственных *дануна* на юге Малой Азии. М. Гимбутас пишет о волне разрушений, прослеживаемых в конце ранней бронзы в прибрежных районах Сирии и Палестины, о появлении вблизи Иерихона и в Баб-эль-Дра курганных захоронений. По ее мнению, какая-то часть представителей "курганной волны IV" могла сюда проникнуть из Эгеиды, двигаясь вдоль южного побережья Малой Азии[36]. Поэтому в *дануна* можно видеть некое изначально индоевропейское племя, происходящее из того же причерноморского ареала, что и греки-данайцы и одновременно с ними проникшее в Эгейский бассейн. Ничего более конкретного о носителях этого имени, осевших в будущей Киликии, сказать невозможно.

К югу от Дуная гидронимическая основа **Danu-* наглядно обнаруживается в трех очень знаменательных примерах, представляющих варианты одного и того же композита: это название реки Ἀπί-δανος вариант Ἠπί-δανος в Фессалии (Herod. VII. 129. 196; Strabo VIII. 3.32; IX. 5.6), точно такой же гидроним в Троаде и вариант Ἀπι-δών на Пелопоннесе (St. B. см. Ἀπία). О троянском Апидане известно лишь, что он впадал в "западное", т.е., вероятно, Эгейское море. Фессалийский же Апидан брал исток в Ахейской Фтиотиде и тек к северу на слияние с Пенеем, соединяя места, которых, по легенде, достигло нашествие "троянских тевкров", с теми, где раньше всего в Греции появляется реальное имя ахейцев. Для этого композита восстанавливается праформа **Apa-danu-*, в которой оба элемента значат "вода, река, течение"[37]. Независимое возникновение такого оригинального образования в Трое, Фессалии и Аркадии малоправдоподобно. При интерпретации его генезиса следует иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, сближение лексем *ap(a)* и *danu* в различных вариантах хорошо прослеживается в ведийских текстах. Например, в Ригведе (V. 31.6) *apō...dā́nucitrāḥ* "воды... блещущие жидкостью" (вин. падеж); (V. 68.5) *r̄ityā̀peṣās pátī dā́numatyāḥ* (о Митре и Варуне) "владыки мощи проточных вод (*r̄ityā̀pa-*), струящих жидкость" (*dā́numatyāḥ*); или (I.51.4): *tvám apā́m apidhā́nāvriṇor apā́dhārayaḥ párvate dā́numad vásu* "ты вод темницы отворил, ты на горе овладел богатством, блещущим жидкостью"; здесь "богатство, блещущее жидкостью" (*dā́numad vásu*) – явно перифрастическое наименование для "воды" (*ápaḥ*). Таким образом, прослеживаемое от Троады до Аркадии образование **Apa-danu* (букв. "ток вод") представляет исключительное цельноформульное соответствие к словосочетаниям, зафиксированным в индоарийских текстах (вспомним об индоиранских аналогах к троянскому и македонскому имени "Кассандр, -а"). Во-вторых, производное от названия аркадского Апидана общее наименование пелопоннесских греков, особенно аркадян Ἀπίδονες или Ἀπιδανῆες (Strabo VIII.6.9, St. B. ibid.), где элемент -δανῆες < **danāues* явно представляет след древней основы на *-u-* – фактически синонимично и родственно форме Δανάϝοι, самоназванию, принесенному прагреками из Причерноморья. В-третьих, распространение в Эгеиде продолжений этого композита находится в четкой корреляции с появлением топонимов от основы **Ϳilu-/*Ϳiljo-*. В обоих случаях мы видим параллельные изоглоссы, соединяющие Троаду с Фессалией и Пелопоннесом.

---

[35] *Sakellariu M.* Les proto-grecs. Athènes, 1980. Passim.

[36] См. *Gimbutas M.* The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilisation around 2300 B.C. // Bronze Age Migrations... P. 134 f., 139 (Tabl.).

[37] *Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 24.

Мы считаем, что появление в Фессалии гидронима "Апидан", а в Аркадии – "Апидон" связано с проникновением на Балканский полуостров тех же этносов, которые именовали себя "данайцами", имея в прошлом эпоху тесных контактов с праиндоиранцами "между Доном и Дунаем". Название же Апидана в Троаде и определенная увязка между этим гидронимом и "илейской" топонимикой в Греции, соединение в один пучок на Фессалийской земле названий Ахайи, Илиона и Апидана, примыкание этой территории к региону, охваченному, по Геродоту, "нашествием тевкров" – все заставляет отождествлять эти мифоисторические племена с теми же прагреческими этносами (праахейцами, праэолийцами), которые по пути в Грецию прошли через Троаду. Из Причерноморья они несли с собой имя "данайцев". После пребывания на северо-западе Анатолии, в память о стране Аххия-Аххиява, они стали "ахейцами". Обжив Аргос в долине Пенея, впервые обрели прозвище "аргивян" (в дальнейшем они унесли на Пелопоннес название Аргоса – на юге появился Ахейский Аргос в отличие от северного, Пеласгического). Три имени для греко-ахейского воинства в "Илиаде" отразили три этапа этногенеза греков: причерноморский, троянско-пропонтийский и фессало-македонский; из них лишь последний запечатлелся в традиции народа. Так мы подходим к осмыслению термина "тевкры" в геродотовском рассказе: тевкры легенды реально, как нам представляется, – это прагреческие племена, еще недавно оторвавшиеся от греко-индоиранской общности, этносы, еще не ставшие историческими греками.

III

Смысл легенды о "нашествии тевкров" прояснится еще более, если мы учтем, что после утраты прямых контактов с праиндоиранцами прагреки двигались в сторону Греции, судя по лингвистическим данным, не одни, но в окружении других народов, чьи диалекты должны были обнаруживать тесную близость к прагреческим. Отношение потомков этих племен к Трое даст нам ценный материал для уяснения тех связей, которые установились между этой племенной языковой общностью, вероятно, во второй половине III тыс. до н.э. протянувшейся по берегам Эгейской Фракии[38], и древним уже к тому времени городом над Геллеспонтом. Первыми среди этих сородичей прагреков, конечно, были прамакедонцы[39] (о специфических троянско-македонских изоглоссах мы уже писали в предыдущей статье). Вторым близкородственным прагрекам народом, вместе с ними пришедшим на эгейские берега, были прафригийцы, откуда и проистекает необходимость коснуться в этой статье проблемы фригийцев Троады.

Бытовавший в прошлом термин "фрако-фригийские диалекты", предполагавший какую-то особую лингвистическую близость между фракийцами и фригийцами[40], в свете достижений современной фракологии, а также исследований последних десятилетий по фригийским надписям[41], особенно после безупречного издания старофригийских памятников[42], выглядит явным анахронизмом. Между этими языками не видно никаких особых точек соприкосновения[43]. Термин "фрако-фригийские племена", "фрако-фригийская миграция" сейчас позволительно применять только для характеристики племенного состава той миграционной волны, которая в XII в. до н.э. обрушилась на

---

[38] Ср. карту: *Gimbutas*. Op. cit. P. 139.

[39] *Гиндин Л.А.* К вопросу о статусе языка древних македонцев // Античная балканистика. М., 1987; *Гиндин, Цымбурский.* Отражение индоевропейских лабиове.ярных.

[40] Например, *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

[41] *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966; *Brixhe C.* Études néophrygiennes // Verbum. 1978. T. I. Fasc. 1; *Georgiev Vl.* Le paléo-phrygien // Linguistique balkanique. 1985. XXVIII. 3; *Бакюн Л.С., Орел В.Э.* Язык фригийских надписей как исторический источник // ВДИ. 1988. № 1, 4; *Neumann G.* Phrygisch und Griechisch. Wien, 1988.

[42] *Brixhe C., Lejeune M.* Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes. T. 1–2. P., 1984.

[43] *Neumann. Op. cit. S. 4.*

Анатолию с запада и, сокрушив Хеттское царство, докатилась до Евфрата. Ассирийцы ее обозначали как "мушки", собственно, "мисийцы"[44]. В этом смысле "фракофригийцы" звучит примерно так же, как "татаро-монголы".

Правильные координаты фригийского в системе индоевропейских диалектов задает донесенная Геродотом (VII. 73) македонская традиция о фригийцах, долгое время известных под именем бригов (Βρίγες), соседствовавших с македонцами и лишь позднее переселившихся в Малую Азию. (Из соотношения Φρύγες : Βρίγες видно, что в начале слова был придыхательный, произносившийся македонцами как звонкий, а греками как глухой.) Сюда же присоединяются свидетельства Платона (Crat. 410 A) о многочисленных словах во фригийском, сходных с греческими.

Но известно также сообщение Геродота (VII.73) об армянах как переселенцах из страны фригийцев и Евдокса Книдского (St.B., s.v. Ἀρμενία), будто армяне в своем языке имеют "много фригийского" (πολλὰ φρυγίζουσιν). Античная традиция позволяет определить фригийцев-бригов в качестве этноса лишь в ареальном смысле "фракийского", т.е. продвинувшегося в Анатолию со стороны Фракии (Strabo VII. 3. 2; ср. ниже о пеонах), участвовавшего в набегах северных народов в XIII–XII вв. до н.э. на греко-ахейские области (вспомним эпизод "Телегонии" о вторжении бригов в Этолию). И в то же время эта традиция фиксирует его изначальное соседство с македонцами и наличие греко-фригийских и армяно-фригийских языковых схождений (разумеется, при этом не различая таких понятий, как элементы исконно родственные и заимствованные).

Надо сказать, что в этом, как и во многих других случаях, традиция в целом ориентирует нас правильно. Исследования по старофригийским надписям VIII–VII вв. до н.э. и позднефригийским надписям II–III вв. н.э. выявляют много общего, прежде всего, между фригийским и греческим[45] в лексике, словообразовании и морфологии (во фригийской фонетике еще имеются неясные черты, в частности, по-разному объясняются случаи палатализации, затрудняющие однозначную оценку фригийского в качестве "кентумного" либо "сатемного" языка[46]). Лучшие списки греко-фригийских параллелей даны в указанных работах О. Хааса и Г. Нойманна.

Общими чертами, объединяющими греческий, армянский и фригийский с индоиранскими языками являются: 1) наличие аугмента в прошедшем времени, который в индоиранских, греческом и во фригийском вставляется в сложных глаголах с приставкой между этой приставкой и корнем (см. фригийские формы *en-e-parkes*, ποσ-ε-κανες); 2) вводная относительно-местоименная конструкция **jos-k^{u}e* "кто бы ни, каждый (‚кто)", состоящая из местоимения **jos* и частицы *-k^{u}e*, ср. др.-инд. *yas-ca*, греч. ὅσ-τε, мик. *o-qe*, арм. *o-k'*[47], фриг. *ios-ke*. Фригийское сочетание *ios-ni* "именно тот, кто" имеет точную формальную параллель лишь в греческом: арк. ὄνι, фесс. ὄνε[48]. Но здесь эти формы перешли в разряд указательно-выделительных местоимений со значением "именно этот"[49].

В морфологии важное греко-фригийское схождение представляет тип медиальных перфектных причастий с редупликацией, суффиксом *-menos* и, возможно, нулевой огласовкой корня: как отмечает Нойманн, фриг. τε-τικ-μενος "заклейменный" структурно идентично греч. πε-φυγ-μένος "беглый"[50]. В сфере словообразования наглядна аналогия патронимических греческих и фригийских форм на *-ejos*, ср. греч.

---

[44] Подробнее см. *Гиндин, Цымбурский.* Гомер... Гл. V.

[45] *Georgiev Vl.I.* Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 360; *idem.* Le paléophrygien; *Haas.* Op. cit. S. 236.

[46] *Георгиев.* Траките и техният език. С. 233; *Дьяконов И.М.* Фригийский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 373 сл.; *Brixhe C.* Palatalisation en grec et en phrygien: problèmes phonétiques et graphiques // BSL. 1982. T. 77.

[47] *Дьяконов.* Ук. соч. С. 375.

[48] *Haas.* Op. cit. S. 237.

[49] *Buck.* Op. cit. P. 100, 149 f.

[50] *Neumann.* Op. cit. S. 10.

Ταντάλειος "сын Тантала" и фриг. *Voinéios* "сын Война", *Agipeia* "дочь Агиппа" (имя, заимствованное из греческого)[51]. Греческий тип имен мужского рода с суффиксом *-tas* вроде κυνηγέτης "охотник" оказывается общей греко-фригийской инновацией, ибо на основе имен типа 'Αροτάος или титула *proitavos* для фригийского восстанавливаются лексемы вроде **aro-ta-(s)* "пахарь" (= греч. ἀρότης то же) или **pro-i-ta-(s)* "идущий впереди, предводитель"[52], вариант последнего титула представлен в греч. Προίτος, имени мифического царя Тиринфа.

Учитывая небольшой объем фригийских текстов, впечатляющим оказывается список греко-фригийских лексических соответствий: греч. αὐτός "сам": фриг. *autos* "свой, собственный"; греч. κακός "злой": фриг. κακον, κακουν "зло" – семантическая модификация индоевропейской основы со значением "кал, экскременты"; греч. χλωρός "желтый": фриг. γλουρός "золото" (Hes.); греч. μωρός "глупый": фриг. μουρον – слово с негативным оттенком; греч. γυνή, γυναικός "женщина": фриг. κναικο, κναικαν то же, арм. *knay-k'* "женщины"[53]. Фригийские причастия, встречающиеся в формулах проклятия, блестяще интерпретированы Хаасом на основе греческих соответствий: фриг. γεγαριτμενος "клейменный", ср. греч. χαράσσω "выцарапывать, клеймить" < **ghṛt-*; фриг. γεγριμενα "предначертанное, предписанное": греч. χρίω "окрашивать, натирать, накалывать" < **ghreis-*; фриг. τετικμενος "клейменный" < **(s)te-(s)tigme-nos* : греч. στίζω "клеймить"[54]. Некоторые фригийские лексемы с прямыми параллелями в греческом восстанавливаются по данным этно- и топономастики: так, в основе этникона Στοδμηνός лежит топоним *Στοδμος = греч. σταθμός "жилище, стоянка, хлев и т.п."[55] В одном случае Нойманн отмечает во фригийском черту, отсутствующую в греческом, но представленную в древнемакедонском: префикс *ad-*, вычленяемый во фригийских глаголах αδδακετ < **ad-dhə-k-e-t* "причинит", αββερετ < < **ad-bher-e-t* "принесет", фиксируется в древнемакедонском ἄδδαι "дышла" < **ad-dhā*, букв. "приделанные"[56]. Тем самым складывается картина тесных прагреко-македоно-фригийских связей, в некоторых случаях, вероятно охватывающих праармянский: ср. арм. *et'e* – союз с исходным значением "мол, дескать", фриг. ετι- с тем же значением, греч. ἔτι "даже, еще"[57].

Особую проблему представляют новофригийские глагольные формы типа αββερετορ "если бы нанес". Иногда они трактуются как чисто сослагательные образования и конечное *-r* сближается с греч. αρα – частицей, выражающей предположительность либо ирреальность[58]. Другие же авторы расценивают их вместе с арм. *beriwr* < **beretor* "он носил" как родственные хеттским, итало-кельтским и тохарским медио-пассивным формам на *-r*[59]. Тогда по этой изоглоссе армянские и какая-то часть поздних фригийских диалектов, отличаясь от греческого, смыкались бы с хетто-лувийскими языками. Но эта оговорка, к тому же, видимо, касающаяся позднейшей инновации[60], не мешает видеть во фригийском генетически самый близкий греческому индоевропейский язык, наряду с древнемакедонским. Точнее, речь может идти, по нашему мнению, о диалектах одного и того же языка, существовавшего в протогреческий период[61]. Это утверждение близко идее Вл. Георгиева о том, что греческий,

---

[51] Ibid. S. 7.

[52] Ibid. S. 12.

[53] Ibid. S. 11 f.

[54] *Haas*. Op. cit. S. 237 f.

[55] *Neumann*. Op. cit. S. 13.

[56] Ibid. S. 16.

[57] *Дьяконов*. Ук. соч. С. 375.

[58] Там же. С. 376.

[59] *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 53.

[60] *Neumann*. Op. cit. S. 9.

[61] *Гиндин*. К вопросу... С. 157; *Гиндин, Цымбурский*. Отражение индоевропейских лабиовелярных... С. 52.

македонский и фригийский – потомки общего праязыка[62]. В то же время О. Хаас допускал в составе фригийских племенных образований какие-то греческие этносы, чей язык повлиял на диалекты их соседей – собственно фригийцев. Достаточно приемлема точка зрения Г. Нойманна, который предполагает для фригийского статус сестринского языка по отношению к греческому[63].

Вопрос о роли Троады в истории фригийцев связан с историей так называемой Малой Фригии в Пропонтиде. О. Хаас справедливо писал об исторической неоднозначности термина "Фригия"[64]. Геродот (I.72; V.49; VII.26 и др.) понимает под Фригией огромное пространство между территорией Лидии и рекой Галис, на котором позднее, в начале нашей эры встречаются позднефригийские надписи. Фригийское же царство, возникшее в VIII в. до н.э. со столицей в Гордионе, охватывало лишь восточную часть этого пространства. Поскольку типично фригийская расписная керамика в Гордионе датируется временем не раньше конца IX в. до н.э., некоторые авторы связывают появление здесь фригийцев с этим относительно поздним временем[65]. Правда, К. Биттель колеблется, не считать ли "фригийскими" и четыре более ранних слоя Гордиона, с их монохромной керамикой, где наблюдается постепенное эволюционное вытеснение и изживание более ранних "хеттских" элементов. Со своей стороны, И.М. Дьяконов высказывает предположение, что фригийцы могли не участвовать в потрясениях XII в. до н.э., а разрушение Хеттского царства и утверждение в восточной части Малой Азии так называемой "старофригийской" культуры X–IX вв. приписывает скорее протоармянам. За фригийцами же остается собственно "фригийская" культура, распространяющаяся по Центральной Анатолии в середине VIII в. до н.э. Впрочем, ссылаясь на мнение М. Меллинк о близости этой "фригийской" керамики к культурам малоазийского запада и в том числе Трои VII б2[66], И.М. Дьяконов вслед за В. Дресслером готов допустить обитание фригийцев где-то в Малой Азии еще до прихода в Гордион[67]. Обширность территорий, охватывавшихся понятием "Фригия" при Геродоте и позднее, на которых, судя по позднефригийским надписям, был в употреблении фригийский язык, а также неудача попытки Хааса доказать отличие языка этих надписей от языка текстов Фригийского царства VIII–VII вв. до н.э. (в лучшем случае допустимо говорить о диалектных нюансах) заставляют, как это и делает Н. Хаммонд[68], считаться с возможностью не одного, а целого ряда передвижений с Балкан в Малую Азию и в пределах последней с участием различных родственных ранним грекам групп фригийцев.

С этой точки зрения употребление понятия "Фригия" в "Илиаде" дает картину весьма многозначительную. Разумеется, у Гомера отсутствуют упоминания о фригийском Гордионе и Фригийском царстве, которые возникли в VIII в. до н.э., буквально на глазах одного-двух поколений исторических греков. Однако устойчивое сочетание "Фригия и Меония", "города Фригии и Меонии" (II. III. 401; XVIII. 291) говорит о том, что у слушателей Гомера уже существовало представление о Фригии как о земле, неопределенно протянувшейся в глубь Малой Азии к востоку от Меонии (будущей Лидии). В этом смысле Геродот отличается от Гомера только тем, что располагает четкую восточную границу Фригии на Галисе. Однако Гомер в "Илиаде" отделяет от этой "Большой" Фригии территорию, которую он зовет "Северной" или "Верхней"

---

[62] *Georgiev Vl.I.* L'ethnogénèse de la péninsule Balkanique d'après les données linguistiques // L'ethnogénèse des peuples balkaniques. Sofia, 1971. P. 187.

[63] *Haas.* Op. cit. S. 238; *Neumann.* Op. cit. S. 23.

[64] *Haas.* Op. cit. S. 9.

[65] *Bittel K.* Die archäologische Situation in Kleinasien um 1200 v. Chr. und während der nachfolgenden vier Jahrhunderte // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der Dark Ages. Wien, 1983. S. 38; *Neuman.* Op. cit. S. 16.

[66] *Mellink M.J.* Mita, Mushki and Phrygians // JKF. 1956. Bd II. Th 1–2. S. 324.

[67] *Dressler W.* Rcz.: Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler // Die Sprache. 1968. Bd 14. Ht 1. S. 40; *Дьяконов.* Ук. соч. С. 365.

[68] *Hammond N.G.L.* A History of Macedonia. V. I. Oxf., 1972.

Фригией (Φρυγίη καθύπερθε). Так, Ахилл говорит, что некогда Приам был блажен и славился над всеми "сколько... Лесбос вмещает и Северная Фригия и Геллеспонт" (XXIV. 543 сл.). Это та самая Фригия, центром которой (II. 863) назван город Аскания у юго-восточной оконечности Пропонтиды (вблизи реки Сангарий). Там же, "во Фригии у вод Сангария", обитает Асий, брат Гекубы (XVI. 719). С жителями именно этой Северной Фригии объединяется Приам в попытке отразить амазонок на Сангарии (III. 184 и сл.). При этом один из фригийских вождей зовется Μυγδών (III. 186), выступая эпонимом пропонтийского племени мигдонов, одноименных мигдонам на Халкидике. Хотя имя мигдонов, как впрочем и македонцев, по происхождению является фракийским[69], но наделение именем Мигдон фригийского правителя может указывать на переселение этой группы фригийцев с крайнего запада Фракии, из мест, сопредельных с Македонией, Пеонией и Северной Грецией. В частности, Халкидская Мигдония соседствовала с Ойсимой, откуда происходила супруга Приама Кастианейра, с именем, вписывающимся в македоно-троянскую изоглоссу. Тем знаменательнее, что поэт выводит Гекубу, "главную" жену Приама из припонтийских фригийцев, имеющих корни в той же околомакедонской области.

Итак, Гомер часто понимает под Фригией, без уточнений, область в близком соседстве с Илионом, называвшуюся позднее "Малой Фригией" (Φρυγία μικρά, *Phrygia minor*), также "Фригией у Геллеспонта"[70]. "Большая" Фригия с "хорошо населенными" городами рядом с Меонией для времен, предшествующих Троянской войне и освещенных хеттскими архивами, исторически нереальна: упоминание о ней отражает картину, возникшую после походов мушков, хотя, видимо, более раннюю, чем Фригийское царство с центром в Гордионе. Именно к возникновению "Большой" Фригии относится рассказ лидийского историка Ксанфа о фригийцах, пришедших из Европы после Троянской войны (Strabo XIV. 5.29), связанный, вопреки Нойманну[71], скорее с потрясениями XII в. до н.э., чем с началом Гордиона, когда Троянская война уже была далеким прошлым. "Малая" же, пропонтийская Фригия выглядит ранним фригийским анклавом в Анатолии у границ Вилусы, или даже в ее владениях, вероятно, возникшим еще до великого переселения.

В этой связи очень любопытно наличие в официальных надписях северо-восточных фригийцев VIII–VII вв. до н.э. микенской царской титулатуры, отражающее давние контакты их предков с ахейцами: такова надпись на памятнике Мидасу *midai lavagtaei vanaktei*[72], соединяющая греческие титулы ϝάναξ (мик. *wa-na-ka*) "владыка" и λαϝαγέτας (мик. *ra-wa-ke-ta*) "предводитель народа", или наименование царя вифинского города Модры *modrovanak*, по структуре идентичное греческому (эолийскому) имени Λεσβῶναξ < **Lesbo-wanakt* – "Владыка Лесбоса"[73].

Нет ничего невероятного в идее О. Хааса, что эти создатели фригийской государственности могли прийти со стороны Мраморного моря. В их числе наряду с группами фригийцев, вытесненных с Балкан в IX в. до н.э. возросшим иллирийским давлением[74], могли находиться и давние соседи Трои – жители Малой Фригии с их греко-микенскими и западноанатолийскими связями.

Мы склоняемся к мысли, что уже во II тыс. до н.э. фригийско-македонские этносы, достигшие с народами "курганной волны IV" северной окраины Греции (области к западу от Стримона, Халкидика, восток Македонии), устанавливают связи с Илионом, а затем начинают поселяться в его окрестностях, под покровительством вилусских царей. Отсюда рассказы о женитьбе Приама на Кастианейре из Ойсимы и на Гекубе из Малой Фригии. В самой Троаде находим фригийские топонимы. Так, название троянского

---

[69] *Гиндин.* Древнейшая ономастика... С. 66 сл.

[70] *Ruge W.* Phrygia 1. Topographie // RE. Hlbd 39. 1941. S. 801 f.

[71] *Neumann.* Op. cit. S. 16.

[72] *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 6; *Haas.* Op. cit. S. 187.

[73] *Neumann.* Op. cit. S. 9.

[74] *Hammond.* Op. cit. P. 412.

города θύμβρα, основанного, по преданию, Дарданом в честь его друга Тимбра (θύμβρος, St.B.), места, где, согласно "Илиаде" (Il. X. 430), располагались лагерем союзные троянцам анатолийские рати, родственно фригийскому гидрониму Τέμβρη, топониму Τέμβριον[75]. Название поселения Ἀδρήστεια вблизи Перкоты, образованное от имени героя Адреста или Адраста – или "фригизм" или очень ранний "грецизм". Данное имя представлено в Греции, где его носит один из участников похода Семерых против Фив, и во Фригии в качестве имени сына легендарного Гордия, эпонима Гордиона (Herod. I. 84 sq.), также в лид. *Atrasta*[76], видимо, передающем греко-фригийский антропоним.

Небезынтересно, что в некоторых поздних источниках (Hrdn. I, II. 2; Paus. II. 22.3) сам троянский Ил называется "фригийцем" (ὁ Φρύξ). Правда, эти примеры относятся к тому времени, когда имя "фригийцев" уже распространялось на троянцев, а под Малой Фригией могли просто понимать Троаду (Ptol. V.2.4). Однако эти сообщения перекликаются с реальным наличием в ономастике Фригии таких форм как *Ilus* и особенно, **Oylias*. Последнее восстанавливается по патрониму *Oyliavos* в одной надписи IV в. до н.э. и может быть сопоставлено с именем греческого Оилея[77] – "Со-Илейца", по мифу – рожденного при строительстве стен Илиона[78].

Кроме прафригийцев была еще одна племенная группа, которая должна была сопутствовать прагрекам в миграции "курганной волны IV": мы говорим о праармянах. Фригийский имеет схождения и с греческим, и с армянским, но и между собой эти языки тесно связаны. Г. Зольта, анализируя индоевропейскую лексику в армянском, установил, что из примерно 450 слов свыше 80 (около 19%) оказываются общими для армянского и греческого, а из них 27 представлены только в этих языках. По числу исключительных схождений армянского с другими языками греческий стоит на первом месте, а индоиранские – на втором[79]. Правда, армянский характеризуют и связи иного рода, в частности, соответствия в германском: согласно Г. Зольте, обнаружено семь исключительных армяно-германских изоглосс. Но тут же этот автор указывает, что по морфологии праармянский был весьма близок к прагреческому, а с германскими особого сходства не имел. На меньшем числе примеров к выводу о тесном соседстве прагреков и праармян пришел и В. Порциг[80]. Можно полагать, что в начале III тыс. до н.э., когда в Северном Причерноморье существовала греко-индоиранская диалектная общность, к ней примыкали весьма близкие к прагреческим праармянские и прафригийские диалекты. Однако они должны были располагаться на ее периферии: этим объясняется наличие в данных языках медио-пассивных форм на *-r*, а также армяно-германские переклички в лексике.

Обилие в армянском слов, объединяющих его с греческим, при сравнительной немногочисленности праязыковых параллелей в индоиранских языках, делает весьма правдоподобной ту мысль, что во второй половине III тыс. до н.э. прагреки и праармяне, уже обособившись от праиндоиранцев, продолжали контактировать между собой[81]. Но мы видели, что до проникновения в Грецию прагреки должны были пройти через Южную Фракию, и часть могла оказаться в Анатолии по соседству с Троей и даже продвинуться от нее на юг. Напрашивается мысль, что и праармяне скорее всего находились где-то неподалеку.

---

[75] *Kretschmer*. Op. cit. S. 193; *Гиндин*. Древнейшая ономастика... С. 166.

[76] *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964. S. 70.

[77] *Бакюн, Орел*. Ук. соч. I. С. 195.

[78] Подробнее см. *Гиндин, Цымбурский*. Прагреки в Трое... С. 34 сл.

[79] *Solta G.R.* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960. S. 642. f, 474 f. 477 f.

[80] *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. М., 1964. С. 230 сл.

[81] *Kammenhuber A.* Die Spache des vorhellenistischen Kleinasiens in ihrer Bedeutung für die heutige Indogermanistik // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1968. Bd 24. S. 84; *Дьяконов*. Ук. соч. С. 373; ср.: *Markwart J.* Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation. Schöneberg, 1919; *Туманян Э.Г.* Структура индоевропейских имен в армянском языке. М., 1979. С. 261 (с гипотезой о проживании праармян в самой Фессалии).

С учетом всех этих обстоятельств читателю вряд ли покажется априорно невероятной гипотеза, недавно высказанная одним из авторов статьи о том, что среди народов, изображаемых Гомером в качестве балканских союзников Трои, имеется один, который может быть соотнесен с праармянами, а именно пеоны[82]. Добавим к тому, что изложено в указанных работах, трактовку двух свидетельств Геродота. Одно (Herod. V.13) сообщает удивительное пеонское предание о происхождении этого народа, поведанное представителями пеонов Ксерксу: на вопрос царя об их происхождении они отвечали, "будто являются выходцами из тевкров, тех, что из Трои". Это причисление своего этноса, обитавшего на берегах Стримона и Аксия, к тевкрам должно быть соотнесено с единственным известным упоминанием о тевкрах на Балканах – с рассказом того же Геродота (VII.20) об их нашествии, охватившем всю Пропонтиду, Эгейскую Фракию и север Греции – от Боспора до вод Пенея (поход Ила, по Ликофрону). Не отождествляли ли себя пеоны, пришедшие к берегам Стримона с запада, с осколком "тевкрийского" массива племен ("курганная волна IV"), некогда двинувшегося на Фракию с северо-востока Боспора? Второе сообщение Геродота содержит сведения о попытках пеонов в более поздние времена продвинуться на восток Фракии, к Геллеспонту и даже к самому Боспору Фракийскому. Это сообщение о войнах их в Пропонтиде и о захвате ими, в соответствии с неким оракулом, г. Перинта западнее Боспора (Herod. V.1).). Имя народа отразилось в названии города Παίων на Фракийском Херсонесе, нависающем с севера над Троадой (Scyl. 67). Учитывая, что на Балканах пеоны прямо соседствовали с македонцами и с бригами, т.е. ранними фригийцами, напрашивается мысль, что во II и начале I тыс. до н.э. они могли, как и фригийцы-мигдоны из Халкидики, попытаться освоить пропонтийские районы, ближайшие к Трое. До известной степени путь этим народам проложила первая группа народов "курганной волны IV", прорвавшаяся на северо-запад Анатолии в конце III тыс. до н.э., – прагреки, подхватившие здесь название Аххиявы.

Кроме того, в связи с известным толкованием хеттского наименования страны Хайаса на востоке Анатолии с XIV в. до н.э. как "страны народа *Hay-k'*, т.е. ранних армян" (а мы объясняем данный этноним из основы **pai-*, представленной в таких балканских племенных именах, как Παίωνες, Παῖτοι, Παιόπλαι, в силу армянского перехода *p-* в придыхание), следует указать на созвучие названия хайасского города *Aripša* на Черном море и топонима Ἄρισβα в Троаде и на Лесбосе, гидронима Ἄρισβος во Фракии[83]. Данная перекличка не позволяет исключить возможности прибытия родоначальников хайасцев к предгорьям Кавказа с запада по южному черноморскому побережью, путем, ведущим из Пропонтиды. Кстати, и реконструируемое для Троады и соседней области Фракии на основании названия Арисбы слово для "лошади" **issɥa* как самобытный по форме рефлекс и.-е. **ek'ɥos*[84], среди родственных индоевропейских терминов наиболее напоминает особенностями фонетического облика арм. *eš*(= *eiš*) "осел", род.п. *išu* или *išoy*. Если предполагать соответствующую форму в хайасском, то название соседней с Хайясой-Ацци страны *Iššuwa* могло бы трактоваться как точный морфологический и семантический аналог к западноанатолийскому *Aššuwa* "конная страна" от лув. иер. *aśuwa* – "лошадь"[85].

---

[82] Из-за ограниченности объема статьи отсылаем к работам, подробно излагающим данную гипотезу: *Gindin L.A.* Keteioi (= Hittites) and Paiones (≈ Proto-Armenians) – Allies of Troy // Orpheus. 1990. P. 69–71; *он же.* Население... С. 82 сл.

[83] *Forrer E.* Hajasa-Azzi // Caucasica. 1931. Bd 9. S. 15; *Neumann G.* Untersuchungen zum Weiterleben hithitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961. S. 51; иначе: *Гиндин.* Древнейшая ономастика... С. 137.

[84] *Гиндин.* Древнейшая ономастика... С. 133 сл.; *Гиндин, Цымбурский.* Гомер... Гл. V.

[85] *Durnford S.P.* Luwian Lunguistics: Some Etymological Suggestions // RHA. 1975. V. 33. P. 52; *Иванов Вяч.Вс.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 14.

IV

Мы вновь убеждаемся в исторической уникальности Трои в качестве узлового пункта истории различных индоевропейских народов, постепенно со второй половины IV до середины II тыс. до н.э. осваивавших обе стороны Эгеиды и острова этого бассейна. Но здесь же заключается и отличие гомеровского эпоса от эпических сказаний многих народов. Ронсевальское ущелье, Косово поле, берега Каялы фактически случайно обрели свое место в народной памяти. Их предшествующая история не предопределяла тех драматических событий, из-за которых их названия вошли в эпос. Это просто места, где свершаются великие дела, можно сказать, места, оказавшиеся "свидетелями" этих дел, и не более того. С Троей дело обстоит совершенно иначе. Две тысячи лет, предшествовавшие пожару Трои VII а, готовили Илион на ту роль, которую он обрел в эпических песнях греков. Лувийский ритуал с мотивом "прибытия от высокой Вилусы"[86], древние образования от основы **Trōus-* и **Wilu-/*Wiljo-*[87] в ономастике анатолийских и балканских племен, включая и греков, – все это приметы исторических процессов, направленных в ту точку, где в конце концов они сгустились в тему Великой Троянской войны. Троя – не место, где разворачиваются события "Илиады", Троя с ее историей – главное действующее лицо этой поэмы.

Мы отнюдь не можем быть уверены, что то или иное племя, причисляемое Гомером к разрушителям или защитникам Илиона, принимало какое бы то ни было реальное участие в судьбе Трои VII а. Но мы точно знаем, что в Эгеиде не было народа, к чьей судьбе не была бы причастна Троя. Она возникла как одна из протофракийских культур, вроде Эзера, Чернаводы, Юнаците и других. Это значит, что в стенах Трои I мог звучать язык, из которого через две тысячи лет развился язык исторических фракийцев. Но точно так же среди носителей этих культур была, по-видимому, какая-то часть хетто-лувийских народов. Последние к середине III тыс. до н.э., выделяясь из протофракийского культурного круга, концентрируются в Северо-Западной Анатолии. Это в основном лувийцы, хотя среди них же могли быть и предки лидийцев. При этом не прерывается и связь Трои с Фракией, хотя, как отмечалось выше, во второй половине III тыс. троянская культура обретает все более самобытные черты, что выражается и в языке: троянские "тросы" начинают отличаться от раннефракийских "травсов"[88]. Особая проблема – Троя и ранние иллирийцы (обобщенно – западнобалканские этносы): название Дардании, имена мифических троянских правителей Дардана и Батиеи с очевидными иллирийскими аналогами, наконец, присутствие в иллирийском форм *Trosius, Trosia* подтверждают, что и для западнобалканских индоевропейцев в ранний период их истории Троя не была "землей неведомой".

К 2300–2200 годам основная масса лувийцев смещается к югу, к местам исторического обитания, сохранив на века память о Вилусе. В это же время, отделившись от своих соседей и сородичей праиндоиранцев, к проливам Мраморного моря из Север-

---

[86] *Гиндин.* Население... С. 68 сл.; *Гиндин, Цымбурский.* Гомер... Гл. VI с опорой на выводы К. Уоткинса.

[87] В дополнение к тому, что нами написано о греческих параллелях к названию Илиона в статье "Прагреки в Трое", здесь мы должны заметить следующее. Форма ἑλυ-σπάομαι "ползти извиваясь" определенно обнаруживает наличие в раннегреческом лексемы* *ǫ́ilu-s* "извилистый" с основой, идентичной той, которая представлена в названиях троянской Илейской долины, а может быть и в обозначении самой Вилусы. С другой стороны, если видеть отражение древнейшей формы последнего топонима в хет. *Wiluššija*, откуда *Wiluša* могло возникнуть в результате палатализации спиранта, открывается оригинальная возможность предположить в хеттской записи фиксацию вариантной прагреческой формы: а именно **ǭilusiə* как перфектного причастия от ἑλλω < **ǫ̯il-i̯ō* "крутить", формально аналогичного греч. ἰδυῖα < **ǫ̯idusi̯ə* "ведающая", др.-инд. *viduši* (см. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 333). При толковании названия Илиона-Вилусы как "закрученного" города надо принимать в расчет планировку Трои VI в виде серии террас, обвивающих холм.

[88] *Гиндин, Цымбурский.* Гомер... Гл. V.

ного Подунавья придвигаются народы, в чьих поселениях звучит прагреческая, праармянская, прафригийская речь. Концепция троянского и греческого этногенеза, выдвинутая Меллаартом в 1958 г., в ряде моментов выглядит гораздо убедительнее, чем многие, конкурировавшие с ней в последующие годы идеи, в том числе разделявшиеся самим ее автором. Она лучше всего объясняет те особые отношения между Троей и греческим миром, которые прослеживаются со Среднеэлладского периода. Мы считаем вполне вероятным, что некая часть прагреков могла инфильтроваться в Северо-Западную Анатолию так же, как несколькими веками раньше сюда проникли пралувийцы. Более того, термин "Аххия-Аххиява", которым хетты позднее обозначали Ахейскую Грецию, мог, формально имея вполне малоазийский облик, изначально относиться к области Анатолии (к северу от Герма), освоенной в конце III тыс. до н.э. прагреками, принявшими ее название в качестве своего имени. В поддержку этой гипотезы говорит и подмеченная О. Каррубой возможность исторической связи между названием Аххиявы и именем эолийцев. Конечно же, пребывание части прагреков в конце эпохи Ранней бронзы на земле будущей Эолиды вовсе не служит, как мы уже писали в предыдущей статье, в пользу идеи переднеазиатского происхождения этого народа. Мы видим всего лишь, как Троаду и области южнее ее охватывает в указанное время левое крыло племенного массива, основная часть которого продвигается из Подунавья через Фракию в сторону Греции. Позднее этих мигрантов "догоняет" часть тех прагреков, которые попытались было обжиться по другую сторону проливов в Анатолии, но оказались вынужденными отойти, вероятно, под давлением не только лувийцев, как думал Меллаарт, но и пралидийцев (в районе Меандра), и ранних фракийцев на обоих берегах Геллеспонта. Эти прагреки, отступившие из Анатолии, дают начало ахейцам и эолийцам балканской Греции. Другие же из новых пришельцев в Троаду, не оставляя попытки освоить эту землю, укрепляются за твердынями Трои VI[89].

В начале II тыс. до н.э. раннегреческие племена расселяются на протяжении от Фессалии до Пелопоннеса, а родственные им ранние фригийцы-бриги и протоармяне-пеоны сконцентрировались к западу от Стримона на периферии Фракии и частично в Македонии. Дальнейшее движение на запад через гористые местности Иллирии или на юг, освоенный греками, для фригийцев и пеонов оказывается малоперспективным. В последующие века они пытаются распространить свое влияние на более восточные области Фракии. Часть их перебирается в Анатолию. Здесь фригийцы основывают Малую Фригию на Сангарии и завязывают дружественные отношения с царями Илиона. Отсюда какая-то группа пеонов-праармян, возможно, уходит дальше к востоку и в предгорьях Кавказа дает начало хайасцам.

Эта реконструкция подкрепляется одним местом у Геродота, а именно VII.75, где вифинцы, рассказывая о своем происхождении, утверждают, что "... раньше они назывались... стримониями, живя на Стримоне, а вытеснены были против воли... тевкрами и мисийцами". Уход вифинцев со Стримона на восток Фракии подтверждается косвенно и тем, что позднее в Малой Азии часть их образовала особое племя Μαιδοβιθυνοί, смешанное с другим фракийским этносом – медами (Μαιδοί), чья основная масса до позднейшего времени продолжала жить именно на Стримоне[90]. Можно полагать, что миграция вифинцев и, частично, медов была вызвана экспансией племен, относивших себя к "тевкрам", прежде всего пеонов, живших на Аксии. Но чрезвычайно интересно, что Геродот вместе с тевкрами называет мисийцев.

Думается, термин "мисийцы" далеко не однозначен. На территории анатолийской Мисии мы находим гидронимы, по своему корнеслову и фонетическому облику не являющиеся ни хетто-лувийскими, ни северобалканскими. Так, В. Георгиев объяснил название Κάϊκος "Каик", совр. *Bakir-çay* – "Медная река", т.е. "река с рыжей водой" из и.-е. **kau̯-ikos* – "огненный", греч. καίω – "жгу", а Ἕρμος "Герм" из и.-е. **sermo-*,

---

[89] Ср. карты-схемы № 1–3 в книге: *Гиндин.* Население... С. 206–209.

[90] *Detschew.* Op. cit. S. 280 f.

др.-инд. *sarmaḥ* – "течение"[91]. Но основа **kaų-* – "гореть" из индоевропейских языков представлена только в греческом с очень сомнительной параллелью в лит. *kuléti* – "быть горючим"[92]. Между тем, весьма похоже, что обозначение "полыхающей, кипящей воды", образованное от той же основы, мы находим в том же ареале в гидрониме Κάϋστρος, совр. *Aksu* – "белая вода", образованном аналогично греч. καυστήρ, вар. καυτήρ "средство для прижигания", καύστειρα – "горячая (о битве)". Здесь же отметим и переход начального *s* > *h* в названии Герма, не являющийся фракийским, но находящий параллели в армянском и греческом, ср. рефлекс того же корня в греч. ὁρμή < **sormā* "стремление, натиск". Объяснение этих имен может быть двояким. Либо перед нами древнейшие реликты пребывания греков на территориях к югу от Трои, где, по нашим предположениям, могла находиться первоначальная Аххия/Аххиява. Либо это формы более поздние, относящиеся ко времени расселения здесь во II тыс. до н.э. мисийцев во владениях Вилусы и Страны реки Сеха. Но тогда само понятие "мисийцы" нуждается в новом понимании. Не исключено, что в Анатолии этот термин обозначал исконно примерно то же, что ассирийское "мушки", т.е. сообщество племен балканского происхождения. В нем, наряду с отрядами фракийцев, могли играть важную роль этносы, явившиеся в Эгеиду через Балканскую Мисию в числе народов "курганной волны IV" (геродотовских тевкров), включая и ранних фригийцев и, может быть, какие-то протогреческие элементы. Весьма показательно, что и в том сообщении Геродота (VII.20), от которого мы отправляемся в данной статье, говорится о нашествии на Балканы не просто "тевкров", но "мисийцев и тевкров". Тогда, нанеся на карту Трои и соседних районов зону пребывания различных этнических групп, оставивших следы в местной топонимике, мы получим интересную картину: основная часть Троады оказывается заполнена фракийскими местными названиями; на крайнем юге и на северо-востоке обнаруживаются следы обитания лувийских племен (киликийцев и зелейских ликийцев[93]) и, наконец, за пределами собственно Трои на юг и на восток лежат Мисия и Малая Фригия, т.е. области, где должны были и могли проживать народы, родственные ранним грекам (фригийцы и этнос, которому принадлежат названия Каика, Каистра и Герма).

А что же могло случиться с прагреками, осевшими в Трое? Принятие ими самоназвания *троянцы*, абсолютное господство в троянской топонимике фракийских названий, глубоко самостоятельное культурное развитие Трои во второй половине II тыс. до н.э. – все это указывает на постепенную конвергенцию их с более ранним населением Троады, по преимуществу протофракийского происхождения[94], как бы слияние отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков в единый полиэтнический конгломерат. Поэтому мы вовсе не присоединяемся к иногда звучащему определению Троянской войны как войны "междоусобной" – греков против греков, вроде похода Семерых против Фив. Укажем для наглядности, что между вероятным появлением прагреков в Троаде и пожаром Трои VIIa прошло примерно столько же времени, как и между летописным призванием на Русь варягов и Северной войной.

Но если Троя для греков не была частью их мира даже в таком смысле, в каком подобную часть образовывали их колонии в Милете или Эфесе, то чем же она была в их восприятии? Надо сказать, что историческая память имеет весьма сложную структуру, возможно, включающую и такие слои, в реальном содержании которых

---

[91] *Georgiev Vl.* Zur altkleinasiatischen Hydronymie // BNF. 1957. Jg. 8. S. 157; *Гиндин.* Население... С. 117 сл.

[92] Ср.: *Frisk.* Op. cit. S. 757; *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II. P., 1970. P. 481; *Pokorny.* Op. cit. S. 595.

[93] *Гиндин.* Население... Гл. II.

[94] *Гиндин.* Древнейшая ономастика... С. 165 сл.; *он же.* Население... С. 14 сл. с признанием Трои фракийской во II тыс. до н.э.; ср.: *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 84, 24 – карта; *Гиндин, Цымбурский.* Гомер... Гл. V.

сам народ едва ли вполне отдает себе отчет. Реконструируя раннюю историю греков по прямым показаниям их фольклорной традиции, мы не продвинемся глубже фессалийского периода (начало II тыс. до н.э.). Трудно ожидать от бесписьменного народа сколько-нибудь ясного воспоминания о событиях, пережитых им как бы в эмбриональном состоянии, еще до обособления в этническую целостность с соответствующим самосознанием. В этом смысле можно утверждать, что греки как народ начинаются в Греции и неотделимы от ее почвы. Однако сопоставление независимых показаний лингвистики и археологии с содержанием таких темных, рудиментарных легенд как повесть о походе тевкров, охватившем пространство от Боспора до изобилующей раннегреческой топонимикой Северной Фессалии (см. выше) приводит к удивительному заключению: в таких реликтах способна не явно для народа, не превращаясь для него в признаваемую им часть собственной истории, отражаться его предыстория, по крайней мере, на несколько веков глубже уровня, соответствующего его более или менее окончательной этнической кристаллизации. В таком случае, что же такое *тевкры* этой легенды? Это прагреки. Но это и прамакедонцы, и прафригийцы, и праармяне, это образ этноязыковой общности, далеко выходящей за рамки тех этнических родственных связей, которые впрямую воспринимались этногенеалогическими легендами греков. В связи с высказанной гипотезой допустимо предположить, что чувство родства перечисленных народов (на протоэтническом уровне) могло преломиться в этимологически вскрываемой внутренней форме самого этнонима Τευκροί, имеющего, по нашему мнению, значение "родня, сородичи, соплеменники" > "народ", ср. др.-инд. *tokám* "потомок", "дитя", *tókman-* "отпрыск", "побег, отводок", авест. *taoχman-* "семя", "росток", мн.ч. "родство", "родня", др.-перс. *tauma* "семья", "семя", "росток"; ср.-в-нем. *diehter* "внук"[95] от и.-е. **teuk-*, восходящего в конечном счете к и.-е. корню **tēu-, tŭ-* "набухать", "быть мощным" (др.-инд. *taviti* "быть сильным, имеющим мощь" и т.д.); чередование *r*-основы (греч. Τευκρ-) с основой на носовой (индо-иран. *tokm-*) является типичным случаем гетероклизии в индоевропейском, свидетельствующим о чрезвычайной праязыковой древности образования интересующей нас этнонимической лексемы; ср. и.-е. *teu-t-* (с *t*-распространителем) "многочисленный, мощный народ" в гот. *þiuda* "народ", ср.-в-нем. *diot(a)* то же и т.д.[96]; Τεύταμος – вождь одного из македонских племен[97] и множество других с той же основой личных имен в древних языках Европы[98]; сюда же фрак. этноним (Βι)-θυνοί "винфицы"[99].

В подобных условиях, видимо, имеет смысл говорить о неосознаваемой или "темной" исторической памяти коллектива. Но и эта "темная" память имеет свой предел, свое "дно". Таким пределом для греков оказывается Троя, пусть еще как бы без "священного Илиона" (стен Трои VI). Мифо-историческое движение "тевкров" со стороны Балканской Мисии, охватившее в том числе и Троаду, обращается в этой "темной" памяти в поход из Трои через Боспор под началом Ила – эпонима Илиона, родителя и предшественника Лаомедонта. В самих глубинах традиции, уводящих туда, где греки еще не стали греками, мы не найдем представления о том, что было с их предками раньше знакомства с Троей. Для коллективного сознания греков отправная страна их истории – Фессалия, для "скрытой" их памяти – Троя-Илион. За этот предел позволяют проникнуть лишь чисто лингвистические пережитки, вроде имени "данайцы" со скрывающимся за ним фактом контакта прагреков с праиранцами внутри протоэтнического ареала индоевропейцев.

---

[95] *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I. Heidelberg, 1956. S. 527; *Pokorny.* Op. cit. S. 1085.

[96] *Pokorny.* Op. cit. S. 1080, 1084.

[97] *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd II. Graz, 1959. S. 1513; *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. Bd I. Wien, 1957. S. 335.

[98] *Pokorny.* Op. cit. S. 1084; *Mayer.* Die Sprache...

[99] *Гиндин.* Древнейшая ономастика... С. 65.

Встреча прагреков с Троей обернулась для них попыткой "присвоения" такого культурного феномена, который был значительно сильнее их, хотя бы потому, что был в известном смысле древнее и принадлежал не только им, но и прафракийцам, лувийцам, лидийцам и другим народам. Имелись все предпосылки для возникновения в греческой традиции задолго до Троянской войны своего рода "троянского комплекса", выражающего их противоречивое, проникнутое внутренним диссонансом отношение к этому городу, обращенному к Греции, священному для многих греков, вписанному в фамильные легенды греческих династий, в то же время разнящемуся от греческого мира и в обрядовой сфере, и во многих культурных предпочтениях, дразнящему греческих правителей своей древностью и своей автаркической гордыней. Этот комплекс воплотился в мифологеме города, любимого богами "больше всех городов, населенных людьми под солнцем и под звездным небом" (Il. IV. 44), а затем ставшего для богов ненавистным, спровоцированного ими на дела, обрекающие его на проклятие.

Не отсюда ли проистекает та ревнивая решительность, с которой Аххиява оружием пресекла попытку Муваттализа переориентировать Вилусу на Хеттскую империю[100]? И не в "троянском" ли "комплексе" греков состоял глубинный стимул к Троянской войне и эолийской колонизации в десятилетия, когда под ударами с севера заколебались основы привычного "героического" стиля жизни? Троянская война была не только причиной затянувшихся скитаний-"возвращений", раскидавших греков по всему Средиземноморью. Она по сути сама была "возвращением" к прагреческим местам на балканском севере, так же как черты "возвращения", блуждания трех поколений на пути к желанной земле приобрела в предании эолийская колонизация. В центре воспоминания греков о конце их героического века оказались не нашествия северных племен, не походы поздних ахейцев на Левант и великолепный Египет, а сожжение Илиона – деяние, в котором удивительно слились подвиг возмездия и вина, павшая не на одних локров-"илейцев", а на многие поколения греков (вспомним, как у Гомера Зевс и Гера обменивают разрушение Трои на погибель пелопоннесских столиц).

На самом деле в исторической перспективе этот поход даже для самого Илиона не имел ощутимых радикальных последствий: через несколько лет Троя VII б I отстроилась. Но это было несущественно для мифа, трансформировавшего "троянский комплекс" греков в тот образ трагической победы, которым полтора тысячелетия вдохновлялись величайшие поэтические произведения античности. Рассказы о Троянской войне историчны не только потому, что в них претворились дела нескольких лет в последней трети XIII в. до н.э., но и потому, что смысл, приписанный в таких рассказах пожару Трои VII а, был предопределен целым тысячелетием, предшествовавшим этому пожару.

TROY AND PROTO-AHHIJAWA

L.A. Gindin, V.L. Tsymbursky

The article is the continuation of the authors' article "The Proto-Greeks in Troy" (VDI, 4, 1994). Agreeing with O. Karruba, the authors accept the closeness of the toponym Ahhijawa to the Greek Αἰολεῖς < Anat. *Ahhijawa-li, but unlike the italian scholar, they consider 'Αχαιϝοί a variant of the same Anatolian stem. Its continuation is found in the archaic name of Thessaly Αἶα < Aiwa, in the Gr. αἶα "land, country", and in the mythological name Αἰας, -ντος < *Aiwant- "a person from the Aiwa country (< Aḫḫijawa)". The authors believe that those forms were brought to Greece by the Proto-Aeolians and Proto-Achaeans from North-Western Anatolia, which was an intermediate place of their habitation on the way from the Black Sea steppes to the south of the Balkans. The image of Ajax, Oilides or Iliades, whose father Oileus was born according to Hesiod on the day of the construction of Ilium, as well as the history of brothers Ajax and Teucer, i.e. a Trojan, reflects the old, dating to the 2nd millennium B.C., nearness of Ilium-Vilusa to ancient Ahhijawa, the area which in all probability

[100] Об этом эпизоде рубежа XIV–XIII вв. до н.э. см.: *Гиндин*, Цымбурский. Гомер... Гл. III.

© 1995 ©.

С.В. Шкунаев

РАННЕИРЛАНДСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЯЗЫЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

На страницах ВДИ мною уже поднималась проблема преемственности традиции в раннехристианской Ирландии[1]. По ряду причин я считаю возможным и небесполезным вернуться к этой теме под несколько иным углом зрения. Прежде всего, в последнее время с резким увеличением числа работ, посвященных кельтским и специально ирландским древностям, все дальше уходят в прошлое относительно спокойные времена, когда казалось, что по многим из основных вопросов достигнуто хотя бы приблизительное согласие. Д. Карни (который, как известно, к началу 80-х годов довольно резко пересмотрел свои позиции) казался еретиком на фоне достаточно устоявшегося мнения, согласно которому, в силу некоторых условий, специфических для Ирландии и, в меньшей мере, Уэльса, в наших руках имеется уникальный корпус текстов, вышедший из христианских скрипториев, однако содержащий целые пласты информации не только о кельтской языческой древности, но и о древнейшем прошлом индоевропейцев. В чем собственно заключались эти специфические условия, уже не раз писалось, в частности и автором данной статьи[2], так что подробно описывать их здесь не имеет смысла. Самое существенное, надеюсь, станет понятным из обсуждения ряда общих и конкретных проблем, которым, собственно, и посвящена эта статья.

Начну с характерного примера. Среди внушительного корпуса текстов, возникших в средневековой Ирландии, большое количество рукописей содержит памятники эпического жанра. Из них, безусловно, наиболее известный и исследованный – "Похищение Быка из Куальнге". Сама традиция относила описанные в этом повествовании события ко времени рубежа нашей эры. Автором данной статьи был выполнен и 10 лет назад опубликован перевод этого текста, а в послесловии и комментариях на основе доступной ему тогда информации были сделаны некоторые предположения о его датировке[3]. О датировке, естественно, не рукописи, а чего-то такого, что ей предшествовало или было ей современным. Чего же собственно? Теоретически допустим ряд вариантов. Повествование (за исключением эпизодов, которые являются очевидными добавлениями) могло в том или ином виде бытовать с древнейших времен в устной традиции, а затем, после христианизации острова, попасть на страницы рукописей, чтобы начать новую жизнь в иных условиях. Устная версия могла сохранять независимое существование и постоянно влиять на письменные версии, что (если это действительно так) существенно затруднило бы задачу нынешнего исследователя. Кроме того, представим и иной путь появления на свет этого (но конечно и остальных – я беру лишь пример) памятника. Самого повествования могло и не быть в устной доили постхристианской традиции. Могли существовать некоторые не связанные между собой эпизоды, темы, мотивы и т.д., оформившиеся в письменной традиции под

[1] *Шкунаев С.В.* Преемственность традиции в раннехристианской Ирландии // ВДИ. 1990. № 3.

[2] Там же.

[3] *Шкунаев С.В.* Похищение Быка из Куальнге. М., 1985.

влиянием многочисленных факторов, учесть которые при отсутствии адекватной информации очень трудно, – факторов политических, религиозных, этнических и т.д. Наконец, повествование могло быть именно написано, т.е. возникнуть в том или ином облике в собственно письменной традиции, чтобы дойти до нас в некотором измененном виде. Возможны, понятно, и разные комбинации упомянутых вариантов. Число исследований на эту тему растет и будет расти, причем надо учесть, что мы располагаем памятниками не только отчетливо героического эпоса, но и тех жанров, которые принято называть мифологическими, псевдоисторическими и т.д.

Существуют ли некие объективные критерии исследования? Лингвистический критерий необыкновенно важен, но, по понятным причинам, может быть применен лишь к узкому кругу перечисленных проблем. Сами по себе попытки с его применением перекинуть мостик от существующих рукописей к некоему претексту спорны методологически – а существовал ли таковой когда-нибудь вообще? Второй критерий – археологические памятники, т.е. возможность сравнить "материальное наполнение" текстов с реальными находками, – в Ирландии дает крайне противоречивые результаты и поэтому к вопросу о его возможностях мы еще обратимся на конкретном примере.

Кратко очерченного выше круга вопросов не может избежать ни один исследователь. Каковы же результаты на сегодня применительно хотя бы к тому же "Похищению"? На недавнем (март 1994 г.) симпозиуме в Дублине в докладе Х. Тристрам они были суммированы в виде таблицы, по-моему, весьма впечатляющей и заставляющей задуматься о некоторых итогах. О'Карри в 1861 г. датировал устный претекст нашей саги I веком до н.э. Такого же мнения придерживался в 1976 г. и в 1992 г. Олмстед, а еще позже, в 1994 г. Ринне. В той или иной мере центральной работой сторонников такой точки зрения остается программно названное "окном в железный век" исследование Джексона 1964 г.[4] Напротив, такие ученые, как Карни, Турнайзен, Келлехер, Бруфорд и наконец сама Тристрам, говорят о претексте в письменной традиции и датируют его временем от V до X–XI вв. н.э. (последняя, самая поздняя датировка принадлежит Тристрам). Понятно, что это не просто не совпадающие в частностях, но и принципиально не сводимые точки зрения, сторонники которых исходили и исходят сейчас из совершенно противоположных постулатов.

Здесь уместно сказать несколько слов об археологии, ибо, по крайней мере тут, мы имеем дело с чем-то объективным. Всякому, кто хоть немного знаком с ирландской проблематикой в этой области, понятно, что это не совсем так, но все же – первое, что поражает, если смотреть на дело под таким углом зрения, это кричащее несоответствие богатства материального мира, зафиксированного в письменных памятниках, и сравнительной скудости археологического материала, который хотя бы с приблизительной точностью можно отнести ко времени, когда, согласно традиции, происходили интересующие нас события. Латенские находки сосредоточены в северной части острова, примерно там, где действовали герои уладского цикла, но происхождение большинства из этих находок, либо неизвестно нам, либо лишено контекста – это вотивы, происходящие из озер, рек, болот и т.д. В южной половине острова на рубеже нашей эры явно существовало кельтское население, но что делалось там в это время – абсолютная загадка, – ибо типичные памятники железного века отсутствуют там полностью. Возникающие в связи со всем этим вопросы неисчислимы[5], но кое-какие выводы в отношении интересующей нас проблемы сделать все же можно. В последнее время наиболее активно работает в этом направлении Д. Мэллори и ряд его коллег[6].

---

[4] *Jackson K.H.* The Oldest Irish Tradition: a Window on the Iron Age. Cambr., 1964.

[5] См. *Raftery B.* Early Celtic Ireland: the Enigma of the Irish Iron Age, L., 1994.

[6] См. к примеру: *Mallory J.P.* The World of Cú Chulainn: The Archaeology of the Táin Bo Cúailnge // Aspects of the Tain / Ed. J.P. Mallory. Belfast, 1992.

Вкратце их выводы сводятся к следующему. Материальный мир саг, достаточно внимательно рассмотренный названным здесь ученым, – это все что угодно, но только не "окно в железный век". Вместо типичного для латена короткого меча в повествованиях фигурирует раннесредневековый или даже свойственный викингам тип оружия, украшения также типичны для VII–VIII вв. и т.д. Многие элементы материальной культуры, постоянно, можно сказать настойчиво, описываемые в текстах, отсутствуют совершенно – к примеру, до сих пор не обнаружено каких-либо следов боевых колесниц, фигурирующих буквально в каждом повествовании. Не раз встречаются в них и описания жилищ – чаще всего королевских покоев. Они детализированы до мелочей, и мы можем локализовать эти центры королевской власти в главнейших случаях с абсолютной точностью. Между тем раскопки в Эмайн Махе, легендарной столице северного королевства уладов, где располагался по традиции дворец знаменитого короля Конхобара, дали необыкновенно интересные результаты, но с полной очевидностью обнаружили, что перед нами не поселение, а исключительной важности культовый центр, к разговору о котором мы еще вернемся. Сам Мэллори крайне осторожен в своих выводах и говорит только о том, что материальная культура дошедших до нас текстов может быть соотнесена с таким-то периодом, но никак не с более ранним. Повторим – дошедших до нас текстов. Понятно, что по крайней мере на нынешний день, археологические аргументы не могут быть решающими для выработки хоть сколько-нибудь компромиссной позиции по очерченному выше кругу вопросов. Правда, тот же Мэллори в одной из работ[7] отвергает возможность того, что бытовавшие с древности памятники по ходу дела обрастали более поздним "бытом", но это остается его личной позицией. Правда, некоторые детали наводят на мысль, что все может быть не так просто. Взять, к примеру, тот же вопрос о колесницах. Писалось, что, возможно, колесниц в Ирландии и не было, но каким-то образом сохранилась память о колесницах на континенте, где они действительно найдены в захоронениях. Однако в ирландских текстах так много описаний колесниц, и они подчас столь подробны, что оказалось возможным реконструировать их облик. Наиболее правдоподобной считается реконструкция Д. Грина, которая никак не похожа на континентальные памятники, зато поразительно напоминает колесницы ведийских ариев. Это не единственный любопытный момент такого рода, но несколько ниже мы обратимся к более показательным примерам.

Есть, наконец, и еще одно соображение, вернее бесспорное доказательство того, что раннеирландская традиция генетически связана с общекельтской и индоевропейской. Тексты, к примеру, упоминают богов (Луг, Нуаду и многие другие), почитание которых засвидетельствовано в гораздо более ранние времена на континенте, многие фрагменты текстов как с формальной, так и с содержательной стороны поддаются сравнительному анализу в свете древнейшей индоевропейской поэтики и мифологии. Об этом есть множество работ, в частности и на русском языке[8]. Однако – и это общепризнано – какой-либо систематизации эти материалы поддаются с трудом и, скажем, реконструировать общекельтскую или хотя бы древнеирландскую мифологическую картину мира возможности не дают. Надеюсь, что сказанное выше дало читателю хоть небольшое представление о той сложности и запутанности, которые сопровождают изучение раннеирландских текстов. В подходе к работе с ними в последнее время борются две основные точки зрения, хотя неизбежно существует и множество нюансов.

Конечно, кроме новой системы верований, основным новшеством, принесенным христианством в Ирландию, был сам текст. На страницах рукописей, возникавших в последующие века, мы наблюдаем не просто механическое сплетение разнородных тем и мотивов, а некоторую сложную химическую реакцию, законы протекания которой занимают исследователей уже более ста лет и до сих пор еще далеко не

---

[7] Ibid. P. 151 ff.

[8] *Калыгин В.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986.

поняты. В раннеирландских памятниках механически расчленить ее можно лишь пользуясь инструментами, доставшимися нам в наследство от прошлого века. Вот какие основные методы предлагаются сейчас.

Необыкновенно соблазнительным было и остается для ряда исследователей увидеть в ирландских памятниках наконец-то заговорившую кельтскую древность, голос которой обидно ускользает от нас на континенте в период кельтской независимости. Такая точка зрения неизбежно предполагает некоторое ви́дение общества, породившего эту традицию. Упор делается на необыкновенную терпимость ирландской церкви, отчетливое пристрастие клириков к старине (так называемая "христианская редакция", по выражению одного из ученых, конечно присутствовала, но сути дела это не меняет), пришедшее для ирландцев вместе с христианством осознание себя в кругу других "исторических" народов и невозможность использования для построения собственной истории иного материала, чем тот, что содержался в древних устных преданиях. Объем статьи не позволяет развернуть здесь аргументацию этой группы ученых, которых иногда называют "нативистами". По существу они говорят о как бы параллельном существовании в Ирландии двух традиций – церковной и светской – при том, что вторая, бытовавшая в устной форме, с неизбежностью видится нами отраженной в зеркале составленного монастырскими писцами текста. Иной раз влияние христианской идеологии было в них подавляющим, но иногда ирландцы, по общему мнению, пристрастные ко всяким небылицам, переходили все дозволенные по христианскому разумению границы. Само собой разумеется, что мы говорим о литературе не на латинском, а на местном, ирландском языке.

Другой подход к осмыслению ирландского общества и культуры, одним из пионеров которого был в 50-е годы Д. Карни[9], в последние полтора десятилетия набирает силу в трудах Д. О'Корраня, К. МакКона и еще ряда ученых, которых принято называть "антинативистами". На их взгляд, раннесредневековая ирландская культура, обладая своими особенностями, мало отличалась от того, что они называют "основным руслом" развития европейской цивилизации. Соответствует ли этому понятию некоторая реальность – другой вопрос, но пафос этой научной школы вполне понятен. Ее представители стремятся продемонстрировать решающее влияние христианства в культуре Ирландии, определяющее значение Библии при осмыслении островитянами своего исторического прошлого и моделирования своих новых социальных структур. Не ограничиваясь явными и совершенно естественными в христианизирующемся обществе парадигмами мышления, они подчеркивают их огромную роль даже при оформлении таких традиционно считавшихся "местными" памятников, как законы, повествования о языческих божествах, королях и героях, составляющих немалую часть сохранившегося корпуса текстов.

Соответственно своим взглядам на типические черты средневековой ирландской традиции, исследователи, представляющие эти два направления, оценивают и общество, ее порождавшее. Первые делают упор на архаизм его социального устройства, дробность политической структуры общества и многие черты ирландского правящего сословия, роднящие его с сакральными правителями иных культур древности. По их мнению, любовное и бережное отношение к старине соответствует общему консерватизму ирландского общества. Ну и, конечно же, с пристальным вниманием изучается своеобычность самой ирландской церкви, которая, будто бы от сложившегося на континенте ее устройства, насаждавшегося в V в. Св. Патриком (ибо какое же еще иное могло быть ему известно?) сравнительно быстро перешла к весьма своеобразной модели существования, покоившейся на монастырском устройстве (более близком обществу, не знавшему римской оккупации и городской жизни) и на доминирующем влиянии территориально не определенных сообществ обителей, признававших одного основателя. К этому добавляется общеизвестное упорство

---

[9] *Carney J.* Studies in Irish Literature and History. Dublin, 1955.

ирландцев в отстаивании своих взглядов на форму и сущность многих христианских обрядов. Ирландцы как бы устроились на собственный лад и ничуть не смущались тем, что на знаменитом синоде 664 г. их клириков называли обитателями забытого богом далекого уголка земли, а прославленных ирландских святых, на чей авторитет они ссылались в споре, приравнивали к тем, кому в Судный день Господь откажет в признании (об этом, в частности, сообщает Беда Достопочтенный). Не всегда говоря об этом открыто, многие из "нативистов" по сути примыкают к столетней давности идее, что ирландская церковь, похоже, наследовала какую-то (читай – друидическую) модель устройства. Бесспорно, многое из сказанного здесь верно.

Между тем в позиции противников этой школы есть привлекательные моменты. Методологически это прежде всего убежденность в том, что говорить всерьез о параллельном существовании в ранней Ирландии двух лишь соприкасающихся субкультур неверно. В противовес своим оппонентам указанные ученые делают все, чтобы выделить в ирландской истории и культуре моменты динамического и даже, по выражению О 'Корраня "конвульсивного" развития. Они отмечают нарастающую с эпохи христианизации концентрацию королевской власти в руках ведущих родов, отраженную, в частности, в снижении титулатуры представителей племенной элиты королевской крови, упрощении генеалогий, появлении противоречащей классическому ирландскому законодательству практики непосредственного пожалования земель и т.д. На интеллектуальном уровне эти же процессы отражены, по их мнению, в растущей активности по созданию унифицированной истории (пусть и "псевдоистории" с привлечением мифологического материала), ориентированной целиком на современные ее авторам политические и исторические реалии и отражающей растущие притязания ведущих королевских родов, противники которых исчезали со страниц рукописей по мере исчезновения с политической сцены. Отмеченная многими чертами современного ирландского католицизма, данная школа и направление мысли видит в большинстве "нативистских" штудий лишь, по выражени МакКона, "троглодитское состояние науки". Некоторая излишняя агрессивность вообще присуща ряду представителей этой школы. Однако, повторяем, идея о невозможности существования параллельных субкультур нам кажется весьма здравой.

Сам же спор и многие фигурирующие в нем аргументы таковыми не представляются. Приведем после общих рассуждений два конкретных примера и читателю придется поверить, что подобных примеров существует еще множество. М. Рихтер, традиционно относящийся к "нативистскому" направлению, в своих еще не опубликованных полностью, но очерченных на ряде международных встреч исследованиях, пришел к весьма интересным выводам. Рассматривая обиты в ирландских хрониках, традиционно латинских, он смог увидеть за некоторыми латинскими наименованиями представителей ученого сословия (к примеру, scriba poeta optimus), которые мало кто пытался отличить от всех остальных, переводы званий носителей местной (читай – языческой) учености. Мало того, что они вообще встречаются в наших текстах (ведь отмечались кончины далеко не всякого), но к более позднему времени появляется тенденция к возрастанию числа подобных упоминаний. Можно было бы считать это, наконец, прямым доказательством существования параллельной культуры, принадлежность к которой была даже почетной и, более того, сделать заключение, что чем дальше, тем больше "христианская половина" нуждалась в том знании, носителем которого и была эта параллельная культура. Сами по себе эти результаты весьма интересны и многообещающи, но кто объяснит нам, носителями какой учености были эти люди: той ли, которая уходила в дохристианскую древность или имевшей к этой последней лишь косвенное, может быть весьма отдаленное отношение?

Другой пример, частный, но весьма показательный для читателя, имеющего представление об ирландской традиции. На этот раз один из "антинативистов", Д. О'Коррань в одной из работ обратился к весьма архаическим (по крайней мере так традиционно считалось и считается) фрагментам ирландских текстов, известных как

rosc или roscada. Полагали, что эти в большинстве своем темные по содержанию фрагменты, содержащие много лингвистических архаизмов и едва ли понятные поздним переписчикам, являлись поэтическим наследием со следами древнейшей индоевропейской поэтики. Исследователю удалось показать и притом весьма убедительно, что многие из них были вполне современны ранним рукописям, т.е. были составлены, скажем, в VIII в. Этот "антинативистский" аргумент неотразим только на первый взгляд. Он похож на утверждение, что обряд ведийского жертвоприношения, который можно было наблюдать в Непале или ином месте в 90-х годах нашего века, не имеет отношения к древности по этой же самой причине. Лингвистические или иные признаки могут указывать нам на датировку roscada, совпадающую с предположением О'Корраня, но это отнюдь не подводит нас к окончательному решению вопроса. Поэты-филиды раннего средневековья могли (и это вполне доказуемо) знать древние правила, по которым складывались подобные поэтические фрагменты, и это указывает как раз на обратное – на сохранение каких-то элементов древней традиции, пусть не вполне уже понятных самим их носителям.

Подобную же противоречивость и двойственность можно проследить и на материале археологии. Мы уже упоминали об описаниях дворца короля Конхобара в Эмайн Махе и об открытом там культовом центре, не имеющем на первый взгляд ничего общего с данными письменных памятников. Раскопки, проводившиеся много лет начиная с шестидесятых годов, выявили следующую картину. Исследованию подвергся прежде всего холм диаметром около сорока метров, расположенный немного вбок от центра естественного возвышения, где традиционно локализовалась столица северного королевства уладов[10]. В 45–46 гг. до н.э. (датировка по кольцам сохранившихся остатков дерева) на этом месте было возведено деревянное сооружение, не имеющее аналогов в Ирландии, да и во всем кельтском мире. Концентрические круги столбов, располагавшиеся вокруг мощного центрального столба, должны были поддерживать крышу, максимальная высота которой могла составлять около двадцати метров. Неизвестно, было ли это сооружение в действительности перекрыто, поскольку совершенно очевидно, что оно не предназначалось для жилья. Сразу же после постройки внутреннее его пространство было заполнено камнями, иначе говоря был возведен так называемый "каирн", которые ирландцы ставили иногда над погребениями, а также в некоторых других случаях, о чем ниже. Заметим, что нигде в традиции нет упоминаний о возведений каирнов внутри каких-либо сооружений или о постройке каменных конструкций таких размеров. Вскоре, надо думать непосредственно вслед за завершением работ, деревянные части были преданы огню и сгорели дотла за исключением нескольких фрагментов, сохранившихся в толще камня. После гигантского пожара каирн был засыпан слоем земли. Как выяснилось совсем недавно (исследования еще проводятся под руководством К. Линна), это была не просто земля – в ее составе было обнаружено примерно сорок видов почв, происхождение около половины из них удалось к настоящему времени определить – они были принесены сюда из самых различных районов королевства уладов. Понятно, что совершенный здесь ритуал имел далеко не местное значение.

Аналогий всему вышеописанному нет среди археологических памятников на континенте или на Британских островах. Стóит, правда, вспомнить упоминаемые древними кельтские жертвоприношения, в ходе которых сжигались огромные деревянные или плетеные конструкции. Ирландские тексты, множество раз упоминающие Эмайн Маху, неизменно трактуют ее как политическую столицу уладов, где как раз на рубеже нашей эры возвышался дворец королей этой части Ирландии. Кстати, еще две знаменитые "столицы" острова – Тара и Круахан – тоже с очень большой

---

[10] См. *Lynn C.J.* The Iron Age Mound in Navan Fort: A Phisical realisation of Celtic religious beliefs? // Emania. 1992. 10. P. 33–57; 1994. 12.

степенью вероятности можно считать важнейшими культовыми центрами. Была ли полностью забыта их роль в эпоху возникновения большинства известных нам вариантов текстов, судить трудно, но кое-что забыто не было. Мы хотим напомнить сагу под названием "Разрушение Дома Да Дерга"[11]. Жанр togla ("разрушений") представлен в традиции множеством примеров и присутствует в различных "циклах", на которые исследователи нового времени поделили мир саг. Говоря о "Разрушении Дома Да Дерга", мы можем только повторить сказанное ранее, а именно что позиция О'Рахилли[12] представляется нам классическим примером ученого непонимания саги. Она состоит из двух частей, первая из которых является собственно повествованием о рождении, обретении королевской власти и правлении короля Конайре, рассказом, тесно связанным с ирландской генеалогической традицией, многие моменты которой от нас ускользают. Вторая часть саги, описывающая гибель короля, – это не рассказ об индивидуальной судьбе Конайре, а описание новогоднего (и вообще тесно связанного с эсхатологическими представлениями ирландских кельтов) ритуала смерти короля, погружения мира в хаос и его возрождения для нового жизненного цикла. Многими исследователями показано, что одним из воплощений космически упорядоченного начала был в ирландской традиции королевский дворец, а превращение его в поле битвы с полудемоническими существами означало сползание в хаос. Кульминацией этого хаоса, как и в нашей саге, был всепожирающий пожар, потушить который было невозможно из-за временного истощения вод на всем острове. Их возрождение и ритуальное предложение питья королю знаменовало начало возрождения космоса в новом цикле его существования. Сага "Разрушение Дома Да Дерга" сохранила одно из наиболее архаичных его описаний. Напротив, традиционно относимая к уладскому циклу сага "Разрушение Дома Да Хока", сохраняя все основные структурные элементы и множество совпадений в деталях с этим рассказом, все же дает их в гораздо более размытом виде. Как кажется, притягиваясь к большой группе весьма динамически развивающихся повествований героического уладского цикла, она и не могла избежать свойственной ему "повествовательности" в более или менее современном смысле слова. Героическая атмосфера цикла с ее ориентацией на индивидуальные действия и судьбы размывала архаическую структуру повествования, но даже здесь она выступает достаточно отчетливо.

Мы полагаем, понятно, какой напрашивается здесь вывод – К. Линн недавно предположил[13], что в Эмайн Махе мы имеем физически осязаемые следы подобного ритуала, совершенного один единственный раз, но скорее всего реактуализировавшегося в моменты избрания уладских королей или в иные важнейшие моменты. Кстати в текстах фигурирует и каирн, но там он складывается представителями разрушительных сил вне Дома. Это и понятно, ибо логика повествования и не могла допустить иного варианта, а ритуал как бы включал космос и хаос в единое целое, гарантом равновесия которого в представлении ирландцев была правильно отправляемая королевская власть. С выводами Линна полностью согласен и автор данной статьи.

Таким образом, еще раз подтверждается, что связь между эпохами – христианской и дохристианской – была, но связь не прямая и не одномерная. В то же самое время, когда складывались в известном нам виде повествования уладского цикла, многократно описывавшие дворец короля Конхобара, следов которого обнаружить не удается, бытовали и тексты, отразившие то, что действительно происходило в Эмайн на рубеже нашей эры. Чтобы понять хотя бы в общих чертах законы этого отражения, надо, по нашему мнению, вновь вернуться к очерченному выше

---

[11] *Шкунаев С.В.* Кельтский миф в саге о короле Конайре // ВДИ. 1984. № 3.

[12] *O'Rahilly T.F.* Early Irish History and Mythology. Dublin, 1971. P. 117 ff.

[13] *Lynn.* Op. cit.

столкновению двух точек зрения на раннехристианскую культуру Ирландии. Ниже нам бы хотелось высказать несколько положений, которые кажутся верными a priori и могут послужить основой для дальнейшей работы.

Известно, что начальные времена христианства в Ирландии весьма плохо документированы и необычайно трудны для понимания[14]. Еще труднее достоверно судить о том, что происходило в Ирландии накануне принятия новой веры. Бесспорно, однако, что весьма консервативное, кастово организованное общество с сильным жречеством не могло сменить вектор своей духовной жизни внезапно. Кое-какие предположения на этот счет мы уже высказывали, но они и сейчас остаются предположениями. Бесспорно другое, и сейчас с этим склонны согласиться многие крупные ученые[15] – принятие христианства в более или менее короткие сроки повлекло за собой неизбежный перерыв традиции на ее самом важном, жреческом уровне. Таким образом, необходимо вне зависимости от приятия или неприятия точки зрения "нативистов" внести в их позицию существенное уточнение: письменной христианской традиции в критически важные для нас времена оформления первых вариантов дошедших до нас текстов не противостояла целостная языческая традиция, так что несмотря на любую терпимость или консерватизм ирландских монастырских скрипториев, отразиться на страницах рукописей дохристианская система представлений и верований никак не могла.

Выше мы говорили, что противоположное суждение было бы неверно и методологически. Здесь также есть несколько положений, которые мы понимаем как верные a priori. Прежде всего, дохристианская культура была устной. Это означает, что устной была не только форма существования традиции во времени, но и сам способ ее организации. У нас уже был случай высказаться по этому поводу[16], здесь же мы лишь сошлемся на работу Ю. Лотмана[17]. Из исследований сходной направленности, которую мы считаем совершенно верной, следует прежде всего вывод о том, что бытование "материала" в устной и письменной традициях принципиально не сводимо к одному типу. Письменная традиция (как и устная – форма коллективной памяти) ориентирована на прошлое, постоянно перерабатываемое в интересах настоящего, той или иной политической, этнической и т.п. реальности. Устная традиция функционирует иначе, она направлена на сохранение и управление миропорядком посредством воспроизведения текстов, которые, конечно, тоже не остаются неизменными, но понимаются как существующие с незапамятных времен. Синтагматическая связь между текстами, а также между элементами одного текста может быть очень слаба, тот или иной текст или его вариант актуализируются прежде всего во время ритуала или иного социально значимого действия. Группироваться подобные тексты могут вокруг любой мнемонической "подпорки", будь то природное явление или творение человеческих рук. Наглядный пример в ирландской традиции – так называемые "предания о старине мест" или dinnsenchas. Нередко эти коротенькие рассказы, посвященные объяснению происхождения озер, крепостей и т.д. или их названий, строятся по принципу "это было оттого... или оттого... или оттого", причем, несмотря на иногда заметные старания составителя рукописи хоть как-то логически связать варианты, в большинстве случаев это сделать весьма затруднительно. Этот жанр ставит множество проблем, но в нашем контексте важно, что, как заметил МакКана, любые варианты в данном случае не являются взаимоисключающими или внутренне противоречивыми[18]. Персонажи и мотивы подобных коротких повествований могли

---

[14] *Richter M.* Medieval Ireland. L., 1988.

[15] *Koch John T.*, Some Implications of the Navan Complex and its Sister Centers (in press).

[16] *Schkunaev S.* Variability of the Written Text: Aspects of Early Irish Literacy // Text und Zeittiefe / Hrsg. von L.C. Hildegard. Tristram, Tübingen, 1994. P. 525 ff.

[17] *Лотман Ю.* Типология культуры и проблемы переводимости. М., 1989. С. 8.

[18] *MacCana P.* The Learned Tales of Medieval Ireland. Dublin, 1980.

проявляться в совершенно разной перспективе в зависимости от времени, места и случая их исполнения. Их вариативность, таким образом, была принципиально иной, чем в письменной традиции.

Тем не менее черты сходства между ними обеими существовали, и это должно было особенно проявляться в переходный период. Это достаточно важный момент, поскольку опять же a priori такой переходный период должен был иметь место в Ирландии и в это время устная и письменная традиции взаимно влияли друг на друга. Подчеркнем, что такое взаимовлияние было возможно только и именно потому, что устная культура с отпадением жреческого знания и практики не была уже чем-то целостным. Хотим подчеркнуть, что все сказанное не имеет никакого отношения к проблеме устного исполнения текстов, являющейся отдельным предметом исследования. Таким образом, повторим, методологически неправильно предполагать существование некоего пратекста для "Похищения Быка из Куальнге" или подавляющего большинства иных известных нам текстов. В этом смысле можно согласиться с А. Бруфордом[19], считающим "Похищение" письменным памятником, имеющим свою историю в рамках этой традиции. Без сомнения, отдельные персонажи, мотивы и темы могли бытовать и в дохристианское время, но какую роль они играли в культуре этого времени, мы можем себе представить только выйдя из круга ирландских древностей и переключившись на индоевропейскую или иную сравнительную перспективу.

Все это не противоречит тому очевидному факту, что местная ученость и ее носители продолжали существовать в Ирландии после христианизации. Они сохраняли в устной передаче многие элементы традиции, постоянно приспосабливаемые к новому типу осмысления прошлого и настоящего. Весь вопрос заключается в том, применительно к каким элементам социальной и культурной реальности мы можем констатировать сохранение, даже в несколько измененном виде, наиболее древних ее фрагментов. Одна из очевидных "культурных зон" здесь – институты, связанные с королевской властью. Многие элементы традиции оказались настолько стойкими в этой зоне, что даже вышли за пределы собственно ирландской культуры. Так, взаимоотношения короля и его земли, воплощавшиеся в парадигме священного брака, были востребованы в позднее средневековье англо-норманскими лордами, желавшими таким образом подкрепить свое положение в Ирландии. Мы не хотим сказать, что в данном случае вышеупомянутые элементы традиции сохраняли свое архаическое значение, но все же они были еще продуктивны как структуры мышления. Здесь можно вернуться к упомянутым выше взглядам Дж. Мэллори и согласиться с ним, что "Похищение" в существующем виде не может быть признано "окном в железный век". Остается фактом, тем не менее, что здесь, как и в большинстве ирландских текстов, содержится множество отдельных окошечек в далекое прошлое, весь вопрос в методике их поиска. Эта методика должна основываться на признании действительно необыкновенной для данного региона архаичности многих элементов ирландской традиции и, вместе с тем, на признании необратимости произошедших после христианизации перемен.

Итак, подведем итоги. Ирландская языческая традиция не пересекла условную черту христианизации как некое целое и не сосуществовала с христианской культурой в качестве независимого партнера, лишь частично отраженного этой последней. Устная культура как таковая и ее высшие слои, связанные с ритуалом и жертвоприношением не могли существовать в христианской Ирландии. Тем не менее, многие элементы древней традиции и их носители остались жить до весьма позднего времени (и, что важно и уникально, были отражены в очень ранних текстах) и активно участвовали в выработке единой раннехристианской культуры острова. Исследования могут выявлять их все больше и больше, но я боюсь, мы никогда не будем в

---

[19] *Bruford A.* Cú Chulainn – An Ill-Made Hero? // Text und Zeittiefe... S. 185 ff.

состоянии воссоздать целостную картину кельтского язычества в Ирландии – мне кажется, что в раннехристианское время даже сами ирландцы не смогли бы претендовать на это. Сказанное не преуменьшает значения древнеирландских текстов для исследования кельтского и индоевропейского прошлого, но лишь позволяет увидеть его в разумно скорректированной перспективе.

THE EARLY IRISH TRADITION AND THE PAGAN PAST: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR STUDY

S.V. Shkunaev

The article suggests a new approach to the long-debated problem of the interdependence between pagan and Christian elements in Old Irish culture. In the author's view the recent "nativist"–"anti-nativist" confrontation in the field is devoid of any sound basis, because in the first Christian centuries in Ireland there was no coexistence of the two traditions. Christianity was absorbed by the cultural milieu as a result of its own important previous changes. On the other hand, the new religion was adapting itself to the still very archaic but dynamically developing society. The author substantiates the need for a new approach which will make it possible to detect and frame the multiple "windows on the Iron Age" scattered in the Old Irish texts.

ПУБЛИКАЦИИ

© 1995 г.

Ю.Г. Виноградов

БРОНЗОВАЯ ПЛИТА С НАДПИСЬЮ ИЗ ВАНИ

За последние два десятилетия в изучении древней Колхиды достигнут заметный прогресс. Широкомасштабные археологические раскопки, ежегодно проводимые грузинскими археологами на многочисленных поселениях и могильниках, принесли богатые памятники материальной культуры, искусства, архитектуры. Несмотря на обилие полученной информации, позволившей значительно продвинуть вперед исследование целого ряда кардинальных проблем, не только остаются, но и с появлением новых памятников возникают нерешенные вопросы истории, государственной организации, экономики, социального устройства, религии и культуры древнеколхских центров. Дискуссии по этим вопросам не утихают, как показывают хотя бы отчеты с пяти проведенных в Цхалтубо и Вани симпозиумах по древней истории Причерноморья[1]. Такая ситуация вызвана, с одной стороны, спецификой самих археологических источников, дающих зачастую одностороннюю информацию и/или допускающих альтернативную интерпретацию, а с другой – малочисленностью и крайней фрагментарностью нарративных источников по истории Колхиды, для которой мы не располагаем ни одним связным, подробным рассказом древних авторов, подобным, к примеру, Скифскому или Ливийскому логосу Геродота. Сказанное лишний раз подчеркивает ценность каждого эпиграфического документа, пополняющего не такой уж богатый лапидарный архив Колхиды и Иберии.

Об одном из таких документов, недавно найденном в храмовом городе Вани, и пойдет речь в данной статье. До сих пор число всех монументальных надписей из Вани исчерпывалось двумя краткими записями, вырезанными – одна по вертикали мелким шрифтом II–I вв. перед воротами города: APCANACA. Попытку[2] усмотреть здесь аббревиатуру из двух букв в аккламации ἀρ(άομαι) σ̃ ἄνασ(σ)α – "молю Тебя, владычица!", следует признать неудачной, поскольку она не способна найти аналогий и не может быть оправдана каким-либо принципом греческих эпиграфических аббревиаций. Процарапанное той же рукой (!) на однм из соседних камней ретроградное граффито APCANC[3] делает гораздо более вероятным чтение в обеих надписях искаженного эпихорического личного имени Ἀρσανας, вошедшего в современную грузинскую антропонимию в форме *Арсен*. Имя могло быть вырезано служителем культа, привратником, солдатом стражи или кем угодно.

Но вот в 1985 г. Ванской археологической экспедицией под руководством О.Д. Лордкипанидзе при раскопках склона холма, доминирующего над всем городом, был найден большой фрагмент бронзовой плиты с вырезанной на ней греческой надписью (рис. 1). Памятник представляет собой фрагмент средней части стелы толщиной 0,9 см, обломанный со всех сторон, кроме правой, где он обрамлен отлитой вместе с плитой гладкоствольной полуколонкой диаметром 4 см. Высота фрагмента 28,5 см, максимальная ширина без рамки 13 см. Сохранились остатки 28 строк вырезанной

---

[1] *Wąsowicz A.* // DHA. 1980. 6. P. 7–20; *De la Geniere J., Bouzek J.* // RA. 1980. 2. P. 353–355.

[2] *Каухчишвили Т.С.* Греческие надписи Вани // Сообщения АН ГССР. 1967. XVII. 1. С. 253–258. Ср. *Хоштария Н.В. и др.* // Вани I (1972). С. 154; *Лордкипанидзе Г.А.* К истории древней Колхиды Тбилиси, 1970. С. 125 сл.

[3] *Лордкипанидзе Г.А.* Ук. соч. С. 126. Рис. 4.

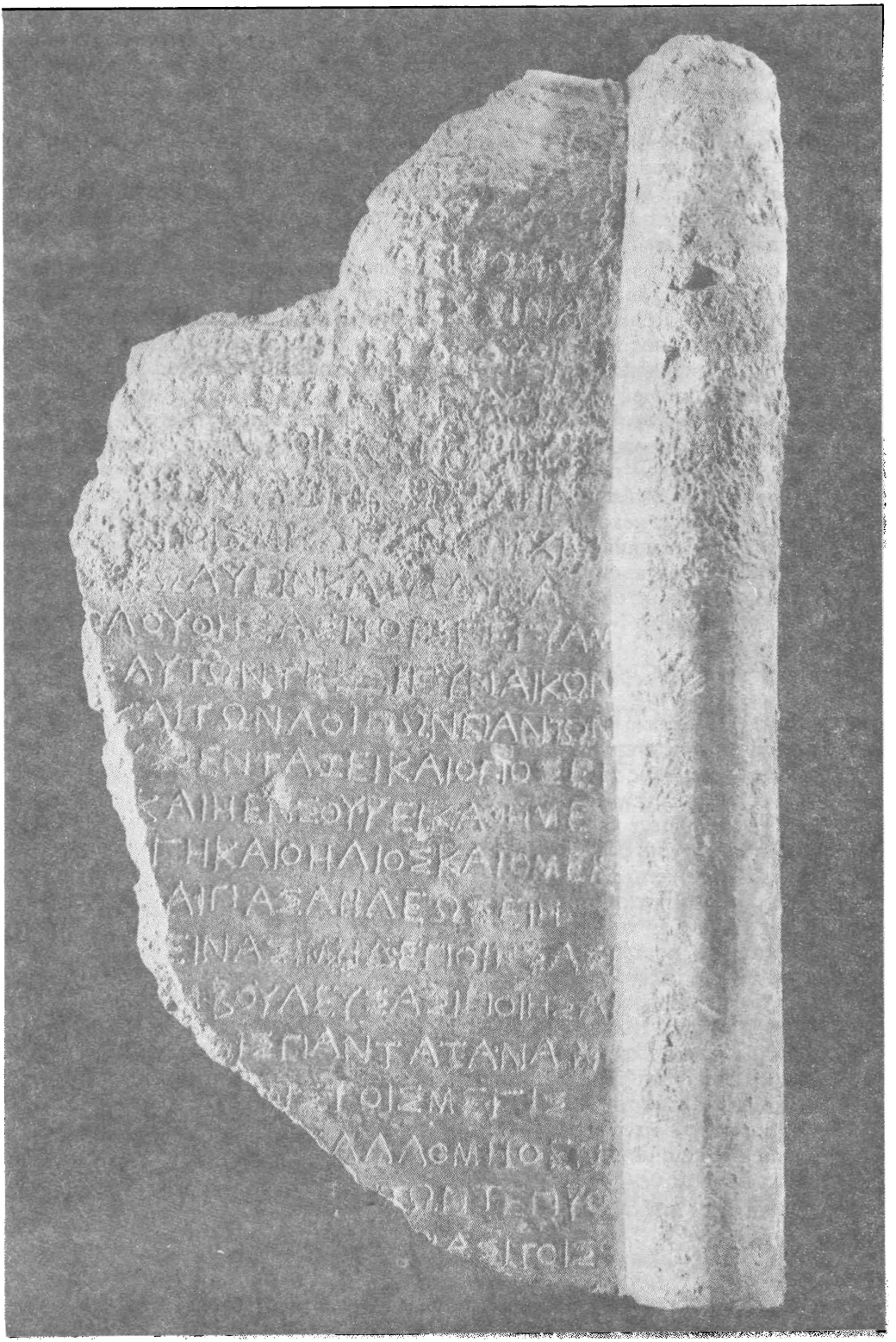

Рис. 1. Бронзовая плита с надписью из Вани

аккуратно по линейкам греческой надписи. Высота букв 0,5–0,8 см, *омикрона* и *теты* – 0,4 см, расстояние между строк 0,3 см. Бронзовая стела при пожаре разлетелась на куски, а верхняя часть нашего фрагмента до стк. 12 в результате воздействия высокой температуры сильно выгнулась, так, что буквы расползлись и как бы смазались.

Выдающееся значение нового эпиграфического документа из Вани усиливается еще и тем, что это второй подобный памятник из когда-либо найденных не только в Колхиде, но и во всем Циркумпонтийском регионе. Первый был обнаружен за 10 лет до того при раскопках древнего города, расположенного на территории совр. села Эшера близ Сухуми (см. Приложение).

Бронза с надписью из Вани была довольно оперативно опубликована Тинатин С. Каухчишвили[4], которая на основании палеографичнеского и языкового анализа датировала ее III в. до н.э. и определила как храмовый законодательный акт. Сомнения вызывают чтение и интерпретация отдельных строк, основанные на неудовлетворительных принципах изучения и издания эпиграфических текстов. До выяснения в первую очередь общей структуры всего документа путем выделения отдельных клаузул, последующего установления общего содержания каждой из них и заключительной осторожной попытки реконструировать контекст отдельных фраз издатель, устанавливая – часто поспешно и безвариантно – разрозненные лексемы и словосочетания, моментально приступает к интерпретации отрывков текста. Сомнения вызывает и чтение некоторых строк в верхней, поврежденной части фрагмента. Я привожу здесь транскрипцию текста минускулами и перевод первоиздателя[5], резервируя отдельные комментарии для дальнейшего критического разбора:

1 (2) ὁ σώ[φρων? – ος ω
2 (3) τῷ] παντὶ ὅσ[ια
3 (4) ἅπτοντα
4 (5)]ν ὁ τάφος σ[
5 (6) α]πολειφθῆνα[ι
6 (7)]πον ἔχειν ᾳ[
7 (8)]ουσι τοὺς ἐκγόνους καὶ
8 (9) ποι]οῦντας τοὺς τὴν αὐτῶν
9 (10)]ους εν τοῖς γεγραμμέ[νοις
10 (11) χαραχ]θεῖσα καὶ τὴν στήλην
11 (12) μηδὲ...]ανοις μηδὲ ανεπιχει[ρήτοις
12 (13) κωλύειν κατὰ δύνα[μιν
13 (14) ακ]ολουθήσασι τοῖς γεγραμ[μένοις
14 (15)]ς αὐτῶν τε καὶ γυναικῶν
15 (16) καὶ τῶν λοιπῶν πάντων
16 (17) ο]υς ὁ ἐντάξει καὶ ὁ ποσεῖ (?)
17 (18) καὶ ἡ ἐν Σούρει καθημέ[νη στήλη
18 (19) ἡ] Γῆ καὶ ὁ Ἥλιος καὶ ὁ Μεὶς
19 (20) κ]αὶ πᾶσαι ὕλεως εἴη
20 (21) μηδὲ τ]είνασι μηδὲ ποιήσασι
21 (22) συ]μβουλεύσασι ποιῆσαι
22 (23)]οις πάντα τανταν[τία
23 (24) θε]οῖς τοῖς μεγίσ[τοις
24 (25)]ς ἄλλο μηθέν
25 (26) ασίτοις (?π]ᾶσι τοῖς)

---

[4] *Каухчишвили Т.С.* Греческая надпись на бронзовой плите из Вани // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988. С. 248–263.

[5] Т.С. Каухчишвили удалось разобрать лишь 26 из 28 строк текста, поэтому ниже в скобках проставлена моя их нумерация. Явные опечатки исправлены мной.

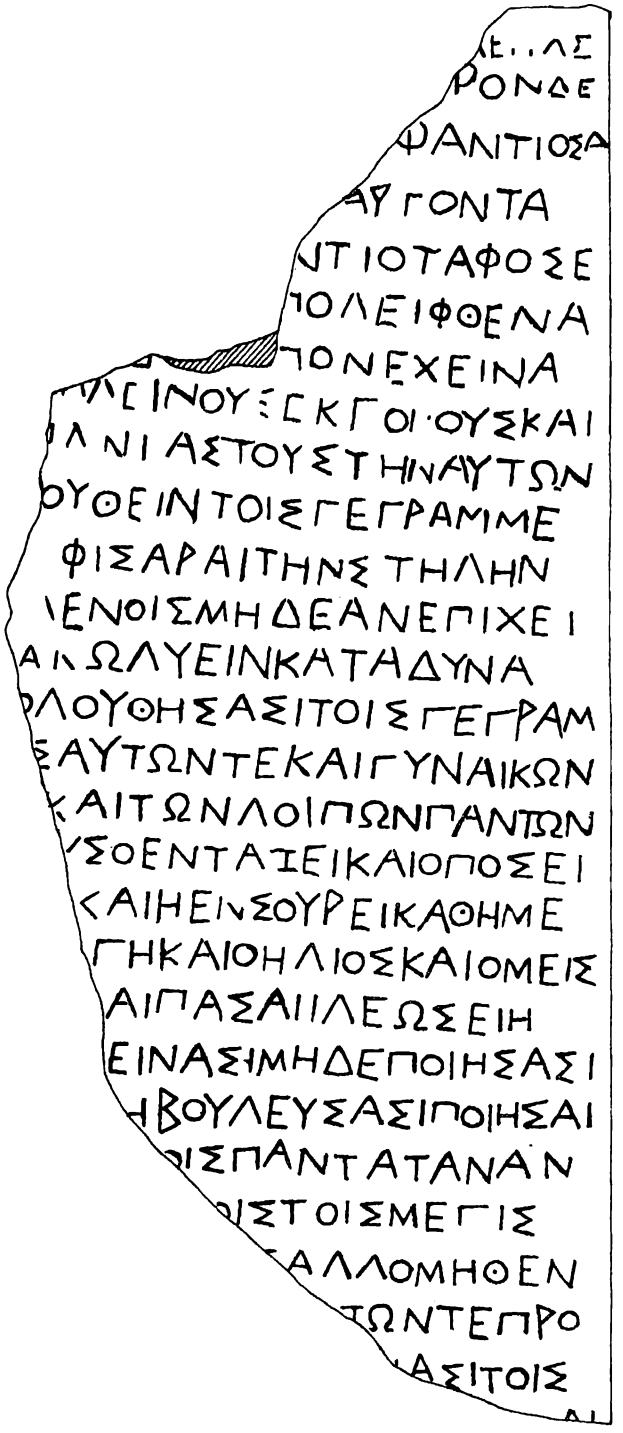

Рис. 2. Прорисовка бронзовой плиты с надписью из Вани

1. Разумный, умеренный.
2. Во всех отношениях чистый.
3. Взялся (за дело) (например, βουλευμάτων, ἀγῶνος).
4. Могила, погребение.
5. Оставать.
6. Иметь.
7. Потомков.
8. Из тех, кто сделал (нечто жен. р. стелу?).
9. Написанному, предписанному (или – по обвинительным пунктам).
10. Вырезанная, нацарапанная и стелу.
11. Ни ... ни неодолимому (или тем, с кем трудно справиться).
12. Препятствовать по возможности.
13. Следовавшим написанному (предписанному).
14. И их и женщин.
15. И всех остальных.
16. Кто вставит, дополнит и посчитает, комм. ниже.
17. В Сури установлена, поставлена (стела).
18. Земля и Солнце и Месяц.
19. И все (жен. р.) быть милостивым, комм. ниже.
20. Ни замышлявшим, ни сделавшим.
21. Совещавшимся сделать.
22. Все противостоящее.
23. Великим богам.
24. Впрочем ничто,
25. (артикль, частица, преверб.).
26. Не евшим, голодным (или – всем им).

Уже одна только приведенная выше транслитерация и перевод показывают, что потенциальные эпиграфические возможности текста по существу не реализованы, что побуждает обратиться к повторному исследованию этого замечательного памятника во всех его аспектах. С этой целью в октябре 1989 г. в Ванском археологическом музее, где экспонируется бронза, мной была проведена аутопсия надписи, позволившая скорректировать в нескольких местах чтение первоиздателя и выявившая остатки еще двух строк. Воспроизвожу здесь свою прорисовку текста, значительно отличающуюся от рисунка в первоиздании (рис. 2).

Материал, оформление и техника изготовления надписи

Документальные акты – декреты, международные договоры, эдикты и т.п., вырезанные на бронзовых плитах, категория эпиграфических памятников, не столь многочисленная по сравнению, с одной стороны, с аналогичными документами на камнях, а с другой – с вотивами на бронзе[6]. Уже отмечалось их региональное распределение: преимущественно Пелопоннес (Аркадия, Элида) и Западная Греция[7]. В последнее время их география несколько расширилась на запад до Великой Греции за счет архива Локр Эпизефирийских[8] и серии декретов Энтеллы[9].

Судя по обрамлению полуколонкой, плита с надписью из Вани была помещена в наиске: стоящие по бокам колонны должны были бытьу венчаны капителями,

[6] Со ссылкой на справочник Ларфельда Т.С. Каухчишвили (Греческая надпись... С. 248) утверждает противоположное.

[7] Cf.: *Klaffenbach G.* Griechische Epigraphik. Göttingen[2], 1966. S. 47; *Robert L.* Noms indigénes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. P., 1963. P. 469. Not. 4.

[8] *de Franciscis A.* Stato e società in Locri Epizefiri. Napoli, 1972.

[9] *Nenci G., Adheri D. et alii* // ASNP. 1982. 12. P. 771 sgg.; 1987. 17. P. 119–128-SEG. XXXV. 999. Ср. из того же региона знаменитые бронзовые таблицы Гераклеи Луканской: *Guarducci M.* Epigrafia greca. II (1969). P. 277–284 (с лит.).

поддерживавшими карниз. Так же была оформлена и бронза из Эшери (Приложение) и два позднеэллинистических декрета, происходящие из Рима[10]. Изучая украшенный подобным же образом декрет каппадокийского города Hanisa второй половины II в. до н.э. и сопоставляя его с эдиктом Антиоха III из Нехавенда 193 г. до н.э., Л. Робер справедливо замечает: "Nous avons dans les deux cas une tradition locale des regions orientales de l'Asie anterieure hellénisée"[11]. Можно быть уверенным, что именно такой тип эпиграфических памятников обозначался термином στήλη χαλκῆ, появляющимся у авторов[12] и в надписях[13], почему и в стк. 11/12 надписи из Вани я без колебаний дополняю τὴν στήλην [χαλκῆν][14].

По-видимому, не случайно две единственные пока на Понте "медные стелы" обнаружены в Колхиде – в Эшера и Вани. Кавказ, как и Каппадокия[15], издавна славился обилием меди и олова, служившими источником давней традиции бронзолитейного производства. Поэтому есть все основания полагать, что плита из Вани была отлита вместе с украшающим ее наиском на месте в Колхиде. Остается вопрос, кто вырезал на ней надпись.

Техника исполнения надписи целиком типично греческая. Резчик не только тщательно разметил строки по двум для каждой из них тонким линиям, но и аккуратно распределил между ними буквы следующим приемом: на предварительно нанесенном грифелем или краской тексте он сверлом или пунсоном тонко обозначил все окончания линеарных элементов, соединив их затем резцом; округлые элементы были выполнены по циркулю. Такая техника – наряду с пунсонной – применялась для нанесения надписей, например, на таблички дикастов в Афинах и в других центрах[16] или на некоторые таблички из локридского архива[17]. Сугубо греческое оформление стелы, типично греческая техника выполнения вместе с безупречным греческим языком[18] надписи бесспорно свидетельствуют в пользу того, что перед нами работа ремесленника-эллина, вероятно, одного из тех, кто в поисках ангажемента кочевали по всему эллинистическому миру, добираясь до самых отдаленных его уголков. Сопоставление имеющихся источников убеждает в том, что и Понтийский регион, включая и его Hinterland, не остался в стороне от этого процесса культурного взаимообогащения Востока и Запада[19].

Датировка, структура и реконструкция текста надписи

Поскольку археологический контекст находки ванской бронзы, во-первых, малоинформативен, а во-вторых, относится ко времени не ее создания, а гибели, единственным критерием для ее датировки остается палеография. В целом шрифт надписи принадлежит раннеэллинистическому времени. Здесь особенно характерны формы таких букв, как *альфа* с прямой перекладиной; *дзета* со строго вертикальной гастой; *тета* и *омикрон* – чуть меньше габаритов строки; *каппа*, далеко выносящая широко расставленные усики; *мю*, крайние гасты которой еще не стали параллельными; *ню*, практически вписывающаяся в квадрат; *пи*, правая вертикаль которой лишь слегка приподнята; *сигма*, крайние гасты которой местами чуть-чуть раздвинуты, местами практически параллельны; *фи* с еще довольно большим кружком;

---

[10] *Moretti L.* IGUR. 1. (1968) № 2, 3; *Guarducci.* Op. cit. I. (1967). P. 436. Fig. 226.

[11] *Robert L.* Noms indigénes. P. 498 suiv; cf. Hellenica. 1949. VII. P. 5 suiv., Pl. I–IV.

[12] *Thus.* 5. 47. 11; *Paus.* 5. 23. 3.

[13] Syll.[3] 434/435.43; *Moretti L.* Isc. stor. ellen. 1. (1967) 55.7; SEG. XXXV. 665. B. 36.

[14] Стела из Hanisa названа πίνακα χαλκοῦν (*Robert L.* Noms indigénes. P. 459, L. 30).

[15] Ibid. P. 469–471. Л. Робер полно документировал это самыми разнообразными источниками.

[16] *Kroll J.H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Harvard, 1972.

[17] *De Franciscis.* Op. cit. P. 62 sg. Fig. 17, 22, 28, 30, 31, 34.

[18] Разумеется, документ мог быть составлен и вырезан двумя разными лицами.

[19] Подробнее см. *Vinogradov Ju.G.* Der Pnotos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Asta Centri Historiae Terra Antiqua Balcanica II. Trinovi, 1987. S. 55–59, 72.

особенно *омега* – полностью в габаритах строки, с несильно стянутой окружностью и пропорциональными очертаниям буквы горизонталями. Углеватость *беты* и *ро* следует отнести за счет техники гравировки. По всем шрифтовым показателям я склонен отнести Ванскую надпись к самому концу IV или самому началу III в. Абсолютно синхронна ей броза из Эшера. Сравнение обеих надписей с указанными в прим. 17 локридскими табличками, датируемыми по историческим соображениям около 280–275 гг. и отличающимися от наших более развитым эллинистическим шрифтом, укрепляет меня в предложенной датировке[20].

Остатки текста убеждают в том, что перед нами средняя часть документа, в последних сохранившихся строках приближающаяся к его завершению; во всяком случае, ни преамбулы, ни заключительной клаузулы не сохранилось. Прежде чем перейти к анализу структуры текста, воспроизведу его здесь целиком с дополнениями, обоснование которым дано ниже.

– –
[–]μένας?
[– ἱε]ρὸν δὲ?
[– τῶι δὲ ἀπό]φαντι ὅσα
[ἐν τῆι στήληι γεγραμμένα ἐστὶν τὴν γῆν] ἀργὸν τἄ-
[φορον? εἶναι, αὐτῶι δὲ τελεντήσα]ντι? ὁ τάφος ἔ-
[ρημος ἔστω, τὰ δὲ τέκνα ὀρφανὰ ἀ]πολειφθῆνα(ι)
[– – – – – – – – – – – – – – – – – χαλε]πὸν ἔχειν α-
[– – – – – – – – – – – καταβ]αλεῖν (τ)οὺς ἐκγόνους καὶ
[– – – – – – – – – – τοὺς δὲ] πάντας τοὺς τὴν αὐτῶν
[λαχόντας ἀρχὴν τοῦ ἀκολ]ουθεῖν τοῖς γεγραμμέ-
[νοις ἑκάστων μὲν ἱερῶν? ἀμ]φὶς ἆραι τὴν στήλην
[χαλκῆν σὺν τοῖς γεγραμ]μένοις μηδὲ ἀνεπιχεί-
[ρητα εἶναι τὰ γεγραμμέν]α κωλύειν κατὰ δυνα-
[τὸν πᾶσι τοῖς τε μὴ ἀκ]ολουθήσασι τοῖς γεγραμ-
[μένοις τοῖς τε μετ' αὐτο]σαυτῶν τε καὶ γυναικῶν
[αὐτῶν τε καὶ τῶν ἐκγόνων] καὶ τῶν λοιπῶν πάντων.
[φυλαξάτω? δὲ ὁ $\overset{4-5}{\ldots\ldots}$ ἱερε]ὺς ὁ ἐν Ταζει καὶ ὁ Ποσει-
[$\overset{4-5}{\ldots\ldots}$ ἱερεὺς ὁ ἐν $\overset{4-5}{\ldots\ldots}$]καὶ ἡ ἐν Σουρει καθημέ-
[νη $\overset{5-6}{\ldots\ldots}$ ἱέρεια. ὁ Ζεὺς καὶ ἡ] Γῆ καὶ ὁ Ἥλιος καὶ ὁ Μεὶς
[καὶ οἱ ἄλλοι θεοὶ πάντες τε κ]αὶ πᾶσαι ἵλεως εἴη-
[σαν τοῖς ἀκολουθήσασι τ' ἐμμ]είνασι μηδὲ ποιήσασι
[οὐδὲν παρὰ τὰ γεγραμμένα] ἢ βουλεύσασι ποιῆσαι,
[τοῖς δὲ ταῦτα ποιήσασι τοιούτ]οις πάντα τἀναν-
[τία εἴη, αὐτοί τε καὶ παρὰ πᾶσι θε]οῖς τοῖς μεγίσ-
[τοις ἐπικατάρατοι? εἴησαν καὶ πρὸ]ς ἄλλο μηθὲν
[–] τῶν τε προ-
[–]πᾶσι τοῖς
– ΛΙ

---

[20] Языковые показатели, приводимые Т.С. Каухчишвили (Греческая надпись... С. 230 сл.) не диагностичны: ἀνεπιχείρητος – вообще крайне редкое слово, а μηθέν встречается в надписях задолго до эллинистической эпохи, например, в Аттике с середины V в. до н.э.: *Threatte L.* The Grammar of Attic Inscriptions. I. B. – N.Y., 1980. P. 472 f.

Перевод: (1) ... отвергающему же все то, (что написано на этой стеле, пусть земля станет) невозделанной и (бесплодной, и после смерти пусть) его могила (окажется пустой, а дети сиротами) останутся... пусть тяжело переносит... да погубят (?) его потомков и ... (2) И все те, которые (получили) свою (власть) над соблюдением эти предписаний, пусть по мере сил запрещают удалять вовне из (каждого святилища?) эту (бронзовую) стелу с данными предписаниями и препятствуют тому, чтобы (эти установления не оставались) в неприкосновенности, *запрещая это делать* (всем не) подчиняющимся этим предписаниям, (а также тем, кто) иже с ними, их женам (и потомству) и всем прочим. (3) (Пусть обеспечит соблюдение) жрец, который в Тазисе, и (жрец) Посей – и имеющая резиденцию в Сурисе (... жрица). (4) (Зевс), Земля, Солнце, Луна (и все остальные боги) и богини будьте милостивыми (к соблюдавшим и) сохранившим верность, не совершившим (ничего против этих предписаний) и не подавшим совета совершить, (совершившим же подобное, да будет) таковым все противное, (и да будут они прокляты перед всеми) величайшими богами, и не для чего иного...

В приведенном тексте выделяются как минимум четыре клаузулы, достаточно четко различающиеся по содержанию. Клаузула 1 – со стр. 3 (?) по 8 – содержит проклятие тому, кто не соблюдает законодательные предписания, вырезанные на стеле. Клаузула 2 – со стк. 9 по 16 – предписывает лицам, уполномоченным наблюдать за исполнением закона, не допускать попыток со стороны его нарушителей убрать бронзовые стелы с копиями установлений из тех общественных мест, где они выставлены. Краткая клаузула 3 – со стк. 17 по 19 – перечисляет этих уполномоченных лиц. Клаузула 4 – со стк. 19 до конца (?) сохранившегося текста – содержит еще одно проклятие всем тем, кто нарушает эти установления, и призывает милость богов к свято их соблюдающим. Все перечисленные параграфы mutatis mutandis типичны для таких греческих официальных актов, как законы – полисные и сакральные, международные соглашения, присяги и т.п.

В своей реконструкции текста, в некоторых местах предлагаемой, разумеется, exempli causa, я опирался на два текстовых блока, восстановление которых выглядит максимально надежным. Это прежде всего стк. 12–13, дополнение которых частично обосновано выше, и стк. 20–22, где банальный оборот [καὶ οἱ ἄλλοι θεοὶ πάντες τε κ]αὶ πάσαι настолько распространен в соответствующих эпиграфических документах (см. ниже), что его восстановление в нашем тексте практически не имеет альтернативы. По этим двум восстановленным пассажам высчитывается длина строки, равная 35–36 полным буквам, что с учетом количества йот в строке и vacat в конце их явилось основание для реконструкции большей части документа.

Интерпретация реконструированных клаузул

Клаузула 1 стк. 3–9. Окончание part.med.fem.plur. (?) – -μένας в стк. 1 и возможное, но вовсе не обязательное чтение в стк. 2 ἱε]ρὸν δὲ, не исключено, с последующим [νόμον?], ввиду их крайней фрагментарности осторожнее оставить без дополнений. В сохранившемся вслед за тем в стк. 3 φαντι по корреляции с окончанием -ντι в стк. 5 следует предполагать part.dat. от глагола φημί, скорее всего, исходя из общего негативного контекста, с отрицательным префиксом απο-, управляющее асс. местоимения ὅσα, которое в следующей строке должно получить объект [γεγραμμένα], многократно появляющийся далее в надписи (стк. 10, 12, 13, 14, 22?). Отсутствие подобающего контексту глагола на -άργω (acc. sg. part.) и существительного или прилагательного на -άργος, -αργός оставляет одну возможность: читать в стк. 4 αργός в асс., которое в сочетании с τᾶ[φορος] и объектом [γῆ] дает hendiadys, выражающий постоянно присутствующую в греческих проклятиях идею о бесплодности земли для клятвопреступника. Например, в конце известной присяги херсонеситов IOSPE I². 401.55–57 стоит: μήτε γᾶ μοι μήτε θά[λασ]σα καρπὸν

φέροι, μήτε γυν[αῖκες εὐτεκ]νοῖεν. Та же формула в проклятии декрета 279 г. до н.э. из Телмессоса[21] и в клятве пафлагонцев августовского времени[22], близкая формула в проклятии осквернителю могил из Лидии[23].

Не менее многочисленные параллели в проклятиях находит пожелание дурной смерти и отсутствия загробного успокоения, выраженное реконструируемой в стк. 5/6 формулой [αὐτῶι δὲ τελευτήσα]ντι vel [ἀποθανό]ντι ὁ τάφος ἔ[ρημος ἔστω]. Например, в стк. 57 упомянутой уже присяги херсонеситов не без основания дополнено [μήτε....εὐ]θαν[τ]ή[σαιμι][24], в стк. 33–35 приведенной выше (прим. 22) пафлагонской клятвы читаем: μήτε σ[ώματα τ]ὰ τῶν ἐμῶν ἢ ἐξ ἐμοῦ μήτε γῆ μ[ήτε θάλασ]σα δέξαιτο[25]. В одном позднеримском надгробии из Афин IG II/III 1322 стоит близкое проклятие: μήτε γῆ μήτ[ε θάλ]ασα δέξῃ αὐτοῦ τὰ ὀστᾶ. В другой эпитафии с Боспора КБН 731.11/12 находим аналогичную идею: μήτε θανὼν εἰς "Αδου χωρήσαιτο[26], которая в одной надгробной аттической эпиграмме IG II/III. 13168 выражена еще более образно: μὴ σ'ἄταφον, τ[λ]ῆμον, κύνες ἑ[λ]κήσωσι θανό[ν]τα[27]. Могильное проклятие из Карии CIG II. 2826.7, сочетающее оба названных дурных пожелания и близкое Ванскому тексту по дативной конструкции, привел В. Латышев[28]: οὔτε ἡ γῆ αὐτῷ καρπὸν ἐνέγκῃ..., θανόντι δὲ οὐδὲ ἡ γῆ παρέχει αὐτῷ τάφον.

Как параллель к предлагаемому мной дополнению ὁ τάφος ἔ[ρημος ἔστω] можно сослаться на постоянную формулу проклятий из Фригии: ὀρφανὰ τέκνα λίποι/-το, χῆρον βίον, οἶκον ἔρημον[29], которая, с другой стороны, оправдывает восстановление в стк. 6 бронзы из Вани [τὰ δὲ τέκνα ὀρφανὰ ἀ]πολειφθῆνα(ι)[30]. Пожелание гибели не только самому клятвопреступнику, но и его потомству, появляется в проклятиях достаточно рано[31] и, стабильно проходя через всю античную, органично внедряется в раннехристианскую эпиграфику[32], а потому вполне может оправдать восстановление в стк. 8 [καταβ]αλεῖν (τ)οὺς ἐκγόνους[33]. Все параллели, приведенные выше для обоснования реконструкции, позволяют взглянуть на клаузулу 1 иначе, чем это представлялось первоиздателю, считавшей, что она содержит определенные законодательные

---

[21] *Wörrle M.* // Chiron. 1978. 8. S. 202. LL. 33–35: μήτε αὐτῶι γῆ καρπὸν φέροι μήτε γυναῖκες τίκτοιεν κατὰ φῦσιν.

[22] OGIS. 532.34./35: μήτε γῆ μ[ήτε θάλασ]σα ... καρποὺς ἐνέγ[κοι αὐτοῖς].

[23] TAM. V. 1, 626.9/10: μήτε αυτῳ γῆ καρποφόρος μήτε θάλασσα πλωτή.

[24] *Шангин М.А.* // ВДИ. 1938. № 3. С. 74.

[25] CP. SEG. VI. 802 (Кипрский Саламин, II–III вв.), ll. 30–34: μήτε παρὰ τῇ γῇ μητρὶ τελευτήσας τόπον ἴσχοι μήτε ψυχὴν αὐτοῦ ὑπὸ χθόνα προσδέξοισθε.

[26] Интересно отметить здесь, как и в двух вышеупомянутых текстах из Херсонеса и Пафлагонии, сочетание этой формулы с предшествующей ей (сткк. 10/11): μήτε ἐκ γῆς καρπὸν λάβοιτο μήτε ἐχ θαλάσσης.

[27] Последние три примера цитирует в своей замечательной статье *Robert L.* Malédictions funeraires grecques // CRAI. 1978. P. 241–289. См. также *Pleket H.W.* Greek Inscriptions in the Rijksmuseum Van Outheden at Leyden (1958) 10: ταφῆς μὴ τύχοι. CP. *Speyer W.* Fluch // Reallexikon für Antike und Christentum, VII (1969). 1200.

[28] IOSPE IV (1901). P. 197.

[29] *Robert.* Malédictions... P. 253–260.

[30] *Йота* писавшим не вырезана потому, что ее предварительный эскиз пришелся, видимо, точно на стык плиты и полуколонны.

[31] Например, в Таблице Паппадакиса конца VI в. до н.э. M–L 13A.15/16: ἐξξόλειαν αὐτοῖ καὶ γενεᾶι καὶ παμάτεσιν; или в знаменитых Teiorum dirae V в. до н.э.: *Herrmann P.* // Chiron. 1981. 11. S. 6 ff.: ἀπόλλυσθαι καὶ αὐτὸν καὶ γένος τὸ κένο.

[32] См., например: *Guarducci M.* Epigrafia greca, IV. (1978) P. 339. № 3. 40: αὐτὸς κ(αὶ) γένος αὐτοῦ (конец IV – начало V в.).

[33] Отсутствие подходящих контексту прилагательных на -αλεινος, -λλεινος, -μεινος (см. словарь Kretschmer–Locker) заставляет видеть здесь ошибку резчика – пропуск в артикле τοὺς *may*.

предписания: абсолютную чистоту для некоего начинания, освящение [может быть, очищение?] после соприкосновения с могилой, что распространялось на некоторых лиц и их потомков[34].

Клаузула 2, сткк. 9–16. Ключевыми оборотами к пониманию содержания этого предписания документа служат: [ἀκολ]ουθεῖν τοῖς γεγραμμέ[νοις], ἄραι τὴν στήλην, κωλύειν κατὰ δυνα[τόν], [ἀκ]ολουθήσασι τοῖς γεγραμ[μένοις], из которых следует, что данная клаузула перечисляла различные виды ущерба, который могли причинить стеле с вырезанными на ней установлениями не повинующиеся им лица, а также предписывала меры по предотвращению этого ущерба. На этих исходных посылках и построена реконструкция текста параграфа, находящая ряд аналогий.

Однозначно дополняемый в сткк. 10 и 14 (см. стк. 21) глагол ἀκολουθέω в сочетании с τοῖς γεγραμμένοις встречается достаточно часто как в эпиграфике, так и у авторов, например, в известном законе о мистериях из Андании: κατακολουθήσειν τοῖς γεγραμμένοις[35], а также в адвербиальной форме у Polyb. 36, 11, 1, в надписях и папирусах[36].

Проверка по обратному словарю Kretschmer/Locker оставляет единственный шанс дополнения в стк. 11 предлога ἀμ]φίς в значении "apart from, far from" (L–S–J) с предшествующим gen.pl. – исходя из характера документа – [ἑκάστων ἱερῶν?][37]. Оборот αἴρω τὴν στήλην et sim. многократно встречается в эпиграфических текстах начиная с раннего эллинизма, например, в документе из Эресоса около 336 г. до н.э.: τὰν στάλλαν ἀνελόντι[38] или в клаузулах о наказаниях за порчу могильных камней: εἰ δέ τις ταύτην τὴν στήλην ἄρῃ[39].

Из приблизительно удовлетворяющих нашему контексту значений редкого слова ἀνεπιχείρητος словарь L–S–J цитирует только Plut. Caes. 25, где речь идет о неприступных, трудно проходимых зимой территориях восставших галлов. Однако Supplement E.A. Barber приводит гораздо более подходящую параллель – надпись I в. н.э. из Акмонии IGRR IV. 661.17/18: φυλαχθῆναι τὰ ἐψηφισμένα κοινὰ καὶ ἀνεπιχείρητα – "сохранять принятые постановления в целости и неприкосновенности", что оправдывает при не плеонастическом μηδέ восстановление у нас в стк. 12/13: μηδὲ ἀνεπιχεί[ρητα εἶναι vel μεῖναι τὰ γεγραμμέν]α.

Глагол κωλύω, как показывает один эпиграфический текст из Ликосуры[40], приобрел значение "запрещать", и довольно часто встречается в легислативных документах, например в сакральном законе из Спарты[41]. В сочетании с тем же определением, что и у нас, он присутствует в симполитии Коса и Калимны: κωλύσω κατὰ δυνατόν[42].

Если верно восстановление в стк. 15 αὐτο]σαυτῶν, то мы имеем дело в данном пассаже со спровоцированной этим местоимением ложной аттракцией gen. γυναικῶν, τῶν ἐκγόνων καὶ τῶν λοιπῶν πάντων вместо закономерно ожидавшихся дативов.

---

[34] *Каухчишвили.* Греческая надпись... С. 253.

[35] Syll.[3] 736-*Sokolowski.* LSCG 65.4/5. На этот пример ссылается и Т.С. Каухчишвили (Греческая надпись... С. 253 сл.). Ср. *Jones C.P., Habicht Chr.* A Hellenistic Inscription from Arsinoe in Cilicia // Phoenix 1989. 43. P. 319 f., ll. 16: ὅπως ἐπακολουθῆτε τοῖς γεγραμμένοις.

[36] *Schulte A.* De ratione quae intercedit inter Polybium et tabulas publicas. Diss. Halle, 1909. P. 49.

[37] Нельзя не отметить, однако, того, что это слово используется преимущественно в поэтическом языке.

[38] OGIS 8=IG. XII. 2. 526-*Heisserer A.J.* Alexander the Great and the Greeks. Norman. 1980. P. 38. gamma. a. ll. 24/25.

[39] TAM. V. 1. 626. 7/8. Ср. *Robert.* Malédictions... P. 262. Not. 117; кроме указанного Л. Робер приводит (p. 287, not. 2) аналогичную надпись из Лидии (ὅς ἂν ἄρῃ τὴν στήλην), Пафлагонии (ὃς ἂν ... τὴν στήλην μετάρῃ) и Беройи (μηδὲ ἄρῃς τὸν στύλον). Ср. SEG. XXXIV. 1231. 7: ὃς ἂν τοῦτο ἄρῃ.

[40] Syll.[3] 999-*Sokolowski.* LSCG 68.8: ἃ στάλα [κ]ωλύει.

[41] SGDI 4496-*Sikolowsi.* LSCG 62.9: νόμος κωλύει. Ср. LSCG. 50 A. 10; 51. 100.

[42] StV III. 545. 23.

Вообще синтаксическая структура клаузулы 2 излишне усложнена тремя инфинитивами ([ἀκολ]ουθεῖν, ἆραι, κωλύειν), выступающими в трех разных функциях, а также парентезой в сткк. 11–13, отодвинувшей на солидную дистанцию субъект в асс. τοὺς πάντας κτλ. от его предиката κωλύειν. Однако нет сомнения в том, что в конце периода речь идет о нарушителях изданных установлений, а также членах из семей и всех иже с ними, поэтому принимать γυναικῶν в стк. 15 за гиеродул и базировать на этом далеко идущие выводы о социальной структуре колхского общества[43] рисковано и беспочвенно.

Клаузула 3, сткк. 17–19 – самый краткий из сохранившихся на нашей бронзе параграфов, несомненно перечисляющий, судя по нескольким артиклям в nom. sg. masc et fem., тех должностных лиц, которые были уполномочены следить за соблюдением данных предписаний. Структура пассажа проста: вслед за императивом сказуемого со значением "охранять, блюсти, соблюдать" и т.п. стоит перечень по меньшей мере трех должностей, которые, судя по окончанию nomen agentis в стк. 17, резоннее всего восстановить как [ἱερε]ὺς[44] и resp. [ἱέρεια]. Как минимум двоекратно должности жрецов и жрицы сопровождают топонимические определения – указания на месторасположение соответствующего святилища[45]. Сложнее определить содержание второй характеристики жрецов и жрицы: здесь мы стоим перед альтернативным выбором из (а) некоего квалитативного определения, e.g. [ὁ μέγας ἱερε]ὺς ὁ ἐν Ταζει или ἡ ἐν Σουρει καθημέ[νη μεγάλη ἱέρεια], либо (б) имени божества, чей культ отправлял данный священнослужитель, e.g. ὁ Ποσει[δῶνος ἱερεὺς ὁ ἐν...]. Однако, поскольку культ Посейдона в Колхиде пока не засвидетельствован ни одним источником, а почитание здесь героя с греческим именем "Посей-" весьма маловероятно, да и едва ли его жрец был бы поставлен в этот перечень, более резонным выглядит первый вариант. Есть еще одна возможность – предположить в конце стк. 17 пропуск предлога: καὶ ὁ (ἐν) Ποσει [e.g. μέγας ἱερεὺς]; тогда мы получали бы третий локальный топоним Ποσις, dat. Ποσει. За отсутствием ему каких-либо параллелей не только в этом регионе, но и в греческой топонимике вообще, от решающего суждения разумнее пока воздержаться.

Самое ценное в клаузуле 3 это упоминание местных географических названий, которые требуют комментариев. Их по крайней мере два: Ταζις[46] и Σουρις, и оба находят очень близкие параллели у античных географов.

Первое название в близкой модификации Ταζός дважды приводит Кл. Птолемей; первый населенный пункт он помещает (Ptol. III, 5, 6) во внутренней Таврике под 62°40'–47°30', а второй с характеристикой Ταζός πόλις – что для нас особенно интересно – на черноморском побережье Кавказа (V, 8, 8) под 68°– 47°30' между

---

[43] *Каухчишвили*. Греческая надпись... С. 255 сл. Мнение издателя воспринято в статье: *Инадзе М.П.* Роль храмовых центров в социально-политической жизни древнеколхидского общества // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988, р. 75.

[44] Очень невелики, как мне кажется, шансы для дополнения здесь термина [βασιλε]ὺς.

[45] *Каухчишвили* (Греческая надпись... С. 250 сл.), не подвергшая контекст структурному анализу, относит причастие καθημέ[νη] не к жрице, а к стеле, якобы выставленной в Сурисе.

[46] Издатель отказывается видеть в этом слове топоним, а потому вынуждена исправлять *дзету* на *кси*, читая в стк. 17: ὁ ἐνταξει καὶ ὁ ποσεῖ – "кто вставит, дополнит и кто посчитает" (*Каухчишвили*. Греческая надпись... С. 252. Прим.***). Это чтение не выдерживает критики по следующим причинам: 1) исправление буквы методически ослабляет интерпретацию, 2) однородные сказуемые стоят в разных временах: fut. и praes., 3) даже praes. 3 pers. sg. от ποσόω никак не может иметь форму ποσεῖ, но только ποσοῖ, а fut. и подавно – ποσώσει (это затруднение чувствует и сама издатель); 4) ὁ в значении pron. pers. "он" (а не "кто") встречается почти исключительно у Гомера и трагиков, иначе требовалось бы ὅς, 5) если оба действия должны были быть совершены одним лицом, то достаточно было одного ὅς со стилистически желательным τε καί; если разными лицами, то необходима пара частиц ὁ μὲν... ὁ δὲ... Думаю, что перечисленных оснований более чем достаточно, чтобы признать в Ταζις, -ει название географического пункта, находящее прекрасный коррелат в следующей строке: ὁ ἐν Ταζει... ἡ ἐν Σουρει.

Керкетидой и Торетским мысом, т.е. где-то в районе совр. Геленджика[47]. Разумеется, я далек от мысли отождествить Ταζις Ванской бронзы с вышеупомянутым Ταζὸς πόλις Птолемея, однако наличие схожего топонима сравнительно неподалеку увеличивает шансы местоположения Ταζις где-то в Колхиде[48].

Более подробные сведения мы имеем о Σουρις, которая в форме Σούριον – то ли как πόλις, то ли как κώμη – помещена Ptol. V. 9.6. во внутренней части Колхиды под 73°20'–44°40'. Более определенную географическую привязку можно извлечь из свидетельства Plin. NH 6.13: nunc habet (sc. Phasis) Sutium tantum. et upsum ab amne influente ibi cognominatum usque quo magnarum navium capacem esse diximus. Чуть выше Плиний определяет предел судоходности Фасиса для больших судов в 38,5 мили от устья. Исходя из этих указаний и прежде всего сопоставляя звучание древних топонимов с современными, исследователи предложили несколько локализаций Surium Плиния, resp. Σούριον Птолемея.

В.В. Латышев помещал его на своей карте[49] у впадения реки Hippus, иначе Surius (отождествлена с совр. Цхенисцхали), в Phasis (совр. Риони), т.е. вблизи совр. Самтредиа. Базируясь на данных Anonymus Ravennatus, у которого он исправляет Surtum в Surium. С.Т. Еремян помещает этот пункт у впадения Квирилы в Риони близ станции Свири[50], с чем соглашается Н.Ю. Ломоури, замечающий, что "единственный пункт, по своему названию подходящий более или менее к Сурию, это, несомненно, Свири"[51]. Л.А. Ельницкий, фактически сопоставив Surium/Σούριον с Сурами, локализует его, однако, как и два предыдущих автора, у слияния Квирилы и Риони ниже Кутаиси[52]. Н.В. Хоштариа, очевидно, так же по созвучию помещает интересующий нас пункт на реке Сулори.[53]. Наконец, Т.С. Каухчишвили считает упоминание в Ванской надписи Σουρις достаточным подтверждением последней точки зрения, а потому безоговорочно локализует Surium–Σουρις–Σούριον на территории Вани, вблизи которого протекает р. Сулори[54]. Поскольку археологическими работами твердо установлено, что античный Вани погибает не позже середины I в. до н.э., то затруднение, проистекающее из слов Плиния *nunc* habet Surium tantum[55], Каухчишвили не без основания

---

[47] Ср. карту по Птолемею: *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914. Табл. I.

[48] При внимательном рассмотрении первого упоминания Птолемеем Ταζός в Крыму (III, 5, 6) бросается в глаза следующее обстоятельство: он назван сразу после Κύται (62 °15')–47 °30'), локализуемого и ныне археологически исследуемого Е.А. Молевым чуть западнее юго-восточной оконечности Керченского полуострова (см. *Gaidukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. Karte – S. 604). Имя этого центра передавалось древними авторами по-разному: Κύται (Anon. PPE 76 (50) Müller), Cytae (*Plin.* NH 4.86), Κύτα (*Steph. Byz.* s.v.), однако в самом раннем источнике *Ps.-Scyl.* peripl. 68 Müller это название передано как Κύταια (ср. *Gajdukevič.* Op. cit. S. 192 f.), точно так же, как у ряда других авторов называется мифический или реальный город колхов Κυταία et sim. (подробнее о всем комплексе вопросов см. *Лордкипанидзе О.Д.* К вопросу о первом упоминании г. Кутаиси в письменных источниках // Местные этнополитические объединения Причерноморья. С. 150–174; *Schuller W.* Kolchis bei Herodot und bei Apollonios von Rhodos. Ein Vergleich // Ibid. S. 175–183). поскольку у *Ptol.* III. 5. 6. Κύταιον с побережья, где он реально находится, очутился μεσόγειος ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ, у меня закрадывается подозрение, что весь блок Κύταιον – Ταζός был по какой-то аберрации перенесен самим Птолемеем или его источником из Колхиды в Крым. Эта гипотеза гораздо лучше объясняет второе появление топонима Ταζός в одном и том же Кавказском регионе.

[49] *Latyschev B.* Scythica et Caucasica. V. II. Fasc. 2. 1906. Tabula. Непонятно, почему Л.А. Ельницкий (ВДИ. 1949. № 2. С. 287. Прим. 7) приписал ему локализацию Surium у Нокалакеви (Археополис).

[50] *Еремян С.Т.* Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов // ВДИ. 1939. № 1 С. 93 сл.

[51] *Ломоури Н.Ю.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1957. № 4. С. 109 сл.

[52] *Ельницкий Л.А.* // ВДИ. 1949. № 2. С. 289. Прим. 7.

[53] *Хоштариа Н.В.* Археологические раскопки в Вани в 1959 г. Тбилиси, 1960. С. 50.

[54] *Каухчишвили.* Греческая надпись... С. 255.

[55] Отмечу, что tantum не обязательно понимать исключительно в смысле "только один", как поступает абсолютное большинство интерпретаторов, следующих за переводом Цветкова (Scythica et Caucasica. II. 2. P. 179). Если учесть вышестоящее maxime autem inclaruit Aea, то контекст можно представить себе так: "Однако наиболее прославленной была Эйа... Теперь он (Фасис) имеет (на своих берегах) столь же значительным Суриум".

отклоняет указанием на то, что Плиний зачастую компилировал более ранние источники механически, без переработки[56].

В мою задачу не входит выяснение точного местоположения Surium – Σούριον авторов и Σουρις надписи. Я хотел только показать, что, с одной стороны, ни одна из вышеперечисленных локализаций не удовлетворяет целиком всему комплексу данных Плиния, не говоря уже о Птолемее, а с другой – присутствие в Ванском документе по меньшей мере двух топонимов не дает нам права безоговорочно отождествлять упомянутую в нем Σουρις с местом его находки, хотя последнее вовсе не исключено.

Клаузула 4, сткк. 19–25 (?) представляет собой, как и клаузула 1, еще одно проклятие нарушителю, настолько типичное для десятков аналогичных формул, что реконструкция всего пассажа не составляет особого труда. Сначала в nom. стоит перечень конкретных богов, не только как небесных покровителей лиц, соблюдающих законы, но и как карающих их нарушителей. Окончание перечня божеств в ст. 20 κ]αὶ πάσαι делает однозначным восстановление всей строки: [καὶ οἱ ἄλλοι θεοὶ πάντες τε κ]αὶ πάσαι, не оставляя, таким образом, в ней места для имени еще даже одного конкретного, например, локального бога. Его упоминание здесь исключено помимо того и потому, что, как показывает клаузула 3, копия стелы выставлялась в нескольких (минимум в трех) святилищах, так что в стк. 20 должны были быть упомянуты главные боги каждого храма без предоставления приоритета кому-то одному из них. Из многочисленных параллелей реконструированной структуре достаточно привести вышеупомянутую надпись из Телмессоса: καὶ τοὺς ἄλλους θεοὺς πάντας καὶ πάσας[57].

Призывается милость всех этих богов к тем, кто твердо следовал и остался верен вырезанным на бронзе установлениям[58]. По корреляции с двоекратным упоминанием в надписи глагола ἀκολουθέω (сткк. 10 и 14) и по аналогии с приведенной в L–S–J надписью из Филадельфии[59] уверенно дополняю у нас: ἵλεως εἴη[σαν τοῖς] ἀκολουθήσασι τ' ἐμμ]είνασι (грамматическое дополнение для этих двух причастий содержится в пролептическом τὰ γεγραμμένα). Оборот ἵλαος + εἶναι появляется в эпиграфике довольно рано – по крайней мере с конца VI в. до н.э.[60] параллели отыскиваются и для причастий, выражающих различные акции по отношению к законам[61].

Постоянно присутствующее в проклятиях пожелание преступающему клятву или закон всего противоположного (τὰ ἐναντία) не нуждается в подкреплении аналогиями[62]. Альтернативное действие непременно должно было быть выражено part. aor., а не praes., что заставляет в стк. 23 дополнить [τοῖς δὲ ταῦτα ποιήσασι τοιούτ]οις. После надежно восстанавливаемого в стк. 24/25 оборота [παρὰ πᾶσι θε]οῖς τοῖς μεγίστοις стояло, скорее всего, причастие или прилагательное с обычным значением

---

[56] *Каухчишвили.* Греческая надпись... С. 260. Прим. 9.

[57] *Wörrle.* Op. cit. S. 202. ll. 38/39.

[58] Каухчишвили (Греческая надпись... С. 253. прим.***) утверждает: "Глагол употреблен в ед. числе (εἴη). До рамки есть место по крайней мере для двух букв (свободно помещается εἴησαν – форма мн. числа) перед тем говорится о трех богах, не совсем ясно, какой из них должен быть милостивым". Однако уже только справка по лексикону L–S–J. s.v. ἵλαος, дает: "Att. and later ἵλεως ... nom. pl. ἵλεῳ (later ἵλεως indecl. as nom. pl. SIG 985.47 (Philadelphie, II or I BC)". Cf. TAM. V. 2. 1148: μητε οἱ θεοὶ ἵλεως αὐτῷ γένοι[ν]το. В конце стк. 20 vacat равен двум, а не трем местам, потому-то резчик и сделал перенос εἴη|[σαν].

[59] Syll.[3] 985-*Sokolowski.* LSAM 20.46/47: κατακολουθεῖν. οἱ θεοι τοῖς με[ν ἀκολουθοῦσιν ἔ]σονται ἵλεως.

[60] M–L 13A. 15/16: τῶι δ' εὐσεβέοντι ἱλαος ἔσστο.

[61] OGIS. 532.20–22 (время Августа): λε]γόμενον ἢ βουλευόμενον ἢ πρασσό[μενον...τῶι] λεγοντι ἢ βουλευομένωι ἢ πράσσο[ντι τι τού]των. Для μένω ср. IOSPE I[2]. 401. 51–54: ἐμμένο[ν]τι μέμοι εὖ εἴη... μὴ ἐμμέν[ον]τι δὲ κακῶς; IG. XII. 5. 109-SIV II[2]. 204. 20: [βοηθήσω παντι σ]θένει τοῖς ἐμμέν[οισι τῆις συνθήκηις]; ср. *Grandjean Y., Salviat F.* // BCH. 1988. 112. P. 273.

[62] Шпайер (Fluch. Sp. 1200) называет его даже τἀναντια-Formel.

"прóклятый": ἐπάρατος, ἐπι-, ὑπο-, κατάρατος, καταράμενος et sim.[63] В реконструированном у нас сочетании оно встретилось, например, в одной надписи из Иасоса[64]; разумеется, не исключен и беспредложный датив. Что касается выражения [πρὸ]ς ἄλλο μηθέν и остатков трех последних строк, то мы не может быть уверены, принадлежат ли они данной клаузеле или следующей.

Остается рассмотреть состав божеств, перечисленных в стк. 19. Разобрав в сохранившейся части имена Геи, Гелиоса и Мейса, первоиздательница сочла возможным "...высказаться, а не утверждать категорически, что перечень богов в этой надписи ограничивался этой триадой. Хотя субъективно я убеждена, – пишет она, – что здесь были названы три божества"[65]. Эта "субъективная убежденность" и позволила ей усмотреть в этой триаде "важное сведение для истории религии древней Грузии", которое она сопоставляет со свидетельствами Страбона 11, 4,7 о богах Албании (!), Аполлония Родосского 3,714–716, средневековых грузинских источников и с данными этнографии[66].

Мне кажется, однако, что до привлечения аналогий такой вывод выглядит поспешным. Дело в том, что во всех эпиграфически зафиксированных формулах клятв неразлучной паре Γῆ – Ἥλιος, насколько мне известно, всегда обязательно предстоит Ζεύς как протагонист всей триады[67]. Вот почему в тех случаях, когда имя одного или более членов этой триады на камне не сохранилось, издатели дополняют его без всяких колебаний[68], что, безусловно, необходимо сделать и в нашем случае. Причину устойчивости данной триады именно в такой последовательности метко раскрыл в одном кратком примечании В. Диттенбергер (Syll.[3] 360, adn. 2): quia terra omnium sedes est, sol omnia videt, hi iurisiurandi testes et periurii vindices advocantur). Зевс же всегда выступает первым как владыка богов и людей.

В некоторых греческих клятвах и проклятиях за стандартной триадой следует главное местное божество, например, в Херсонесе Παρθένος (IOSPE I[2]. 401-Syll.[3] 360. 1, 50/51). Поэтому, казалось бы, и на ванской бронзе есть основания в редком Göttername ὁ Μείς предполагать местного колхского бога Луны[69]. Однак более резонным и рациональным выглядит другое толкование: точно так же, как Солнце видит все и вся днем, Луна наблюдает за всеми ночью. Возможно, превращение стандартной триады в тетраду – продукт индивидуального творчества составителя надписи, параллели ему пока не известны. Таким образом, перечень богов в надписи из Вани имеет с колхским пантеоном не больше общего, чем их аналогичный (за исключением ὁ Μείς) состав во многих других эллинских юридических документах, что лишний раз подчеркивает сугубо греческий характер редакции нашего текста.

Общий характер документа

К нашему великому сожалению, получив в свое распоряжение столь пространный и относительно информативный текст, мы все же не имеем достаточных критериев для того, чтобы решительно отнести его к какой-либо определенной категории общественных документов. Проклятия, предписания по выполнению и сохранению содержавшихся в нем распоряжений, а также перечень ответственных за это магистратов в

---

[63] См. *Robert.* Malédictions... P. 262, 282 suiv.

[64] Bull. ép. 1964, 466: ἐπάρατος παρὰ τοῖς καταχθονίοις θεοῖς.

[65] *Каухчишвили.* Греческая надпись... С. 257.

[66] Там же. С. 256–260.

[67] См., например: StV III. Namenregister. s.v. Ge, Helios, Zeus; Syll.[3] 360, 366, 1212; OGIS 229. 60, 266.23/24, 532.8; IGRR III. 137.8; IOSPE I[2] 402.12; КБН 74.10, 1123.14, 1126.7. Часть этих примеров приводит сама первоиздательница.

[68] Например: Syll.[3] 196.38; StV III 403; 445.6; 549.5, 14.

[69] Теоним в такой форме (в отличие от частого Μήν) мне не встретился ни разу. В значении месяца года μείς постоянно употреблялся в ряде областей Греции, например, в Халкидике: *Hatzopoulos M.B.* Actes de vente de la Chalcidique centrale. Athènes, 1988. Index. P. 91.

их совокупности с равным правом были присущи государственному закону, lex sacra, международному договору либо царскому посланию. Не способствует выбору и место находки бронзовой плиты в храмовом городе: все названные категории документов часто выставлялись, как мы знаем, в святилищах, где они отдавались под защиту и покровительство божества (ср., например, прим. 80). Однако, с одной стороны, обращенность предписаний (τὰ γεγραμμένα) Ванского документа не к коллективу, а к индивидуальным лицам, а с другой – поручение контроля за их соблюдением, по всей вероятности, жрецам (стк. 17: [ἱερε]ὺς ὁ ἐν Ταζει), с предпочтительной вероятностью позволяют остановить выбор на законе, причем скорее всего сакральном законе. В том же направлении указывают, как будто, и наблюдения над структурой документа.

В тексте поражает прежде всего тот факт, что как минимум в 26 из 28 сохранившихся строк нет никаких следов собственно постановления: все дошедшие до нас клаузулы имеют подчиненную задачу предотвратить нарушение и повреждение недошедшей законодательной части, о размерах которой мы можем составить относительное представление. Бронзовая плита из Вани обрамлена наиском, т.е. представляет собой миниатюрную модель фасада эллинистического храма, которые имели определенные пропорции. Представить себе эти пропорции помогают аналогичные эпиграфические памятники. Так, соотношение ширины к длине шрифтового поля плиты с декретом из Hanisa (см. выше прим. 11) составляет 0,6×1; то же для бронзовой стелы с декретом из Рима[70] дает 0,72×1. Иными словами, два основных габарита межколонного пространства бронзовых наисков соотносились примерно как 2×3. Если учесть, что высчитанная по реконструкции наиболее длинных сохранившихся строк 12–14 Ванской стелы ширина ее (без полуколонн) составляла около 0,25 м, то высота самой бронзовой доски, исходя из принятых пропорций, должна была достигать 0,4–0,43 м. Даже если допустить, что все шрифтовое поле было покрыто надписью, пропало не боле 12–18 строк против 28 сохранившихся. Таким образом, для верхней части текста, включая преамбулу, следует отвести максимум строк 15.

Наблюдается резкая диспропорция между основной – легислативной (около 15 строк) и вспомогательной – регламентной (около 25 строк) структурными частями нашего документа, требующая своего объяснения. Столь непропорциональная структура, включающая к тому же двукратное проклятие, абсолютно не свойственна эллинистическим документам подобного типа. В качестве более или менее близкой аналогии можно назвать декрет ликийского Телмессоса, изданный по случаю послания Птолемея II Филадельфа 279 г., в котором 10 строк собственно постановления и распоряжения о публикации документа приходятся на 17 строк проклятия[71]. М. Вёрле, исследовавший эту надпись на фоне других Fluchinschriften эллинистического времени, поставил актуальный вопрос о трансформации проклятия как структурообразующего элемента государственных актов: не стало ли это архаическое средство полиса сакрально-правового табуизирования в эллинистическую эпоху формальным и анахронистически сохранившимся преимущественно в периферийных областях греческого мира[72]? Эпиграфические источники показывают, что в государственно-правовой сфере это средство укрепления клятвы продолжает использоваться в конце IV–II в. в таких Randgebiete, как Крит, Северное Причерноморье (Херсонес), внутренние районы Малой Азии (Кария, Лидия, Ликия)[73]. Отсюда возникает закономерный вопрос: не послужил ли какой-то один или несколько общественных актов, выставленных в одном из святилищ Малой Азии, образцом редактору Ванского документа для составления своеобразного протокола со столь развитой регламентирующей частью, насыщенной интердиктами и проклятиями?

---

[70] *Guarducci*. Op. cit. I. P. 436. Fig. 226.

[71] *Wörrle*. Op. cit. S. 202, ll. 19–45.

[72] Ibid. S. 233. Not. 166.

[73] Ibid. S. 233. Not. 167. Ср. изданный недавно тем же эпиграфистом раннеэллинистический документ из ликийской Лимиры, в котором на 5 строк скупого постановления приходится такое же число строк проклятия: *Wörrle M.* // Chiron. 1991. 21. № 2. S. 220.

Предложенное объяснение не исключает и иного варианта: на структуру и стиль надписи из Вани могли повлиять традиции канцелярии восточных монархий, прежде всего державы Ахеменидов, с которой у Колхиды существовали давние тесные отношения, документируемые нарративными источниками[74]. К сожалению, в нашем распоряжении почти нет ахеменидских легислативных текстов. Однако нельзя пройти мимо того факта, что в известной трилингве из ликийского Ксанфа (ок. 337 г.), греческая версия которой отредактирована à l'orientale, в тексте на арамейском, т.е. на официальном языке Персидской империи, три раза (!) повторен призыв к богам ниспослать проклятие и кару на головы нарушителей документа[75]. Очевидно, перспективный поиск в одном из этих двух направлений или в обоих одновременно поможет прояснить истоки и корни стилистического и структурного своеобразия документа из Вани.

Некоторые исторические выводы

Первая историческая проблема, возникающая в связи с изучаемой надписью, это процесс эллинизации колхского общества и масштабы этого процесса. Сам факт обнаружения оформленной в эллиннистических традициях бронзовой стелы с вырезанной в греческой технике надписью на безукоризненном греческом языке в колхском храмовом городе более чем красноречив. Он свидетельствует прежде всего о том, что Колхида не оставалась в стороне от культурной жизни средиземноморского и понтийского мира, акцептируя ее наиболее значительные достижения. Этот процесс прослеживается и в других, самых разнообразных сферах бытия. В эллинистическую эпоху в стране циркулирует золото прижизненных и постумных эмиссий Александра и Лисимаха; последние начиная с раннего II в. до н.э. дают образец для имитации золотым статерам местного царя Акеса и многочисленным локальным варварским подражаниям[76]. Распространяется (видимо, через Синопу) позднеаттическая весовая система[77]. Эллинистические заимствования наблюдаются во внедрении греческих технологий в домашнее ремесло (ткацкий станок), в имитации некоторых типов амфор, прочей керамической посуды, черепицы – что особенно показательно – клейменой штемпелями с эпихорическими именами, переданными по-гречески, и надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ[78], в архитектуре, религии и некоторых погребальных обрядах[79]. Нет сомнения в том, что радиация большой части этих достижений эллинистической культуры распространялась в Колхиду посредством работавших по ангажементу странствующих художников, архитекторов, мастеров, эрудитов, подобных тому, который составил и вырезал текст на бронзовой стеле из Вани.

С другой стороны, было бы неосторожным переоценивать масштабы и глубину проникновения в общество этих процессов. Хотя предписания Ванского документа, как показано выше, предполагали своим адресатом всех индивидуальных лиц,

---

[74] Согласно Геродоту (III. 97), колхи, не входя ни в одну сатрапию, платили персам вплоть до середины V в. дань, а также поставляли воинские контингенты (VII, 79). Об этом см. *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота. Л., 1982. С. 177 сл., комм. 21 и 23 (с литературой).

[75] SEG XXVII. 942; *Dupont-Sommer A.* // CRAI. 1974. P. 144–148; *Metzger H.* Fouilles de Xanthos, VI: La stele trilingue du Létoon (1979). P. 131. suiv.; ср. *Wörrle.* Op. cit. S. 234. Not. 76.

[76] *Golenko K.* Literaturüberblicke der griechischen Numismatik: Kolchis // Chiron. 1972. 2. S. 570–572, 595–599; *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. С. 42–102.

[77] *Лордкипанидзе Г.А.* О колхидской весовой системе // Культура античного мира. М., 1966. С. 131–134.

[78] *Лордкипанидзе О.Д. и др.* Полевые археологические исследования в 1978 г. (1981) 113; *Путуридзе Р.В.* // Вани VII (1986). С. 46. Табл. XXVI; *Ахвледиани Д.В.* Клейменая черепица Ванского городища // Причерноморье VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 324–326.

[79] Обо всем комплексе проблем см. *Lordkipanidze O.D.* The Greco-Roman World and Ancient Georgia // Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone. Pise–Rome, 1983. P. 136–140.

подпадавших по роду своих действий под их юридическую компетенцию (например, паломники, совершавшие приношения в святилище), не исключено, но напротив, гораздо более вероятно, что эти установления объяснялись и толковались прихожанам местными жрецами, образованными в греческом языке. По крайней мере, нельзя не обратить внимание на практически полное отсутствие во внутренней Колхиде периода эллинизма граффити на керамике, выполненных по-гречески – верного признака грамотности широких масс населения. В целом складывается впечатление, что процесс эллинизации затронул преимущественно верхушку колхского общества. Будучи окруженными на западе и юго-востоке эллинскими или сильно эллинизованными монархиями, правители и жречество Колхиды стремились стоять с ними на одном культурном уровне и отдавать дань моде времени, а потому неизбежно акцептировали ряд хотя бы внешних атрибутов тогдашнего цивилизованного мира.

Вторая историческая проблема, возникающая в связи с изучаемой надписью, это остро дискутируемый вопрос о едином Колхидском царстве эллинистической эпохи. Разумеется, в задачу данной публикации не входит, да это и невозможно, рассмотреть эту важную проблему во всей полноте. Резоннее попытаться выяснить, дает ли надпись из Вани дополнительные аргументы для продвижения решения данного вопроса в том или ином направлении.

Поскольку из самого текста документа не удается извлечь ни прямых указаний, ни даже намека на существование в Колхиде III в. централизованной царской власти, некоторые соображения возникают при оценке клаузулы 3, из которого вытекает, что несколько копий данной стелы были выставлены в разных колхидских центрах, где наблюдать за выполнением предписаний вменялось в обязанность местным служителям культа. Копирование эпиграфических документов и их лапидарное обнародование в нескольких разных местадх давно и хорошо известны в греческой канцелярской практике. Среди недавно изданных свидетельств подобного рода достаточно указать на соглашение после 167 г. до н..э. об установлении границ между Амбракией и Харадром, которое предписывало: "пусть послы установят бронзовые стелы как в святилище Зевса (Олимпийского, так и) Аполлона Кердоя в Ларисе, написанные идентично (в Амбракии и) Харадре. Подобным же образом пусть будут помещены копии в общественные архивы (этих городов)"[80].

Таким образом, распространение юрисдикции одного и того же законодательного акта на определенный географический ареал, охватывавший как минимум три значительных общественных и религиозных центра, могло бы выглядеть достаточным аргументом в пользу существования на данной территории Колхиды крупного царства, все подданные которого должны были подчиняться законам, эдиктам, рескриптам, договорам и т.п., издаваемым центральной властью. Однако не менее, если не более правомерен и другой вариант интерпретации данного факта, сообщаемого документом из Вани.

Известно, какое широкое распространение в соседствующей с Колхидой Малой Азии получили, особенно в эллинистическую эпоху, религиозные конфедерации полисов, объединившихся вокруг культа какого-либо значительного божества, соответствен-но, его главного святилища в одном из городов – членов амфиктионии. Цель этих союзов (τὰ κοινά, κοινωνίαι) наряду с прочим состояла в устройстве регулярных религиозных праздников (πανηγύρεις) с агонами, жертвоприношениями, торжественными шествиями и, конечно, традиционными ярмарками, приносившими ощутимый доход[81].

---

[80] *Cabanes P., Andréou J.* // BCH. 1985. 109. P. 501 suiv.; *Daverio Rocchi G.* Frontiera e confini nella Grecia aintica. Roma, 1988. P. 110; SEG XXXV. 665. B. 36–39: [οἱ πρεσ]βευταὶ στασάντω στάλας χαλκέας ἐν τε τῶι (ι)ερῶι [τοῦ Διὸς τοῦ 'Ολυμπίου καὶ τοῦ 'Απ]όλλωνος τοῦ Κερδοίου ἐν Λαρίσαι γεγραμμένας ὁμογράφους [ἐν Ἀμβρακίαι καὶ ἐν Χαρά]δρωι ὁμοίως δὲ καταθέντω ἀντίγραφα εἰς τὰ γραμματοφυ[λακεῖα τῶν πόλεων].

[81] Вспомним известное замечание Страбона (10.5.4): ἡ τε πανήγυρις ἐμπορικόν τι πρᾶγμά ἐστι. Ср. *Debord P.* Aspects sociaux et économique de la vie religieuse dans l'Anatolie gréco-romaine. Leiden, 1982.

Среди таких конфедераций лучше всего документирован источниками и исследован[82] союз полисов Троады и Геллеспонта, объединившихся вокруг храма Афины Илиады в илионе. История этого τὸ κοινόν восходит к концу IV в. до н.э. Города – участники союза (αἱ πόλεις αἱ κοινωνοῦσαι τοῦ ἱεροῦ καὶ τῆς πανηγύρεως) посылали в Илион для организации ежегодно справляемых Больших и Малых Панафиней особых уполномоченных (οἱ σύνεδροι), которые составляли комитет – синедрион, а кроме того дежурных магистратов – агонотетов и агораномов. Каждый полис выделял определенную сумму для устройства праздника и, кроме того, посылал для торжественных жертвоприношений быка. Коллективные члены, задолжавшие святилищу, заносились в особые списки должников и обязаны были выплачивать проценты по долгам.

В связи с нашим случаем интересно, что подобное коллективное руководство πανηγύρεις Афины Илиады тут же потребовало разработки совместных легислативных актов, некоторые из них или их упоминания сохранены эпиграфикой. Наряду с почетными декретами конфедерации в честь эвергетов особенно привлекают внимание такие документы, как "единогласное соглашение" (σύμφωνον καὶ ὁμόλογον) о реорганизации ἡ πανήγυρις в 77 г. до н.э. (IvIlion 10), где с вероятностью в сткк. 24/25 восстановлена ссылка [κατὰ τὸν πάτρι]ον [νὸμ]ον.Указание на подобные же законы (κατὰ τὸν νόμον) о взносах и задолженностях содержит другое постановление τὸ κοινόν, само представляющее собой подобный же легислативный акт (IGRR IV. 193-IvIlion 11). Судя по досье почетных декретов около 306 г. до н.э. в честь Малусия из Гаргары[83], общефедеральные законы обязаны были выставляться в каждом полисе – члене союза. В связи с нашей темой привлекает особое внимание реестр штрафов, составленный в конце III в. до н.э. агонотетами из троадских полисов, содержащий очень любопытную клаузулу: "А следующих лиц мы подвергли штрафу, но не будучи в состоянии взыскать его и поклявшись в этом, следуя закону (ὁμόσαντες κατὰ τὸν νόμον), занесли в списки должников праздника"[84]. Как следует из этого параграфа, существовал общий для всех полисов Илионской конфедерации закон, предписывавший коллективному комитету магистратов произнесение в определенных случаях клятвы и, по всей видимости, содержавший текст этой клятвы вместе с проклятиями в адрес нарушителей, т.е. документ, по жанру и содержанию аналогичный фрагменту текста из Вани.

Едва ли есть основания сомневаться в том, что по таким же или аналогичным юридическим принципам mutatis mutandis были организованы и другие религиозные τὰ κοινά Малой Азии: союз полисов Ионии[85], Карии, Ликии, Памфилии, Галатии и др.[86] Принимая теперь во внимание тесные экономические и культурные связи Колхиды с малоазийскими полисами (см. выше), мы не вправе исключить адаптацию подобной федеральной религиозной структуры рядом колхидских центров, которые вполне могли консолидироваться в аналогичное культовое объединение, что и обусловило издание совместных легислативных актов, копии которых выставлял у себя каждый из членов конфедерации. Иными словами, и в этом пункте материала для подтверждения реальности единого Колхского царства в эпоху до Митридата Евпатора явно non liquet.

---

[82] Наиболее значительное исследование принадлежит *Robert L.* Monnais antiques en Troade. Genève; Paris, 1966. P. 18–46: Ch. III. La confédération et la panégyrie. Прочую литературу см. в обобщающей работе: *Boffo L.* I re ellenistici e i centri religiosi dell'Asia Minore. Firenze, 1985. P. 114–120.

[83] Syll.[3] 330-IvIlion 1, B(V). 56–59: αἷς τιμαῖς... ἀναγράψαι ἑκά[στη]ν [τῶν πόλεων τῶν κοινωνου]σῶν τοῦ ἱεροῦ κ[αὶ τῆ]ς πανηγύρεως καὶ θεῖν[αι τὴν στήλην ὅπου ἑκάσ]τηι νόμος ἐστ[ιν].

[84] *Robert.* Monnais antiques en Troade. P. 31-IvIlion 5.24–27.

[85] Он издавал общественные постановления: e.g. Syll.[3] 368; IvPriene 55.

[86] Документация об этих союзах собрана в работе: *Boffo.* Op. cit. P. 123–139.

В 1875 г. при раскопках Эшерского городища под руководством Г.К. Шамба в руинах монументального здания, разрушенного на рубеже II–I вв., были найдены многочисленные фрагменты бронзовой стелы с греческой надписью, любезно предоставленные в мое распоряжение автором раскопок. Сильная фрагментарность памятника даже после тщательного его изучения не позволила тогда не только реконструировать, но хотя бы в общих чертах представить характер документа. Я ограничился предварительным о нем суждением, которое по просьбе Г.К. Шамбы было помещено в его монографии[87] и которое повторяется здесь целиком: "Бронзовая плита с греческой надписью была найдена разбитой вдребезги. Первоначально плита была архитектурно оформлена, а именно помещена в наиске, исполненном в ионийском стиле. Каждая деталь наиска отливалась отдельно, а потом они припаивались друг к другу. От архитектурного декора дошло несколько деталей: обломок гладкоствольной полуколонны, угловая пальметта капители, фрагмент эхина, украшенного жемчужником, обломок карниза с овами и др.

От самой плиты пока удалось собрать 19 фрагментов с греческими буквами. Все они сильно пострадали от огня: края их оплавлены, некоторые фрагменты от высокой температуры изогнулись и даже как бы вздулись. Толщина плиты колеблется от 0,65 до 1,0 см.

Самый большой фрагмент имеет размеры 5,7 × 6,3 см, а остальные гораздо меньше. Высота букв колеблется от 0,5 до 0,8 см, *омикрон* и *тета* – 0,4 см.

Надпись прорезана оригинальной техникой: сначала на концах букв делались углубления сверлом, которые потом соединялись при помощи резца. Круглые буквы наносились по циркулю; полукружия *беты* и *ро* исполнены в виде треугольников. Подобная техника хорошо известна в IV в. до н.э. по многочисленным бронзовым табличкам афинских судей. В палеографии полностью отсутствуют элементы эклектизма. Совокупность палеографических признаков, хорошо знакомых по другим греческим эпиграфическим памятникам, указывает на конец IV в. до н.э. (сейчас я не исключаю и самое начало III в. до н.э. – *Ю.В.*).

Крайняя фрагментарность надписи мешает высказывать преждевременное суждение о ее содержании. Пока можно только предположить в осторожной форме, что перед нами какой-то особо важный документ, типа декрета или исторической хроники, в котором шла ревчь о неких военных событиях. Сохранилось слово ῥώμηι в значении "военная сила, войско". В одной строке читается λαμβάνων εἰς π[όλιν] – "захватив (с собой) в города". Двумя строками ниже читается слово βασιλεία в именительном или родительном падеже, означающее здесь скорее всего "царство", менее вероятно – "царица".

Изучение надписи станет возможным после обнаружения (вполне вероятного) новых фрагментов и объединения их в связный текст. Сейчас можно с уверенностью утверждать лишь то, что она исполнена греческим мастером на безупречном греческом языке"[88].

Несмотря на продолжение в Эшере раскопок (в которых в 1979 г. принимал участие и автор этих строк), новых фрагментов надписи пока не найдено, тем не менее она не была оставлена без внимания исследователями. В 1982 г. ее кратко упомянул, приведя не совсем точные прорисовки девяти фрагментов, Г.А. Лордкипанидзе[89], а три года спустя ей посвятила небольшое специальное исследование Т.С. Каухчишвили[90]. Ее

---

[87] *Шамба Г.К.* Эшерское городище. Тбилиси, 1980. С. 55.

[88] В 1978 г. металл стелы был подвергунт анализу в лаборатории Института археологии АН СССР. По заключению Т.Б. Барцевой, состав примесей указывает на то, что перед нами типичная кавказская бронза. Это означает, что и эта стела отливалась, украшалась и покрывалась надписью на месте греческим мастером, работавшим по ангажементу.

[89] *Лордкипанидзе Г.А.* // ВДИ. 1982. № 2. С. 41 сл. Рис. 7.

[90] *Каухчишвили Т.С.* Греческая надпись Эшерского городища // Источниковедческие разыскания 1982 г. Тбилиси, 1985. С. 218–223.

чтение некоторых строк подвигло М.П. Инадзе представить подробную историческую интерпретацию документа[91]. Опасение за то, что надпись и дальше будет служить источником для всевозможных спекуляций без того, чтобы была документирована и адекватно подлиннику иллюстрирована сама ее эпиграфическая база, побуждает меня представить здесь необходимую документацию. Однако сначала имеет смысл привести чтение и интерпретацию Т.С. Каухчишвили[92]. Объединяя (весьма сомнительно) фр. 1 + 11, издатель (далее – К.) предлагает следующее чтение:

1. πόλ[ιν...]άνο[ικοδομεῖν]... или же 'Α]πόλ[λων]α νό[μιον ὄμνυμι]
2. ῥ]ώμηι πολυστ[όλωι]
3. δ]ύνασθαι αὐτ[όν...
4. λ]αμβάνων εἰς...
5. ι πάντων τῶν
6. [τῆς] βασιλείας κα[ὶ]...

Перевод: 1. Город восстановлен (или построен)... второй вариант – клянусь Аполлоном номием...

2. Многочисленным (или – могущественным) флотом...
4. он смог...
4. овладевший в...
5. среди всех (или – из всех)...
6. в царствование (или – царства, или – ставленник царя) и...

фр. 2: ἔ[λθωσι – если б пришли

фр. 3: τῆ]ι τάξ[ει или ἐ]ν τάξ[ει] – в строю, или τῶ]ι ταξ[ιάρχωι] – таксиарху; ἀρχ]έτω ὁ – пусть предводительствует

фр. 4: ἐξελ[θεῖν] – выйти, вышел
ὁ λιμ[ήν] – гавань

фр. 5: πέ]μποις – если вышлешь

фр. 7: λυγ[ρά] – погибель, несчастье

фр. 9: τὸ]ν ὀρθ[όν] – прямой, правильный

фр. 10: ἐξοι[κίζω] или ἐξοι[κέω] – выселение, опустошение (в форме страдательного – поселение)

фр. 12: ἀ]γήνο[ρ..., ἀγήνωρ – один из косвенных падежей от слова "отважный, неукротимый"

фр. 18: τῆ]ς Ἡρ[ακλείας] или τοὺ]ς Ἡρ[ακλεώτας] – Гераклеи или гераклейцев
τῶ]ι πυ[ρὶ] – огню, или τῆ]ι πύ[ληι] – воротам, или
τῶ]ι πύ[ργωι] – башне, крепости.

В целом она определяет документ как исторический, "с элементами строительных надписей и декретов-проксений" [?!] (с. 222).

Сопоставление с приводимыми мною прорисовками всех фрагментов (рис. 3) делает очевидным, где чтения и восстановления издателя можно считать надежными, а где нет, что избавляет от излишней критики. Поэтому ограничусь par excellence дипломатической транслитерацией текста со скромным комментарием.

Фр. 1 – – πόλι[ν – – –
– – ῥ̓ώμ̓ηι πολύ τις vel τι σ- vel τισ[αντ
– – ⟨δ⟩ύνασθαι αὐτ – –
– – λ]αμβάνων εἰς π[όλιν – –
5 – – κα]ὶ πάντων τῶν – –
– – βασιλείας κα – – –
– – ς καί – – – – –

---

[91] *Ина`зе М.П.* К интерпретации эшерской греческой надписи // Кавказско-ближневосточный сборник. VIII. Тбилиси, 1988. С. 148–158.

[92] Издатель дает прорись лишь наиболее крупного фрагмента, существенно отличающуюся от моей. Судя по минускулам, ее и моя нумерация фрагментов совпадает, хотя для фр. 10, 12 и 18 полной уверенности в этом нет.

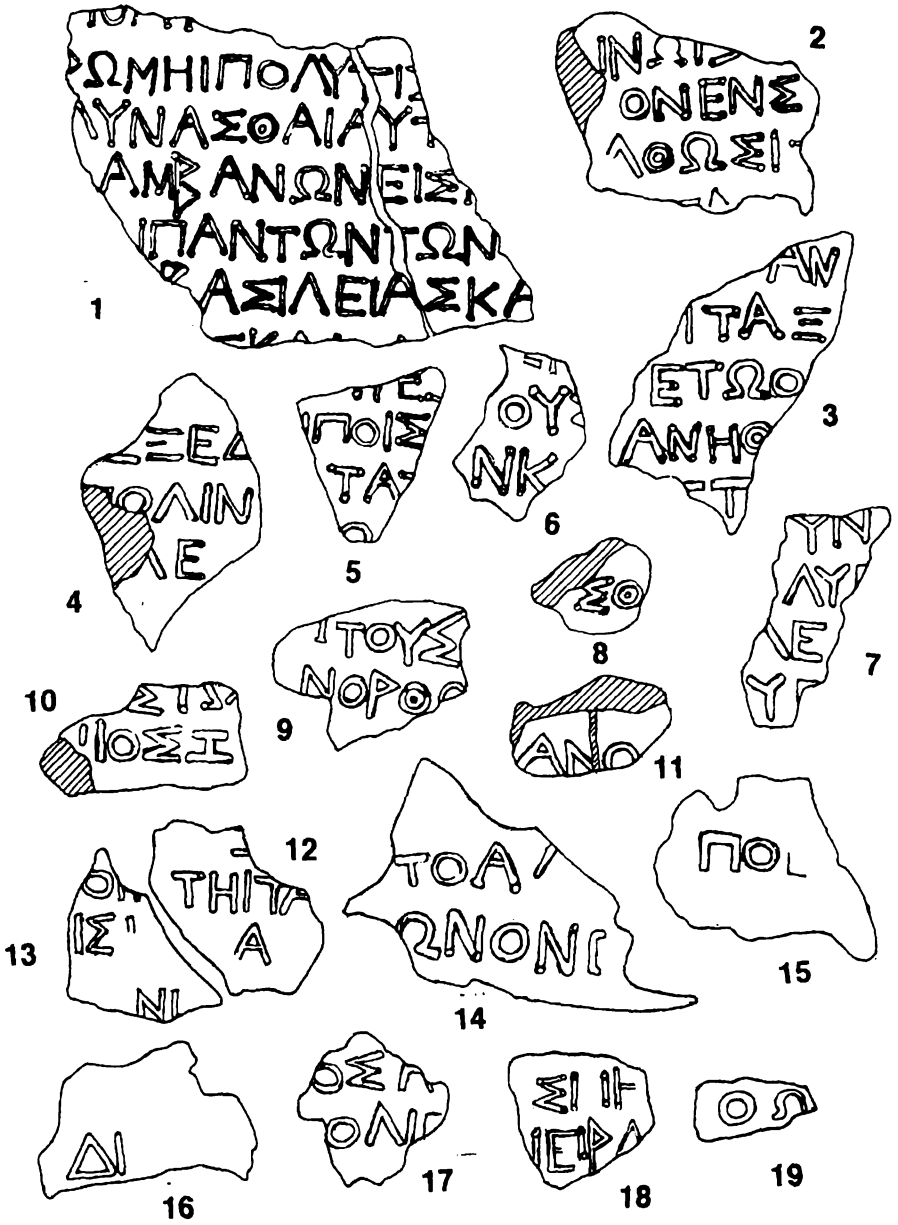

Рис. 3. Фрагменты бронзовой плиты с надписью из Эшоры (пропись)

2. Дополнение K. странного hapax πολυστ[όλωι не соответствует буквам на бронзе; здесь либо местоимение τις, τι либо форма от глагола τίνω – "платить" || 3. Теоретически не исключено восстановление ἀ]μύνασθαι, однако форма мю в стк. 2 и 4 совсем иная; скорее резчик действительно не дописал горизонталь у *дельты* || 4. π[όλιν дополнено e.g. с учетом фр. 1.1, фр. 4.2 и фр. 17.2; возможен и инициал топонима. || 6. Предпочтительнее понимать βασιλεία как "царство, царствование", не исключено – в датировочной формуле.

Фр. 2 – – –ΙΝΩΙ – – – –
– – γέγ]ονεν? ἐν Σ – –
– ἵνα vel ἐὰν ἔ]λθωσι τ –
– – – – – – – – – – – – – – – –

Фр. 3 – – – ΑΝ – – –
– – ι ταξ – – –
– – ἑτω ο – – –
– – αν ηϑ – – –
5 – – ετ – – – – –

2. Перед *тау* может стоять только *йота*, поэтому дополнение К. ἐ]ν τάξ[ει исключается; τάξις совсем не обязательно связывать только с воинской единицей – вполне возможно и значение "порядок, способ" и т.п. || 3. Если резчик не пропустил после *омеги йоту*, то здесь перед нами единственный случай императива, что очень существенно для определения характера документа.

Фр. 4 – – ΕΞΕΔ – –
– – πόλιν – –
– – – ΛΕ – – –

1. В конце стоит *дельта*, а потому снимается дополнение К. ἐξελ[ϑεῖν.

Фр. 5 – – ΙΙΕ_ – –
– – ΙΠΟΙΣ – –
– – ΤΑΤ? – –
– – – Ο – – –

2. Маловероятно дополнение К. πέ]μποις.

Фр. 6 – – ΣΙ? – –
– – ΟΥΣ – – –
– – ΝΚ – – –

Фр. 7 – – ΥΝ – –
– – ΛΥ – –
– – ΛΕ – –
– – ΥΠ? – –

2. После *ипсилона* может стоять не только *гамма*, но и *эпсилон* и *пи*, а потому дополнение здесь эпико-поэтического слова λυγ[ρά К. исключено.

Фр. 8 – – ΕΘ – –
Фр. 9 – – κα]ὶ τοὺς – –
– – ἐπα]νορϑῶ[σαι? – –

2. Восстановление здесь одной из форм частого в надписях глагола ἐπανορϑόω со значением "выправлять, восстанавливать, приводить в нормальное состояние" очень вероятно; ср. *Robert L.* Hellenica. XI–XII (1960). P. 517–519.

Фр. 10 – – – ΣΙΩ – –
– – ΙΙΟΣΖ – –

Фр. 11 – – ΑΝΟ – –

Фр. 12 + 13 – – – – – – – – – –
– ΟΙΑ? τῆι τα –
– ΙΣΙ ... Α – – –
– – – ΝΙ – – –

Единственные два фрагмента, которые удается более или менее уверенно соединить || 2. ἀγήνωρ K. не соответствуют оригиналу.

Фр. 14 – – ΤΟΑΛ – –
– – ΩΝΟΝΕ – –

Фр. 15 – – ΠΟΕ? – –
Фр. 16 – – ΔΙ – –

Фр. 17 – – ΟΣΑ – – – –
– – π]όλιν? – –

Фр. 18 – – ΣΙΙΗ – –
– – ΝΕΙΡΑ – –

Прочтение K. обеих строк неверно, а потому от ее попытки увидеть здесь указание на Гераклею или гераклеотов, и без того слишком произвольной, следует безусловно отказаться.

Фр. 19 – – ΟΩ – – vel – – ΘΩ – –

В заключение несколько слов о характере документа и его историческом значении. Обрывки текста наиболее крупного фр. 1 продолжают вызывать у меня впечатление очень развернутой мотивировочной части декрета, хроникально повествующего о каких-то событиях, возможно, связанных с некими военными действиями (особенно показательно ῥώμηι). Ни одно из сохранившихся слов и словосочетаний надписи не напоминает лексику международного договора, царского послания или закона. Исключение составляет стк. 3 фр. 3, однако содержат ли всего четыре сохранившиеся в ней буквы окончание императива, что могло бы указывать на предписание какого-то законодательного акта, говорить с уверенностью нельзя. С другой стороны, на основании столь прекрасно сохранившегося текста весьма рискованно утверждать, что "эшерская надпись является официальным документом политического характера, а именно договором, соглашением, заключенным с одной стороны Диоскурией (Эшера), с другой – южнопонтийскими центрами (Гераклеей) и Понтийским царством. Заключение этого договора со стороны эшерцев преследовало цель обеспечить город от дальнейших набегов пиратских племен военной помощью вышеуказанных властей и закрепить экономические контакты с ними"[93]. У нас нет пока никаких оснований, чтобы решить, какой город имелся в виду под троекратно (?) упомянутым πόλιν, и какое царство – под βασιλεία.

THE INSCRIBED BRONZE PLATE FROM VANI

Yu.G. Vinogradov

The republication of a unique epigraphic monument is the second of its kind from the Euxine (after the fragmentary text from Esheri, Abkhazia): a Greek inscription on a bronze slab, dating to the late 4th–early 3rd c. B.C. (the first editor T.S. Kaukhchishvili dates it to the 2nd c. B.C.), obviously a *lex sacra;* 28 fragmentary lines of the text have survived. The reading and interpretation of the text presented by the editor princeps raise doubts since, before analyzing the general sructure of the inscription by dictinguishing separate *clausulae*, establishing their contents and carefully attempting to reconstruct the context of separate phrases, Kaukhchichvili immediately undertakes to produce an interpretation of its separate fragments – a hurried attempt with no variants. Revision of the original and the analysis of the inscription have allowed the author to draw the following conclusion: the surviving part of the text consists of four clausulae: 1) a curse on anyone who disobeys the legiclative prescriptions engraved on

[93] *Инадзе.* К интерпретации... С. 158.

© 1995 г.

Д.В. Журавлев

ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРГАМСКИЙ СКИФОС С АППЛИКАТИВНЫМИ РЕЛЬЕФАМИ ИЗ "ДОМА ХРИСАЛИСКА"

В 1971 г. при раскопках "дома Хрисалиска" на Таманском полуострове, у поселка "За Родину", в хозяйственном помещении Б был обнаружен великолепный комплекс буролаковой и краснолаковой посуды позднеэллинистического времени[1]. Одной из наиболее интересных находок является скифос с накладными аппликативными рельефами, представляющими собой изображение эротических сцен "на ложе"[2], σχήματα συνουσίας (рис. 1, 2).

Скифос был издан Н.И. Сокольским вместе с остальным керамическим комплексом, который суммарно был датирован второй половиной II – третьей четвертью I в. до н.э.[3] Прорисовка по фотографии скифоса была опубликована В.А. Горончаровским[4], а фотография – в монографии Я. Боузека, посвященной греческой керамике Причерноморья[5]. В этих работах публикуемый сосуд не был подвергнут специальному рассмотрению. Между тем этот скифос является единственным целым экземпляром,

---

[1] *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. Рис. 48–54; *Сорокина Н.П.* Поселение у поселка "За Родину" // АГСП. 1984. С. 86–87. Табл. XLVII. Комплекс построек разного времени включал в себя несколько зданий, в том числе и многокомнатный дом – "резиденцию" одного из приближенных царя Асандра – Хрисалиска. Этот дом погиб в огне пожара около 14–13 гг. до н.э. Находка в хозяйственном помещении парадной посуды объясняется, видимо, тем, что она обрушилась из жилых помещений вместе с прогоревшими во время пожара перекрытиями второго этажа. См. *Сокольский Н.И.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 24.

[2] Скифос хранится в фондах отдела археологических памятников Государственного Исторического музея. ГИМ,Б, Инв. № 103991, оп. 1763/63. См. *Сорокина Н.П., Журавлев Д.В.* Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // ВДИ. 1993. № 4. Рис. 3, *5*; Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Каталог выставки. М., 1983. Кат. № 433. Сосуды подобной формы называют канфарообразными кубками (*Шургая И.Г.* Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 107; *Горончаровский В.А.* Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре // СА. 1983. № 2. С. 122; *Коваленко С.А.* Античная рельефная керамика III–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989) и скифосами (*Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon // PF. 1968. Bd 2. S. 67–68; *Забелина В.С.* Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // СГМИИ. 1984. Вып. 7. С. 146; *Meyer-Schlichtmann C.* Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr. – Mitte 2. Jh.n. Chr. // PF. 1988. Bd. 6. S. 69. Рец.: *Журавлев Д.В., Малышев А.А.* // РА. 1994. № 4). Последний термин представляется мне наиболее правильным. Пользуясь случаем, благодарю Н.П. Сорокину за разрешение опубликовать этот сосуд и за помощь в работе.

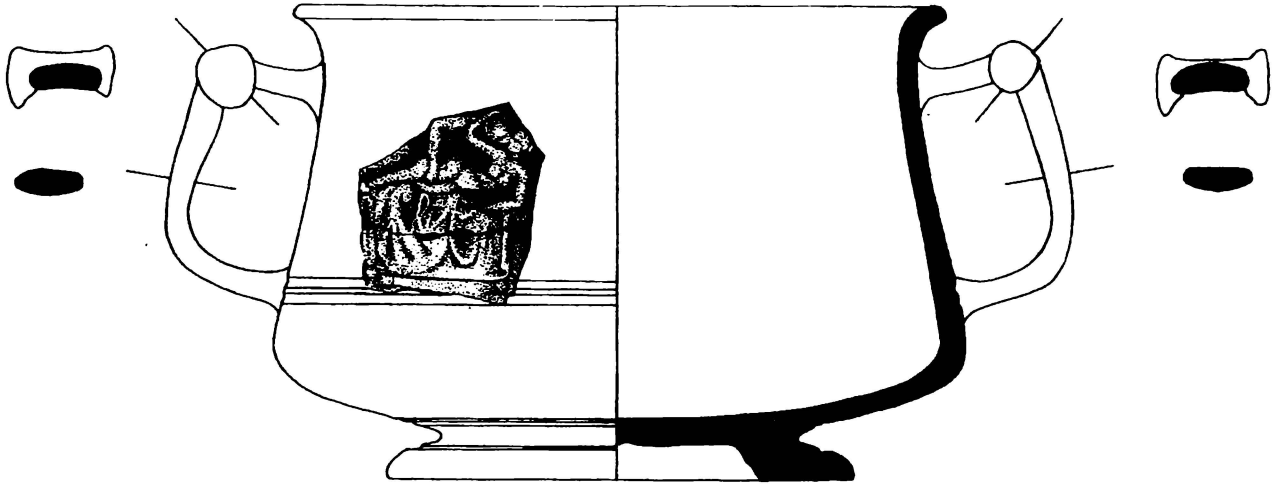
[3] *Сокольский.* Таманский толос... с. 93.

[4] *Горончаровский.* Ук. соч. Рис. *4, 1*. С. 122. В этой работе прорисовка одного из рельефов (рис. 2, *2* в нашей публикации), выполненная автором, вероятно, по фотографии Н.И. Сокольского, воспроизведенной в его книге, дана неверно.

[5] *Bouzek J.* Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area. Charles University. Prague, 1990. Pl. 24 A.

Рис. 1. Скифос из "дома Хрисалиска"

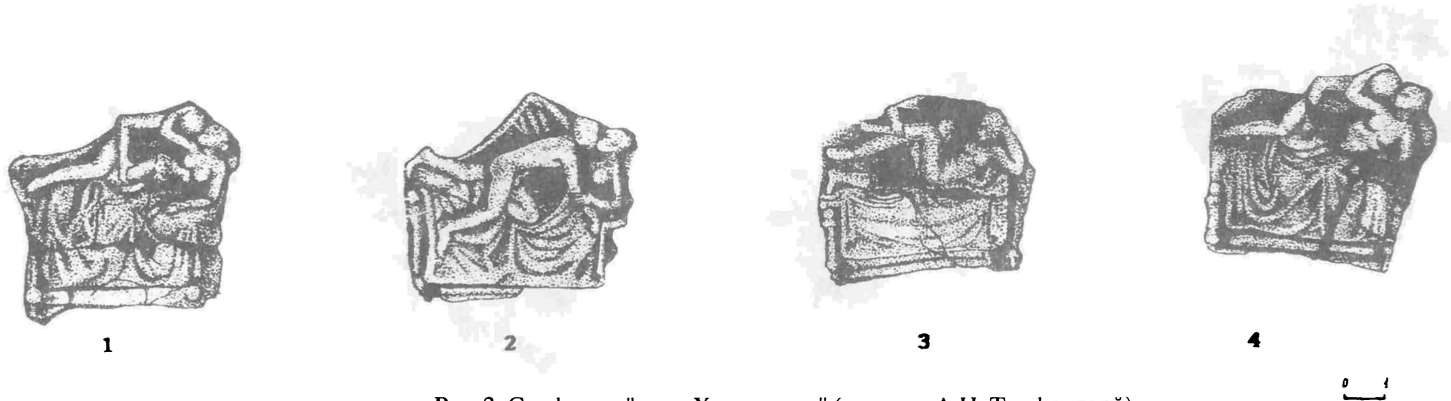

Рис. 2. Скифос из "дома Хрисалиска" (рисунок А.Н. Трифоновой)

обнаруженным в Северном Причерноморье, и поэтому заслуживает специальной публикации[6].

Скифос (высота: 11,9 см, диаметр по венчику – 16,3 см, диаметр по основанию поддона – 11,7 см, толщина стенок – до 0,5 см, толщина донца – до 0,7 см) представляет собой открытый сосуд со слабоотогнутым скругленным на конце венчиком и туловом грушевидной, чуть расширенной книзу формы, имеющий кольцевой достаточно высокий и широкий поддон (ширина основания 2,2 см) со сложным профилем. Изгибы ручек украшены налепными плоскими круглыми щитками диаметром до 1,6 см. В нижней части тулова, а также в придонной части сделаны по две неглубокие кольцевые бороздки. По периметру центральная часть тулова украшена четырьмя симметрично расположенными рельефными эротическими композициями. Размеры рельефов до 5,2 × 5,3 см. Сосуд был найден в обломках и склеен из большого числа фрагментов. Рельефы также частично фрагментированы, на одном из них почти полностью (за исключением руки) отсутствует мужская фигура (рис. 2, *3*).

Глина, из которой сделан скифос и рельефы, красно-коричневая, плотная, хорошо отмученная, без заметных включений. Поверхность скифоса полностью покрыта лаком. Внутри сосуда и на поддоне он красно-коричневый, с металлическим блеском, снаружи – коричнево-бурый, местами почти черный[7]. Кое-где на поверхности лак стерт, а внутри сосуда есть его "подтеки". Под одним из рельефов на лаке заметны полустертые отпечатки пальцев гончара.

Сосуд изготовлен на гончарном круге, впоследствии к нему прикрепили ручки, одну из которых немного криво (налепы-щитки выполнены отдельно). В местах прикрепления ручек поверхность сосуда плохо заглажена, на части его поверхности заметны следы формовки. Рельефы закреплены на стенках скифоса с помощью жидкой глины непосредственно перед обжигом, поверх прочерченных по тулову линий.

Каждая группа изображений представляет собой пару – мужчину и женщину в различных положениях на ложе, покрытом широким покрывалом. На рельефах (особенно № 3 и 4 – рис. 2, *3, 4*) сохранились изображения высоких резных ножек ложа. Они напоминают аналогичные части мебели из Шестого Семибратнего и

---

[6] В наиболее подробной и полной сводной работе Г. Хюбнер, посвященной аппликативной пергамской керамике, скифосов, полностью идентичных публикуемому сосуду морфологически и по сюжету изображения зафиксировано очень немного (*Hübner G.* Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherbultes // PF. 1993. Bd. 7. Автор привлекает в качестве аналогии и публикуемый сосуд, известный ей по книге Н.И. Сокольского). Практически идентичный по форме и сюжету изображений сосуд, но несколько меньших размеров с иной позицией пар, хранится в Кельнском Римско-Германском музее. См. *La Baum P., Salomonson J.W.* Römische Kleinkunst Sammlung Karl Löffer. Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln. Bd III. Köln, 1977. Taf. 41,2, № 276. Такой же сосуд происходит и из Мюнхенского музея: *Hochuli-Gysel A.* Späthellenistische und frühkaiserzeitliche Reliefkeramik in der Prähistorischen Staatssammlung in München // Bayerische Vorgeschichts blätter. München, 1979.

[7] Серия 2 по С.А. Коваленко. Разница в цвете на разных частях одного сосуда связана с особенностями обжига: вероятно, в обжигательной печи была создана восстановительная среда, в результате воздействия которой лак темнел. См., например: *Bimson M.* The Technique of Greek Black and Terra Sigillata Red // The Antiquaries Journal. 1956. V. 36. № 3–4. P. 200; *Hofmann B.* Le rôle des oxydes de ter en céramique sigillée // Studien zür Römischen Keramik. Vorträge des 13. Internationalen Kongresses der RCRF in München. Beiheft 1. RCRF Acta. XXIII/XXIV. 1984. Те же части сосуда, доступ воздуха к которым был затруднен, остались красными (это объясняется тем, что сосуды загружались в обжигательную камеру очень плотно, один в один, поддон и внутренняя часть сосуда оказывались закрытыми). Подобное различие в цвете присутствует и на некоторых экземплярах из Пергама (*Meyer-Schlichtmann.*Op. cit. S. 70), также существуют и сосуды, покрытые красным лаком с обеих сторон. См., например: *Коваленко.* Ук. соч. Серия 3. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает недопустимость датировки terra sigillata по цвету и "качеству" лака, что очень распространено в отечественной литературе.

Артюховского курганов, а также κλίνη из Приены.[8] Ложе, вероятно, представляло собой деревянную раму прямоугольной формы, через углы которой пропущены достаточно высокие деревянные резные ножки, с невысоким отогнутым изголовьем (оно хорошо заметно за спиной у женщины на рельефе № 4 – рис. 2, 4). Перед каждым ложем стоит невысокая трапедза[9].

Изображения на публикуемом сосуде выполнены в высоком рельефе. Фигуры людей, складки покрывала и подушки, контуры ложа переданы обобщенно, детали (например лица) плохо проработаны. Не исключено, что для оттиска использовалась старая, изношенная форма. Й. Шефер отмечает, что наряду с "изящными" формами-матрицами встречаются и более грубые, что может объясняться и различной квалификацией мастеров, и переработками самих матриц[10].

На всех известных мне аппликативных рельефах, изображающих "сцены на ложе", положения фигур не отличаются разнообразием, что, вероятно, свидетельствует об использовании одних и тех же форм для оттиска. Й. Шефер выделяет шесть основных схем этого сюжета. По этой классификации наши рельефы относятся соответственно к типам: № 1 и 4 – тип V (формы E48–E52), № 2 – тип VI, вариант a (формы E53, E55), № 3 – тип II, вариант a (форма E23)[11]. Несомненно, что два изображения на нашем сосуде № 1 и № 4 изготовлены с помощью одной формы.

Изображения эротических сцен, в том числе и σχήματα συνουσίας были очень распространены в античности[12]. Иногда они были связаны с культом плодородия.

---

[8] *Wiegand T., Schrader H.* Priene. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895–98. B., 1904. Рис. 480. С. 379; *Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979. Рис. 34. С. 95–98; *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. 1971. 178. Табл. I, *4, 6*; III, *1*. Интересно, что период наибольшего распространения таких κλίνη – II век до н.э. Н.И. Сокольский отмечает, что форма таких лож являлась "связующим звеном между древнегреческими и греко-римскими клинами I в. до н.э. – I в. н.э." (Деревообрабатывающее ремесло... С. 92). Близкие по форме ложа известны по изображениям на надгробных рельефах (см., например: *Kieseritzky G. von, Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. B., 1909. № 689, 696, 718, 724, 732 и др.; *Давыдова Л.И.* Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л., 1990. Кат. № 39–41), а также на терракотах (Eros Grec. Amour des Dieux et des Hommes. Athenes, 1989. P. 72, № 19) и в живописи (см. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913. Табл. LXV 4; LXXXVIII, 2).

[9] Сохранность некоторых рельефов на скифосе из «дома Хрисалиска» не позволяет с уверенностью говорить об этом. Однако на двух наших рельефах (см. рис. 2, *3, 4*) и на аналогичных из Пергама трапедза видна хорошо. См. *Schäfer*. Op. cit. S. 80. Терракота, происходящая из некрополя Мирины, изображает полуобнаженного мужчину и женщину, сидящих на краю ложа. Трапедза, стоящая перед ложем, имеет резные ножки: Eros Grec. P. 101, № 39.

[10] *Schäfer*. Op. cit. S. 79.

[11] Ibid. S. 79–80. Taf. 27, 31, 32.

[12] Литература на эту тему обширна. См., например: *Dierichs A.* Erotic in der Kunst Griechenlands // Zaberns Bildbände zur Archäologie. 1993. Bd 9; *Greifenhagen A.* Griechische Eroten. B., 1957; *Marcáde J.* Eros kalos. Genève, 1962; *Shapiro H.A.* Courtship Scenes in Attic Vasepainting // AJA. 1981. 85; *Mandel U.* Kleinasiatische Reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit die "Oinophorengruppe" und Verwandtes // PF. 1988. Bd. 5. Taf. 29; Коллекция Джорджа Ортиса. Древности от Ура до Византии. Каталог выставки. 1993. Кат. № 221, 227 и др. Краткую библиографию см. Eros Grec. P. 46–47; *Dierichs*. Op. cit. S. 131 f. Для Северного Причерноморья публикации на эту тему чрезвычайно редки: см. *Передольская А.А.* О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница // СА. 1950. XIII. Рис. 4–5; *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города. Ч. II. МИА. 1958. 85. Рис. 62б; *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Подонье и Таманский полуостров. САИ. Вып. Г1–11. Ч. IV. М., 1974. Табл. 35, *6*; *Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. XIII. Рис. 3, *31*; АГСП. Табл. CXLY, 2; *Гущина И.И., Сорокина Н.П.* Фигурный кувшин-лагинос из могильника Бельбек IV / Труды ГИМ. 1995; *Усачева О.Н.* Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. Вып. 156. Рис. 1, *28*; *Грач Н.Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (Основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989. С. 63 и др. Эта интересная тема в отечественной историографии практически не разрабатывалась.

представляя таинство "священного брака" (ἱερὸς γάμος)[13]. Они отображали и реальные жизненные сцены или иллюстрации мифов (например, любовную связь Леды и Зевса в образе лебедя)[14]. Эротические сцены на публикуемом сосуде, несомненно, можно считать бытовыми. Среди изображений, так или иначе связанных с эротикой, большое место занимают сцены "на ложе", которые были широко распространены в древнегреческой вазописи уже в VI в. до н.э.[15]

Публикуемый скифос имеет широкие аналогии среди находок в Пергаме и его округе, причем там известны не только сосуды и обломки клейм, но и большое количество разнообразных матриц для изготовления рельефов[16]. Интересно, что сосуды подобной формы имели и другие виды аппликативного рельефа (например листья плюща) или даже гладкую поверхность, а полностью идентичные публикуемым рельефные оттиски представлены на сосудах иных форм[17]. Обломки аналогичных сосудов обнаружены среди брака из пергамской керамической мастерской, функционировавшей во второй половине II – начале I в. до н.э.[18] Глина скифоса характерна для изделий пергамского круга[19]. Таким образом, пергамское происхождение скифоса, что отмечалось и в ряде предшествующих исследований[20], не вызывает сомнений.

К. Мейер-Шлихтман отмечает, что подобный тип скифосов характерен именно для пергамского производства. В связи с коротким промежутком времени их бытования трудно найти их типологический прототип среди керамических сосудов[21]. Й. Шефер подчеркивал, что такие изделия имеют свою линию развития и никак не связаны с классическими и раннеэллинистическими формами[22]. Многие исследователи обращали внимание на близость пергамской рельефной керамики изделиям торевтики, дошедшим до нас в единичных экземплярах. Причем, по их мнению, копировалась не только

---

[13] *Томсон Д.Ж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 284; *Передольская.* Ук. соч. С. 261–267. См. также: Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 422 сл.

[14] См. например: Eros Grec. P. 78; *Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. Рис. 69, 2: Antique silber from Serbia // Ed. I. Popović. Beograd, 1994. № 200; *Неверов О.Я.* Античные камеи. СПб., 1994. № 30. Об этом сюжете см. *Каковкин А.Я.* О двух группах коптских памятников с античными сюжетами // ВДИ. 1990. № 1. Существует также точка зрения, что сосуды с эротическими сценами как в вазописи, так и в рельефной керамике служили своего рода иллюстрацией к существовавшим в античное время и не дошедшим до наших дней литературным произведениям так называемой "порнографической" литературы, служившей читателям чем-то вроде пособия или развлекательного чтения. См. *Schäfer.* Op. cit. S. 79. Точке зрения о "пособии", на мой взгляд, противоречит тот факт, что в подобных сценах часто фигурируют не только люди, но и различные животные. См., например: Eros Grec. № 67, 100 и др. Последнее обстоятельство также отражено в античной литературе (например: *Apul.* Met. 10. 21–22).

[15] См., например, сосуд из собрания Британского музея (540–530 гг. до н.э.) или килик из собрания Музея Метрополитен в Нью-Йорке (490–480 гг. до н.э.): *Dierichs.* Op. cit. Taf. 92, 122. Очень близкая нашим рельефам по сюжету и схеме "сцена на ложе" присутствует на терракоте второй половины II в. до н.э. из кургана 18 близ Кеп; *Усачева О.Н.* Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. 1983. Вып. 174. Рис. 2, 14.

[16] *Conze A.* Stadt und Landschaft // Altertümer von Pergamon. I. B., 1912.S. 270. Taf. 28; *Meyer-Schlichtmann.* Op. cit. Typ. S8; *Schäfer.* Op. cit. Taf. 27–32.

[17] *Hübner.* Op. cit. Taf. 23–25.

[18] *Hepding H.* Eine hellenistische Töpferwerkstatt in Pergamon // Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft. 1952. № 21. S. 59 f.; *Горончаровский.* Ук. соч. С. 121. Мастерская была раскопана в 1913 г. Г. Хептингом и К. Шацманом на склоне акрополя, неподалеку от гимнасия. До сих пор она является единственной опубликованной керамической мастерской эллинистического времени в Пергаме.

[19] *Meyer-Schlichtmann.* Op. cit. S. 14–15. Для керамики этого центра характерно хорошо отмученное, тонкое, иногда с небольшой примесью слюды тесто и хороший равномерный обжиг; цвет глины – от желто-красного до коричнево-красного.

[20] *Сокольский.* Крепость аспургиан на Боспоре. С. 24; *Горончаровский.* Ук. соч. С. 117 и др.

[21] *Meyer-Schlihtmann.* Op. cit. S. 69.

[22] *Schäfer.* Op. cit. S. 67.

форма изделия, но и мелкие детали – форма ручек, поддона и т.п.[23]. Однако металлические сосуды с полностью идентичными деталями, в частности ручками, не изготовлялись, хотя форма тулова и имеет ряд прототипов[24]. Вероятно, такие скифосы следует рассматривать как возникшую независимо керамическую форму. Впоследствии они стали прототипом для других сосудов пергамского и малоазийского производства.

Скифосы описанного типа относятся к ранним экземплярам пергамской terra sigillata и существуют приблизительно с последней четверти II в. до н.э. по третью четверть I в. до н.э.[25] Главным хронологическим индикатором является изменение формы кольцевого поддона. К середине I в. до н.э. он становится более массивным и широким. Кольцевой поддон близкого облика характерен для различных изделий пергамского круга эпохи позднего эллинизма, например, для тарелок с налепными рельефными медальонами[26]. Тулово ранних форм имеет более плавные очертания, чем у сосудов начала I в. до н.э., а венчик к середине I в. до н.э. становится более отогнутым. Судя по аналогиям из хорошо датированных комплексов – шести цистерн ниже террасы Деметрия в Пергаме – наш сосуд может быть отнесен к первой половине I в. до н.э.[27]

По мнению И.Г. Шургая, использование пергамскими мастерами в это время лишь трех компонентов декора – эротических сюжетов, вакхических сцен и растительного орнамента – говорит об оскудении их художественного вкуса[28]. На мой взгляд, использование именно этих элементов должно, в первую очередь, свидетельствовать о влиянии моды и наличии определенных традиций в керамическом производстве Пергама. Кроме того, необходимо отметить, что в пергамской рельефной керамике позднеэллинистического времени использовались и иные мотивы[29].

Скифосы описанного типа были широко распространены в античном мире. Близкие по сюжету рельефы подобных сосудов помимо Пергама зафиксированы во многих регионах античного мира[30], что лишний раз показывает ведущую роль Пергама как экспортера керамической продукции в позднеэллинистическое время. Традиции производства сосудов с подобными изображениями сохранились у пергамских гончаров

---

[23] *Courby F.* Les Vases grecs à reliefs. P., 1922. P. 469–473; *Schäfer.* Op. cit. S. 68.

[24] Благодарю М.Ю. Трейстера за консультацию.

[25] См. схему развития этого типа: *Meyer-Schlichtmann.* Op. cit. Taf. 29.

[26] См., например: *Шургая И.Г.* К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н.э. КСИА. 1965. Вып. 103. Рис. 14, *1*.

[27] *Meyer-Schlichtmann.* Op. cit. Taf. 29. Этой же датировки придерживается Г. Хюбнер (Op. cit. S. 50). Условия находки не позволяют уточнить дату изготовления публикуемого скифоса. Использование этой достаточно редкой для Северного Причерноморья вещи в течение более чем полувека с момента изготовления до времени гибели дома вполне вероятно, тем более что существуют следы изношенности на поддоне, а лак на поверхности в некоторых местах стерт.

[28] *Шургая.* Позднеэллинистические рельефные кубки... С. 108.

[29] *Hübner.* Op. cit. Abb. 27–40.

[30] См., например: Делос (Eros Grec. № 62, S. 131), Приена (*Wiegand, Schrader.* Op. cit. S. 535); Эфес (*Vetters H.* Ephesos Vorläufiger Grabungsbericht. 1983.Wien, 1985. Taf. VI; *Mitsopoulos-Leon V.* Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos Kleinfunde. 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit // Forschungen in Ephesos. Wien, 1991. IX/2/2. Taf. 70–71; большое количество аналогий приведено в монографии Г. Хюбнер – Op. cit. S. 95); Пантикапей (*Забелина В.С.* Группа рельефной керамики из Пантикапея // СГМИИ. 1968. Вып. IV. Рис. 3); Мирмекий (*Шургая.*Позднеэллинистические рельефные кубки... Рис. 42, *1, 2*); Чайка (*Коваленко С.А.* Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1987. С. 3–15); Китей (*Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 52). Сводку всех находок в Северном Причерноморье см.: *Коваленко.* Античная рельефная керамика... Прил. V; скифосы подобной формы, по подсчетам С.А. Коваленко, составляют около 3/4 находок всех фрагментов пергамских сосудов с аппликативным рельефом и с восстанавливаемой формой. По мнению Ф. Курби (Op. cit. P. 451), сосуды с накладными рельефами занимают второе место среди всего массива пергамского позднеэллинистического керамического импорта.

и в римское время, например, в изделиях мастерской Чандарли[31]. Вероятно, именно пергамское позднеэллинистическое искусство оказало влияние на сюжет изображений на светильниках и на terra sigillata императорского времени[32].

Большая популярность пергамских рельефных сосудов на Боспоре вызвала появление немногочисленных реплик подобных сосудов с эротическими сценами. Они отличались менее четкими контурами рельефа и качеством лака[33]. Однако широкого распространения они не получили, вероятно, в связи с низким качеством изготовления.

Пергамская sigillata, по мнению К. Мейера-Шлихтмана, возникла в середине – второй половине II в. до н.э. из-за потребности среднего класса в изделиях, подражающих дорогой металлической посуде, используемой в быту только наиболее зажиточными жителями города. Этот тезис он подтверждает материалами из раскопок: ранние разновидности terra sigillata происходят, как правило, из строительных комплексов, явно принадлежащих зажиточному слою (перистильные дома ниже террасы Деметрия). Массовое производство этой посуды несколько повредило ее популярности среди этих слоев. Новый импульс был дан уже позднее, на рубеже новой эры, в результате появления типов, подражающих арретинской посуде. В результате увеличения объемов производства эта керамика резко подешевела и стала общедоступной, что в конечном итоге привело к деградации техники, ухудшению качества моделировки и декора[34]. Публикуемый сосуд по качеству исполнения не может относиться к разряду произведений искусства и является лишь хорошей, но, вероятно, недорогой ремесленной поделкой.

Именно на конец II – первую половину I в. до н.э. приходится начало расцвета пергамского керамического производства. В это время окончательно оформляются индивидуальные особенности местной керамической традиции, благодаря которым город в скором времени становится одним из крупнейших производителей столовой посуды во всем античном мире (Plin. NH. XXXV. 160).

THE LATE HELLENISTIC PERGAMENIAN SCYTHOS WITH APPLIQUE RELIEFS FROM CHRYSALISKOS ESTATE

D.V. Zhuravlev

The article considers the Late Hellenistic Pergamenian scyphos found by N.I. Sokol'sky during the excavations of Chrysaliskos estate on the Taman peninsula. The vessel is decorated with applique reliefs representing erotic scenes in bed and is dated to the first half of the 1st c. B.C.

---

[31] *Loeschcke S.* Sigillata-Topfereien in Tschandarli // AM. 1912. Bd. XXXVII. Abb. 8.

[32] *Schäfer.* Op. cit. S. 79. Литература по светильникам очень обширна: *Bailey D.M.* A Catalog of the Lamps in the British Museum. V. 1–2. L., 1975, 1980. Для terra sigillata см. *Oswald F.* Pryce T. An Introduction to the Study of terra sigillata L., 1920; *Heimeyer W.D.* Falsche Liebe. Rekonstruktionen von Arretiner Formschusseln um 1900 // AA. 1989. Ht 2. S. 260 f.; *Moga V.* Moules romains découverts a Apulum // RCRF Acta. 1979. XIX/XX. Fig. 5.

[33] *Шургая И.Г.* О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // МАСП. 1962. Вып. IV. Необходимо, правда, заметить, что четких критериев для выделения местных северопричерноморских изделий не существует ни для эллинистической, ни для римской краснолаковой керамики.

[34] *Meyer-Schlichtmann.* Op. cit. S. 210 f.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1995 г.

Древний мир: проблемы экологии

ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО МИРА: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ*

"Вестник древней истории" проявляет вполне объяснимый интерес к экологии древнего мира, поскольку российские ученые многое сделали для того, чтобы экология стала академической наукой XX века. Когда Ч. Элтон, автор первых в Англии исследований в области взаимодействия в природе растений и животных, основал в межвоенный период в Оксфорде "Бюро по изучению популяций животных", его первым шагом было учреждение отдела переводов с русского языка, чтобы английские ученые могли знакомиться с результатами аналогичных разработок их коллег из Советского Союза. (Жаль, что в Оксфорде лишь немногие читают по-русски.) Однако первые контакты между экологами СССР и Запада практически полностью прекратились в сталинскую эпоху[1]. Сегодня, когда "железного занавеса" больше не существует, снова появилась возможность для плодотворного сотрудничества между учеными России и Запада. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ВДИ пригласил английских специалистов к участию в дискуссии по проблемам экологии древности. Без сомнения, экологические проблемы, с которыми сталкивается современный мир, стоят едва ли не на первом месте. Во всяком случае, они актуальны как для ряда территорий бывшего СССР (например, Чернобыль на Украине или пересыхающий Арал в Средней Азии и Казахстане), так и для западного мира. В своей статье я попытаюсь показать, что ряд экологических процессов древности имел такие же глобальные последствия для цивилизаций прошлого, какие для современной цивилизации может, скажем, иметь "парниковый эффект".

Связанные с экологией античности проблемы (в основном о них пойдет наш разговор) можно разделить на две большие группы: 1) идеи древних греков и римлян о природе и влияние этих идей на последующие поколения; 2) действительное состояние окружающей среды в античную эпоху. Такого разделения необходимо придерживаться хотя бы потому, что сами древние едва ли обращали внимание на феномены, которые важны для нас при изучении экологии прошлого. Вот почему экологическая картина, предстающая в описаниях античных авторов, выглядит обедненно. Значительно различаются и типы источников, привлекаемых для рассмотрения этих двух групп проблем. Для первой из них, связанной с миром идей, первостепенное значение имеют письменные источники. Однако здесь мы ограничены невосполнимыми потерями многих древних текстов, например утратой, за исключением нескольких фрагментов, сочинений Посидония. Тем не менее значительная часть дошедших до нас письменных источников представляет интерес для исследования такой перспективной проблемы, как представления древнего человека о природе и его отношение к ней.

Ко второй большой группе относится более широкий круг источников. Он тоже включает данные античной традиции. В качестве примера скажу, что в *Corpus Hippocraticum*, своде сочинений Галена (многие ли антиковеды могут похвастаться, что целиком его про-

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта "Древний мир: проблемы экологии" (код проекта 93.06.10594).

[1] *Crowcroft P.* Elton's Ecologists: a History of the Bureau of Animal Population. Chicago, 1991. P. 14.

читали?) и других медицинских трактатах античности объем информации о биологических условиях жизни древнего человека превышает объем сведений о других аспектах этой жизни, исключая разве религиозную жизнь первых христиан в зеркале сочинений позднеримской патристики. Приходится, однако, сомневаться, что студенты классических отделений университетов хорошо знакомы с данными источниками, представляющими интерес лишь для небольшой группы специалистов[2]. Отмечая важность сочинений античной медицины для исследования второй группы проблем древней экологии, мы тем не менее должны признать первостепенную значимость здесь археологических источников. Специалисты по первобытной археологии, работающие в странах Северной Европы, давно практикуют современные научно-технические методы, позволяющие получить представление о древней окружающей среде. Сюда относятся палинология, дендрология, лимнология и ряд других методов, включая астрономические. Изучение экологических условий древности является потенциальной областью, где собственно археология, без опоры на письменные источники, могла бы снабдить нас информацией, достаточной для воссоздания картины этих условий в том или ином регионе в то или иное время. В самом деле, археология поведала бы нам куда больше об экологии Греции эпохи раннего железа, чем о ее социальной организации – центральной теме ряда последних археологических публикаций, посвященных "темным векам". Скрытые возможности античной археологии еще предстоит освоить ее специалистам, которые продолжают находиться в плену искусствоведческих традиций и отдают предпочтение классическим методам источниковедения.

Принимая во внимание задачи настоящей статьи, не выходящей за рамки краткого введения в обширную область научных знаний, остановлюсь вначале на вопросе об отношении древних греков и римлян к природе. Здесь я буду лаконичен по двум причинам. Во-первых, на эту тему уже имеется несколько хороших исследований, прежде всего работы К. Глакена, которому я обязан данной частью своей статьи, и Дж. Хьюза[3]. Во-вторых мои собственные интересы связаны со второй группой проблем древней экологии, исследование которых немыслимо без привлечения естественных наук. Основная часть статьи, таким образом, будет посвящена естественнонаучным проблемам древней экологии.

Понятие "экология" – сравнительно недавнее. Оно было введено в оборот Э. Геккелем, учеником Ч. Дарвина, в 1866 г. Однако, если принять к сведению греческую этимологию термина, происходящего от *oikos* – "домохозяйство", то можно прийти к заключению о существовании в античную эпоху родственных этому термину понятий. Многие сюжеты, попадающие в поле зрения современной экологии, служили предметом рефлексии и для античного человека. Самый простой и общий вывод, касающийся античных представлений о природе, состоит в том, что эти представления были весьма разнообразны. Древние люди, как и мы, чутко реагировали на сложность и многообразие природных явлений. Изменения климата – одна из глобальных проблем современной экологии, к ее рассмотрению я вернусь несколько позже. В системе античных воззрений на природу климату отводилась не меньшая роль, часто он мыслился доминантой образа жизни целых народов и причиной различий этнического поведения. Эмпедокл сформулировал теорию четырех первоэлементов. Она легла в основу учения Анаксагора и Алкмеона о противоположностях, в свою очередь повлиявшего на возникновение представлений о четырех первичных жидкостях (кровь, флегма, желтая и черная желчь). Зачатки этих представлений мы найдем у Гиппократа (De nat. hom. IV–VIII). Свое законченное выражение они получили в сочинениях Галена. Согласно этим представлениям, соотношение в человеческом теле четырех жидкостей меняется в зависимости от климата, причем всякое отклонение от их оптимального баланса ведет к заболеванию. Например, малярийная лихорадка приписывалась избытку в организме желтой и черной желчи. С помощью климата древние греки пытались объяснить причины индивидуальных болезней, на представлениях о климате строились их расхожие суждения о целых народах. В приписываемом Гиппократу трактате "О воздухе, воде и местности" говорится о жесткой зависимости от климата физических и душевных свойств

---

[2] См.: *Grmek M.D.* Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale: recherches sur la realité pathologique dans le monde grec. P., 1983. Автор книги – крупнейший специалист в данной области.

[3] *Glacken C.J.* Traces on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the End of the Eighteenth Century. Berkeley, 1967; *Hughes J.D.* Ecology in Ancient Civilisations. Albuquerque, 1975; *idem.* Pan's Travail: Environmental Problems of the Ancient Greeks and Romans. Baltimore, 1994. Отмечу также еще две работы по древней экологии: *Longo O.* Ecologia antica: il rapporto uomo/ambiente in Grecia // Aufidus. 1980. 6. P. 3–30; *Attenborough D.* The First Eden. L., 1987.

представителей тех или иных народов. В центре обитаемого мира автор локализует эллинов, на основании чего делается вывод, что климат Греции – наиболее благоприятный для достижения человеческого совершенства, тогда как прочие народы Европы, Азии и Африки, обитающие на краю ойкумены, отличаются множеством недостатков, обусловленных неблагоприятным климатом. Перед нами – теория вульгарного экологического детерминизма.

Древние греки не только проводили параллель между локальными особенностями климата и культурно-антропологическими различиями на уровне этносов, но и выявляли более общие закономерности в природе, что вело к формированию идей о *целесообразности* природного мира и о демиурге. В важном для понимания экологической мысли древних отрывке "Истории" Геродота (III.107–109) сообщается, что степень плодовитости у разных животных разная. Травоядные, пишет Геродот, более плодовиты, чем плотоядные, поскольку служат последним пищей. Так, львам вовсе не обязательно быстро размножаться, ибо никакой другой зверь не посмеет тронуть льва. Попутно заметим: современной биологической наукой установлено, что популяция плотоядных, которые занимают более высокий уровень трофической цепи, уступает по своим масштабам популяции травоядных. Энергетические затраты, возрастая по трофической цепи, ведут к сокращению масштабов популяции. Данное правило применимо к теплокровным млекопитающим. Холоднокровные хищники, например пауки, редко потребляют пищу, поэтому их популяция более многочисленна по сравнению с добычей, чем у теплокровных хищников. Рассуждения Геродота предвосхищают современную теорию энергообмена в природе, занимающую видное место в экологических дискуссиях сегодняшнего дня. В то же время аргументы древнего историка основаны на идее природной целесообразности, которая господствовала в естествознании вплоть до открытий Ч. Дарвина.

Античности были знакомы и другие теории, восходящие к упомянутой выше идее. Согласно Ксенофонту (Memor. I. 4.4–15), Сократ считал, что красота и совершенство человеческого тела и его отдельных органов (например, глаза) предполагают акт творения. Характерно, что современные биологи-эволюционисты не могут ответить на вопрос, каким образом такой сложный орган, как глаз, сформировался за столь краткий по сравнению с геологическими эпохами период становления жизни на Земле[4]. Древние греки выявили ряд закономерностей в области астрономии. Их увлечение небом способствовало распространению в эллинистическую эпоху астрологических концепций о сопричастности земной жизни небесных тел. Классическим примером такого рода построений можно считать "Четверокнижие" Птолемея. Вселенная не случайна, заявляет выдающийся астроном и астролог, у нее должен быть свой творец. Мне кажется, именно в отношении к идее творения Вселенной заключается глубокое различие между древним и современным научным мышлением. Платон (Tim. XXVII–XXXIII) уподоблял творца Вселенной ремесленнику-демиургу. Впоследствии это сравнение стало весьма популярным, в римскую эпоху к нему обращались Цицерон (De nat. deorum II.87) и Сенека. Во времена раннего христианства оно сыграло исключительную – с точки зрения отдаленных последствий – роль. Отцы церкви, позаимствовав античную идею целенаправленного сотворения мира, объявили "творцом-ремесленником" Бога. Так закладывались основы христианского воззрения на природу, господствовавшего почти два тысячелетия, пока Ч. Дарвин не опубликовал свое знаменитое "Происхождение видов". Автор мифа о ремесленнике-демиурге не доверял данным чувственного опыта человека, вследствие чего полагал, что наблюдаемые в природе различия между живыми организмами в сущности иллюзорны. Эта концепция Платона тоже оказывала значительное влияние на последующую естественнонаучную мысль вплоть до XIX в., когда Ч. Дарвин показал, что видовые различия у животных не только реальны, но и определяющи в ходе процесса естественного отбора[5].

Аристотель отверг миф Платона о божественном ремесленнике, но заимствовал у своего учителя идею целесообразности в природе и приспособил ее к собственному учению о цели и целесообразности. Согласно телеологии Аристотеля, все живое в природе наделено внутренней склонностью к развитию в сторону некоего абсолюта. Создатель Ликея не располагал техническими средствами, которые бы позволили ему увидеть эту таинственную "направляющую силу", называемую ДНК, поэтому он обратился к душе, объявив ее

---

[4] *Dawkins R.* The Eye in a Twinkling // Nature. 1994. 368. P. 690 f.

[5] О раннехристианских представлениях о природе см.: *Wallace-Hadrill D.S.* The Greek Patristic View of Nature. Manchester, 1968.

"вожатым" тела. Вклад Аристотеля в экологическую мысль древности главным образом связан с его биологическими сочинениями. Жизнь животных, полагает философ, подчинена двум задачам: добыче пищи и размножению. Современная биология также считает их центральными в экологии животных. В труде "О происхождении животных" Аристотель затрагивает вопросы эмбриологии и биологического развития животных, он фактически приходит к выводу, что родовые признаки развиваются прежде видовых. Это открытие предваряет современную теорию рекапитуляции, гласящую, что онтогенез живых организмов повторяет их филогенез. С.Дж. Гульд посвятил данной проблеме капитальное исследование, сыгравшее исключительную роль в развитии современной биологии[6]. В "Истории животных" Аристотель собрал объемный материал, касающийся образа жизни и поведения различных животных. В этом первом "учебнике зоологии" глубокие наблюдения соседствуют с курьезными фактами и нелепыми домыслами. Не исключено, что входящие в "Историю" книги являлись всего лишь черновиками, куда некритически заносились все доступные Аристотелю сведения. К тому же не ясно, в какой мере личные наблюдения "отца зоологии" нашли отражение в его комментариях; некоторые исследователи полагают, что значительную часть материалов Аристотель заимствовал у других авторов[7]. Особое внимание Стагирит уделил различиям между дикими и домашними животными[8]. Он следовал общепринятой в древности точке зрения, что животные созданы и существуют ради человеческого блага. Подобные идеи высказывал и Ксенофонт (Memor. IV.3.10). Античному человеку, по всей видимости, были чужды представления о "правах" животных.

Ученик и преемник Аристотеля Феофраст также интересовался вопросами, которые условно можно отнести к сфере экологии. В большей степени Феофраста интересовали растения, чем животные. Он считается создателем направления, называемого сегодня "биогеографией растений". Систематизировав известные ему ботанические знания, в том числе сведения, добытые греками в ходе восточной кампании Александра Великого, Феофраст пришел к выводу, что вследствие различных условий природной среды каждому региону сопутствует характерное только для него сообщество растений. Именно с таких позиций он описывал растительный мир Индии, долины Нила или болотистых берегов беотийского озера Копаиды. Феофраст – один из первых, кто высказал предположение, что человек своей деятельностью способен изменить окружающую среду и климат. Так, он отмечал, что осушение болот на территории ряда общин Фессалии и Македонии привело к изменению местного климата, в результате чего здесь перестали расти оливковые деревья. Перу Феофраста приписывают также сочинение о фазах увеличения и сокращения популяций животных. Данная проблема принадлежит к числу наиболее дискуссионных в современной популяционной биологии. Из всех древнегреческих авторов Феофраст ближе всех подошел к экологическим концепциям нашего времени. Он критиковал телеологию Аристотеля, поэтому его биологические трактаты выглядят более современно, чем аристотелевские. Во всяком случае они в большей степени соответствуют современным представлениям о "слепоте" естественного отбора. Впрочем, античные мыслители были далеки от теории Ч. Дарвина, несмотря на то что ее примитивные зачатки мы найдем уже у Эмпедокла[9].

К эллинистической эпохе относится появление традиции любоваться красотой природного мира как такового. Она сменила преобладающие со времен Ветхого завета (Быт. 1) утилитарные воззрения на мир животных и растений. Идиллическая красота природы запечатлена в произведениях Феокрита и других эллинистических поэтов. Эстетизация природы сочетается с прагматическим отношением к ней в философских взглядах стоиков, оказавших большое влияние на римских авторов, например Плиния Старшего, который заимствовал стоический образ *Natura artifex*, а также отождествлял "жизненную силу"

---

[6] *Gould S.J.* Ontogeny and Phylogeny. Cambr., Mass., 1977.

[7] *Byl S.* Recherches sur les grands traités biologiques d'Aristote: sources écrites et préjugés. Brussels, 1980. По мнению автора, Аристотель был "книжным червем".

[8] *Louis P.* La domestication des animaux à l'époque d'Aristote // Revue d'histoire des sciences et de leurs applications. 1970. 23. P. 189–201.

[9] *Bodson L.* Alexander the Great and the Scientific Exploration of the Oriental Part of His Empire // Ancient Society. 1992. 22. P. 127–138; *Theophr.* CP V. 14. 2–3 (об изменении климата в райне Ларисы по вине человека); *idem.* Peri tôn athroôs phainomenôn zôiôn. Fr. apud Phot. 527b11–528a39; *idem.* Metaphys. 9a16–11a18 (критика Феофрастом телеологии Аристотеля); *Emped.* 31 A 72, B 57–62 (Diels-Kranz); *Arist.* Phys. 198b29; 199a20–32.

(*pneuma*) стоиков с природой. В конце концов римский энциклопедист пришел к мысли, что Природа есть Бог (NH II.27)[10]. Однако, несмотря на убежденность Плиния в своей правоте, на его откровение никто не откликнулся. Эпикурейцы, как обычно, пошли своим путем, отказываясь объяснять природный мир в его целостности.

Как видно из вышеприведенных примеров, без учета представлений античного человека о природе невозможно понять его внутренний мир. Современные антропологи всячески подчеркивают дихотомию "природа – культура", уходящую корнями к любимому древнегреческой философией противопоставлению *phusis – nomos*. При этом они часто умаляют роль природного начала ь данном противопоставлении. Однако в глазах античного человека эти два полярных понятия были более близки друг другу, поскольку мир природы мыслился им как отражение людского космоса. Таким образом, ошибочно полагать, что история античных идей о природе – всего лишь часть истории естествознания, о которой студенты классических отделений знают понаслышке[11].

Хотя в статье уже поднят ряд вопросов, я еще не приступил к изложению собственно экологической истории древности. В дальнейшем я постараюсь показать, что для ее написания необходимо оставить в стороне античную традицию. Я уже попытался это сделать в своей книге[12], которую рекомендую в качестве дополнения к настоящей статье хотя бы потому, что в книге представлена более обширная библиография. Не все вопросы были рассмотрены мною на ее 600 страницах, поэтому ниже я остановлюсь именно на этих опущенных вопросах, а также на некоторых общих проблемах экологии античного Средиземноморья. Теоретическую базу экологии как академической науки образуют, во-первых, науки о Земле (климатология, геология и география), во-вторых, науки о жизни на Земле (ботаника, зоология и прочие разделы биологии). Второй группе наук будет посвящена заключительная часть моей статьи, а сейчас обратимся к проблемам климатологии.

Поскольку сами древние греки полагали, что климат оказывает сильное воздействие на все живое, кратко рассмотрим, что они знали о климате. Подробные сведения о метеорологических явлениях содержатся у Аристотеля и Феофраста. В крестьянском обществе, где большинство населения трудилось на земле, повышенный интерес к погоде был закономерен. Материал, почерпнутый из письменных источников, свидетельствует о том, что климат Греции V–IV вв. до н.э. существенно не отличался от современного. В древней Греции, как и сегодня, бывали холодная зима и жаркое лето, обильные осадки зимой и продолжительная засуха летом. Общего количества осадков в зоне типично средиземноморского климата хватало для поддержания вечнозеленой засухоустойчивой растительности, но не доставало, как и в наше время, для произрастания листопадных и хвойных деревьев. Межсезонный и межгодовой объемы осадков сильно колебались, а это вело к засухам. Ценную информацию о климате древней Греции дает один отрывок Феофраста, в свое время подмеченный Д. Эгинитисом. В нем говорится, что если в Греции посадить финиковую пальму, то она примется, но не сможет плодоносить. Аналогичную картину можно наблюдать в сегодняшней Греции. Это значит, что средняя летняя температура в Южной Эгеиде на рубеже IV–III вв. до н.э. была в пределах нынешних показателей[13]. К сожалению, древние греки и римляне не вели регулярные записи (по месяцам и годам) метеорологических наблюдений – еще одно, досадное в нашем случае, проявление полного безразличия античного человека к статистике. У античных авторов мы не найдем никакой статистической информации, которая позволила бы проследить эволюцию климата в течение длительного времени.

К счастью, в нашем распоряжении имеются другие способы получения такой информации. Я имею в виду данные археологии вкупе с естественнонаучными методами изучения древней экологии. Важнейшим из этих методов является палинология – анализ крупиц цветочной пыльцы. С помощью палинологии можно определить ареал распространения в древности растений с теми или иными климатическими характеристиками, на основании

---

[10] *Beagon M.* Roman Nature: the Thought of Pliny the Elder. Oxf., 1992.

[11] О месте полярных противопоставлений в мышлении древнего человека см.: *Cartledge P.A.* The Greeks. Oxf., 1993.

[12] *Sallares R.* The Ecology of the Ancient Greek World. L., 1991 (*прим. переводчика*).

[13] *Eginitis D.* Le climat de l'Attique // Annales de géographie. 1908. 17. P. 413–432; *Theophr.* HP III.3.5 (о финиковой пальме); *Garnsey P.D.A.* Famine in the Graeco-Roman World; Responses to Risk and Crisis. Cambr., 1988 (о последствиях для сельского хозяйства неустойчивости климата); *Croke B.* Climatic Change in Antiquity // Ancient History (Macquarie, Australia). 1990. 20. P. 168–175.

чего делается вывод о самом климате. Данный метод весьма перспективен, хотя и сопряжен с рядом трудностей, на которых следует остановиться, чтобы показать всю сложность лабораторно-полевых палеоэкологических исследований. Во-первых, в Средиземноморье в отличие от Северной Европы мало мест из-за редкости озер и болот, где встречаются древние отложения цветочной пыльцы. (Условия окружающей среды в Средиземноморье в отличие от европейского Севера в целом менее благоприятны для палеоэкологических исследований. Сказанное относится не только к палинологии, но и к дендрохронологии: природа Средиземноморья малоблагоприятна для консервации древесной органики.) Во-вторых, большинство средиземноморских растений не выбрасывает пыльцу в воздух. Их опыление происходит с помощью насекомых, а не ветра. Культивируемые в античном Средиземноморье злаки, в том числе пшеница и ячмень, самоопылялись. Поэтому за динамикой посевных площадей в античности можно проследить лишь на основании косвенных данных, например по остаткам пыльцы сопутствующих пашне сорняков. Результаты пыльцевого анализа могут быть ошибочными при определении географического ареала как не опыляемых ветром растений, так и растений с высокомобильной в воздухе пыльцой. К последним относится оливковое дерево. В ходе исследований было установлено, что на территории Мессении, где множество оливковых плантаций, пыльца этих растений практически не встречается, зато на склонах соседних Аркадских гор, непригодных для разведения олив, их пыльца, занесенная сюда ветром, встречается на каждом шагу. Наконец, результаты палинологического анализа часто не поддаются точной датировке. В отдельных случаях обгорелую пыльцу можно подвергнуть радиоуглеродному анализу, но и он не дает точной датировки[14].

Сравнительно новым и перспективным в изучении палеоклимата методом является дендрохронология. Ежегодно у растущего дерева появляется новое кольцо. Его ширина зависит от температуры и количества осадков в течение года. Из всех археологических материалов, пожалуй, кольца деревьев дают самую надежную хронологию. В средиземноморской дендрохронологии в последнее время сделано несколько интересных открытий. Так, Дж. Нойманн, исследовав субальпийскую хвойную растительность, показал, что примерно в 218 г. до н.э., когда Ганнибал переходил через Альпы, местный климат отличался мягкостью. Этот факт отчасти объясняет успех дерзкого предприятия карфагенского полководца, сумевшего преодолеть Альпы с целой армией, включавшей наряду с пехотинцами всадников и слонов. К эпохе Августа климат в регионе ухудшился, и его описание было произвольно перенесено Титом Ливием в описание альпийской кампании Ганнибала[15]. Находки дерева из афинского Парфенона, датируемые V в. до н.э., подтверждают предположение, что в ту эпоху, как и сегодня, климат Греции был подвержен значительным межгодовым колебаниям. Датировкой истории Балканской Греции и сопредельных областей на основе дендрохронологических исследований занимается П. Канихольм из Корнелльского университета. Им составлена шкала абсолютной хронологии региона вплоть до эпохи средневековья. Шкала включает ряд "темных" с точки зрения хронологии периодов, в том числе гомеровский и крито-микенский. Когда все ее лакуны будут окончательно заполнены, а "плавающие" датировки состыкованы, станет возможным написание истории климата античного Средиземноморья во всех ее мельчайших подробностях[16].

Углубление наших знаний о климате прошлого рано или поздно позволит решить некоторые спорные вопросы древней истории. В связи с данным высказыванием вначале упомяну поддерживаемую рядом ученых гипотезу о "трех катастрофических засухах", а затем остановлюсь на одной более общей проблеме, интересующей меня. Существует мнение, что около 1200 г. до н.э. на Восточное Средиземноморье обрушилась сильнейшая

---

[14] *Sallares.* Op. cit. P. 474. Not. 31 (см. литературу о палинологических исследованиях в Греции). Добавлю к этому списку работы, затрагивающие эпоху первобытности: *Bennett K.D., Tzedakis P.C., Willis K.J.* Quaternary Refugia of North European Trees // Journal of Biogeography. 1991. 18. P. 103–115 (о средиземноморском побережье в ледниковую эпоху как "прибежище" флоры, характерной для современного европейского Севера); *Willis K.J.* The Late Quaternary Vegetational History of Northwest Greece // New Phytologist. 1992. 121. P. 101–155.

[15] *Neumann J.* Climatic Conditions in the Alps in the Years about the Year of Hannibal's Crossing (218 B.C.) // Climatic Change. 1992. 22. P. 139–150.

[16] *Kuniholm P.I., Striker C.L.* Dendrochronological Investigations in the Aegean and Neighbouring Areas, 1983–1986 // Journal of Field Archaeology. 1987. 14. P. 385–398; *Kuniholm P.I.* Dendrochronological Wood from Anatolia and Environs // Bulletin on Sumerian Agriculture. 1992. 6. P. 97–98.

засуха, которая продолжалась несколько лет. Данное предположение служит аргументом, с помощью которого пытаются объяснить причины почти синхронного упадка и исчезновения в конце эпохи поздней бронзы старых политических центров Восточного Средиземноморья и Передней Азии (микенская Греция, держава хеттов, египетское Новое царство и т.д.). Такое объяснение было бы заманчивым, если бы опиралось на имеющиеся в распоряжении палеоэкологов свидетельства, но они, к сожалению, отсутствуют[17]. Другой "ареной" катастрофической засухи часто выступает Аттика второй половины VIII в. до н.э. Сторонники данной гипотезы обычно связывают с засухой начало Великой греческой колонизации[18]. Наконец, некоторые исследователи считают, что во второй половине IV в. до н.э. Аттика испытала еще одну сильнейшую засуху, длившуюся на протяжении нескольких десятилетий[19]. В подтверждение двум последним гипотезам привлекаются: в первом случае показатели уровня воды в колодцах на афинской агоре VIII в. до н.э., во втором – свидетельства письменных источников о снабжении Афин продовольствием в IV в. до н.э. Что касается уровня воды в колодцах, то, несмотря на высокую степень достоверности такого рода свидетельств, его нельзя напрямую связывать с количеством дождевых осадков и характером климата в целом. В климатологии принято критически относиться ко всякого рода показаниям, не связанным непосредственно с погодными явлениями. В упоминаниях же о регулярной нехватке продовольствия в Афинах IV в. до н.э. я вижу отражение характерной и для современного Средиземноморья климатической картины с явно выраженными межгодовыми колебаниями количества осадков. Ни один из аргументов в пользу гипотезы о "трех катастрофических засухах" мне не кажется убедительным, так что подождем окончательных результатов дендрохронологических исследований.

Скептическое отношение к вышеприведенной гипотезе не означает, однако, исключения возможности пусть менее внезапного, зато более глубокого влияния перемен климата на древние цивилизации. В своей уже упомянутой книге я, опираясь на последние результаты археологических исследований, показал, что численность населения Греции была подвержена циклическим флуктуациям. Периоды перенаселенности здесь, прежде всего в сельской местности, чередовались с периодами ее обезлюдения. Несмотря на отдельные региональные различия, эти демографические флуктуации в целом были синхронны в масштабах всей страны. Они прослеживаются вглубь веков, начиная с нового времени и кончая эпохой бронзы или даже более ранними эпохами. К сказанному в книге попутно добавлю, что новейшие археологические данные, относящиеся к Спарте, которые были получены после выхода в свет моей книги, подтверждают ее основные выводы. Кроме того, сошлюсь на архивы Османской империи, из которых видно, что в позднем средневековье и начале нового времени Греция была крайне мало населена. Эти сведения, кстати, игнорируемые противниками теории флуктуаций населения в античности, служат косвенным подтверждением моего предположения о том, что в отдельные периоды античной истории (например, в эпоху раннего железа или позднеэллинистический период) резко сокращалась численность населения, по крайней мере Балканской Греции[20].

К сожалению, здесь нет места повторять выводы о причинах демографических флуктуаций в древней Греции, сделанные в предыдущей работе. Рассмотрю лишь один вопрос, опущенный мною в монографии и представляющий бесспорный интерес в контексте нас-

---

[17] Впервые эта гипотеза прозвучала в книге: *Carpenter R.* Discontinuity in Greek Civilization. Cambr., 1966. Недавно она вновь рассмотрена: *Drews R.* The End of the Bronze Age. Princeton, 1993. P. 77–84.

[18] *Camp J. McK.* A Drought in the Late Eighth Century B.C. // Hesperia. 1979. 48. P. 397–411; *Cawkwell G.L.* Early Colonisation // Classical Quarterly. 1992. 42. P. 289–303. Автор неверно полагает, что засуха несовместима с возрастанием численности населения. Вызывают сомнения и некоторые другие его аргументы.

[19] *Camp J. McK.* Drougth and Famine in the Fourth Century B.C. // Hesperia. 1982. 20. Suppl. P. 9–17.

[20] Например: *Alcock S.E.* Graecia Capta: The Landscapes of Roman Greece. Cambr., 1992. В работе не учтены демографические данные, относящиеся к Греции эпохи турецкого владычества. Это является досадным упущением автора, который полагает, что "пустынная Греция" – литературный штамп западноевропейских романтиков, заимствованный ими у античных авторов. По данным турецких цензов, население Греции конца XVIII – начала XIX в. было крайне малочисленным, так что романтическая традиция описания Эллады в значительной степени опиралась на реальную действительность. Согласно С. Элкок, возрождение греческой деревни и сельского хозяйства было результатом падения турецкого ига, однако в книге ни слова не сказано о том, что эти поступательные процессы во многом обусловлены демографическим взрывом, наблюдавшимся в Греции в первой половине XIX в., когда только за четверть века, с 1838 по 1864 г., население страны увеличилось на 45%.

тоящей статьи. Были ли циклические флуктуации населения древней Греции каким-то образом связаны с колебаниями климата? По правде говоря, в нашем распоряжении столь мало надежной информации, что любое обсуждение этого вопроса будет иметь спекулятивную окраску (одна из причин моего прежнего молчания по этому поводу). Тем не менее вопрос нельзя сбрасывать со счетов хотя бы потому, что подобная связь зафиксирована в отношении Европы начала нового времени[21]. Учитывая уже имеющиеся выводы, я бы предложил свою "схему" такой связи применительно к древности. Малейшее изменение климата вело к тому, что худшие (marginal) сельскохозяйственные территории становились совершенно непригодными для земледелия, а эксплуатация лучших земель существенно возрастала. Данная схема представляется удачной для Греции с ее областями типично средиземноморского климата, малопригодными для выращивания пшеницы.

Эпоху голоцена (последние десять тысяч лет), в рамках которой возникла и существует человеческая цивилизация, можно считать относительно спокойной с точки зрения климата, если сравнить ее с предыдущими тремя миллионами лет четвертичного ледникового периода. Материалы, полученные в ходе исследования ледниковых отложений Гренландии и Антарктиды (на русской станции "Восток")[22], показывают, что в четвертичный период на фоне длившихся десятки тысяч лет чередований ледниковых и межледниковых стадий происходили краткосрочные, *продолжительностью до 20 лет*, климатические скачки, сопровождавшиеся повышением или понижением среднегодовых температур на 5–10°С. Случись подобное в наше время, человечество было бы повергнуто в хаос. Спокойствие голоцена явилось благоприятным фактором для возникновения и развития человеческой цивилизации. К сожалению, нам не известны причины такого длительного спокойствия. Означает ли оно окончательное завершение ледникового периода или является затишьем перед бурей? Пока мы не можем предугадывать ход глобальных процессов природы[23].

Несмотря на относительное спокойствие голоцена, мы располагаем свидетельствами о достаточно сильных изменениях климата, оказавших влияние на историю первых цивилизаций на древнем Востоке. Остановимся на этом раннем этапе истории экологии: ее факты не только хорошо иллюстрируют роль климата в судьбе человеческой цивилизации, но и свидетельствуют о пользе новых подходов к изучению древней экологии, в частности метода моделирования. Кроме того, обращение к более раннему по сравнению с классическим материалу выведет нас на некоторые глобальные проблемы истории экологии Средиземноморья.

Согласно имеющимся данным исследований, средние широты Северного полушария Старого Света в буквальном смысле слова наслаждались климатом плювиального периода, продолжавшегося примерно с X по III тыс. до н.э. (Более точная датировка периода затруднена ввиду плавности и постепенности происходивших в это время климатических процессов.) В Дартмуре (Англия) сохранились следы древних полей, заброшенных еще в эпоху средней бронзы и с тех пор никогда не возделывавшихся. Видимо, в ту далекую пору местный климат был значительно теплее. Данные пыльцевого анализа с территории Центральной Европы показывают, что во времена прихода туда (согласно миграционной модели А. Аммерманна и Л. Кавалли-Сфорцы) первых земледельцев из Передней Азии средняя температура в регионе была на 2°С выше современной. Не потому ли Центральная Европа притягивала теплолюбивых жителей Передней Азии[24]?

Геоморфологические показатели древних уровней африканских озер позволяют гово-

---

[21] *Galloway P.R.* Long-term Fluctuations in Climate and Population in the Preindustrial Era // Population and Development Review. 1986. 12. P. 1–24. В своей книге (The Ecology...) я уделил основное внимание демографическим процессам в полисах южной части Эллады. Аналогичное исследование, касающееся Северной Греции, см.: *Corvisier J.-N.* Aux origines du miracle grec: peuplement et population en Grèce du Nord. P., 1991. По мнению автора исследования, значительный рост населения в этом регионе в классическую эпоху привел к возвышению Македонии при Филиппе II и Александре Великом.

[22] *Barnola J.M., Raynaud D., Korotkevich Y.S. et al.* Vostok Ice Core Provides 160 000 Year Record of Atmospheric CO_2 // Nature. 1987. 329. P. 408–414.

[23] *Bond G. et al.* Correlations between Climate Records from North Atlantic Sediments and Greenland Ice // Nature. 1993. 365. P. 143–147 (о непродолжительных климатических колебаниях); *Roberts N.* The Holocene: an Environmental History. L., 1989 (общий обзор климата голоцена).

[24] *Huntley B., Birks H.J.B.* An Atlas of Past and Present Pollen Maps for Europe: 0–13 000 Years Ago. V. 1–2. Cambr., 1983; *Ammermann A.J., Cavalli-Sforza L.L.* The Neolithic Transition and the Genetics of Populations in Europe. Princeton, 1984.

рить, что озеро Чад, например, когда-то было намного больше и являлось скорее внутренним морем "Мегачад", чем озером. Значительную часть Сахары и Сахеля в ту эпоху покрывали большие по площади мелководные озера. Между озер простирались пастбищные луга, где водились разнообразные крупные животные, включая водолюбивых гиппопотамов, чьи кости были найдены здесь археологами. Расхожей фразе о том, что Египет – дар Нила, мы обязаны Геродоту, но только в наши дни, в свете новейших открытий, появилась возможность по достоинству оценить ее справедливость. В последний ледниковый период Нил был мелководной рекой. В послеледниковом плювиале, благодаря обильным ливням в Восточной Африке, уровень воды в реке поднялся и огромная масса нильского ила осела в Средиземном море. Примерно с VII тыс. до н.э., после того как угол наклона реки уменьшился из-за поднятия уровня моря, ил стал в основном оседать в Дельте, делая ее пригодной для земледелия. В VI – первой половине III тыс. до н.э. в Египте выпадало намного больше осадков, чем теперь, поэтому границы плодородных земель выходили за рамки узкой речной долины. С постепенным ухудшением климата с конца III тыс. до н.э. число поселений в долине Нила сокращается, уровень воды в реке снижается, сильные засухи и массовый голод приводят, по мнению некоторых исследователей, к падению Древнего царства[25].

Археологические раскопки в Сирии, проводимые в последнее время, показали, что гибель местной цивилизации эпохи ранней бронзы (около 2200 г. до н.э.) связана с резкими изменениями условий окружающей среды. Аналогичные причины обусловили упадок цивилизаций конца периода ранней бронзы II в Анатолии, Греции и на Кипре, куда вскоре после этого приходят индоевропейцы[26]. Урук, самый древний город на Земле, возникший еще в IV тыс. до н.э., сегодня лежит в безжизненной пустыне, где некогда начиналась история Эдема. С исчезновением летних дождей, которые вымывали из верхних слоев почвы солевые отложения, неминуемые при ирригации, усиливалось засоление почвы. Этот процесс, начавшийся во второй половине III тыс. до н.э., затруднял выращивание пшеницы, заставляя земледельцев переходить к солеустойчивому ячменю, но постепенно засоление почвы достигло такого уровня, при котором стало невозможным и выращивание ячменя. О резком снижении урожаев зерна повествуют шумеро-аккадские документы конца III тыс. до н.э. Именно в это время происходит крушение древнейшей в мире цивилизации шумеров. С тех пор Южный Ирак не переставал быть ареной всевозможных экологических катастроф[27]. В V тыс. до н.э. климат Аравийского полуострова тоже был более влажным. Не случайно начиная с этого времени вдоль аравийских берегов Персидского залива распространяется южномесопотамская культура Убейд. Другая неолитическая культура той эпохи, впоследствии развившаяся в блестящую Индскую цивилизацию, занимала, согласно археологическим картам, обширную территорию современной пустыни Тар.

Результаты палинологических наблюдений говорят о том, что в эпоху неолита в Восточном Средиземноморье, в частности на территории современного Израиля, произрастали обширные леса, в основном состоявшие из влаголюбивого листопадного дуба, а не его засухоустойчивого вечнозеленого тезки, типичного для современного средизем-

---

[25] *Foucault A., Stanley D.J.* Late Quaternary Palaeoclimatic Oscillations in East Africa Recorded by Heavy Minerals in the Nile Delta // Nature. 1989. 339. P. 44–46; *Ritchie J.V., Haynes C.V.* Holocene Vegetation Zonation in the Eastern Sahara // Nature. 1987. 330. P. 645–647; *Butzer K.W.* Archaeology and Geology in Ancient Egypt // Science. 1960. 132. P. 1617–1624; *Hassan F.A.* Holocene Lakes and Prehistoric Settlements of the Western Faiyum, Egypt // Journal of Archaeological Science. 1986. 13. P. 483–509 (автор статьи пишет, что Меридово озеро, чье описание у Геродота продолжает вызывать ученые споры, существовало только во влажные периоды климата Нильской долины); *Stanley D.J., Warne A.G.* Sea Level and Initiation of Predynastic Culture in the Nile Delta // Nature. 1993. 363. P. 435–438.

[26] *Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W. et al.* The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. 1993. 261. P. 995–1004. Данную информацию я получил, участвуя в дискуссии, посвященной причинам упадка городов Месопотамии и Леванта в конце III тыс. до н.э., организованной Э. Пельтенбергом. Дискуссия проходила в рамках VII ежегодной конференции Британской ассоциации по изучению древней истории Ближнего Востока, состоявшейся в декабре 1993 г. в Манчестере.

[27] *Artzy M., Hillel D.* A Defence of the Theory of Progressive Soil Salinization in Ancient Southern Mesopotamia // Geoarchaeology. 1988. 3. P. 235–238, где приводятся аргументы в защиту теории Т. Якобсена (*Jacobsen T.* Salinity and Irrigation Agriculture in Antiquity: Diyala Basin Archaeological Report on Essential Results, 1957–58. Malibu, 1982) от критики М. Пауэлла (*Powell M.A.* Salt, Seed, and Yields in Sumerian Agriculture: a Critique of the Theory of Progressive Salinization // Zeitschrift für Assyriologie. 1985. 75. P. 7–38).

номорского пейзажа[28]. Как правило, дождевые облака ослабляют интенсивность солнечных лучей, поэтому можно предполагать, что в эпоху неолита лето в Средиземноморье было прохладнее, чем сегодня. В неолите в Греции широко водилась липа, ныне сохранившаяся здесь в реликтовом виде лишь в нескольких местах на юге страны. Листопадные дубовые леса в Средиземноморье исчезли, причем не без влияния человека, возможно, уже к III тыс. до н.э. – началу эпохи бронзы. О значительном сокращении лесов в рассматриваемое время свидетельствуют данные пыльцевого анализа из Южной Греции. Некоторые археологи объясняют это явление антропогенными факторами. Данное объяснение вовсе не бесспорно: тем, кто настаивает на роли деятельности человека в сокращении лесных массивов, возражают сторонники гипотезы об ухудшении климата как основной причины исчезновения средиземноморских лесов[29]. Возможны и другие объяснения этого феномена. Например, молодые листопадные побеги чаще, чем вечнозеленые растения, страдали от потравы скота, всюду сопровождавшего неолитических пастухов и земледельцев. Допуская возможность каждого из этих объяснений, я все же вновь хотел бы напомнить о существовании на территории Сахары вплоть до III тыс. до н.э. озер и морей. Данный факт убедительно говорит о том, что в послеледниковый плювиальный период объем атмосферных осадков намного превосходил их сегодняшнее количество. Сокращение этого объема в эпоху ранней бронзы было, пожалуй, главной причиной исчезновения средиземноморских лесов.

От *описания* экологических процессов III тыс. до н.э., сопровождавшихся политическими потрясениями в Передней Азии и Восточном Средиземноморье, перейдем к их *объяснению*. Причины повышенного содержания влаги в атмосфере в послеледниковый плювиальный период устанавливаются с помощью сложного математического моделирования глобальных климатических процессов, происходивших на Земле. Ледниковые и межледниковые циклы были соотнесены с периодическими изменениями объема получаемой Землей солнечной радиации. По теории М. Миланковича, эти изменения обусловлены периодическими отклонениями земной орбиты по отношению к Солнцу. В итоге расчетов была получена следующая картина. В послеледниковый период наклон земной оси относительно Солнца был сильнее, чем в наше время. Северное полушарие находилось в более наклоненном к Солнцу положении. Точка перигелия (максимально близкого расстояния до Солнца) достигалась, когда в Северном полушарии было лето, а не зима, как в настоящее время, поэтому летние температуры в северных широтах были на 2–3°С выше современных. Возникавшие в результате температурные контрасты между океаном и сушей служили источником влажных ветров и более высоких, чем сегодня, перепадов атмосферного давления, которые в свою очередь вызывали сильные муссоны, широко разносившие влагу. В итоге тропическая и субтропическая зоны Северного полушария получали в послеледниковый период намного больше осадков, чем в наши дни. И только с конца III тыс. до н.э. в средиземноморских субтропиках устанавливается сухой летний климат. К этой картине можно добавить еще одну любопытную деталь. В ходе последних экспериментов установлено, что резкое возрастание в атмосфере концентрации углекислого, или "парникового", газа наблюдалось в прошлом не только в конце последнего ледникового периода (примерно 10 тыс. лет тому назад), но и около 2400 г. до н.э., т.е. в период, когда окончательно формируется современный климат. Повышение в атмосфере содержания двуокиси углерода обычно связывают с общим потеплением, поэтому последний факт может показаться не соответствующим свидетельствам о глобальном похолодании в III тыс. до н.э. В действительности все обстояло сложнее. "Парниковый эффект" середины III тыс. до н.э., причины которого до сих пор неизвестны, компенсировал связанное с очередным отклонением земной орбиты повсеместное понижение температур и, возможно, предотвратил наступление нового ледникового периода[30].

---

[28] *Horowitz A., Gat J.R.* Floral and Isotopic Indications for Possible Summer Rains in Israel during Wetter Times // Pollen et Spores. 1984. 26. P. 61–68.

[29] *Hempel L.* The "Mediterraneanization" of the Climate in Mediterranean Countries – a Cause of the Unstable Ecobudget // Geo-Journal. 1987. 14. 2. P. 163–173; ср.: *Brückner H.* Man's Impact on the Evolution of the Physical Environment in the Mediterranean Region in Historical Times // Geo-Journal. 1986. 13. 1. P. 7–17.

[30] *Kutzbach J.E., Street-Perrott F.A.* Milankovitch Forcing of Fluctuations in the Level of Tropical Lakes from 18 to 0 kyr BP // Nature. 1985. 317. P. 130–134; Climatic Changes of the Last 18000 Years: Observations and Model Simulations // Science. 1988. 241. P. 1043–1052; *White J.W.C., Ciais P., Figge R.A. et al.* A High-resolution Record of Atmospheric CO_2 Content from Carbon Isotopes in Peat // Nature. 1994. 367. P. 153–156.

Как ни парадоксально, история экологии древней Передней Азии III тыс. до н.э. сегодня известна лучше, чем история экологии античных Греции и Рима. Из констатации этого малоутешительного для антиковедов факта следует извлечь три урока. *Первый*: сравнение данных античной традиции и документальных источников, скажем, из Месопотамии подчеркивает анекдотичность информации, содержащейся в первой группе источников, особенно ощутимую современными экологами. Из клинописных табличек можно почерпнуть множество сведений, правда, зачастую спорных с точки зрения их перевода, об урожаях зерна. Полученная информация поддается разбивке на временные группы, что позволяет в конечном счете проследить эволюцию урожаев на протяжении довольно длительных временных отрезков. Сопоставляя полученные результаты с другими фактами экологической истории, можно воссоздать картину того, как изменения окружающей среды сказывались на развитии сельского хозяйства. Ничего подобного ожидать от античных авторов не приходится. Вот почему особое значение в изучении экологии древних Греции и Рима приобретает археология. К сожалению, в данной области еще множество пробелов, которые предстоит ликвидировать (в этом – *второй поучительный урок*). Археологи-античники, как правило, имеют хорошую искусствоведческую подготовку и мало интересуются проблемами экологии. Они почти не практикуют сбор и дальнейшую обработку растительного и животного материала, в обилии встречающегося при раскопках, не говоря уже о разнообразных и технически сложных методах палеоэкологического анализа. Таким образом, дальнейшие успехи в изучении экологии античного мира будут во многом зависеть от отношения к ней современных археологов. Справедливости ради замечу, что археологи-классики, работающие в странах Северной Европы (например в Англии), где невозможно подпасть под "чары" античной традиции, классической скульптуры или древнегреческой расписной керамики, более осведомлены в проблемах древней экологии, чем их коллеги из стран Средиземноморья. *Третий важный урок состоит в том, что случай с экологической ситуацией* III тыс. до н.э. наглядно иллюстрирует целесообразность математического моделирования в области древней экологии. Оно позволяет получать объективные результаты, основанные на математических расчетах сложных природных явлений и абсолютно не зависимые от археологического материала, к которому обращаются палеоэкологи. В этом – преимущество древней экологии по сравнению с традиционным антиковедением, часто замыкающимся в кругу самодостаточного анализа письменных источников. Кроме того, напомню читателям, что события экологической истории III тыс. до н.э. затрагивают такую важную и спорную проблему экологии античного Средиземноморья, как исчезновение лесов.

Со второй половины III тыс. до н.э. в ряде мест Средиземноморья происходило сокращение лесных массивов. Одновременно менялся состав лесов: на смену листопадным деревьям приходила вечнозеленая растительность. Теперь уже очевидно, что отступление лесов было результатом главным образом глобальной перемены климата, хотя не следует при этом сбрасывать со счета деятельность человека. Этот процесс продолжался в последующие тысячелетия, и его дальнейшие этапы нуждаются в более детальном объяснении. Некоторые районы Южной Греции лишились лесных покровов еще в эпоху ранней бронзы, когда здесь установился неблагоприятный для круглогодичной вегетации засушливый в летние сезоны климат. Что касается северной части Греции, то в тех ее областях, которые находятся за пределами зоны типично средиземноморского климата, леса сохранялись до второй половины I тыс. до н.э. и даже позже. Иными словами, процесс исчезновения здесь лесов продолжался в классическую эпоху, о чем упоминают античные авторы. Так, в одном отрывке Платона говорится об исчезновении лесов в Аттике[31]. Древние греки постоянно нуждались в большом количестве леса, который шел на строительство зданий и плавку металлов, например серебра в Аттике или меди на Кипре. В V–IV вв. до н.э. афиняне были вынуждены вывозить из отдаленных регионов корабельный лес для строительства своего флота. Не случайно их северная колония Амфиполь имела для них стратегическое значение. Потребность в лесе в классическую эпоху была столь велика, что, по оценке некоторых современных истори-

[31] *Plat.* Krit. 111c. Данный отрывок разбирается в книге: *Meiggs R.* Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. Oxf., 1982. P. 189–191. Об исчезновении лесов в древней Передней Азии см.: Trees and Timber in Ancient Mesopotamia // Bulletin on Sumerian Agriculture. 1992. V. 6.

ков, именно в эту эпоху хищническое истребление лесов привело к нынешним голым пейзажам во многих местах Средиземноморья[32]. Без сомнения, древний человек в ответе за исчезновение леса в отдельных областях Средиземноморья, например в горах Ливана, снабжавших кедром Египет и другие государства на протяжении нескольких тысячелетий, или на Крите, некогда славившемся своими кипарисовыми деревьями[33].

В последнее время, впрочем, появились исследования, авторы которых пересматривают тезис о губительном воздействии человека на средиземноморские леса в античности. О. Рэкхэм, наиболее известный представитель данного направления, считает, что в ряде мест Средиземноморья, таких, как Аттика, где мощные известняковые пласты не задерживают влагу, леса изначально были обречены на вымирание. По мнению исследователя, описания пейзажей у древнегреческих авторов соответствовали современной им действительности. Правда, под "лесом" древнегреческих текстов мы должны понимать кустарники и прочую мелкую растительность, поскольку авторы этих текстов никогда не видели настоящего леса с деревьями-великанами наподобие северных лесов[34]. Сложность "лесной проблемы" возрастает, если принять во внимание то обстоятельство, что многие средиземноморские леса вторичны, поскольку появились на месте прежних пустошей. Типичный пример – алеппская сосна (*Pinus halapensis*). Это дерево сегодня в Греции встречается повсюду, тогда как в эпохи неолита и бронзы оно было редким на Балканах. Сосна распространилась здесь в более позднее время главным образом по той причине, что ее семена хорошо всходят на местах пустошей и пожарищ.

Аргументы О. Рэкхэма представляются убедительными для тех областей Средиземноморья, где отсутствие геологических водоупорных пластов сочетается с засушливым климатом. По причине летней засухи средиземноморская флора представлена более разнообразным букетом растений-однолеток, успевающих завершить свой жизненный цикл за период между двумя сухими сезонами, чем растительный мир северных или тропических широт. Кроме того, аридный летний климат препятствует восстановлению плодородия почвы после вспашки, поэтому средиземноморские почвы часто очень бедны. Скудость почв благоприятствует разнотравью. Этот парадоксальный феномен экологически объясним. Там, где условия окружающей среды неблагоприятны, выживает множество видов, и наоборот, в благоприятных экологических условиях сильнейшие виды быстро вытесняют своих более слабых конкурентов. Всем известно, как славится Средиземноморье своими травами и цветами.

Приведенный выше обзор различных точек зрения показывает, что писать историю экологии Средиземноморья – дело непростое. Во всяком случае оно требует учета различных факторов, особенно если речь идет об оценке последствий человеческого воздействия на природу. Допуская широкие обобщения в случае с III тыс. до н.э., поскольку происходившие тогда экологические процессы имели глобальный характер, мы не можем сделать то же самое по отношению к I тыс. до н.э. История экологии античного Средиземноморья более фрагментарна и противоречива и, как представляется, человеку в ней отведена более важная роль по сравнению с предыдущими эпохами. В то же время в ней проступает несколько важнейших тенденций, к описанию которых мы перейдем чуть позже.

Концепция Ф. Броделя о гетерогенности исторического времени продолжает оставаться привлекательной для историков и экологов вопреки заявлениям, что она – всего лишь

---

[32] См., например: *Hughes J.D., Thirgood J.V.* Deforestation, Erosion and Forest Management in Ancient Greece and Rome // Journal of Forest History. 1982. 26. P. 60–75, где особо подчеркивается антропогенный фактор среди причин массового исчезновения лесов в Средиземноморье.

[33] *Mikesell M.W.* The Deforestation of Mt. Lebanon // Geographical Review. 1969. 59. P. 1–28. В указанной статье среди "охотников" за ливанским кедром помимо египетских фараонов называются месопотамские цари и – впоследствии – персы, греки, римляне и арабы. Автор статьи отмечает, что при императоре Адриане были установлены межевые знаки вдоль границ ливанского леса. Сегодня эта территория включает обширные пространства, лишенные не только деревьев, но и каких-либо кустарников. К настоящему времени здесь сохранилось 12 небольших заповедных участков, где произрастает ливанский кедр.

[34] *Rackham O.* Land-use and the Native Vegetation of Greece // Archaeological Aspects of Woodland Ecology / Ed. M. Bell, S. Limbrey. Oxf., 1982. P. 177–198.

дополнение к великому множеству исторических фактов и эмпирических наблюдений[35]. На основе этой концепции экологическая история средиземноморского мира представляется следующим образом. Самую протяженную шкалу времени, исчисляемую десятками миллионов лет, занимает геологическая история Средиземного моря, возникшего из остатков древнего моря Тетис, когда-то разделявшего Европу, Азию и Африку. В далеком будущем Средиземное море исчезнет, так как несущие Европу и Африку тектонические плиты постепенно сближаются друг с другом. При их нынешней скорости это произойдет примерно через 30–40 миллионов лет[36]. В пределах временной шкалы в несколько миллионов лет шло становление средиземноморского климата с характерным для него сухим летом. Процесс формирования климата в значительной степени зависел от геологических процессов. Прежде всего отмечу поднятие Тибетского плато, изменившее атмосферную циркуляцию в Северном полушарии. В результате сильные континентальные северо-восточные ветры стали источником летней засухи в Средиземноморье. Это произошло около двух-трех миллионов лет назад[37]. Если Тибет и Гималаи начнут опускаться, что в принципе не исключено, то это приведет к существенным переменам средиземноморского климата.

В рамках следующей временной шкалы, насчитывающей несколько сотен тысяч лет, формировалась флора Средиземноморья. Пыльцевой анализ свидетельствует о том, что оливковое дерево (*Olea europaea*) появилось не раньше середины плейстоцена[38]. В четвертичный период стадии наступления ледника, продолжавшиеся примерно по сто тысяч лет, чередовались с межледниковыми стадиями длительностью от 10 до 20 тысяч лет, а также с непродолжительными, но драматическими по своим последствиям периодами климатических скачков. Циклы ледниковой и межледниковой стадий зависели от фаз движения Земли вокруг Солнца, каждая из которых имела свою периодичность и вызывала характерные только для нее перемены климата. Наступивший вслед за последней ледниковой стадией плювиальный период был тоже обусловлен данными астрономическими явлениями. Хотя панцирь ледника никогда не достигал берегов Средиземного моря, его влияние на климат было достаточно сильным, чтобы вызывать изменения местной флоры и фауны, обычно происходившие через десятки или сотни лет после начала глобальных климатических перемен. Некоторым породам долгоживущих деревьев, правда, понадобилось несколько тысячелетий, чтобы занять свою экологическую нишу в последний послеледниковый период[39]. Начиная с эпохи поздней первобытности одной из сил, преобразующих природу, становится антропогенный фактор. Наряду с продолжительными климатическими стадиями происходили эпизодические колебания климата наподобие "малого ледникового периода" в Европе XVI–XVIII вв. В итоге всех этих перемен в Средиземноморье сформировался современный климат с отчетливо выраженной сезонностью, годовым вегетационным циклом растений-однолеток и сопутствующими им насекомыми, птицами и животными. Таким образом, история экологии средиземноморского региона представляет собой замысловатую картину взаимообусловленных явлений и процессов, каждый из которых отличался своими ритмом и темпом развития. Концепция Ф. Броделя, бесспорно, таит в себе большие возможности.

Экологическую историю нельзя замыкать лишь рамками долгосрочных процессов. Зачастую эпизодические события имеют далекие экологические последствия. К числу таких событий относятся извержения вулканов. До сих пор вызывает споры вопрос о том, как повлияло на мировой климат извержение вулкана на острове Фера в XVII в. до н.э. Вероятно, последствия этой катастрофы были значительными и по своим масштабам не меньшими, чем последствия недавнего извержения вулкана Пинатубо на Филиппинах. Сицилийский вулкан Этна известен сегодня как источник колоссального количества углекислого и сернистого газов, выбросы которых в атмосферу влияют на современный климат.

---

[35] *Braudel F.* The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. V. 1–2. L., 1972.

[36] Geological Evolution of the Mediterranean Basin / Ed. D.J. Stanley, F.-C. Wezel. N.Y., 1985.

[37] *Ruddiman W.F., Kutzbach J.E.* Forcing of Late Cenozoic Northern Hemisphere Climate by Plateau Uplift in Southern Asia and the American West // Journal of Geophysical Research. 1989. 94. P. 18409–18427 (см. также: p. 18393–18407).

[38] *Velitzelos E., Gregor H.-J.* Some Aspects of the Neogene Floral History of Greece // Review of Palaeobotany and Palynology. 1990. 62. P. 291–307.

[39] *Mannion A.M.* Global Environmental Change. L., 1991.

Не исключено, что извержение этого вулкана в 44–42 гг. до н.э. существенно повлияло на климат Средиземноморья в римскую эпоху[40]. Не меньшие экологические последствия могут иметь различные катаклизмы биосферы. Здесь уместно вспомнить наблюдавшиеся в древности вспышки эпидемий заразных болезней: "моровой язвы" в Афинах в 430 г. до н.э., "чумы" (скорее, это была оспа), обрушившейся на Римскую империю при Антонинах, или настоящей чумы, поразившей Константинополь в VI в. Истоки этих заразных эпидемий следует искать в эпохе бронзы и раннего железа, когда плотность населения в отдельных местах достигала уровня, достаточного для быстрого распространения таких болезней, как оспа, тиф, грипп и корь. Особое место в этом ряду занимала малярия – источник высокой смертности населения Средиземноморья в античности и более поздние эпохи. Отдельные исследователи заходят слишком далеко, приписывая малярии причины исчезновения этрусской цивилизации или упадка эллинистической Греции. В то же время никто до сих пор не может сказать с уверенностью, когда эта болезнь появилась в Средиземноморье: в доисторический период, в V–IV вв. до н.э. или в эпоху эллинизма[41].

Рассмотрим теперь некоторые важнейшие тенденции истории экологии античного Средиземноморья. В последний ледниковый период в Южной Европе, где тогда преобладал степной ландшафт, господствовал сухой и холодный климат, причем не ясно, зимой или летом выпадало основное количество осадков. Более единодушны экологи в мнении, что растительный мир Средиземноморья в то время был скуден[42]. Исключением, пожалуй, являлся Левант. Разнообразие и богатство его природных условий делали возможным существование здесь заповедных мест, где сохранялась субтропическая растительность. По данным пыльцевого анализа, оливковое дерево, без которого немыслим современный средиземноморский ландшафт, было крайне редким на юге Европы в эпоху ледника. На исходе этой эпохи образовался определенный экологический вакуум, который неминуемо должен был заполниться новыми видами растений и животных, приспосабливавшимися к новым климатическим условиям. Продолжавшийся несколько тысяч лет послеледниковый плювиальный период создавал в высшей степени благоприятные условия для такой адаптации, и примерно с VII тыс. до н.э. экологический вакуум стал постепенно заполняться. "Заполнение" шло в основном с востока на запад благодаря первым неолитическим земледельцам, проникавшим в Южную Европу из Передней Азии, которая являлась "кладовой" многих видов представителей флоры и фауны, исчезнувших в Европе во времена ледника. Самый суровый климат был в североатлантическом регионе, где мощный ледник препятствовал Гольфстриму, главному источнику тепла современной Западной Европы. Неудивительно, что леса современного Китая отличаются от сегодняшних европейских лесов более богатым видовым разнообразием, однако миллионы лет назад европейские леса по своему богатству ничем не отличались от китайских. По мере роста численности населения и усиления политических, военных и торговых контактов между отдельными регионами обмен растениями и животными приобретал более широкие масштабы. Особое место в этом процессе занимает I тыс. до н.э. хотя, разумеется, он начался намного раньше и продолжался в более поздние эпохи, например во времена арабских завоеваний, когда Европа познакомилась с культурой риса, или после открытия Америки Ко-

---

[40] *Caldeira K., Rampino M.R.* Mount Etna CO_2 May Affect Climate // Nature. 1992. 355. P. 401–402; *Allard P., Carbonnelle J., Métrich N. et al.* Sulphur Output and Magma Degassing Budget of Stromboli Volcano // Nature. 1994. 368. P. 326–330; *Pang K.D., Slavin J.A., Chou H.H.* Climatic Impacts of the 44–42 B.C. Eruptions of Etna, Reconstructed from Ice Core and Historical Records // Eos. 1986. 67. P. 880; *Stothers R.S., Rampino M.R.* Volcanic Eruptions in the Mediterranean before 630 A.D. from Written and Archaeological Sources // Journal of Geophysical Research. 1983. 88. P. 6357–6371; *Zielinski G.A., Mayewski P.A., Meeker L.D. et al.* Record of Volcanism since 7000 B.C. from the GISP 2 Greenland Ice Core and Implications for the Volcano-climate System // Science. 1994. 264. P. 948–952.

[41] *Sallares.* Op. cit. P. 221–293; *Grmek.* Op. cit. О малярии см. также: *Celli A.* The History of Malaria in the Roman Campagna from Ancient Times. L., 1933; *Brown P.J.* Malaria in Nuragic, Punic and Roman Sardinia: Some Hypotheses // *Balmuth M.S., Rowland R.J.* Studies in Sardinian Archaeology. Ann Arbor, 1984. P. 209–235; *Zulueta J. de.* Changes in the Geographical Distribution of Malaria throughout History // Parassitologia. 1987. 29. P. 193–205.

[42] *Prentice I.C., Guiot J., Harrison S.P.* Mediterranean Vegetation, Lake Levels and Palaeoclimate at the Last Glacial Maximum // Nature. 1992. 360. P. 658–660.

лумбом, подарившего Европе томаты, кукурузу, картофель и другие полезные растения[43]. Античные авторы демонстрируют неплохую осведомленность в вопросах аккультурации растений. Плиний Старший и Колумелла считали, что многие полезные растения попали в Италию с Востока. Это произошло, по их мнению, благодаря установлению *Pax Romana*. Немаловажная роль отводилась ими и климату. Так, распространение в Италии олив и виноградников якобы оказалось возможным потому, что смягчились зимы. (Зимние температуры, действительно, являются основным фактором, влияющим на географический ареал оливкового дерева.) У греческих и римских авторов можно найти утверждения о том, что оливковое дерево было завезено в Западное Средиземноморье финикийскими и греческими колонистами[44]. Античная традиция, как правило, подтверждается археологическими находками, хотя порой их очень трудно интерпретировать. Например, мы не располагаем прямыми археологическими указаниями на широкое распространение культуры оливок в Западном Средиземноморье. Находки маслодельных прессов дают чересчур поздние датировки (не раньше второй половины I тыс. до н.э.) распространения этой культуры в регионе. При этом не следует забывать, что при производстве оливкового масла в небольших количествах вовсе не обязательно использование пресса. К тому же оливковое масло можно получать из плодов дикой оливы. Как парфюмерная основа оно даже превосходит по своим качествам обычное оливковое масло. Палеоботанические исследования тоже не придают ясности картине. Подсчет различающихся по размерам косточек диких и культурных плодов оливы не дает убедительных статистических результатов. Более существенные отличительные признаки, такие, как увеличенный размер мякоти культурного плода или его более сладкий вкус, вообще не поддаются палеоботаническому определению. Не выявляет различия между культивируемыми и дикорастущими оливами и пыльцевой анализ. С помощью данных исследований можно лишь установить *terminus ante quem*, да и тот пересматривается с новыми находками. В подобных случаях единственным источником надежной информации остаются письменные свидетельства.

Распространение садовых культур – одна из важнейших страниц экологической истории Средиземноморья в I тыс. до н.э. Почти все названия фруктовых деревьев в латыни заимствованы из древнегреческого языка. Латинское *olea*, например, является калькой с греческого *elaia*, где изменение гласных произошло по стандартным правилам латинской транслитерации греческих слов. Что касается древних греков, то они, вероятно, переняли тайны садоводства в более раннюю эпоху у малоазийских и переднеазиатских народов. Родиной оливкового дерева считается Восточное Средиземноморье. Здесь оно было впервые культивировано в энеолите или в начале бронзового века, хотя датировка по изложенным выше причинам спорная[45]. Проникновение этой культуры на Запад шло довольно медленно. На Крите и Кикладских островах оливковое дерево появилось в III тыс. до н.э., в Балканской Греции – в эпоху поздней бронзы, в Западном Средиземноморье – после греческих "темных веков". Культура винограда появляется в некоторых районах Средиземноморья не раньше классической эпохи. Ее распространение во многом зависело от того, насколько благоприятными были условия доместикации локальных диких сортов. В первую очередь это касалось северных границ зоны средиземноморского климата, за пределами которых теплолюбивые сорта винограда не приживались. Согласно данным палеоботаники, греческие колонисты Крыма научились разводить местный виноград лишь в эллинистическое время, хотя не подлежит сомнению, что культ виноградной лозы проник сюда намного раньше. Аналогичная картина наблюдалась и в Галлии: на ее средиземноморском побережье виноградарство процветало со времен основания греками Массалии, тогда как виноградники к северу от береговой полосы появляются лишь в римское время[46]. Большой

---

[43] *Butzer K.W.* Irrigation Agrosystems in Eastern Spain: Roman or Islamic Origins? // Annals of the Association of American Geographers. 1985. 75. P.479–509; *Crosby A.W.Jr.* The Columbian Interchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Westport, 1972; *Watson A.M.* Agricultural Innovation in the Early Islamic World. Cambr., 1983.

[44] Например: *Col.* RR I. 1. 4–5; III. 8. 4–5; *Plin.* NH XV. 1.1; XXI. 31. 57; XXVII. 1. 2–3; *Diod.* XIII. 81. 4–5; *Just.* XLIII. 4. 1–2; [*Arist.*] Peri thaumasiôn akousmatôn 844a17–24.

[45] *Liphschitz N., Gophna R., Hartman R. et al.* The Beginning of Olive (*Olea europaea*) Cultivation in the Old World: a Reassessment // Journal of Archaeological Science. 1991. 18. P. 441–453; *Wagner P.* Wines, Grape Vines and Climate // Scientific American. 1974. 230. 6. P. 107–115.

[46] *Janushevitch Z.V., Nikolaenko G.M., Kuzminova N.* La viticulture à Chersonèse de Tauride aux IVe–IIe s. av. n. è. d'après les recherches archéologiques et paléoethnobotaniques // Revue Archéologique. 1985. 5. P. 115–122; *Braudel F.* The Identity of France. II: People and Production. L., 1990. P. 318–321.

удельный вес многолетних садовых плодовоягодных культур в сельскохозяйственном производстве – характерная черта средиземноморской аграрной истории. К этим культурам относятся: оливки, виноград, фиги, яблоки, груши, сливы, фисташки, грецкий орех, каштаны, плоды рожкового дерева, финики, персики, миндаль, гранаты, вишня и черешня. Развитие садоводства и виноградарства в античную эпоху способствовало общему прогрессу сельского хозяйства в греко-римском мире, что в свою очередь вело к росту численности населения. Археологами зафиксирован значительный демографический подъем, наблюдавшийся в Греции с VIII по IV в. до н.э. Результаты этого подъема не замедлили сказаться на окружающей среде.

Среди последствий давления "избыточной человеческой массы" на природу в античности следует помимо сокращения лесов отметить первые в истории случаи загрязнения окружающей среды. Исследования гренландских ледников и озерных отложений в Швеции показали резкое повышение содержания в них свинца начиная примерно с VI в. до н.э. Возрастание содержания свинца в атмосфере было следствием горного дела и металлургии в греко-римскую эпоху. Спор о характере античной экономики все продолжается, несмотря на суровый приговор М. Финли, утверждавшего, что древние греки и римляне не имели представления об экономике как таковой и что организация их экономической деятельности была примитивной, не выходящей за рамки кустарного производства. Однако, как мы могли убедиться, масштабы этого производства были способны вызвать загрязнение атмосферы над Швецией и Гренландией. От историков мы знаем, что за счет Лаврионских серебряных рудников содержался афинский флот – залог морского могущества Афинской империи. Однако историки не упоминают один малоприятный факт: Лаврионские рудники, чьим побочным продуктом был свинец, являлись мощным источником загрязнения окружающей среды. Средиземное море сегодня – одно из самых грязных морей на нашей планете, оно срочно нуждается в очищении. Но было бы неверно полагать, что таким оно стало в наш век – еще в доиндустриальную эпоху грязный отпечаток человеческой деятельности наложился на Средиземноморье[47].

В античности происходило дальнейшее усиление воздействия человека на биосферу. В одних случаях это приводило к расширению популяционных ареалов различных видов животных, в других – к их сокращению. Прежде всего расширялся ареал домашних животных. В ходе греческой колонизации по всему Средиземноморью распространилась высокопродуктивная шерстистая порода овец. Не исключено, что греки первыми научились разводить тонкорунных овец. Начиная с поздней античности тягловая лонгхорнская порода коров, существовавшая в Европе еще с эпохи неолита, постепенно вытесняется молочной шортгорнской породой. Впрочем, это не привело к увеличению потребления молочных продуктов (за исключением сыра) в странах Средиземноморья, где коза продолжала оставаться основным молочным животным. В ходе длительного селекционного отбора грекам и римлянам удалось вывести более крупные породы домашних скота и птицы. В римскую эпоху они распространились в ряде провинций, например в Галлии и Подунавье. Наряду с повышением урожайности в земледелии за период античности возросла продуктивность животноводства[48].

В античное время в Южную Европу из Северной Африки попали дикобразы, хорьки, мангусты и цесарки. Проникновение в Европу из Египта домашней кошки также происходило в I тыс. до н.э. Благодаря римлянам население провинций узнало о кролике, родиной которого являлась Испания. Первостепенное значение для выяснения картины

---

[47] *Murozomi M., Chow T.J., Patterson C.* Chemical Concentrations of Pollutant Lead Aerosol, Terrestrial Dusts and Sea Salts in Greenland and Antarctic Snow Strata // Geochimica et Cosmochimica Acta. 1969. 33. P. 1247–1294; *Renberg I., Persson M.W., Enteryd O.* Pre-industrial Atmospheric Lead Contamination Detected in Swedish Lake Sediments // Nature. 1994. 368. P. 323–326; *Waldron T., Wells C.* Exposure to Lead in Ancient Populations // Transactions and Studies of the College of Physicians of Philadelphia. 1979. Ser. 5, 1. P. 102–115; *Haas P.M.* Saving the Mediterranean: the Politics of International Environmental Cooperation. N.Y., 1990.

[48] *Col.* RR VI. 1–26; VII. 2–5 (об овцах); VII. 6–7 (о козах); *Plin.* NH VIII. 72–75. 187–199; *Ryder M.L.* The Evolution of the Fleece // Scientific American. 1987. 256. 1. P. 100–107; *Yernaux G., Udrescu M.* Introduction des "races" de mammifères domestiques dans la Gaule septentrionale à la suite de la conquête romaine // Des animaux introduits par l'homme dans la faune de l'Europe / Ed. L. Bodson. Liège, 1994. P. 55–67. См. также более общие работы по истории животноводства в древности: Evolution of Domesticated Animals / Ed. I.L. Mason. L., 1984; The Walking Larder / Ed.J. Clutton-Brock. L., 1989; *Hemmer H.* Domestication: the Decline of Environmental Appreciation. Cambr., 1990; наконец, материалы "Коллоквиума по истории зоологии", проходившего в Льеже.

распространения в древности тех или иных видов животных имеют исследования в области биомолекулярной археологии, которой я занимаюсь в последнее время. Так, анализ ДНК показал, что кролики с Иберийского полуострова делятся на две филогенетические ветви: южную и северную, причем, первыми были одомашнены и впоследствии распространились по всему Средиземноморью североиспанские кролики[49]. Любопытна география обитания одной из разновидностей средиземноморских жаб. Это земноводное встречается только в Израиле, Тунисе, Сардинии и на Балеарских островах, т.е. в местах, входивших в древности в зону финикийской колонизации. Существует предположение, что финикийцы разводили жаб, правда, трудно сказать, с какой целью они это делали[50]. Курица была завезена в Европу через Ближний Восток из Индии или Юго-Восточной Азии в I тыс. до н.э. Долгое время эту "мидийскую птицу" Аристофана считали экзотической. Согласно Колумелле, греки первоначально приручали петухов и использовали их только как бойцовых. Мясо и яйца курицы в пищу стали употребляться жителями Европы не сразу. Юлий Цезарь сообщает, что британы содержали цыплят наряду с зайцами и гусями в качестве комнатных животных и птиц. На "диковинных зверей" древний человек часто взирал с подозрением или даже откровенной враждой[51].

Античного человека повсюду сопровождали мелкие грызуны и прочие вредители. Вместе с римскими легионерами по всей Европе вплоть до Британии расселилась черная, или корабельная, крыса (*Rattus rattus*). Высокий уровень урбанизации в римскую эпоху способствовал быстрому размножению этого южноазиатского животного, которое не сумело бы выжить в условиях европейского климата вне тепла городского жилья. Раскопки Йорка, римской колонии III–IV вв., засвидетельствовали присутствие здесь в римскую эпоху черной крысы. В поздней античности город запустел, вместе с горожанами его покинул и этот зверек. Крыса вновь появилась в Йорке с приходом в него англосаксов. Данный пример хорошо показывает, как на жизнь животных влияют исторические события и развитие цивилизации в целом. Распространение в городах Западной Римской империи черных крыс и блох – переносчиков вируса бубонной чумы подготовило плацдарм для наступления ее страшных эпидемий на средневековую Европу[52]. Своей повседневной деятельностью античный человек способствовал распространению в Средиземноморье и соседних с ним регионах насекомых-паразитов, включая вредителей зерна, древесных бабочек (*Hesperophanes fasciculatus*) и жучков (*Anobium punctatum*). Последние, например, попали в римскую Британию с партией корабельного леса[53].

Древним грекам и римлянам были хорошо знакомы некоторые крупные животные, ныне практически исчезнувшие в бассейне Средиземноморья по причине враждебного к ним отношения со стороны античного человека. В древности в Северной Африке и Передней Азии водились львы. Находки львиных скелетов на неолитических стоянках Украины позволяют говорить, что эти животные сумели выжить и в послеледниковой Европе. Скелет льва, вероятно выступавшего в цирке, был найден в Ольвии. Недавно в Дельфах

---

[49] *Arist.* HA 579a29; 580b26 (о дикобразах и хорьках); *Varr.* RR III. 9. 1 и *Paus.* X. 32. 9 (о цесарках); *Strabo* III. 5. 2 и *Plin.* NH VIII. 43. 104; 81. 217–218 (о кроликах). См.: также: *Owen C.E.* The Domestication of the Ferret // The Domestication and Exploitation of Plants and Animals / Ed. P.J. Ucko, G.W. Dimbleby. L., 1969. P. 489–493; *Bodsson L.* Les débuts en Europe du chat domestique // Ethnozootechnie. 1987. 40. P. 13–38; *idem.* Données antiques de zoogéographie: l'expansion des léporides dans la Méditerranée classique // Les naturalistes belges. 1978. 59. P. 66–81; *Hardy C., Vigne J.-D., Casañe P. et al.* Origin of European Rabbit (*Oryctolagus cuniculus*) in a Mediterranean Island: Zooarchaeology and Ancient DNA Examination // Journal of Evolutionary Biology. 1993. 6. P. 217–226.

[50] *Hemmer H., Kadel B., Kadel K.* The Balearic Toad (*Bufo viridis balearicus* [Boettger, 1881]). Human Bronze Age Culture, and Mediterranean Biogeography // Amphibia-Reptilia. 1981. 2. P. 217–230.

[51] *Aristoph.* Ornit. 483–485; *Porphyr.* Peri apochês empsuchôn. IV. 16; *Caes.* De bell. Gall. V. 12. 6; *Col.* RR VIII. 2. 4–5; *Taran M.* Early Records of the Domestic Fowl in Ancient Judaea // Ibis. 1975. 117. P. 109–110, где отмечается, что в Ветхом завете нет упоминаний о курах, однако на печатях из Палестины начиная с VII в. до н.э. встречаются изображения петушиных боев; *West B., Ben-Xiong-Zhou.* Did Chickens Go North? New Evidence for Domestication // Journal of Archaeological Science. 1988. 15. P. 515–533; *Stevens L.* Genetics and Evolution of the Domestic Fowl. Cambr., 1991.

[52] *O'Connor T.P.* On the Lack of Bones of the Ship-rat *Rattus rattus* from Dark Age York // Journal of Zoology (London). 1991. 224. P. 318–320.

[53] *Osborne P.J.* An Insect Fauna from the Roman Site at Alcester, Warwickshire // Britannia. 1971. 2. P. 156–165.

были обнаружены останки льва, датируемые серединой VI в. до н.э. О существовании в Греции в IV в. до н.э. ручных львов сообщает Исократ. К более ранним сведениям о львах в Греции относятся данные раскопок микенского дворца в Тиринфе, где археологи нашли кости льва, вероятно, не столь уж редкого зверя в Эгеиде в эпоху бронзы. Не случайно его облик запечатлен в таких памятниках искусства, как кинжал и стелы со сценами львиной охоты из шахтной гробницы IV в Микенах. Г. Милонас выдвинул предположение, что пара львов, оформляющая колонну, которая венчает микенские Львиные ворота, являлась гербом династии микенских правителей XIII в. до н.э., т.е., возможно, самого Агамемнона. Сенсационное открытие в Вергине гробницы Филиппа II Македонского с изображениями сцены охоты на львов подтверждает слова Геродота и Аристотеля, что в их время львы водились на севере Греции. Учитывая все эти обстоятельства, можно, я думаю, "львиные эпитеты", так часто встречающиеся в гомеровском эпосе, объяснять не пережитками ахейского времени или переднеазиатскими заимствованиями, а картинами реальной действительности в Греции VIII в. до н.э., когда эти поэмы создавались. Добавлю также, что в "Илиаде" приводится описание охоты на леопарда где-то на территории Малой Азии. Этого зверя можно было там встретить еще во времена Цицерона. Дион Хрисостом, живший во II в. н.э. пишет, что в Македонии львы исчезли лишь в его время. Царь зверей стал самой заметной жертвой наступления древнего человека на природу. Разновидность льва, о которой было известно в древности жителям Эллады, сегодня в диком виде крайне редко встречается в Индии (*Panthera leo persica*). Намного меньше возможностей имели они для знакомства с восточноафриканской породой льва (*Panthera leo senegalensis*), частого обитателя современных зоопарков. Карфагеняне и римляне, вероятно, знали североафриканского льва (*Panthera leo leo*), бесследно исчезнувшего сегодня. Что касается еще одной истребленной человеком разновидности этого животного – южноафриканского льва (*Panthera leo melanochaita*), то едва ли о его существовании подозревали древние жители Средиземноморья[54].

Сегодня в Греции медведи водятся в одном-двух глухих местах на севере страны. В античное время они встречались гораздо чаще. Павсаний сообщает о медведях, живущих на горе Парнас в Аттике, на склонах Тайгетского хребта в Лаконии, а также в Аркадии и во Фракии. С культом медведя был связан справляемый в аттическом Бравроне ритуал *arkteia*. На медведей охотились с древнейших времен, в результате чего их численность в Средиземноморье резко сократилась.

Самое большое наземное животное тоже пострадало от человека еще в античную эпоху. Индийские слоны попали в Переднюю Азию в IV–III вв. до н.э. В то время в Северной Африке водилась местная, не столь крупная по сравнению с азиатской, порода слонов, ныне окончательно исчезнувшая. Североафриканских слонов ловили и пытались приручить, чтобы использовать на войне, правда, без особого успеха. Пик спроса на эти "танки" древности совпал с III в. до н.э., в связи с чем не могу не вспомнить битву при Рафии в 217 г. до н.э. между Птолемеями и Селевкидами. Подобно львам североафриканские слоны были истреблены жителями Карфагена и подчинившими его римлянами. В начале нашей эры об этих животных уже никто не помнил. Страбон писал, что пастухи и земледельцы Нумидии должны быть благодарны римлянам, которые, истребив диких зверей, обезопасили труд на полях. Это замечание хорошо иллюстрирует отношение антич-

---

[54] Эти четыре вида различались характером гривы у взрослых самцов. О львах в античной традиции см.: *Herod.* VII. 125–126; *Arist.* HA 579a31–b14; 606b9–11; 629b5–630b7; *Plin.* NH VIII. 17–21. 41–58; *Isocr.* Antidos. 213; *Xen.* Kyneg. XI. 1; *Dio Chrys.* XXI. 1; *Diod.* II. 50.2; см. также *Mallory J.P.* Indo-European and Kurgan Fauna I: Wild Mammals // Journal of Indo-European Studies. 1982. 10. P. 193–222 (на с. 208 приводится ссылка на советскую археологическую периодику, сообщающую о находке на Украине львиных скелетов); *Mylonas G.E.* The Lion in Mycenaean Times // Athens Annals of Archaeology. 1970. 3. P. 421–425; *idem.* Mycenae: a Guide to Its Ruins and Its History. Athens, 1977. *Morgan L.* The Miniature Wall-paintings of Thera: a Study in Aegean Culture and Iconography. Cambr., 1988. P. 44–49; *Lonsdale S.H.* Creatures of Speech: Lion, Herding and Hunting Similes in the Iliad. Stuttgart, 1990; *Hom.* Iliad. XXI. 573–578 (об охоте на леопарда); *Boessneck J., Driesch A. von den.* Ein Löwenknochenfund aus Tiryns // Archäologischer Anzeiger. 1979. 94. P. 447–449; см. также сообщения в журнале "Archaeological Reports" (1991/2. 38, 32 и 48) о находке останков льва в Дельфах в слое, датируемом серединой VI в. до н.э., а также о раскопках статуи льва в натуральную величину в Рахоне близ Пеллы, возможно, принадлежавшей семье знатного македонского воина; *Andronikos M.* Vergina: the Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1987. P. 102–118; *Kitchener A.* The Natural History of the Wild Cats. L., 1991.

ных людей к диким животным. Если своей деятельностью древний человек способствовал росту популяций домашних животных и мелких вредителей, то крупные дикие животные неизбежно проигрывали от контактов с ним[55].

Особый интерес представляет история с доместикацией верблюда. В зону его обитания входили юго-восточные и южные окраины античной ойкумены. Одомашнивание верблюда скорее всего произошло в самом конце эпохи бронзы и было напрямую связано с изменениями климата в Сахаре и Передней Азии, о чем упоминалось выше. Время и место появления первого домашнего верблюда продолжают вызывать споры. Б. Шоу на основании палеонтологических материалов считает, что родиной верблюда является север Африки и что он впервые был приручен там. Однако, как ни странно, нет ни одного упоминания о верблюде в древнеегипетских источниках. Первое упоминание о верблюде в Египте связано с описанием экзотических животных, участвовавших в праздничной процессии при дворе Птолемея Филадельфа. Данное обстоятельство настораживает, поскольку древние египтяне предпринимали попытки приручить (пусть не всегда успешно) почти всех животных, с которыми встречались, включая гиену с ее "социальными" повадками, необходимыми для успешной доместикации, африканского буйвола, сернобыка, страуса (в Южной Африке до сих пор существуют фермы по разведению страусов для получения страусиных перьев), кошку и мангусту. Гиппопотам – единственный крупный представитель местной фауны, которого жители древнего Египта не пытались приручить, служил объектом безжалостной охоты в античности. Согласно данным археологии и свидетельствам письменных памятников, в греко-римскую эпоху поголовье гиппопотамов сильно сократилось. Если в I тыс. до н.э. они еще водились в болотах Палестины, то в первые века нашей эры их уже не встречали за пределами Нильской долины. Итак, если допустить, что египтяне знали о верблюде с древнейших пор, закономерно встает вопрос, почему они не сумели его одомашнить. Я думаю, что более убедительной является версия Р. Буллиета, согласно которой домашний верблюд попал в Северную Африку из Аравии сравнительно поздно. Палеолитические находки костных останков верблюда на территории Сахары еще не свидетельствуют о том, что животное обитало там *постоянно*. Экологические потрясения конца ледниковой эпохи могли полностью изменить популяционные ареалы многих видов животных и растений. В плювиальный период увлажненная Сахара была скорее обиталищем гиппопотамов, чем верблюдов. Лишь аридизация климата в III тыс. до н.э. подготовила условия для распространения и последующей доместикации верблюда в Северной Африке. Постепенная трансформация жизненного уклада человека в данном регионе, закончившаяся полным вытеснением колесного транспорта верблюдом в исламскую эпоху (тезис Р. Буллиета), была, таким образом, результатом глубоких изменений климата, произошедших в III тыс. до н.э.[56]

Кратко остановлюсь на растениях, не избежавших печальной участи из-за вмешательства в природу античного человека. Прежде всего, упомяну о *сильфии* из Киренаики, исчезнувшем столь давно и бесследно, что уже в древности об этом растении слагали легенды. Другой не менее знаменитый пример – египетский папирус. Растение так широко использовалось в древнем мире, что это привело его на грань исчезновения в долине Нила еще в далеком прошлом. К началу распространения в Египте современных ирригационных систем, оказывающих губительное воздействие на папирус, он уже принадлежал к числу редких растений. Сегодня известно единственное место в Нильской долине Египта, где сохранилось несколько десятков экземпляров этого растения[57]. К счастью, папирус все еще часто встречается в Центральной Африке. Таким образом, масштабы вмешательства древ-

---

[55] *Arist.* HA 579a18–30; 600a28–b12; *Paus.* I. 32.1; III. 20.4; VIII. 17. 3; VIII. 23. 9 и *Theocr.* XXV. 185 (о медведях); *Scullard H.H.* The Elephant in the Greek and Roman World. L., 1974; *Polyb.* V. 84. 2–6 (о битве при Рафии); *Strabo* II. 5. 33.

[56] *Shaw B.D.* The Camel in Roman North Africa: History, Biology and Human Economy // Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire. 1979. Sér. B. 41. P. 663–721; *Midant-Reynes B., Braunstein-Silvestre F.* Le chameau en Égypte // Orientalia. 1977. 46. P. 337–362; *Bulliet R.W.* The Camel and the Wheel. N.Y., 1990; *Boessneck J.* Die Tierwelt des Alten Ägypten, München, 1988; *Bytinski-Salz H.* Recent Findings of Hippopotamus in Israel // Israel Journal of Zoology. 1965. 14. P. 38–48; *Athen.* V. 200 f (о процессии Птолемея Филадельфа); *Arist.* HA 499a13–30 (об арабских и бактрийских верблюдах); *Plin.* NH VIII. 26. 67–68; *Arist.* PA 697b14–25 (о страусах); *Herod.* II. 71; *Arist.* HA 502a9–15 и *Amm. Marcell.* XXII. 15. 24 (о гиппопотамах).

[57] *Zahran M.A., Willis A.J.* The Vegetation of Egypt. L., 1992. P. 332–333, где описывается это последнее заповедное место.

него человека в природную среду были достаточно значительными, чтобы приводить к изменениям в ее биологическом универсуме. Нет нужды напоминать об актуальности данной проблемы для современной экологии[58].

С древнейших времен люди оказывают воздействие на физические условия естественной среды, создавая антропогенные ландшафты. Свидетельства об этом можно найти еще у античных авторов. Во II в. Павсаний отмечал, что река Ахелой в Этолии перестала приносить и откладывать ил, после того как область была завоевана римлянами и обезлюдела. Павсаний подметил устойчивую связь между густонаселенными районами интенсивного земледелия и эрозией почв, которая вела к образованию аллювиальных отложений в долинах рек. Современные геологические и географические наблюдения в ряде районов Средиземноморья подтверждают правильность данного наблюдения. Интенсивная распашка, действительно, могла существенно изменить природный ландшафт в отдельных областях древней Греции. Она способствовала эрозии почв на склонах холмов, оползням и аллювиальным отложениям в речных поймах и низинах. Сильная эрозия почв наблюдалась в древней Италии. На территории, примыкающей к Риму с севера, эрозия почв увеличилась со II в. до н.э. *в десять раз*. Таков был результат интенсивного земледелия в пригородной зоне, веками кормившей Вечный город. Приведем еще два аналогичных примера. Лишь в последнее время историки и археологи пришли к мнению, что современная топография Трои совершенно изменилась по сравнению с тем, какой она была во времена Агамемнона. Но еще 15 лет назад ученые, не учитывавшие этого обстоятельства, тщетно пытались восстановить картину осады Трои ахейскими войсками. Недавние исследования инфраструктуры древнегреческих колоний на юге Италии позволили сделать вывод, что значительный рост населения Метапонта в VI–IV вв. до н.э. совпадает с изменениями уровня рек и более мощными аллювиальными отложениями в их устьях. Без сомнения, метаморфозы местного пейзажа являлись следствием интенсивного возделывания земельных участков, следы которых были обнаружены в ходе исследований[59].

Итак, в определенные периоды истории природный ландшафт испытывал чрезмерное давление со стороны человека в регионах с высокой плотностью населения. Так было в Греции в VI–IV вв. до н.э. В другие эпохи масштабы геоморфологических изменений в тех же регионах были минимальными – явный признак снижения плотности населения. Логически закономерен вопрос: что влияло на флуктуации численности населения в античную эпоху? Выше я останавливался на вопросе о воздействии климатических колебаний на урожайность худших земель и на динамику площадей возделываемых территорий. В начале века Э. Хантингтон выступил с теорией пульсирующего климата Евразии. Он связывал упадок Римской империи с наступлением полосы длительных засух, сопровождавшихся упадком сельского хозяйства и сокращением числа населения. Некоторые памятники позднеримской эпохи, в самом деле, красноречиво свидетельствуют в пользу такого предположения. Среди них – город Стобы в Македонии, вначале занесенный ураганной пылью, а затем разрушенный землетрясением и грязевыми потоками. Сам Э. Хантингтон приводил пример Олимпии, где во II в. разыгралась экологическая катастрофа: все здания знаменитого некогда города были погребены под мощными пластами ила и грязи[60]. Как мы уже могли убедиться, подобная катастрофа отчасти объясняется антропогенными причинами.

---

[58] *Greuter W.* Extinctions in Mediterranean Areas // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1994. B. 344. P. 41–46.

[59] *Paus.* VIII. 24.11; *Bottema S., Entjes-Nieborg G., Zeist W. van.* Man's Role in the Shaping of the Eastern Mediterranean Landscape. Rotterdam, 1990 (в статьях этого сборника отмечается связь между усилением эрозии почв и периодами интенсивной колонизации); *Andel T.-H. van., Zangger E., Demitrack A.* Land Use and Soil Erosion in Prehistoric and Historic Greece // Journal of Field Archaeology. 1990. 17. P. 379–396; *Zangger E.* The Geoarchaeology of the Argolid. 1993; *Judson S.* Erosion Rates near Rome, Italy // Science. 1968. 160. P. 1444–1446; *Kraft J.C., Kayan I., Erol O.* Geomorphic Reconstructions in the Environs of Ancient Troy // Science. 1980. 209. P. 776–782; *Henneberg M., Henneberg R., Carter J.C.* Health in Colonial Metaponto // National Geographic Research and Exploration. 1992. 8. P. 446–459.

[60] *Huntington E.* The Pulse of Asia: a Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History. L., 1907; *idem.* The Burial of Olympia: a Study in Climate and history // Geographical Journal. 1910. 36. P. 657–686; *idem.* Climatic Change and Agricultural Exhaustion as Elements in the Fall of Rome // Quarterly Journal of Economics. 1917. 31. P. 173–208; *Lamb H.H.* The Early Mediaeval Warm Epoch and Its Sequel // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 1965. 1. P. 13–37; *Folk R.L.* Geologic Urban Hindplanning: an Example from a Hellenistic-Byzantine City, Stobi, Yugoslavian Macedonia // Environmental Geology. 1975. 1. P. 5–22.

Большинство примеров Э. Хантингтона, свидетельствующих об изменении климата в поздней античности, связано с чересчур отдаленными от греко-римского мира регионами, вследствие чего аргументы ученого не находили поддержки у антиковедов. Например, он использовал данные дендрохронологического анализа калифорнийских секвой, игнорируемые европейскими исследователями. Сегодня мы имеем совсем другое отношение к подобного рода информации. Э. Хантингтон много путешествовал по Центральной Азии, где видел занесенные песками пустыни руины древних городов. (Именно на периферии древних цивилизаций более четко проступают последствия климатических перемен.) Однако европейские коллеги исследователя в очередной раз продемонстрировали свое нежелание использовать свидетельства истории Центральной Азии для объяснения аналогичных феноменов истории Средиземноморья. К тому же в начале века еще мало было известно о причинах глобальных перемен климата, поэтому теория английского ученого воспринималась как *deus ex machina*. Сам Э. Хантингтон, сформулировавший свою теорию до открытия М. Миланковичем природы ледниковых и межледниковых циклов, связывал колебания климата с пятнами на Солнце. (По поводу этой связи ученые вели впоследствии долгую и безрезультатную полемику.) В свете сегодняшних знаний о причинах климатических флуктуаций теория Э. Хантингтона, объяснявшего колебаниями климата демографические флуктуации, заслуживает серьезного внимания. Исследования историков и экологов последних десятилетий показали, что в средневековой Европе наряду с колебаниями климата отмечались значительные колебания численности населения. Не исключено, что в античную эпоху тоже происходили подобные флуктуации, хотя многие специалисты, к сожалению, слабо владеющие материалом последующих эпох, по-прежнему скептически относятся к данному предположению. Бесспорно, это одна из интереснейших проблем экологии древнего мира. В современных странах средиземноморского бассейна существуют обширные территории, непригодные для сельского хозяйства. Наблюдаемый в наше время процесс глобального потепления обострит и без того неблагоприятную в сельскохозяйственном отношении ситуацию на юге Испании или в Юго-Восточной Греции. Экологическим и экономическим прогнозам будущего Средиземноморья посвящено множество современных работ[61]. Антиковеды тоже могли бы внести свой вклад в исследование экологических проблем современности, уходящих своими корнями в глубокое прошлое.

Вспомним еще раз об интересе Э. Хантингтона к евразийским степям, где климат оказывал радикальное влияние на образ жизни и миграции кочевников древности и средневековья. Данный аспект истории экологии должен представлять интерес для российских ученых, поскольку с ним связаны такие вопросы, как расселение индоевропейцев, история скифов и их взаимоотношения с греческими колонистами Северного Причерноморья, Великое переселение народов и более поздняя монгольская экспансия. Дж. Чеппелл в 1970 г. опубликовал обзор русскоязычной литературы с откликами российских ученых на теорию Э. Хантингтона. Среди них преобладало скептическое отношение к данной теории, хотя авторы этих откликов демонстрировали плохую осведомленность в области климатологии. С тех пор отношение русских исследователей к проблеме взаимосвязи климатических и демографических флуктуаций изменилось, став более благожелательным, хотя признаюсь, что я не знаком с их новейшими публикациями. Современные китайские ученые тоже позитивно воспринимают вышеназванную теорию, по крайней мере в том ее разделе, где речь идет о евразийском Востоке[62].

Разрушая среду обитания, древние народы обрекали себя на вымирание. Один из наиболее убедительных примеров – остров Пасхи. Анализ цветочной пыльцы показал, что полинезийские колонисты уничтожили все деревья на этом острове, некогда изобиловавшем растительностью. В результате усилилась эрозия почв, повлекшая за собой деграда-

---

[61] См., например, внушительный сборник статей: Climatic Change and the Mediterranean / Ed. L. Jeftic, J.D. Milliman, G. Sestini. L., 1992.

[62] *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambr., 1984; *Levi M.A.* I nomadi alla frontiera: i popoli delle steppe e l'antico mondo greco-romano. Rome, 1989 (автор склонен принижать роль окружающей среды); *Chappell J.E.Jr.* Climatic Change Reconsidered: Another Look at *the Pulse of Asia* // Geographical Review. 1970. 60. P. 347–373; *Marčenko K., Vinogradov Y.* The Scythian Period in the Northern Black Sea Region // Antiquity. 1989. 63. P. 803–813 (авторы считают, что аридизация климата в первой половине I тыс. до н.э. способствовала номадизации населения евразийских степей); *Jin-Qi Fang, Guo Liu.* Relationship between Climatic Change and the Nomadic Southward Migrations in Eastern Asia during Historical Times // Climatic Change. 1992. 22. P. 151–169.

цию земледелия и упадок культуры, оставившей загадочные мегалитические статуи. Затерянный в просторах Тихого океана остров оказался ловушкой для его обитателей, обреченных на вымирание в ставших непригодными для жизни экологических условиях. На континенте выходом из экологического кризиса становилась миграция – идет ли речь о неоднократных всплесках греческой колонизации или о переселениях номадов Евразии[63].

Прогресс в изучении окружающей среды, как и в естествознании вообще, во многом обусловлен новейшими научными открытиями. Например, создание Дж. Лавлоком высокочувствительного прибора для измерения концентрации в атмосфере рассеянных компонентов позволило выявить постоянное присутствие в ней хлорофторсодержащих соединений и установить их роль в процессе глобального потепления. Аналогичным образом последние открытия в области биомолекулярной археологии существенно изменили наши представления о ее возможностях. Еще десять лет тому назад изучение ДНК древних органических останков (дезоксирибонуклеиновая кислота содержит генетический код большинства живых организмов) было практически невозможным, так как имевшиеся в распоряжении ее количества были слишком малы для лабораторных исследований. Возможности биомолекулярной археологии значительно расширились после открытия К. Мюллисом полимеразной реакции, позволяющей получать экспоненциальную амплификацию чрезвычайно малых количеств ДНК до необходимого для исследования уровня. Следы давнего соперничества между учеными России и Запада проступают и в этой области. Русские ученые недавно заявили об открытии фермента ДНК-полимеразы бактерии *Thermus aquaticus*, сделанном ими раньше их американских коллег из Cetus Corporation. Чем бы ни закончился этот "вековой спор", сегодня не подлежит сомнению, что извлеченной из древних органических останков ДНК, несмотря на ее фрагментарное состояние и микроскопические количества, достаточно для восстановления генетической и популяционной истории некогда живших организмов, включая давно исчезнувшие виды. Уже исследована ДНК окаменелых растений, насчитывающих 20 миллионов лет, пчел и термитов, сохранившихся в янтаре, которому 40 миллионов лет, таких исчезнувших животных, как длинношерстый мамонт, сумчатый волк и зебра-квагга. Извлечена ДНК из обугленных семян растений, древнеегипетских мумий, обнаруженных в болотах Флориды останков индейцев, живших несколько тысячелетий назад.

В скором времени в биомолекулярной археологии следует ожидать важнейших открытий, которые помогут ответить на многие вопросы, волнующие историков, археологов, экологов, палеоботаников и палеозоологов. В последние годы я и мои коллеги из Научно-технологического института в Манчестерском университете занимаемся исследованием эволюции в античную эпоху культуры пшеницы. Дело в том что обугленные пшеничные зерна (именно в таком виде они обычно встречаются при раскопках) не позволяют палеоботаникам определить морфологию и размеры древних семян. В результате невозможно идентифицировать даже вид пшеницы. До сих пор остается открытым вопрос о том, какие сорта пшеницы преобладали в сельском хозяйстве древних греков и римлян: твердые ("макаронные") или мягкие, собственно хлебные. В своей книге я поднимал этот вопрос и надеюсь окончательно решить его теперь с помощью анализа ДНК, методы которого напоминают практикуемые в судебной медицине методы дактилоскопии. К настоящему времени нами получена ДНК пшеницы из македонского поселения Асирос Тулеба, датируемого XIV в. до н.э., а также из Дэйнбери, поселения эпохи железа на территории Англии. Решив проблему идентификации сортов древней пшеницы, мы перейдем к исследованию проблемы генетической мутации этой культуры на ранних этапах ее доместикации.

С помощью анализа ДНК можно проследить эволюцию практически всех растений, животных и микроорганизмов. История медицины – еще одна область, где биомолекулярная археология скажет веское слово в ближайшем будущем. Многие болезни, описанные в *Corpus Hippocraticum* или у Галена, с трудом поддаются точному определению. Не менее сложной остается диагностика заболеваний по обнаруженным костным останкам, поскольку одни и те же патологические изменения могут вызываться различными заболеваниями. В результате история многих инфекционных болезней продолжает оставаться загадочной. Откуда взялся вирус СПИДа и какова его история? Биомолекулярная археология позволяет ответить на вопросы, подобные этому. Современные исследователи занимаются поисками следов ВИЧ и близких ему вирусов в мумиях людей и обезьян из древнего Египта. Большие возможности таит биомолекулярная археология и в отношении изучения популяционной

[63] *Bahn P., Flenley J.* Easter Island, Earth Island. L., 1992.

истории человечества в древности. Так, анализ ДНК костных останков древнегреческих некрополей позволит выяснить, насколько гомогенным было население полисов и какова была его география. С помощью данных исследований можно ответить на вопрос, являлись ли погребальные комплексы архаической Греции родовыми некрополями, что в свою очередь поможет раскрыть тайны ее социальной истории. С биомолекулярной археологией связывают окончательное решение проблемы географической прародины индоевропейцев – одной из важнейших проблем европейской протоистории. Археологические памятники России располагают уникальным материалом для подобных исследований. Упомянем здесь хорошо сохранившиеся останки скифской женщины, обнаруженные недавно в горах Алтая, о чем сообщалось в английской прессе, а также замороженные трупы карликовых мамонтов, водившихся на острове Врангеля еще четыре тысячи лет тому назад. Огромное количество других археологических находок являет собой бесценный материал для биомолекулярного анализа. Современные научные методы палеоэкологических исследований делают экологию древнего мира весьма увлекательным предметом. Чтобы оценить все его возможности, нам пришлось, как я и полагал в начале этой статьи, далеко уйти от античной традиции. Насущная задача историков – объединить все типы источников (литературных, документальных, археологических, естественнонаучных) для написания исчерпывающей истории экологии древнего мира[64].

Р. Салларес

THE ECOLOGY OF THE ANCIENT WORLD: PROBLEMS AND APPROACHES

Robert Sallares

The article deals with some new problems and research methods in the field of the ecology of the Mediterranean world in antiquity. Firstly the author considers the attitudes of the ancient Greeks and Romans towards nature, then the focus of his attention shifts to the exploration of the actual state of the environment in antiquity.

According to the author 's view theoretical perspectives on the ecology of the ancient world can be divided into two categories: 1) those derived from the earth sciences (climatology, geology, geography); 2) those derived from the life sciences (botany, zoology, and all the other components of biology). Special attention is paid to the problems of climatology in their relation to the Mediterranean basin since the pluvial period that followed the last Ice Age up to the Late Antiquity. As for the subjects of the second category, they are briefly discussed in the last part of the article.

Taking into account that ancient literary sources do not provide us with the statistical information required to investigate long-term trends in the climate, the new methods of archaeology (palynology and dendrochronology among them) acquire importance in this research. On the basis of the recent archaeological and scientific discoveries the author argues that climatic changes operated to influence human populations in the Mediterranean in antiquity, namely the cyclical population fluctuations observed at least in ancient Greece.

---

[64] Во все возрастающем потоке литературы, посвященной древней ДНК, отмечу в первую очередь: *Brown T.A., Brown K.A.* Ancient DNA and the Archaeologist // Antiquity. 1992. 62. P. 10–23; *Brown T.A., Allaby R.G., Brown K.A. et al.* DNA in Wheat Seeds from European Archaeological Sites // Conservation of Plant Genes II: Utilization of Ancient and Modern DNA / Ed. R.P. Adams, J.S. Miller, E.M. Golenberg et al. Missouri Botanical Garden, 1994. P. 37–45; *Johnson P.H., Olson C.B., Goodman M.* Prospects for the Molecular Biological Reconstruction of the Woolly Mammoth's Evolutionary History: Isolation and Characterization of DNA from the Tissue of *Mammuthus primigenius* // Acta Zoologica Fennica. 1985. 170. P. 225–231; *Mullis K.B.* The Unusual Origin of the Polymerase Chain Reaction // Scientific American. 1990. 262. 4. P. 36–43; Biological Anthropology and the Study of Ancient Egypt / Ed. W.V. Davies, R. Walker. L., 1993; Ancient DNA / Ed. B. Herrmann, S. Hummel. N.Y., 1994; Molecules through Time: Fossil Systematics and Biochemical Systematics / Ed. G. Eglinton, G.B. Curry. L., 1991; а также специальный выпуск журнала "Мировая археология" по проблемам биомолекулярной археологии: World Archaeology. 1993. 25. 1.

Перевод Ю.Н. Литвиненко.

Apart from general trends of the environmental history of the classical world in which climate changes as well as steadily increasing human pressure on the biosphere leading to the expansion, in some cases, or contraction, in other cases, of the geographical distribution of many species of plants and animals were of paramount importance, there were also relatively rapid events, which often led to considerable ecological consequences (e.g. volcanic eruptions, epidemics of infectious diseases, etc.).

The final section of the article touches upon the prospects for biomolecular archaeology. The author shows that this new field of research possibilities of which have vastly improved recently, promises to yield very important results for historians, archaeologists, ecologists, and specialists in palaeobotany and palaeozoology.

© 1995 г.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДНАЯ СРЕДА В РИМСКОМ МИРЕ*

1. Природный детерминизм. Проблема отношения между человеком и природой на протяжении веков вызывала столкновения противоположных точек зрения, одна из которых связана с представлением о господстве естественной среды над человеком, другая же – с идеей превосходства человека над природой. Для нас здесь представляет интерес выяснить, задумывались ли уже древние о своем отношении к природе и переживали ли они его конфликтным образом (и до какой степени). С древности и по меньшей мере вплоть до Монтескье к проблеме отношения между человеком и природной средой подходили совершенно иначе по сравнению с принципиальной нашей сегодняшней постановкой вопроса: внимание уделялось только воздействию природных условий на человека, а также устанавливалась прямая зависимость между природной средой, климатом, ресурсами – с одной стороны, и особенностями внешнего облика и поведения у разных народов – с другой. Напротив, совсем не обращали внимания на неизбежное взаимодействие и взаимообусловленность населения и его собственной экосистемы.

В теоретических построениях и мировоззрении народов, добившихся господства над другими, сформулированная таким образом проблема имела легко предсказуемое решение. В самом деле, для римлян не было сомнений в том, что их превосходство проистекало также и от лучшей природной среды, в которой они жили. Впрочем, в этом они всего лишь переняли вековые убеждения, укорененные в греческой ментальности. Сегодня нас может поражать утверждение Аристотеля (Pol. VII. 1327 b) о том, что "племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам... Населяющие же Азию одарены в духовном отношении и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем" (пер. С.А. Жебелева). Нужно, однако, иметь в виду, что теория, получившая в новое время название "природного детерминизма", родилась не с Аристотелем: отчетливую форму она обрела уже у Гиппократа, который в трактате "О воздухе, воде и местности" устанавливает причинно-следственную связь между природными условиями и физическим и духовным обликом человека, будучи уверенным, что не только внешний вид жителей, но также и их характер и обычаи зависят от климата и географических условий.

Мысль Гиппократа о том, что состояние человеческого организма и даже характер различных племен и народов обусловлены прежде всего решающей ролью климата, снискала популярность и в римском мире. В роли связующего звена при этом выступал Посидоний; но в особенности богата в этом смысле традиция периода Империи – от Ливия

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта "Древний мир: проблемы экологии" (код проекта 93.06.10594).

до Витрувия, Курция Руфа, Плиния Старшего и Страбона. Во времена Империи превосходство Европы с точки зрения природных условий провозглашалось также и деятелями греческой культуры; Страбон, опиравшийся на Посидония, демонстрирует ясное понимание выигрышного положения Европы, цивилизаторской функции, некогда выполнявшейся греками, а в его время – римлянами, а также ущербности прочих народов, связанной главным образом с их неблагоприятным географическим положением (Strabo 2. 5. 26).

Показательно, что с точки зрения римлян варвара как такового характеризует именно его "место обитания", которое определяется географическими факторами, климатом, расположением страны, природной средой. В описаниях варваров, выполненных римлянами, постоянно в качестве их "места обитания" фигурируют solitudines (большие невозделанные пространства): как раз потому что враждебная природа препятствует зарождению и развитию цивилизации. Или говорится о сумрачных областях, расположенных у крайних пределов земли, где из-за невозможности контактов с цивилизованным миром может царствовать только ferocia, которой благоприятствует тьма, нависшая над этими районами. Но типичная среда варвара – лесная чаща, труднодоступная, а значит таящая опасность, богатая растительностью и потому темная: возможность спрятаться в ней способствует сохранению примитивного образа жизни у ее обитателей.

2. *Озабоченность состоянием окружающей среды.* То, что римляне испытывали беспокойство в связи с состоянием природной среды и задавались вопросом об отношениях между человеком и его естественным "местом обитания" (habitat), подтверждает хотя бы такой показательный пример: при выборе сельскохозяйственных имений следовало проявлять осмотрительность и тщательно оценивать их природные свойства, прежде чем приступать к неосторожным приобретениям. Если все авторы, писавшие о сельском хозяйстве, настаивают на необходимости выбирать участки не только плодородные, но и здоровые, это объясняется тем, что были loca pestilentia, где царствовала малярия, или зоны, трудные для жизни, как некоторые места в Кампании, зараженные сернистыми испарениями. Если речь шла об имениях незначительных размеров, ради оздоровления неблагоприятных для ведения сельского хозяйства природных условий могли применяться меры научного характера. Об этом говорит Варрон (De re rustica 1. 4. 3–5), который противопоставляет здоровые участки с надежным доходом нездоровым, проявляя во втором случае ясное понимание как отрицательного характера отношений человек – среда, так и необходимости оздоровительных мер. Отметим у него неусыпную заботу не только о выборе идеальной природной среды, но также и о здоровье земледельцев. Если, с одной стороны, считается, что здоровый характер того или иного места зависит не от человека, а от природы, с другой стороны, за человеком признаются значительные возможности вмешательства ради смягчения опасностей благодаря действию его scientia. Тип почвы, вкус воды, испарения, климат, открытость губительным ветрам – все это моменты, которым можно противостоять, прибегая к техническим средствам и, разумеется, ценой соответствующих затрат.

Пассаж Варрона показывает нам реальность сельского хозяйства, в котором вмешательство человека по сути ограничено. Все же он исповедует веру в науку и возможности человека воздействовать на неблагоприятные природные условия, и это стоит подчеркнуть: воплотить замысел в реальное действие должно было быть нелегко, особенно если этому сопутствовали опасения религиозного характера. Ведь более масштабные меры применялись редко не только из-за сопряженных с ними сложностей, но также прежде всего из-за религиозного чувства уважения по отношению к естественному порядку вещей. В понимании древних всякое вмешательство, способное изменить то, что мудро устроила природа, считалось святотатством и было чревато риском подвергнуться божественным карам. Поэтому здесь перед нами не инновационный конфликт, в котором новое с трудом прокладывает себе дорогу из-за того, что его неспособны принять или противятся его осуществлению; речь идет скорее о потребности соблюдать религиозное почтение к природе, которая как таковая не должна подвергаться ни изменению, ни насилию. Поэтому любое вмешательство в естественную среду требует соответствующего очищения.

В качестве примера рисков, которыми чревато какое бы то ни было вмешательство в природу, в античном мире было особенно известно Камеринское болото. Этот случай упомянут в комментарии Сервия (ad Aen. 3. 701): когда жители Камерины решили осушить болезнетворное болото, расположенное поблизости от города, оракул Аполлона в ясных выражениях призвал их не создавать препятствий естественному ходу вещей, буквально: "не двигать Камерину". Жители Камерины не слишком этим обеспокоились и приступили к оздоровительным работам, но были наказаны, потому что именно эта благоустроенная

местность и открыла врагам доступ к городу. Оракул стал настолько знаменитым, что им пользовались и в дальнейшем для того, чтобы поставить барьеры религиозного характера на пути осуществления общественно важных работ. Оставаясь перед лицом необходимости считаться с такого рода религиозными оковами, в реальной жизни отдельные люди сталкивались с постоянно умножавшимися вторжениями в мир природы, начиная с самой сельскохозяйственной деятельности. Земледелие, действительно, понималось как насилие над природой, находившейся под сакральной защитой. Широко известна концепция первобытного мышления, в соответствии с которой заниматься земледелием – это то же самое, что терзать и ранить землю; а следовательно, копать ее – то же самое, что и вонзать кинжал в грудь родной матери, рвать траву – то же самое, что и дергать материнские волосы. Так что при занятии сельским хозяйством необходимо принимать меры предосторожности путем выполнения соответствующих очистительных и искупительных обрядов по отношению к Матери-Земле.

3. Осквернённая природа. Можно подумать, что проблемы загрязнения почвы, воды, воздуха, представляющие собой драматическую черту нашей современной жизни, оставались незамеченными в те эпохи, когда была неведома типичная для высокоразвитой индустриальной цивилизации деградация окружающей среды. И наверняка вызвало бы улыбку намерение говорить об античном мире как о мире с сильными экологическими угрозами. Однако в Риме двухтысячелетней давности мы все же встречаемся с глубоким пониманием возможных факторов нарушения равновесия окружающей среды, в основе которого по-прежнему лежит по существу религиозная концепция: существует естественный порядок вещей, который не должен быть изменен, но должен сохраняться, потому что природа все устроила мудро. В общем можно констатировать, что первые элементы нарушений и порчи окружающей среды начинают проявляться параллельно с развитием хотя бы даже и скромной промышленной деятельности (потребности металлургии и вытекающие отсюда отходы плавок; использование древесины и уничтожение лесов; обработка кож и загрязнение водных потоков). Поэтому рассмотрим отношение римлян к природным и водным ресурсам, а также их роль в начавшемся ухудшении окружающей среды.

Сегодня проблема использования природных ресурсов встает все более драматическим образом, т.е. имеется ясное осознание того, что – за исключением солнечной энергии – все природные блага, традиционно считавшиеся неисчерпаемыми, от почвы и воды до воздуха и ископаемых видов топлива, тяжело пострадали в результате их бездумного и нерационального использования индустриальной цивилизацией. Разумеется, древним их экологическое "место обитания" представлялось совершенно иначе, и это положение дел оправдывает существование мифа о неисчерпаемости природных ресурсов в литературном творчестве античности. В Греции такое понимание, в связи с использованием подземных ресурсов, нашло свое выражение в трактате Ксенофонта "О налогах", в котором не один раз (De vectigal. 1. 4; 2–5) утверждается о неисчерпаемости пентеликонского мрамора в Аттике, а также и Лаврионских месторождений серебра – всего того, что гарантировало господство Афин. Ксенофонт утверждает, что несмотря на постоянную добычу серебра в Лаврионе жилы этого металла ничуть не уменьшились со временем.

Совершенно иное понимание вопроса и явный намек на возможность исчерпания полезных ископаемых выражены у Плиния Старшего (NH. 33.1 – 3) в словах, по-видимому, продиктованных не только моралистической задачей. В начале Плиниева отрывка выражается страх перед святотатством: проникать в недра земли с целью поиска драгоценных металлов равнозначно вступлению в контакт с Аидом. Более того, добыча ископаемых противопоставляется сельскому хозяйству; для Плиния богатства, сокрытые в глубинах земли, следует считать истинной погибелью для человека, который не задумываясь спускается в преисподнюю, а ведь ум его в состоянии предвидеть тот день, когда земля окажется полностью изрытой и полой внутри. Эти слова позволяют нам заметить у него, кроме заурядного выпада против человеческой ненасытности, интуитивное понимание возможного исчерпания природных ресурсов по вине деятельности людей. Однако и здесь слышится отзвук древнейших религиозных страхов: действительно, копать землю для того, чтобы извлечь то, что скрыто в ее недрах, представляет собой тяжелую порчу природы.

Более чем какой бы то ни было иной элемент природы, вода была связана с целым рядом религиозных ценностей, которые обеспечивали источникам и рекам – от маленьких и до самых больших – почтительное уважение и прочную защиту. Из-за сакрального характера вод любое действие, направленное на изменение или регулирование их течения, предпринималось только при крайней небходимости.

Тацит (Ann. 1. 79) сообщает о том, как даже сенат в 15 г.н.э. отказался от проведения необходимых работ для предотвращения постоянных разливов Тибра именно из-за опасений религиозного характера. Речь идет об отрывке чрезвычайной важности, так как благодаря ему нам удается понять, вокруг каких аргументов развертывалась дискуссия по вопросу об охране окружающей среды в Риме две тысячи лет назад. Итак: есть проблема, взывающая к срочному решению (нарушение гидрогеологического режима, приводящее к постоянным разливам Тибра), но не определены истинные причины, крывшиеся в лихорадочной вырубке лесов. Цепляясь за следствие, которое необходмо устранить, выдвигают ряд предложений, в которых противники любых изменений усматривают источник будущих бедствий. Решения, которые должны были бы быть проведены в жизнь, предусматривают довольно масштабные и радикальные меры (изменение течения рек и озер, питающих Тибр: Кланис должен был бы впадать в Арн, река Нар – спущена в канавы, а чтобы не дать Велинскому озеру сбрасывать свои воды в Нар, собирались соорудить плотину). Против этого проекта выступили представители некоторых муниципиев и колоний, движимые своими собственными страхами: флорентинцы в свою очередь опасались разливов Арна, пополненного водами Кланиса; жители Интерамны – того, что их плодородные поля, залитые Наром, превратятся в стоячие болота, реатинцы – того, что Велинское озеро не сможет удержать свои воды и прольется на их земли. Эти более чем конкретные мотивы нуждаются, однако, в других, более действенных аргументах: первый из них, "натурфилософского" порядка, сводится к тому, чтобы подтвердить запрет на нарушение того, что было установлено природой, которая не могла ошибиться, "определив рекам их устья и течение, истоки и разливы" (пер. А.С. Бобовича). Второй аргумент религиозного характера: необходимо чтить культы, которые союзники посвятили своим рекам. В качестве третьего и решающего аргумента в ход пускается величие Тибра: как воспримет divus amnis намерение лишить его своих собственных притоков? Наверняка он оскорбится из-за умаления своего престижа. В итоге ничего не было сделано, и Тибр продолжал периодически заливать Рим.

Реки и источники сильно загрязняются жертвенной кровью: в жертву могли приноситься посвященные богам животные, но порой речь могла вестись и о солдатах вражеских войск, жертвах воинственной ярости. В римском мире живейшим образом присутствовало понимание загрязнения рек вследствие кровопролитных сражений.

Говорить о загрязнении атмосферы в древнем мире может показаться смешным в наши дни, когда мы смирились с ядовитыми промышленными дымами, кислотными дождями и даже с риском атомных облаков. И воображение сразу же подсказывает утешительное et iam summa procul villarum culmina fumant из первой Вергилиевой буколики (стк. 82) – гармонически ясную картину, где дым, поднимающийся над сельскими усадьбами, превосходно вписывается в природу, не загрязняя ее, и даже умудряется сделать изображение заката еще более трогательным. Однако то, что описывает Вергилий, – это сельская сцена: в Риме положение должно было быть несколько иным, и вряд ли дым от бесчисленных очагов способствовал чистоте воздуха. Об этом сообщает Сенека, который в письме к Луцилию (104. 6), описывая свое бегство по соображениям здоровья из города в номентанское поместье, утверждает: "Едва я выбрался из давящего города, от запаха дымящихся кухонь, которые, едва их затопят, изрыгают вместе с пылью все таившиеся в них ядовитые пары, как тотчас самочувствие мое изменилось" (пер. С.А. Ошерова).

При всей своей энергичной краткости, показателен отрывок из XVIII книги "Естественной истории" Плиния, где с полной ясностью разоблачается вина людей за загрязнение воды и воздуха. Приступая к рассмотрению растений, произрастающих на доброй земле, Плиний и выступает в защиту этой земли, которая всему мать, со следующими словами: "...ибо все же наш предмет углубляется до рассмотрения земли, которая порождает также и вредные вещества. Мы донимаем ее своими собственными преступлениями и обвиняем ее в наших собственных винах. Согласен, она создала яды: но кто кроме человека их нашел? Птицы и звери довольствуются тем, что их остерегаются и бегут от них... Мы отравляем стрелы и добавляем к самому железу кое-что другое, еще более вредоносное. Мы заражаем даже реки и природные стихии. Да и сам воздух, необходимый для жизни, мы обращаем себе на погибель".

Однако к наиболее видимым последствиям приводила вырубка лесов. Обезлесение следует прямо связывать с ростом строительной деятельности и особыми потребностями общественных и частных зданий (кроме мебели подумаем хотя бы о топливе, необходимом для домашних нужд, о снабжении дома и терм теплом). Древесина нужна была и для бурно развивавшегося ремесла – от металлургии до производства керамики и стекла. Но и

сельское хозяйство вынуждало жертвовать рощами и лесами. Ведь чтобы иметь пастбища, приходилось прибегать к порубкам лесам. Особенно большой урон лесам нанесла морская политика. У нас есть точные данные о методах заготовки Силийского строевого леса, который пользовался особым спросом в строительстве и кораблестроении. Один способ сводился к тому, чтобы срубать деревья под корень и сплавлять бревна по воде к морю, до ближайшего порта; росшие вдали от водных потоков и моря деревья разрубались на части и перевозились вьючным скотом: эта древесина находила применение в ремесле и домашнем хозяйстве. Сверх того, в значительных объемах производилась добыча смолы, которая была важнейшим местным ресурсом, а немалый размах деловых операций с нею вызывал порой кровавые столкновения. Так вырисовывается контраст между аграрной экономикой, связанной с землей и ее ресурсами, и частными групповыми интересами тех, кто беззастенчиво эксплуатирует природу, не заботясь о последствиях для окружающей среды.

Неизбежным следствием значительного обезлесения стали нарушения гидрогеологического режима, более ощутимые в Греции, но не менее заметные и в Риме. Древние давали этому объяснение, красноречиво характеризующее их ложное понимание проблемы: нарушения гидрогеологического режима считались следствием непредсказуемых природных явлений, а ответственность людей за это никогда не принималась в расчет. В Риме наиболее известными для нас последствиями вырубки целых лесных массивов были частые наводнения, вызванные разливами Тибра: не случайно они стали учащаться как раз тогда, когда усилилось уничтожение леса, вызванное необходимостью собрать все силы в кулак для войны с Карфагеном. Если бросить взгляд на свидетельства крупнейших представителей культуры, от Лукреция до Горация, Ливия и Сенеки, мы можем убедиться в том, что нарушения гидрогеологического режима связывались ими или с волей богов, или с катастрофами, спровоцированными землей-мачехой.

4. Человек и природа. На земле человек живет не один, и любой римлянин прекрасно это осознавал: а значит, проблемы этического характера возникают также и в его отношениях с населявшими космос живыми существами, отличными от него. В этом вопросе в античности сталкивались две концепции, одна – по форме аристотелевская, другая, совершенно иная, – явно пифагорейского происхождения.

Часто прибегая в своих действиях к насилию по отношению к животным, человек ощущал необходимость теоретически оправдать свое предполагаемое превосходство. Здесь первенствовали теоретические рассуждения Аристотеля, который в своих научных трактатах, посвященных животным, не преминул установить discrimen между их природой и природой человека, выделив обладание разумом как отличительный и характерный признак человека. Человек – единственное животное, способное приобщиться к божественному, и в то время как все живые существа просто обладают жизнью, ему надлежит делать ее более ценной. Но даже с физической точки зрения проявляется превосходство человека: он единственный среди животных занимает вертикальное положение, тогда как прочие, в сравнении с ним, похожи на карликов и, также и в силу этого, наделены более слабым мышлением (Hist. anim. 588 a–b; Part. anim. 656 a; 686 b). Из предпосылки о превосходстве человека над животными вытекает ряд следствий; особенно важно следующее: подобно тому, как правосудие и дружба не могут установиться между господином и рабом, так, и даже с еще большими основаниями, они не могут существовать между человеком и животными (Eth. Nicom. 1161 b 1–3). В послеаристотелевском античном мышлении животные, по самой мере вещей, принадлежат к низшей сфере: среди них ближе к человеку располагаются домашние или поддающиеся одомашниванию животные, которые способны жить в коллективе, а дальше, напротив, животные лесные, посторонние для сферы человеческой жизни, они и становятся добычей охотников. Превосходство человека над животными – это одно из проявлений превосходства человека над миром природы: не без гордости Цицерон подчеркивает, что благодаря своей руке человек способен заниматься многими искусствами (De nat. deor. 2. 150), благодаря своему труду он умеет возделывать землю (2. 151), может властвовать над растительным и естественным миром (2. 151–152) и, разумеется, распоряжается животными по своему усмотрению: но по отношению к ним он действует всегда разумно, в соответствии с возникающими потребностями (2. 151).

Напротив, в совершенно иную культурную среду вводит нас представление о законе, общем для всей природы и живых существ, изложенное Ульпианом в первой книге его "Институций" (= D. 1.1. 1. 3): "Естественное право (ius naturale) – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же

воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права" (пер. И.С. Перетерского). В такой позиции следует видеть результат развития в эпоху Империи пифагорейской традиции, которая в это время стала отдавать предпочтение этико-практической мысли в большей степени, нежели спекулятивно-математическому мышлению (достаточно вспомнить хотя бы об общности всех живых существ, провозглашенной в эпоху Северов Филостратом в жизнеописании Аполлония Тианского). Пифагорейские корни этой концепции, рассматривающей человека как моральное существо и биологического индивида, были доказательно продемонстрированы Ж. Моджеевским[1]. Это же подтверждает и свидетельство Цицерона в одном месте из "De republica" (т.е. произведения, которое, по мысли некоторых исследователей, знаменовало обращение Цицерона к пифагорейству). Цицерон говорит: "Как же, следовательно, отнесемся мы прежде всего к бессловесным животным? Ведь не люди посредственного ума, а выдающиеся и ученые мужи, Пифагор и Эмпедокл, заявляют, что все живые существа находятся в одинаковом правовом положении; они утверждают, что тем, кто нанесет повреждение животному, грозит бесконечная кара" (пер. В.О. Горенштейна). Но глава в истории культуры, которая повествовала бы о присутствии пифагорейства в художественном творчестве, философских построениях и правовой мысли периода Империи, остается еще в значительной части не написанной: отметим важность пифагорейских принципов в Овидиевых "Метаморфозах", принижение этого учения в кротонской главе Петрониева "Сатирикона" (а ирония может быть действенной только если ее цель находит отклик в мире читателей), значительное место пифагорейского элемента в естественнонаучной мысли Плиния Старшего, и не только в его космологии[2]. Как заметил Марио Бретоне, современное мышление способно понять мысль, заключенную в высказывании Ульпиана, "даже если выраженная там космология от него необычайно далека"[3]. Он ссылается на блестящие страницы Леви-Стросса, который во "Взгляде издалека" утверждал, что "экологическое право, о котором столько говорят, – это право окружающей среды на человека, а не право на окружающую среду". Леви-Стросс напоминает, что "когда мы говорим, что человек – моральное существо и что это качество порождает его права, мы лишь принимаем к сведению то, что жизнь в обществе возвышает биологического индивида к достоинству иного порядка. Признанием этого феномена критерий морали не отбрасывается, но включается в более общее целое, а отсюда следует, что от уважения, которое должно оказывать каждому виду как таковому, – а значит и всем видам, происходят права, которыми в нашем случае может пользоваться любой индивид как таковой: на том же основании, что и любой вид, но не более". Леви-Стросс полностью осознает тот факт, что подобный подход уже высказывался римскими юристами, "которые определяли естественный закон как комплекс общих отношений, установленных природой между всеми живыми существами в целях их общего выживания", и считает, что лишь такая концепция способна заручиться согласием всех цивилизаций: не только нашей, но и "великих культур Востока и Дальнего Востока, пронизанных индуизмом и буддизмом; и наконец согласием так называемых слаборазвитых народов, даже самых отсталых среди них – бесписьменных обществ, изучаемых этнологами. Пусть и совершенно различные между собой, эти последние общества согласны в том, чтобы сделать человека воспринимающей стороной, а не владыкой вселенной. Благодаря мудрым обычаям, которые было бы ошибкой отбрасывать наряду с суевериями, они ограничивают потребление человеком других биологических видов и внушают ему моральное уважение к этим видам, сопряженное со строжайшими правилами, призванными обеспечить их сохранение"[4].

5. Заключение. В завершение вернемся к главной теме. Помимо теоретических позиций ныне у всех на глазах реальные последствия отношений человек – окружающая среда, вызвавших глубокие изменения естественной "сферы обитания": цивилизации, сменявшие друг друга по ходу истории человечества, не всегда ограничивались безвредными изменениями природного ландшафта; напротив, человек оказался виновным в происходящем ныне резком ухудшении состояния окружающей среды. Неизбежное взаимодействие человека и природы всегда было причиной необратимого ухудшения экологической среды, начиная с истощения некоторых природных ресурсов. Такие нарушения показывают, сколь амбивалентным образом проявляют себя люди в своей деятельности и даже в самом своем

---

[1] *Modrzeiewski J.* Ulpien et la nature des animaux // Atti Accad. Naz. Lincei. 1976. 373. Quad. 221. P. 177–199.

[2] *Citroni Marchetti S.* Plinio il Vecchio e la tradizione del moralismo romano. Pisa, 1991. P. 24, 141.

[3] *Bretone M.* Storia del diritto romano. Roma – Bari, 1987. P. 350.

[4] *Lévi-Strauss C.* Lo sguardo da lontano. Torino, 1984. P. 338 sg.

существовании: человек, с одной стороны, продемонстрировал огромные способности самостоятельно создавать для себя более благоприятную природную среду и лучшие условия жизни; с другой же, доказал свою тенденцию разрушать то, что смог создать, или использовать свои способности именно для того, чтобы изменять окружающую среду и природные условия к худшему. Ускорение экономического развития и гигантский рост промышленного производства в последнее время в конце концов поставили проблему драматическим образом: неконтролируемый избыток химических продуктов вызвал огромный поток загрязняющих среду отходов, а ухудшение природы из-за загрязнения воздуха, воды, почвы достигло таких значений, что отныне мы задаемся вопросом о самой возможности продолжения жизни на планете Земля. Противоядия, разумеется, существуют и сегодня, как они существовали и в прошлом; проблема заключается в том, чтобы пустить их в ход: и если в прошлом их сводила на нет религия, ныне пути спасения пролегают через утопический путь более рационального использования промышленных ресурсов, в меньшей степени обусловленного логикой получения прибыли. Это путь, который в сегодняшнем мире кажется совершенно скомпрометированным, коль скоро недавние события показали нам, как наиболее богатые и промышленно развитые страны проявляют стремление превратить более бедные и развивающиеся страны в свалку промышленных отходов и токсичных выбросов, которые они не в состоянии переработать: все происходит так, как если бы ойкумена древних ныне исчерпывалась собственной страной, как если бы сброс в моря, почву и воздух других стран собственных ядовитых отходов мог бы отодвинуть опасность, которая затрагивает, наоборот, всю землю целиком.

Но более уместным будет не столь пессимистическое заключение. Надежда может придти к нам как раз из древнего мира, который никогда не оставляла вера в возможность решительных действий человека с целью улучшить вместе с окружающей средой и собственные условия жизни. Так, надежда для нас может исходить из отрывка, в котором Страбон (2. 5. 26) воздал хвалу Европе, которая для него была идеальной землей в силу того, что благоприятные климатические условия воздействовали также и на политическую ситуацию. Действительно, "в стране, наделенной природными благами, население миролюбиво, а в бедной стране, напротив, все служит тому, чтобы сделать людей воинственными и храбрыми". Тем не менее, продолжает Страбон, "оба эти рода стран получают взаимные выгоды, ибо последние помогают оружием, а первые земледельческими продуктами, искусствами и воспитанием характера". Из перечисляемых им способов первый – "оружием" – мы, конечно, отвергнем, но о других мы должны задуматься как следует – мы, живущие в мире, где экономическое благосостояние народов и их политическая власть идут рука об руку и связаны с бóльшими возможностями использовать экономические и промышленные ресурсы даже в ущерб другим, менее богатым и удачливым народам. Навстречу таким народам можно идти именно так, как говорит Страбон – "с земледельческими продуктами, искусствами и воспитанием характера" (пер. Г.А. Стратановского)*.

П. Федели

MAN AND THE ENVIRONMENT IN THE ROMAN WORLD

Paolo Fedeli

For ages the problem of relations between man and nature has caused a clash of points of view. One of them was connected with the idea of nature's dominance over man, the other – with the idea of man's superiority over nature.

The Romans had no doubts that their supremacy over other peoples was the result of special favourable natural conditions of Europe where they lilved (this idea goes back to Hippocrates and Aristotle).

The recommendations on the choice of sites for building *villae* point to the concern of the Romans about the environment. Varro's passage (*De re rustica* 1. 4. 3–5) conveys his faith in science and ability of man to improve nature through his interference. However, bans and misgivings of religious character

* Перевод Е.В. Ляпустиной

prevented such interference. Thus, even farming was regarded as violence towards mother-earth, that is why purification and redemptive rites were necessary when one was engaged in agricultural activities.

Though in general the ancient people implicitly believed that the natural resources were inexhaustible (cf. *Xen. De vectigial.* 1.4; 4. 2–5), in the works by Pliny we come across an intuitive prognosis of the possible depletion of the earth's resources.

The author of the article analyzes the arguments used in the Roman Senate (*Tac. Ann.* 1. 79) during the discussion of projects to change the course of some rivers and lakes to prevent periodic floods of the Tiber. The ancient people did not understand the true reasons for such breaches of the hydrogeological regime (i.e. deforestation) and believed that the will of gods and disfavour of stepmother nature were to blame for frequent floods.

In relation of man to the animate world two approaches can be singled out: the Aristotelian approach postulating the undoubted superiority of man over the rest of the living beings, and the practical-ethical, Pythagorean one, stressing the unity of all the living beings, which found its expression in lawyers' texts of the Imperial epoch, for example in the discourse of Ulpianus on *ius naturale* (D. 1. 1. 1. 3)

© 1995 г.

ДРЕВНЕЕ ГОРНОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО И АНТРОПОГЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ

(*К постановке проблемы*)*

1. Процесс освоения древними культурами прогрессивных и непривычных для них технологий сопровождался, как правило, широким развитием новых энерго- и материалоемких производств. Разрушительные вторжения в "кладовые природы" становились едва ли не обязательным следствием подобных акций. Сталкиваясь с такого рода сложными ситуациями на практике, культуры контролировали их или очень слабо, либо же не были способны воздействовать на них вовсе. Энергичная и бездумная разработка природных ресурсов почти всегда приводила к различному – по степени и характеру – дисбалансу в экологическом окружении культуры. Люди фактически всегда полагали, что эксплуатация этих ресурсов наиболее выгодна в непосредственной близости от мест их обитания. Однако такая локализация вызывала резкое нарастание признаков экологического кризиса. Перемены в природном окружении болезненно, нередко драматически воздействовали на многие сферы повседневной социальной жизни, и это чрезвычайно существенно для полноценного раскрытия затронутой нами проблемы. Такие общества неудержимо скатывались к экологической катастрофе, и у катастрофы легко угадывались антропогенные корни[1].

Горнометаллургическое производство, стремительно, в основном скачкообразно развивавшееся последние шесть – шесть с половиной тысяч лет во многих регионах Старого Света, почти всегда таило в себе угрозу стать одной из самых тяжких причин для антропогенных катастроф, постоянно возникавших в различных географических областях Евразии. Такая роль металлургии в жизни людей была обусловлена ее физической природой и господствующей технологией производства. Для нашей темы, пожалуй, очень важно, что именно особенности технологии данного промысла позволяют выделять в его длительной исто-

*Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта "Древний мир: проблемы экологии" (код проекта 93.06.10594).

[1] Тема экологических антропогенных катастроф в археологии и древней истории исследована явно недостаточно, хотя число публикаций, где экологическая терминология употребляется иногда в совершенно произвольной манере, кажется порой даже чрезмерным. Основной слабостью работ такого рода является отсутствие комплексных, целенаправленных аналитических изысканий с применением целой совокупности археобиологических методов, а также едва ли не полное отсутствие более или менее надежных количественных показателей для наблюдаемых экологических изменений. Довольно слабо разработаны и предпосылки подхода к данной проблеме.

рии два достаточно четко выраженных кардинальных этапа. Необходимость же предлагаемого разграничения станет ясной для настоящей темы из дальнейшего изложения.

Этап ранний, он же самый протяженный, длился вцелом около шести тысяч лет. Начало его восходит к середине или второй половине V тыс. до н.э., когда на Северных Балканах и в Карпатском бассейне неожиданно вспыхивает яркий феномен подунайских культур медного века[2]. Завершающие же, финальные фазы этого этапа приходились по существу уже на новое время. Лишь только к XVIII–XIX столетиям в большинстве основных регионов Старого Света прекращается повсеместная практика основных приемов этой древней технологии.

Наиболее характерными чертами данного этапа являлись: *1*) почти исключительное использование древесного угля в качестве топлива для плавки руд и обработки металлов, *2*) ориентация по преимуществу на плавку окисленных руд (причем не только медных, но и железных), *3*) донаучная организация разработок рудных месторождений и металлургического производства. Этап в целом можно именовать домашинным или же протоиндустриальным, а также до- или же протонаучным[3]. Древесный уголь, бывший тогда основным (если не единственным) топливом для пирометаллургических процессов, позволил некоторым исследователям даже металлургию данного этапа называть "древесноугольной", тем самым отличая ее от производства последующего этапа, ставшего как бы "каменноугольным и электрическим".

Упомянутый поздний и заключительный этап развития горнометаллургического дела по сравнению с ранним весьма краток. Его протяженность в целом почти не превышает двухсот лет (этап продолжается еще и поныне). Сигналом, возвестившим его наступление, послужила индустриальная революция в металлургии, бурно начавшаяся в конце XVIII в. на крайнем западе Европейского континента, в Англии[4]. Процессы смены технологий происходили там очень быстро, и уже через несколько десятков лет в индустриальных центрах Западной и Центральной Европы подверглись коренным изменениям практически все основные производственные приемы этой важнейшей отрасли хозяйственной дятельности человека.

Для нашей темы, может быть, самым важным явилось то, что каменный уголь повсеместно вытеснял уголь древесный. Кроме того, база неорганической химии стала для горного дела, металлургии и металлообработки прочной научной опорой при объяснении скрытой сути пирометаллургических процессов и управления ими. Энергично внедрялись новые методы металлургического передела. Параллельно производство стремительно обретало машинный, индустриальный облик, ручной же труд отступал на задний план, использование электроэнергии при разнообразных металлургических операциях занимало все большее место[5].

---

[2] *Черных Е.Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. 1976. № 2; Premier or de l'Humanité en Bulgarie. 5e millénaire / Ed. de la Réunion de musées nationaux. P., 1989.

[3] Едва ли не на всех хронологических стадиях раннего этапа обучение основным процессам горнометаллургического производства велось из поколения в поколение по преимуществу путем личного общения и примера, от мастера к подмастерью. Те же крайне немногочисленные и созданные лишь в XVI–XVII вв. описания методов горного дела и металлургии (см., например: *Georgius Agricola.* De re metallica. Libri 12. Basileae, 1556; *Де Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735 г. М., 1937) сводились по существу, к характеристике и последовательности основных стандартных приемов самого производства. Донаучная система господствовала не только в горном деле; методы химической науки, столь существенной при пирометаллургических операциях, не выходили здесь за рамки интуитивных представлений.

[4] *Мантуи П.* Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.–Л., 1925. С. 204 сл.

[5] В связи с этим следует, конечно, же напомнить и о неравномерности развития данной отрасли производства в различных регионах Земного шара, – ведь она была чрезвычайно контрастной даже в пределах Европы. "Открытие" Урала российскими промышленниками в начале XVIII в. привело к тому, что высококачественное уральское железо к середине этого столетия экспортировали уже в Западную Европу и, в частности, в Англию. Однако, если на Британских островах сложившаяся ситуация стимулировала активнейшие поиски новой технологии в горнометаллургическом деле, то на исключительно богатом лесом и рудой Урале безоглядно ориентировались на экстенсивную технологию завершающей фазы "древесноугольной" металлургии, которая переживала здесь полосу самого яркого расцвета. Вскоре поиски новых методов привели в Англии к технологическому "взрыву". За этим последовало стремительное отставание Урала, и уже к началу XVIII столетия разрыв в уровнях горнометаллургической индустрии на западе Европы и на восточной периферии континента выглядел весьма впечатляющим. Говоря о неравномерности развития, напомним, конечно же, и о совершенно архаичных формах металлургии, господствовавших тогда во многих культурах Африки к югу от Сахары, описанных европейскими путешественниками (см., например: *Брайант А.Т.* Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 111 сл., а также многие другие работы).

Выделение и краткая характеристика основных этапов развития горнометаллургического дела, представленные выше, необходимы здесь для обоснования того исследовательского приема, который будет использоваться ниже. Мы постараемся на базе позднейших примеров, скажем, из уральской металлургии XVIII–XIX вв., попытаться обосновать оценки экологических последствий этого производства для достаточно глубокой древности. Ведь принципиальное сходство технологий практически на всех фазах раннего этапа развития горного дела и металлургии по существу очевидно. Позднейшие металлургическое "мануфактуры" по сути развивают все хорошо известные уже с бронзового века технологические методы в рамках одной принципиальной модели. Различались количественные показатели (масштабы добычи руд и выплавки металлов), но отнюдь не главнейшие виды используемой энергии.

2. Воздействие горнометаллургического производства раннего типа чрезвычайно сильно сказывалось, во-первых, на земных недрах, и, во-вторых, на характере растительного покрова того района, где производились горняками и металлургами все важнейшие технические операции. Добыча руды – медной, железной или же какой-либо другой – всегда влечет за собой большее или меньшее локальное разрушение земных недр. Поскольку в древности внимание горняков в первую очередь привлекали поверхностные выходы руд, то разработки подобных рудных залежей в той или иной мере искажали облик земной поверхности. Со свидетельствами этого мы сталкиваемся, например, при обследовании многочисленных и порой исключительно крупных карьеров. Такого рода карьеры закладывались на поверхности тех месторождений, где в древности наиболее выгодным или так называемым "открытым" способом велась добыча медных и железных минералов в различных горнорудных областях и центрах Евразии.

Разрушения недр, однако, не были столь катастрофичны и повсеместны, поскольку распространение металлических руд в природе отнюдь не повсеместно, но ограниченно. Правда, иногда рудные разработки захватывали весьма обширную площадь. К числу последних, например, принадлежат медные месторождения горнометаллургического центра (рудного поля) Каргалы. Локализованные в степной зоне Южного Урала Каргалинские рудники уже в бронзовом веке подвергались интенсивнейшим разработкам на площади до 500 (!) квадратных километров. Понятно, что эти работы приводили не только к заметным изменениям ландшафта, но одновременно и очень сильно искажали растительный покров и гидрорежим значительного участка земной поверхности.

Примеры сходных по масштабу разрушений земных недр и земной поверхности в результате древнего горнометаллургического дела нетрудно умножить. К ним, скажем, относится и такой гигантский производственный центр как Странджа, функционировавший по преимуществу начиная с эллинистического времени. Его многочисленные и огромные по масштабам разработок рудники и медеплавильни сосредоточены в юго-восточном углу Болгарии и северо-западном – Европейской Турции[6]. Очень мощные разрушения поверхностного рельефа явились результатом аналогичной деятельности в пустынном районе Вади эль-Араба – в Тимне и Фейнане к северу от Акабского залива, вдоль южного пограничья Израиля и Иордании[7]. Можно вспомнить и о покрывавших огромную площадь следах горнометаллургической деятельности мастеров железоделательного производства близ Мероэ в Судане, или же так называемый "Черный край" близ Бирмингема в Англии, Донбасс, Рур, да и еще множество примеров из иных регионов Евразии.

3. В экологическом отношении, однако, несравненно более разрушительным оказывалась непременная и жестко детерминированная сопряженность горнометаллургического дела ранней технологической модели с пиротехнологическими процессами. Как известно, выплавка металла из руд, а также плавка и литье меди и иных металлов требовали огромного количества органического топлива, прежде всего древесного угля. Кроме того, топливо очень часто использовалось в горном деле для обжига рудовмещающих пород, что заметно облегчало извлечение из них рудных минералов, особенно когда последние были вкраплены в крепкие скальные породы. Необходимым оказывалось топливо и для пред-

---

[6] *Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978. С. 19–39.

[7] Antikes Kupfer im Timna-Tal // Der Anschnitt. Bhf. 1. Bochum, 1980; *Hauptmann A.* The Earliest Period of Copper Metallurgy in Feinan, Jordan // Old World Archaeometallurgy. Proceedings of the International Symposium (Heidelberg, 1987). Bochum, 1989. P. 119–135.

варительного, происходившего перед плавкой, обжига руд. Например, в специальных "кучах" почти обязательному обжигу подвергались сульфидные (сернистые) руды для удаления избыточной серы[8].

В течение не менее шести тысяч лет, вплоть до конца XVIII в. в Англии, а в иных странах вплоть и до начала последнего столетия все пирометаллургические операции велись исключительно (или же почти исключительно) с применением древесного угля. Практически в любых обществах с развитой металлургией или же металлообработкой обязательно выделялись профессиональные группы специалистов по выплавке и обработке металлов; большое число людей занималось приготовлением древесного угля. Еще в IV–III вв. до н.э. тонкому ремеслу углежога и указаниям по использованию древесного угля посвятил Феофраст целый раздел своего ботанического трактата[9]. Лес и заготовка деревьев для их передела в древесный уголь за полтора тысячелетия до Феофраста служили специальной заботой высших придворных царя Хаммурапи в Вавилоне; его чиновники строго расписывали количество и размер отправляемых кузнецам древесных стволов[10]. Любопытно, что три с половиной тысячи лет спустя, уже в России, в царском именном указе Петра I о бессрочном владении Никитой Демидовым Тульским заводом перечисляются все, даже самые мелкие делянки леса под Тулой, на которых монарх разрешал "...сечь со адну сторону половину, а другую половину старого лесу беречь для всякого опасения от приходу неприятельских людей"[11].

За внешней простотой процесса "кучного выжигания" древесного угля скрывалось требование обладать определенными профессиональными навыками, как это стало ясно из современных экспериментов[12]. Кроме того, пережогом угля занималось огромное число рабочих – доля углежогов была гораздо большей, нежели прочих работников, занятых во всех иных операциях горнометаллургического цикла. Например, на металлургических "железных" заводах А. Демидова, расположенных близ Нижнего Тагила, пережогом и заготовкой угля занимались 2048 человек, не считая лесорубов, валивших деревья для иных нужд. Но уже добычу железной руды на близких к заводу месторождениях вели только 300 человек, а домны и железоделательные печи обслуживали всего лишь около 90 рабочих различной квалификации[13]. Выплавка же меди требовала существенно большего количество угля, отчего доля углежогов среди всех работников на медеплавильных заводах могла быть еще выше.

Некоторые наблюдения и приближенные расчеты показали, что для выплавки одной тонны меди из предварительно обожженных руд необходимо было "пережечь" на уголь примерно 500–600 стволов акаций, т.е. фактически уничтожить целую рощу[14]. В данном случае очень трудно учесть дополнительную массу угля, необходимого на предварительный обжиг медных руд, что зависело от характера медных минералов; однако и на данную операцию также требовалось много угля. Приблизительная калькуляция позволяет говорить, что в долине Тимны, в Вади-эль-Араба, лишь в печах одной медеплавильни (№ 30), датированной временем XIX–XXII древнеегипетских династий выплавили около 100 тонн меди. По всей вероятности, только для металлургических операций на этой медеплавильне понадобилось пережечь не менее 60–70 тысяч стволов акаций – целый лес[15]. Но ведь таких медеплавилен в Вади эль-Араба (Тимна и Фейнан[16]) насчитывалось не один десяток (а может быть, даже сотен).

Речь в данном случае идет о южных, пустынных и полупустынных районах Передней Азии, и подобные цифры говорят о колоссальной по своим масштабам переработке дре-

---

[8] Кстати, обжиг сернистых руд также оказывал резко угнетающее воздействие на окружающую природу, поскольку сопровождался выделением огромной массы сернистых газов, исключительно вредных для всего живого.

[9] *Феофраст.* Исследования о растениях. М., 1951.

[10] *Forbes J.* Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950. P. 95.

[11] *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М., 1949. С. 495.

[12] *Агапов С.А., Кузьминых С.В., Терехин С.А.* Моделирование процессов древней плавки меди // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 100–108.

[13] *Кафенгауз.* Ук соч. С. 307–320.

[14] *Bachmann H.-G., Rothenberg B.* Verhattungsverfahren von Site 30 // Antikes Kupfer im Timna-Tal.S. 232–234; *Allen J.C.* Consideration on the Antiquity of Mining in the Iberian Peninsula // Royal Anthropological Institution of Great Britain and Ireland. Occasion Paper. № 27. L., 1970. P. 10.

[15] *Černych E.* Rez.: Antikes Kupfer im Timna-Tal // Germania. 1984. 62. S. 487.

[16] *Hauptmann.* Op. cit.

весного материала. Интенсивная плавка руды с целью получения меди и, соответственно, пережог деревьев на уголь в очень бедной своей растительностью Сиро-Палестине могли привести к непоправимым экологическим изменениям растительного покрова на больших пространствах, к сильнейшему искажению гидрографического режима; и это, естественно, влекло за собой уже цепную реакцию ряда иных последствий порой драматического свойства.

Все это сравнительно недавно можно было видеть, например, как на западной, так и на восточной окраинах Европейского континента, в то время, когда завершался ранний период – доиндустриального горнометаллургического промысла. Уже к XVII в. огромное большинство леса на Британских островах было истреблено. В 1665 г. некто Д. Додли опубликовал в Англии книгу "Metallus Martis", в которой писал: "Если леса будут и впредь уменьшаться и, в конце концов, исчезнут, то для нас будет потеряно то, что составляет главную силу Англии: ее суда, ее матросы, ее торговля, ее рыболовство, военный флот Ее Величества, наше наступательное и оборонительное оружие. Именно это и побудило предшественников Ее Величества до и после 1588 г... издать законы об охране лесов, *подвергающихся столь великой опасности из-за железоделательных и литейных заводов*" (курсив мой. – *Е.Ч.*)[17]. Принимались охранительные законы, но они не исполнялись; в Англии же тогда стоял буквально стон: "*Опустошения, причиняемые железоделательными заводами ...превосходят всякое воображение*" (курсив мой. – *Е.Ч.*). В Ирландии в первой половине XVIII столетия из-за нехватки деревьев останавливались даже кожевенные мануфактуры, а "лес сюда вынуждены были завозить даже из Норвегии"[18].

На другом – восточном краю Европы финальная фаза доиндустриальной или же "древесноугольной" металлургии в XVIII в. как бы только зачиналась после едва ли не трехтысячелетнего перерыва в эксплуатации южноуральских рудников. Но даже там картина стремительных экологических разрушений устрашала заинтересованных наблюдателей. В 1770 г. недавно назначенный губернатор обширнейшей области Урала – Оренбургской губернии генерал И.А. Рейнсдорп, ознакомившись с краем, пришел в ужас от плачевного состояния здесь горных лесов. В своем донесении императрице Екатерине II он пишет, что бывшие еще совсем недавно обильные "строительные и дровяные леса" настолько оскудели, что за ними нужно ездить за пять или шесть сотен верст от Оренбурга. Конечно, горные промыслы, пишет Рейнсдорп, суть "одна из самых больших и прибыточных отраслей" края. Но если срочно и решительно не обуздать их "размножение сверх потребности, то от этого возпоследовать могут вредные обстоятельства"[19]. Примечательно, что первый медеплавильный завод на Южном Урале был запущен в дело И.Б. Твердышевым только в 1745 г., т.е. всего лишь за 25 лет до письма Рейнсдорпа, но возникшая картина уже внушала страх за судьбу целой области.

По всей вероятности Рейнсдорп, предлагая меры борьбы против гибели лесов, не мог не знать, что еще в 1754 г. российский Сенат при согласии императрицы Елизаветы Петровны принял указ о запрещении строительства металлургических заводов в радиусе 200 км от Москвы. Цель запрета – сохранение подвергающихся нещадному истреблению лесов в центральном регионе государства. Более того, Сенатом было предписано всем заводовладельцам "генерально" уничтожить и сломать прежние действующие металлургические и винокуренные заводы на этой территории[20].

Многочисленные статистические отчеты XVIII–XIX столетий с уральских горных заводов позволяют представить объем необходимых расходов угля на металлургическую промышленность, все еще полностью отвечавшую эпохе доиндустриальной модели ее развития. Так, для получения тонны чугуна из богатых уральских руд необходимо было затратить около 17–18 кубометров древесины (сосны или березы). Бедные руды (к примеру, подмосковные или олонецкие) требовали возрастания этого расхода почти вдвое. Передел чугуна в железо увеличивал суммарную потребность угля на тонну металла до 70–100 кубометров древесины; передел железа в сталь требовал уже тотального расхода до 100–150 кубометров леса на тонну этого металла. Для выплавления и рафинировки тонны

---

[17] Цит. по кн.: *Мантуа*. Ук. соч. С. 205.

[18] Там же. С. 206.

[19] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956. С. 479–483. И.А. Рейнсдорп хорошо известен широкой читающей публике благодаря многочисленным описаниям полугодовой драматической осады Оренбурга Емельяном Пугачевым в 1773–1774 гг.

[20] *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 462–468.

меди, доведения ее до товарной кондиции нужно было от 300 до 500 кубометров древесины. Я подчеркиваю, что здесь имеются в виду лишь операции по выплавке и переделу (очистке) металла. Обработка же железа или меди для получения из них изделий в данные расчеты не включались, равно как не учитывалась и древесина, шедшая на нужды горного дела (крепежный лес) и для прочих целей, вроде деревянного строительства на территории заводов, сооружения различных механизмов (на цели последнего вообще направлялся отборный, так называемый корабельный лес).

Довольно трудно рассчитать соотношение объемов срубленной древесины для пережога ее в уголь с площадью делянок. Полагали, скажем, что в среднем на Южном Урале с одного гектара лесной площади при сплошной вырубке леса можно было получить до 250–270 кубометров древесины. Следовательно, тонна меди требовала по сути абсолютного уничтожения леса с площади до 1,5–2 гектаров леса, но при том не сорного, а вполне качественного. Лес, его соотношение с объемами заготовок и с площадью порубок в других областях мог характеризоваться и иными пропорциями. Лесопромышленники Урала считали также, что восстановление лесного массива до приемлемых кондиций происходит приблизительно в 60 лет для березы и 80 лет для сосны.

В 1767 г. была проведена сравнительно полная ревизия всех горных заводов Урала и получена, видимо, достаточно реальная информация в отношении общей массы выплавленных меди, чугуна и железа. Расчеты показывают, что в указанный год на цели только *выплавки металла и его передела (рафинировки) было вырублено не менее 5 миллионов кубометров леса*[21] – цифра, конечно же, впечатляющая. Совершенно очевидно, этот объем использованной древесины должен быть увеличен как минимум в полтора или даже два раза, если принимать во внимание, что на нужды металлообработки (кузнечные и литейные операции) также уходила огромная масса угля.

4. Весьма любопытно, что масштабы добычи руд, технология горных работ, равно как и выплавка меди даже на самых ранних фазах доиндустриального этапа (в рамках медного и бронзового веков) в известной мере сопоставимы с позднейшими, характерными, скажем, для уральской горнозаводской промышленности XVIII–XIX столетий[22]. Обратимся к некоторым примерам.

Исключительная древность, выразительность и удивительная сохранность выделяют медный рудник Аибунар в Южной Болгарии среди всех евразийских памятников такого рода. Аибунарское месторождение разрабатывалось племенами энеолитической культуры Караново-VI – Гумельница[23]. Максимально возможные пределы датировок его активной эксплуатации колеблются в рамках от второй половины V вплоть до начала IV тыс. до н.э. В реальности же период горных работ на Аибунаре был, по всей вероятности, намного короче (максимум две-три сотни лет). Масса медной руды (точнее, окисленных минералов меди), добытой тогда из здешних громадных "открытых" карьеров, равнялась примерно 30000 тонн. Аибунарская руда очень богата, и поэтому можно думать, что даже если металлурги и извлекали из нее не более 3% меди (на деле, видимо, больше), то общий вес выплавленной меди был равен примерно одной тысяче тонн.

---

[21] Все приведенные выше для уральской горнометаллургической промышленности расчеты строились на авторской обработке и переработке многочисленных и опубликованных ранее во многих монографиях данных. Часть этих работ уже упоминалась в настоящей статье: *Де Геннин.* Ук. соч.; *Кафенгауз.* Ук. соч.; *Агапов и др.* Ук. соч. Кроме того использовались статистические сведения и сводки из монографий: *Павленко.* История металлургии...; *он же.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953; *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. М.–Л., 1939; *Сигов С.П.* Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; *Брейтерман А.Д.* Медная промышленность России и мировой рынок. Ч. 2. Л., 1925; Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шаньского. Т. V. Урал и Приуралье. М., 1914, а также ряд других работ. Характеристика и описание способов пересчета, к сожалению, за недостатком места остаются за рамками настоящей статьи.

[22] Ранние уральские медеплавильные заводы на Урале по существу мало чем отличались (или же практически ничем не отличались) от мастерских бронзового века; например, устройство заводов начала XVIII в. под Кунгуром поражает своим архизмом (см. *Черноухов А.В.* История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988. С. 40–41). Масштабы выплавки меди на многих уральских заводах XVIII в. даже уступали тем, что наблюдались, скажем, в конце бронзового века в долине Тимны (см. выше, а также сравните с данными, приведенными в упомянутой здесь книге Черноухова, приложение 11).

[23] *Чёрных.* Горное дело... С. 56–78.

Пример Аибунара нам важен еще и потому, что никаких позднейших следов разработок на этом руднике мы не знаем. Горняки медного века по окончании работ на этом руднике заваливали все карьеры отработанной, "пустой" скальной породой, тем самым как бы "запечатывая" его рудное "чрево", делая его недоступным для "чужаков". Стало быть, есть основания полагать, что вся масса добытой аибунарской руды была использована исключительно энеолитическим населением этой части Балканского полуострова.

Предположение о вполне вероятной выплавке древнейшими металлургами Европы еще в V тыс. до н.э. "целой" тысячи тонн меди из руды только одного месторождения может вызвать изумление у читателя, привыкшего к традиционным утверждениям наших исторических хрестоматий о ничтожных масштабах древнейшего горнометаллургического производства. Однако весь комплекс активных исследований в области этой индустрии, проводящихся самыми различными изыскательскими группами, говорит о противоположном, и это мы подчеркнем особо. Исходная ошибка таких представлений объясняется довольно просто: в руках позднейших исследователей оказывается предельно малая доля сохранившегося до наших дней металла, и это невольно приводит к сильному искажению реальных представлений[24].

Итак, только для выплавки из минералов Аибунара предполагаемой тысячи тонн меди (не говоря уже о выделке из нее орудий), необходимо было срубить, по всей вероятности, до миллиона деревьев и пережечь их в древесный уголь. В окрестностях Аибунара металлургических шлаков не обнаружено; руду отсюда увозили на многие десятки, а может быть, даже и сотни километров к пока что остающимся для нас неведомым местам выплавки добытой здесь меди. Окрестности фракийского региона Средна Гора, где находится рудник, вряд ли смогли бы выдержать такую "экологическую" нагрузку. Еще раз напомним при этом, что для расплавления уже полученной меди и последующей отливки из нее орудий (или уже собственно процесса металлообработки) требовалась также огромная масса древесного угля.

Приведем примеры из более поздних периодов. Рудник Кенказган расположен в засушливой, пустынной и безлесной части Казахстана – Бетпакдале, или Голодной степи. Медные руды здесь разрабатывались в гигантском открытом карьере размером 500 на 100 м. Происходила разработка, видимо, только в период андроновской историко-культурной общности. Как и в случае с Аибунаром, карьер Кенказгана оказался заваленным примерно 270 000 кубических метров так называемой "пустой", уже отработанной и перемещенной в него обратно по окончании горных работ породы. Приблизительная датировка рудника – вторая половина II тыс. до н.э.; вероятные и максимально широкие хронологические рамки проводившихся на нем разработок – около 500–700 лет. Сам рудник входил в число очагов Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века. Всего же на Кенказгане андроновскими горняками добыто около 800 тысяч тонн медной руды, что равнялось около 300 000 кубических метров руды[25].

Ориентируясь на тот же невысокий трехпроцентный уровень извлечения меди из богатых окисленных минералов, получаем огромную для бронзового века цифру – не менее 25 тысяч тонн выплавленной кенказганской меди. Если же и здесь в качестве абсолютно условного материала для пирометаллургии мы подразумевали бы "акации", то в нашем представлении возникло бы трудно вообразимое число – до 25–30 миллионов деревьев. Однако отыскать такую массу древесины даже во всей Бетпакдале вряд ли возможно и это при условии, что эксплуатация Кенказгана продолжалась, вероятно, не менее полтысячелетия. Но ведь Кенгказган – это далеко не единственный рудник в Центральном Казахстане. Вполне вероятно, он не был даже самым мощным в пределах Казахстанской

---

[24] Известно, что все свои знания о древней металлургии и о масштабах горнометаллургического дела в древности мы строили ранее исключительно на базе сохранившихся коллекций древнего металла. К примеру, на сегодняшний день по музейным коллекциям и из археологических раскопок нам известно небольшое, но достаточно определенное число металлических изделий, медь которых по химическому составу может надежно связываться с плавкой рудных минералов Аибунара. Общий вес этой сохранившейся до наших дней коллекции металла не превышает пяти килограммов. Поэтому масса сохранившейся "аибунарской" меди соответствует приблизительно 0,0005%(!) от всего выплавленного – предположительно тысячи тонн – объема металла. Заметим также, что не имей ныне исследователи в своем распоряжении надежных памятников, подобных Аибунару, Кенказгану (см. ниже) или же сходных с ними, вряд ли стал бы возможным вывод о таких масштабах добычи и плавки руд в глубочайшей древности.

[25] *Алексеев В.А., Кузнецова Э.Ф.* Кенказган – древний медный рудник в Центральном Казахстане // СА. 1983. № 2. С. 203–212.

древней горнометаллургической области. К примеру, считают, что с еще большим размахом велась добыча руды на месторождениях Джезказгана, где было добыто не менее миллиона тонн окисленных медных минералов[26]. Район Джезказгана также относится к числу полупустынных, лишенных леса. Кроме них весьма энергично разрабатывались во второй половине II тыс. до н.э. и другие многочисленные медные месторождения степного Казахстана[27].

Даже эти немногочисленные примеры показывают, что правильная оценка данного аспекта хозяйственной деятельности человека требует к себе, безусловно, самого пристального внимания. До сих пор, однако, подобные вопросы или же вовсе не попадали в поле зрения исследователей древнейшего горнометаллургического промысла, или же упоминались ими вскользь. Разработаны эти важные вопросы пока что крайне слабо, и это заставляет нас в рамках настоящей статьи ограничиться лишь постановкой самой проблемы.

5. Совершенно ясно, что эффективное развитие горнометаллургического производства было абсолютно нереально без истребления огромных лесных массивов. Также вполне очевидно, что особенно остро проблема снабжения топливом стояла перед степными народми. Добыча топлива даже для бытовых нужд, не говоря уже о пирометаллургии, в этих безлесных местах всегда была чрезвычайно трудным делом. Это необходимо постоянно иметь в виду при исследованиях горного дела и металлургии в гигантской и безлесной евразийской степи, ведь горное дело и металлургия здесь (особенно в позднем бронзовом веке) достигали высот чрезвычайных. Поэтому особенно интересным становится вопрос о методах преодоления в далеком и недалеком прошлом подобных кризисных состояний.

Появилась определенная надежда, что некоторые, хотя бы даже предварительные, ответы мы сможем получить в ходе специальных комплексных изысканий на древнейшем в северной половине Евразии и уже упоминавшемся выше горнометаллургическом комплексе Каргалы. Археологи в самое последнее время зафиксировали здесь многие тысячи шахт, штолен, шурфов, отвалов "пустой" породы и т.п. Вполне очевидно, что на Каргалинских рудниках были добыты многие сотни тысяч (а скорее даже миллионов) тонн медной песчаниковой руды. Четко выделяются два периода активной разработки. Первый из них относился к бронзовому веку и протекал по преимуществу в пределах двух (III и II) тысячелетий до н.э. Второй период был обязан исключительной энергии пионеров южноуральской горной промышленности И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова, а также их наследников, организовавших здесь весь горнометаллургический комплекс на базе Каргалов. Длился этот поздний период всего лишь около полутора столетий – от середины 1740-х годов вплоть до рубежа XIX–XXвв.[28]

Крайне интересно, что на Каргалах на рубеже IV и III тыс. до н.э. начинались широкомасштабные горнометаллургические работы раннего этапа этого производства в северной половине Евразии, а на рубеже XIX–XX столетий здесь же, на Каргалах, сам доиндустриальный этап и завершался. Естественно, что наиболее полный комплекс данных о каргалинском производстве мы имеем для финальных стадий этого этапа; полученные свидетельства и послужат нам своеобразной отправной точкой для дальнейших сопоставлений.

Так, подсчеты показывают, что уже за первые 27 лет (с 1745 по 1772 г.) эксплуатации Каргалов, после их "переоткрытия" в XVIII в., из этих рудников извлекли и перевезли на пять отдаленных медеплавильных заводов Твердышева и Мясникова за сотни километров

---

[26] *Сатпаев К.И.* Доисторические памятники в Джезказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. 1941. № 1.

[27] См., например: *Кабанов Ю.Ф., Кожин П.М., Черных Е.Н.* Андроновские находки на реке Алтынсу // Памятники древнейшей стории Евразии. М., 1975. С. 230–239.

[28] *Chernij E.N.* Kargali. Origenes de la metalurgia en Eurasia Central // Revista de arqueologia. 1994. XV. № 153. P. 12–19. Равный примерно 25–27 столетиям перерыв в эксплуатации (по меньшей мере активной) богатейших Каргалинских месторождений загадочен и не может не удивлять. О его основных причинах говорить со всей определенностью трудно, но явление это отнюдь не изолированное. Аналогичный перерыв в разработках с конца бронзового века вплоть до первой половины XIX в. отмечается и при изучении очень многих рудников степной части Казахстана. Вполне вероятно, что причины следует искать в полном отсутствии навыков (или сознательном отвержении этого рода занятий?) у степных номадов. Примеры такого рода сознательного отвержения некоторыми народми или племенными группами "низкого" занятия горнометаллургическим промыслом (особенно скотоводами) не столь уж редки. См., например: *Черных Е.Н.* Металл – человек – время. М., 1972. С. 183–196.

до 200–240 тысяч тонн высококачественных медных окисленных руд. Там из этих руд выплавили до 10 тысяч тонн меди. По-видимому, с Каргалов везли руду и на южноуральские заводы иных владельцев, на долю которых тогда же приходилось более трех тысяч тонн чистой меди. Следовательно, примерно из 265–325 тысяч тонн каргалинской руды удалось получить более 13 тысяч тонн металла, т.е. более четверти всей меди Российской империи[29]. Всего за полтора столетия разработок с Каргалинского рудного поля было вывезено, по всей вероятности, от 2,5 до 3,0 миллионов тонн медной руды, из которой выплавили более 115 тысяч тонн меди. Только на плавку руды и ранифинировку каргалинской меди за полтораста лет пережгли на уголь от 35 до 45 миллионов кубометров древесины. Вполне очевидная мощь каргалинского горнометаллургического промысла без дополнительных комментариев проясняет для нас причины и степень губительного, быстрого воздействия возникшего здесь обширного горнометаллургического комплекса на растительный покров южноуральского горного края (именно эта нота столь трагично прозвучала в письме оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа в его письме в 1770 г.).

Поскольку позднейшие шахты закладывались с поверхности почти исключительно по разработкам бронзового века, то определить истинный объем добытой в эпоху бронзы медной руды достаточно сложно. Но не приходится сомневаться, что и в бронзовом веке масштабы горных работ в Каргалинском центре были также огромны. Для Каргалов вряд ли были пределом даже те 800 000 тонн кенказганской медной руды, извлеченной там в синхронный исторический период. Ведь Каргалы, судя по разным наблюдениям, никак не уступали Кенказгану по масштабам разработок. Вполне возможно предположить, что в эпоху бронзы на Каргалах было добыто не менее миллиона тонн руд (как и на уже упоминавшемся Джезказгане), причем гораздо более богатых, нежели те, с которыми столкнулись российские заводчики. Результаты спектроаналитических исследований металла позднебронзового периода косвенно подтверждают огромный масштаб выплавки: доля химических групп каргалинской меди в это время была велика, и к тому же из этого металла отливались самые массивные изделия (серпы и т.п.)[30]. Поэтому у нас имеются все основания полагать, что воздействие экологического пресса со стороны горнометаллургического производства на Южном Урале в бронзовом веке вполне может быть до известной степени сопоставимо с намного более поздним, датируемым уже XVIII–XIX вв. Давление это ощущалось в данном районе особенно болезненно, поскольку лесов в степной зоне было совсем немного. Какими же путями могли пользоваться для выхода из этого положения?

В бронзовом веке на Каргалах не только добывали руду. Возможно, здесь ее также плавили, хотя пока что прямых свидетельств плавки минералов мы не нашли. Вполне определенно можно лишь утверждать, что рядом с шахтами обрабатывали выплавленный металл, отливая из меди различные орудия, о чем говорят находки литейных форм в слоях местных поселений бронзового века. Последнее, пожалуй, вызывает удивление, поскольку более резонными были бы находки мест выплавки меди из руд. Культурный слой изучаемых селищ II тыс. до н.э. буквально забит костями крупного рогатого домашнего скота. Так, всего лишь на 112 кв. м вскрытого слоя поселка срубной археологической культуры у б. хутора Горный, принадлежавших каргалинским горнякам и металлургам, зафиксировано до 180 тысяч костей! Исключительная концентрация костного материала на поселении достойна специального внимания. Вполне вероятно, что ее решение станет возможным именно через призму проблемы топлива. Имеются довольно определенные, но пока редкие этнографические свидетельства, что сухой навоз крупного рогатого скота мог использоваться в качестве горючего материала при пиротехнических операциях с металлом[31]. Свидетельства эти, правда, не только редки, но, к сожалению, весьма скупы и туманны. Данная версия требует особой проработки: представляется необходимым целый ряд специальных анализов культурного слоя, остатков на дне очагов-медеплавилен, а также

---

[29] Расчеты по данным авторов: *Черноухов.* Ук. соч. С. 75, 158–161. Прил. 11; *Павленко.* История металлургии... С. 237–238.

[30] *Кузьминых С.В., Агапов С.А.* Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 184, 194–197, рис. 5.

[31] *Перси Дж.* Руководство к металлургии. Т. 2. СПб., 1869. С. 427 сл. Кстати, навоз в качестве главного вида бытового топлива использовался чрезвычайно широко во множестве аридных областей Старого и Нового Света. Нет ни малейшего сомнения, что тот же источник энергии использовался здесь с глубокой древности. Однако этой темы археобиологи касаются очень редко. См., например: *Miller N.F., Smart T.L.* Intentional Burning of Dung as Fuel: a Mechanism for the Incorporation of Charred Seeds into Archaeological Record // Journal of Ethnobiology. 4(1). May 1984. P. 15–28.

проведение соответствующих экспериментов по выплавке меди из руд. Однако нельзя исключить, что это был один из малознакомых для нас методов, которым древние степные металлурги пытались решить острую проблему топлива.

Другим и более очевидным способом снятия избыточных экологических напряжений в этой степной зоне стал вывоз руды с Каргалов и транспортировка ее населению достаточно отдаленных регионов. Вполне ясно, что Каргалинский рудный регион и его ближайшие окрестности никак не могли обеспечить местные мастерские достаточным количеством топлива. Ситуация диктовала необходимость рассредоточения медеплавилен и кузнечных мастерских по обширной территории. Поэтому руда вывозилась с Каргалов за 100, 200 и более километров. Для нас сейчас становятся более ясными даже конкретные пути транспортировки этой руды: каргалинские медные минералы встречаются в древних поселениях и могилах III–II тыс. до н.э., расположенных по преимуществу в западном направлении от рудного центра.

Любопытно, что почти три тысячелетия спустя к такому же приему рассредоточения промышленности прибегнут и российские заводчики. Даже на несравненно более богатом лесами Среднем Урале они (Акинфий Демидов и др.) старались строить металлургические и металлообрабатывающие заводы так, чтобы те локализовались в разных и порой отдаленных друг от друга регионах. Лесные массивы все равно истреблялись полностью, хотя "лесные дачи", отведенные под отдельные, наиболее крупные заводы, вроде Нижнетагильского, могли охватывать огромные пространства – до 25000 кв. м (90 км в радиусе). Время от времени владельцы передислоцировали свои металлообрабатывающие заводы, чтобы улучшить обеспечение их топливом[32]. И.Б. Твердышев и И.С. Мясников, владельцы Каргалинских рудников, строили металлургические заводы для плавки этих руд на покрытом лесами горном Южном Урале за 200–400 км от Каргалов. Туда, уже к северо-востоку от месторождений непрестанно, в течение полутораста лет возили на лошадях руду. Испытывая тяжелую нужду в угле, близ всех заводов на огромной площади до 30000 кв. км выжигали под корень леса. Однако этот экстенсивный и весьма малоэффективный путь производства, спонтанно повторявший опыт древних, никаких перспектив в новое время уже не имел.

6. Экологические катастрофы были страшны не только тем, что гибли леса, искажались и разрушались недра земли, иссыхали реки и другие водные источники и что все это в конечном итоге тяжело сказывалось на физическом состоянии населения. В каком-то отношении гораздо более существенным по своим результатам было воздействие экокатастроф на структуры социальных объединений; они влекли за собой драматические искажения в основном характере культуры.

Общий облик культуры и структура факторов ее существования в очень большой степени зависят от характера взаимодействия культуры с ее природным окружением[33]. Окружающая природа всегда предоставляет обществу определенный набор возможностей. Совершенно ясно, что населявшая безрудную зону популяция не могла иметь в своем составе горняков – специалистов по разработкам металлических руд. Вместе с тем очень часто можно было наблюдать, что культуры, распространенные, скажем, в горнорудных областях, совершенно не представляли истинных свойств медных минералов и потому не могли использовать их в качестве металлургического сырья. Пример Каргалов, который мы приводили выше, да и других горнометаллургических центров обширнейшей степной зоны Евразии, очень убедителен: ведь в течение почти трех тысяч лет – от конца бронзового века и вплоть до XVIII–XIX столетий – местные номады горнометаллургическим делом фактически не занимались.

Технологические инновации всегда резко активизировали перемены в основных ячейках социальных структурных блоков. У культуры общества, проникшего в тайны окружавших его природных ресурсов, овладевшего секретами технологии извлечения материалов и обработки последних, эти важные перемены немедленно отражаются в тех структурных разделах, что связаны с характером и степенью его функциональной дифференциации[34]. В

---

[32] *Павленко.* История металлургии... С. 81–116.

[33] *Черных Е.Н.* Исторический процесс: циклы развития мировых культур. Учебная программа. Российский Открытый университет. М., 1993. С. 19–23.

[34] Подобный эффект легче пояснить через ведущие признаки функциональной дифференциации общества, что служит одним из наиболее важных эндогенных факторов существования культур. См., например: *Черных Е.Н.* Символы древних культур // Знание – сила. 1989. № 9. С. 38–47.

обществе появляются, формируются, а порой и социально обособляются группы профессионалов, берущих на себя исполнение какой-либо нетрадиционной для данной культуры функции. К примеру, у культур неолитического характера после освоения ими металлургии возникли ячейки, включавшие специалистов по горнометаллургическому делу. В случае же более дробной степени профессиональной дифференциации появляются профессиональные группы мастеров по горнодобывающему промыслу (горняков), либо только по выплавке металлов (металлурги), или же по металлообработке (кузнецы и литейщики).

Общества с более высокоразвитыми технологиями, как правило, отличались и более сложной социальной структурой в целом. При этом дело не ограничивалось вычленением структурных звеньев исключительно производственного характера. По сути одновременно с оформлением последних провоцировалась цепная усложненная реакция параллельного выделения или же заметной трансформации иных функциональных общественных групп. К последним могли, скажем, относиться те, которые принимали на себя административное регулирование социальной жизни общества, ведали торговыми, военными делами, отвечали за духовную жизнь (жрецы) и т.п. Весьма нередко и уже в глубокой древности (по крайней мере с началом эпохи раннего металла) результатом технологического прогресса становилось отчетливо прослеживаемое международное разделение труда, когда определенные производственные функции сосредоточивались только в руках как бы особых, "избранных" культур[35].

Исторические примеры убеждают, что одним из самых тяжких следствий экологических перемен становилось формирование кризисной ситуации так называемого функционального возврата. Когда внезапно для культуры в ее природном окружении оказывается исчерпанным привычный источник природных богатств – руда, металл, лес, вода, да и многое другое, тогда общество (и в древности, и ныне) непременно повергается в исключительно болезненный в структурном отношении реверсивный процесс. В эти периоды функциональные группы профессионалов оказываются не у дел. Культура терпит очевидный крах и, утрачивая свои привычные черты, порой вынужденно возвращается к архаичному или какому-либо иному варианту своей социально-экономической структуры. Ситуации кризисной ломки культур, когда надвигаются тяжкие экологические перемены, когда пустеют "кладовые природы", кормившие миллионы людей и дававшие им работу, мы можем свободно наблюдать и в наши дни. Культура тогда испытывает острую нужду в принципиально новых технологиях, чтобы заполнить драматическую для нее лакуну. Однако, если ожидания свершаются, а за изобретениями технологий следует их широкое внедрение, то это уже будет означать *гибель старой и формирование на ее останках новой культуры.*

При этом, пожалуй, весьма любопытен один парадокс: экологические катастрофы, будучи исключительно опасным испытательным средством для любой культуры, одновременно становились у людей энергичным стимулятором в дальнейшей разработке новых и нетрадиционных технологий для преодоления возникшего кризиса. Приближаясь к финалу, выскажем также соображение, что дефиниция антропогенных экологических катастроф должна непременно учитывать два важнейших обстоятельства, восходящих к социоэкологическим взаимодействиям. С одной стороны, неумеренное (хищническое) истребление природных ресурсов человеческими коллективами приводит к резким и порой необратимым изменениям в природном окружении. С другой стороны и в свою очередь, эти экологические изменения вызывают серьезные рефлекторные сдвиги в социальных структурах тех сообществ, деятельность которых содействовала этой критической ситуации. По существу такие действия культуры подобны эффекту бумеранга, отчего во многих случаях справедливее говорить не о разрушении культуры, но о ее саморазрушении.

И наконец, еще об одном: подобные катастрофы редко захватывают одно-единственное сообщество, процесс этот совсем не изолирован. Культуры, и даже самые древние, как правило, формируют родственные, тесно взаимосвязанные обширные блоки, где господствует единая стратегия экономики. Это влечет за собой синхронную и порой весьма протяженную цепь антропогенных экологических катастроф. Однако, по всей вероятности, всеобщим является вариант, когда сталкиваются как бы взаимоисключающие принципы хозяйствования, что и приводит к фактическому разрушению культур слабейших. Упомянем пример, уже привычный для нашей статьи: российская горнозаводская промышленность на Урале привела к гибели лесов на громадных пространствах. Для башкир и других народов Урала, ориентированных в своем хозяйстве на охоту, бортничество и т.п.,

---

[35] *Chernykh E.N.* Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambr., 1992. P. 158–162.

все это окончилось полной разрухой. Это же стало причиной многих восстаний в XVIII в.[36] Примеры же, сходные с упомянутым здесь, в человеческой истории по существу бесчисленны.

7. И наконец, в заключение наметим основные хронологические периоды эпохи раннего металла, а также те области, где в итоге бурного развития горнометаллургического производства с V по начало I тыс. до н.э. мы могли бы ожидать возникновение локальных или же достаточно обширных экологических антропогенных катастроф, где также были бы возможны все те драматические события, о которых шла речь выше.

Медный век, вторая половина V – начало IV тыс. до н.э.: север Балкан и Карпатский бассейн.

Ранний бронзовый век, вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.: слабое развитие горного дела и металлургии в большинстве регионов.

Средний бронзовый век, середина III – начало II тыс. до н.э.: Кавказ, Малая Азия, Иран, Балкано-Карпатье, Эгеида, Альпы, Центральная Европа, Иберийский полуостров.

Поздний бронзовый век, вторая четверть II – начало I тыс. до н.э.: Альпы, Западная и Центральная Европа, Карпаты, Северные Балканы, Кавказ, Урал, юг Восточной Европы, Казахстан, Саяно-Алтай, Китай.

Е.Н. Черных

ANCIENT MINING AND SMELTING AND ANTHROPOGENIC ECOLOGICAL DISASTERS

(To the Statement of the Problem)

Ye.N. Chernykh

The article singles out two main stages in the development of mining and smelting in ancient times. The earlier and longer stage lasted from the middle or the secong half of the 5th millennium B.C. to the 18th – 19 th centuries A.D. The second, final stage in the development starts at the end of the 18th century. The article considers the impact of mining and smelting technologies on the earth's surface in various regions of the planet. The author draws the conclusion that ecological disasters which posed an extremely dangerous challenge to any culture at the same time played the role of a catalist in the further development of new non-traditional technologies to overcome the existing crises.

© 1995 г.

ДРЕВНЕЙШАЯ СИСТЕМА МЕЛИОРАЦИИ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ*

В рамках экологической программы в 1992 г. было начато обследование Таманского полуострова с целью изучения организации сельской территории и системы землепользования в азиатской части Боспорского государства. На первом этапе наши исследования были ограничены территорией северо-западной части Таманского полуострова, который носит название Фонталовский и имеет площадь ок. 255 кв. км. Он вытянут с запада на восток на расстояние около 30 км, с севера на юг – на 16 км. С юга его омывает Таманский

[36] Подобные свидетельства рассеяны по множеству документов. Вполне определенно об этом говорится также и у основателя уральской горнозаводской промышленности (*Де Геннин.* Ук. соч. С. 507–511 и др.).

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта "Древний мир: проблемы экологии" (код проекта 93.06.10594).

залив, с севера – Азовское море, а с запада – Керченский пролив. На востоке его границей служит одна из проток русла Кубани. В западной части в Фонталовский полуостров врезается на 7 км Динской залив, ограниченный с запада косой Чушка. Азовское побережье полуострова обрывистое, крутое высотой до 90 м и все изрезано оврагами. Часть полуострова между Динским заливом и Азовским морем представляет собой ровный, пологий семикилометровый склон, который обращен на юг. К западу от Динского залива до азовского побережья в районе пос. Кучугуры тянется лощина с плоским почти нулевым уклоном. Южная часть Фонталовского полуострова, расположенная между Динским и Таманским заливами, имеет более сложный рельеф, чем в северной части. Здесь с запада на восток протянулась гряда грязевых сопок высотой до 111 м. К западу от античного поселения "Береговое-1" находится небольшой полуостров, образованный сопкой высотой около 35 м, который является западной границей Динского залива. Южнее расположена сопка Горелая – грязевой вулкан высотой 103,5 м. К юго-западу от этого вулкана находится мыс и озеро, носящие имя Рубана и представляющие собой самую южную точку Фонталовского полуострова. К востоку от сопки Горелая между поселками Гаркуши и Фонталовская вдоль берега Таманского залива имеются две возвышенности высотой соответственно 39 м и 113,7 м. Берег Таманского залива между Гаркушами и поселком Юбилейным изрезан глубокими балками, протянувшимися от гряды сопок до моря. От северо-восточного угла Таманского залива до станицы Ахтанизовская тянется широкая до 2 км лощина, местами заболоченная, так как рельеф здесь имеет уклон, близкий к нулю. На западной окраине станицы Ахтанизовская возвышается грязевой вулкан Тиздау (75 м над уровнем моря).

При анализе аэрофотосъемки хорошо заметна сеть линий, которая была известна ранее благодаря разведкам, проведенным Я.М. Паромовым, интерпретировавшим ее как следы межевания земель второй половины VI – начала V в. до н.э.[1]

Наши наблюдения позволили расширить представления об этой сети линий, которая хорошо видна на аэрофотоснимках. Прежде всего необходимо отметить, что на имеющихся в нашем распоряжении нескольких сериях аэрофотосъемки, выполненной в конце 50-х и начале 70-х годов, прослеживается несколько разновременных систем линий, хотя определенно можно говорить по крайней мере о двух. Первая представляет собой прямые линии, ориентированные вдоль склонов, протяженностью более километра. Это следы механизированной обработки земли, которые совпадают с ориентацией пахотных клиньев на карте Таманского полуострова, составленной сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК в 1931–1932 гг.[2] Их возникновение можно отнести к указанному периоду.

Совершенно иной характер имеет другая сеть линий, которая представляет собой пересекающиеся, часто под прямым углом, линии, образующие небольшие ячейки или участки. При нанесении этой сети линий на карту полуострова и ее совмещении с топографической съемкой и картой археологических памятников, составленной Я.М. Паромовым, выявились интересные закономерности (рис. 1). Одна из них заключается в том, что создатели этой сети линий стремились вписать ее в рельеф местности. Ориентация сети в большинстве случаев соответствует экспозиции склона или очень близка ей. Например, на участке, расположенном в 500 м северо-западнее поселка Волна Революции около урочища "Козловые балки" экспозиция склона составляет 170°, а ориентация линий – 80° и 170° (рис. 2). Второй участок расположен в 2,5 км к юго-западу от станицы Фонталовская на северо-восточном склоне горы Круглая. Экспозиция склона – 260°, ориентация линий – 70° и 335° (рис. 3). Третий участок находится в 1 км южнее поселка Приазовский. Экспозиция склона – 180°, ориентация линий – 100° и 190° (рис. 4). Четвертый участок расположен в 4 км к востоку от поселка Юбилейный. Экспозиция склона – 180°, ориентация линий – 100° и 190° (рис. 5). Пятый участок расположен в 1,5 км восточнее поселка Береговой. Экспозиция склона – 10°, ориентация линий – 20° и 105° (рис. 6).

Другая закономерность заключается в том, что сеть линий расположена на территории, поверхность которой имеет естественный уклон от 1 до 6%. На склонах более 6% и менее 1% проследить сети линий не удалось. Величина уклона влияет на размер ячеек – участков в сети линий. На более пологих склонах они крупнее, чем на более крутых. Например, на четвертом участке (рис. 6), где уклон составляет всего 1%, размер ячеек от 0,22 до 3,4 га, на первом участке (рис. 3), где уклон – 2,6%, размер ячеек от 0,3 до 1 га, а на пятом участке (рис. 7), где уклон – 6%, размеры ячеек самые малые – от 0,3 до 0,7 га.

---

[1] *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. С. 40–57.

[2] Архив ЛОИА. Р. 1. № 158, инв. 1210.

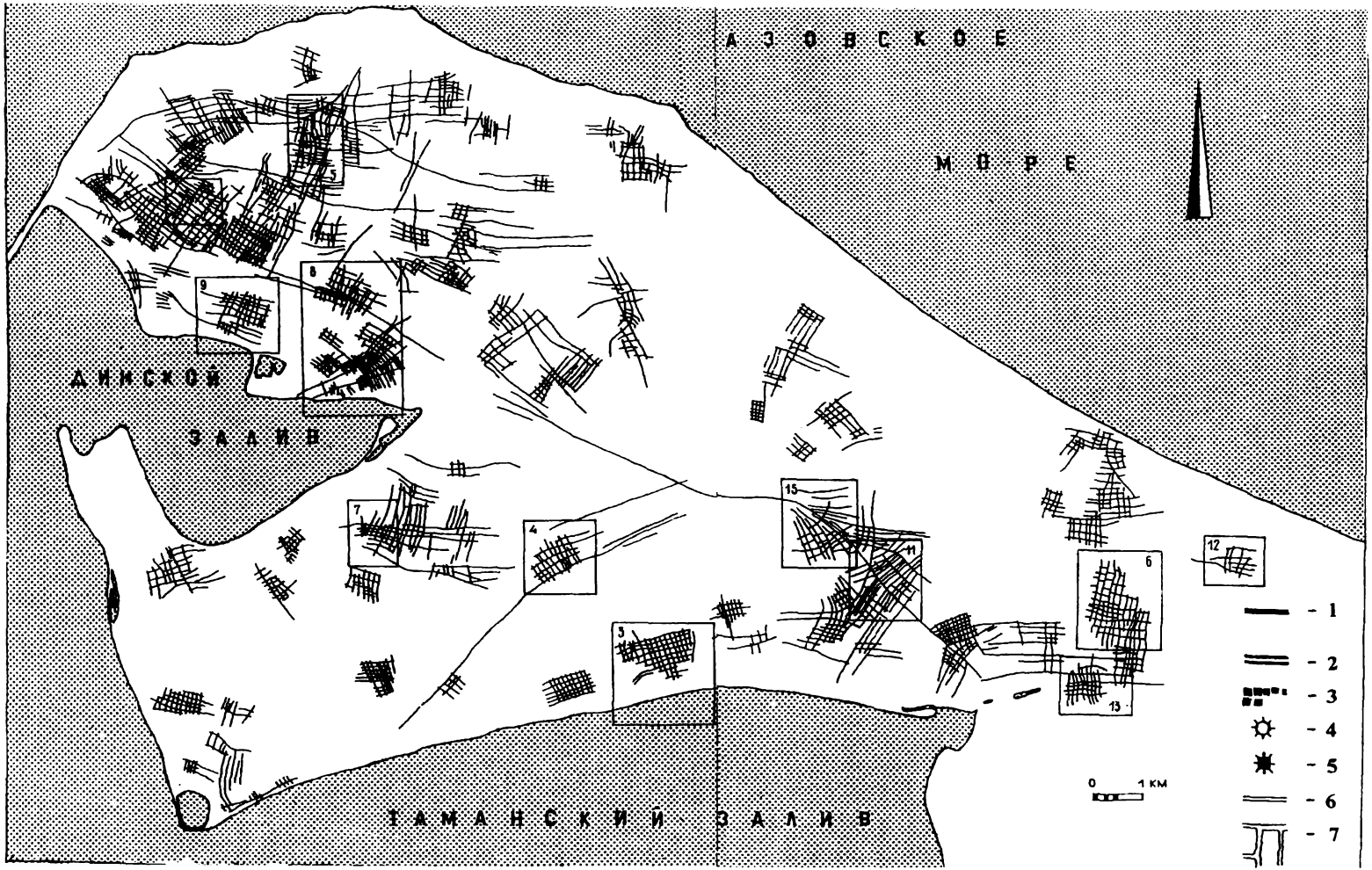

Рис. 1. Остатки античной мелиоративной системы на Фонталовском полуострове. *1* – валы античной мелиоративной системы; *2* – античные дороги; *3* – античные поселения; *4* – курганы; *5* – Батарейки; *6* – современные дороги; *7* – современные поселения

То, что на основании аэрофотосъемки принимают за линии, на самом деле является пологими валами с довольно широким основанием, которое достигает порой 20 м. Высота этих валов незначительная – менее 1 м, поэтому на поверхности земли их трудно увидеть. Нам представляется, что это – элементы древней мелиоративной системы, предназначенные для регулирования стока дождевых вод. Сооружали эти валы методом срезки и подсыпки грунта.

Наблюдения показали, что многие курганы, сохранившиеся к настоящему времени на полуострове, вплетены в эту сеть валов как ее составная часть: многие валы проходят через них, как по естественным возвышенностям. Это хорошо заметно на рис. 7, где изображен участок площадью около 102 га на северном побережье Динского залива между поселениями "Батарейка – 2" и "Красноармейское – 1" (№ 12 и 18 по карте Я.М. Паромова), которые датируются соответственно V в. до н.э. – IV в. н.э. и рубежом VI/V вв. до н.э. – IV в. н.э. Валы, расположенные поперек склона, во время небольших дождей задерживали воду на полях, а во время ливневых дождей снижали нарастание скорости стока воды и в то же время способствовали равномерному распределению стока воды по склону. Благодаря этому уменьшался смыв плодородного слоя и предотвращалась эрозия почвы.

В пользу мелиоративного назначения этих сооружений говорят некоторые косвенные данные. На пологих участках сетка валов отсутствует. Это обстоятельство неслучайно, так как на уклонах менее 0,4% вода практически стоит на месте. Поэтому мероприятия по водозадержанию здесь были бессмысленны. На склонах, где уклон превышает 6%, отсутствие системы валов можно объяснить тем, что для водозадержания здесь необходим огромный объем земляных работ, что было невозможно осуществить.

Однако основной причиной создания мелиоративной системы на Таманском полуострове являются природно-климатические условия. По комплексу природно-климатических факторов Таманский полуостров относится к третьему климатическому району, который соответствует степной зоне. Кроме того этот район характеризуется усиленным ветровым режимом (4–6 м/сек. летом и 5–7 м/сек. зимой). Преобладающими ветрами летом являются северо-западный, северный, северо-восточный, зимой – восточный и северо-восточный. Вместе с высокой интенсивностью солнечной радиации они определяют температурно-влажностный режим и иссушают почву в жаркий период года, поэтому засухи довольно часты. Периоды без дождей имеют продолжительность до 20–30 дней при средней дневной температуре в летние месяцы более 30°. В этих условиях происходит испарение влаги из верхнего слоя почвы, высыхают открытые водоемы, понижается уровень грунтовых вод, а концентрация солей повышается. В результате количество испарений заметно превышает количество осадков, что не способствует успешному развитию сельского хозяйства[3]. Кроме того район подвержен значительной эрозии почв.

При проведении сельскохозяйственных работ, в частности, при распашке почвы процесс испарения ускоряется, еще больше увеличивая влагопотери. Для выращивания, например, 1 тонны пшеницы требуется около 1500 куб. м воды[4]. С декабря по июль, когда выпадает основная масса осадков, необходимых для будущего урожая, осадки составляют около 3000 куб.м/га[5]. Но не все выпавшие осадки остаются в почве, одна часть стекает вниз по склону, а другая испаряется. Средний коэффициент стока для водопроницаемой поверхности – 0,15[6]. Сток, таким образом, составляет $3000 \times 0,15 = 450$ куб. м/га. Остается 2550 куб. м/га. Коэффициент увлажнения для этого района 0,55[7]. Итак, после испарения остается 1400 ($2550 \times 0,55$) куб. м/га. Это количество воды дает возможность вырастить 9,3 центнера зерна с гектара. Если попытаться уменьшить сток воды, то с учетом испарения останется около 1650 куб. м/га. Урожайность при этом составит 11 центнеров с гектара. Таким образом, при проведении мероприятий по мелиорации и водозадержанию можно увеличить сбор зерна почти на 18%.

В настоящее время проблема орошения земель Таманского полуострова стоит достаточно остро. Существует проект создания системы орошения с закрытыми оросительными

---

[3] СНиП 2.01.01-82 "Строительная климатология и геофизика", 1983; *Логвинов К.Т., Бабенко В.М., Кулаковская М.И.* Опасные явления погоды на Украине. Л., 1972. С. 27, 35, 49, 52.

[4] *Владимиров В.В.* Расселение и окружающая среда. М., 1982. С. 69.

[5] Климатическая карта СССР. М., 1970.

[6] *Меркулов Е.А.* Городские дороги. М., 1973. С. 139.

[7] Географический атлас СССР. М., 1990.

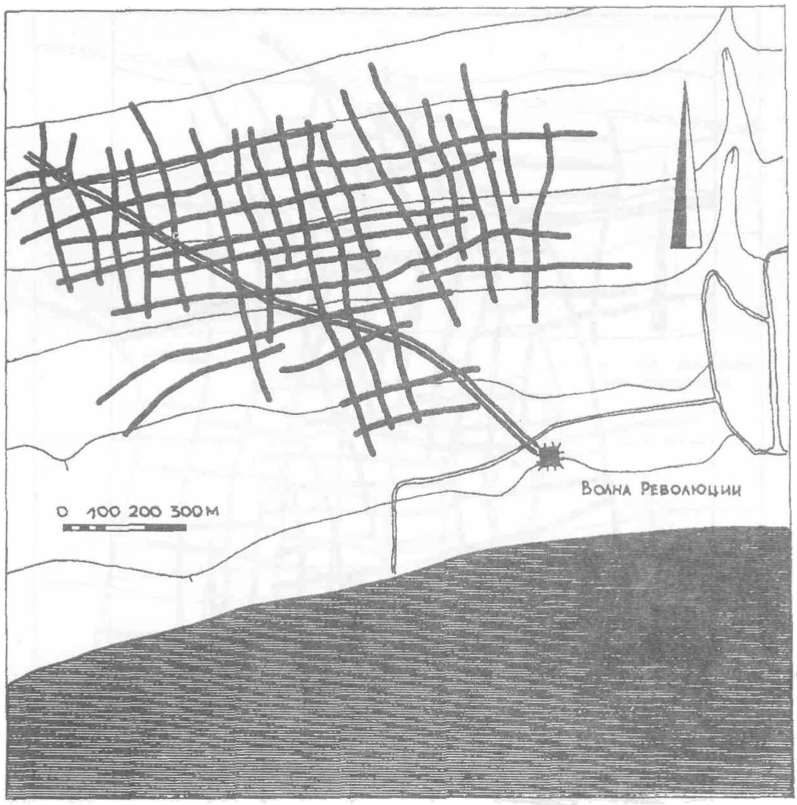

Рис. 2. Участок античной мелиоративной системы в 0,5 км северо-западнее пос. Волна Революции

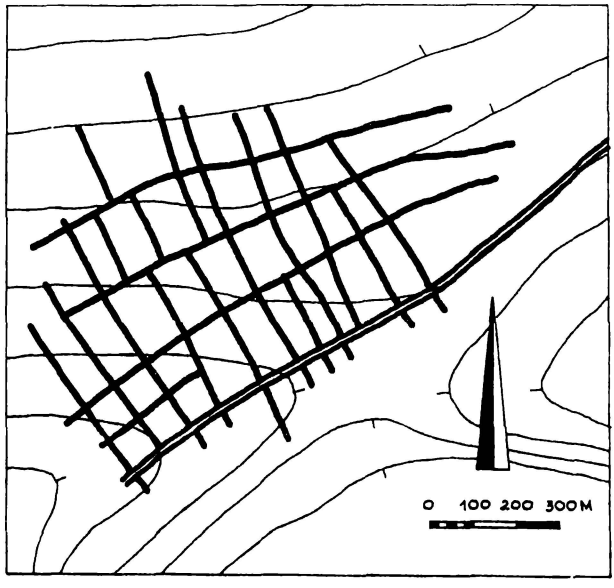

Рис. 3. Участок системы в 2,5 км юго-западнее станицы Фонталовская

Рис. 4. Участок системы и античное поселение "Приазовское-5" в 1 км южнее пос. Приазовский

сетями и дождевыми шлейфами, разведки по магистралям которой проводились в 80-х годах Таманской экспедицией Института археологии РАН.

Возникает естественный вопрос, насколько современный климат Таманского полуострова соответствует существовавшему в древности? Это важно, чтобы убедиться: создание описанной мелиоративной системы было необходимо.

О природно-климатических условиях Боспора и Северного Причерноморья в целом античная письменная традиция сохранила сведения отрывочного и случайного характера. В античной литературе относительно этого уголка античного мира еще со времен ранней эпической поэзии сложился традиционный художественный образ с теми или иными отличиями. В "Одиссее" сохранилось, вероятно, древнейшее описание киммерийской земли, которая представлена как постоянно окутанная мглой и тучами, куда редко заглядывает солнце. При всей поэтичности этого образа следует отметить его специфику, возникшую, по-видимому, в результате сравнения Северного Причерноморья с другими районами Средиземноморья (Il. XI. 12–19). Геродот, описывая Скифию, отмечал, что зима здесь длится восемь месяцев непрерывно, а холодным летом не прекращаются дожди, часто сопровождаемые грозами. Зимой от морозов замерзает море и Киммерийский Боспор, по льду которого скифы переправляются в землю синдов (ныне Таманский полуостров) (Herod. IV. 28). Обилие летних дождей в Скифии, что было одной из характерных черт климата Северного Причерноморья, вызывало удивление древних греков, так как в Греции дождь был обычным явлением для зимы. Обилие дождей летом, по преимуществу ливневого характера, является характерной чертой сегодняшнего климата Крыма и Таманского полуострова, но при этом все равно ощущается недостаток влаги[8]. Что же касается

[8]Климат Украины. Л., 1967. С. 200 сл.

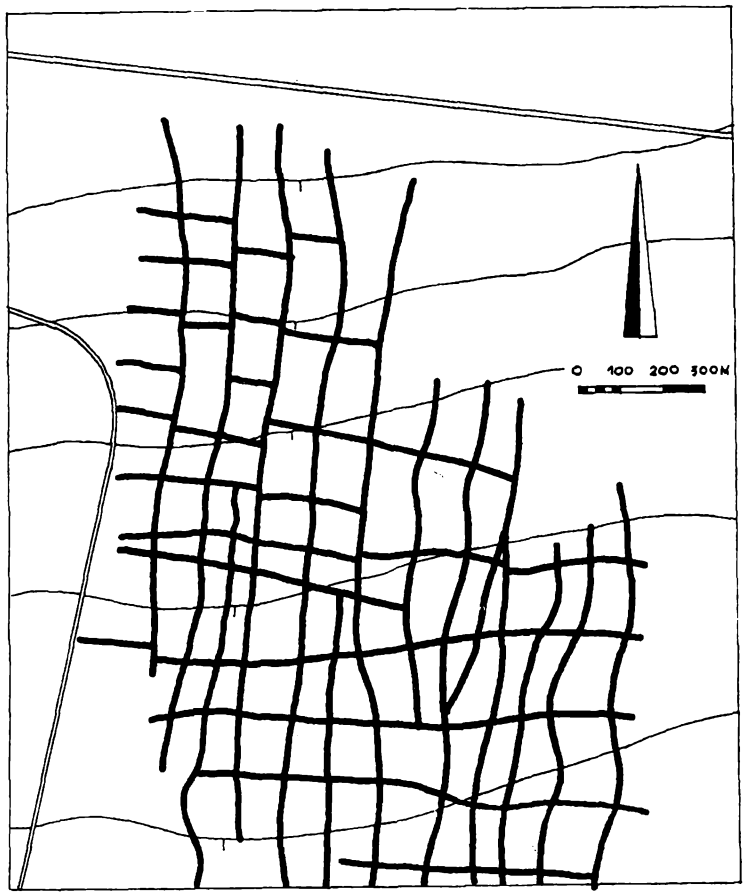

Рис. 5. Участок системы в 4 км восточнее пос. Юбилейный

снежного покрова, то в прибрежных районах он держится, как правило, несколько дней и бывает вообще очень редко[9].

Исключением являются сведения Аристотеля и Феофраста о природе, растениях и животных Северного Причерноморья. Первый писал о суровых климатических условиях Скифии: жестоких холодах зимой и сильной жаре летом (XXXV. 6), отмечая две особенности боспорского климата: росу, выпадающую при северных ветрах (что, по мнению Аристотеля, является результатом повышенной испаряемости влаги) и обмеление Меотиды из-за речных наносов (Meteorol. I.10.1; 14.29). Вслед за Геродотом (II.28) Аристотель отмечал в "Истории животных", что ослы, вывезенные греками в Северное Причерноморье, не выдерживали здесь сурового климата (VIII.25). На поселениях эллинистического времени кости ослов встречаются, что может объясняться или выведением особой породы[10] или климатическими изменениями.

Феофраст в "Истории растений", описывая современный ему (конец IV – начало III в. до н.э.) климат окрестностей Пантикапея и Понта в целом, считает последний холодной страной, сравнивая его с Грецией. В районе боспорской столицы не растут лавр и мирт, но много смоковниц и граната, который местные жители укрывали от зимних холодов, большое количество прекрасных сортов яблок и груш. Из лесных деревьев здесь произрастают дуб, вяз, ясень, нет смолистых деревьев. Зимой растения часто вымерзают (Theophr. IV, 5.3; 14.13; Plin. NH. XVI. 137). Суммарная характеристика пантикапейского леса у Феофраста

[9] Там же. С. 248 сл.

[10] *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53. С. 49 сл.

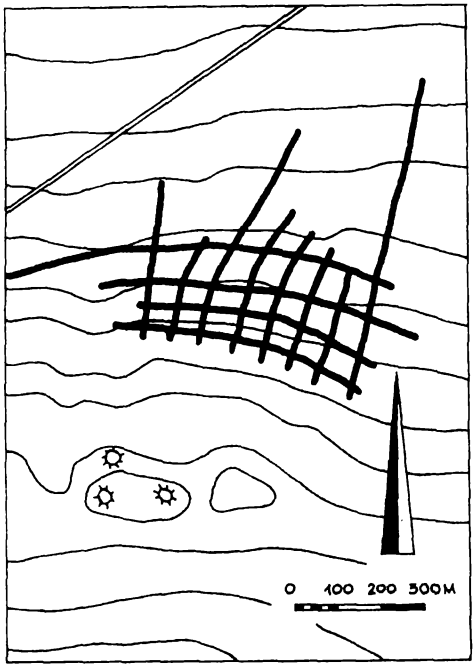

Рис. 6. Участок системы в 1,5 км восточнее пос. Береговой

говорит о том, что он не был достаточно хорошо знаком с Боспором. Вероятно, его информаторами были посещавшие Пантикапей афинские торговцы и моряки. Именно этим обстоятельством Н.И. Сокольский объяснял то, что Феофрасту знакомы лишь окрестности Пантикапея, и он не имеет представления о хвойных лесах горного Крыма[11].

По словам Псевдо-Гиппократа (De aere. 19), писавшего на рубеже V–IV вв. до н.э., зима в Скифии стоит почти постоянно, а холодное лето длится всего несколько дней. Времена года мало отличаются друг от друга, поэтому местные жители круглый год носят одинаковую одежду. Воздух сырой и плотный, воду для питья добывают из снега и льда. Описание напоминает сведения Геродота и вписывается в традицию античной литературы о суровом климате Скифии.

Близок этому описанию поэтический облик Скифии, оставленный Овидием: бесплодная равнина, где господствует холод, снег не тает по нескольку лет, земля не родит яблок и винограда и т.п. (Ov. Met. VIII. 787–791; 799–800; Tr. III. 10, 1–2; IV. 13–16; V. 10. 1–2 и др.). Несмотря на фантастичность и противоречивость информации о понтийском регионе в поэзии Овидия, которая объясняется желанием поэта представить свое положение изгнанника более тяжким, чем оно было на самом деле, некоторые его сведения воспринимаются как реалии. В частности, это касается его свидетельств о замерзании Истра и северо-западного Понта в течение нескольких зим подряд. Аналогичную картину находим у Вергилия, называвшего Скифию безобразной землей, которая покрыта снежными заносами и льдами (Georg. III. 349–383). Вполне вероятно, что при создании образа этого региона Овидий отталкивался именно от Вергилия[12], поскольку у них многие детали совпадают. Источником самого Вергилия могла быть более ранняя письменная традиция, а также информация, которую он мог получить от римских торговцев, военных и т.д.

Страбон (XI. 2.4) и Плиний (NH. IV, 87) также сообщают о том, что Понт замерзает. Это действительно могло иметь место в древности, поскольку в наше время нередки случаи замерзания мелководных частей Черного моря. В отдельные годы отмечалось даже замерзание Босфора. С другой стороны, Страбон пишет о том, что на Боспоре выращивался виноград, правда, с мелкими плодами. Лозу при этом прикрывали на зиму землей, что практикуется и сегодня на юге Украины[13]. Для II в. н.э. Клавдий Элиан отмечал теплый климат Причерноморья (Cl. Aelian. De natura anim. II. 59).

Противоречивость сообщений античных авторов о климате Северного Причерноморья давно отмечена в литературе. Еще в середине прошлого века К.С. Веселовский, сравнивая эти сообщения, пришел к выводу, что значительных изменений в климате Северного Причерноморья не происходило. Главная отличительная черта климата региона в древности – его континентальность, выражавшаяся в крайних температурах зимой и летом[14]. Эту точку зрения почти столетие спустя поддержал П.С. Берг[15].

---

[11] *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 22.

[12] *Подосинов А.В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // ДГ, 1983. М., 1984. С. 114–116.

[13] *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота, М., 1982. С. 258–259.

[14] *Веселовский К.С.* О климате России. СПб., 1857. С. 385.

[15] *Берг П.С.* Климат и жизнь. М., 1947. С. 87.

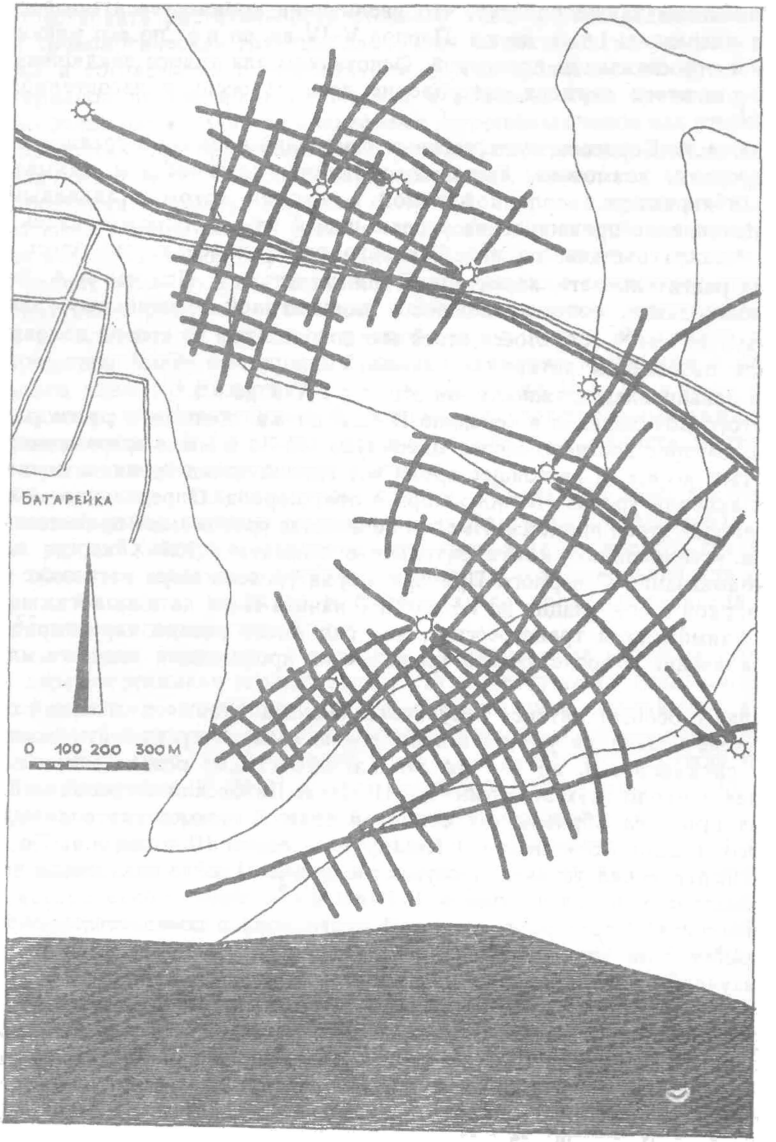

Рис. 7. Участок системы на северном побережье Динского залива

Е.А. Бучинский, анализируя информацию древних авторов, обратил внимание на ряд деталей. В частности, на сведения Овидия о том, что три года подряд замерзал Истр. Сопоставляя этот факт с находками сосновой пыльцы в торфяниках, он сделал вывод, что в середине I тыс. до н.э. климат Северного Причерноморья отличался от современного более низким температурным режимом и более высокой влажностью. Слова Геродота о восьмимесячной зиме в Скифии являются, по его мнению, явным преувеличением и не согласуются со сведениями Феофраста и Страбона[16]. Позднее было уточнено, что становление эпохи повышенной влажности и умеренных температур относится к началу VII в. до н.э. Климат был более прохладным, но менее континентальным с большим количеством осадков. Этот период продолжался до III в. до н.э., когда наступает эпоха пониженной влажности[17].

[16] *Бучинский Е.А.* О климате прошлого русской равнины. Л., 1957. С. 44–46, 132.

[17] *Бучинский Е.И.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев, 1963. С. 59.

А.В. Шнитников также полагал, что увеличение количества атмосферных осадков имело место с середины I тыс. до н.э. Период V–IV вв. до н.э., по его мнению, отличался влажностью и относительной прохладой. Основанием для такого заключения послужило отмеченное для этого периода наступление леса на степь в лесостепной зоне Причерноморья[18].

По мнению А.А. Борисова, существенных изменений климата в древности не было. Во времена Геродота, возможно, было похолодание, но в общем климат имел континентальный характер с холодной зимой и жарким летом с ливневыми дождями. Некоторое потепление произошло на рубеже нашей эры и сопровождалось повышением влажности. Анализ пыльцы из ила Сакского озера показал, что здесь в древности существовала растительность, характерная для лесостепи[19]. Позднее А.А. Борисов отметил, что похолодание, сопровождавшееся повышенной влажностью, завершилось к середине I тыс. до н.э.[20] К.С. Лосев отнес это похолодание ко второй половине II тыс. до н.э., а начало потепления датировал ранним VII в. до н.э. Смягчение климата, сопровождавшееся повышением влажности, он относил к V в. до н.э.[21]

Начало этого похолодания в середине II тыс. до н.э. совпадает с резким понижением уровня моря, которое достигло своего максимума (13–14 м ниже современного уровня) на рубеже II–I тыс. до н.э. В настоящее время нет единой точки зрения в оценке изменений абсолютных величин уровня Черного моря в этот период. Определенно можно говорить лишь о тенденциях этого процесса. Именно понижение уровня моря привело к уменьшению влажности и установлению континентального климата в XII–X вв. до н.э. К началу греческой колонизации Северного Причерноморья уровень моря несколько повышается, далее идет период стабилизации до конца III – начала II вв. до н.э., когда начинается так называемая "нимфейская трансгрессия", которая имела резкий характер[22]. Вероятно, в период стабилизации и последующей трансгрессии происходили какие-то климатические изменения.

Представляют особый интерес результаты анализа иловых отложений соляных озер Крыма, которые позволили уточнить хронологию и характер климатических изменений. По мнению специалистов, во II–I вв. до н.э. происходит резкое иссушение климата, продолжавшееся около двух столетий[23]. А.И. Дзенс-Литовский на основании результатов исследования процесса образования корневой соли в отложениях солевых озер отнес начало сухого и жаркого климата в Крыму к середине III в. до н.э. По его мнению, подобные климатические условия просуществовали до I в. до н.э., после чего наступил период похолодания, продолжавшийся до II–III вв. н.э.[24]

Более высокий температурный режим Черного моря и соответственно более жаркий климат в прибрежной зоне для Северо-Западного Крыма в I в. до н.э. отмечен на основании изучения чешуи кефали из раскопок городища Тарпанчи[25]. Представляют интерес результаты анализа набора видов насекомых, обнаруженных в колодце на поселении "Чайка" в окрестностях Евпатории. Они показали, что климатические условия в период с конца IV до рубежа III/II вв. до н.э. мало чем отличались от современных. Во всяком случае, климат не был более суровым[26]. Споро-пыльцевой анализ образцов из раскопок на данном памятнике не противоречит этим результатам. Общий состав спектра, количественный и качественный состав растений показал, что с I в. до н.э. в этом районе

---

[18] *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Географического Общества СССР. Т. 16 (новая серия). С. 264.

[19] *Борисов А.А.* О колебаниях климата Крыма в историческое время // Известия Всесоюзного Географического Общества. Т. 88. Вып. 6. 1956. С. 532–540.

[20] Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. М., 1975. С. 383.

[21] *Лосев К.С.* Климат вчера, сегодня и завтра. Л., 1985. С. 90–100.

[22] *Бруяко И.В., Карпов В.А.* Древняя география и колебания уровня моря // ВДИ. 1992. № 2. С. 87–97.

[23] *Шостакович В.Б.* Иловые отложения озер и периодичность колебания в явлениях природы // Записки Государственного геологического института. 1934. Вып. 13. С. 55; *Первольф Ю.В.* Илы и условия их образования в соляных озерах Крыма // Труды Лаборатории озероведения АН СССР. 1953. Т. 2. С. 166.

[24] *Дзенс-Литовский А.И.* Геологический возраст донных отложений минеральных озер // Природа. 1936. № 12. С. 54.

[25] *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 27.

[26] *Антипина Ек.Е., Назаров В.И., Маслов С.П.* Насекомые из колодца на винодельне поселения "Чайка" // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 155–161.

начинает господствовать растительность степного типа[27]. Эти наблюдения дают более определенные хронологические границы изменения климатических условий в Северном Причерноморье и согласуются с результатами других исследований. В частности, при изучении материалов поселений архаического и классического времени установлены факты доминирования растительности и животных лесостепных типов над степными[28].

Несмотря на достаточно противоречивые результаты изучения динамики изменения климата в различных районах Северного Причерноморья, можно, как нам представляется, выстроить определенную схему. Начиная с XV тыс. до н.э. имели место несколько климатических колебаний со сменой режима влажности. Со второй половины III тыс. до н.э. отмечается некоторое похолодание, однако, в разных районах этот процесс имел свою специфику. В начале VII в. до н.э. в Северном Причерноморье существует климат с более низким температурным режимом и большей влажностью, менее континентальный, чем современный, с лесостепной фауной и флорой, что и нашло отражение в античной письменной традиции. Далее происходит процесс понижения влажности и установление континентального климата. Возможно, что с конца IV по II в. до н.э. он был близок существующему ныне с определенными особенностями, свойственными каждому региону Северного Причерноморья. В I в. до н.э. процесс понижения влажности достигает апогея, что приводит к установлению засушливого климата.

Период IV–I вв. до н.э., как нам представляется, объективно наиболее подходит для создания описанной выше системы мелиорации на Таманском полуострове. Изменения климатических условий, которые сопровождались сменой биологической среды обитания, требовали от общества адаптации, поиска новых форм хозяйствования или совершенствования старых. Скорость, характер и формы этого процесса зависели от уровня социально-экономического развития общества.

Вероятно, мы можем исключить I в. до н.э. как возможное время ее строительства, поскольку на аэрофотоснимках хорошо видно, что на сетку валов довольно произвольно накладываются дороги, соединяющие укрепленные поселения, получившие в литературе название "батарейки". Примером может служить участок, расположенный близ поселения "Волна Революции-2" (рис. 3), и участок площадью около 44 га между поселениями "Батарейка I" и "Батарейка II" (№ 11 и 12 по карте Я.М. Паромова) (рис. 8), сооружение которых относят к этому периоду истории Боспорского государства[29].

Другим важным хронологическим признаком мелиоративной системы является ее взаимосвязь с поселениями, большинство из которых существовали в течение довольно длительного исторического периода. Динамика развития этих поселений остается пока неизвестной. Аэрофотоснимки и результаты археологических раскопок не дают возможности определить, какие части территории поселения относились к тому или иному периоду.

Подводя предварительные итоги, мы установили, что территории поселений, относящихся главным образом, к IV–II вв. до н.э., накладываются на сеть мелиоративных валов. Это послужило основанием для предположения, что этот период можно исключить как вероятное время ее возникновения[30]. Однако более детальные исследования 1993 г. позволили установить, что представления о масштабах этих поселений, основанные на площади распространения подъемного материала и размерах "светлых пятен" на аэрофотосъемке, не соответствуют действительности и создают иллюзию наложения сетки валов на поселения. Часть поселений, обследованных нами, имеет компактный характер и состоит из нескольких построек, которые прекрасно вписываются в систему валов.

---

[27] *Левковская Г.М.* Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 102–108.

[28] *Журавлев О.П.* Воздействие антропогенных факторов на природу Нижнего Побужья в античное время // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 61; *Цалкин.* Домашние и дикие животные... С. 7; *Пидопличко И.Г.* Домашние и дикие животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. С. 203–210; *Воропай Л.И., Куница Н.А., Левицкий В.Н.* Закономерности развития природы Среднего Приднестровья в голоцене // Международная ассоциация по изучению четвертичного периода. XI конгресс. Тез. докл. М., 1982. С. 83.

[29] *Сокольский Н.И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua philippopolitana. Studia archeologica. Sophia, 1963. P. 19; *Толстиков В.П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Сообщения ГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 52–62.

[30] *Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древняя система мелиорации на Фонталовском полуострове // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 30–31.

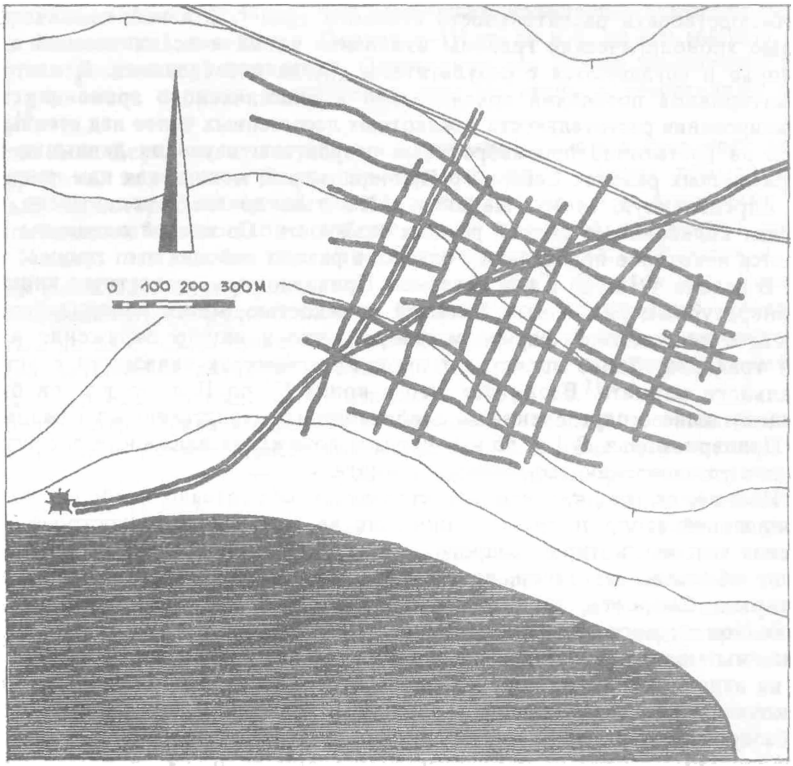

Рис. 8. Участок системы, расположенный между античными поселениями "Батарейка-1" и "Батарейка-2"

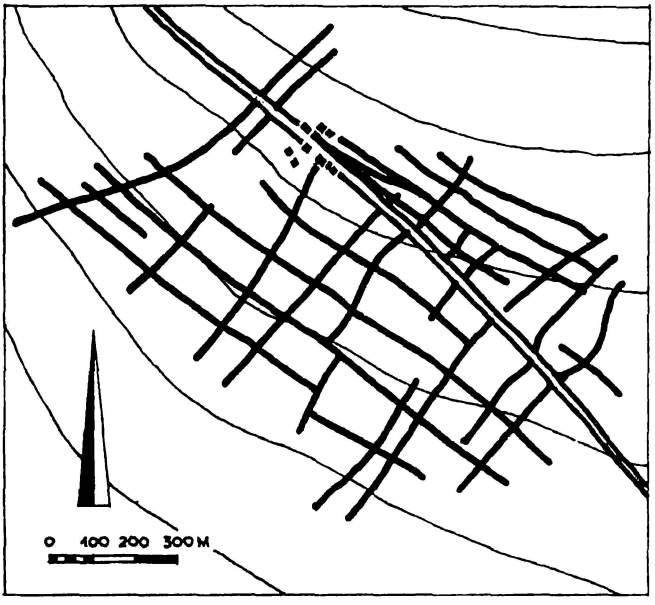

Рис. 9. Участок системы с древней дорогой и античное поселение "Ильич-3"

Первое из них – поселение "Ильич-3" (№ 3 по карте Я.М. Паромова) расположено в 1,5 км восточнее одноименного поселка. По подъемному материалу оно датируется IV–II вв. до н.э. На аэрофотоснимках хорошо видно, как валы соединяются с дорогой, пересекающей поселение. Можно предположить, что поселение, валы и дорога синхронны. Площадь участка не менее 57 га (рис. 9).

Второе поселение – "Приазовское-5" (№ 10 по карте Я.М. Паромова) расположено в 1 км южнее одноименного поселка. На поселение ориентирован участок с сеткой валов, о котором мы упоминали выше. В него вписываются дороги, ведущие к поселению, что свидетельствует об их синхронности (рис. 5). Поселение по подъемному материалу датируется VI–II вв. до н.э. Площадь участка около 85 га.

Третье поселение – "Юбилейное-13" (№ 77 по карте Я.М. Паромова) расположено в 2 км севернее одноименного поселка. По подъемному материалу оно может быть датировано IV–II вв. до н.э. Поселение расположено вдоль дороги, которая вписывается в сетку валов. Видимые на аэрофотоснимках отдельные возвышенности, представляющие собой остатки построек, расположены строго на валах. Возможно, что поселение было построено с учетом уже существовавшей системы валов. Площадь участка около 78 га (рис. 10).

Четвертое поселение – "За Родину-3" (№ 213 по карте Я.М. Паромова) расположено в 2,8 км западнее одноименного поселка. Датировка поселения затруднена вследствие отсутствия профилированных фрагментов керамики из подъемных сборов. С большой долей условности его можно отнести к IV–II вв. до н.э. Поселение и дорога, ведущая к нему, вписываются в сетку валов, что позволяет предполагать их сосуществование. Площадь участка около 6 га (рис. 11).

Пятое поселение – "Юбилейное-3" (№ 67 по карте Я.М. Паромова) расположено в 2,5 км восточнее одноименного поселка. Судя по подъемному материалу, оно возникло в IV в. до н.э. и с перерывами существовало до XIII в. н.э. Поселение состоит из нескольких построек, расположенных на валах. Это обстоятельство дает основание предположить, что они были построены с учетом уже существовавшей системы валов (рис. 12). Таким образом, мелиоративная сеть на Таманском полуострове сложилась, видимо, к IV в. до н.э. и существовала, как минимум, на протяжении IV–II вв. до н.э.

На наш взгляд, представляет интерес совпадение времени создания мелиоративной системы и начала регулярного экспорта боспорской пшеницы (Dem. 20. 31–32; Strabo. VII. 4.6; Theophr. VIII. 4.8; Dinarch. Ad Dem. 43; Syll.^{3} 206; IG. II^2. 212). Мы не исключаем возможности более раннего экспорта, однако, свидетельство Геродота (VII. 147) о кораблях с хлебом из Понта для Пелопоннеса и Эгины нет оснований относить именно к Боспору.

К сожалению, нам практически неизвестны принципы организации сельскохозяйственного производства на Боспоре в период правления Спартокидов. Демосфен называл Левкона I господином боспорского хлеба (Dem. 20.31). Как можно истолковать эту формулировку афинского оратора, пока остается неясным. Сохранившиеся эпиграфические документы подтверждают исключительное положение семьи Спартокидов в экспорте боспорской пшеницы (Syll.^{3} 206; IG II^2. 212).

Можно предполагать, что значительная часть территории Боспорского государства принадлежала непосредственно Спартокидам, однако, вопрос о форме этой собственности, как и о характере их власти на Боспоре пока остается открытым. Можно предположить, что эти земли приносили доход в виде натуральных податей с выделенных тем или иным категориям населения участков земли.

Спартокиды также предоставляли земли своим "друзьям" и чиновникам. Гилон получил от Сатира в управление область Кеп (Aeschin. 3.171), которая, если судить по названию, вероятно, включала в себя какие-то сельские территории. Другой приближенный тирана Сопей также владел крупной областью на Боспоре и осуществлял контроль над остальными владениями, принадлежащими Сатиру (Isocr. 17.3). От Евмела получили место для поселения и участки земли для земледелия в некой Псое тысяча каллатийцев, вынужденных эмигрировать на Боспор (Diod. XX. 25). Сюда же мы можем приплюсовать и храмы, которые также получали от властей землю, хотя для Боспора интересующего нас времени таких данных нет.

Вероятно, основной единицей организации царских земель, существование которых отмечено для IV в. до н.э. (Diod. XX. 25.4), были упоминаемые Полиеном комы (Polyaen. 8.55), объединенные в области, управляемые чиновниками, подобными Сопею. О населении этих ком мы не имеем информации. Можно лишь предполагать, что это были греки и аборигены. Какая-то роль на царских землях принадлежала городским центрам – как

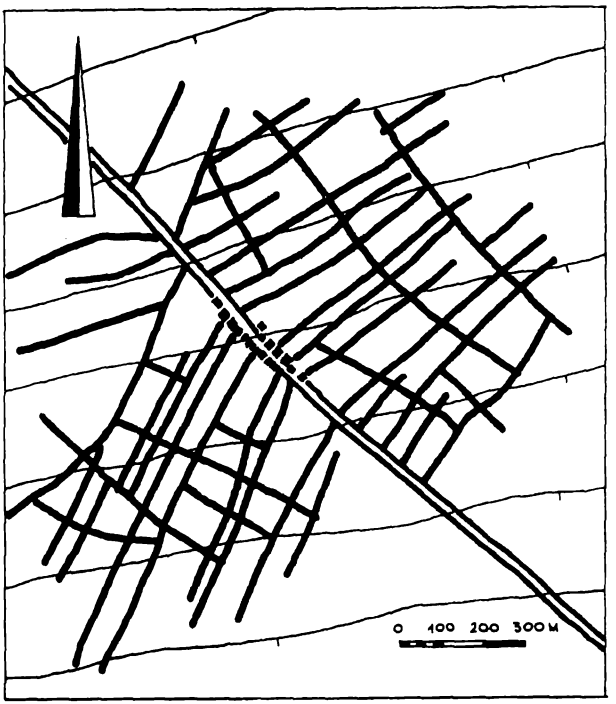

Рис. 10.

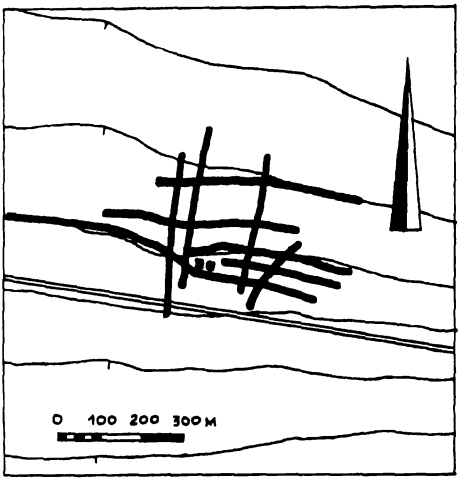

Рис. 11.

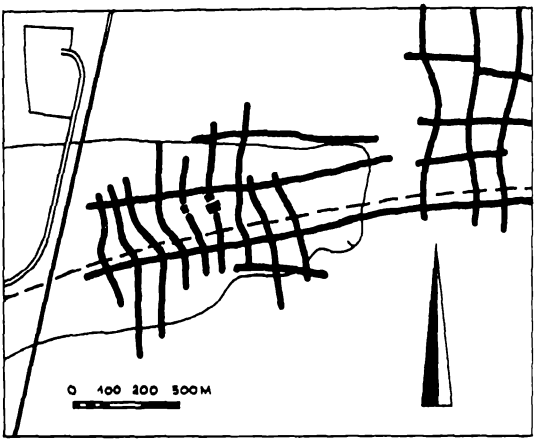

Рис. 12.

Рис. 10. Участок системы, древняя дорога и античное поселение "Юбилейное-13", расположенное в 2 км севернее одноименного поселка

Рис. 11. Участок системы и античное поселение "За Родину-3", расположенные в 2,8 км западнее одноименного поселка

Рис. 12. Участок системы и античное поселение "Юбилейное-3" в 2,5 км восточнее одноименного поселка

старым, подобным Кепам, так и новым, возникшим уже при Спартокидах, например Киммериде (Ps.-Scymn. 896–899) и городу в Псое, где поселились каллатийцы.

Начало интенсивного освоения внутренних районов Восточного Крыма и Таманского полуострова относят к концу V – IV вв. до н.э. Возникавшие здесь поселения представляли собой неукрепленные деревни из нескольких отдельно стоявших домов. Во внутренних районах европейской части Боспора этим временем датируют следы межевания земель. Поселения, существовавшие раньше, прекращают свое существование или перестраиваются[31].

Наши немногочисленные данные свидетельствуют, что основную часть своих доходов Спартокиды получали от продажи пшеницы, получаемой в виде ежегодных податей. Этот экономический принцип был определен как типичный для царской или сатрапской экономики ([Arist.] Oecon. II. 1345b – 1346a). В связи с этим естественно предположить, что Спартокиды должны были уделять земледелию самое серьезное внимание. Что могли они предпринять в природно-климатических условиях Боспора кроме освоения внутренних районов собственного государства и внешней экспансии на земли соседних племен? Нам представляется, что Спартокиды должны были проводить экономическую политику, направленную на обеспечение постоянного и устойчивого дохода. Условием последнего было не столько расширение посевных площадей, которые могли пострадать в результате неблагоприятных климатических явлений, например, засухи, сколько создание условий для земледелия, которые могли нейтрализовать их. К последним и принадлежит создание мелиоративной сети на землях Таманского полуострова. Возможно, что в Нижнем Прикубанье была создана ирригационная система и ей мог принадлежать тот старинный канал, который использовал Фарнак для затопления земель дандариев (Strabo. XI. 2. 11).

Создание подобных систем требовало огромных затрат труда и материальных ресурсов, которые были не под силу отдельным земледельцам или общинам. Рассматривая масштабы и характер планировки описываемой мелиоративной системы, следует отметить непрерывность сети валов на больших пространствах. Площадь мелиорированных земель на Таманском полуострове, по нашим наблюдениям, составляет около 48000 га или около 40% его территории (рис. 13). Это дает возможность предполагать, что сооружение этой системы проводилось одновременно в достаточно узкий хронологический период. Несомненно и то, что мелиоративные работы в азиатской части Боспора велись по единому плану. Такой характер работ требует централизованного управления в условиях специальной экономической политики государства.

Работа над изучением мелиоративной системы на Таманском полуострове позволяет несколько выйти за рамки данной статьи. Во-первых, ее результаты заставляют пересмотреть некоторые представления о палеогеографии данного региона. Существует устоявшаяся точка зрения, что Таманский полуостров представлял собой в древности архипелаг островов, одним из которых был Киммерийский остров. Именно его идентифицируют с нынешним Фонталовским полуостровом. Считается, что последний был отделен от остальных островов на востоке протокой Кубани, впадающей сегодня в Азовское море у пос. Пересыпь, а на юге другой протокой кубанского русла, которая соединяла нынешний Таманский залив с Ахтанизовским лиманом, проходя по низине, расположенной севернее г. Цимбалы[32]. Одним из оснований для такого утверждения служили рассказы местных жителей о существовании здесь так называемого Субботина ерика, соединявшего Таманский залив и Ахтанизовский лиман. Действительно, в настоящее время севернее г. Цимбалы существует низина. Во время паводков она покрыта водой, а ее восточная часть сильно заболочена. На рисунке 12 представлена часть этой территории. На аэрофотоснимках отчетливо видны валы мелиоративной системы и, что самое важное, непрерывность этих

---

[31] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 15, 53–54, 58; *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 43.

[32] *Фабр А.* Древний быт Эйоны, нынешнего полуострова Тамань. Одесса, 1861. С. 51; *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки СКОАИЭ. Кн. 1 (т. 3). Вып. 5–6. Ростов-на-Дону, 1929–1930, С. 6; *Башкиров А.С.* Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды этнографо-археологического музея МГУ. № 3. М., 1927. С. 7; *Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 27; *Кубланов М.М.* К истории Азиатского Боспора (Новые археологические материалы с полуострова Фонтан) // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 224 сл.; *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 2. М., 1993. С. 44–45.

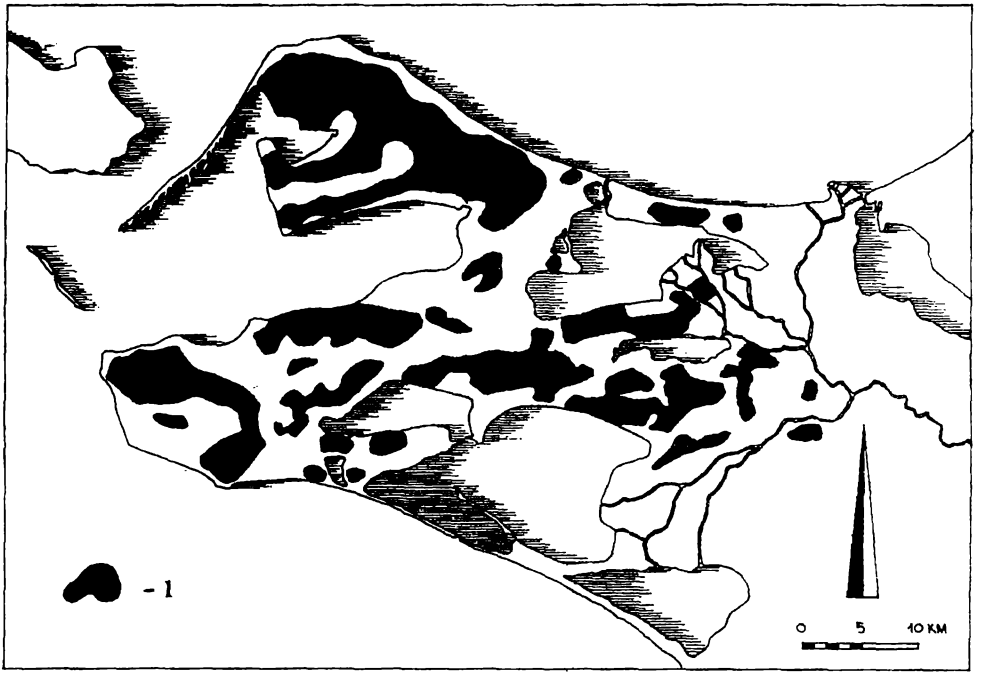

Рис. 13. Античная мелиоративная система на Таманском полуострове. *1* – зоны распространения античной мелиоративной системы

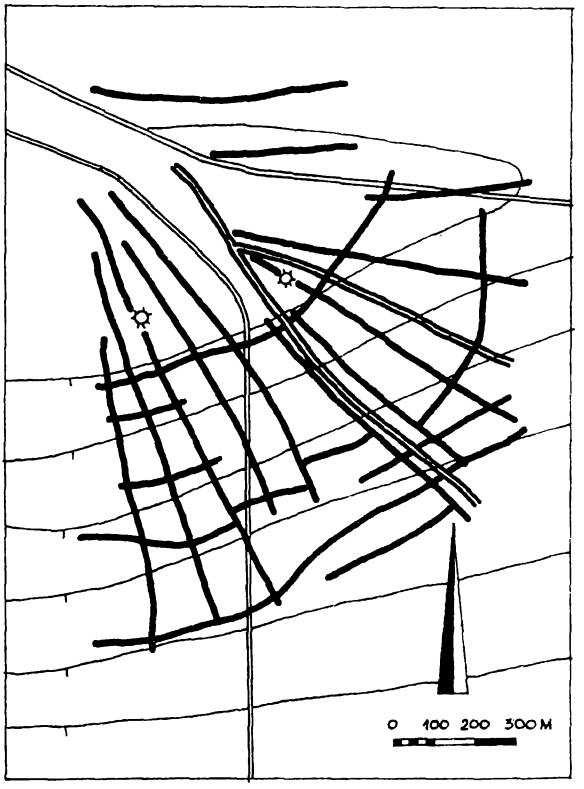

Рис. 14. Участок системы восточнее станицы Фонталовская

валов при пересечении так называемого Субботина ерика, показанного на рисунке пунктиром. Это свидетельствует о том, что в период строительства и существования мелиоративной системы рукава Кубани, отделявшего Фонталовский полуостров от южной части Тамани, не существовало. Этот вывод не противоречит реконструкции береговой линии Таманского полуострова, как минимум, по четырехметровой изобате, которая, как предполагают, соответствует границам побережья в середине I тыс. до н.э., поскольку современная географическая ситуация определяется в первую очередь процессом трансгрессии моря[33].

Другой важный итог этой работы – возможность наметить еще одно направление исследования сельской территории Азиатского Боспора. В некоторых местах, подчиняясь рельефу местности, валы сходятся к отдельным поселениям, которые занимают явно доминирующее положение на данной территории. Одним из таких примеров может служить участок площадью около 64 га, к востоку от станицы Фонталовская, где валы сходятся к поселению "Фонталовская-6" (№ 56 по карте Я.М. Паромова) (рис. 14). Эта закономерность очень важна в методическом отношении, поскольку, восстановив сеть валов, можно выявить зоны влияния или сельскохозяйственную территорию каждого поселения и точнее определить его собственные границы.

Имеющаяся в нашем распоряжении аэрофотосъемка, к сожалению, не позволяет полностью восстановить сеть линий древних валов. С ее помощью можно лишь определить границы древней мелиоративной системы и организацию некоторых ее участков. Для более полной картины необходимо иметь аэрофотоснимки, выполненные в более раннее или более позднее время суток, а также в различные времена года, которые соответствовали бы периодам сельскохозяйственных работ на полуострове.

Ю.В. Горлов, Ю.А. Лопанов

THE ANCIENT MELIORATION SYSTEM ON THE TAMAN PENINSULA

Yu.V. Gorlov, Yu. A. Lopanov

The article is devoted to the exploration of a network of roads and melioration ramparts discovered on the Taman peninsula in the course of ground investigations and with the help of aerial photography. In the authors' opinion the main reason for the creation of a melioration system on the peninsula were the specific natural-climatic conditions, as well as the necessity to irrigate lands. This system was created and improved during 4th-1st c. B.C. The authors consider the ramparts revealed by them as traces of rural settlements on the Taman peninsula.

[33] *Блаватский В.Д.* Подводные археологические исследования на берегах Понта 1957–1962 гг. // Античная археология и история. М., 1985. С. 169; *Агбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С. 23.

© 1995 г.

ХЕРСОНЕССКАЯ АРХАИКА

Изучение древнейшего (архаического) этапа истории Херсонеса сопряжено с определенными трудностями, связанными с довольно ограниченным кругом источников столь раннего времени для этого памятника. Как обычно – это керамические находки. Еще недавно они исчислялись в Херсонесе чуть более чем двумя десятками единиц, и все исторические построения о самой ранней колонизационной деятельности эллинов в этом регионе Таврики строились на анализе этих немногочисленных архаических черепков.

Незначительное количество архаических материалов из Херсонеса отличает его от других северопричерноморских античных памятников, где хорошо сохранились архаические слои. На наш взгляд, объяснение этому кроется в особенности геологического строения местности, в которой расположен Херсонес. Здесь не глинисто-песчаные грунты, хорошо сохраняющие материальные остатки, а твердые скальные породы. На них на одном и том же месте, да к тому же в течение более двух тысячелетий, происходила постоянная строительная деятельность, в результате которой при каждом новом строительстве почти полностью разрушались культурные отложения предшествующих периодов. Лишь только в естественных скальных углублениях могли сохраняться самые ранние материалы, но до недавнего времени эти углубления при археологических работах, как правило, не расчищались, и поэтому архаические черепки в Херсонесе были единичны.

Архаическая керамика в Херсонесе известна давно, но ее интепретация различными авторами приводила, как правило, к диаметрально противоположным выводам – от полного отрицания существования архаического выселка на берегу Карантинной бухты до парадоксального утверждения об основании собственно Херсонеса еще в конце VI в. до н.э.

Появившиеся в результате археологических раскопок последних лет в Херсонесе новые материалы и прежде всего представительная группа черепков-остраконов с процарапанными на них именами позволили высказать гипотезу о дорийско-ионийском происхождении архаического поселения, предшествующего возникшему на том же месте, но почти на столетие позднее Херсонесу – колонии гераклеотов в Таврике[1].

Такая постановка проблемы требует специального выявления самых ранних херсонесских находок и детального изучения всего круга источников по древнейшему Херсонесу. Это касается в первую очередь керамики как наиболее массового археологического источника. К обозначенной категории материала, несомненно, принадлежат две группы многочисленных находок – амфорная керамическая тара архаического времени и столовая посуда, причем в основном ионийская так называемая "полосатая" керамика, с анализа которой мы и начнем.

Ионийская керамика. Исследователи Херсонеса давно обратили внимание на керамику, отличающуюся своеобразными формами, характером керамического теста и декором от основного массива находок античной столовой посуды из херсонесских

[1] *Vinogradov Ju., Zolotarev M.* La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. P., 1990. P. 85–119.

слоев. Эта керамика украшена орнаментом из широких концентрических полос, нанесенных красно-коричневым, а иногда почти черным густым лаком. В ряде случаев эти орнаментальные полосы подчеркнуты узкими накладными линиями пурпура или белой краски. На открытых сосудах этот орнамент из полос помещался как на внешней, так и на внутренней поверхностях, а на закрытых (в основном кувшинах), естественно, лишь на внешних стенках тулова сосудов. В литературе подобная столовая керамика получила название "ионийской", а иногда просто "полосатой" керамики.

Р.Х. Лепер в дневниковых записях о своих раскопках, проводившихся в 1908–1912 годах в основном в северо-восточном районе Херсонеса, указывает на находки своеобразных черепков, называя их "милетскими". Совершенно точно они были определены им как принадлежащие продукции ионийских керамических мастерских. Можно предположить, что, называя черепки "милетскими", Р.Х. Лепер вкладывал в такое определение временной смысл, связанный с архаическим Милетом. Службе Р.Х. Лепера в Херсонесе предшествовали годы его работы в качестве ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе. Нет сомнения, что по роду деятельности ему были хорошо известны результаты исследований немецких ученых в Ионии, и прежде всего в архаическом Милете, где "полосатая" керамика являлась массовым археологическим материалом. По всей вероятности, херсонесские находки ассоциировались у Р.Х. Лепера с его знаниями архаического Милета и повлияли на зафиксированное им в дневниках терминологическое определение ионийской керамики, появившейся впервые в его раскопках.

Найденные Р.Х. Лепером черепки были первыми находками ионийской посуды в Херсонесе и почти на полстолетия оставались чуть ли не единственным источником для различных гипотез о характере древнейшего херсонесского поселения. Опираясь на леперовские находки ионийских черепков, М.И. Ростовцев высказал мнение о том, что Херсонес был первоначально ионийской милетской колонией, основанной еще в VI в. до н.э.[2] Позднее он полагал, что после утраты Милетом своей главенствующей роли в Понтийском регионе здесь в конце V в. до н.э. на месте прежней ионийской была вновь основана теперь уже дорийская гераклейская колония[3].

В 1927 г. К.Э. Гриневич исследовал оборонительные сооружения Херсонеса в юго-восточном районе города у 16-й куртины. В процессе раскопок была открыта сохранившаяся более чем на 30 м древнейшая оборонительная стена, сооружение которой автор раскопок относил еще к самому началу V в. до н.э. Основанием для столь ранней даты послужили находки нескольких краснофигурных и одного чернофигурного обломков, а также фрагмента ионийского сосуда[4]. Эти находки пополнили коллекцию херсонесской архаики и, казалось бы, окончательно должны были развеять сомнения о существовании на месте дорийского Херсонеса раннего укрепленного поселения. Однако этого не случилось.

Двумя годами позднее С.А. Жебелев вновь обратился к архаическим материалам из Херсонеса. Занимаясь проблемой возникновения Херсонеса, он подверг сомнению возможность использования археологических источников для обоснования даты создания ранней греческой апойкии в Юго-Западной Таврике. Ссылаясь на малочисленность ионийских черепков (по его мнению, всего около десятка). С.А. Жебелев на первый план выдвинул письменные источники. Анализ текста перипла Пс.-Скимна, основанный на незначительной корректировке источника, привел его к ошибочной гипотезе о совместном участии Теоса (а не Делоса!) вместе с Гераклеей Понтийской в основании новой колонии в конце V в. до н.э. в Таврике[5]. Проигнорировав археоло-

---

[2] *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 80 сл.

[3] *Rostovtzeff M.* Iranias and Greeks in South Rossia. Ofx., 1922. P. 63.

[4] *Гриневич К.Э.* Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой 1927 года // II конф. археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 21–23.

[5] *Жебелев С.А.* Возникновение Херсонеса Таврического // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 79 сл.

гические источники, С.А. Жебелев вообще умолчал о дохерсонесском поселении, а стало быть, несколько искаженно моделировал процесс исторического развития этого региона на ранних этапах античности.

Успешным шагом в изучении херсонесской коллекции ионийской керамики стала статья Г.Д. Белова "Ионийская керамика из Херсонеса"[6]. Построенная на изучении ионийской керамики, происходящей в основном из его собственных раскопок в северном районе города, эта работа впервые обратила внимание исследователей на столь важный источник по ранней истории Херсонеса. Находясь под влиянием господствовавшей в то время в науке так называемой "эмпориальной" теории развития северопричерноморских греческих полисов[7], для объяснения появившихся разногласий автор вынужден был значительно (иногда более чем на сто лет) омолаживать даты бытования отдельных сосудов. Ионийская керамика, которую было совершенно невозможно отнести к позднеклассическому времени, объявлялась принадлежностью купцов, посещавших ионийскую торговую факторию, существовавшую, согласно "эмпориальной" теории, на месте будущей гераклейской колонии[8]. И все же несомненная заслуга Г.Д. Белова в том, что он впервые обратил внимание на существование в Херсонесе различных типов ионийской керамики, по его датировке первой половины V в. до н.э., и впервые поставил вопрос о массовости этой категории находок в херсонесских материалах.

Для использования ионийской керамики из Херсонеса как достоверного источника в изучении херсонесской архаики возникла необходимость провести специальное картографирование находок, разработать типологию и хронологически определить каждый из найденных в Херсонесе образцов ионийской керамики. С этой целью был составлен каталог, включавший всю имеющуюся информацию о каждой находке.

Были учтены фрагменты ионийской керамики из северо-восточного района Херсонеса, найденные при раскопках Р.Х. Лепера в начале нынешнего столетия и при наших исследованиях, проводимых здесь в 79–80-е годы. При этом учитывались только те фрагменты, которые дают возможность восстановления формы сосудов и надежно определяются как ионийская керамика. Всего учтено чуть более 200 экземпляров таких сосудов. Мелкие непрофилированные фрагменты ионийской керамики не учитывались. Однако общее число находок, включая и мелкие фрагменты стенок сосудов, отдельные мелкие обломки доньев, закраин, ручек и т.д., довольно значительно и составляет более трех с лишним сотен. Таким образом, ионийская керамика из Херсонеса может рассматриваться как массовый археологический материал и вместе с другими категориями находок архаического времени служит важнейшим источником для изучения раннего архаического поселения, предшествовавшего дорийскому Херсонесу.

Анализируя каталог ионийской керамики из Херсонеса, необходимо прежде всего отметить, что во всем массиве находок доминируют две группы сосудов. Это различные типы кувшинов и одноручные глубокие чаши-килики самых разнообразных размеров. К ним примыкает очень интересная группа ионийских лекан, точнее, в основном крышки от этих сосудов. В единичных экземплярах обнаружены другие типы сосудов.

Мы попытались в самом общем виде представить типологию ионийских кувшинов из Херсонеса. Основой для такой предварительной типологии послужили два главных элемента – характер керамического теста и форма горла сосуда. Ввиду малочисленности находок остальных профилированных частей использовать их в описании типов не представляется возможным, так как мы почти не знаем целых форм, а вольное описание влечет за собой вероятность ошибок.

Тип I. Достаточно крупные (предположительно до 20 см высотой) сосуды с округлым туловом и высоким почти прямым горлом. Цвет глины колеблется от бледно-крас-

---

[6] *Белов Г.Д.* Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. XIII. С. 17–26.

[7] *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. 33. С. 15–17.

[8] *Белов.* Ук. соч. С. 23.

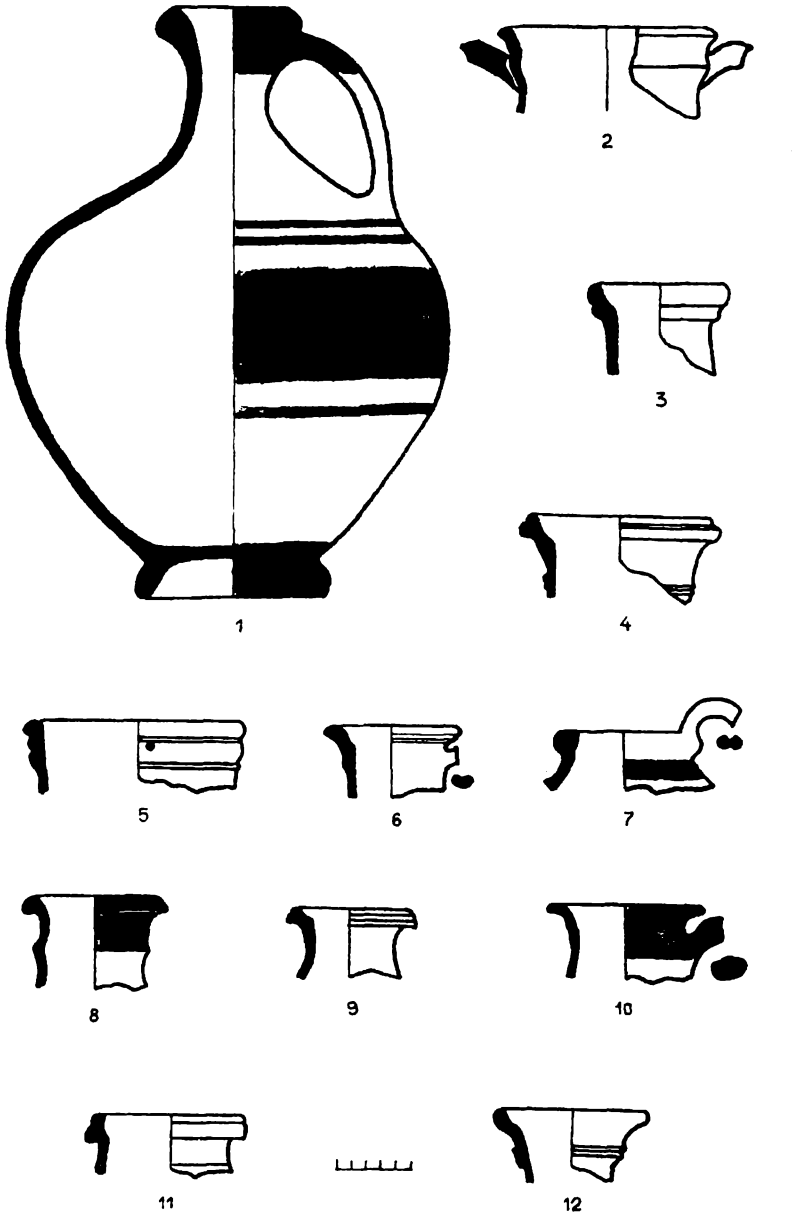

Рис. 1. Типы ионийских архаических кувшинов из Херсонеса

ного до светло-серого. Очень часто наружная поверхность покрыта светлым ангобом. На тулове располагается несколько кольцевых полос различной ширины, выполненных тусклым светло-коричневым лаком. В центре горловой части идет тонкое острое ребро, придающее горлу небольшую припухлость. Венчик обычно отогнут наружу, ручка уплощенная, прикреплена к горлу у ребра и маленькой петлей опускается на верхнюю часть тулова. Дно, вероятно, было на кольцевом поддоне (рис. 1, *2*).

Тип II. Сосуды с округлым туловом и невысоким прямым широким горлом; тулово массивное, стенки тонкие. Глина различных оттенков светло-серого цвета, очень хорошего качества, почти без примесей. Наружная поверхность черепка ангоба не имеет,

остается в цвете глины, но хорошо обработана и тщательно заглажена. На горле, в нижней его части – у тулова сосуда и в верхней – у венчика, два или три круговых тонких рельефных валикообразных ремешка, подчеркивающих и украшающих горло. Слегка раструбовидный валикообразный закругленный венчик отогнут наружу и иногда нависает над горлом, а иногда почти горизонтален. Тулово украшено разными по ширине кольцевыми полосами, выполненными густым темно-коричневым, иногда почти черным лаком. Кольцевые полосы орнамента прорисованы тщательно и аккуратно. Очень часто они подчеркнуты тонкими линиями из пурпура и белой краски. Иногда, но очень редко встречаются дополнительные орнаменты из побегов листьев и плодов плюща (рис. 1, *3*).

Тип III. Узкогорлые одноручные кувшины типа лагиноса. Тулово приземистое, широкое, дно на кольцевом поддоне большого диаметра. Горло узкое, прямое и высокое с валикообразным массивным венчиком. Ручка уплощенная профилированная в центре наружной стороны валиком. Ручка прикреплена под венчиком и в виде вытянутой петли опускается на тулово. Глина светло-палевая со слегка сероватым оттенком. Наружная поверхность сосудов покрыта густым светло-желтым ангобом. Ребро тулова украшено кольцевыми полосами разной ширины, выполненными жидким лаком различных оттенков – от красно-коричневого до почти черного цвета. Иногда на некоторых сосудах в верхней части тулова таким же лаком нанесены небольшие участки сетчатого орнамента (рис. 1, *10*).

Тип IV. Его удалось выделить только по характерным признакам горловых частей. У этих кувшинов очень низкое горло с массивным жгутообразным венчиком, фактически являющимся горлом. Двуствольная ручка прикреплена к внутренней стороне венчика, довольно высоко поднимается петлей над горлом сосуда и опускается на его плечи. Глина бледно-красная, иногда с очень бледным светлым ангобом (рис. 1, *7*).

Тип V. Массивные сосуды типа гидрии. Корпус слегка раздут и конусовидно сужается ко дну на кольцевом поддоне. У сосудов широкое прямое горло с отогнутым венчиком в виде валика. Две круглые в сечении боковые ручки расположены симметрично и прикреплены горизонтально одна против другой в центре тулова. От венчика на плечо сосуда плавно опускается уплощенная петлевидная ручка. Орнамент в виде зигзагообразных беспорядочных линий, выполненных лаком различных оттенков темно-красного цвета, украшает тулово сосуда. Глина бледно-красная, почти розовая; снаружи сосуд покрыт жидким светлым ангобом (рис. 2, *1*).

Тип VI. Крупные кувшины (свыше 30 см высотой) с широким шаровидным корпусом и дном на высоком кольцевом поддоне. У кувшинов узкое высокое прямое горло и массивный отогнутый венчик в виде валика. Ручка слегка уплощена и в виде петли опускается на тулово. Глина светло-оранжевая со светлым ангобом на наружной поверхности (рис. 1, *1*).

Нет сомнения, что типология ионийских кувшинов из Херсонеса не ограничивается лишь шестью приведенными выше типами сосудов. Она гораздо шире и разнообразнее, но имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют остановится пока на фиксации только шести типов кувшинов. Важно другое – все эти сосуды изготавливались из почти идентичных по своему составу глин и, самое важное, были украшены орнаментальными круговыми полосами различной ширины, выполненными тусклым лаком различных оттенков – от бледно-красного до густого, насыщенного черного цвета.

Следующая и, пожалуй, наиболее многочисленная по количеству находок в Херсонесе группа ионийской керамики – одноручные или двуручные чаши-килики. Характер керамического теста, из которого изготовлены эти сосуды, совершенно не отличается от керамического теста кувшинов. Орнаментальные полосы выполнены таким же, как и на кувшинах, лаком того же качества и цветовых оттенков. Из множества находок ионийских киликов хорошо различаются три типа сосудов. Наиболее характерым отличительным признаком для каждого типа служит форма венчика сосуда.

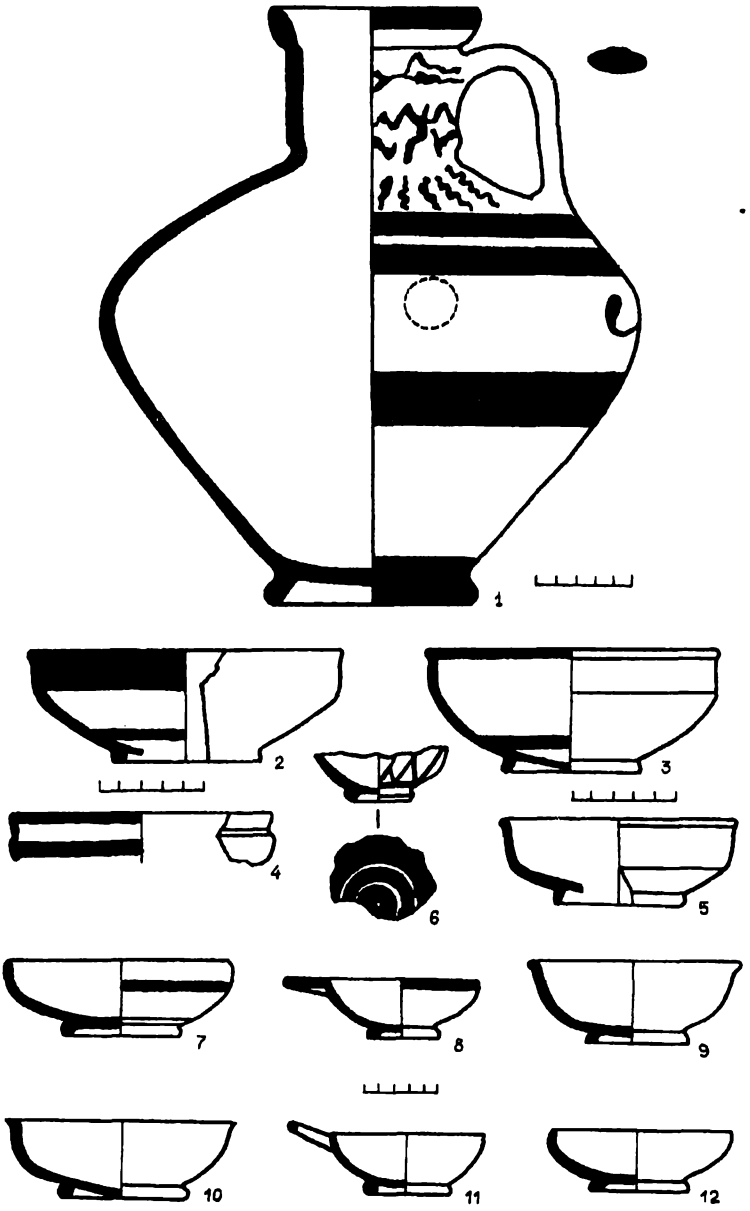

Рис. 2. Типы ионийских чаш-киликов

Тип I. Достаточно крупные чаши-килики с относительно толстыми стенками и дном на массивном кольцевом основании. Стенки сосуда от дна плавно поднимаются, закругляясь к венчику. Скругленный венчик ничем, кроме орнаментальной полосы, не подчеркнут и загнут вовнутрь. Глина киликов от бледно-розовой до оранжево-красной. Кольцевые полосы орнамента выполнены красным или бледно-коричневым лаком различных оттенков и располагаются на внутренней части сосудов. Небольшая петлевидная ручка прикреплена горизонтально у самого венчика сосуда (рис. 2, *2–3*).

Тип II. Небольшие изящные килики с тонкими скругленными стенками и низкой кольцевой подставкой дна. Верхняя часть стенок почти вертикальна относительно дна и венчика сосуда. Закраины подчеркнуты тонкой врезной линией и отогнуты наружу.

Прикрепленные горизонтально круглые в сечении ручки чуть приподняты над венчиком. Глина различных оттенков серых тонов, почти без примесей. Концентрические круговые полосы орнамента выполнены тусклым темно-коричневым, почти черным лаком. Иногда кольцевые полосы подчеркиваются тонкими линиями пурпура. Орнамент располагается в основном на внутренней поверхности сосудов, но иногда наносится и на внешней поверхности (рис. 2, *7–12*).

Тип III. Тонкостенные килики со слегка раздутым туловом и высоким прямым венчиком. Кольцевая подставка дна имеет, как правило, сложную профилировку. Очень тонкие петлевидные горизонтально расположенные ручки прикреплены в нижней части венчика и приподняты над краем сосудов. Глина сосудов бледно-розовая очень хорошего качества. Тусклый черный лак полностью покрывает внутреннюю поверхность сосудов, а на внешней поверхности тем же лаком нанесены очень широкие кольцевые полосы. На внешней стороне тонкой линией белой краски и пурпура исполнены кольца орнамента. Иногда на внешней стороне киликов орнамент исполнен в виде правильных треугольников из тонких линий черного лака (рис. 2, *4, 6*).

Говоря о датировке ионийской керамики из Херсонеса, необходимо прежде всего рассмотреть орнаменты на ней. Украшение сосудов орнаментальными полосами, выполненными различными по цветовой гамме оттенками лака, было характерно для продукции ионийских мастерских VI в. до н.э. Популярность орнаментов из концентрических полос была, видимо, настолько широка во всем античном мире, что этот декоративный прием украшения керамики был заимствован даже аттическими мастерами. Одна из групп аттических расписных амфор была так похожа по своему декору на ионийскую керамику, что долгое время вообще считалась восточногреческой керамикой VI в. до н.э. и потребовалось специальное исследование для доказательства ее аттического происхождения[9].

В декоре ионийской столовой посуды второй половины VI в. до н.э. – начала V в. до н.э., несомненно, доминировали орнаменты из кольцевых полос, однако довольно часто встречаются и зигзагообразные и сетчатые орнаменты, кольцевые волнистые линии, причем они, как и на находках из Милета, украшают наиболее ранние сосуды еще второй половины – конца VI в. до н.э., встречающиеся в слоях Милета до разрушения его персами в 494 г. до н.э.[10] Для хиосской керамики конца VI в. до н.э. было характерно украшение ручек сосудов (очень часто двухствольных) параллельными горизонтальными мазками лака[11]. Этот же прием мы встречаем и на херсонесских находках. Но все же основным элементом являются чередующиеся концентрические круговые полосы различной ширины, украшающие как внешнюю поверхность, так и внутреннюю (для открытых сосудов) сторону изделий. В целом орнаменты на херсонесских находках ионийской керамики совершенно идентичны орнаментам на восточногреческой керамике, найденной в других регионах античного мира, как по технике нанесения рисунка, так и по качеству лака, что характерно для конца VI – начала V в. до н.э. Формы ионийских сосудов из Херсонеса также весьма типичны для восточногреческой керамики. Ранние образцы кувшинов находят аналогии среди материалов Милета еще VI в. до н.э.[12], хотя бытуют, несомненно, и в несколько более позднее время.

Наиболее ранние образцы среди многочисленных херсонесских находок чашек-киликов восточногреческого производства принадлежат тонкостенным сосудам с высоким тонким венчиком и припухлым туловом. Они широко известны среди находок из раскопок на о-вах Хиос и Самос, в Милете, на североионийском малоазийском

---

[9] *Connor P.J.* Attic Neck Amphorae Decorated with Black Bands // AA. 1978. № 2. P. 273–281.

[10] *Kleine J.* Milet, Südschnitt. 1968–1973 // IstMit. 1979. V. 29. S. 135, 149. Abb. 50. Taf. 21, 2.

[11] *Williams D.* Aegina, Aphaia-Tempel. V. The Pottery from Chios // AA. 1983. № 2. P. 170–172. Fig. 12, *65–72*. Fig. 13, *83, 84*.

[12] *Schiering W.* Milet: Eine Erweiterung der Grabung östlich des Athenatempels // IstMit. 1979. 29. S. 106 f. Taf. 25.

побережье, на Родосе и даже на Кипре[13]. Обычно подобные восточногреческие находки датируются третьей – серединой последней четверти VI в. до н.э.[14] К этому же времени относятся и единичные образцы наиболее ранних одноручных чаш, причем как первого, так и второго типа по нашей классификации. Опираясь на датировки многочисленных находок этого типа чаш из раскопок в Милете и Дидимах, где эта керамика не только является массовой, но и прекрасно фиксируется по стратиграфическим горизонтам и слоям, удается достаточно точно установить дату бытования наиболее ранних сосудов, которая приходится на последнюю четверть VI в. до н.э., но не позднее, вероятно, времени персидского разрушения Милета[15]. Во всяком случае, в более поздних слоях, перекрывающих слой разгрома Милета персами, этот тип сосудов отсутствует – ему на смену приходят новые варианты чаш, которые обнаружены в Херсонесе в единичных экземплярах и по милетским находкам датируются в пределах второй четверти V в. до н.э.[16]

Есть основания полагать, что одно время восточногреческие одноручные чаши с полосами были весьма популярны в античном мире. Среди материалов раскопок афинской агоры известна обширная группа одноручных чаш, украшенных полосами[17]. Морфология форм и орнаментальный декор эти чаш настолько точно копируют восточногреческую керамику, что позволяют высказать предположение о заимствовании аттическими мастерами этой формы и манеры украшения сосудов круговыми полосами лака из восточноэллинских полисов. Мода на восточногреческие керамические традиции продержалась, вероятно, в античном обществе не очень долго. Судя по датировкам одноручных чаш с полосами из Афин, они составляли достаточно компактную группу, бытовавшую в хронологическом отрезке около 70 лет – с 520 по 450 г. до н.э.[18]

В херсонесской восточногреческой керамике присутствует группа хиосских кубков с белой обмазкой и лаковидными полосами поверх нее. Ранние формы этих кубков датируются второй половиной VI в. до н.э., но херсонесские экземпляры, судя по пропорциям сосудов, датируются не ранее конца VI в., а может быть, и первыми годами V в. до н.э.[19] Хиосские кубки из двух других крупнейших северопричерноморских центров – Ольвии и Пантикапея – датируются тем же временем, что и херсонесские находки[20].

Прочие формы ионийской керамики, например светильники открытого типа или экзотичные для Херсонеса, но традиционные для других центров, в частности Ольвии, самосские кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой[21], датируются последней четвертью VI – началом V в. до н.э.[22]

Завершая характеристику восточногреческой керамики из Херсонеса, отметим, что многочисленные находки ее в древнейших слоях позволяют считать ионийскую керамику массовым археологическим источником для Херсонеса. Надежные датировки этой категории находок последней четвертью VI – второй четвертью V в. до н.э.

---

[13] *Walter-Karydi E.* Ostgriechische Keramik. Alt-Ägina. V. II–I. Mainz am Rhein, 1982. S.9.

[14] *Graeve von V.* Milet-1963 // IstMit. 1974. 23–24. S. 86 f. Taf. 25. № 66–73; *Walter-Karydi.* Op. cit. S. 13. № 55–57.

[15] *Kleiner G., Müller-Wiener W.* Die Grabung in Milet im Herbst 1959 // IstMit. 1979. 29. S. 50, 75, 76. Taf. 21, *4*. Abb. 7; *Tuchelt K.* Didyma 1972–73 // IstMit. 1973–1974. S. 150. Taf. 49, *15–18*.

[16] *Müller-Wiener W., Graeve von V., Günter W., Pfrommer M., Weber B.* Milet 1983–1984 // IstMit. 1985. 35. S. 52. Taf. 14, *1, 2*. Abb. 3.

[17] *Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery of 6-th, 5-th, and 4-th Centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. V. XII. Pt. 2. P. 30. *724–743*.

[18] Ibid. Pt. 1. P. 125 f.

[19] *Boardman J.* Excavations in Chios, 1952–1955 // Greek Emporio. Oxf., 1967. P. 157–161.

[20] *Сидорова Н.А.* Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1963. 103. С. 121. Рис. 7, *7*; *Зайцева К.И.* Кубки V–IV вв. до н.э. из Ольвии // ТГЭ. XIII. 1972. С. 90 с. Рис. 1, 2.

[21] *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 55 сл.

[22] *Она же.* Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // ТОАМ. I. 1945. С. 137 сл.

делают ее важнейшим аргументом для установления хронологических реперов при изучении древнейшего поселения на месте будущего дорийского Херсонеса.

Архаические амфоры. В археологических комплексах античных поселений архаического времени находки керамической тары составляют едва ли не самую многочисленную группу. Как показывает изучение архаических поселений Северо-Западного Причерноморья, именно амфоры превалируют в комплексах находок этих памятников. Так, в Нижнем Побужье они составляют до 80% всех керамических находок[23], а в Нижнем Поднестровье на их долю приходится около 70% всего керамического комплекса[24].

До недавнего времени в Херсонесе находки архаических амфор известны не были, однако раскопки в северо-восточном районе города эту ситуацию изменили. В настоящий момент мы имеем многие десятки хорошо документированных фрагментов лесбосских и протофасосских, самосских и хиосских амфор, архаических амфор с так называемыми "стаканообразными" донъями и др. (рис. 3). Среди всего этого многообразия амфорных находок доминируют фрагменты хиосской тары.

Исследование хиосских амфор с момента несомненной локализации места их производства в 30-е годы[25] и до настоящего времени достигло значительных успехов, что связано с разработкой типологии хиосской тары и определением хронологии различных типов сосудов. Если первоначально типология и хронология амфор Хиоса были весьма общи и охватывали широкие временны́е рамки[26], то одна из последних классификаций грешит излишней, мало обоснованной дробностью типов и вследствие этого неизбежными ошибками в их датировках[27]. На наш взгляд, наиболее правомерна точка зрения В. Грейс и И.Б. Брашинского, согласно которой сосуды с воронкообразным горлом датируются второй половиной VI в. до н.э., пухлогорлые амфоры – началом V в. до н.э. (до 480 г.), амфоры с перехватом горловой части – не позднее середины V в. до н.э. и, наконец, пухлогорлые амфоры с прямыми стенками нижней части горла – третьей четвертью V в. до н.э.[28] Найденные в Херсонесе фрагменты хиосских амфор, судя по профилированным частям, относятся ко второму и третьему типам, датировки которых не выходят за рамки середины V в. до н.э. Многочисленные находки хиосской керамической тары, синхронные образцам из Херсонеса, характерны для большинства античных памятников обширных областей Причерноморья, как северной[29], так и западной[30] и восточной[31] его частей. За пределами Понтийского региона аналогичные хиосские пухлогорлые амфоры найдены при раскопках афинского некрополя[32], закрытых комплексах позднеархаического времени афинской агоры[33] и в архаических слоях Милета[34]. Подчеркнем еще раз, что

---

[23] *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б. и др.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 58.

[24] *Охотников С.Б.* Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев, 1990. С. 19.

[25] *Граков Б.Н.* Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI–IV вв. до н.э. // ИГАИМК. 1935. 108. С. 178.

[26] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. 83. С. 74–77.

[27] *Рубан В.В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 99–110.

[28] *Grace V.* Amphoras and Ancient Wine Trade // Excavations of the Athenian Agora (Picture Book, № 6). Princeton – New Jersey, 1961. Fig. 48; *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V – III вв. до н.э. Л., 1980. С. 15–17; *Mattingly G.* The Chian Coinage and Chian Standards // JHS. 1981. 101. P. 78.

[29] Например, для Ольвии: *Лейпунская Н.А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. С. 56.

[30] *Лазаров М.* Търговията на Хиос със западнопонтийските градове // Известия на народния музей Варна. 1982. 18/33. С. 5–14.

[31] *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 38 сл. Табл. 58.

[32] Например, детское погребение № 144 совершено в хиосской пухлогорлой амфоре, датирующейся 490–480 гг. до н.э. См. *Schlörb-Vierneisel B.* Eridanos-Nekropole // AM. 1966. 81. S. 27. Taf. 23, *3*.

[33] *Roberts S.R.* The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // Hesperia. 1986. 55. № 1.

[34] *Kleiner, Müller-Wiener.* Die Grabung in Milet im Herbst 1959. S. 72–74. Taf. 15, 2.

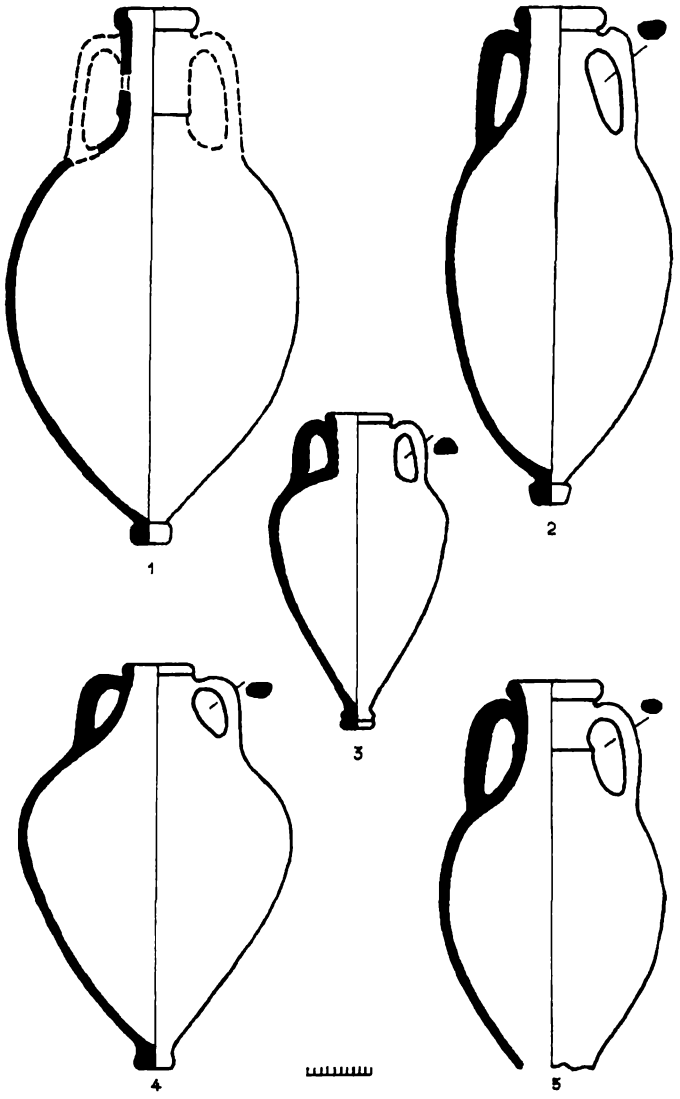

Рис. 3. Архаические амфоры из Херсонеса

во всех известных нам случаях находок хиосских пухлогорлых амфор время бытования второго и третьего типа сосудов, как и в архаическом Херсонесе, ограничивается первой половиной V в. до н.э.

Вслед за хиосскими по количеству находок в Херсонесе идут амфоры, изготовленные на о-ве Самос, которые представлены не только фрагментами, но и целыми экземплярами, найденными в древнейшем некрополе, о котором речь пойдет ниже. Сопоставление изображений амфор на серебряных самосских монетах с формой целых сосудов позволили И.Б. Брашинскому[35], а чуть позднее В. Грейс[36] выделить определенный тип самосских амфор второй четверти V в. до н.э.[37] Специальное исследование профилированных частей самосских амфор, найденных при раскопках Фанагории, дало

[35] *Брашинский И.Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА. 1967. 109. С. 23. Рис. 2.
[36] *Grave V.* Samian Amphoras // Hesperia. 1971. XL. № 1. P. 75–77.
[37] *Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 30. Табл. II, *1*.

возможность для разработки предварительной классификации сосудов[38]. Пропорции херсонесских находок самосской тары и сопоставление с фанагорийскими экземплярами позволяют относить их к сосудам первой половины V в. до н.э. Кроме Северного Причерноморья самосские амфоры аналогичной формы найдены на южном карийско-ионийском побережье[39], в Северной Ионии[40] и слое пожара начала V в. до н.э. в Дидимах[41]. Не исключено, что некоторые типы амфор Самоса в действительности были продукцией архаического Милета[42]. Для нас, однако, важно то, что датировки самосской керамической тары из Херсонеса не выходят за пределы первой половины V в. до н.э.

Весьма распространенной формой архаической керамической тары были красноглиняные сосуды, названные И.Б. Зеест амфорами со "стаканообразными" донъями[43]. Попытка В.В. Рубана идентифицировать амфоры этого типа с продукцией аттических керамических мастерских[44] была подвергнута резкой критике[45], как будто правильно воспринятой автором такой локализации[46]. Многочисленные находки подобной керамики в Ольвии терминологически определяются их исследователем как амфоры с усеченно-конусовидными ножками неизвестных центров и считаются подражанием лесбосским амфорам[47]. Иногда эти амфоры исследователи прямо называют лесбосскими[48].

В Херсонесе найдены фрагменты венчиков и донья этих сосудов, но особый интерес представляет целая амфора из светло-оранжевой глины с утраченным дном, найденная в архаической яме, заполненной материалами конца VI – первой четверти V в. до н.э.[49] На горле амфоры под венчиком оттиснуты маленькое энглифическое колечко и вертикальная черточка, повторенные рядом зеркально. Сопоставление профилированных частей амфор со "стаканообразными" донъями из Херсонеса со сходными элементами аналогичных сосудов из находок на памятниках Нижнего Побужья показало, что они находят самые близкие параллели в типе 2 этих амфор второй половины VI – первой половины V в. до н.э.[50] Вероятно, именно первой половиной V в. до н.э. должны датироваться находки этого типа архаических амфор из Херсонеса.

В фондах Херсонесского заповедника наше внимание привлекла целая амфора с невысоким горлом, округлыми широкими плечами, уплощенными короткими ручками и низкой ножкой с широким поддоном (инв. № 519 ВФ). Амфора изготовлена из красновато-коричневой глины с частицами извести и множества блесток слюды. Сопоставление состава керамического теста, форма сосуда и параметры позволяют считать, что перед нами амфора Эгины, полностью соответствующая сосуду из

---

[38] *Завойкин А.А.* Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. 1992. № 3. С. 40–56.

[39] *Voigtländer W.* Umrisse eines vor- and frühgeschichtlichen Zentrums an der karisch-ionischen Küste // AA. 1986. S. 659. № 99–100; *idem.* Akbük-Teichiussa // AA. 1988. S. 610–619. № 35–39.

[40] *Doger E.* Premieres remarques sur les amphores de Clazomènes // BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 468 suiv. Fig. 14.

[41] *Naumann R., Tuchelt K.* Die Ausgrabung im Südwesten des Tempels von Didyma 1962 // IstMit. 1963–1964. 13–14. S. 53. № 50–51; *Schattner T.* Die Fundkeramik Didyma 1985–1986 // AA. 1989. № 2. S. 202–204.

[42] *Dupon P.* Classification et détermination de provenance des céramiques greques orientales archaïques d'Istros. Raport préliminaire // Dacia. 1983. XXVII. № 1–2. P. 34.

[43] *Зеест.* Ук. соч. С. 74. Табл. III, 9.

[44] *Рубан В.В.* О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 106–108.

[45] *Брашинский И.Б.* К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными донъями // КСИА. 1993. 174. С. 8–10.

[46] *Рубан В.В.* О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII–V вв. до н.э. // КСИА. 1990. 197. С. 13.

[47] *Лейпунская.* Ук. соч. С. 53 сл.

[48] *Clinkenbeard B.G.* Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions Concerning Collaboration // BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 353–355. Fig. 3, *2*; 4, *3*.

[49] Инв. № 8/37174. Найдена в 1989 г. в северо-восточном районе Херсонеса.

[50] *Рубан.* О хронологии красноглиняных амфор... С. 17 сл. Тип 2.

комплекса, датируемого до 490 г. до н.э., опубликованному И.Б. Брашинским вслед за В. Грейс[51]. Кроме целой амфоры в Херсонесе найдено еще несколько профилированных частей сосудов этого типа, и прежде всего почти целое амфорное горло.

Локализация места изготовления находок этого типа керамической тары из Северного Причерноморья как продукции Эгины принадлежит И.Б. Брашинскому[52]. Находки эгинских амфор пока крайне редки. Кроме опубликованных ранее нескольких фрагментов из Ольвии нам известна целая амфора из Милета, которая аналогична херсонесскому экземпляру и датируется временем персидского разгрома города[53].

Еще одна небольшая целая архаическая амфора конической формы, с припухлыми плечами, высоким горлом и уплощенными ручками хранится в фондах Херсонесского заповедника. Ножка опоясана вогнутым пояском и срезана снизу. Слюдянистая кирпично-красная глина сосуда содержит небольшие примеси белых частиц и снаружи покрыта светлым заглаженным ангобом. Местом изготовления амфоры был один из ионийских центров, производивших керамическую тару в конце VI – начале V в. до н.э.[54]

Завершая описание амфор архаического времени из Херсонеса, специально подчеркнем, что все найденные здесь типы часто встречаются вместе с характерным архаическим материалом на большинстве северопричерноморских памятников в городских слоях, земляночных жилищах, хозяйственных ямах и некрополях.

Упомянув погребения, обратимся к материалам херсонесского некрополя. Древнейший его участок впервые был открыт в северном районе города[55]. Картографирование погребений конца V–IV в. до н.э. в остальных частях некрополя позволило определить его топографию для классического времени – он простирался с северо-запада на юго-восток за пределами древней городской оборонительной стены. При этом как будто не было выявлено ни одного погребения, принадлежащего поселению предшествовавшему дорийскому Херсонесу[56]. Однако при детальном анализе инвентаря погребений удалось обнаружить три целых архаических амфоры, использованных как урны для детских захоронений[57]. Сосуды, незначительно отличающиеся один от другого параметрами, принадлежат к одному типу самосских амфор, датирующихся в пределах первой – второй четверти V в. до н.э.[58]

Трудно предположить, что более полустолетия самосские амфоры "дожидались" своей участи быть использованными в качестве урн для погребения херсонесских младенцев в конце V в. до н.э. на некрополе новой гераклейской колонии. Скорее всего, эти погребения были совершены еще в начале столетия, когда амфоры были в обиходе, и они связаны с позднеархаическим и раннеклассическим поселением на берегу Карантинной бухты. Топографически все три погребения в амфорах располагались компактно на морском берегу чуть севернее бывшей монастырской купальни, близко примыкали к северо-восточному району города – месту массовых находок архаического материала в Херсонесе – и вполне могли быть принадлежностью позднеархаического некрополя.

Эти первые погребения некрополя хронологически совпадают с началом образования археологического слоя на поселении, когда после основания поселения проходит

---

[51] *Брашинский*. Методы исследования античной торговли. С. 42.

[52] *Брашинский И.Б.* К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. 1963. 95. С. 20–24.

[53] *Voigtländer W.* Grabung westlich des Buleuterion. Milet 1980 // IstMit. 1981. 31. S. 123–126. Abb. 14, *3*.

[54] *Лейпунская Н.А.* Керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 95 сл. Табл. 34, *2*.

[55] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938. С. 163–195; *Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф.* Кварталы XV и XVI // МИА. 1953. 34. С. 33–39; *Белов Г.Д., Якобсон А.Л.* Квартал XII // Там же. С. 109 сл.

[56] *Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я.* Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. 168. С. 5.

[57] Приношу свою искреннюю благодарность Г.И. Жестковой, предоставившей информацию об этих сосудах.

[58] См., например, *Брашинский*. Греческий керамический импорт... С. 15. Табл. I. *1*; VII, *1*.

25–30 лет – время жизни примерно одного поколения колонистов[59]. Приведенный выше анализ находок массового археологического материала – архаических амфор и ионийской столовой посуды – вместе с опубликованными ранее экземплярами аттического чернофигурного импорта[60], представленного в основном фрагментами киликов круга мастера Хаймон и лекифами мастерской Бельдам, датирующихся концом VI – первой четвертью V в. до н.э.[61], показывает, что именно к этому времени относится образование археологического слоя на поселении, как и появление первых погребений его некрополя.

Основание поселения, судя по специальному исследованию древнейшей находки здесь – крышки чернофигурной беотийской леканы, произошло в последней четверти VI в. до н.э. и на 25–30 лет предшествовало образованию слоя на поселении и появлению первых погребений на некрополе[62].

Ранее уже была высказана гипотеза о том, что выведение новой апойкии в Юго-Западной Таврике являлось совместной акцией дорийцев-гераклеотов и ионийцев из Синопы. Специальный анализ имен, прочерченных на позднеархаических херсонесских остраконах, проведенный Ю.Г. Виноградовым, показал, что имена разделяются на три неравнозначные по количеству группы: 1) имена дорийского происхождения, составляющие основную массу, 2) имена, уходящие своими корнями в Ионию 3) амбивалентные имена[63]. Среди большинства дорийских имен граждан молодого северопричерноморского полиса превалируют имена с фессалийско-беотийскими истоками[64]. Говоря о беотийских корнях многих имен на херсонесских черепках, необходимо обратиться к начальным этапам жизни Гераклеи Понтийской – метрополии Херсонеса. В настоящий момент все без исключения исследователи единодушно сходятся в том, что Гераклея Понтийская была основана в 554 г. до н.э. Проанализировав письменные источники и эпиграфические свидетельства, Д. Ашери пришел к выводу о том, что выведение новой колонии на южный берег Понта было совместной акцией Беотийского союза и Мегар[65]. Особая роль, по всей видимости, отводилась при основании новой колонии беотийцами[66], которым, вероятно, принадлежала инициатива в основании города[67], в то время как основную массу переселенцев составляли мегарцы[68]. Беотийцы, принадлежащие в метрополии к богатой родовой знати и составившие незначительную часть колонистов, явились родоначальниками аристократических семей Гераклеи, ведущих свое начало еще от момента основания города[69]. Видимо, не случайно божественным покровителем нового полиса был выбран Геракл,

---

[59] *Vinogradov Ju., Domanskij Ja., Marčenko K.* Sources ecrites et archéologiques du Pont Nord-Ouest. Analyse comparative // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. P. 128–130.

[60] *Vinogradov, Zolotarev.* Op. cit. Pl. 7.

[61] *Boardman J.* Schwarzfigurige Vasen aus Athen. Mainz, 1977. S. 257.

[62] *Zolotarev M.* Sur la chronologie de la Chersonèse antique. Simposium de Vani. Septembre 1990 (в печати). Недавно С.Ю. Сапрыкин высказал сомнение относительно существования ранней апойкии на месте дорийского Херсонеса: *Saprykin S.J.* Khersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // The Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. V. I. Amsterdam, 1991. P. 229–244. Однако сколько-нибудь убедительных доказательств приведено не было. Более того, складывается впечатление, что сам С.Ю. Сапрыкин не вполне уверен в своих сомнениях и колеблется, заявляя в одном случае, что ранний Херсонес был основан в VI в. только гераклеотами (с. 231), в другом – утверждает, что эта акция ионийцев-ольвиополитов (с. 233), а чуть ниже вообще отрицает существование ранней апойкии (с. 234). Надеюсь, что публикуемые материалы помогут сформировать бесспорно однозначное мнение.

[63] *Vinogradov, Zolotarev.* Op. cit. P. 94–101.

[64] Ibid. Supplement. № 4, 5, 7, 10, 14.

[65] *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Heraklea Pontike // Ergänzungsbände zu den Tituli Asiae Minoris. № 5. Wien, 1972. S. 12.

[66] *Burstein S.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraklea on the Black Sea. Berkeley – Los Angeles – London, 1976. P. 12.

[67] Ibid. P. 15.

[68] *Asheri.* Op. cit. S. 27.

[69] Ibid.

культ которого в Мегаре не засвидетельствован, но которой особо почитался в Беотии[70]. Таким образом, можно утверждать, что гераклейская знать, занимавшая весьма прочные позиции в полисе со времени его основания в середине VI в. до н.э., вела свое происхождение из Беотии.

Наши источники по Херсонесу весьма немногочисленны, чтобы говорить о социальном составе первых колонистов, отправившихся в последней четверти VI в. из Южного Понта к северным его берегам в Таврику. И все же довольно значительный по количеству состав дорийских имен на херсонесских остраконах позволяет предположить, что гераклеоты составляли, по всей вероятности, основной по сравнению с синопейцами контингент первопоселенцев молодого таврического полиса. В свою очередь, те гераклеоты-колонисты, которые являлись носителями имен с фессалийско-беотийскими корнями, могли быть представителями гераклейской родовой аристократии, предпринявшими наряду с остальными рядовыми гражданами опасное предприятие по основанию на противоположном берегу Понта новой апойкии. Не исключено, что они же были родоначальниками херсонесских аристократических семей.

Основание новой колонии в Таврике происходит практически в одно и то же время с созданием Каллатиса – еще одной апойкии гераклеотов, но уже на западном берегу Понта[71]. Выведение новых колоний на Понте для самой Гераклеи Понтийской снимало социальную напряженность, вызванную поражением демократии в полисе, и решало, пусть и не полностью, земельную проблему[72]. Кроме того, равноудаленные от метрополии Каллатис на северо-западе и древнейший Херсонес в Таврике обладали прекрасными портами, что создавало предпосылки для успешной организации торговли и контроля Гераклеей Понтийской морских коммуникаций всей западной половины Понта. Торговая активность гераклеотов несколько позднее, в IV–III вв. до н.э., – факт, известный достаточно хорошо.

М.И. Золотарев

ARCHAIC FINDS FROM CHERSONESUS

M.I. Zolotarev

The article is devoted to the analysis of the archaeological material from the excavations of the ancient layers of Tauric Chersonesus. The author analyzes the Ionian pottery classifying it according to the types of vessels. It is stressed that shapes of Ionian vessels from Chersonesus are typical of the eastern Greek ceramics of the 6th-4th c. B.C. Chian amphorae from the Chersonesian finds are dated to the first half of the 5th c. B.C. The first burials of the Chersonesian necropolis coincide with the formation of the archaeological layer. The new materials enable the author to assert that an earlier settlement which came into being in the late 6th c. B.C. existed on the site of Chersonesus founded in the last quarter of the 5th c. B.C. according to the traditional point of view.

---

[70] *Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 39.

[71] *Preda C.* Callatis. Bucureşti, 1968 P. 3–4.

[72] *Фролов Э.Д.* Тирания в Гераклее Понтийской // АМА. 1974. 2. С. 125 сл.

© 1995 г.

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Великая греческая колонизация, одна из фундаментальных проблем антиковедения, постоянно привлекает внимание ученых. Однако на определенных этапах развития науки интерес к этой проблематике заметно усиливается. Процесс углубления и расширения научного знания о ходе колонизации, увеличение конкретных данных, прежде всего археологических, о выведении апойкий и ранних этапах их развития закономерно требует коллективного обсуждения возникающих вопросов. Подобные обсуждения не могут не стимулировать дальнейший научный поиск. В плане изучения греческой колонизации Причерноморья лучший пример тому – Цхалтубские конференции[1], влияние которых на дальнейшее развитие исследований вполне очевидно. Можно надеяться, что таким же важным этапом в изучении греческой колонизации бассейна Черного моря станет обсуждение ее основных проблем на страницах "Вестника древней истории".

Освоение греками берегов Боспора Киммерийского – одна из главных составляющих колонизации понтийского региона. Несмотря на заметный рост археологической информации по этому вопросу очень многие важнейшие аспекты остаются в высшей степени спорными. Среди них время выведения апойкий на Боспор, их общий облик, характер взаимоотношений с местными племенами и т.п. Рассмотрению этих вопросов, а точнее некоторых их аспектов, и посвящена данная работа.

Одна из особенностей греческой колонизации берегов Керченского пролива, отличающая ее от других районов Северного Причерноморья, это большое количество здесь крупных поселений, многие из которых в научной литературе обычно именуются городами. Античная традиция сохранила названия приблизительно 30 боспорских населенных пунктов[2]. Значительная их часть, особенно если имеются археологические материалы о ранней дате их основания, сейчас нередко считается апойкиями[3]. Господство этого усредняющего подхода, отсутствие четких установок в определении статуса того или иного поселения, на наш взгляд, являются серьезным недостатком в изучении греческой колонизации Боспора Киммерийского. В равной степени, хотя и не столь ощутимо, этот подход проявляется при изучении других районов колонизации. Выработалось даже его теоретическое обоснование: И.Б. Брашинский и А.Н. Щеглов считали термин "колония" условным, "объединяющим все виды и типы поселений, основанных греками на новых землях"[4]. Объединяя одним понятием города, деревни, хутора и пр. они явно допустили методическую ошибку[5], поскольку колонии в основном коституировались как полисы[6]. Принятие этого почти самоочевидного положения должно вести не к усреднению всех типов греческих поселений одним понятием, а напротив, к их дифференциации, вычленению полисов, не только традиционно понимаемых как города-государства, но и тер-

---

[1] См.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979; Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой колонизации. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981; Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Цхалтубо, 1985. Тбилиси, 1988; Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Вани, 1987. Тбилиси, 1990.

[2] См.: *Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // *Латышев В.В.* ПОНТІКА. СПб., 1909. С. 61 сл.; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 27 сл.; *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. S. 32 ff.

[3] См.: *Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С. 11; *Шургая И.Г.* Динамика исторического развития боспорских городов // Древние города. Материалы к Всесоюз. конф. "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л., 1977. С. 38; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., С. 51, 55.

[4] *Брашинский И.Б., Щеглов А.Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 32.

[5] Ср.: *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 36.

[6] *Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т.* Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. С. 13.

риториальных полисов вообще, включающих несколько крупных поселений, возможно, даже городского облика.

Надо сказать, что ряд исследователей все же сомневаются, были ли все боспорские города, сведения о которых сохранила античная письменная традиция, полисами[7]. Ю.Г. Виноградов, поддерживая идею, высказанную в свое время С.А. Жебелевым, предполагает возникновение ряда так называемых малых городов европейского и азиатского Боспора в результате вторичной, внутренней колонизации[8]. Напомню, что Жебелев считал полисами лишь те центры, сведения об основании которых сохранились у античных авторов, а именно – Пантикапей, Феодосию, Фанагорию, Гермонассу, Кепы[9]. Остальные населенные пункты, по его мнению, возникли в результате внутренней колонизации после образования Боспорского царства по инициативе и под руководством центральной власти в Пантикапее[10].

Некоторые из приведенных суждений не выдержали проверку временем. После того как на Боспоре развернулись широкие археологические работы, стало очевидно, что почти все населенные, пункты, которые упоминает С.А. Жебелев, возникли значительно раньше обозначенного им срока. Определенные сомнения вызывает излишне строгое следование письменным источникам; поскольку уверенность в полноте дошедшей письменной традиции более чем спорна, можно предположить, что информация об основании какой-то апойкии или даже нескольких апойкий была просто утеряна. Эти сомнения высказывал и сам С.А. Жебелев, писавший, что некоторые боспорские города теряли полисный статус, приводя в качестве примера Мирмекий, об основании которого ничего не известно. Другие же, по его мнению, наоборот, этот статус приобретали, в частности, Нимфей[11]. Недочеты в концепции С.А. Жебелева, как видим, существуют, однако, до настоящего времени она привлекает своей логичностью, стройностью, стремлением строго придерживаться источников. Поэтому не случайно некоторые ее элементы, как уже говорилось, используют современные исследователи. Думается, что теперь можно пойти и дальше, взглянуть на картину колонизации Боспора с позиции сегодняшнего дня, привлекая всю совокупность источников.

Письменная традиция сообщает об основании пяти греческих колоний в Восточном Крыму и на Таманском полуострове. Это милетские колонии Пантикапей (Strabo. VII. 4.4; Plin. NH. IV. 26), Феодосия (Arr. P. Pont. 30; Anonym. P. Pont. 77) и Кепы (Ps.-Scymn. 896; Plin. NH. VI. 18), колония ионийского Теоса Фанагория (Arr. Byth. Fr. 55; Ps.-Scymn. 886 sq.) и Гермонасса, основанная либо ионийцами (Dionys. Per. 52), либо эолянами из Митилены на Лесбосе (Arr. Byth. Fr. 55). В принципе можно предположить, что число выведенных на Боспор апойкий было большим, и среди городов, названия которых известны по свидетельствам древних авторов, имеются колонии, информация об основании которых утеряна. Однако приведенный реестр вряд ли можно значительно расширить. Совокупность археологических материалов (прежде всего данные о развитии ремесла, культовых комплексах и пр.), нумизматики и эпиграфики (документы с упоминанием демотикона) позволяют дополнить его всего одним центром – Нимфеем[12]. Только он наряду с Пантикапеем, Фанагорией и Феодосией чеканил монету[13], а в надписях наряду с демотиконами "пантикапеец" (КБН. 37, 1048; МИС. 14, 21), "феодосиец" (КБН. 231), "гермонасит" (КБН. 495) и "кепит" (КБН. 188), засвидетельствован демотикон "нимфеец" (IOSPE. II. 201; МИС. 58). Кастор Фанагориец, один из вождей восстания против Митридата, известен по сообщению Аппиана (Mithr. 7. 108). Предположения о монетной чеканке других боспорских городов (Аполлонии, Мирмекия, Синдской Гавани) в высшей степени сомнительны, а демотиконы "мирмекиец", "порфмиец" и пр. вообще отсутствуют, что очень показательно.

---

[7] *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 103. Прим. 104.

[8] *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 369 сл.

[9] *Жебелев С.А.* Возникновение Боспорского государства // СП. С. 69.

[10] *Он же.* Основные линии экономического развития Боспорского государства // СП. С. 122; *он же.* Боспорские этюды. I. Образование Боспорского царства // СП. С. 159.

[11] *Жебелев.* Боспорские этюды... С. 162.

[12] *Виноградов Ю.А.* Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 8; *он же.* О полисах на Боспоре // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Материалы конф. в Херсонесском заповеднике. Севастополь, 1992. С. 21–22.

[13] *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 14 сл.; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев. 1986. С. 5 сл.

Археологические материалы свидетельствуют о тех же центрах. Для краткости изложения ограничимся сведениями по греческим поселениям европейского Боспора. Особое положение здесь Пантикапея и Нимфея вполне очевидно. О развитии ремесленного производства свидетельствует мастерская VI в. до н.э. по производству расписной керамики в Нимфее[14], аналогичная пантикапейской[15]. В Пантикапее засвидетельствовано производство и простой керамики[16], обнаружены металлообрабатывающая мастерская и мастерская оружейника[17], имеются данные о художественной обработке металла[18]. Если говорить о культовой жизни боспорских городов на раннем этапе их развития, то наиболее информативные материалы по этому вопросу получены при раскопках Нимфея, где исследован целый комплекс святилищ[19]. В общем имеются основания предполагать, что в Восточный Крым и на Тамань было выведено всего шесть апойкий: Феодосия, Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы. Остальные пункты, в том числе и те, которые древние авторы называют городами, считать автономными центрами особых оснований нет, скорее всего они входили в состав того или иного города-государства. Для Восточного Крыма можно предположить, что поселения северо-восточной части полуострова (Тиритака, Мирмекий, Парфений, Порфмий и др.) входили в состав пантикапейского полиса. Юго-западная часть, отделенная Чурубашским озером и грядой холмов, принадлежала Нимфею[20].

Сравнивая колонизационный процесс двух античных центров Северного Причерноморья, Боспора и Ольвии, следует указать на одно бросающееся в глаза различие. Сельскохозяйственная округа Ольвии состояла из большого числа сравнительно некрупных поселений (деревень), сейчас имеются данные о 107 таких памятниках[21]. А на Боспоре, особенно европейском, все обстоит по-иному. В монографии И.Т. Кругликовой имеются данные лишь о трех (точнее четырех) архаических сельских поселениях на Керченском полуострове и восьми на Тамани[22]. Благодаря разведкам Я.М. Паромова число известных архаических поселений на азиатской стороне Боспора значительно увеличилось[23], но, к сожалению, ни одно из них по-настоящему не раскопано и соответственно сведения об их облике, культуре и т.д. пока отсутствуют. К тому же этот район, обладающий значительной спецификой в палеогеографическом отношении, должен был отличаться от Восточного Крыма и по характеру освоения греками сельскохозяйственных территорий. Но в отношении последнего новейшие археологические исследования заметного количественного роста сельских поселений архаического времени не дают. Остается предположить, что здесь возобладала другая система заселения – в виде сравнительно крупных поселений, впоследствии превратившихся в небольшие городки, расположенные по берегу пролива на небольшом расстоянии друг от друга. Эти "аграрные городки", если использовать терминологию некоторых немецких исследователей[24], скорее всего и составили сельскую округу Пантикапея, а возможно, и некоторых других боспорских полисов.

---

[14] *Скуднова В.М.* Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н.э. // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7. С. 73–75; *Худяк М.М.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 45.

[15] *Марченко И.Д.* Местная расписная керамика Пантикапея VI–V вв. до н.э. // СА. 1967. № 2. С. 146 сл.

[16] *Кругликова И.Т.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее VI–III вв. до н.э. // МИА. 1957. № 56. С. 104 сл.

[17] *Марченко И.Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 162 сл.; *она же.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2. С. 146 сл.

[18] *Она же.* Литейная форма конца VI в. до н.э. из Пантикапея // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 51 сл.; *Трейстер М.Ю.* Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ. 1984. № 1. С. 156.

[19] *Худяк М.М.* Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. 16. С. 232 сл.; *он же.* Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. 1958. 2. С. 83 сл.; *он же.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 18–30, 36 сл.

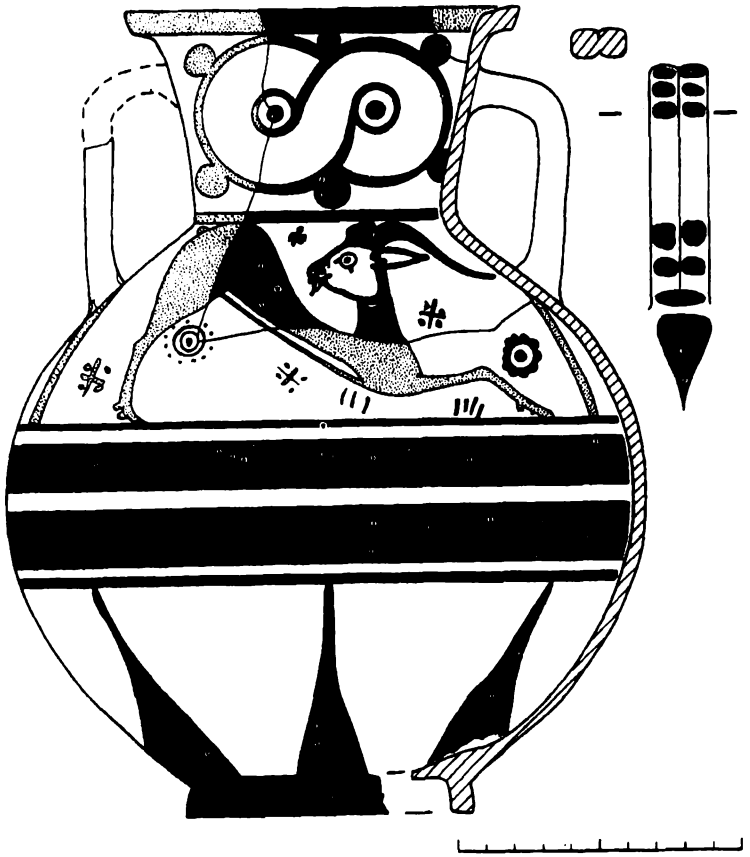
[20] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 30.

[21] *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 10.

[22] *Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. С. 27–28.

[23] *Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 72; *он же.* Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 63.

[24] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Ht. I. München, 1920.-S. 140. Anm. 2; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historische-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 92; ср. *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 29.

Родосско-ионийская амфора из Мирмекия (реконструкция)

Внутренняя колонизация, по некоторым предположениям, происходила вскоре после выведения основного центра, а не столетием спустя, как представлялось С.А. Жебелеву. В этом отношении немалое значение имеет фиксируемое археологически время основания поселений. Несмотря на близость этих событий в пределах нескольких десятилетий, традиционно считается, что наиболее ранней апойкией Боспора является Пантикапей, возникновение которого относят к рубежу VII–VI вв. до н.э. или 590–570 г. до н.э.[25] Другие поселения (Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Тиритака и пр.), по мнению некоторых авторов, возникают во второй четверти VI в. до н.э.[26] Основой для подобных выводов являются разрозненные и немногочисленные находки ранней греческой керамики из культурных напластований. Однако такой методический прием весьма уязвим и не всегда правомерен. Не вызывает сомнения, что принципиальное значение для определения времени возникновения того или иного поселения должны иметь не отдельные находки, а анализ остатков самого раннего культурного слоя, первых погребений и, разумеется, материалов строительных и хозяйственных комплексов[27]. Исследователи, придерживающиеся таких

---

[25] *Сидорова Н.А.* Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 107 сл., 120, 148; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 15 сл., 23; *Виноградов Ю.Г.* Ук. соч. С. 368; *Шелов-Коведяев.* Ук. соч. С. 51; *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 35; *Кузнецов В.Д.* Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 33.

[26] См.: *Кошеленко, Кузнецов.* Ук. соч. С. 35–36; *Кузнецов.* Ук. соч. С. 33–34.

[27] *Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 79.

взглядов, как правило, предлагают более поздние даты основания греческих поселений, к примеру, возникновение Мирмекия относят не к второй четверти VI в. до н.э., хотя бесспорные материалы этого времени найдены при раскопках, а к середине столетия[28]. Но и эта позиция уязвима, поскольку базируется на достигнутом знании, ограничивая прогностическое значение. Имеющиеся на каждом из раскапываемых памятников наиболее ранние находки, пусть немногочисленные и разрозненные, всегда позволяют надеяться, что со временем при систематическом, целенаправленном проведении полевых исследований будут открыты и более ранние комплексы. Так, в Мирмекии понадобилось почти 10 лет поисков, прежде чем в 1992 г. удалось зафиксировать бесспорные свидетельства существования поселения во второй четверти VI в. до н.э. На участке С у подножия скалы Карантинного мыса (мирмекийский акрополь) были открыты двенадцать ям с материалами первой половины VI в. до н.э. Среди находок – фрагменты ионийских киликов, тарелок, целый экземпляр расписной тарелки, обломок ойнохои с изображением женского лица, обломки расписной амфоры с изображением на обеих сторонах сосуда козла с повернутой назад головой (амфора легко реконструируется, см. рис.) и т.д. Эти находки позволяют согласиться с теми, кто относит возникновение значительной части боспорских поселений ко второй четверти VI в. до н.э. (580–550 гг.), и надеяться, что со временем подобные комплексы будут открыты и на других памятниках.

Однако специфика археологических источников такова, что датировка на их основе исторических событий, в данном случае возникновения греческих поселений в течение довольно узкого промежутка времени, еще не означает абсолютной одновременности их появления. В отношении европейского Боспора можно предположить, что первыми здесь возникли Пантикапей, как это обычно считается, и, возможно, Нимфей; Тиритака, Мирмекий, Порфмий и другие поселения северо-восточной части полуострова появились несколько позднее, вероятно, по инициативе Пантикапея, направлявшего прибывающих переселенцев в эти пункты. Именно в этом, на наш взгляд, заключается смысл боспорской внутренней колонизации.

Но что же заставило греков избрать здесь такую систему расселения? Почему сельские поселения не были выведены в глубь степей, что типично для более поздних периодов? Думается, в этом проявляется негативное влияние демографической ситуации в регионе на ход колонизации. Оно могло стать результатом близости предкавказской Скифии, соседа явно очень сильного, а также вероятных передвижений какой-то части скифской орды из Поднепровья через Боспор Киммерийский в Прикубанье с целью устройства удобных зимников и внеэкономической эксплуатации местных земледельческих племен[29]. В.П. Яйленко прав в том, что при угрозе со стороны кочевников освоение территории древнегреческой колонии происходило путем основания небольших городков[30]. Довольно крупные поселения, расположенные на берегу пролива, в местах, удобных для обороны, на небольшом расстоянии друг от друга, на пути передвижений кочевников, конечно, были более жизнестойкими, чем выдвинутые в степь деревни, хотя и они не были гарантированы от всякого рода случайностей.

Как представляется, сталкиваясь с греками на Боспоре, номады сами не использовали эту зону в экономическом отношении, а лишь проходили через нее во время миграций. Подобная ситуация засвидетельствована для различных исторических периодов во многих регионах, в том числе и в степях Евразии[31]. В принципе она могла создавать немалые трудности для обеих сторон: как для кочевников, так и в большей степени для греков-земледельцев, что таило в себе опасность возникновения вражды и конфликтов, во избежание которых заключались всякого рода договоры, соглашения и т.п. Обе стороны, но в первую очередь, разумеется, номады, стремились к налаживанию торговых связей. Показательно в этом отношении упоминание Стефана Византийского о том, что Пантикапей был основан на земле, полученной от скифского царя Агаэта (s.v. Παντικάπαιον). Но ситуация вполне могла быть неоднозначной. Не оспаривая в целом устоявшиеся концепции о мирном характере греческой колонизации Северного Причерноморья вообще

---

[28] *Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е.О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 146, но ср. с. 132; *Gajdukevič*. Op. cit. S. 179.

[29] *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 151 сл.; *Виноградов Ю.Г.* Ук. соч. С. 402.

[30] *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 135.

[31] *Khazanov A.M.* Nomade and the outside world. Cambr., 1984. P. 33.

и Боспора в частности[32], укажу на недопустимость в этом вопросе какой-либо идеализации. Не следует забывать свидетельства Страбона, что скифов изгнали эллины, "основавшие Пантикапей и другие полисы на Боспоре" (XI. 2. 5). Данному сообщению обычно не придается решающего значения при построении колонизационной модели[33], поскольку оно якобы не находит подтверждения в археологических источниках. О мирном характере греко-варварских взаимоотношений, по мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, "красноречиво свидетельствует отсутствие на поселениях VI в. как оборонительных сооружений, так и следов разрушения или обширных пожаров"[34]. С этим утверждением сейчас уже вряд ли можно однозначно согласиться.

Раскопками 1992 г. в Мирмекии зафиксированы следы сильного пожара приблизительно около середины VI в. до н.э. Материал из ранних ям, упоминавшихся выше, скорее всего представляет собой сброс мусора, образовавшегося в результате этого события, так как обожжена и оплавлена значительная часть расписной керамики и некоторые амфорные фрагменты. С пожаром следует связывать также прослойку сажи, фиксирующуюся над материком в некоторых местах раскопа С. Пока еще трудно судить, связан ли этот пожар с нападением неприятеля или же объясняется иными причинами. Наконечников стрел, обломков оружия и т.п. в ямах не обнаружено. Однако, в связи с изложенным особое значение приобретает еще одно открытие 1992 г. в Мирмекии: некоторые ямы середины VI в. до н.э., а также упоминавшийся слой гари, перекрываются мощной кладкой необычного архаического облика (ширина 1 м), препятствующей доступу на акрополь между двумя обрывистыми выступами скалы. Более того, эта кладка неплохо увязывается с остатками двух других стен, в совокупности образующих своеобразный уступ наподобие бастиона. Оборонительное значение конструкции при таком понимании открытых строительных остатков вполне очевидно. Рискну высказать предположение, что мирмекийский акрополь был укреплен вскоре после пожара, т.е. во второй половине VI в. до н.э. Иными словами, совсем не исключено, что в Мирмекии удалось обнаружить оборонительную систему античного времени, которая является самой ранней на сегодняшний момент не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье[35]. Но это весьма ответственное заключение, безусловно, нуждается в дополнительной проверке, тем более что оно закономерно может привести к важным коррективам существующей картины греческой колонизации Боспора Киммерийского, взаимоотношений ранних апойкий с местным населением и т.д. Решающую роль в этом должны сыграть будущие полевые исследования на городище. Тем не менее господствующая схема мирной колонизации берегов Керченского пролива, оставаясь в целом верной, уже сейчас нуждается в некоторых оговорках.

Влияние демографической ситуации в регионе на ход греческой колонизации прослеживается, разумеется, не только в военно-политическом плане, в области культурных взаимоотношений оно еще более ощутимо. Археологическое изучение ранних культурных напластований боспорских городов, особенно за последние годы, привело к осознанию весьма важного факта: на первоначальном этапе они были застроены небольшими по площади, круглой или четырехугольной в плане формы полуземлянками. Они открыты в Пантикапее, Мирмекии, на поселении на месте Анапы, Тирамбе[36] и, наконец, в Нимфее, где зафиксированы сравнительно давно, но ошибочно отнесены к скифскому поселению, существовав-

---

[32] *Гайдукевич*. Боспорское царство. С. 34, 36; *Жебелев*. Основные линии экономического развития... С. 122; *Виноградов Ю.Г.* Ук. соч. С. 371; *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 27.

[33] *Виноградов Ю.Г.* Ук. соч. С. 371.

[34] *Шелов-Коведяев*. Ук. соч. С. 62.

[35] М.Ю. Вахтина любезно сообщила мне, что при раскопках Порфмия были обнаружены следы пожара и остатки оборонительной стены, по конструкции очень близкие мирмекийской, которые она относит к последней четверти–концу VI в. до н.э.

[36] См.: *Толстиков В.П.* Некоторые пути изучения центральной части Пантикапея и проблема эллино-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 41; *Виноградов Ю.А.* Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж–Белгород, 1991. С. 12 сл.; *он же.* Исследования на западной окраине Мирмекия // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 71 сл.; *Алексеева Е.М.* Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 19 сл.; *она же.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 9 сл.; *Коровина А.К.* Тирамба (городище и некрополь). Итоги археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961–1963 и 1965 гг. // СГМИИ. 1968. IV. С. 55, 63.

шему до выведения сюда греческой апойкии[37]. Сейчас есть все основания вслед за С.Д. Крыжицким признать, что "генезис и общее направление эволюции жилых домов Боспора аналогичны в целом ольвийской зоне, хотя и имели некоторые отличия"[38]. Строительство сырцово-каменных наземных зданий, по его мнению, относится в Ольвии ко времени не ранее начала V в. до н.э.[39] Материалы Мирмекия практически полностью подтверждают этот вывод[40]. В Пантикапее же переход, вероятно, произошел несколько ранее – в последней четверти VI в. до н.э.[41] Имеющиеся исключения из общего правила, прежде всего наземные постройки Торика, возведенные не позднее середины VI в. до н.э.[42], демонстрируют определенную боспорскую специфику, но вряд ли позволяют сомневаться в обоснованности гипотезы С.Д. Крыжицкого.

На мой взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые видят в земляночном домостроительстве один из феноменов греческой колонизации Северного Причерноморья, объясняя его влиянием материальной культуры местного населения. Е.М. Алексеева рассматривает открытые в Анапе полуземлянки как временные жилища первых колонистов, воспринявших традицию домостроительства варварских племен Прикубанья; по ее мнению, это объясняется тем, что в суровом климате Северного Причерноморья греки стремились "без больших материальных затрат присмотреться к новым условиям" и, лишь убедившись в возможности дальнейшего проживания, переселенцы приступили к строительству домов в знакомых им традициях[43]. В общем она выражает достаточно распространенную точку зрения. Однако, если признать, что ранние греческие поселения возникли на Боспоре во второй четверти VI в. до н.э., а переход к наземному домостроительству произошел в конце VI или даже начале V в. до н.э., то остается констатировать, что переселенцы "присматривались" к местным условиям 50–75 лет, т.е. на протяжении жизни двух поколений. Приходится отметить, что весьма продолжительный период ранние боспорские поселения, по крайней мере многие из них, имели очень примитивный, полуварварский облик. Несмотря на сомнения, которые в связи с этим могут возникнуть относительно их этнической принадлежности, поселения все-таки следует рассматривать как греческие. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует преимущественно античный характер находок, в том числе и весьма специфических (терракотовые статуэтки, граффити, образцы греческого оружия и пр.). Наконец, следует еще раз указать на открытие укреплений мирмекийского акрополя. Если их датировка в пределах второй половины VI в. до н.э. подтвердится, а сейчас это кажется очень вероятным, то придется констатировать, что поселение, состоявшее из комплекса грубых полуземлянок, было укреплено согласно греческим традициям.

Для культурного облика ранних греческих поселений Боспора, как в принципе и других районов Северного Понта, характерна еще одна особенность, обычно объясняемая влиянием местной среды – наличие лепной посуды, изготовленной в традициях варварского населения хинтерлянда. Показательно, что она наиболее многочисленна как раз в самых ранних комплексах. Например, в Мирмекии на раскопе П лепная керамика в слоях середины VI в. до н.э. составляет от 24 до 37% находок без учета амфорных материалов. При этом набор лепной посуды демонстрирует явное сходство с керамикой, характерной для племен Прикубанья[44]. Эти наблюдения подтвердились и на материалах других мирмекийских комплексов.

Проблема лепной керамики боспорских городов весьма далека от разрешения. Априорно можно предположить, что особое значение в процессе культурного влияния могли иметь племена горного Крыма, Прикубанья и, разумеется, степных районов Северного Причерноморья. Любопытно, что на Боспоре как будто полностью отсутствуют лепные горшки со сквозными проколами по краю, характерными для керамики некоторых лесос-

---

[37] *Скуднова В.М.* Скифские памятники из Нимфея // СА. 1954. XXI. С. 306 сл.; *Худяк.* Из истории Нимфея. С. 13 сл.

[38] *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 66.

[39] Там же. С. 30.

[40] *Виноградов Ю.А.* Некоторые особенности развития Мирмекия в архаическую эпоху // Древности Кубани. Материалы научно-практической конф. Краснодар, 1990. С. 26.

[41] *Толстиков.* Некоторые пути изучения... С. 42.

[42] *Онайко Н.А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 94.

[43] *Алексеева.* Греческая колонизация... С. 11.

[44] *Виноградов Ю.А.* Ранние комплексы Мирмекия... С. 13, 15.

тепных районов Северного Причерноморья. В Ольвии и на Березани, например, они представлены достаточно широко[45]. Для азиатского Боспора логично ожидать влияния в основном Прикубанья[46]. Раскопками в Торике и на раннем поселении в Анапе выявлены образцы лепной керамики меотского облика – горшки с непрофилированным венцом, миски с налепами под краем и пр.[47] Заинтересованность греков-колонистов в контактах с земледельцами Прикубанья проявляется по этим материалам вполне отчетливо. На европейской стороне картина, вероятно, могла быть сложнее. Анализируя комплекс лепной керамики VI–V вв. до н.э. из Нимфея, Э.В. Яковенко настаивает на скифском ее происхождении, а связь некоторых типов по форме, декору и технике орнаментации с лепной керамикой Северного Кавказа и горного Крыма объясняет промежуточным положением Керченского полуострова. Именно его географическое положение, по мысли исследовательницы, обусловило для скифского населения Керченского полуострова роль посредника, благодаря чему в культурах обозначенных районов сложились сходные черты[48]. В общем, не оспаривая этой точки зрения, хотелось бы указать, что сейчас она уже не объясняет всей сложности картины, возникающей при сопоставлении синхронных комплексов лепной керамики, происходящей из различных боспорских центров. Можно согласиться с Э.В. Яковенко и признать нимфейский комплекс лепной керамики в основном скифским, в связи с чем представляется принципиально важным то, что он заметно отличается от мирмекийского, который, как уже говорилось, близок комплексам поселений азиатской стороны.

Несмотря на явную недостаточность материалов, касающихся архаического Боспора вообще и лепной керамики этого времени в частности, можно предположить, что различия наборов лепной посуды из отдельных центров не являются случайными, а отражают некоторую закономерность. Эта закономерность, как представляется, лежит в плоскости вовлечения местного населения, в первую очередь, разумеется, земледельческого, в орбиту сначала политического и экономического влияния греческих колоний, а затем и включения определенных туземных контингентов в состав апойкий, где они скорее всего составили слой зависимого населения. Весьма близкая картина фиксируется в районе Нижнего Побужья, где археологические материалы демонстрируют признаки этнокультурных различий сельского населения ольвийской округи[49].

Количество лепной посуды, если судить по мирмекийским материалам, а Мирмекий сейчас стал одним из сравнительно хорошо изученных архаических памятников Боспора, уменьшается к концу VI в. до н.э. в два-три раза, составляя не более 15% в керамическом комплексе. Упрощается и ее набор, который сводится практически к одному типу горшков с выделенным горлом и отогнутым наружу краем. Прикубанские влияния на этих материалах проследить уже не удается[50]. Но в высшей степени важно подчеркнуть, что этот показательный процесс предшествовал другому принципиальному изменению. Как было сказано выше, приблизительно в конце VI – начале V в. до н.э. на Боспоре перешли к наземному домостроительству. Затянувшийся этап "предыстории античного жилого дома Северного Причерноморья"[51] завершается, и на боспорских поселениях, что видно по результатам раскопок на Мирмекии, возводятся многокамерные здания с сырцовыми стенами на каменных цоколях, внутренними мощеными двориками, улицами с тротуарами и пр. Поселения, наконец, приобретают городской облик, хотя в социально-экономическом плане многие из них так и остались большими деревнями или аграрными городками, населенными земледельцами. Может быть, в этом следует искать объяснение путаницы у

---

[45] *Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988. С. 77, 79 сл.

[46] *Каменецкий И.С.* Меоты и греческая колонизация // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988. С. 91.

[47] *Ошайко.* Архаический Торик. С. 90; *Каменецкий.* Меоты... С. 91; *Алексеева.* Раннее поселение... С. 29; *она же.* Греческая колонизация... С. 10–11; *Коровина.* Тирамба. С. 59. Рис. 4, 10, 11.

[48] *Яковенко Е.В.* Лiпна керамiка VI–V ст. до н.э. з Нiмфея // Археологiя. 1978. 27. С. 42.

[49] *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса, 1989. С. 16 сл.; *Виноградов Ю.А.* Об изучении античных архаических поселений левобережья Бугского лимана // История и археология Нижнего Подунавья. Чтения памяти проф. А.И. Доватура. Тез. докл. научно-практического семинара. Рени, 1989. С. 47 сл.

[50] *Виноградов Ю.А.* Некоторые особенности развития... С. 26; *он же.* Исследования на западной окраине... С. 74, 76. Сходные процессы прослеживаются на ольвийских материалах. См. *Марченко.* Варвары... С. 121.

[51] *Крыжицкий.* Жилые дома... С. 30.

античных авторов, которые одни и те же центры Боспора именуют то городами, то деревнями[52]. Принципиальное значение происшедших перемен заключается в том, что только с этого времени боспорские апойкии, как и апойкии Северо-Западного Причерноморья, приобретают облик, характерный для метрополии и других областей греческой колонизации с начального этапа их освоения[53]. Этот феномен греческой колонизации Северного Причерноморья, по всей видимости, еще долго будет темой научных изысканий.

Ю.А. Виноградов

SOME DEBATABLE PROBLEMS OF GREEK COLONIZATION OF THE CIMMERIAN BOSPORUS

Yu. A. Vinogradov

The author of the article is dealing with a very discutable question – the foundation of Greek colonies on the shores of the Cimmerian Bosporus. He considers that practically all ancient Greek sites appeared there in course of the colonizing process as comparatively large settlements, and were situated at a small distance from each other. Later on they were turned into small "agrarian towns" which were included into agrarian territory of large Greek poleis like Panticapaeum, Nymphaeum, Phanagoria. New finds from Myrmekion prove that these "agrarian towns" were founded in the second quarter of the VI century B.C.

[52] См., например, *Гайдукевич В.Ф.* Археологическое изучение Мирмекия // МИА. 1941. № 4. С. 96–97; *Онайко.* Архаический Торик. С. 117.

[53] *Яйленко.* Греческая колонизация... С. 242; *Блаватский, Кошеленко, Кругликова.* Ук. соч. С. 17; *Ward-Perkins J.B.* Cities of Ancient Greece and Italy: planning in Classical Antiquity. N.Y., 1974. P. 11, 22–24.

© 1995 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ВИФИНИИ

(К проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинистических традиций)

Изучение государственного устройства эллинистических держав и не в последнюю очередь самого института эллинистической монархии занимает в трудах историков-антиковедов важное место. И это вполне закономерно: ведь такая тематика позволяет показать (может быть, даже наиболее наглядно) сущность греко-восточного синтеза в сфере внутренней организации новых государств, возникших на территории распавшейся империи Александра. Однако такого рода исследования ведутся, как правило, либо на обобщенно-теоретическом уровне, либо с привлечением сравнительно многочисленных и хорошо изученных материалов, относящихся к царствам Антигонидов, Селевкидов, Птолемеев и Атталидов. В силу этого страны, находившиеся на "окраинах" эллинистического мира, занимают столь же периферийное место и в спектре научных изысканий отечественных и зарубежных ученых; и не случайно в историографии широко распространен тезис о сходстве (если не полной тождественности) форм управления в Египте, Сирии или Пергаме с аналогичными структурами иных государственных объединений этого периода, в том числе и монархий Северной и Центральной Малой Азии[1].

Вифинское царство в этом отношении не является исключением: сложившийся в нем институт монархической власти до сих пор не становился объектом целенаправленного изучения, и в результате этого присущие ему особенности всестороннего освещения не получили. В монографии Дж. Витуччи, которая, при всей ее конспективности, уже в течение 40 лет остается наиболее полной сводкой материалов по вифинской истории, данному предмету посвящено всего несколько страниц, а краткие выводы выдержаны во вполне традиционном ключе[2]. Возможность отойти от подобных нивелирующих оценок связана, по нашему мнению, с рассмотрением царской власти в Вифинии как синтетического явления, порожденного взаимодействием четырех традиций государственности: фракийской, ирано-ахеменидской, общеэллинистической и анатолийской[3].

---

[1] См., например, *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 153; *Eddy S.* The King Is Dead. Lincoln, 1976; *Walbank F.W.* The Hellenistic World. L., 1981. P. 75; *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and New Kingdoms of Asia Minor // CAH. V. VII. Ed. 2. 1984. P. 422.

[2] *Vitucci G.* Il regno de Bitinia. Roma, 1953. P. 125–127. Итальянский историк полагает, что "... в отношении политической, социальной и административной структур Вифинское царство... в основном стоит в том же ряду, что и другие эллинистические монархии".

[3] Соседство с греческими полисами побережья Южного Понта и Пропонтиды сколько-нибудь заметного влияния на формирование вифинской государственности не оказало. Если обратиться к примеру фракийских племен в Европе, то и для них наиболее типичным было создание крупных политических объединений не у побережья, в зоне контактов с эллинскими колониями, а на внутренних территориях (*Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971. С. 21). Б. Харрис также отмечает принципиальное различие автономии полисов Северо-Западной Анатолии, с одной стороны, и "свободы" вифинских племен – с другой (*Harris B.F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. Bd VII. Ht 2. B. – N.Y., 1982. P. 852).

Основания для такого подхода достаточно очевидны: ведь на протяжении I тыс. до н.э. вифинский племенной союз сначала входил в состав фракийской этнической общности, затем был включен в империю Ахеменидов, а после достижения и укрепления независимости занял свое место среди государственных образований эпохи эллинизма. Отмечалось также и близкое типологическое сходство Вифинии с соседними царствами Северной и Центральной Малой Азии, обусловленное более прочным сохранением местных азиатских элементов в социально-экономической и политической структуре этих государств по сравнению с другими регионами эллинистического мира[4]. Однако при исследовании конкретного исторического материала выясняется, что влияние, испытываемое Вифинией со стороны Персидской империи, по источникам прослеживается очень слабо; в то же время близость некоторых черт монархии в Вифинии особенностям царской власти других анатолийских государств выступает наиболее рельефно и кажется чем-то большим, нежели поверхностное сходство, лишь при проведении комплексного анализа, не ограниченного только сферой государственного устройства[5]. В рамках одной статьи проведение такого всестороннего исследования не представляется возможным. Общеэллинистический компонент в структуре Вифинского государства, безусловно, преобладает, но значительное число фактов из истории династии может быть более или менее убедительно интерпретировано лишь при соотнесении их с фракийским "наследием". Поэтому представляется оправданной попытка проследить взаимодействие и синтез двух основных элементов вифинской государственности – собственно фракийского и общеэллинистического – в контексте истории страны в IV–I вв. до н.э., что может позволить выявить специфические черты монархической власти в Вифинии[6].

Вопрос о времени обретения вифинцами своей государственности довольно сложен. Судя по монетам II в. до н.э., в 297/6 г. до н.э. правитель Зипойт принял титул царя, и этот год стал началом вифинской царской эры[7]. Однако Диодор называет Зипойта ὁ βασιλεὺς τῶν Βιθυνῶν, рассказывая о событиях 315 г. до н.э. (Diod. XIX. 60. 3), и К. Белох на этом основании сделал вывод, что монархическая форма правления и титул βασιλεὺς в Вифинии, как и во Фракии, были традиционными[8]. Это мнение не разделяется современными исследователями[9], поскольку Диодор, видимо, не придерживался точной терминологии, а гораздо лучше осведомленный в вифинской истории Мемнон называет Зипойта ὁ Βιθυνῶν ἐπάρχων (Memn. XX. 3). Там же Мемнон сообщает хронологию вифинской княжеской династии в V–IV вв. до н.э.: около 435 г. до н.э. правил Дидалс, ему наследовал Ботир, затем – Бас (377/6–328/7 гг. до н.э.) и Зипойт (328/7–280/79 гг. до н.э.)[10]. Данная информация, почерпнутая Мемноном как из гераклейских, так и, возможно, из собственно вифинских источников[11], свидетель-

---

[4] *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 160 сл.; *Kreißig H.* Geschichte des Hellenismus. B., 1984. S. 147.

[5] Интересна попытка такого сравнения Вифинского и Понтийского царств: *Mc Ging B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 67–68.

[6] Проблема фракийских традиций в истории Вифинии разрабатывалась А. Фолом: *Фол А.* Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970; *Fol A.* Parallèles thraco-bithyniens de l'époque préromaine. I. Le régime de la propriété // Etudes historiques. T. 5. Sofia, 1970. P. 177–189; *idem.* Thrako-bithynische Parallelen im vorrömischen Zeitalter. II. Bevölkerungs-und Gesellschaftsstrukturen // Thracia I. Serdicae, 1972. S. 197–212. Однако, на наш взгляд, многие выводы болгарского исследователя носят чисто умозрительный характер и едва ли могут быть приняты.

[7] Мы следуем датировке Г. Перла: *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 36–39. Последнее наиболее обстоятельное исследование с полной библиографией: *Leschhorn W.* Antike Ären. Stuttgart, 1993. S. 178–191.

[8] *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Bd IV. Abt. 1–2. Lpz, 1925. Abt. 1. S. 234. Anm. 1.

[9] См. *Vitucci.* Op. cit. P. 11–12. Not. 1.

[10] *Meyer Ed.* Bithynia // RE. Bd III. 1898. Sp. 515.

[11] О взаимовлиянии гераклейской и вифинской исторических традиций: *Rostovtzeff.* SEHHW. V. I. P. 567; *Дзагурова В.П.* Мемнон. О Гераклее. Введение, комментарии // ВДИ. 1951. № 3. С. 286.

ствует о достаточно прочном положении правящего дома в пользовавшемся определенной самостоятельностью малоазийском государстве[12].

Указания источников на более древние корни вифинской династии весьма противоречивы и должны быть восприняты критически. Сообщение Аппиана о том, что в Вифинии правило 49 царей (App. Mithr. 2), явно неисторично[13]. Сведения Страбона и Стефана Византийского о городе Прусе у Мизийского Олимпа: κτίσμα Προυσίου τοῦ πρὸς Κροῖσον πολεμήσαντος (Strabo. XII. 3, 4) и πρὸς Κύρον πολεμήσαντος (Steph. Byz., s. v Προῦσα) не могут служить аргументом в пользу существования какого-то царя Прусия в VI в. до н.э., а являются скорее всего результатом ошибки переписчика[14].

Безусловно, 297/6 г. до н.э. стал значительным рубежом в истории вифинской династии. Предпринятый Зипойтом политико-юридический акт вполне следовал действиям диадохов, провозгласивших себя царями по примеру Антигона Монофталма. Вифинский династ посредством этого шага явно стремился утвердиться в политической системе, созданной новыми властителями[15]. Можно также считать, что с этого времени в организации вифинской государственной власти фиксируется присутствие общеэллинистического компонента, вступившего во взаимодействие с еще довольно примитивными политическими структурами.

Одним из аргументов в пользу того, что на протяжении первой половины III в. до н.э. в характере государственной власти в Вифинии задавали тон доэллинистические фракийские традиции, является ономастикон вифинских царей[16]. Фракийское происхождение имени Зипойт (Ζιποίτης, Ζιβοίτης, Ζιβύτης) отмечалось уже в древности (Paus. V. 12. 7), а Д. Дечев показал, что оно восходит к фракийскому Ζίηα и означает "сияющий, блестящий"[17]. Имя Зиэл (Ζιαήλας, Ζιήλας), возможно, имеет

---

[12] Трудно согласиться с А. Фолом, полагающим, что власть вифинских правителей обосновывалась воспринятыми у Ахеменидов идеями о праве завоевания (Parallèles... P. 181). Переселение вифинцев в Малую Азию произошло в достаточно отдаленное время, и в эпоху эллинизма территории их расселения считались исконными вифинскими землями.

[13] *Vitucci*. Op. cit. P. 12–13. Not. 3.

[14] См. различные варианты прочтения и истолкования этих сообщений: *Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893. Т. III. С. 378; *Sölch J.* Bithynischen Städte im Altertum // Klio. 1924. S. 156. Anm. 1; *Dörner F.K.* Prusa ad Olympum // RE. Bd XXIII. 1. 1957. Sp. 1077–1078. К. Хабихт считает этого Прусия мифическим героем (*Habicht Ch.* Prusias (1) // RE. Bd XXIII. 1. 1957. Sp. 1103), а ряд авторов признает его историчность (*Reinach Th.* Essai sur la numismatique des rois de Bithynie // RN. 1887. P. 225; *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1952. S. 384 ff.; *Фол.* Ук. соч. С. 210; такому пониманию, видимо, следует в своем переводе Страбона и Г.А. Стратановский). В новой работе по истории Прусы Т. Корстен высказывает мнение об основании города вифинским или мизийским династом VI в. до н.э., ссылаясь при этом на оставшуюся ему недоступной и никак не датируемую надпись из Мегары, где засвитедельствовано имя, начинающееся на Πρους-. Исследователь отвергает замену неясного имени на Κῖερον (ведь именно Прусий I, которому также приписывается основание Прусы-у-Олимпа, в конце 190-х годов до н.э. завоевал Киер – см. *Dörner*. Op. cit. Sp. 1077) на том основании, что Киер ко времени его захвата вифинцами не был самостоятельным, а принадлежал Гераклее (IvPrusa. S. 21–25). Тем не менее возможна иная конъектура, устраняющая указанное противоречие: πρὸς Κῖον, что хорошо согласуется с предшествующим пассажем Страбона о завоевании Прусием I Киоса (*Strabo*. XII. 4. 3) (любезно указано нам Г.А. Тароняном).

[15] *Vitucci*. Op. cit. P. 21; *Habicht Ch.* Zipoites (1) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 455. Для Зипойта, как и для других представителей азиатской знати, принятие царского титула служило действенным пропагандистским средством в борьбе за достижение полной независимости от диадохов. См. *Müller O.* Antigonos Monophthalmos und "Das Jahr der Könige". Bonn, 1973. S. 124–127.

[16] Относительно недавно к этой теме обращались болгарские ученые: *Georgiev V.* La formation et l'étymologie des noms des rois thraces et daces // LB. 1981. T. XXIV. 1. P. 5–29; *Duridanov I.* Die thrakischen Personennamen Bithyniens // Ibid. P. 31–42. Они выявили в вифинском ономастиконе присутствие нефракийских элементов неясного этнического происхождения.

[17] *Detschew*. Op. cit. S. 191.

фригийские корни[18]. Имена обеих жен Никомеда I – Дитизеле (Arr. Bithyn. FGrH. 156 F. 29; Tzetz. Chil. III. 950; Плиний называет ее Консингис – Plin. NH. VIII. 144) и Этадзета (Memn. XXII. 1) – указывают на их фрако-фригийское происхождение. Характерно, что вплоть до середины II в. до н.э. у вифинских правителей фракийские именные формы перемежались с греческими. Так, из четырех сыновей Зипойта I двоих звали Никомед и Зипойт (Memn. XVII); филэллин Никомед I назвал своих детей Зиэл, Лисандра (Arr. Bithyn. FGrH. 156 F. 29; Tzetz. Chil. III. 950)[19] и Зипойт (Τιβοίτης – Polyb. IV. 50. 8); старший сын Прусия II носил имя Никомед, а один из младших – тоже Прусий (Liv. Per. 50; Val. Max. I. 8). Только после Никомеда II (149 – ок. 127 г. до н.э.) в царской фамилии окончательно утверждаются греческие имена – Никомед, Сократ.

Ранние монеты вифинских царей также не свободны от фракийского влияния, проявлявшегося в отражении некоторых местных культов. На реверсе серебряной тетрадрахмы Никомеда I изображена богиня Бендида, а мужская фигура на драхмах этого же царя была отождествлена Т. Рейнаком с Аресом, почитание которого было распространено у вифинских племен (Eustath. Dion. Per. 793 – FGrH. 156 F. 77)[20]. Культ бога войны у вифинцев далеко не случаен: специфической чертой царской власти в Вифинии долгое время оставался ее ярко выраженный военный характер.

Полибий в своем известном пассаже, гневно осуждая Прусия II, перечисляет его пороки: он был "трусом и бабой в военном деле" и "во всех случаях жизни проявлял дряблость души и тела"; поэтому если "ни один народ не выносил такого рода слабости в своих царях, то народ вифинский – в особенности" (Polyb. XXXVII. 7. 1–3). Эд. Мейер видит в этом сообщении лишь доказательство воинственности вифинцев и существования у них чувства собственного достоинства[21], что трудно принять буквально[22]. Недостаточная компетентность Прусия в военном деле не только являлась вызовом общественному мнению вифинцев, но и находилась в противоречии с одним из основополагающих принципов вифинской βασιλεία (имеющим непосредственные точки соприкосновения с фракийскими установлениями)[23]. Каждый вифинский царь должен был быть умелым полководцем и отважным воином. Идеалом здесь могли быть династ Бас – ведь он своими победами "подготовил то, что македоняне отказались от Вифинии" (Memn. XXII, 2), Зипойт, λαμπρὸς ἐν πολέμοις (Memn. XXII, 3), Зиэл, которого Арриан сравнивал по доблести с Гераклом (Arr. Bithyn. FGrH. 156 F. 89b)[24], или Прусий I, которого Мемнон характеризует как δραστήριος... καὶ πολλὰ πράξας (Memn. XXVII. 1)[25]. Данная особенность сближала Вифинию с державой Селевкидов, военный характер которой подчеркивает Э. Бикерман[26], но означенная черта была присуща не всем эллинистическим государствам в

---

[18] Ibid. S. 186.

[19] Арриан и Цец ошибочно отождествляют одного из сыновей Никомеда I с Прусием I, приходившимся ему внуком. См. *Habicht Ch.* Prusias (3) // RE. Bd. XXIII. 1. 1957. Sp. 1127. Варианты реконструкции родственных связей внутри династии: *Reinach.* Op. cit. P. 369; *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides. T. II. P., 1914. P. 644; *Beloch.* Op. cit. Abt. 2. S. 214.

[20] *Recueil. P.* 216; 218–219; ср.: *Попов Д.* Тракийската богиня Бендида. София, 1981. С. 27; 74. В сравнении с этими нумизматическими материалами монеты Прусия I выглядят явной попыткой поднять филэллинский престиж династии: на реверсе его тетрадрахм впервые было помещено изображение Зевса Стратия, ставшее наиболее употребительным символом у его преемников (*Le Rider G.* Un tetradrachme de Prusias de Bithynie // Archéologie et religions de l'Anatolie ancienne. № 10. Louvian-la-Neuve, 1983. P. 167–172).

[21] *Meyer Ed.* Op. cit. Sp. 522.

[22] См. *Габелко О.Л.* Этнический и социальный аспекты психологии вифинского общества в эллинистическую эпоху (Попытка реконструкции) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Докл. конф. М., 1993. С. 64.

[23] *Златковская.* Ук. соч. С. 200.

[24] Монеты Зиэла Т. Рейнак определяет как "monnaie de combat" (op. cit., p. 223).

[25] Ср.: *Habicht.* Prusias (1). Sp. 1106.

[26] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 15; ср.: *Свенцицкая И.С.* Восприятие царя и

равной мере. Так, в Птолемеевском Египте на первый план выдвигалась сакральная сущность монархической власти[27]. С середины II в. до н.э. военный характер монархии в Вифинии теряет прежнее значение: в официальной пропаганде образ царя-воина уступает место изображению монарха – покровителя культуры и искусств (Gran. Lic. XXXV; Plin. NH. VII. 12; XXXVI. 21; OGIS 342; 345; IG IV. 558).

Пожалуй, наиболее своеобразно взаимодействие различных традиций государственности сказалось на порядке престолонаследия в Вифинии. Присущие ему особенности могут быть определены при рассмотрении нередких в истории страны династических смут.

Такого рода кризис впервые возник в 280–277 гг. до н.э. после смерти первого вифинского царя Зипойта. На престоле утвердился его старший сын Никомед, но вскоре против него поднял мятеж один из трех его братьев – Зипойт Вифин, обосновавшийся в Финийской Фракии. Конфликт, обострившийся на фоне внешнеполитических трудностей, принял очень ожесточенный характер, но все же Никомеду I удалось заручиться поддержкой соседних греческих полисов и галатов и расправиться с Зипойтом (а также еще с одним из братьев) (Memn. XVII; XIX. 5; XX. 3; Liv. XXXVIII. 16. 7–9).

Как следует из сообщения Мемнона, Зипойт I завещал власть старшему из своих сыновей, что было типично как для эллинистических держав, так и для Фракии[28]. Каким же был статус остальных его детей? В источнике говорится о Зипойте Вифине: ὃς τῆς Θυνιακῆς ἐπῆρχε Θρακῆς (Memn. XVII), что расценивается многими исследователями как свидетельство захвата им этой области[29]. Надежнее обоснованной, однако, представляется несколько иная версия событий. Кажущийся более точным по контексту перевод слова ἐπῆρχε как "управлял" (а не "владел", согласно В.П. Дзагуровой), может указывать на то, что власть в Финийской Фракии не была узурпирована Зипойтом, а принадлежала ему на основании определенного наследственного права[30]. Сообщение Мемнона вполне возможно сопоставить с мнением тех исследователей, которые считают, что Понтийское царство было разделено на эпархии[31]; подобного рода территориально-административной единицей в составе Вифинии могла быть и Финийская Фракия[32]. Господство Зипойта в этой области, при всей отрывочности

царской власти в эллинистических полисах (По данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. М., 1990. С. 107.

[27] См. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 147–148; *Grant M.* From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. N.Y., 1984. P. 96–97.

[28] *Cary M.* A History of the Greek World from 323 to 146 BC. L., 1932. P. 251; *Бикерман.* Ук. соч. С. 20; *Златковская.* Ук. соч. С. 219.

[29] *Дройзен.* Ук. соч. Т. III. С. 99; *Tarn W.* The New Hellenistic Kingdoms // CAH. V. VII. Ed. 1. 1928. P. 100; *Дзагурова В.П.* Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии. Дис... канд. ист. наук. М., 1946. С. 109; *она же.* Мемнон. О Гераклее. С. 297. Прим. 1. Не столь категорично: *Corradi G.* Studi ellenisnici. Torino, 1927. P. 114.

[30] См. *Дройзен.* Ук. соч. Т. II. С. 373 (в отличие от приведенного выше мнения этого автора); *Schneiderwirth H.* Das Pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1885. S. 5; *Habicht Ch.* Zipoites (2) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 456.

[31] *Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A.* Pontus and it's Neighbours: the First Mithridatic War // CAH. V. IX. Ed. 1. 1932. P. 215; *Rostovtzeff.* SEHHW. V. II. P. 576; *Geyer F.* Mithridates // RE. Bd XV. Hlbd 30. 1932. Sp. 2201–2202; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. V. II. Princeton, 1950. P. 1070–1072; ср.: *Сапрыкин С.Ю.* Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 96.

[32] Сепаратизм, проявленный населением этой области, явно имел причиной внутридинастические противоречия, усугубленные внешнеполитическими проблемами. Данный эпизод не подтверждает мнения А. Фола о существовании в Вифинии полунезависимых племен, чьи вожди были неизменно враждебны центральной власти (*Fol.* Paralleles... P. 181); единственным примером, иллюстрирующим этот тезис, можно было бы считать упоминание Дионисием Византийским какого-то вифинского царя по имени Мукапорис (*Dion. Byz.* 96), но из этого отрывочного сообщения невозможно извлечь какую-либо информацию. Отметим, что в более поздней работе А. Фол высказал прямо противоположное мнение о территориальной компактности Вифинии и отсутствии в стране "местных династических линий" (*Фол А.* Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975. С. 98).

сведений о нем, напоминает власть фракийских парадинастов[33], а сама ситуация 280–277 гг. до н.э. в Вифинии сходна с положением дел во Фракии, когда после смерти царя одрисов Котиса I (359 г. до н.э.) разгорелась борьба за власть между Керсоблептом, Амадоком и Берисадом, завершившаяся разделом царства[34]. Уместна параллель и с эпизодами I в. до н.э., когда римляне после смерти фракийского царя Реметалка I разделили власть в стране между его сыном Котисом и братом Рескупоридом (Tac. Ann. II. 64), а затем передали господство над отдельными районами Фракии детям Котиса и Реметалку – сыну Рескупорида (Tac. Ann. III. 38).

Все эти сходные осбытия, видимо, имеют в своей основе связанные общим происхождением юридические нормы, регулировавшие порядок наследования царской власти и допускавшие возможность расчленения страны на отдельные области, которые передавались во владение тем или иным представителям царской семьи. При этом допускалась возможность "разделения" самóй суверенной власти, хотя чаще верховное правление сохранялось за одним из членов династии. Существование подобной практики, конечно же, никоим образом не способствовало сохранению стабильности внутри страны.

Другая междоусобица вспыхнула в Вифинии вслед за смертью Никомеда I (около 255–253 гг. до н.э., согласно В. Тарну)[35]. Царь записал наследниками детей от своей второй жены, в то время как его сын от первого брака Зиэл вынужден был бежать к царю армениев, опасаясь козней мачехи (Memn. XXII. 1). Здесь представляют интерес сразу несколько моментов. Во-первых, Никомед назначил для своих наследников опекунов – Птолемея II, Антигона Гоната, а также византийцев, гераклеотов и кианийцев (Memn. XXII. 1). Это был, насколько нам известно, первый из аналогичных примеров в истории эллинистических государств, и он мог подготовить почву для подобных действий других правителей[36]. Назначение опекунов свидетельствует об активном стремлении вифинского царя с выгодой войти в международно-правовые структуры эллинистического мира, обеспечить интересы союзников по Северной лиге[37] и гарантировать безопасность наследников. Но предотвратить гражданскую войну в Вифинии Никомеду I все же не удалось.

Во-вторых, довольно непонятным кажется указание Мемнона на то, что Никомед I записал наследниками своих детей от второго брака, а не кого-то одного из них (κληρονόμους μὲν τοὺς μὲν ἐκ τῆς δευτέρας γυναικὸς γράφει παῖδας). Довольно схожий эпизод, имевший место более чем через сто лет после описываемых событий, изложен Юстином: «Прусий (II – *О.Г.*) задумал убить своего сына Никомеда, так как "...заботился о младших своих сыновьях, прижитых им от мачехи Никомеда"» (Iust. XXXIV. 4. 1)[38]. Завещание царской власти не одному, а нескольким наследникам, вне какой-либо связи с практикой регентства или обычного соправительства, в корне противоречило бытовавшему в эллинистических монархиях принципу, согласно которому суверенная власть целиком переходила только к одному правомочному лицу[39]. Не следует ли видеть в этих действиях вифинских царей проявление каких-то

---

[33] О парадинастах см. *Златковская*. Ук. соч. С. 230–232.

[34] Там же на с. 217 эти события рассмотрены в связи с определением порядка наследования престола во Фракии.

[35] *Tarn W.* Antigonos Gonatas. Oxf., 1969. P. 327. Not. 38.

[36] Сравнение завещаний Никомеда I и Аттала III Пергамского: *Allen R.A.* The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 84. Not. 40. Д. Браунд указывает на различие между передачей царства Риму и "внешним опекунством" (*Braund D.C.* Rome and the Friendly King. The Character of Client Kingship. London – Canberra – New York, 1984. P. 148.

[37] *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 170. Другим фактором, учитывавшимся при назначении опекунов, была их враждебность к Селевкидам. См. *Will Ed.* Histoire politique du monde Hellénistique (323–30 av. J.–C.). T. I. Nancy, 1967. P. 246–247.

[38] Правда, это сообщение может иметь и другой смысл: Прусий просто опасался за жизнь своих младших детей, которых Никомед мог рассматривать как потенциальных соперников.

[39] *Бикерман.* Ук. соч. С. 19.

архаичных установлений, вероятно, также фракийского происхождения? Далее, вызывает интерес упоминание источника о том, что "стараясь спасти власть для младших детей царя, вифины выдают мать их замуж за брата Никомеда" (Memn. XXII. 2) – того, который не был уничтожен Никомедом I после подавления мятежа Зипойта Вифина. Налицо явное стремление подкрепить законность притязаний новых наследников апелляцией к отцовскому праву. Между тем похожая ситуация в истории Пергама нашла прямо противоположное разрешение: при слухах об убийстве Эвмена II в 171 г. до н.э. и после его смерти в 159 г. до н.э. брат царя Аттал дважды женился на его супруге, дабы обеспечить легальную основу своей власти (OGIS 303; 304; Diod. XXIX. 34; Liv. XLII. 16. 7–9; Plut. Mor. 184B). Таким образом, выявленные О.Ю. Климовым особенности престолонаследия в Пергаме, связанные с переходом от матрилинейного к патрилинейному наследованию и восходящие к местным анатолийским традициям[40], в истории Вифинии не прослеживаются[41]. Влияние фракийского субстрата с характерным для него утверждением отцовского права в данном случае оказалось более весомым.

Наконец, события 255–253 гг. до н.э. положили начало закреплению в истории вифинской династии еще одного типичного для эллинистического мира принципа: праву царя назначать своего преемника особым распоряжением, отступая от передачи власти старшему сыну[42]. Конфликты, вызванные противоречием двух систем престолонаследия: одной – основанной на праве первородства, другой – на праве монарха распоряжаться своим "достоянием" – царской властью – по собственному усмотрению, были нередки в державе Селевкидов[43]; не избежала их и Вифиния. В рассматриваемом здесь эпизоде развязанная Зиэлом гражданская война завершилась для него успешно; из этого следует, что осуществлению официально выраженной воли Никомеда воспрепятствовало реальное соотношение военно-политических сил.

Воцарение Зиэла сопровождалось отдельными неоднозначными деталями, которые уже в течение длительного времени привлекают внимание исследователей. Специфика вифинской βασιλεία определенным образом отразилась в титулатуре Зиэла в его письме "совету и народу Коса" – βασιλεὺς Βιθυνῶν Ζιαήλας[44]. Употребление определения-этникона в сочетании с именем царя и самим титулом βασιλεύς – единичное явление для эллинистической эпохи. На этом основании некоторые антиковеды пытались провести параллели между Вифинией и Македонией, где порой также встречались подобные официальные формулы, усматривая сходство в общественной психологии вифинцев и македонян с якобы присущим ей "сильным национальным самосознанием" (keen national consciousness)[45]. Хотя отрицать факт

---

[40] *Климов О.Ю.* Престолонаследие в эллинистическом Пергаме // Античное общество и государство. Л., 1987. С. 116–126.

[41] Брак Никомеда IV с его теткой, сестрой Никомеда III (*Gran. Lic.* XXXV. 29. 8–10; 30. 1) трудно объяснить стремлением укрепить право на престол, так как легитимность его власти уже была подтверждена римским сенатом и никем не оспаривалась (*Memn.* XXX. 3; *App.* Mithr. 10). Сводный брат Никомеда IV Филопатора Сократ во избежание возможных осложнений был отправлен отцом в Кизик, где жил, вероятно, как частное лицо (*Gran. Lic.* XXXV. 29. 6–8). Поначалу он не имел никаких притязаний на трон (*Gran. Lic.* XXXV. 29. 1–2).

[42] *Бикерман.* Ук. соч. С. 20.

[43] Там же. С. 21.

[44] Текст надписи и комментарий: *Herzog R.* Ein Brief des König Ziaelas von Bithynien an die Koer // AM. 1905. № 30. S. 173–182; *Welles.* RC. P. 118–123.

[45] *Dow S., Edson C.-F.* Chryseis. A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. V. XLVIII. 1937. P. 139. Исследователи полагают, что в случае обращения македонских царей к гражданам независимых государств в официальных документах могла употребляться титулатура βασιλεὺς Μακεδόνων (ibid.). По другой версии, изменение в титулатуре вифинских царей (и, в частности, исчезновение этникона в надписях последующих правителей) свидетельствует об усилении "абсолютизма" царской власти. См. *Treves P.* Les documentes apocryphes du "Pro Corona" // EC. V. IX. 1940. P. 151. Not. 2. Критика этих точек зрения дана в работе: *Aymard A.* Le protocole royal grec et son evolution // *Aymard A.* Etudes d'histoire ancienne. P., 1969. P. 80–81.

определенной этнической и политической консолидации вифинцев в IV–III вв. до н.э. не следует, подобные выводы строятся на слишком зыбких основаниях и потому едва ли могут быть приняты. Не имея возможности каким-либо иным образом объяснить столь необычное словоупотребление, многие историки склонны видеть в нем следствие ошибки царского секретаря, недостаточно основательно знакомого с особенностями общепринятых норм царской титулатуры[46].

Однако эта версия не снимает существа вопроса: ведь титул Зиэла в том виде, в каком он приведен в документе – это в любом случае не описка, а результат выражения каких-то политико-правовых норм, пусть даже не вполне соответствующих общеэллинистическим образцам[47]. По понятным причинам подобная формулировка не могла быть отнесена к представителям царских домов Селевкидов или Птолемеев – тем суверенам, чья власть носила исключительно персональный характер и нисколько не отождествлялась с "национальной" монархией[48]. Однако в истории Фракии имел место отраженный в эпиграфических памятниках инцидент, рассмотрение которого с большой долей вероятности способно помочь в объяснении того "уникального исключения"[49], какое являет собой титул Зиэла.

Дело в том, что близкая по форме титулатура засвидетельствована и для уже упоминавшегося Реметалка II: βασιλεύοντος Θρακῶ[ν Ροιμητάλκου][50] и Ροιμητάλκου Θρακῶν βασιλέως (IGB I 378). Характерно, что в более ранних надписях он именовался династом, но после описанных Тацитом событий (Tac. Ann. II. 67; III. 38; IV. 5; 47), приведших к фактическому объединению страны под его началом, принял новый титул, до того не употреблявшийся[51]. Появление еще одного соответствия между монархической властью во Фракии и Вифинии показательно само по себе, но сходство не исчерпывается только этой деталью. Ведь Зиэл занял престол после длительной и упорной борьбы за власть (Memn. XXII. 2), и не исключено, что до того, как им была одержана окончательная победа, ему пришлось идти на компромиссы. Мемнон говорит о заключении между враждующими сторонами каких-то договоров, приведших к установлению мира (Memn. XXII. 2); и можно допустить, что их результатом стало принятие промежуточных решений, включавших в себя как крайнюю меру даже временное разделение территории Вифинии между Зиэлом и его противниками[52]. Фактическое сохранение единства Вифинии и подчеркивание его (а, следовательно, и легитимности собственного правления) с помощью пропагандистских средств оставалось для Зиэла (как и для Реметалка во Фракии) очень важной задачей даже спустя несколько лет после его воцарения. Можно предположить, что именно на достижение этой цели и было направлено употребление необычной формулы βασιλεὺς Βιθυνῶν[53].

---

[46] Ibid.; *Vitucci*. Op. cit. P. 125–126. Not. 3; *Walbank F.W.* Monarchies and Monarchic Ideas // CAH. V. VII. P. 2. Ed. 2. 1984. P. 65. Not. 10. Не столь категорично: *Welles*. RC. P. 121; *Habicht Ch.* Ziaelas // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 391.

[47] Интересным кажется еще один момент, несколько проясняющий ситуацию, в которой находился Зиэл: он не называет царем своего отца Никомеда I, отказавшего ему в праве на престол (сткк. 9, 20). См. Tituli Asiae Minoris. V. IV. F. 1. Vindobonae, 1978. P. 6.

[48] *Бикерман.* Ук. соч. С. 5–7; *Walbnak.* The Hellenistic World. 74–75.

[49] *Aymard.* Op. cit. P. 80.

[50] *Иванов Т.* Два надписа от античните град при Разград // ИБАИ. Т. XIX. Сб. "Гаврил Кацаров". Ч. 2. 1955. С. 169.

[51] См. о Реметалке II и его титулах: *Gaggero G.* Nouvelles considérations sur les dynastes du I-er siècle de n. ere // Pulpudeva. Semaines philippopolitanes de l'histoire et de la culture thrace. III. Sofia. 1980. P. 312–314.

[52] Ср.: *Reinach.* Op. cit. P. 232; *Habicht.* Ziaelas. Sp. 390. Противоположное мнение основано на отсутствии монет, выпускавшихся от имени противников Зиэла (см. *Sevrugian E.* ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΙΘΥΝΩΝ ΖΙΑΗΛΑΣ // Schweizer Münzblätter. Bd. 23. 1973. S. 38). Однако и период единовластного правления Зиэла (значительно более продолжительный, чем предполагаемое существование в Вифинии отдельных доменов!) тоже небогат нумизматическими материалами: до нас дошло лишь пять бронзовых монет невысокого качества (*Schönert-Geiss E.* Bithynien // Chiron. 1978. Bd 8. S. 690). Видимо, монетное дело страны в это время переживало упадок, причину которого можно видеть в тяжелых последствиях гражданской войны.

[53] Восстановление аналогичного титула в надписи Никомеда IV из Афродисия (*Reynolds J.* Aphrodisius and Rome. L., 1982. P. 20–26) остается лишь предположением. Дж. Рейнольдс, видимо, исходит из построений

Конфликт, вызванный завещанием Никомеда I и его произвольной трактовкой заинтересованными сторонами, получил неожиданный отклик спустя приблизительно тридцать лет после его окончания. В 220 г. до н.э. во время войны между сыном Зиэла Прусием I и византийцами последние решили дестабилизировать положение своего врага, вызвав из Македонии нашедшего там убежище Зипойта (Тибойта), сводного брата Зиэла (Polyb. IV. 50. 1). Византийцы, как сообщает Полибий, намеревались выдвинуть его в качестве претендента на вифинский престол: οἱ δὲ Βυζάντιοι... ἐπί τε τὸν Τιβοίτην ἐξαπέστελλον... ἐδόκει γὰρ οὐχ ἧττον ἡ Βιθυνῶν ἀρχὴ Τιβοίτῃ καθήκειν ἢ Προυσίᾳ διὰ τὸ πατρὸς ἀδελφὸν αὐτὸν ὑπάρχειν τῷ Προυσίᾳ (Polyb. IV. 50, 8–9). Из источника отнюдь не следует, что династические права Зипойта были предпочтительны[54]; скорее они признавались лишь византийцами, чью акцию Д. Браунд расценивает как продолжение прежних опекунских обязательств, включавших в себя "предоставление военной силы против узурпации"[55]. Мнение, будто бы ни Зиэл, ни Прусий I не имели законного царского титула, о чем свидетельствует оказанная Зипойту поддержка, не кажется убедительным: события конца 250-х годов до н.э. уже потеряли свою актуальность, а действия византийцев и Македонии следует рассматривать как попытку воспользоваться сложившейся на тот момент внешнеполитической конъюнктурой, а не как проявление правовых норм, связанных с "внешним опекунством". К тому же еще Зиэл получил полное официальное признание от Птолемея III и со стороны ряда греческих полисов[56]. Ни о каких волнениях в Вифинии, вызванных неожиданно возобновившимися претензиями Зипойта на престол, источники ничего не сообщают; скорее всего, их просто не было.

Другая ситуация, связанная с назначением царем своего преемника в обход старшего сына, создалась в 149 г. до н.э. Прусий II, очевидно, не был уверен в действенности распоряжения, которое предоставило бы право на престол его младшим детям, родившимся от брака с дочерью царя фракийского племени кенов Диэгила (App. Mithr. 6)[57], и решил прибегнуть к более простому, с его точки зрения, средству – тайному убийству старшего сына, Никомеда. Это решение могло быть составной частью своеобразной "панфракийской" политики, отдельные проявления которой, кажется, имели место во второй половине царствования Прусия II. Суть ее заключалась в династическом и внешнеполитическом сближении с фракийским властителем, в отходе от последовательного филэллинизма и в ориентации на интересы наименее эллинизированных слоев вифинского общества[58]. Однако замысел царя не осуществился; Никомед II, пользовавшийся симпатиями вифинцев и поддержкой Пергама, сверг своего отца, а затем убил его (Iust. XXXIV. 4. 4–5; Diod. XXXII. 19–21; App. Mithr. 7; Plut. Cato Mai. 9; Zon. IX. 28. 1)[59]. Это, естественно, было прямым нарушением всех юридических

Доу и Эдсона (см. прим. 45); однако, если датировать этот документ временем, когда Никомед IV вернул себе престол после узурпации Сократа Хреста и вновь установил контроль над всей страной (а автор не исключает такой возможности), то появление этой формулы может оказаться вполне обоснованным.

[54] Так у К. Хабихта: *Habicht Ch.* Zipoites (3) // RE. Bd 10a. 1972. Sp. 459.

[55] *Braund.* Op. cit. P. 146.

[56] *Welles.* RC. P. 118–123; *Rostovtzeff.* SEHHW. V. I. P. 569–570.

[57] См. о Диэгиле и его отношениях с Прусием II: *Тачева М.* История на българските земи в древността. Ч. II. София, 1987. С. 60–61.

[58] В последующей войне против Никомеда II Диэгил оказал помощь своему зятю (*App.* Mithr. 6). Запутанное сообщение Суды о том, что войну против Аттала вел какой-то Νικομήδης Μονόδους (Suid., *s.v.* *Ἀπολλωνιάς λίμνη*) *может быть понято как выступление сына Прусия II от дочери Диэгила*, Прусия "Однозубого" (Liv. Per. 50; Val. Max. I. 8). против Никомеда II и поддерживавшего его Аттала II на стороне отца. Напротив, жители городов Никомедии и, возможно, Никеи, где удельный вес эллинского элемента был довольно значительным, выступили против Прусия II (App. Mithr. 7; OGIS 327).

[59] Интересно, что в ходе этих событий вновь возникла возможность разделения территории страны: Аттал II предложил Прусию II передать сыну часть своих владений (App. Mithr. 6). Все же трудно предположить, будто в случае удовлетворения этого требования произошла бы "легализация" царской власти Никомеда II (*Ritter H.W.* Diadem und Konigshersshaft. München, 1965. S. 162): ведь речь шла только о предоставлении городов для жительства (ἐς ἐνοίκεσιν) и области для получения доходов (ἐς εφόδια). Юридическим основанием для такого решения могли служить не какие-то фракийские установления, а

норм (не говоря уже о нормах моральных), и поэтому Никомед II первоначально подвергся осуждению со стороны римлян[60]. Но после его смерти сенат специальным постановлением передал власть над страной Никомеду III как отцовское наследие (ὡς πατρῴαν) (App. Mithr. 7), и видимость законности была соблюдена[61].

Еще один династический кризис был инспирирован около 90 г. до н.э. Митридатом Евпатором, с помощью вооруженной силы возведшим на вифинский престол сводного брата Никомеда IV, Сократа Хреста – сына Никомеда III от его наложницы кизикенки Хагны (Gran. Lic. XXXV. 29–30; Memn. XXX. 3; Iust. XXXVIII. 3. 4; 5. 8; App. Mithr. 10. 57)[62]. Аппиан специально оговаривает, что Никомед "как старший, законно владел страной" (App. Mithr. 13)[63], и потому римляне потребовали от Митридата выполнения решения сената об утверждении Никомеда царем (Memn. XXX. 3). Вскоре понтийский владыка был вынужден сам устранить Сократа (Iust. XXXVIII. 5. 8). Из описания этих событий невозможно вывести какие-либо специфические черты порядка наследования престола в Вифинии; эта распря по своему характеру была "типично эллинистической" и в принципе не отличалась от сходных эпизодов в истории династий Птолемеев, Селевкидов или Ариаратидов, также осложненных вмешательством извне. К началу I в. до н.э. генетические связи Вифинии и Фракии уже ослабели и не могли выразиться столь ярко, как раньше. Это было одним из проявлений тенденции, наметившейся еще в III–II вв. до н.э., когда вифинская βασιλεία вступила в активное соприкосновение с институтами других эллинистических монархий.

В развитии данного процесса можно выделить два этапа. Первый из них – период первичного синтеза фрако-анатолийских и общеэллинистических элементов государственности, происходивший с попеременным преобладанием то одних, то других. Попытки Зипойта поставить себя на один уровень с другими суверенами имели определенный вес, но, на наш взгляд, в целом не принесли желаемых результатов. Пожалуй, можно согласиться с теми исследователями, которые считают "истинным основателем" Вифинского царства (как "полноправной" эллинистической монархии с присущими ей особенностями) Никомеда I[64]. Он, по словам М.И. Ростовцева, заявил о себе как "греческий царь с греческим именем и греческой столицей"[65], чему способствовала прежде всего проводившаяся им филэллинская политика. Однако, как это ни парадоксально, именно Никомед I, единственный представитель вифинской династии, без каких-либо оговорок назван в оракуле Фаэннис "фракийским царем" (Zosim. II. 37. 1). Это высказывание, в отличие от фразы Малалы, именующего вифинскую династию "македонянами" (Malal. VIII. 67), не содержит явного противоречия, а скорее всего реально отражает отношение греков к Никомеду I именно как к фракийцу.

Никомеду I и его ближайшим преемникам, как было показано выше, пришлось столкнуться с серьезными трудностями в передаче власти, порожденными противоре-

---

восходящее к Ахеменидам и унаследованное эллинистическими державами право царя дарить земли и города своим родственникам и приближенным (см. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 149 сл.).

[60] *Geyer F.* Nikomedes (4) // RE. Bd XVII. 1936. Sp. 495.

[61] Этот факт фиксирует первое открытое вмешательство римлян во внутридинастические дела Вифинии. Основные черты клиентской зависимости Вифинского царства от Рима хорошо показаны Д. Браундом (Op. cit. P. 9–11, 135–136).

[62] Наиболее основательно этот сюжет рассмотрел Ф. де Каллатай, использовавший широкий круг нарративных и нумизматических источников (*Callataÿ F.* de Les derniers rois de Bithynie: problèmes de chronologie // Revue Belge de numismatique. 1986. T. CXXXII. P. 5–30).

[63] Сообщение о том, что Никомед IV Филопатор был сыном танцовщицы (*Iust.* XXXVII. 5) и, следовательно, не мог считаться полноправным наследником престола, Т. Рейнак склонен считать результатом пропаганды Митридата Евпатора (*Reinach Th.* L'Histoire par les monnaies. P., 1902. P. 174).

[64] *Дройзен.* Ук. соч. Т. III. С. 376; ср.: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Ч. II. М., 1966. С. 128.

[65] *Rostovtzeff.* SEHHW. V. I. P. 568; ср.: *Magie.* Op. cit. V. I. P. 312.

чиями архаичных фракийских традиций с укрепляющимися эллинистическими. Важным шагом в решении этих проблем стало утверждение связей вифинского царского дома с другими династиями – Селевкидами при Зиэле (Porphyr. FGrH. 260 F. 32. 8) и особенно Антигонидами при Прусии I и Прусии II[66]. Последний, однако, в дальнейшей своей деятельности способствовал возобновлению некоторых установлений фракийского происхождения.

Этап развития вифинской государственности в полном соответствии с традициями и образцами эллинистических монархий берет начало в период царствования Никомеда II. В это время окончательно складывается концепция божественного происхождения царской власти, что нашло отражение в эпиграфических памятниках, связанных с именами Никомеда II и его матери Апамы[67]. Никомед II первым в вифинской династии принял почетное имя и был назван Эпифаном; его преемники тоже последовали этому примеру и получили эпитеты Эвергет и Филопатор. Характерно, что сын и внук Никомеда Эпифана сохраняли на своих монетах его изображение[68]. Наряду с введением датировки монет по годам царской эры данное обстоятельство расценивается как проявление желания считать воцарение Никомеда II новым основанием династии[69] и тем самым еще резче подчеркнуть разрыв не только с личностью непопулярного Прусия II, но и с его политикой.

В Вифинии, как и в других эллинистических государствах, царь сосредоточивал в своих руках всю военную и государственную власть[70]. При вифинском дворе отмечено присутствие "друзей" царя[71] и, возможно, телохранителей (σωματοφύλακες) (App. Mithr. 5). Насколько можно судить по данным нумизматических и нарративных источников, внешняя атрибутика вифинских царей тоже не была чем-то необычным: среди знаков царского достоинства фигурируют диадема и пурпурное одеяние (App. Mithr. 5)[72].

Вифинское царство прекратило свое независимое существование в 74 г. до н.э. в результате передачи его Риму по завещанию Никомеда IV Филопатора. Тем самым Вифиния разделила судьбу других эллинистических государств, включенных в Римскую державу не силой оружия, а посредством иных форм политической экспансии Рима в Восточном Средиземноморье. Выход из последнего в истории страны династического кризиса представителям правящего дома найти не удалось, и нестабильное положение царского дома оказалось одним из факторов, приведших в крушению вифинской государственности. Чем же объясняется непрочность организации государственной власти в Вифинии?

Можно назвать две главных причины. Первая из них – некоторая отсталость политических институтов вифинского общества, восходящая (по крайней мере, отчасти) к фракийскому "наследию" и далеко не всегда соответствовавшая историческим условиям эпохи эллинизма. Консервативность отдельных устоев вифинской государственно-политической системы значительно затрудняла нормальную передачу власти и вела к многочисленным смутам, заговорам и узурпациям – явлениям, и без

---

[66] См. *Seibert J.* Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischen Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 42–43, 116–118.

[67] IvPriene 55; IG II^2 3172. Ср. с обращением к Никомеду III автора "Периэгесиса": θειότατε βασιλεῦ Νικόμηδες. (Ps.-Scymn. 2). Жертвоприношение, проводившееся на Косе в честь одного из вифинских царей, следует связывать, скорее всего, с Никомедом II. См. *Sherwin-White S.N.* Ancient Cos. An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period. Göttingen, 1978. О культе Прусия I в основанном им городе Вифинионе см. *Robert L.* A traves l'Asie Mineure. P., 1980. 129–132.

[69] *Recueil.* P. 217.

[70] *Vitucci.* Op. cit. P. 125.

[71] *Robert L.* Etudes anatoliennes. P., 1937. P. 238.

[72] Изменение вида царской диадемы на монетах Прусия II отражает династические связи с Антигонидами. См. Recueil. P. 216; *Davis N., Kraay C.M.* The Hellenistic Kingdoms: Portrait Coins and History. L., 1973. P. 194. О знаках царского достоинства вифинской династии см. *Ritter.* Op. cit. S. 161–162.

того достаточно широко распространенным в истории эллинистических династий[73]. Несмотря на это, продолжительность правления каждого из восьми вифинских царей была весьма значительна – от двадцати лет у Никомеда IV до почти половины века у Зипойта и Прусия I ! Вторая причина видится в сложности синтеза различных традиций государственности и невозможности их органичного соединения в рамках единого института монархической власти. В данном аспекте положение Вифинии было довольно своеобразным: ведь в этой стране греко-македонская цивилизация вступала в контакт не с чисто азиатским субстратом, а с элементами общественных отношений, характерных для племен европейских фракийцев, приобретшими, кроме того, ряд своеобразных черт в результате слияния с анатолийскими и, возможно, иранскими традициями. Взаимодействие столь различных факторов часто приводило к довольно неожиданным результатам, и можно констатировать, что определение эллинизма как периода, лишенного стабильности и характеризующегося поиском во всех направлениях[74], находит убедительное подтверждение в истории становления и эволюции царской власти в Вифинии.

О.Л. Габелко

SOME PECULIARITIES OF THE KING'S POWER IN BITHYNIA

(To the Problem of Interrelations of Thracian and Hellenistic Traditions)

O.L. Gabelko

The article is devoted to the role of Thracian legacy in the establishment and evolution of the institution of monarchical power in Bithynia. As a Hellenistic state the kingdom of Bithynia developed in the mainstream of processes taking place in the Eastern Mediterranean, but in many ways it preserved its distinctive features.

The impact of the Thracian tradition is felt in the reflection of typically Thracian cults on coins of Nicomedes I, in the explicitly military nature of Bithynia's monarchical power. Many representatives of the dynasty had Thracian names (Zipoetes, Ziaelas, Prusias). The procedure for the succession to the throne vividly reflected the archaic Thracian ways. Numerous dynastic crises (the fight of Nicomedes I against his brother Zipoetes Bithynes, the war of Ziaelas with the children of Nicomedes I from the second marriage who were appointed his heirs, usurpation of power by Nicomedes II, etc.) were caused by the controversial practice of transmitting power which often provided for bequeathing the throne to several heirs simultaneously or dividing the country into separate regions to be given to representatives of the ruling dynasty. In the history of European Thrace such incidents were also quite frequent.

It is only since the reign of Nicomedes II (149 – ca. 127 B.C.) that the Bithynian βασιλεία (titles, the cult of the king, insignia of the monarch's power) came to resemble the Hellenistic model in all respects. But the precarious position of the ruling dynasty which was largely a result of different concepts of the monarch's power embodied in Bithynia's statehood remained unstable until the moment when Nicomedes IV bequeathed his country by will to Rome in 74 B.C.

[73] Не исключено, что в Вифинии имел место еще один случай узурпации власти: сохранилось упоминание Грания Лициниана об отравлении Никомеда III (XXXV. 30. 7). Хотя Дж. Витуччи не склонен доверять этому сообщению (op. cit., p. 107), косвенным подтверждением ему может служить фраза Плиния Старшего: Interfecto Nicomede rege... (*Plin.* NH. VIII. 65. 5), относящаяся, вероятно, именно к Никомеду III.

[74] *Свенцицкая И.С.* Выступление в дискуссии по общим проблемам эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо. 1982. Тбилиси. 1985. С. 109.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ БОЖЕСТВА В ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В "ИУДЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЯХ" ИОСИФА ФЛАВИЯ

"Иудейские древности" Иосифа Флавия принадлежат к определенному жанру исторической литературы, получившему распространение в эллинистическое время. Мы знаем, что произведения подобного рода выходили из-под пера представителей многих народов, попавших после завоеваний Александра в сферу влияния греческой культуры и, как правило, представляли собой изложение отечественной истории на греческом языке, в традициях греческой историографии и обращенное к греческому читателю.

С тех пор как в историографии впервые был поднят вопрос об источниках "Иудейских древностей" исследователи неоднократно отмечали, что при их написании Иосиф не только широко использовал труды греческих авторов, но и заимствовал из современной ему греческой риторики целый ряд понятий и топосов. Некоторые из них, как, например πρόνοια θεοῦ, εὐσέβεια, ἐλευθηρία, δικαιοσύνη, занимают центральное место в его повествовании. Особенно ярко это видно при сопоставлении библейского парафраза, составляющего значительную часть "Иудейских древностей", с языком Септуагинты, которая наряду с еврейской Библией послужила одним из главных источников этой части его труда[1]. Вместе с тем в своей истории иудеев Иосиф избегает такого ключевого понятия библейской традиции, как "завет"[2], иудейский закон часто определяется им как государственное устройство (πολιτεία), а Моисей именуется законодателем (νομοθέτης)[3]. Заметим, что во всех этих случаях речь идет не о трудности перевода на греческий язык ("завет" и "закон" имеют устойчивые соответствия в Септуагинте), а именно об интерпретации: намеренном переводе важнейших понятий иудаизма на язык греческой риторики.

Наиболее полное на сегодняшний день исследование библейской части труда Иосифа представляет собой монография Гарольда Аттриджа, в которой автор формулирует и иллюстрирует общие принципы библейского пересказа, все основные темы и понятия, которые использует здесь Иосиф[4]. В то же время смысловые расхождения между текстом Библии и изложением Иосифа не всегда достаточно четко выделены в монографии, в то время как именно они отражают мировоззрение нашего автора и должны, на наш взгляд, стать предметом специального исследования. Кроме того, чтобы говорить о своеобразии взгляда Иосифа на историю, необходимо понять, в какой мере изменения, внесенные им в библейский текст, связаны с остальной частью "Иудейских древностей" и обусловлены, таким образом, общим замыслом труда, т.е. существует ли концептуальное единство в рамках "Иудейских древностей"? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, как мне кажется, обратиться к следующему этапу исследования и попытаться детально проследить судьбу основной концепции Иосифа – концепции божественного промысла или вмешательства Божества в ход

---

[1] Об употреблении Иосифом в рамках библейского парафраза ярко выраженной фразеологии и концепций классических греческих авторов см. *Feldman L.H.* Use, Authority and Exegesis of Mikra in the Writings of Josephus // Mikra. Text, Translation, Reading and Intrpreetation of Hebrew Bible in ancient Judaism and Early Christianity / Ed. M.J. Mulder. Assen-Minneapolis, 1990. P. 489–503 (с библиографией).

[2] Ср.: *Jaubert A.* La notion d'alliance dans le judaisme aux abords de l'ère chrétienne. P., 1963. P. 345–348.

[3] *Paul A.* Le Judaisme ancien et la Bible. P., 1987. P. 181–183; *Attridge H.* The Interpretation of Biblical History in *Antiquitates Judaeorum*. Missoula, 1976. P. 62.

[4] *Attridge.* Op. cit.

истории – и связанной с ней терминологии[5] на всем протяжении его труда в рамках конкретной сюжетной линии.

В данной статье я предлагаю сосредоточить внимание на теме войны в "Иудейских древностях" и сделать предметом исследования описания битв, связанных с упоминанием божественного вмешательства в ход событий. Первая задача статьи – определить, какова композиция этих описаний, придерживается ли Иосиф единой системы описания битв или же он зависит здесь от источника. Вторая задача – проследить, каким языком пользуется Иосиф для описания божественного вмешательства в ход военных действий, насколько меняется этот язык в зависимости от используемых автором источников, т.е. при переходе от библейского пересказа к той части повествования, которая опирается главным образом на эллинистическую историографию; наконец, как соотносится терминология Иосифа с принятой у эллинистических историков и какую трансформацию переживают у него составляющие ее понятия (в частности, τὸ δίκαιον и δικαιοσύνη).

Тема победы иудеев в войне как результата божественной поддержки, заступничества, помощи – одна из главных в библейском пересказе "Иудейских древностей". Практически все описания военных действий, где так или иначе упоминается о влиянии Божества, строятся по определенному плану. Он включает в себя (в качестве более или менее обязательных) несколько элементов: *1*) молитвенное обращение к Богу перед лицом опасности нашествия во много превосходящих иудейское войско сил иноплеменников (в том случае, если инициаторами похода выступают иудеи, молитва о спасении заменяется обращением к пророку об исходе военного предприятия); *2*) обещание помощи и поддержки либо предсказание об успехе предстоящего военного предприятия, получаемое через пророка или первосвященника; *3*) обращение полководца к воинам с речью для поддержания их духа; *4*) поражение неприятеля в открытом бою при видимой поддержке Яхве или чудесное избавление Израиля без боя; *5*) принесение благодарственных жертв и славословия в честь всемогущего Бога – заступника, союзника и спасителя Израиля[6].

---

[5] Проблема словоупотребления у Иосифа получила определенное развитие в литературе. Классической в этой области является работа: *Schlatter A.* Die Theologie des Judentums nach dem Bericht des Josephus. Gütersloh, 1932. В послевоенное время вышло несколько исследований об употреблении отдельных понятий у Иосифа: *Best E.* The Use and Non-use of Pheuma by Josephus // NT. 1959. 3. P. 218–225; *Fischer J.B.* The Term Despotes in Josephus // JQR. 1958/59. 49. P. 132–138; *Staehlin G.* Das Schicksal im Neuen Testament und bei Josephus // Josephus Studien: Festschrift O. Michel / O. Betz, K. Haacker, M. Hengel. Göttingen, 1974. S. 319–343. а также замечательная по полноте собранного материала работа Д. Линдсея: *Lindsay D.R.* Josephus and Faith: Pistis and Pisteuein as Faithterminology in the Writings of Flavius Josephus and the New Testament. Leiden – New York – Köln, 1993. Содержательные, однако далеко не исчерпывающие эссе о словоупотреблении Иосифа приводятся в статьях Теологического словаря Нового Завета (Theologisches Worterbuch zum Neuen Testament. Bd I–VIII. Stuttgart, 1966 ff.). Однако во всех этих работах лексика Иосифа рассматривается в контексте языка Нового Завета и Септуагинты. Задача изучения лексики Иосифа с точки зрения его собственных концепций и в связи с композицией его собственных трудов по-прежнему ждет своего исследователя.

[6] Эта схема в основном выдержана в следующих описаниях: AJ II.329–344 – переход через Красное море; III.39–58 – битва иудеев с амалекитянами; V.58–61 – поход Иисуса Навина против ханаанейских царей, напавших на гаваонитян; V.62–67 – битва Иисуса Навина с ханаанейскими царями у Вирофы в Галилее; V.222–229 – битва Гедеона с мадианитянами; V.256–263 – битва Иеффая (Иефты) с аммонитянами; VI.24–28 – чудесное спасение иудеев от руки филистимлян; VI.75–79 – битва Саула с аммонитским царем Наасом; VI.115–116 – битва Саула с филистимлянами; VI.187–192 – битва Давида с Голиафом; VI.271 – битва Давида с финистимлянами в земле килланцев; VI.359–364 – битва Давида с амалекитянами, разграбившими Секелу; VII.71–77 – два сражения Давида против филистимлян в "долине Рефаимов (Гигантов)"; VIII.282–284 – битва иудейского царя Авии с израильским царем Иеровоамом; VIII.292–295 – битва иудейского царя Асы с эфиопским царем Зараем; VIII.373–378; 381–384 – два похода Бен-Адада против Ахава; IX.7–15 – поход моавитян и аммонитян против иудейского царя Иеосафата; IX.29–41 – поход трех царей против моавитского царя Месы; IX.178–184 – три победы Иосии над сирийцами, предсказанные Елисеем; IX.188–191 – поход иудейского царя Амасии против амалекитян, гаваонцев и идумеев; IX.276 – угроза нашествия

В целом эта схема, принятая Иосифом при описании битв, заимствована из библейского текста и отражает его структуру. Однако описания военных действий встречаются и за пределами библейского пересказа. Организует ли Иосиф внебиблейский материал, сообразуясь с образцом ветхозаветных описаний?

Примером контекста с упоминанием о божественном вмешательстве в ход военных действий и условиях победы в войне может служить рассказ о походе Ирода против аравийцев. Описание последней – победоносной – битвы иудейского войска предваряется пространной речью Ирода (AJ XV.127–146). "Сначала я хочу продемонстрировать, что война, которую мы ведем, справедлива (ὡς δικαίως αὐτὸ ποιοῦμεν), обращается Ирод к солдатам, потому что мы вынуждены вести ее в силу оскорбления, (которое мы претерпели от) наших противников. Понимание же этого послужит вам источником величайшей храбрости. Затем, я покажу, почему и в теперешнем нашем положении нет ничего ужасного, но есть много надежд на победу" (XV.129).

Таким образом, основной аргумент в пользу грядущей победы – справедливость войны со стороны иудеев, а сознание этой справедливости – главный источник их мужества. Объяснению того, в чем состоит правота иудейского войска, посвящена большая часть речи. Война началась из-за нежелания аравийского царя выплачивать римлянам двести талантов, в то время как поручителем за эти деньги был Ирод. Таким образом, аравийцы поступили вероломно по отношению к дружественному народу иудеев, благодаря которому они фактически сохранили свою независимость. Верность, которую пристало соблюдать даже по отношению к врагам, они принесли в жертву интересам своей выгоды, "не считая зазорным несправедливость (τὸ ἄδικον), лишь бы только иметь возможность обогатиться" (AJ XV.134)[7]. "Можем ли мы еще задаваться вопросом, нужно ли наказать беззаконников (τοὺς ἀδίκους), в то время как этого желает Бог, призывая всегда ненавидеть бесчинство и несправедливость (ἀεὶ μισεῖν τὴν ὕβριν καὶ τὴν ἀδικίαν)? – продолжает Ирод. Тем более, что мы начинаем не только справедливую (δίκαιον), но и вынужденную войну: дело в том, что они убили наших послов, что признается в высшей степени беззаконным и у эллинов, и у варваров. ...Что может быть более нечестивого, чем убийство послов, ведущих переговоры ради (установления) справедливости (ὑπὲρ τοῦ δικαίου διαλεγομένους)? И как же те, кто совершил по отношению к ним такое (злодеяние), еще могут рассчитывать на спокойную жизнь или удачу в войне?" (AJ XV.135–137). Таким образом, вторым пунктом обвинения против аравийцев служит убийство иудейских послов. Третий пункт состоит в том, что в последней битве аравийцы воспользовались нападением отряда Афинея (как мы узнаем из AJ XV.116, он был военачальником в той части Аравии, которая находилась в зависимости от Клеопатры), который выступил против иудеев без объявления войны (ἐπέθετο πόλεμον ἀκήρυκτον ἐπάγων)[8]. Поэтому победа, одержанная аравийцами в этой битве, достигнута нечестным путем: ἐξ ἀδικίας. Все эти обвинения собраны в заключительной фразе, где Ирод призывает своих воинов выступить против "вероломных в дружбе, непримиримых в ссоре[9] и нечестивых по отношению к послам" (τοὺς ἀδίκους

ассирийского царя; X.11–17; 21 – нашествие Рампсака, полководца ассирийского царя Сенаххериба; XII.288–292 – битва Иуды Маккавея с Сироном; XII.300–312 – поход Горгия против Иуды Маккавея; XII.406–412 – поход Никанора против Иуды Маккавея. Та же схема, но с "обратным знаком" верна для описания битвы Саула с филистимлянами при горе Гелвуе (Гильбоа) (AJ VI.327–336; 368–373), а также нашествия египетского царя Сусакима (VIII.253–259), битвы Ахава и Иеосафата против Бен-Адада (VIII.398–415). Эта же схема в предельно укороченном виде присутствует в эпизоде, где речь идет о походах Давида против Адразара, царя Дамаска (VII.105–106).

[7] Обвинение в "вероломстве" или "нарушении верности" в греческом мире часто служило основанием при объявлении войны: De *Romilly J.* Guerre et paix entre cités // Problèmes de la guèrre en Grèce ancien / Ed. J.-P. Vernant. P., 1985. P. 212.

[8] О том, что "πόλεμος ἀκήρυκτον" была нарушением общепринятых законов ведения войны, ср.: *Romilly.* Op. cit. P. 213.

[9] Здесь ἄσπονδος в значении "не допускающий договоров или перемирия", т.е. непримиримый.

μὲν πρὸς φιλίαν, ἀσπόνδους δὲ ἐν ταῖς μάχαις, ἀνοσίους δὲ εἰς πρέσβεις...) (AJ XV.146).

Беззакония, совершенные аравийцами, не позволяют им надеяться на победу в предстоящей битве несмотря на численное превосходство, поскольку поддержка Божества будет не на их стороне: "Впрочем, может найдется человек, который скажет, что святость и справедливость (ὅσιον καὶ δίκαιον) на нашей стороне, в то время как те (т.е. противники) храбрее и многочисленнее. Но... нам не пристало так рассуждать, ибо с кем справедливость, с тем и Бог, а где Бог, там сила и мужество (μετ' ὂν γὰρ τὸ δίκαιον μετ' ἐκεῖνον ὁ θεὸς, θεοῦ δὲ παρόντος καὶ πλέθος καὶ ἀνδρεία πάρεστιν)" (XV.138).

Далее Флавий сообщает о принесении "установленных жертв" (XV.146), затем следует подробное описание битвы и поражения аравийцев. В финале эпизода Иосиф не только не упоминает о божественной поддержке, но и выставляет Ирода как главного виновника успеха в сражении: "В таком бедственном положении аравийцы, изумляясь военному искусству Ирода, добровольно подчинились ему и признали его правителем своего народа. Ирод, очень радуясь успеху, вернулся в свою страну, где его сильно превозносили за этот подвиг" (XV.159–160).

С первого взгляда ясно, что приведенный эпизод никак не укладывается в "ветхозаветную" схему. На место центрального для описания любой ветховзаветной битвы мотива обращения иудейского войска (военачальника, царя) к Богу и Его ответа[10] становится обращение военачальника к войску с рассуждением о справедливости их общего дела в начатой войне.

Посмотрим теперь, каким образом вписывается этот эпизод в контекст представлений, отраженных в греческой литературе. Известно, что представление о "справедливой" войне связано с определенными правилами объявления и ведения военных действий, принятыми в греческом мире. Они требовали публичного обоснования необходимости военных действий со стороны нападающих, заключения перемирий на время общеэллинских праздников, гарантировали безопасность послов как в мирное, так и военное время, защищали интересы пленных, неприкосновенность святилищ, обеспечивали соблюдения ритуала погребения павших и др. О происхождении и природе этих правил де Ромийи замечает: «В основе этих запретов лежала либо религиозная санкция, либо то, что греки охотно называли "законами, общими для всех" установлениями, которые, будучи неписаными, однако, приобретали в глазах общественного мнения фактически сакральный авторитет»[11]. Соглашаясь с де Ромийи, Пьер Дюкрей более подробно высказывается на эту тему: "Если некоторые злоупотребления (допускаемые во время войны) воспринимались как преступления против религиозного закона, другие, напротив, представляли собой нарушение обычаев, которые лежали в основе неписаного договора, добровольно признаваемого всеми греками. Попрание этих обычаев, как правило, обозначалось понятием ἀδικία и предполагало, что действие, вменяемое в вину (той или иной стороне), выходит за рамки того, что подразумеваемое соглашение между противниками рассматривает в качестве допустимого. Эти принципы взывали к совести и благоразумию воюющих и составляли своеобразный кодекс ведения войны, который, хотя и беспрестанно ставился под угрозу, все-таки пользовался несомненным доверием"[12] .

Те же представления о ведении войны находят отражение и у авторов эллинистического времени. Так, у Полибия мы встречаем рассуждения о справедливой войне как той, которая преследует цель наказать беззаконников, отомстить за совер-

---

[10] Достаточно вспомнить, что молчание Бога в ответ на вопрошение Саула по поводу исхода грядущей битвы при горе Гильбоа, будучи для царя признаком неминуемого поражения, повергает его в отчаяние и заставляет обратиться к вызыванию мертвых: "Когда же Бог не ответил ему, Саула объял еще больший страх и он пал духом, предвидя неизбежное несчастье, поскольку Бог не был на его стороне" (VI.329).

[11] *Romilly*. Op. cit. P. 212.

[12] *Ducrey P.* Aspects juridiques de la victoire et du traitement des vaincus // Problèmes de la guerre... P. 231.

шенные преступления: войну Ахейского союза против этолийцев он называет "справедливой и соответствующей произошедшим беззакониям" (δικαίαν καὶ πρεπούσαν τοῖς γεγονόσιν ἀδικήμασιν – Polyb. 4.26.1). У него же упоминается о "правилах и законах войны" (πολέμου νόμοι καὶ τὰ τούτου δίκαια), которые в общем виде сводятся к тому, чтобы не допускать излишней жестокости, но применять силу только в той степени, какая необходима, чтобы наказать беззаконников (Polyb. 5.11.3–4).

С другой стороны, как и в речи Ирода, у Полибия те, кто, нарушив законы войны (в частности договоры, скрепленные клятвенными обязательствами), совершил преступления против людей, не могут рассчитывать на поддержку богов. Для иллюстрации приведем один из эпизодов (Polyb. 38.1.1–8.2). Накануне III Пунической войны Гасдрубал просит своего союзника нумидийского царя Голосса походатайствовать перед Сципионом, чтобы тот пощадил осажденный Карфаген и сообщить полководцу, что Гасдрубал готов принять любые его условия. На вопрос царя, как он, находясь в крайне стесненных обстоятельствах, может надеяться на выполнение просьбы, которая была отклонена даже тогда, когда его положение было гораздо лучше, Гасдрубал отвечает, что он рассчитывает на помощь внешних союзников, не считает отчаянным положение собственных войск, но более всего уповает на помощь богов, "поскольку они не оставят своим вниманием тех, кто сделался жертвой явного предательства (προφάνως παρασπονδουμένους), но предоставят им многочисленные пути к спасению". Таким образом, Гасдрубал рассчитывает на помощь богов как человек, против которого было совершено предательство, и предупреждает об этом римского полководца.

Выслушав просьбу Гасдрубала, переданную Голоссом, Сципион с негодованием восклицает: "Не с этой ли просьбой ты намеревался обратиться ко мне в тот момент, когда столь нечестиво обошелся с римскими пленниками? Теперь же ты уповаешь на богов, не соблюдя даже человеческих законов?". Гасдрубал виновен в жестоком обращении с пленниками, тем самым в нарушении человеческих законов, и уже в силу этого, по мнению римлянина, не может рассчитывать на поддержку богов, а следовательно, на победу. Трудно удержаться от сравнения с приведенным выше совершенно аналогичным высказыванием Ирода в "Иудейских древностях": "Как же те, кто совершил по отношению к ним (послам. – *Л.С.*) такое (злодеяние), еще могут рассчитывать на спокойную жизнь или удачу в войне?" (AJ XV.137).

Итак, преставления, которые содержатся в речи Ирода, соответствуют эллинистической практике ведения войны и находят параллели в греческой историографии. Что же происходит с концепцией божественного вмешательства при переходе от "ветхозаветной" схемы к "эллинистической"? В речи Ирода, так же как и у Полибия, божественная поддержка зависит о того, на чьей стороне справедливость (τὸ δίκαιον), причем δίκαιον выражает в этих контекстах отношение между противниками, а ἀδικία понимается как нарушение общего для обеих сторон закона. Бог выступает здесь, так же как и в греческой литературе, в качестве верховной санкции этого закона, отвлеченной высшей силы, которая через действия людей обеспечивает соблюдение справедливости и наказание преступлений[13]. Именно в этом смысле Ирод говорит о том, что аравийцы поступают по отношению к своим союзникам "подобно варварам, не знающим Бога" (AJ XV.130). В последней фразе θεός фактически превращается в метафору справедливости: "не знающим Бога", т.е. "не признающим принципа справедливости".

---

[13] По поводу часто встречающегося в греческой литературе употребления ὁ θεός наряду с οἱ θεοί и значения этих терминов см. фундаментальную работу Франсуа: *Francois G.* Le polythéisme et l'emploi en singulier des mots θεός, δαῖμον. P., 1957. Проанализировав все доступные классические тексты, автор приходит к выводу, что в контекстах, где речь идет о вмешательстве богов в земные дела, конструкции с единственным и множественным числом абсолютно взаимозаменяемы и термин ὁ θεός в этих случаях имеет "обобщающее значение" и определяет совокупность богов, иначе говоря, мир богов, или небо как некую абстрактную "божественную силу" (ibid., p. 17, 307–309).

Справедливость, упомянутая в приведенной выше сентенции Ирода (μεθ' ὧν γὰρ τὸ δίκαιον μετ' ἐκείνου ὁ θεός), связана с представлением о справедливом возмездии, которое Бог помогает осуществить над беззаконниками: согласно логике аргументов, представленных в речи, "наказать беззаконников необходимо", потому что "этого хочет Бог, который призывает всегда ненавидеть бесчинство и несправедливость" (ἀεὶ μισεῖν τὴν ὕβριν καὶ τὴν ἀδικίαν) (AJ XV.135). Таким образом, концепцию божественного вмешательства в войну, характерную для "эллинистической" схемы, мы можем назвать концепцией справедливого воздаяния.

Представление о том, что Бог помогает совершить справедливое возмездие по отношению к противнику, мы находим еще в нескольких эпизодах. Так, Иосиф рассказывает, что когда во время осады Аристобула Гирканом наступил праздник Пасхи, священники осажденного города договорились с противниками о покупке жертвенных животных. Однако, получив деньги, сторонники Гиркана ничего не отдали взамен, тем самым "нарушив обещания и нечестиво поступив по отношению к Богу" (AJ XIV.27). "Обманутые (παρασπονδηθέντες – букв.: те, в отношении которых были нарушены договоры. – *Л.С.*) священники воззвали к Богу, чтобы он воздал их соплеменникам по заслугам", Бог же не стал медлить с наказанием (AJ XIV.28). То, что преступление клятвенных обещаний само по себе является беззаконием и подлежит божественному возмездию, даже если оно не связано, как в данном случае, с культом, видно из последней фразы: сторонники Аристобула взывают к Богу именно как пострадавшие от вероломства противников.

В следующем эпизоде Антиох Сидет посылает одного из своих военачальников против Иудеи, в нарушение договора о дружбе и союзе, который он заключил с первосвященником Симоном (Хасмонеем). "Симон же, услышав о беззаконии Антиоха, хотя был уже стар, побужденный несправедливостью, которую ему пришлось претерпеть от Антиоха (ὑπὸ τοῦ μὴ δικαίων τῶν παρ' Ἀντιόχου γινομένων)... выступил в поход с юношеским пылом" (AJ XIII.226). Он не проиграл ни одного сражения, но во всех одержал верх над противниками.

В седьмой книге (AJ VII.117–129) Иосиф рассказывает о войне Давида против аммонитян и союзных с ними сирийцев. Аммонитский царь Аннон наносит оскорбление послам Давида, прибывшим подтвердить прежнюю дружбу (VII.117–118). Узнав об этом, Давид "ясно дал понять, что он не оставит без внимания... (нанесенное) оскорбление, но пойдет войной против аммонитян, чтобы наказать царя за беззаконие, допущенные ими (аммонитянами. – *Л.С.*) по отношению к (иудейским) послам" (VII.120). Далее по тексту Иосиф еще раз замечает: аммонитяне "нарушили договоры, за что заслуживают наказания" (VII.121). Выступая в поход, Давид уповает "на Бога и на то, что собирается вести справедливую войну за нанесенную обиду" (τὸ δικαίως αὐτοῖς ἀνθ' ὧν ὑβρίσθη πολεμεῖν μέλλειν) (VII.122)[14]. Однако мотив справедливого воздаяния противникам вовсе не доминирует в ветхозаветной части "Древностей". Более того, есть контексты, которые ясно показывают, что одного факта ведения справедливой войны еще недостаточно для уверенности в божественной поддержке. Так, Давид, намереваясь выступить в поход против амалекитян, чтобы вернуть захваченное у него в Секеле имущество, повелел первосвященнику Авиафару "вопросить Бога, позволит ли Он ему (т.е. Давиду. – *Л.С.*), если тот пустится в погоню за амалекитянами, захватить и спасти женщин и детей, и отомстить врагам" (AJ VI.359)[15]. И только получив пророчество о грядущей победе, царь выступает в поход.

С другой стороны, Иосиф иногда говорит о вероломстве и нарушении договоров противниками иудеев, ничего не упоминая о справедливом воздаянии. Так, мотив нарушения договоров появляется в рассказе о походах ассирийского царя Сенаххериба

---

[14] Ср. в речи Ирода: δικαίως αὐτὸ ποιοῦμεν ... διὰ τὴν ὕβριν τῶν ἐναντίων ἐναγκασμένοι (AJ XV.129).

[15] Ср. AJ VI.366: τοῦ θεοῦ παρασχότος αὐτοῖς ἀμύνασθαι τοὺς πολεμίους.

и его полководца Рампсака против Езекии, царя иудейского (AJ X.1–25). Иосиф дополняет версию 4-й кн. Царств (18.13) описанием соглашения между противными сторонами. Сенаххериб, получив от Езекии установленную дань золотом и серебром, обещает не осаждать Иерусалим, но с миром удалиться в свою страну, клятвенно заверяя в этом иудейских послов (X.2). Впоследствии он нарушает эти клятвы, посылая Рампсака разрушить город (X.4). О справедливом воздаянии Флавий не упоминает ни разу на протяжении всего отрывка.

Другой пример еще более показателен. Иосиф повествует о том, что египетский царь Сусаким, вступив в Иерусалим без боя, "нарушил верность существующим договорам", разграбив храм и опустошив также царскую и храмовую сокровищницы, после чего безнаказанно вернулся домой (AJ VIII.258–259), послужив орудием божественного гнева против иудеев (VIII.257).

Итак, в ветхозаветной части Иосифова труда мы не находим связи между представлением о "справедливой войне" в ее греческом понимании и концепцией вмешательства Божества в ход военных действий. Как же формулируются здесь условия божественной помощи?

Самуил в речи к израильтянам говорит: "Будьте праведны (δίκαιοι) и простирайте все свои помышления к Богу, не переставая почитать Его, потому что жизненные блага, освобождение от рабства и победу над врагами Он дарует не тем, кто сильнее оружием или телесной крепостью или большим числом союзников, но в награду за добродетельность и справедливость (τὸ δ' ἀγαθοὺς εἶναι καὶ δικαίους)" (AJ VI.21). После чудесной победы, одержанной иудейским царем Асой над эфиопами, пророк Азария предупреждает его воинов о том, что "эту победу они получили от Бога, потому что показали себя справедливыми и благочестивыми (δικαίους καὶ ὁσίους), и поступающими во всем согласно Его воле. Если они пребудут такими и дальше ...Бог всегда будет даровать им победу над врагами и счастливую жизнь, если же оставят Его почитание, все это превратится в свою противоположность" (AJ VIII.295–296). Отметим пока лишь, что в обоих приведенных отрывках понятие δίκαιοι привнесено в текст самим Иосифом, а не заимствовано из Писания.

Особого внимания заслуживают два "ветхозаветных" контекста, где рассуждения об условиях божественной поддержки в войне вложены в уста самих участников военных действий. Иеровоам выступает походом против иудейского царя Авии, чтобы захватить власть в Иерусалиме. Авия обращается к воинам своего противника, увещевая их отказаться от задуманного предприятия. Его аргументы таковы: "Даже многотысячное войско совершенно бессильно, если сражается за неправое дело (μετ' ἀδικημάτων – отягощенное беззакониями), потому что только праведность и благочестие по отношению к Богу (μόνῳ τῷ δικαίῳ καὶ πρὸς τὸ θεῖον εὐσεβεῖ) могут лежать в основе твердой надежды одолеть врагов; ее же имеем мы, поскольку сохраняем древние установления и почитаем собственного Бога..." (AJ VIII.280). Удивительно, что если на словесном уровне сентенция Авии οὐδ' ἡτισοῦν ἰσχὺς μυριάδων στρατοῦ μετ' ἀδικημάτων πολεμοῦντος представляет собой укороченный вариант формулы Ирода μεθ' ὧν γὰρ τὸ δίκαιον μετ' ἐκεῖνον ὁ θεὸς, θεοῦ δὲ παρόντος καὶ πλεθος καὶ ἀνδρεία πάρεστι, реальное содержание их совершенно различно. Содержание δίκαιον в речи Ирода мы рассмотрели выше. Что же подразумевает собой ἀδικήματα в речи Авии? Здесь ἀδίκημα ("беззаконию", "несправедливости") противопоставляется δίκαιον, понимаемое как соблюдение отеческих установлений (именно поэтому его уместнее перевести на русский язык не как "справедливость", а как "праведность"). Присоединившись к Иеровоаму, вы "отвратили себя от Бога и Его законов", – обличает Авия своих противников (VIII.277). Таким образом, ἀδίκημα – нарушение не законов войны (как в речи Ирода), но божественных постановлений моисеева закона. Так же как и в речи Ирода, ἀδίκημα заслуживает справедливого возмездия. Иеровоам, вдохновитель похода, незаконно (ἀδίκως) захватил в свои руки власть, обещанную Богом дому Давида. "Однако я думаю, – продолжает Авия, обращаясь к воинам, – что он еще не долго будет

пользоваться ею, но, напротив, прекратит свои беззакония и оскорбления Бога, которым не переставал подвергать Его (убеждая и вас поступать также), получив от Него возмездие за то, что уже совершил" (VIII.277). Таким образом, понятия δίκαιον, ἀδίκημα и представление о возмездии получают в речи Авии иное измерение: они выражают не отношение между воюющими противниками, но правоту той и другой стороны по отношению к Богу Израиля. Авия призывает своих воинов возложить надежды на Бога (VIII.282), верность которому, добавим мы, исходя из контекста рассмотренной речи, они сохранили, будучи δίκαιοι. Здесь, как и в приведенных выше высказываниях пророков, Иосиф выходит за рамки пересказа и интерпретирует текст Писания. В соответствующем отрывке второй книги Хроник (2 Пар. 13.11–12) связь между иудеями и Яхве выражена прямо: "Мы соблюдаем заповеди Господа, Бога отцов наших, а вы оставили Его. И вот, во главе нас Бог". У Иосифа она опосредована понятием δίκαιον, которое, будучи употреблено в таком контексте, вводит читателя в круг представлений, характерных для греческой литературы[16]. Библейское "с нами Бог" Иосиф заменяет выражением "на нашей стороне справедливость", которое, как мы видели, может иметь и совершенно небиблейские коннотации.

Похожая метаморфоза происходит с понятием δίκαιον и в речи Иуды к своим солдатам перед битвой с сирийским военачальником Сироном. Видя, что его воины медлят с выступлением, будучи малочисленными и ослабевшими из-за поста, Иуда убеждает их, что "залогом победы над врагами служит не многочисленность, но благочестие по отношению к Богу, и ярким подтверждением тому служат (наши) предки, которые, будучи праведными (διὰ δικαιοσύνην) и сражаясь за законы и своих детей, часто одерживали верх над многими тысячами, потому что великая сила состоит в непричастности беззаконию (τὸ γὰρ μηδὲν ἀδικεῖν ἰσχυρὰ δύναμις)" (AJ XII.290–292).

Итак, произведенный анализ показывает, что в "Иудейских древностях" композиция описаний военных действий, так же как и концепция божественного вмешательства, претерпевают определенные изменения при переходе от библейского парафраза к "небиблейской" части повествования. При этом различия между двумя частями труда сохраняются, несмотря на то, что Иосиф эллинизирует библейский текст, включая в него понятия и концепции, используемые в греческой историографии, но отсутствующие в Септуагинте, в частности δικαιοσύνη как соблюдение законов войны и концепцию справедливого возмездия за нарушение этих законов.

Л.В. Семенченко

THE CONCEPT OF DIVINE INTERFERENCE IN THE COURSE OF HOSTILITIES IN "THE JEWISH ANTIQUITIES" BY FLAVIUS JOSEPHUS

L.V. Semenchenko

What tradition is reflected by the notions of Flavius Josephus about Divine Interference in the course of history and the related idea about Providence? How logically are they expounded and to what extent do they depend on the sources used by Josephus? And is it possible to talk about a single concept within the "The Jewish Antiquities"? The question has not been definitively answered in historiography. The author suggests a solution of the problem with the help of a detailed analysis of the set of notions connected with the idea of Divine Interference, which can be done by tracing its evolution within the framework of one of the major ramifications of the plot in "The Jewish Antiquities" – a description of the military undertakings of the jews. The analysis enables the author to come to the conclusion that beyond the Biblical narration the description of Divine Interference in the course of hostilities is connected with

[16] τὸ δίκαιον практически не встречается в исторических книгах Септуагинты и никогда не употребляется в военном контексте.

the idea of a just war, which is in line with the Hellenistic tradition. The terminology of a just war and just retribution are found in the Biblical narration as well, but here the notion of justice itself acquires a different meaning. It is interpreted not as observance of commonly accepted rules of war with regard to the enemy, but as observance of "paternal precepts". Thus, the key to victory lies not in the "just" treatment of the adversary, but in the loyalty of the jews to their God, and their commitment to His law.

© 1995 г.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ ЛАТИНСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ОЛЬВИИ (IOSPE. I^2. № 322)

В 1914 г. в Ольвии был обнаружен фрагмент мраморной плиты (размеры: 0,31 × 0,425 × 0,05 м) с пятистрочной латинской надписью (рис. 1). М.И. Ростовцев, впервые издавший этот памятник, считал, что сохранившееся начало надписи следует восстанавливать следующим образом: ... vexil(latio) [leg(ionum) XI Cl(audiae)], I Ital(icae), V Mac(edonicae), а конец – curante... или sub... Ita]lico (centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae). Сохранившиеся в 4-й стк. буквы CVI MA, по мнению исследователя, могут быть дополнены как c(ohortis) VI ma... и восстановлены в качестве названия воинского подразделения c(ohortis) VI M(iliariae) A(sturum). Правда, М.И. Ростовцев не настаивал на этом, а лишь считал, что в 4-й стк. "упомянута была вспомогательная когорта"[1]. Вся сохранившаяся часть надписи, по М.И. Ростовцеву, должна была восстанавливаться так:

vexil(latio) [leg(ionum) XI Cl(audiae)] I Ital(icae) V Mac(edonicae) [et] c(ohortis) VI m(iliariae) A(sturum) [sub – имя – Ita]lico (centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae). При переиздании этой надписи в первом томе IOSPE восстановление и интерпретация этой надписи М.И. Ростовцева были оставлены В.В. Латышевым практически без изменений[2].

На основании предложенного М.И. Ростовцевым восстановления надписи предположение о том, что VI Астурийская когорта входила в состав римского гарнизона Ольвии, было принято в работах ряда авторов, посвященных военному присутствию римлян в античных городах Северного Причерноморья[3]. Правда, эта точка зрения разделялась не всеми исследователями. В.Д. Блаватский, например, ссылаясь на эту надпись, считал возможным говорить о наличии в Ольвии лишь солдат вспомогательных войск, не уточняя наименования подразделения, к которому они принадлежали[4]. В.И. Кадеев и С.В. Дьячков, вероятно, на основании этой же надписи, полагали, что в Ольвии дислоцировались всадники I Астурийской алы[5]. Таким образом,

---

[1] *Ростовцев М.И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 9.

[2] IOSPE. I^2. № 322. P. 269–270. Перед vexil(latio) им дополнительно восстановлено ... x, а в стк. 3 не [et], а [e]t.

[3] *Тудор Д.* Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 245; *Щеглов А.Н.* Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА. 1969. Вып. 150. С. 135; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1970. С. 36.

[4] *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 133.

[5] *Кадеев В.И., Дьячков С.В.* Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. Парутино, 1985. С. 33. Следует отметить, что эта ала фиксируется на территории Нижней Мезии только в 99 г. Впоследствии дипломом 140 г. ее присутствие отмечается уже на территории Нижней Дакии, где на протяжении II века военнослужащие этой когорты стояли в Хогизе и Борошнеул-Маре. См.: *Kraft K.* Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten am Rhein und Donau // Dissertationes Bernenses. Ser. 1. Fasc. 2. Bern, 1951. S. 141; *Beneš J.* Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Praha, 1978. S. 6. № 2; *Vlădescu C.M.* Armata Romana in Dacia Inferior. Bucureşti, 1983. P. 38; *idem.* Fortificaţiile Romane din Dacia Inferior – Craiova. Bucuresti, 1986. P. 154.

Рис. 1. Латинская надпись из Ольвии

наличие в составе римского гарнизона Ольвии солдат VI Астурийской когорты признается не всеми исследователями, что заставило вновь обратиться к этой надписи и попытаться уточнить ее интерпретацию.

Для первых трех сохранившихся строк надписи, вне всякого сомнения, должно быть принято восстановление М.И. Ростовцева. Причем, исходя из него, можно установить приблизительное количество букв, утраченных в 3-й стк. На основании того, что в конце 5-й стк. упомянут центурион XI Клавдиева легиона, здесь должны восстанавливаться аббревиатуры leg. XI Cl., т.е. не менее семи букв[6]. Это дает возможность восстановления 4-й и 5-й строк надписи.

Если обратиться к восстановлению надписи, предложенному М.И. Ростовцевым, то станет очевидным, что он не учел этого, так как et в 4-й стк. займет значительно меньше места, чем аббревиатуры leg. XI Cl. Восстановление окончания 4-й стк. надписи как c(ohorotis) VI m(iliariae) A(sturum) также весьма проблематично. Эта когорта не входила в состав войск, расквартированных на Дунае, а значит, ее солдаты не могли находиться в составе римского гарнизона Ольвии. Помимо этого VI Астурийская когорта известна лишь по одной надписи из Испании времени правления Флавиев, и не ясно, была ли она милиарной или же квингенарной[7]. Все это не позволяет безоговорочно согласиться с М.И. Ростовцевым и принять его восстановление рассматриваемой ольвийской надписи.

Ключевой для правильного понимания этого памятника является аббревиатура CVI MA в конце 4-й стк. Помимо предложенного М.И. Ростовцевым восстановления CVI может быть интерпретировано как числительное 106[8]. Хорошо известно, что во II в., когда территория, находившаяся под контролем Рима, достигла своих максимальных размеров, силами римских войск велось широкомасштабное строительство как фортификационных сооружений, так и построек самого различного назначения, о чем сви-

---

[6] *Ростовцев.* Военная оккупация... С. 9.

[7] CIL. II. 2637; *Cichorius C.* Cohors // RE. Bd IV. 1900. Sp. 247.

[8] Ср.: ISM. V. I. № 217, 318, 321; IDR. V. III/2. № 10, 53–61, 413 и др.

детельствует целый ряд латинских эпиграфических памятников[9]. Обычно после завершения строительства того или иного объекта на нем устанавливалась надпись, в которой указывались наименования воинских частей, принимавших участие в строительстве, размеры сооружения в римских милях или футах и имя офицера, возглавлявшего строительство[10]. Если исходить из этого, то в начале 4-й стк. ольвийской надписи должно было скорее всего стоять ped от pedes.

М.И. Ростовцев полагал, что перед CVI стояло et, от которого сохранилась часть горизонтальной гасты буквы T с апексом. Однако форма апекса, который сохранился от предшествующей CVI буквы, не позволяет делать такого определенного вывода. Судя по апексам буквы T, имеющейся в 3-й стк. надписи, их концы опущены вниз. В 4-й стк. сохранилась часть буквы с апексом, который чрезвычайно близок верхнему окончанию последующей буквы C в аббревиатуре CVI. Если это наблюдение верно, то перед CVI, с известной долей вероятности, может быть восстановлена еще одна буква C. Тогда начало 4-й стк. надписи будет читаться как [ped(es)] C. CVI[11]. В данном случае нас не должно смущать то обстоятельство, что в утраченной части этой строки было семь, а не четыре буквы, так как и в этой строке букв по количеству меньше и расположены они шире, чем в 3-й и 5-й строках. Исходя из сказанного, аббревиатура MA может быть восстановлена как ma(nu) в значении "работой", "трудом", "деятельностью", что хорошо согласуется со значением этого сокращения, известного в целом ряде латинских надписей[12]. Тогда вся четвертая строка надписи может быть восстановлена как [ped(es)] CCVI ma(nu). Отсутствие упоминания в надписи сооружения, которое построили солдаты Ольвийской вексилляции, не противоречит этому, так как в надписях подобного рода, обычно укреплявшихся на возведенной постройке, название объекта, как правило, не указывалось[13].

В последней строке надписи, как совершенно справедливо полагал М.И. Ростовцев, следует восстанавливать sub, praenomen, nomen в аббревиатуре и cognomen центуриона XI Клавдиева легиона, который, очевидно, возглавлял римский гарнизон Ольвии. М.И. Ростовцев считал возможным дополнять его когномен как [Ita]licus в аблативе[14]. Не оспаривая этого вывода, укажем, что здесь может быть восстановлен и другой cognomen, так как в латинской ономастике, по данным И. Каянто, известно 53 различных когномена, оканчивавшихся на -licus[15].

Таким образом, рассмотренная надпись в предложенной интерпретации относится к категории строительных. В несохранившейся верхней части ее, очевидно, имелось посвящение в честь правящего императора[16]. Сохранившаяся часть памятника может

---

[9] *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambr. Mass., 1963. P. 32; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 28, 40; *Сон Н.А.* Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. 1986. № 4. С. 67. Прим. 58–59.

[10] CIL. III. 1979, 1980, 6374; VII. 1139, 1140, 1143 и др.; *Ростовцев М.И.* Новые надписи с Юга России // ИАК. 1909. Вып. 22. С. 1–4; The Roman Inscriptions of Britain / Ed. R.G. Collingwood, R.P. Wright. Oxf., 1965. V. I. № 2205, 2208; *Федорова Е.В.* Латинские надписи. М., 1976. С. 68, № 1; С. 69, № 22 и др.

[11] Не исключено, что перед CVI стояло pedes, от которого сохранилось верхнее окончание S. Однако это маловероятно, так как в большинстве латинских надписей зафиксировано не pedes, а аббревиатура ped. См. *Cagnat R.* Cours d'épigraphie latine. P. 1898. Index.

[12] *Cagnat.* Op. cit. Index; *Федорова Е.В.* Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 350; *Degrassi A.* Inscriptiones Latinae liberae rei publicae. Imagines. Auctarium ad Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini, 1965. № 146; IDR. V. II. № 324; V. III. № 85; ср.: *Gordon A.E.* Supralineate Abbreviations in Latin Inscriptions. Berkeley–Los Angeles, 1948. P. 83.

[13] *Ростовцев.* Новые латинские надписи... С. 3–4; ср. CIL. VI. 937; *Сон.* Ук. соч. С. 66 сл.; *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 115. Прим. 27; КБН № 1053, 1273.

[14] *Ростовцев.* Военная оккупация... С. 8.

[15] *Kajanto I.* The Latin cognomina // Commentationes Humanarum Litterarum. T. XXXVI. № 1–4. Helsinki, Helsingfors, 1965. P. 111–112; ср. ISM. V. I. № 327, 330.

[16] *Ростовцев.* Военная оккупация... С. 11; *Сон.* Ук. соч. С. 62.

быть восстановлена следующим образом: ...vexil(latio)[leg(ionum) XI Cl(audiae)] I Ital(icae) V Mac(edonicae) [ped(es)] C. CVI ma(nu[sub...]lico (centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae)[17].

Перевод: ...вексилляция XI Клавдиева, I Италийского и V Македонского легионов (построила, возвела) 206 футов под руководством ... центуриона XI Клавдиева легиона.

Как считал М.И. Ростовцев, эта надпись относится ко времени не ранее правления Адриана и не позднее времени Марка Аврелия, в правление которого V Македонский легион был выведен из Нижней Мезии в Дакию[18]. Этому не противоречит и шрифт надписи, содержащий, несмотря на его близость актуарному, ряд букв, которые могут быть отнесены к монументальному письму эпохи Антонинов (A, C, L)[19]. Однако в настоящее время, как представляется, можно несколько сузить датировку этой надписи.

Для этого было бы соблазнительно использовать сообщение Юлия Капитолина о том, что в период правления Антонина Пия (138–161 гг.) в связи с нападением тавроскифов на Ольвию в город были введены римские войска[20]. Однако это сообщение, не вызывавшее сомнений в исторической достоверности до самого последнего времени[21], сейчас не может быть безоговорочно принято. Р. Сайм, проанализировавший "Историю Августов", пришел к выводу, что этот труд написан одним автором между 392–394 гг. и близок "Истории" Аммиана Марцеллина[22]. Кроме того, он содержит ряд серьезных фактических ошибок и неточностей, что заставляет относиться к этому источнику с большой осторожностью, учитывая возможность фальсификации и извращения исторических событий. Поэтому вряд ли целесообразно использовать его для датировки рассматриваемой надписи. Скорее более оправданной будет попытка датировать надпись на основании всего того, что известно о передвижении мезийских легионов во II в.

После второй Дакийской войны (101–106 гг.) и образования провинции Дакия V Македонский легион был переведен в Трезмис[23] и взял под свой контроль территорию вдоль Дуная от Капидавы до Новиодуна, включая укрепления Бэрбошь и Орловку[24]. Солдаты этого подразделения дислоцировались также в Каллатисе и Истрии[25], а кроме того в Тире, где римский гарнизон до 60-х годов II в. возглавлялся центурионами этого легиона[26]. Вероятно, солдаты этого легиона около середины II в. были введены в Херсонес, о чем свидетельствуют памятники лапидарной и керамической эпи-

---

[17] Зачастую в надписях такого содержания стоит sub cura, но в данном случае, поскольку cognomen центуриона дан в аблативе, перед его именем должен был стоять только предлог sub, требующий этого падежа.

[18] *Ростовцев*. Военная оккупация... С. 12.

[19] *Cagnat*. Op. cit. P. 467; *Huguet P.B.* Epigrafia Latina. Barcelona, 1946. P. 11–14.

[20] SHA. Ant. Pius. IX. 8.

[21] *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. С. 62.

[22] *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxf., 1968. P. 70, 73–74 etc.

[23] *Filov B.* Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diokletian, Lpz, 1906. S. 35, 64; *Syme R.* Rheine and Danube Legions under Domitian // JRS. 1928. V. 18. Pt. 1. P. 55; *Parker H.M.D.* The Roman Legions. N.Y., 1958. P. 158; *Doruţiu-Boilă E.* Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunărea de Jos // SCIV. 1972. T. 23. № 1. P. 61. Fig. 1; *Aricescu A.* In legatură in zonale de acţiune ale legiunilor Moesice pe teritoriul Dobrogei // Pontică. 1977. T. X. P. 180.

[24] IOSPE. I^2. № 1; *Weerd H.* Trois légions romaines du Bas-Danube. P., 1907. P. 17–18, 36–40; *Головко И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г.* Археологические исследования у с. Орловка Белгород-Днестровского р-на Одесской области // КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1965. С. 61–71, 79; *Aricescu A.* Armata in Dobrogea Romană. Bucureşti, 1977. P. 24–31; ISM.V. V. № 284, 305; *Sanie S.* Civilizaţia romană la est de Carpati şi romanitatea pe teritoriul Moldovei. Iaşi, 1981. Pl. 4, 25; *Gajewska H.* Topographie des fortifications romaines en Dobroudja. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1974. P. 96–99, 158–163; *Чаплыгина Н.А.* Население Днестро-Карпатских земель и Рим в I – начале III в. н.э. Кишинев, 1990. С. 105, 109.

[25] *Aricescu*. Armata. P. 33.

[26] *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 98; *Сон.* Ук. соч. С. 67.

графики[27]. Исходя из этого, с известной долей вероятности, можно предположить, что и Ольвия входила в зону, военная защита которой была первоначально возложена на подразделения V Македонского легиона.

В Трезмисе V Македонский легион оставался до 60-х годов II в. В период правления Марка Аврелия и Луция Вера его подразделения участвовали в войне против парфян (162–166 гг.)[28], а затем, очевидно, в связи с обострением обстановки в период Маркоманских войн (161–180 гг.), около 166/167 гг. он был переведен в Дакию, где оставался вплоть до эвакуации войск из этой провинции при Аврелиане в 271 г.[29]

В связи с передислокацией в Дакию V Македонский легион свернул свои вексилляции, располагавшиеся на территории Нижней Мезии и в античных городах Северного Причерноморья, так как именно с этого времени римский гарнизон Тиры переходит под командование центурионов I Италийского легиона[30]. В Херсонесе приблизительно в это же время также, очевидно, в составе римского гарнизона происходят определенные изменения. Во всяком случае во второй половине II в. его ядром становятся солдаты и офицеры I Италийского легиона[31]. Однако имеются сведения и основания говорить о том, что вывод подразделений V Македонского легиона с территории Мезии не был единовременным актом, а занял какое-то время. В пользу такого заключения свидетельствуют памятники керамической эпиграфики из Тиры, где наименование этого легиона стоит на втором месте, а вся вексилляция возглавлялась уже центурионом I Италийского легиона (рис. 2)[32].

О.В. Кудрявцев полагал, что около 170 г. V Македонский легион был возвращен в Нижнюю Мезию[33]. Но в надписи, на которую он ссылался, прямо сказано, что V Македонский легион в организационном отношении уже относился к провинции Дакия[34]. Следовательно, наличие солдат этого легиона на территории Нижней Мезии после официального вывода V Македонского легиона в Дакию может свидетельствовать именно о постепенном выводе его подразделений на новое место дислокации.

Видимо, даже после официального перевода этого легиона в Дакию часть его солдат какое-то время оставалась в ряде пунктов Нижней Мезии и в греческих городах Северного Причерноморья пока им на смену не были присланы военнослужащие других легионов или вспомогательных войск. Этим, вероятно, и следует объяснять наличие в керамических клеймах из Тиры и в ольвийской надписи наименования V Македонского легиона, хотя римские гарнизоны указанных пунктов уже возглавлялись центурионами соответственно I Италийского и XI Клавдиева легионов[35]. Исходя из предложенной аргументации, латинская надпись из Ольвии скорее всего может быть отнесена ко второй половине 60-х – началу 70-х годов II в. н.э. и связана с активным военным строительством, развернувшимся на Нижнем Дунае в период правления Марка Аврелия[36]. Тогда в несохранившемся начале надписи можно предполагать на-

---

[27] IOSPE. I^2. №549; *Соломоник.* Латинские надписи... С. 49. № 21; *Сапрыкин С.Ю.* Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 169. С. 58–62. Помимо этого в начале 70-х годов черепица с клеймами V Македонского легиона была обнаружена при раскопках терм на территории цитадели Херсонеса. Пользуясь случаем, выражаем признательность И.А. Антоновой за это любезное сообщение.

[28] *Filov.* Op. cit. S. 74–77; *Ritterling E.* Legio // RE. 1925. Bd. 12. Sp. 1298, 1579–1582.

[29] *Weerd.* Op. cit. P. 41–45, 87–89, 93–94; *Aricescu.* In Iegatura... P. 180; *idem.* Armata... P. 32–37.

[30] *Карышковский, Клейман.* Ук. соч. С. 98; *Сон.* Ук. соч. С. 65.

[31] IOSPE. I^2. № 417, 547, 548, 572.

[32] *Карышковский, Клейман.* Ук. соч. С. 99. Рис. 32.

[33] *Кудрявцев О.В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 187.

[34] CIL. III. 14433; ср.: *Weerd.* Op. cit. P. 24; *Aricescu.* In Iegatura... P. 180; *idem.* Armata... P. 46, 279.

[35] В пользу хронологической близости этих памятников косвенно свидетельствует сходное написание в них аббревиатуры V MAC, где M и A даны в лигатуре, а C значительно меньше остальных букв.

[36] *Bechert T.* Römische Lagertore und ihre Bauinschriften. Ein Beitrag zur Entwicklung und Datierung kaiserzeitlicher Lagertorgrundrisse von Claudius bis Severus Alexander // Bonner Jahrbücher. 1971. Bd. 171. S. 242–254.

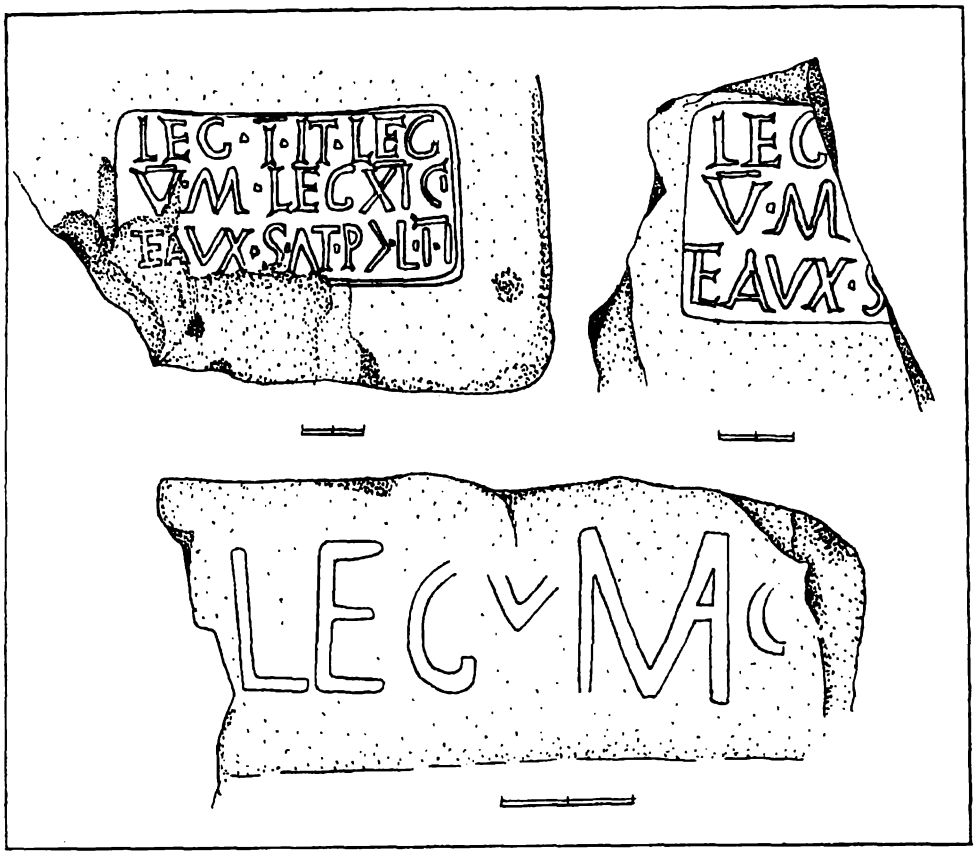

Рис. 2. Латинские клейма на черепице из Тиры

личие посвящения в честь Марка Аврелия или Марка Аврелия и Луция Вера, которые являлись соправителями до 169 г.

Согласно предложенной интерпретации надписи, римскими солдатами в Ольвии было построено какое-то сооружение, вероятно, длиной 206 римских футов, или 61 м[37]. В ходе археологических исследований Ольвии к настоящему времени выяснено, что ко II в. относится большинство строительных остатков в южной трети бывшего эллинистического верхнего города, где была возведена римская цитадель, причем наиболее хорошо были укреплены северный и северо-западный участки обороны[38]. Очевидно, именно со строительной деятельностью римских солдат в этом районе Ольвийского городища и следует связывать рассмотренную надпись, на что косвенно указывает место ее находки, как писал М.И. Ростовцев, в лимане, "в воде под отвесным берегом, увенчанным частью Ольвийской оборонительной стены"[39].

Таким образом, предложенная интерпретация латинской надписи увеличивает количество строительных надписей из Ольвии и наряду со строительными остатками II – середины III в.[40] служит важным свидетельством того, что римский гарнизон Ольвии

---

[37] Римский фут равен 29,57 см.

[38] *Крыжицкий С.Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 153.

[39] *Ростовцев.* Военная оккупация... С. 7; ср. IOSPE. I^2. № 322. P. 269.

[40] *Крыжицкий.* Ук. соч. С. 164.

активно участвовал в строительной деятельности на территории римской цитадели, как это было и в других пунктах Римской империи и на ее границах, где на протяжении более или менее длительного периода дислоцировались римские воинские подразделения.

В.М. Зубарь, Н.А. Сон

ON THE INTERPRETATION OF A LATIN INSCRIPTION FROM OLBIA

(IOSPE. I^2. № 322)

V.M. Zubar', N.A. Son

The publication considers the restoration and interpretation of the Latin inscription with the mention of three Roman legions discovered in Olbia in 1914 and first published by M.I. Rostovtzeff. On the basis of the new interpretation of the abbreviations CVI and MA in the third line of the inscription the authors have drawn the conclusion that it may be restored as [*ped(es)*]*CCVI ma(nu)*. Preceeding from the data on the movement of the Moesian legions in the IInd century, the authors conclude that the inscription may be dated to the second half of the 60s beginning of the 70s of the IInd century A.D. The restoration and interpretation of the inscription suggested in the paper make it possible to believe that the Roman vexillationes built some fortification, possibly, a wall 201 Roman fut or 61 meters long, on the territory of Olbia. The comparison of the contents of the inscription with the data of archaeological explorations of Olbia enables the authors to connect this structure with the active construction work of soldiers at the site of the Roman citadel situated in the Southern part of the fortified town.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный "круглый стол" "Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия"

© 1995 г.

О САРМАТО-АЛАНСКОМ СЮЖЕТЕ РОСПИСИ В ПАНТИКАПЕЙСКОМ "СКЛЕПЕ АНФЕСТЕРИЯ"

Роспись I в. н.э. в так называемом "склепе Анфестерия" (назван по имени его позднего владельца) широко известна и часто репродуцируется в различных изданиях[1]. Традиционно, вслед за М.И. Ростовцевым, ее сюжет трактуется как предстояние некой богине героизированного умершего и пасторальные сцены из жизни погребенного здесь боспорского вельможи. Вот одно из типичных описаний, сделанных несколько лет назад: "...дана обстановка жизни умершего здесь знатного боспорца. Изображена войлочная большая палатка, сидящая около нее женщина и дети. К палатке скачут вооруженные всадники... в росписи склепа отражена местная реальная жизнь..."[2].

Между тем А.П. Иванова в начале 50-х годов впервые проанализировала совокупность надгробий I–II в. н.э., где представлен весьма популярный на Боспоре сюжет. Схема его обычно такова: богиня сидит на троне в профиль, держит в руке "круглотелый кубок"; рядом стоит "служанка", правее – всадник (иногда с собакой), которому "слуга" подает сосуд. За всадником видна половина уменьшенной фигуры другого ("оруженосца")[3].

Образ богини признается исходно местным, скифо-сарматским. Однако в целом сцена, как считается, отражает представления о загробной жизни, характерные для боспорских греков, лишь с некоторым включением сарматских бытовых реалий (костюм мужчин, типы оружия, "юрта").

С начала 80-х годов у ряда исследователей стали возникать сомнения в справедливости такого толкования. Д.А. Мачинский впервые обратил внимание на специфическое сходство деталей росписи с изображением на гораздо более древнем ковре из Пазырыкского кургана № 5 на Алтае (наплечная одежда всадника украшена крупными кружками: манера изображения лошадей, совершенно не свойственная искусству Северного Причерноморья). Эта мысль развивалась в докладе Б.А. Раева "Пазырык и Хохлач"[4], а также в моей статье[5].

Обе сцены – пазырыкская и пантикапейская, а также на ритоне из Мерджана рубежа IV–III вв. до н.э. на Кубани и на двухсторонней печати первых веков н.э. из Туркмении с взаимодополняющими изображениями[6], относятся *к одной и той же сюжетной схеме*, ранее всего представленной в горах Алтая; сидящая на троне богиня, слева от нее – мировое древо, справа – приближающийся всадник.

---

[1] Статья представляет собой переработанный текст доклада на конференции "Древности Кубани" (Краснодар, май 1991 г.).

[2] *Кобылина М.М.* Живопись // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 215.

[3] *Иванова А.П.* Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИИМК. 1951. Вып. 39. С. 30–33.

[4] *Раев Б.А.* Пазырык и Хохлач: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тез. I археологической конф. Кемерово, 1984.

[5] *Яценко С.А.* Скифские и сарматские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – первой половины III в. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989.

[6] *Ремпель Л.И.* Цепь времен. Ташкент, 1986. Рис. 39, г.

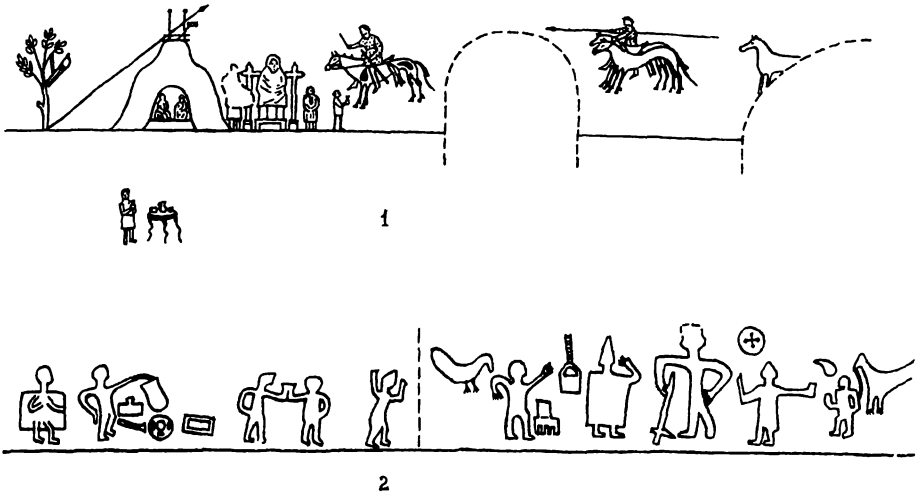

Рис. 1. *1* – роспись "склепа Анфестерия", *2* – роспись на склепе с реки Кривой

Сходство иконографии надгробий с синхронной сценой в "склепе Анфестерия" представляется несомненным; видимо, первые служили для нее одним из образцов. Однако сцена в склепе намного сложнее и далеко не сводима к обычному сюжету греческих памятников. Позы и атрибуты ряда персонажей в ней своеобразны, представлены девять человеческих фигур вместо трех-четырех, жилой дом, три коня, дерево и др.

Это заставляет нас вновь рассмотреть роспись "склепа Анфестерия" для проверки гипотезы об *индоиранском характере сюжета,* исполненного греческим мастером.

Почти вся сцена (с восемью персонажами из девяти) представлена в линию, на одной плоскости. В левой части композиции изображена сидящая на троне богиня. Она и ее окружение существенно отличаются от синхронных сцен боспорских надгробий. В нашем случае она сидит не в профиль, а дана анфас, как на греко-варварском ритоне из Мерджана. Силуэт трона также идентичен мерджанскому, а не повторяет изображения на надгробиях. Богиня одета в греческие хитон и покрывало. По сторонам ее трона стоят две девочки – "служанки", так же, как и богиня, – анфас. У всех трех женщин положение рук, видимо, однотипно; они сложены на животе (рис. 1, *1*).

Двое других "слуг" – мальчики в рубахах. Один из них с "круглотелым кубком" встречает всадника. Ниже всей сцены, под "юртой", юноша стоит у трехногого столика. Как и первый мальчик, он держит перед собой обеими руками вправо "круглотелый кубок" и имеет точно такую же специфическую позу и прическу. На самом столике стоят в линию три сосуда различной формы: кувшин и два неглубоких, уплощенных.

Справа к богине медленно подъезжают два всадника. Они молоды, безбороды, с короткой стрижкой, в одинаковой одежде (наплечная одежда – нераспашная, ниже бедер, с длинными узкими рукавами, треугольным небольшим вырезом у шеи, подпоясана, ткань украшена крупными кружками). Оба всадника сидят в мягких седлах. Левый из них, ближайший к богине (несомненно, главный персонаж), держит правой рукой короткий жезл-прут, левой придерживает поводья. Он единственный здесь вооружен (у пояса висит меч). Кони у обоих всадников своеобразные по облику – длинноногие, поджарые, напоминают современных ахалтекинцев. Эта порода лошадей появляется на Боспоре с I в. н.э.[7] Ранее всего она документируется источниками у усуней – выходцев из Восточного Синьцзяна. Китайцы называли таких лошадей "небесными"[8]. Нахвостники коней аналогичны образцам из сакского мира (Пазырык и др.). У основания ног коня главного персонажа имеются две крупные миндалевидные вставки иного цвета, чем тело. Они словно имитируют детали образцов торевтики полихромного "бирюзово-золотого стиля", принесенного кочевниками с востока именно в I в. н.э.

Сзади напарник ("оруженосец") едет, ведя рядом на поводу запасного коня. Одет он так

---

[7] *Десятчиков Ю.М.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4.

[8] *Вигт В.О.* Лошади пазырыкских курганов // СА. 1952. XVI. С. 191.

же, как и главный герой, но без атрибутов последнего (меча, жезла). Левой рукой он держит повод, правой (явно на короткое время) весьма неудобно держит длинное всадническое копье, видимо, принадлежащее его старшему спутнику.

Сзади "оруженосца" мы видим идущего в направлении к богине неоседланного и невзнузданного коня. Вероятно, он предназначен в жертву (на упоминавшемся мерджанском ритоне, с которым у нашей сцены много общего, череп уже убитого коня водружен на палку также справа от богини).

Слева от богини изображена своеобразная "юрта" с "шейкой" вверху (форма которой приближается к полусфере). Сооружение такой формы воспроизведено, например, в погребальной камере скифского кургана 2 у с. Новомихайловка Херсонской обл. (V–IV вв. до н.э.)[9]. Специалисты дискутируют о том, можно ли эту постройку считать собственно юртой, т.е. зданием с разборным решетчатым каркасом[10].

Внутри юрты(?) сидят (на низких креслах?) лицом друг к другу две однотипные человеческие фигуры. Руки у них сложены на животе или на гениталиях. Создается впечатление, что сцена в "юрте" не имеет прямого отношения к остальной части композиции, которая строится вокруг богини (к тому же "юрта" и оба персонажа в ней даны в гораздо меньшем масштабе, чем остальные элементы росписи). Слева к "юрте" прислонено длинное копье. Это весьма необычное и неудобное в быту положение имеет, вероятно, обрядовый смысл. У индоиранцев подобный обычай мне не известен, но у некоторых тюркских народов такое положение копья призвано охранять обитателей юрты от злых духов[11].

Слева от "юрты" растет дерево с четырьмя зеленеющими ветвями. На одной из них, обращенной в сторону богини, висит на перевязи колчан. В основание ствола дерева упирается упомянутое копье.

В искусстве индоиранских народов известны две сцены, в деталях напоминающие нашу, каждая с 10 персонажами. Во-первых, это пластина скифской женской диадемы IV в. до н.э. из Сахновки, воспроизводящая, видимо, изображение на культовом сосуде[12]. Во-вторых, это рельефы в средневековом аланском склепе с р. Кривой в Прикубанье (X–XII вв.), где несмотря на введение православия представлены древние мифологические и эпические сцены. Интересующий нас сюжет изображен в верхнем ярусе западной и части смежной северной стенки[13].

В пантикапейской росписи и на сахновской пластине есть следующие специфические общие черты: присутствуют два "слуги" с сосудами; отдельно слева изображена пара сидящих мужских божеств-близнецов (скифские Кораки у Лукиана?); приносится в жертву голова барана (Сахновка) или целый конь (в "склепе Анфестерия" он идет сзади всадников; ср. жертвоприношение головы коня в Мерджанах). На склепе с р. Кривой, подобно "склепу Анфестерия", сзади главного мужского персонажа "слуга" ведет коня (рис. 1, 2).

Во всех остальных деталях криворечeнская сцена *аналогична сахновской*. Богине справа предстоит мужчина с секирой. За спиной богини стоит кресло, за ним – персонаж, который что-то держит в поднятой левой руке (в Сахновке это – опахало). Далее (справа налево) – жертвенное животное (баран?) и идущий к нему мужчина, далее – парные божества с ритонами и, наконец, два "слуги", которые что-то варят в котле (рядом стоят пустые сосуды). Под этой сценой изображены две собаки (ср. боспорские надгробия с богиней и всадником). В Индии считалось, что две собаки приносят Яме души умерших; в Авесте (Вендидат, XIII, 24–25) они стерегут мост Чинват в царство умерших.

В целом очевидно, что иконография подобной сцены сохранялась у индоиранцев Восточной Европы не менее полутора тысячелетий, не в последнюю очередь из-за ее тщательной проработки греческими мастерами, работавшими по заказу "варваров"[14].

---

[9] *Куприй С.А.* Курганная группа у с. Новомихайловка // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. юбилейной конф. Ч. 2. Херсон, 1990. С. 20.

[10] *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 43 сл.; *Кузьмина Е.Е., Лифшиц В.А.* Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 250.

[11] *Джанибеков У.Д.* Культура казахского ремесла. Алма-Ата, 1982. С. 16.

[12] *Бессонова С.С., Раевський Д.С.* Золота пластіна із Сахнівки // Археологія. 1977. Вип. 21. Рис. 2, 4.

[13] *Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85. Рис. 43; *Охотько Н.А.* Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) // СА. 1983. № 2. Рис. 2, 3.

[14] К сожалению, во всех публикациях детали изображений переданы неточно. В Сахновке это относится к головным уборам, деталям ног, а элементы криворечeнской сцены в обеих публикациях сильно разнятся.

Д.С. Раевский убедительно показал, что композиции, подобные сахновской, изображают "священный брак" богини огня и домашнего очага Табити с солярным героем, первоцарем Колаксаем, получившим с неба священные дары[15].

На наш взгляд, греко-сарматское изображение в "склепе Анфестерия" хорошо иллюстрирует малоизвестный (и во многом уже непонятный сказителям) сюжет путешествия в иной мир, на Небесную равнину, Сослана – аналога скифского Колаксая (полубог, солярный герой, трагически гибнущий и воскресающий, получивший небесные дары, победитель демонов и т.д.)[16]. Он отправляется туда в связи с будущей женитьбой в сопровождении своего младшего друга (Мараздухта или Батраза) и встречает там сидящую на золотом троне богиню-матрону, которой прислуживают некие дети (души умерших?) (ср. скифские бляшки, где сидящей богине с зеркалом предстоит подросток, пьющий что-то из ритона). О себе она говорит: "Изобилие в моих руках". Сослана причащает богиня питьем и неубывающими яствами из золотой корзины (по другой версии – с трехногого столика-фынга, подобного изображению в склепе). Левая часть композиции склепа тоже соответствует древним представлениям алано-осетин о встрече душ умерших в верхнем мире. Парные персонажи в "юрте" левее богини можно сопоставить с божествами-близнецами, встречающими умершего и снабжающими его всем необходимым[17].

По-видимому, в данном сказании и в целом – в древнейших пластах алано-осетинского эпоса отдельными фрагментами сохранились представления о *богине огня*, имя которой было у осетин запретным ("Одна женщина" и т.п.). Она представлялась в виде пожилой, но красивой женщины; попадающего к ней мужчину она встречает сидящей. В первую очередь она дает пришедшему огонь, из ее рта выпадают горящие угольки[18]. Она связана с собакой и лошадью (ср. их изображения на боспорских надгробиях, а также отдельные захоронения лошади и собаки рядом с мужчиной у скифов Боспора[19]). Ее атрибуты – столик с неубывающей едой и войлочная плеть, способная превращать людей в животных и оживлять мертвецов. Она фигурирует как в нижнем, так и в верхнем мирах и всегда связана с мотивом "священного брака" в циклах об Асхартаге, Сослане и Урызмаге. Выступает она в роли супруги бога (Донабеттыра, Уастырджи) и своим видом соблазняет нартских героев.

Первоначально имя аланской богини, видимо, было сходным с индийским Типати (ср. скифская Табити), которое затем закономерно перешло в "Сафа"[20]. Впоследствии у алано-осетин Сафа выступает уже как мужской персонаж, поскольку при христианизации отождествляется со св. Саввой[21]. К нему переходят функции богини и в том числе представление об упавших с неба золотых дарах[22]. Женское божество огня и очага "распадается" на три мужских: Сафа (надочажная цепь), Хуратхурон (собственно огонь) и Бындур (домашний очаг).

Вернемся теперь к сценам в склепах, связанных у сармато-аланов в отличие от скифов с заупокойным культом. У индоиранских народов распространены сюжеты, в которых герой попадает в иной мир (верхний или нижний), причем дается его подробное описание. В нартском эпосе почти все они связаны с полубогом, культовым героем Сосланом. В описании мира, где обитают души умерших, нетрудно различить три хронологических пласта, три разные модели, которые мирно уживаются в поздних текстах. Самая поздняя из них связана с принятием аланами в X в. православного христианства. Согласно ей, в нижнем мире осуществляется посмертное воздаяние за грехи и добрые дела. И праведники, и грешники обитают там вместе. Другая, более ранняя модель связана также с нахождением душ умерших в нижнем мире. В ней фигурируют мост (бревно), дверь, привратник (имя которого заимствовано из греческой мифологии) и правитель Барастыр.

Однако существует и третья модель, имеющая параллели в текстах других индоиранских этносов. Согласно ей, умершие предки обитают только в верхнем, небесном мире, куда

---

[15] *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 94–109.

[16] Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989. С. 113, 148 сл., 157–159 и др.

[17] *Миллер В.Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. 1893. Вып. 3. С. 131.

[18] Нарты. С. 439–441.

[19] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 389.

[20] *Гуриев Т.А.* Наследие скифов и алан. Очерки о словах и именах. Владикавказ. 1991. С. 152 сл.

[21] Там же. С. 151–155.

[22] *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980. С. 15. Прим. 15.

живой герой обычно попадает, заблудившись в непогоду в горах и потеряв дорогу (осетины, кафиры Гиндукуша, горные таджики). Этим миром правит вовсе не Барастыр, а громовик Элиа/Уацилла, владения которого огорожены забором из костей мирового змея Руймона. Душа умершего попадает на эту так называемую небесную равнину, пройдя через семь звеньев некой цепи (возможно, той самой, которую спускает с неба Элиа). Видимо, изображение такой цепи сохранилось и на осетинских надгробиях с их чрезвычайно архаичной символикой[23]. Далее душу встречают два близнеца, которые снабжают ее всем необходимым для новой жизни (их имена осетинами не назывались, так как были запретными).

Вторая и третья модели позже в ряде сказаний переплетаются. При этом большинству умерших уготовано безрадостное существование в нижнем мире – царстве Барастыра, в то время как немногие избранные вожди и богатыри (подобные Сослану) попадают на Небесную равнину, где находится молочное озеро вечной молодости и танцуют священный симд семь небесных дев. Замечу, что Сослан всегда путешествует в мир иной из-за женщины. Он либо добывает в нижнем мире с помощью умершей жены калым для новой женитьбы (на небесной деве Агунде/Ацирухс), либо – чтобы похитить оттуда Сатáну.

В нартском эпосе очень важную роль играет цикл охоты трех богатырей – Сослана (младшего), Урызмага и Хамыца – на волшебную лисицу с черной (или золотой) шкурой – воплощение бога Уастырджи. После ее поимки герои делятся эпизодами из своей жизни, обязательно включающими мотив "священного брака" (при этом сказители уже путают сюжеты, связанные с тем или иным героем).

Следует обратить особое внимание на два подобных сюжета, исторически связанных с Северным Причерноморьем. В первом случае герой входит в могильный склеп, отнимает у змеи волшебную каменную бусину, оживляет ей умершую (часто свою жену) и тут же соединяется с ней[24]. У осетин до недавних пор бытовало представление о том, что у змеи можно отнять могущественный фетиш – сердоликовую "бусину счастья", которая падает с неба. Однако подобный обычай известен и у скифов[25].

Второй случай не менее показателен. Сослан в степи[26] решает отдохнуть на вершине древнего кургана. Но уснуть ему не удается: изнутри доносится пение. После того, как герой обходит курган по периметру, внутри его открываются двери каменного склепа. Сослан видит в нем сидящих на деревянном резном троне мужчину и женщину – повелителей подземного мира, и они дарят ему для размножения на земле юношу и девушку из числа тех, которые плясали перед троном священный симд[27]. Интересно сопоставить с этим обычай кочевых саков, по которому юноша перед вступлением в брак обязан был побороть девушку в каком-то подземном храме[28]. Последняя деталь, видимо, не была чистой фантазией. Во всяком случае, в аристократических курганах саков Семиречья VI–V вв. до н.э. мы встречаем сложную систему подкурганных коммуникаций[29].

Итак, у нас есть все основания полагать, что за мнимым "пасторальным сюжетом из жизни знатного боспорца" в "склепе Анфестерия" в действительности скрывается индоиранская сцена из важного аланского предания, иллюстрирующая путешествие Сослана в загробный мир и детали жизни в нем. Разумеется, греческий художник, выполнявший аланский заказ, воплотил его, отчасти основываясь на иконографии современных ему боспорских надгробий (и ранее включавших элементы скифо-сарматской религиозной традиции). На другой стене склепа также представлена сцена, далекая от воззрений греков: два коня, стоящих по сторонам мирового древа. Вслед за Б.А. Раевым я склонен датировать роспись второй половиной I в. н.э., когда во многих районах Приазовья устанавливается гегемония нового кочевого этноса – аланов. Где-то на рубеже I–II вв. н.э. вероятны браки между царскими семьями Боспора и Алании[30]. В этом случае, как можно

---

[23] *Цховребов З.Л.* К анализу надгробных памятников из Осетии // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1987. Вып. 13. С. 83.

[24] Нарты. С. 442.

[25] *Plin.* NH. XXIX. 69.

[26] Имеются в виду древние земли аланов – восточноприазовские степи, граничившие с Боспором.

[27] Нарты. С. 260.

[28] *Aelian.* Var. hist. XII, 38.

[29] *Исмагилов Р.Б.* Об этно-культурной принадлежности памятников V–III вв. до н.э. степного Причерноморья // Проблемы археологии Урала и историографии античности. Тез. науч. конф. Уфа, 1990. С. 23.

[30] *Lucian.* Tox. 51.

судить на примере брака аланской царевны с армянским царем в 114 г. н.э., из Алании в другую страну приезжали с будущей царицей многочисленные родственники из правящего клана Аравелианов, получавшие титулы, должности и земли (Мовсес Хоренаци. История Армении. II, 48; "Мученичество Воскянов"; "Мученичество Сукиасянов"). Вероятно, одному из таких эллинизированных аланских вельмож и принадлежал первоначально склеп, который затем отошел к некоему Анфестерию.

В исследованиях по искусству и религии Боспора сложилась ситуация, когда многие сюжеты прямо не выводятся из греко-римских и малоазийских или фракийских представлений и ритуалов. Эта проблема обычно разрешается весьма просто: такие сцены либо объявляются "боспорской спецификой" (смысл ее не раскрывается), либо считаются уникальными "зарисовками с натуры", анализ иконографии которых в таком случае уже не столь важен.

В действительности дело обычно обстоит, видимо, гораздо сложнее. Приведу в качестве примера боспорское надгробие, также датируемое ныне второй половиной I в. н.э., на котором, как считается, изображена "зарисовка из жизни". Речь идет о пантикапейской стеле Перигена, сына Асклепиада, где представлен обращенный влево гарцующий всадник в коротком развевающемся плаще, в правой руке которого – занесенная плеть[31]. Сюжет уникален для греческого искусства Северного Причерноморья, но всеми исследователями без особых сомнений связывается с жизнью и представлениями боспорских греков. Между тем подобная иконография ранее хорошо известна в индоиранском, точнее – восточносакском мире. На бляшках III–II вв. до н.э. из кургана Тенлик в Семиречье мы видим изображение, совпадающее во всех деталях с более поздним пантикапейским[32]. Позже, в середине II в. до н.э. под нажимом вторгшихся с востока юэджей и усуней саки (сэ) Семиречья отчасти были вынуждены мигрировать на юг. На монетах индо-сакских правителей начиная с Азы I мы видим уже знакомый нам персонаж[33]. Он хорошо известен в мифологии индоиранцев. Подобный бог-громовик с особой "громовой плетью", которая была его важнейшим атрибутом, еще недавно почитался осетинами (Элиа) и калашами Гиндукуша. Осетинские тексты словно иллюстрируют наш сюжет: "На коне гарцует многочтимый Элиа; удар его плетки – небесный гром"[34].

Число подобных примеров в искусстве Боспора можно легко умножить. Однако это отдельная задача, которой будут посвящены следующие публикации.

С.А. Яценко

ON SARMATO-ALANIAN SUBJECT OF WALL-PAINTING IN THE "CRIPT OF ANTHESTERIOS" IN PANTICAPAEUM

S.A. Yatsenko

According to the generally accepted opinion, the wall-painting in the "Cript of Anthesterios" in Panticapaeum (I century A.D.) represents several scenes from the life of aristocracy of the Bosporian capital. In reality, the core of this compostion is the picture of a goddess sitting on a throne, World Tree to the left of her, approaching horseman – to the right. Similar representations dating to the V century B.C. are known among the Sacas and Massagetes of the Central Asia (the rug from Pazyryk, the seal from Turkmenia), and since the end of the IV century B.C. we find them in the Kuban region (Merdzhany).

---

[31] *Давыдова Л.И.* Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л., 1990. № 50. С. 50 сл.

[32] *Акишев К.А.* Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983. Рис. на с. 147.

[33] См., например: *Ростовцев М.И.* Иранский конный бог и Юг России // ВДИ. 1990. № 2. С. 194.

[34] Нарты. С. 339, 380.

© 1995 г.

ИНДИЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ М.И. РОСТОВЦЕВА

Каждый, кто знаком с творческим наследием М.И. Ростовцева, знает, какое пристальное внимание уделял он истории и культуре древней Индии. "Индийская тематика" присутствует в нескольких его трудах[1], она теснейшим образом связана с проблемами скифологии[2], эллинизма[3], парфянской культуры[4], религиозной, социальной и экономической историей древнего мира в целом – проблемами, которые были в центре научных изысканий ученого.

В ряде работ, посвященных прежде всего иранским культурным традициям на юге России и в Евразии в целом, Ростовцев в качестве параллелей широко пользуется "индийским материалом" (монетами, памятниками искусства, свидетельствами надписей и т.д.). Так, в статье "Сарматские и индо-скифские древности"[5] он привлекает археологический материал из Таксилы, рассматривает памятники гандхарской скульптуры, кушанские монеты, рельефы Бхархута, знаменитый реликварий Канишки из Пешавара, капитель Ашоки из Сарнатха, использует работы Дж. Маршалла, А. Фуше, А. Кумарасвами, В. Смита, Дж. Фогеля. Особое место в этом круге проблем занимает статья Ростовцева, опубликованная в 1933 г. – "Some New Aspects of Iranian Art (The Heroic or Epic Art or Iran)"[6].

Касаясь вопроса о происхождении и развитии иранского искусства в широком историко-культурном контексте (в том числе о его взаимоотношении с греческим и индийским искусством), Ростовцев специально разбирает проблему гандхарской скульптуры, выявляет специфику буддийской культурной традиции. Результаты раскопок Дж. Маршалла в Таксиле получают подробное освещение, привлекаются свидетельства Мегасфена об Индии.

В архиве Ростовцева в Йельском университете хранятся краткие выписки, сделанные им из индологических трудов, и небольшая библиография по истории и культуре древней Индии[7]. В основном это работы, опубликованные в 20-х годах XX в. Специальное внимание Ростовцев обращал на социальную и экономическую историю древней Индии, искусство и религии. Его интересовал вопрос о соответствии данных Мегасфена свидетельствам "Артхашастры" (он читал работы Р. Мукерджи об Ашоке, Й. Йолли и А. Хиллебрандта о политическом устройстве, О. Штейна о Мегасфене и Каутилье, Л. де ла Валле Пуссена о маурийской Индии, А. Фуше о гандхарском искусстве и т.д.)[8].

---

[1] См., например, *Rostovtzeff M.* Persia, India, China // Artibus Asiae. 1927. V. 2. P. 294–297.

[2] *Ростовцев М.И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Σκυθικά. Seminarium Kondakovianum. T. I. Прага, 1929. 48 с.

[3] *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. I–III. Oxf., 1941.

[4] *Idem.* Dura and the Problem of Parthian Art // Yale Classical Studies. 1935. V. V. P. 157–307; *idem.* Dura-Europos and Its Art., Oxf., 1938. 162 p.

[5] Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926 (Seminarium Kondakovianum). С. 239–258. Перепечатана в сб. "Σκυθικά" (ПАВ № 5. СПб., 1993. С. 39–49).

[6] Seminarium Kondakovianum. T. VI. Прага, 1933. С. 161–186.

[7] Архив библиотеки Йельского университета (Yale University. Sterling Memorial Library, Manuscripts and Archives). Фонд М.И. Ростовцева. № 1133. Картон 5. Ед. хр. 47.

[8] Интерес к Индии в течение длительного времени "подогревался" и давней дружбой с семьей Рерихов, дружбой, начавшейся еще в Петербурге. В фонде Ростовцева в Дьюкском университете сохранилась открытка Н.К. Рериха, посланная из поместья Рерихов в Кулу (Индия) 4 ноября 1935 г. См. фонд Ростовцева в Дьюкском университете (Special Collections Department. William R. Perkins Library. Duke University. Картон № 2. Ед. хр. Refugel. Slavic):

Можно предполагать, что часть этой литературы Ростовцев специально проштудировал для своих статей по скифологии и иранскому искусству, взаимоотношению искусств Ирана, Индии, Китая, которые были написаны в 20-х–начале 30-х годов (в примечаниях к статьям упоминаются именно те работы, из которых сделаны краткие выписки).

В архиве Йельского университета сохранилось также письмо (от 15 июля 1926 г.), отосланное Ростовцеву из Симлы, где располагалось тогда центральное ведомство Археологической службы Индии. Это письмо – ответ на просьбу Ростовцева изготовить для него фотографии ряда археологических памятников[9]. Ростовцев адресовал ее генеральному директору Археологической службы Дж. Маршаллу. Ростовцеву были посланы фотографии ряда вещей, найденных Дж. Маршаллом в Таксиле, а также фото знаменитого реликвария Канишки.

С конца 20-х годов в творчестве Ростовцева Индия и ее культура приобрели особую значимость в связи с раскопками экспедиции в Дура-Европос (Сирия). Открытие великолепных памятников парфянской истории и искусства по-новому поставило вопрос о характере эллинистического искусства и роли различных азиатских культурных традиций в развитии восточных цивилизаций I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

В ряде работ 30-х годов проблемы индийского искусства ставятся в тесной связи с историей и культурой восточноиранских народов[10]. Изучая систему земельного управления у парфян, Ростовцев пытается найти ей параллели у других народов Востока, в том числе и у индийцев. В одном из писем к известному историку Ф.М. Хайхельхайму (от 8.XI.1936) Ростовцев писал: "По поводу соотношения с Индией мне нужно разузнать поточнее. Я надеюсь, что посещение Индии, которое я запланировал на январь-апрель, поможет мне"[11]. 20 сентября японский ученый-антиковед Райносуке Авано, узнав о планах Ростовцева

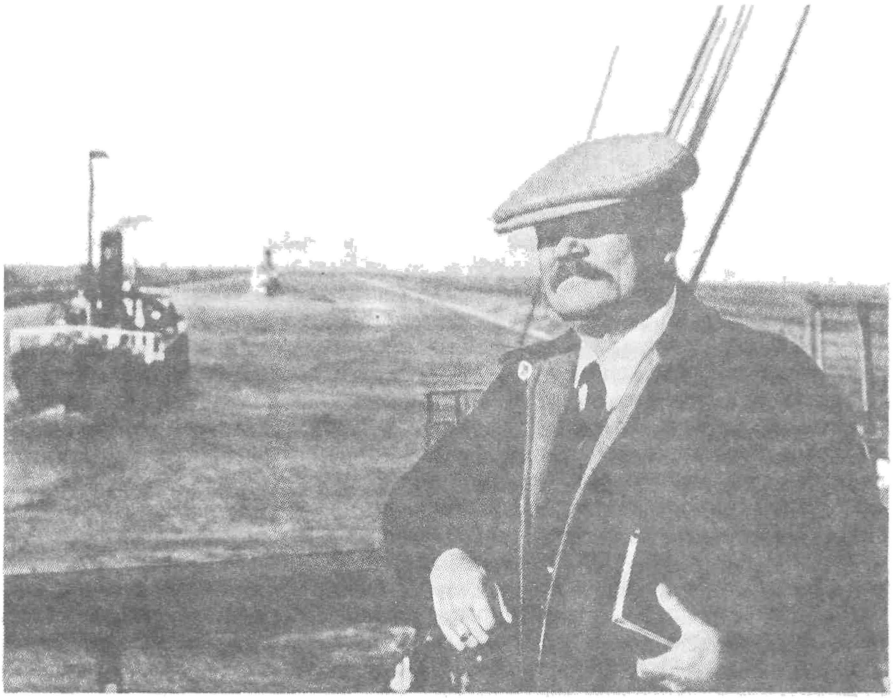
"Дорогой Михаил Иванович! Вернувшись после долгой экспедиции по Средней Азии, я нашел Ваше дружеское письмо-отклик на мою статью. Хочется мне еще раз всячески усилить мои утверждения в этой статье. Повсюду мне приходилось слышать ценнейшие отзывы о Ваших трудах. Когда после окончания срочных работ увижусь с Вами, буду рад сердечно побеседовать. Конечно, каждое слово от Вас и для меня, и для Юрия всегда радостно" (Юрий – Юрий Николаевич Рерих, сын художника, выдающийся русский индолог и тибетолог, тогда директор созданного в Кулу научного института "Урусвати"). Об увлеченности Юрия Николаевича работами Ростовцева свидетельствует, в частности, письмо Н.К. Рериха к Г.В. Вернадскому, в котором говорится: "Юрий является глубоким почитателем Ваших и М.И. Ростовцева трудов" (Государственный архив РФ. Фонд № 5783. Картон № 1. Ед. хр. 440. Л. 52).

В статье "Ученые", написанной в Китае в феврале 1935 г. и впервые опубликованной в книге "Врата в Будущее" (Рига, 1936), Н.К. Рерих писал: "Теперь когда особенно требуется осознание обоснованного синтеза, память о таких великих ученых, как Тураев, должна быть сохранена в руководство для многих. Такие же были устремления и у недавно ушедшего Владимирцова, и особенно выделяется сейчас их сверстник, наш великий и всюду оцененный ученый Ростовцев. Многочисленные труды его и новы, и глубоко обоснованны, и увлекательны в чтении. Эти три обстоятельства совсем не так часто встречаются в сочетании. Сколько раз всем читателям приходилось жалеть, что очень нужные соображения бывают изложены в таких условных нагромождениях, что смысл их прямо раздробляется в этих чрезмерных насаждениях терновника. Но книги Ростовцева являются частями его огромного познания Востока. При этом как истинный ученый он одинаково понимает и звучит как на древнейшее, так и на новейшее. Будучи глубоким знатоком вещественных памятников, Ростовцев является и справедливым ценителем современного искусства. Археолог, историк, ценитель искусства, он всегда обновляет библиотечные познания и раскопками, и путешествиями. Слово его ясно звучит как о древнейших периодах истории, так и о нашей современности. Его хватает на все. По справедливости он сейчас признан и в Америке, и во всех европейских странах. Книги его можно видеть и в книгохранилищах университетских, и в самых неожиданных библиотеках, и всюду они будут сопровождены знаками частного чтения. Как нужны такие ученые! Нужны они и для нас, для соотечественников, и для всего мира. Радуюсь, что труды Ростовцева печатаются на разных языках и тем доступны огромному числу читателей" (цит. по: *Рерих Николай*. Листы дневника. М., 1995. С. 243–244).

[9] В январе 1926 г. Ростовцев обратился к генеральному директору Археологической службы Дж. Маршаллу. Фонд Ростовцева в Йельском университете № 1133. Картон 23. Ед. хр. 100 – "India – miscellaneous", см. также картон 17. Ед. хр. 177 – "Miscellaneous correspondence".

[10] *Rostovtzeff*. Dura and the Problem of Parthian Art.

[11] *Шоу Б.* Два историка в изгнании: переписка М.И. Ростовцева и Ф.М. Хайхельхайма // ВДИ. 1994. № 2. С. 178.

М.И. Ростовцев на пароходе по пути в Индию и на Цейлон (Суэцкий канал, 1937 г.)

поехать в Индию и Индокитай, пригласил русского ученого посетить Японию, ибо "здесь много поклонников Вашего таланта"[12]. Судя по ответу Ростовцева, он уже в сентябре запланировал на декабрь отъезд в Индию и Индокитай[13]. По пути в Индокитай он предполагал посетить Японию (даже намечал примерную дату – "вскоре после 10 января 1937 г."). Посещение Японии, как известно, не состоялось, путешествие же началось в середине декабря. Вместе с женой он отправился из Нью-Йорка на итальянском пароходе "Rex"[14] в Геную[15], где они пересели на корабль, который взял курс к берегам Цейлона.

В архивах США (архив Бахметьева, архив Ростовцева в Дьюкском университете и в частной коллекции семьи Сорокиных)[16] сохранились письма и открытки, посылавшиеся Ростовцевыми друзьям. Эти материалы позволяют наметить маршрут, по которому Ростовцев путешествовал по Южной и Юго-Восточной Азии, установить время и сроки пребывания в тех или иных странах и городах[17], ознакомиться с его мнением о различных

---

[12] Фонд Ростовцева в Дьюкском университете. Картон 1. Ед. хр. Index. A 1934–1955. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность проф. Дж. Оатсу (J. Oates) за приглашение посетить Дьюкский университет и предоставленную возможность ознакомиться с фондом Ростовцева.

[13] Там же.

[14] Судно изображено на открытках, посланных Ростовцевым Вернадскому и Уэллсу с борта "Rex" 17 декабря.

[15] М. Вес (*Wes M.* Michael Rostovtzeff. Historian in Exile: Russian Roots in an Americal Context. Stuttgart, 1990. P. 79) приводит сообщение газеты "New Haven Evening Register" от 18 декабря об отъезде Ростовцевых в Индию. Он же воспроизводит фотографию четы Ростовцевых, которую поместила газета. В фонде Ростовцева в Дуреме сохранилась копия этой фотографии: ее хорошее качество позволяет видеть в ней не пересъемку газетного изображения, а очевидно, копию, полученную от фотографа.

[16] Пользуясь случаем, благодарю сына П.А. Сорокина – профессора С.П. Сорокина за присылку мне фотографий, сделанных С.М. Ростовцевой во время путешествия по Юго-Восточной Азии, а также фотокопий двух открыток, посланных М.И. и С.М. Ростовцевыми из Индии.

[17] М. Вес посвятил специальную главу своей книги путешествиям Ростовцева в Южную и Юго-Восточную Азию, но использовал лишь письма Ростовцева к Вернадскому (архив Бахметьева) – остальные остались ему неизвестными; к тому же Вес часто не справлялся с трудностями прочтения написанных по-русски писем Ростовцева.

памятниках культуры, религиозных обычаях, соотношении местных и чужеземных культурных традиций.

2 января 1937 г. в открытке своему ученику, крупному антиковеду и папирологу Б. Уэллсу (C.B. Wells) Ростовцев писал о том, что они находятся около Коломбо. Тем же числом помечена открытка Ростовцевых к Сорокиным:

"Дорогие друзья!

Приближаемся к Colombo. На обороте моя рожа в Суэцком канале[18]. 22 дня качаемся по океанам и морям. Два дня ждали парохода в Генуе. Все пока благополучно. Переезд был чудесным. Не качало ни разу. Сейчас жарко и душно"[19].

Примерно 10 дней пробыли Ростовцевы на Цейлоне, осматривая древние памятники. Судя по статье, напечатанной в "Русских записках", Ростовцевы поднялись ко дворцу на горе Сигирия и осмотрели знаменитые фрески[20]. 13 января уже из Мадраса Ростовцев писал Уэллсу: "Вы должны приехать сюда, чтобы понять какие бывают языческие культы у высокоцивилизованных и художественно развитых народов. Мы осматривали один храм за другим. Ну прямо как туристы в Европе посещают церкви и музеи. Мы начали с буддийских храмов Цейлона, как разрушенных, так и действующих, а теперь перешли к индуистским храмам Южной Индии. Завтра едем в Бомбей...".

Тем же числом датирована открытка, посланная Вернадскому в Йель: «...На Цейлоне и Южной Индии погрузился в хаос индуистской археологии и религии и жалею, что так мало об этом знал до путешествия. Поразительный новый мир и новое для меня восприятие жизни. Живая "языческая" страна с культом, в основе мало разнящимся от античного культа, особенно в Малой Азии и Сирии. Завтра едем в Бомбей и оттуда на Север»[21]. На обороте открыток, посланных Уэллсу и Вернадскому из Мадраса, – фото знаменитого храма Минакши в Мадурай, который Ростовцев, очевидно, тоже посетил.

В Бомбее Ростовцев осмотрел музей принца Уэльского, известный своими памятниками буддийского и индуистского искусства, заказал фотографии некоторых скульптур[22].

Следующие послания – уже из Агры: 25 января – подробное письмо Вернадскому, 28 января – Уэллсу, 9 февраля – Сорокиным. Письмо Вернадскому, по словам Ростовцева, своего рода автонекролог. Ростовцев писал, что это письмо – dixi et animam levavi ("сказал и облегчил душу"). Оно важно еще и потому, что отражает не только общие взгляды Ростовцева на развитие индийской культуры, но и определяет подход антиковеда к сравнительному изучению индийского и античного искусства, культурного наследия в целом. Письмо заслуживает того, чтобы быть приведено полностью[23].

"Дорогой Георгий Владимирович!

Спасибо за пересылку корреспонденции и за письмо, которое получил в Бомбее. Следующий пакет буду ждать в Калькутте. Путешествие наше по собственно Индии сделано на две трети: осталось еще побывать на севере – Lahore, Peshawar и Taxila и затем перебраться в Бенгал, в Калькутту, откуда начнутся Бирма[24], Сиам и Индокитай.

---

[18] На обороте фотография Ростовцева, сделанная на пароходе "Rex" в Суэцком канале. С.П. Сорокин прислал эту фотографию М. Весу, и она была помещена в книге Веса. Такую же фотографию С.П. Сорокин прислал и мне, и я решил ее вновь воспроизвести.

[19] Фонд Ростовцева в Дьюкском университете. Картон 1. Ед. хр. Письма к C.B. Wells (№ 1). Все остальные письма Ростовцева к Уэллсу также хранятся здесь.

[20] См. *Ростовцев М.И.* Индия и ее искусство // Русские записки. 1938. Т. III. С. 193: "Глядя на фрески причудливого дворца в Сигирии, чувствуешь себя на Аджанте, в сфере ее творческого влияния. Но фрески Сигирии не копии, они свои, цейлонские, и свидетельствуют о размахе того ренессанса в Индии, который создал творчество Аджанты". В конце статьи Ростовцев пометил: "Сурабайя (Ява). 28 марта 1937". Можно полагать, что статья была завершена на Яве еще до окончания путешествия и отослана сразу же в Париж для публикации.

[21] Архив Бахметьева. Фонд Вернадского. Переписка. Картон 7 (все письма Ростовцева, посланные из Азии Вернадскому, хранятся здесь).

[22] В архиве Ростовцева в Йельском университете сохранились фотографии, посланные из музея по заказу ученого.

[23] Вес дает английский перевод первой части письма (op. cit., p. 79–80). По-русски (в оригинале) письмо публикуется впервые.

[24] В тексте – Бурма.

Путешествие трудное и утомительное. На юге особой жары не было, но в Ц[ентральной] Индии поразительная перемена температуры от дня к ночи. Резкий холод начинается вечером и достигает апогея к утру. С 80° днем до 45°, а в Lahor'e даже до 35°. Это особенно неприятно в вагоне, а ночные переезды приходится делать постоянно и вставать иногда в три, иногда в четыре, пять или 6 часов утра. Вставание не из веселых. Другая ловушка – переезды на автомобилях. Не то, что дороги очень плохи или автомобили и шоферы никуда не годятся. Дороги не Бог весть какие, но лучше сирийских, а шоферы лучше, чем в Сирии. Автомобили старенькие, но не очень, чтоб уже очень. Ломка у нас была только раз, да и то незначительная. Ловушка в том, что здесь едешь в облаках пыли: встречные автомобили туда-сюда, они редки, но обозы, один за другим, десятками и сотнями и стада скота передвигаются все время и делают шофера мучеником, а пассажиров пыльниками. Ну, а пыль индийская похуже русской: в ней найдешь все, чего не хочешь. После трех дней такого передвижения засыхало горло основательно. Не лучше по части пыли и жел[езные] дор[оги] и города, даже большие. Что же сказать про Индию. Глубоко интересная страна. Во многом напоминает Россию. Страна мужицкая по-преимуществу, почти без буржуазии, с небольшой группой интеллигентов. Страна многих тысяч деревень, многих сотен κωμοπόλεις и дворцов их раджей. Но, главное, страна храмов: индусских, шиваистских и вишнуистских, причудливых, полных жрецов, аскетов, молящихся; буддийских и джайнистских вихар и чайтия, т.е. храмов и монастырей, в Индии (но не в Бирме[25] и на Цейлоне) в руинах и, наконец, мусульманских мечетей. Впечатление то же, что было в России до большевиков: глубоко религиозная страна. Но боюсь, что, как и в России, это только мираж. При первом случае религиозность сменится издевкой. М[ожет] б[ыть], я и неправ. Сейчас кажется, что религия у индусов на первом плане. В Индии меня поразило прежде всего жизнь того, что я изучал всю жизнь, как разрушенное, разбитое прошлое. Жизнь языческой религии и культа. В индусских храмах, особенно в Ю[жной] Индии она бьет ключем. Огромные храмы – как храмы сирийских городов – с сотнями браминов, храмовых служителей и танцовщиц, музыкантш и священных проституток, нищих, богомольцев и богомолок. Храмы, где курят фимиам, где приносят богам и богиням цветы, плоды, всякую пищу, где мажут богов маслом и символом крови красной краской, где иногда приносят кровавые жертвы. Храмы, где ежедневно происходит богослужение. Храмы, где религиозные процессии и храмовые праздники – великое событие. Где тысячи людей тянут колоссальную колесницу бога, когда он, истомившись от жары, едет на несколько дней на дачу. Античный культ ожил передо мною. Я его <u>видел</u>[26], а для меня видеть значит ощутить и понять.

Это одно. Другое – видение нитей, связывающих Индию с Грецией. Эти ранние буддийские ступы с поразительными рельефами, из которых я пока видел три, но увижу больше после посещения Sarnath'a и Калькутты. Интересно видеть, как народ, одаренный артистически и имевший свое искусство задолго до Александра, реформирует свое искусство под влиянием чужих артистических идей и немедленно осваивает эти новые мотивы и принципы, создавая нечто, что остается, приспособляется к новой религии и затем перерабатывается старой. Интересно, что новые влияния усвоены были новой религией – буддизмом, религией не традиций, а перерождения и через буддизм проникло в традиционную религию индуизма в переработанном и перечувствованном виде. Думаю, что впечатления, собранные на основании пока еще немногих памятников, выльются в нечто более определенное и систематическое, когда удастся закончить наши странствования по Индии экскурсией на север, на родину гандхарского искусства. Хотя должен сказать, что пока буддийские памятники Центральной Индии старше памятников севера Индии и Афганистана. Но это, вероятно, случайность.

Кроме этих впечатлений, конечно, много и других. Фрески Аджанты, гениальные произведения буддийских монахов, результат того же оплодотворения Индии Грецией. Но в них, пожалуй, меньше местного гения, чем в скульптурах ранних буддийских ступ. Они – продукт внутренне буддийского развития без приспособления к индуизму, в области искусства и в области религии. Совершенно иное развитие чисто шиваистского и вишнуистского искусства и во многом развитие джайнизма, хотя и близкого к буддизму. Здесь какие-то новые силы в архитектуре, орнаментике и фигурных украшениях. Очень древних памятников не сохранилось. Все позднее гуптского периода. Но чувствуется старая традиция, чувствуется больше, чем в буддийском искусстве, где она тоже есть. Я читал

---

[25] В тексте – Бурма.

[26] Подчеркнуто Ростовцевым.

немного. Но думаю, что основы понимания искусства Индии в средние века еще не положено. Архитектура, гл[авным] обр[азом] классификация храмов, более или менее разработана. Но орнаментика геометрическая, растительная и фигурная, большая фигурная пластика, кажется, вся орнаментального характера. Все еще tuta vagina[27]. Не берусь говорить потому об этом искусстве. Но оно импозантно, хотя сохранившиеся памятники уже перегружены орнаментикой, традиционны и часто монотонны.

Ну это не столько письмо Вам, сколько dixi et animam levavi или материал для моего некролога. Сохраните это письмо не для потомков, а для меня. Интересно будет прочесть, когда вернусь.

Привет

Ваш М. Ростовцев"

28 января Ростовцев пишет профессору Уэллсу из Агры: "Никто не построит ни мне, ни Вам такого прекрасного мавзолея: мы не Моголы, да и вообще не живем в Индии[28]. 2/3 нашего путешествия по Индии уже позади. Мы приближаемся к северо-западным районам страны. Затем предстоит опыт жизни в настоящих тропиках: Сиам и Индокитай".

Из Агры, судя по письмам, путь лежал в Лахор, Пешавар и Таксилу. 2-м февраля 1937 г. датируется письмо, посланное К.Н. Сита Рамом – хранителем Центрального Лахорского музея – Ростовцеву в гостиницу. Русский ученый находился тогда в Лахоре и уже ознакомился с музеем[29]. Из Лахора Ростовцев отправил Уэллсу открытку (дата отсутствует), на одной стороне которой изображен местный правитель, с шуточным текстом: "Надеюсь когда-нибудь Вы будете править султанатом, подобно этому лахорскому. Я не хотел бы говорить Вам, где он находится, сколь он велик и как богат его правитель. Все узнаете сами". После осмотра Лахора, его исторических памятников и музея Ростовцевы отправились на север – в Пешавар, где, судя по письму Деливара Ханса, смотрителя Пешаварского музея, они побывали в феврале 1937 г. Посетил Ростовцев и Таксилу, памятниками которой он интересовался задолго до путешествия. 4 февраля из Таксилы – открытка Уэллсу: "Привет из чудесного города Таксилы, резиденции Таксила, союзника Александра, на границе Пенджаба и на военной границе пяти городов – индусов (Hindu), греков, скифов, парфян и кушан...".

Далее путь лежал через Бенарес к Калькутте. 8 февраля – открытка Уэллсу из Бенареса (на обороте фото знаменитой Львиной капители Ашоки из музея в Сарнатхе): "Мы увидим это чудо (см. фото на обороте) завтра в Сарнатхе, который расположен в 4 милях от Бенареса. Это одно из наиболее священных мест буддизма: место первой проповеди. Я надеюсь узнать новости из Нью-Хейвена в Калькутте, где мы будем послезавтра... Сегодня я видел в первый и в последний раз в жизни настоящую кремацию тел на берегу Ганга...". 12 февраля – письмо, посланное Г.В. Вернадскому из калькуттской гостиницы: "Наше путешествие идет пока благополучно...".

Затем путешествие продолжилось далее на восток. Из Индии корреспонденции Ростовцева больше нет, но, судя по статье "Индия и ее искусство", он посетил и Ориссу, где ознакомился с храмами Бхубанешвара. Далее – путь по территориям Бирмы, Таиланда, Камбоджи и Вьетнама. 3 марта[30] Уэллсу была послана открытка, на одной стороне которой изображения буддийских ступ, со следующим текстом: "Вот вид Бангкока, города очень красивых буддийских храмов и каналов; его называют Восточной Венецией, он заслуживает такого названия... Сегодня уезжаем в Ангкор-Ват".

12 марта Ростовцев посылает открытку Уэллсу из Сайгона (на другой стороне фото знаменитых храмов в Ангкор-Вате, древней столице Вьетнама): "Четыре дня в Ангкор-Вате были вершиной в нашей бирмано-сиамско-индокитайской поездке, второй трети нашей экспедиции. Было по-настоящему жарко. Утра, однако, здесь восхитительны, а жара после полудня и ночью не страшней, чем жаркая погода в Нью-Хейвене".

---

[27] Tuta vagina (лат.) – девственная, неизведанная область.

[28] На обороте открытки изображение одного из мавзолеев в Агре. 9 февраля С.М. Ростовцева посылает жене П.А. Сорокина открытку с фотографией мавзолея Акбара: "Мы видим массу интересного, и я много снимаю. Это одно из моих произведений – вход в парк, где мавзолей Агбара, в Агре. Красиво поразительно. Наше путешествие по Индии близится к концу, и мы видели много чудес, хотя надо было бы иметь больше времени".

[29] Письмо хранится в архиве Ростовцева в Йельском университете.

[30] Датировано по штемпелю на открытке.

Тем же числом датируется открытка, посланная в США Вернадскому. "Видел эти танцы[31] на фоне храма в Ангкор-Вате. Зрелище феерическое. Танцы те же, что исполнялись в Ангкоре в IX–XII вв. по Р.Хр. Это несомненно: модернизации нет никакой. Едем благополучно из одной страны в другую. Бирма иначе, чем Индия, Сиам – чем Бирма, Индокитай и Камбоджа. Каждая особый мир".

Последняя часть путешествия – Ява и Бали. 28-м марта подписана Ростовцевым статья, завершенная на Яве (Сурабайя, Ява). 3 апреля Ростовцев посылает письмо Уэллсу с Явы из города Гаруй:

"Мой дорогой Бред,

Я не писал Вам в течение долгого времени и еще дольше я ничего не слышал о Вас. Вы не послали мне в Батавию никаких сообщений, как я этого ожидал... Наше путешествие почти через всю Индию близится к завершению. Сейчас мы в прекрасном месте в горах Явы, отдыхаем после тропической жары Сиама, Индокитая, Бали и Явы. Я надеюсь, что это поможет мне провести 17 жарких ночей на голландском пароходе прежде, чем мы достигнем Порт-Саида. Все страны, которые мы посетили во время последней трети нашего путешествия, вызвали у нас необычайный интерес, хотя это было утомительно. Анкор – удивителен, также и Бали, и Ява. Не был разочарованием и Сиам".

На открытке, посланной Вернадскому тоже из Гаруй, Ростовцев писал: "Последняя открытка из Индии. Получил Ваши письма в Батавии... На обороте вид Бали. Чудесный островок, чудом удержавший весь свой удивительно интересный уклад".

Еще во время путешествия Ростовцев сформулировал основные выводы о развитии индийского искусства, сделанные на основе личного знакомства как с памятниками (буддийскими, индуистскими и из Гандхары) архитектуры, скульптуры, живописи, так и с богатейшими музейными коллекциями. Они изложены в журнальной статье, посланной в Париж и помеченной, как уже отмечалось, "Сурабайя, Ява". Поскольку статья "Индия и ее искусство" была опубликована в "Русских записках"[32], нет необходимости пересказывать ее содержание, но некоторые наиболее важные выводы и наблюдения ученого все же заслуживают упоминания. Ростовцев пробыл в Индии недолго, но ему как антиковеду удалось увидеть многое из того, что обычно ускользало от внимания путешественников и даже профессионалов-востоковедов. "Мой главный интерес к Индии был интерес историка, специалиста в области прошлого античного мира, историка, которого давно уже занимает вопрос о сношениях Индии с античным миром и о взаимном влиянии Индии и античного мира, которое легче всего понять и уловить в памятниках архитектуры, живописи и прикладного искусства"[33].

Первое, что поразило Ростовцева как специалиста – политеизм. "Столь же глубокое впечатление вынес я из Индии, как исследователь античного мира, глубоко заинтересованный во всех сторонах его жизни и среди них в религиозной жизни античности. Античный так называемый политеизм, античный культ, античная религиозная практика Запада и Ближнего Востока мертвы и никогда не воскреснут. Мы стараемся понять античную религию с ее тысячами богов, ее философией, с ее ежедневной практикой, с ее поэзией и прозой, изучая фрагменты, разбитые и разрозненные части когда-то законченной, сложной и богатой постройки, скелет когда-то живого организма... В Индии античный политеизм с его теорией, философией, практикой жив. ...Жив традиционный политеизм Индии, и как поучительно исследователю античной жизни видеть его ежедневный обиход... В Индии брахманский политеизм удержался в народе, создавшем высокую цивилизацию, так же как и в античном мире"[34].

Храмы современной Ростовцеву Индии вызвали в памяти ранее изучаемые им храмы античного мира и эллинистического Востока, а индийские жрецы напоминали античных жрецов. Большой интерес вызвало у Ростовцева свойственное Индии и "индийскому Дальнему Востоку" сочетание индуизма с пережитками и идеями "примитивного" анимизма

---

[31] На обороте открытки изображены камбоджийские танцы в Ангкор-Вате.

[32] Ж. Андро в списке трудов Ростовцева называет лишь рукопись "India and Its Art" (и дату 28 марта 1937 г.), но не упоминает о том, что статья на эту тему "Индия и ее искусство" была опубликована в "Русских записках" в 1938 г. (*Andreau J. // Rostovtzeff M.* Histoire économique et sociale de l'Empire Romain. P., 1988. P. 675).

[33] *Ростовцев.* Индия и ее искусство. С. 176.

[34] Там же. С. 181.

и шаманизма, демонологии и магии – сочетание, свойственное, по словам ученого, и римской религии. Во время путешествия Ростовцев "впервые увидел живой, а не на греческих вазах и греческих и римских рельефах, процессию канефор, как можно было видеть ее постоянно в греко-римском мире в культе любого бога и богини, особенно Деметры и Диониса"[35].

Еще один облик Индии, близкий исследователю античной религии, отметил Ростовцев. Это – погребальный обряд. "Сложные сооружения индуизма для совершения погребальных церемоний воскресили для меня и наполнили жизнью и красками те немногие описания и изображения больших погребений античности, которые до нас сохранились"[36]. Неизгладимое впечатление произвела на Ростовцева религиозная жизнь Индии. "Впервые увидел я религию античного мира живой и многое в ней понял, что до этой поездки оставалось мне неясным. Очень рекомендовал бы исследователям античной религии побывать в Индии и пожить храмовой ее жизнью. Многому бы они научились, чему не могут научить ни книги, ни репродукции"[37].

Но главной задачей своего индийского путешествия Ростовцев считал изучение ранней стадии искусства Индии. Прекрасно знакомый с археологическими открытиями тех лет, Ростовцев учел новые археологические исследования Дж. Маршалла в Таксиле и городов Хараппской цивилизации в Северо-Западной Индии и выдвинул идею о местном субстрате маурийского искусства. Ростовцев справедливо подчеркивал тесную связь маурийской культуры с эллинистической культурой близких к Индии на севере и западе государств, а также он сумел увидеть многие нововведения, которые привнес буддизм (прежде всего применение в строительстве камня). Вместе с тем как превосходный знаток античного искусства Ростовцев выступил против популярной тогда тенденции преуменьшать античное влияние на культуру древней Индии. "Местные индусские историки искусства, в естественном желании почеркнуть национальную основу Асоковского[38] и после Асоковского искусства, сводят число заимствованных элементов до минимума. К тому же большинство из них плохо знает античное искусство, особенно искусство эллинистического периода. Мое положение иное, и я вижу эллинизм там, где мои индусские коллеги его не видят или не хотят видеть"[39]. "Историк искусства, – продолжает Ростовцев, – видит теснейшую связь орнаментального мотива в Индии с его эллинистическими прототипами"[40]. Касается Ростовцев и вопроса о характерных чертах раннебуддийской иконографии. "Не может быть сомнения в том, – пишет он, – что иконография раннебуддийского искусства Индии, особенно ее фантастические демоны, гаруды и маккары, не местного происхождения, а родные сестры греко-иранских мифических и фантастических зверей – грифона-орла, грифона-льва, а крылатого дракона с волчьей головой и характерным завитком на носу и т.д. Их индианизация пошла быстрыми шагами, но их прохождение вне Индии, в греко-римском мире, несомненно"[41].

Свои раздумья о возникновении и развитии индийского искусства Ростовцев подытожил одной фразой: "Один из самых трудных вопросов в истории человеческой культуры: самозарождение, влияние, заимствование"[42].

Специальное внимание в статье уделено гандхарскому искусству – эта проблема занимала ученого в течение нескольких десятилетий. В противовес многим исследователям, рассматривающим гандхарское искусство как римский феномен на почве Индии, как этап в развитии античной культуры или, наоборот, как чисто индийское явление, лишь вдохновленное греческим гением, Ростовцев считал искусство Гандхары синтезом индийского и греческого искусств. Касается Ростовцев и истории бактрийского искусства.

Уже во время путешествия, а затем сразу же после него Ростовцев заказывает в музеях Южной Азии и Европы фотографии памятников индийского искусства (в том числе и буддийского). Очевидно, это было связано с написанием большой работы по искусству Дура-Европос, с подготовкой обобщающего труда "Социальная и экономическая история

---

[35] Там же. С. 177.

[36] Там же. С. 182.

[37] Там же. С. 183.

[38] В оригинале. Сейчас принято писать ашокинского.

[39] *Ростовцев.* Индия и ее искусство. С. 186.

[40] Там же. С. 187.

[41] Там же.

[42] Там же.

эллинистического мира", а также специальным вниманием к проблемам гандхарского и эллинистического искусства. В архиве Ростовцева в Йельском университете сохранились фотографии, присланные ему из музеев, а также письма их хранителей, которые отвечали на запросы русского ученого (в них также упоминаются заказанные фотографии). Среди "индийских фотографий" – головы кушано-сакских правителей из музея в Матхуре, буддийские реликвии из Таксилы, скульптуры из Аджанты и др.

25 марта 1937 г. главный хранитель Индийского музея в Калькутте посылает в Лондон Ростовцеву письмо в ответ на его запрос, сделанный 17 февраля, после того как русский ученый, проведя в столице Бенгалии несколько дней, покинул Калькутту и отправился в Индокитай. Судя по письму, Ростовцев после осмотра музея хотел проконсультироваться по ряду проблем индийского искусства. Особенно заинтересовала его коллекция гемм и камней, и он просил подготовить ему фотографии этих изделий, а также прислать работы по гандхарской скульптуре. 20 мая хранитель музея в Пешаваре отправляет Ростовцеву, также в Лондон, письмо, в котором сообщает о посылке семи фотографий гандхарских памятников из той коллекции, которую видел Ростовцев в феврале, посетив Пешавар.

И, наконец, письмо от 3 мая 1937 г. из музея в Батавии – ответ на письмо Ростовцева от 1 апреля (т.е. когда он находился на Яве). Ростовцев просил сделать фотографии рельефов Боробадура, но получил ответ, что негативы находятся в Голландии и позднее были использованы для издания известной монографии о Боробудуре.

О росте интереса Ростовцева к гандхарскому и, шире, к индийскому искусству говорят письма, адресованные ему выдающимся французским историком и археологом А. Фуше (3 письма – по-французски – сохранились в фонде Ростовцева в библиотеке Дьюкского университета)[43]. В первом письме (от 5 января 1938 г.) Фуше сообщает о посылке Ростовцеву фотографии, где изображена сцена из джатак на ступе в Санчи, которая нужна была русскому ученому для работы над проблемами индийского искусства[44]. 2-е письмо Фуше от 27 марта 1938 г. является ответом на послание Ростовцева от 14 марта, в котором тот интересовался раскопками в Капише (Афганистан, к северо-востоку от Кабула).

И, наконец, письмо от 19 ноября, строки из которого следует привести: «Вы мне, конечно же, простите, что я не сообщил сразу о получении прекрасной книги, которую Вы мне послали через Кларендон Пресс[45]: я хотел не спеша прочитать ее, и сегодня я уже с полным знанием дела вместе с благодарностью выражаю Вам свое живейшее восхищение тем, как Вы сумели обобщить результаты десяти лет раскопок. Читая Вашу книгу в свое удовольствие, понимаешь еще лучше, чем слушая Ваше выступление в Колледж де Франс, сколько эрудиции и строгости обобщения лежит в основе того, что Вы преподносите как простую популярную работу о "восточных Помпеях".

Позвольте также сказать Вам о том особом удовлетворении, которое Ваша книга доставляет мне как индологу. Вот уже более тридцати лет я возражаю против того, чтобы искать истоки эллинистического влияния на Гандхару в Афинах или в Риме, через голову азиатских греческих городов. Но что мы пока знали об этих городах? После Вашей интерпретации раскопок в Дуре становится яснее, чем когда бы то ни было, что окончательное решение проблемы гандхарской школы, если не индийского искусства в целом, кроется в аршакидских развалинах. Это, если хотите, настоящий символ: видеть на обложке название Дура-Европос, обрамленное двумя фризами из Голи»[46].

В введении к книге "Дура-Европос и ее искусство" Ростовцев касается истории взаимодействия различных цивилизаций Запада и Востока после похода Александра и отмечает влияние греко-иранских элементов на индийскую культуру эпохи Маурьев, ставит вопрос о происхождении и развитии так называемой Гандхарской цивилизации[47]. Спе-

---

[43] Фонд Ростовцева. Картон 2. Ед. хр. Язык французский. 1934–1939 гг. На кафедре классических исследований Дьюкского университета хранится часть библиотеки Ростовцева в том числе коллекция оттисков статей. Среди них несколько подаренных ему А. Фуше (например, II том работы "L'Art Créco-Bouddhique du Gandhara"). Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность С.В. Кулланде за помощь в прочтении писем А. Фуше. С.В. Кулланда перевел статью Ростовцева "Заметки об Индии и ее древнем искусстве", которая публикуется в качестве приложения.

[44] Эти фотографии были использованы при подготовке книги "Dura-Europos and Its Art".

[45] Речь идет о книге "Dura-Europos and Its Art". Она содержит публичные лекции, прочитанные Ростовцевым в Лондоне (Университетский колледж, май 1937) и Париже (Коллеж де Франс, июнь 1937).

[46] Голи – небольшое поселение в Декане, где был открыт ранний буддийский комплекс.

[47] Dura-Europos and Its Art. P. 7.

циально разбирая вогрос о характере парфянской цивилизации, он подчеркивал влияние на нее индийского искусства[48]. Не считая себя специалистом по истории индийского искусства, Ростовцев вместе с тем широко пользовался материалами Бхархута, Санчи, Бодх-Гайи: индийское путешествие, безусловно, расширило "индийский горизонт" ученого. В статье "Основание Дура-Европос на Евфрате", увидившей свет в 1938 г., Ростовцев более широко пользуется "индийским материалом", оперирует термином "индийская цивилизация" (Indian Civilization), применяя его для эпохи Маурьев, для периода Кушан (Kushan Civilization in Northern India) и для более позднего времени – для гуптской эпохи[49].

Опубликованная в 1939 г. рецензия Ростовцева на вышедшую в 1938 г. книгу В. Тарна "Греки в Бактрии и Индии"[50], демонстрирует возросший индологический профессионализм. Об этом особенно ярко свидетельствует и знаменитый труд Ростовцева "Социальная и экономическая история эллинистического мира", а также рецензия на книгу К.В. Тревер[51].

В архиве Йельского университета хранится текст лекции, прочитанной в этом университете Ростовцевым вскоре после индийского путешествия: ее название "Заметки об Индии и ее древнем искусстве" ("Some Remarks on India and Its Early Art")[52]. Текст, хотя в ряде отрывков и сходен с журнальной статьей, опубликованной в "Русских записках", представляет интерес для индологов и раскрывает малоизвестную в антиковедной науке "индийскую страницу" в творческой биографии Ростовцева. Думаю, что ознакомление с этим до сих пор неопубликованным архивным документом для специалистов и просто для читателей целесообразно.

Г.М. Бонгард-Левин

М.И. Ростовцев

ЗАМЕТКИ ОБ ИНДИИ И ЕЕ ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ

I

Я не собираюсь сегодня читать вам официальный доклад или лекцию. Я не индолог, и мои исследования не имеют к Индии прямого касательства. Я провел там прошлой зимой весьма короткое время, достаточное для того, чтобы составить некоторое представление об этой стране, но не более того. Мои впечатления – это впечатления обычного туриста, ограниченного временем и еще более – знаниями. Да и как турист я себя не проявил: не поздоровался за руку с вице-королем и губернаторами провинций и не был ими принят. Не сподобился я и чести погостить у какого-нибудь из многочисленных индийских раджей, пожить в его доме для гостей, более похожем на роскошный отель, или проехаться на одном из его слонов. Я и на слоне никогда не ездил – ни в Индии, ни где бы то ни было еще. Не досаждал я своим присутствием Ганди или Рабиндранату Тагору. И последнее, но от того не менее важное: я вернулся из Индии без готовой схемы того, как должны были бы вести себя британцы, или как следовало бы поступать туземцам, дабы достичь мира, спокойствия, процветания и согласия. Я, признаюсь, во всем этом очень слаб.

Если я и решаюсь выступить сегодня перед вами, то потому только, что меня попросил об этом Президент нашего университета, и потому, что, говоря об Индии, я, возможно, наведу вас на кое-какие соображения, еще не ставшие для вас привычными – соображения,

---

[48] Ibid. P. 90–93.

[49] *Rostovtzeff M.* Foundation of Dura-Europos on the Euphrates // Seminarium Kondacovianum. T. X. Прага, 1938. P. 99.

[50] *Tarn W.* Greek Civilization in Central Asia // The Yale Review. 1939. V. 28. P. 420–422.

[51] *Rostovtzeff M.* Rev.: *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940 // AJA. 1942. V. 46. P. 295–301.

[52] Текст никогда не публиковался. Фонд Ростовцева в Йельском университете № 1133. Картон 1. Ед. хр. 5. На оригинале английского текста рукой Ростовцева проставлено "Lecture 1937–1938".

навеянные моими личными впечатлениями исследователя древних религий и истории древнего искусства. Этим личным впечатлением, а не общему описанию моего путешествия я и посвящу те несколько слов, которые хотел бы сказать вам.

Одно из сильнейших моих впечатлений в Индии связано с моими занятиями классической древностью. Индия – одна из тех редких стран, что и по сей день живут жизнью древности, в сущности, весьма слабо затронутой всяческими современными надстройками. Особенно это касается религиозной жизни.

Мы, исследователи древности, упорно стремимся воссоздать величественное здание так называемого язычества, древнего восточного, греческого и римского политеизма. В распоряжении нашем лишь мертвые осколки когда-то прекрасной, но ныне разбитой статуи, скелет когда-то полного жизни тела. Разрозненные религиозные тексты, отражения религиозной мысли и жизни в поэзии и прозе, в пластике и живописи, сохранившиеся в наших религиях пережитки, развалины прекрасных храмов и усыпальниц, полные изуродованных изображений богов и богинь, алтарей, посвящений, вотивных подношений, т.д. и т.п. – вот материал, который мы тщательно собираем, классифицируем, реставрируем, сводим воедино, интерпретируем и обсуждаем, чтобы понять религию, что перестала быть для нас своей и глубоко чужда нам.

Но в то время как политеизм античности – лишь груда развалин, его трудно понять и невозможно увидеть, в Индии он – живой организм, брызжущий энергией, живой во всех своих проявлениях: мифах, теологии, философии, культе. Всякий, оказавшийся в Индии, видит его повсюду: жизнь индийская религиозна по самой сути своей. В тысячах храмов и усыпальниц, посвященных сотням богов, богинь и духов, в священных рощах и на берегах священных рек и озер проявления религиозной жизни не прекращаются ни на минуту с раннего утра и до позднего вечера. Конечно, индийский брахманический политеизм – не то, что политеизм античный. Но не забудем, что древний политеизм в Европе и на Ближнем Востоке отнюдь не был единообразным и принимал, в зависимости от места, времени, расы, традиции, среды, тысячи различных форм. С другой стороны, индийский политеизм одним из своих главных корней восходит к наиболее нам знакомому политеизму, т.е. к раннему индоевропейскому политеизму Азии и Европы: иранскому и славянскому, кельтскому и германскому, греческому и римскому. Конечно, индийские теология и философия решительным образом отличаются от теологии и философии греческой, римской, от семитской, иранской и египетской религии. Все это очевидно. И все же, несмотря на все эти различия, вдумчивые исследователи древнего политеизма могут многое почерпнуть из наблюдений над по сию пору здравствующей и процветающей великой политеистической религией.

Конечно, будучи иностранцами, и оттого нечистыми, мы, европейцы, не все можем увидеть в Индии. Подобно миллионам жителей Индии иных вероисповеданий и миллионам индусов низших каст, иностранцам и туристам в некоторые храмы доступ закрыт вообще, и во всех храмах их не допускают в святая святых и к наиболее важным церемониям. Однако даже дворцы и общие комнаты храма дают достаточно материала, чтобы мы смогли видеть ежедневный обиход индийского политеизма.

Еще одно замечание. Примечательно, что индийский политеизм есть феномен sui generis, подобно политеизму высокоцивилизованных народов античного мира. Это не примитивный, варварский, шаманский политеизм так называемых "отсталых" народов. Брахманический политеизм развился и достиг расцвета среди высокоцивилизованного народа с необычайно высокими запросами в области духовной жизни, и предназначался для удовлетворения этих запросов. Он выдержал в своей жизни много критических периодов, много трудной борьбы с религиями иного типа: парсизмом, буддизмом, мусульманством, христианством. В похожей борьбе традиционные религии античного мира уступили и были разбиты. Не то брахманический политеизм. Он с победой вышел из вековой борьбы и выглядит теперь сильнее, чем когда бы то ни было.

Как и древний политеизм наших европейских предков, брахманизм двулик: одной стороной он повернут к массам, другой – к немногим избранным, высоколобым интеллектуалам, искателям духовной истины, религиозным мыслителям, как если бы в одном организме встретились и слились две разнопорядковые религии. Заметим, что глубочайшие мыслители и миллионы крестьян ходят в одни и те же храмы, молятся одним и тем же богам, участвуют в одних и тех же религиозных церемониях. Не то ли было в античном мире, где с одной стороны были Эсхил и Софокл, Плотин и император Юлиан, а с другой – массы адептов различных древних культов, зачастую весьма примитивных и варварских в своей обрядности.

В галереях, дворах, на храмовых базарах и улицах, населенных жрецами индусских храмов, я чувствовал себя в античном мире, представлял, что иду не по мощеным полам храмов двадцатого века в Бхубанешваре, Пури, Мадуре и тысяч других храмов в собственно Индии, на Цейлоне, Яве и Бали, а по полам больших и малых храмов не столько Греции и Рима, сколько эллинистических и римских Египта, Сирии и Месопотамии – настолько велико их сходство.

Те же колоссальные храмовые дворы с монументальными портиками, те же галереи и колоннады вокруг дворов, настоящие базары, полные торговцев и торговок, те же огромные бассейны святой воды для ритуальных омовений и купанья, где живут священные животные, то же святая святых и более мелкие святилища богов – спутников главного бога (σύνναοι θεοί в греческой терминологии), те же помещения для собраний жрецов, священных танцев и музыки. Во дворах и галереях храма бродят, как и в некоторых храмах античного мира, священные животные богов – совладельцев храма. По всем галереям, дворам, отдельным помещениям и залам разбросаны изваяния богов, богинь, добрых и злых духов, священных животных, таинственных символов (самый популярный – линга Шивы). Те же изображения смотрят на вас со стен помещений, портиков, святилищ, гопур (монументальных ворот): в одиночку и группами, стоящие и танцующие, занимающиеся любовью и устрашающие врагов, сражающиеся с людьми и животными – последнее в особенности в барельефах и картинах, иллюстрирующих индийские священные эпические поэмы – Рамаяну и Махабхарату. И последнее, но от того не менее важное: в полумраке святая святых видны неясные очертания великого культового изображения храма – иногда простого фетиша, но обычно зооморфной или антропоморфной статуи из золота или серебра, украшенной великолепными драгоценными камнями и изображающей иногда доброго бога или богиню, иногда ужасного демона или чудовище.

В храмах Индии, как и в храмах античного мира, жизнь прекращается только в ночные часы, а культ богов не прекращается. Перед статуями богов горят свечи и светильники, курится в курильницах (thymiateria) фимиам, у ног и на коленях богов лежат цветы, венки, фрукты, рис, лепешки и другие подношения верующих. Тела и лица священных властителей храмов мажутся маслом. То тут, то там группы жрецов под аккомпанемент музыки поют гимны и славословия. В некоторых храмах боги не довольствуются столь мирными приношениями и церемониями, требуя крови и кровавых жертв. Каждый год перед алтарями некоторых богов, особенно грозной Кали, гибнут тысячи козлят.

Могущественны и многочисленны жрецы индийских богов, брахманы. Они играют важную роль в жизни всех индусов. Нет нужды подробно описывать их деятельность: она точно такая же, какой была деятельность античных жрецов. В дни храмовых праздников они организуют величественные процессии, в колоссальной повозке-пагоде на мощных колесах, тысячи паломников везут статую бога по величественному процессионному дромосу в другой храм или часовню, на встречу с супругой, искупаться в священном водоеме или море, провести в летней резиденции самые жаркие дни года.

Одним из последних впечатлений моих от Индии был очаровательный вулканический остров Бали. Нет нужды описывать этот остров. Все читали об этом Эльдорадо для туристов с его пышной растительностью, обилием цветов и фруктов, и о его знаменитых ритуальных танцах. Однако эта очаровательная точка на поверхности земли – нечто большее, чем заповедник для туристов. Это Академия религиозных наук, живой осколок весьма утонченного и в то же время весьма примитивного политеизма. Бали был когда-то обращен в индуизм, религию Шивы, Вишну и Брахмы, в семью которых принят был и Будда. Однако, как и в Индии, балийцы смешали новую религию со своими примитивными анимистическими, шаманистскими, демонистическими и фетишистскими обрядами, и поддерживают образовавшуюся религию в неприкосновенности несмотря на все наскоки извне. На Бали почти нет христиан и мусульман, тогда как Ява почти полностью мусульманская.

Религией насыщена вся жизнь балийцев. Сотни храмов, больших "соборов" и маленьких деревенских святилищ покрывают остров. Перед многими частными домиками, точно так же, как в Помпеях, Делосе и Остии, стоят скромные алтари домашних богов. Малые и большие святилища балийских ларов, пенатов и манов занимают почетное место почти во всех балийских домах. Перекрестки охраняют статуи богов и демонов. Каждое рисовое поле, каждый сад, каждая плантация имеют своего покровителя, которому строится домик, и в домике кладут приношения.

Незабываемым останется для меня одно из моих последних впечатлений от Бали. Однажды вечером, в полнолуние, на границе дождливого и сухого сезона (в марте), когда на

Бали свирепствуют малярия и демоны бродят на воле, остановились мы в одной небольшой деревне перед маленьким скромным святилищем. И внутри храма, и перед ним происходила пышная церемония. Груды фруктов, цветов и риса лежали на полу храма перед священным изображением одного из самых странных порождений балийского воображения – баронга, огромного львинообразного чудовища, друга людей и злейшего врага всякого рода нечисти и ведьм, особенно главной и самой страшной ведьмы – Рангды. В этот опасный сезон жители деревни умоляли баронга защитить их от могущественных врагов и несли ему лучшее, что у них было. В ответ жрец сбрызгивал их священной водой. Большинство молящихся составляли молодые, красивые девушки и женщины. Они приходили в храм как античные канефоры, неся на головах корзинки с красочно подобранными фруктами и цветами. Часть их они оставляли в храме, а сами, проделав обычные обряды, выходили наружу и образовывали внушительную процессию. Жрецы, флаги и хоругви шли впереди, за ними несли домики богов, и по обе стороны их ритмично двигались канефоры с их корзинками на головах. Тем временем на площади перед храмом толпа внимала музыке и любовалась на деревенских актеров в масках и церемониальных одеяниях, исполнявших одну из тех таинственных пантомим, что сделали Бали знаменитым на весь мир.

Прежде чем закончить тему религиозной жизни и покинуть Бали, позвольте мне сказать несколько слов об одной из самых удивительных особенностей индусской жизни, столь обычной для античного мира. Я имею в виду индусский погребальный обряд. Впервые привелось мне видеть погребение по обряду сожжения. Не примитивное и простое, как среди "диких" племен, а утонченное, художественное, необычайно сложное и разработанное действо, кульминацией которого было сожжение трупа. Видел я разные типы этой церемонии – самую простую форму – на берегу Ганга в Бенаресе, самую претенциозную – целую башню, настоящий античный погребальный костер на одной из площадей города Бангкока в Сиаме, и, наконец, сложнейшие приготовления к сожжению трупов на устрина, кремационных площадях в некоторых балийских деревнях. Там я восхищался высокими башнями-лестницами для подъема тела покойника на высокие платформы для сожжения (одна из них была увенчана моделью аэроплана), зооморфными кремационными саркофагами, величественными погребальными колесницами, богато расписанными и украшенными тканями, стеклом, золотом и серебром, бумагой и т.д. К сожалению, видел я только приготовления, а не само сжигание, которое происходит очень редко.

Глядя на эти грандиозные сооружения, не мог я не видеть перед собой величественный погребальный костер, сооруженный Александром Великим для его юного друга Гефестиона, или погребальную колесницу самого Александра, на которой тело его отвезли из Вавилона в Александрию, или даже богатые погребальные костры римских императоров, столь часто изображавшиеся на монетах и барельефах, на вершине которых до начала кремации восседал, вместо балийского аэроплана, величавый орел, готовый забрать душу императора на небеса.

II

Однако же мои впечатления от религиозной жизни Индии были лишь случайными побочными продуктами. Что я хотел увидеть и изучить в Индии, так это ее искусство. Особо привлекла мое внимание проблема связей между древним искусством Индии и искусством греко-римского мира. Я знал памятники индийской архитектуры, скульптуры и живописи в репродукциях. Я хотел видеть оригиналы, и не в жалких кладовых, что мы называем музеями, но в свете и атмосфере их родной страны, под палящим солнцем и проливным дождем Индии.

Я не могу подробно говорить об этой проблеме из-за малого количества времени, оставшегося в моем распоряжении. Позвольте мне сказать лишь несколько слов. Индия никогда не была страной, закрытой для соседей. Двери ее были широко открыты внешнему миру. Наша цивилизация впервые вступила в сношения с Индией в очень ранний период – в шумерскую и дошумерскую эпоху. Мы мало знаем об этом, и между жизнью и искусством той эпохи и более поздней исторической Индии не существует связующих звеньев. Первым контактом между Индией и Северо-западом после появления в Индии ариев было завоевание части Индии персами. Персидское преобладание в Индии, было однако, недолгим. Славный поход Александра Великого также не привел к продолжительной оккупации части Индии македонянами и греками. Индийская сатрапия Александра просуществовала недолго, всего-навсего семь лет. Она, однако же, повлекла за собой важнейшие последствия.

В Индии это привело к образованию, по образцу александровой организации, сильного единого государства, созданного Чандрагуптой и управлявшегося его преемниками, династией Маурьев. Самый известный царь этой династии – знаменитый Ашока, создатель буддийской Индии. Династия Маурьев находилась в дружеских отношениях со своими эллинистическими соседями, могущественными преемниками Александра: Селевком и его династией, правившей иранской, семитской и анатолийской сатрапиями империи Александра. Ближайшими соседями Индии были бактрийские сатрапы Селевкидов, впоследствии независимые правители, эллинистические предшественники современных правителей Афганистана. Сношения между ними и маурийскими царями были частыми и дружественными. Эти контакты продолжались около ста лет. Затем, в начале второго века до Р. Хр., империя Маурьев рухнула, и бактрийский царь Деметрий воспользовался этим, чтобы на время восстановить в увеличенном виде индийскую сатрапию Александра. Эта реставрация также оказалась короткой, но и она повлекала за собой важные последствия.

После падения империи Деметрия часть Северной Индии более чем на столетие оказалась в руках греческих династов. Упадок греков в Бактрии и Индии означал мощное наступление иранцев. Во второй половине второго века до Р. Хр. (около 128 г. до Р. Хр.) Бактрия была захвачена группой иранских племен – юэчжи или кушанами, в то время как другие иранские племена – саки – вместе с парфянами утвердились в Сеистане и Белуджистане, и проникли оттуда в некоторые области Северной Индии (первая половина и середина первого века до Р. Хр.). Несколько позже и саки с парфянами, и греки должны были подчиниться бактрийским кушанам, которые надолго (на два первых по Рождеству Христову века – примерно до 225 г. по Р.Хр.) утвердили свою власть над значительной частью Северной Индии. Саки и парфяне не были варварами, и цивилизация их не была чисто иранской. Они долгое время находились в тесных сношениях с Селевкидами и позже с Римской империей. Кроме того, кушаны многому научились у своих предшественников, бактрийцев и индийских греков, и в первом веке по Р. Хр. стали при великом царе Канишке, иранском Ашоке, ревностными буддистами.

Индия, тем временем, вернулась к домаурийскому положению. Династии Шунгов и Андхров не в состоянии были восстановить ее единство и основной чертой индийской политической жизни была в то время анархия, продлившаяся несколько веков. Эта анархия была временно преодолена при династии Гуптов, которой в начале четвертого столетия по Р. Хр. удалось на некоторое время восстановить единство и величие Индии. Разгром империи Гуптов Белыми гуннами (450–500 гг. по Р. Хр.) положил конец краткому периоду единства, и началась новая эра анархии, так называемое индийское средневековье.

Таким образом, контакты между греко-иранской и греко-римской цивилизациями и Индией были не делом случая, а феноменом, характерным для Индии в течение многих веков. Они привели прежде всего, как и следовало ожидать, к созданию гибридной греко-индийской цивилизации в Северной Индии. Цивилизацию эту мы называем по имени страны, где впервые были обнаружены ее памятники, гандхарской. Памятники этой цивилизации относятся к сравнительно позднему времени. Большинство их восходит к кушанской эпохе, и ни один не датируется временем ранее первого века до Р. Хр. Эта цивилизация завещала нам прежде всего свое искусство, странную, но иногда интересную смесь греческих и индийских элементов, направленную на распространение и прославление буддийской веры (давно уже утвердившейся в этих местах, и особенно поощрявшейся кушанами в первом веке по Р.Х. и позже). Нет сомнений, что это искусство было создано на месте поздними индианизированными греками, обратившимися в буддизм. Полуиндийские художники Гандхары, естественно, облекли уже ставшее традиционным религиозное буддийское искусство Индии в греческие формы. Тщательный анализ этого искусства составлял одну из целей пребывания моего в Индии, ибо оно представляет удивительную параллель сходному и современному с ним искусству Месопотамии и Парфии, любимым предметам моего изучения в последние годы.

Как бы то ни было, проблема гандхарского искусства достаточно узка. Это искусство было местным феноменом, видимо, непродожительным и не распространявшимся широко, так что проблема эта скучна и невдохновляюща.

Куда важнее вторая проблема, вытекающая из сношений между Индией и греческим и греко-иранским миром. Она имеет отношение к искусству собственно Индии, замечательному искусству, так повлиявшему на Восток, и по сей день живому и процветающему. Его наиболее ранние памятники – постройки и скульптуры – все без исключения относятся к сравнительно позднему времени: лишь немногие древние середины третьего века до Р. Хр. Еще более интересен тот факт, что огромное большинство дошедших до нас

памятников были сооружены для прославления новой религии Индии, буддизма Ашоки и его преемников. Это не означает, однако, что до того в Индии не существовало статуй, храмов и барельефов, посвященных богам брахманистской религии. Это означает только, что ради прославления буддизма Ашока порвал со старой традицией и основал новую. Из форм и характера буддийской архитектуры и скульптуры явствует, что древнее брахманистское искусство использовано для почитания своих богов и строительства храмов не камень, который бы сохранился, но более пластичные и более красивые материалы: дерево, слоновую кость, металлы. Ашока все это изменил. Ему для его буддийского культа и буддийских священнослужителей нужны были долговечные памятники – и он избрал камень. Было ли это важнейшее изменение спонтанным, или же Ашоку вдохновили каменные здания греков и иранцев?

И тут возникает проблема: искусство Ашоки и его преемников, искусство, созданное ради новой религии, было ли оно новым искусством или продолжением старых художественных традиций в новом окружении с новыми целями и задачами? Ответ однозначен. Искусство, происшедшее от искусства Ашоки, в основном, за редкими исключениями, не новое и не чужеземное искусство. Это старое искусство, преобразованное ради новых целей и приспособленное к новому материалу. К этому вопросу я еще вернусь.

Как бы то ни было, этим проблема не кончается. Об искусстве эпохи самого Ашоки мы знаем очень мало. Единственные сохранившиеся из возведенных им памятников – это его знаменитые колонны и столбы с прекрасными капителями. Колонны эти не индийские. Техника их исполнения и стиль – бактрийские, греко-иранские. Очевидно, их сооружали для Ашоки вывезенные из Бактрии мастера. Удержал ли он этих мастеров для строительства своих знаменитых каменных религиозных сооружений – его ступ, храмов (чайтья) и монастырей? И если это произошло, то вложили ли бактрийские мастера в работу только свои технические навыки, а в остальном, в том, что касалось стиля и отделки, слепо следовали приказу своего господина копировать древние индийские оригиналы? Или же они более свободно следовали собственным приемам и передали их местным ученикам? В этом-то и состоит основная проблема, делящая исследователей индийского искусства на два лагеря, которые я позволю себе назвать эллинистическим и националистическим.

Приверженцам второго лагеря нетрудно доказать, что в архитектуре ранних ступ, храмов и монастырей – Бхархута, Санчи, Бодх-Гайи, Карли – нет ничего греческого, кроме деталей. Они явно воспроизводят более ранние сооружения, построенные в основном из дерева. С другой стороны, приверженцам эллинистической теории столь же легко указать на очевидные заимствования, почерпнутые индийскими зодчими и ваятелями из сокровищницы мотивов бактрийского искусства: фантастические звери, медальоны с головами, так называемые атланты, подражания колоннам Ашоки, некоторые религиозные композиции и т.д.

После того, как все это сказано, основная проблема остается неразрешенной. Проблема эта такова: отражает ли буддийское искусство древней Индии не только греческие формы, но и греческий дух?

Я сейчас продемонстрирую вам некоторые образцы древнего буддийского искусства Индии. Это поможет вам составить собственное мнение об этой проблеме.

Типичнейшие и древнейшие памятники этого искусства – скульптуры, украшавшие некогда ограду и орнаментированные ворота ступы Бхархута (конец второго века до Р. Хр.). Большинство этих скульптур, те, что изображают сцены жизни и почитания Гаутамы Будды (представленного только своими символами), особенно такие величественные композиции как сцена на колонне царя Прасенаджита, выходящего во главе процессии внимать Будде в то время, как царь нагов Эрапата поклоняется престолу Будды под деревом бодхи, а также сцена на знаменитой колонне просветления, выглядит застывшими, архаичными и примитивными. Фронтальность, двухмерность, восточный веризм, отрицание тела, примитивная композиция – вот их основные черты. Странный феномен после ста лет развития в стране, столь тесно связанной с греческими государствами!

Разительный контраст этому застывшему и архаическому искусству представляют некоторые другие скульптуры из той же ступы в Бхархуте: те, что либо свободно орнаментальны, либо неформальным, реалистичным и натуралистичным образом иллюстрируют истории о прежних воплощениях Будды (джатаки). Здесь царят жизнь и движение, наблюдательность и тонкие инновации. В особенности бхархутские мастера продемонстрировали свой творческий гений, изображая животных поодиночке и группами.

Теперь необходимо объяснить это противоречие. Архаичность и застылость ритуальных сцен, разумеется происходит не от беспомощности. По всей видимости, мастерам помешал

применить более передовые приемы в религиозных и ритуалистических композициях ритуализм и традиционализм.

Были ли эти новые приемы – свобода от условностей и традиций, которую они так блестяще проявили в своих орнаментальных композициях, – восприняты от греческих или греко-бактрийских коллег, или же унаследованы от древнего индусского искусства, в котором существовало то же противоречие между религиозным и светским искусством?

Свобода композиции и трактовки все более и более овладевает индусскими мастерами. Знаменитая ступа в Санчи, построенная несколькими годами позже бхархутской, сохраняя некоторые приемы Бхархута, демонстрирует гигантский прогресс на пути к свободе. И продвижение это не прекращается в течение по меньшей мере двух столетий. Реализм, драматический и пластический замысел, интерес к телу, движению и жизни, крайний сенсуализм характеризуют мастеров, создавших скульптуры Санчи, и в еще большей степени художественные школы, пришедшие на смену школе Санчи: матхурскую и южноиндийскую школы; последняя из них представлена прекрасными скульптурами ступ Амаравати и Голи, стоящих уже на грани барокко.

И вновь возникает вопрос: было ли это более позднее развитие чисто индусским, спонтанным, национальным, или ему благоприятствовали постоянно возобновляющиеся контакты с греческим духом и греческим искусством? Не следует забывать, что то была эпоха, когда греко-индийское искусство Гандхары развивалось семимильными шагами, когда гандхарские мастера впервые создали культовое изображение Будды, заимствованное, по всей видимости, школой Матхуры и остальной Индией.

Должен признаться, что в Индию я отправился убежденным эллинистом. Вернулся я из Индии в несколько другом настроении. Кажется, что если индусские мастера и узнали впервые о том, что есть художественная свобода, от своих греческих коллег, они восприняли этот дух свободы и развили его особым и оригинальным образом.

С конца раннего буддийского искусства быстро уменьшается и моя компетентность в вопросах индусского искусства. Однако же для полноты этого краткого обзора позвольте мне сказать несколько слов о последующей эволюции индусского искусства.

Во втором и третьем веках по Р. Хр. более не заметно прогресса в художественной свободе и технических достижениях. Буддийское искусство в Индии постепенно стандартизировалось и ритуализировалось. Оно, видимо, умирало. Не лучше обстояло дело и с брахманистским искусством, которое постепенно возникло из тьмы и вступило в тесный контакт с искусством буддийским (его мастера постепенно начали использовать камень).

И все же совершенно внезапно и неожиданно и буддийское, и брахманистское искусство позднеэллинистического и раннеримского времени пережили замечательное возрождение в четвертом веке по Р. Хр., в гуптскую эпоху. Архитектура, скульптура и живопись достигли в этот период художественной высоты, равной которой не было ни раньше, ни позже. Пещерные храмы и монастыри Аджанты в Индии, остатки дворца на горе Сигирия на Цейлоне суть настоящие сокровищницы утонченного и созидательного искусства, не уступающего искусству итальянского Возрождения. Что особенно поражает в этом искусстве помимо его утонченности, духовности, владения техникой, формой и композицией, так это его полная свобода от условностей и традиций.

Это новое проявление свободы и созидательности вновь представляет собой загадку. Было ли это естественным развитием дремавших местных традиций в благожелательной обстановке власти просвещенных Гуптов, или мы вправе приписать его какому-то иноземному влиянию? Боюсь, что последняя гипотеза не слишком правдоподобна. Возрождение греческого духа без прямого контакта с Грецией есть нечто мистическое. Кроме того, непосредственный контакт, если и имел место (что сомнительно), вряд ли создал бы атмосферу свободы: само классическое искусство в это время становилось все более и более статичным, традиционным, застывшим, все менее и менее свободным. С другой стороны, другое великое искусство того времени, известное в Индии, а именно сасанидское, значительно уступает индийскому гуптскому искусству.

В заключение несколько слов о позднейшем индусском искусстве, искусстве индийского средневековья и последующего периода, искусстве, которое до сих пор существует и известно каждому. Можно ли сказать, что оно – дитя гуптской эпохи? В определенной мере – да. Однако, на мой взгляд, то был просто ренессанс извечного брахманистского искусства Индии, на которое повлияли и стимулировали его долгие столетия буддийского искусства. Именно в этом позднем брахманистском виде индийское искусство завоевало отдаленные страны и создало такие чудеса как сооружения камбоджийского Ангкора или яванского Боробудура.

80-ЛЕТИЕ ГАЛИНЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ПУГАЧЕНКОВОЙ

Научная общественность Узбекистана широко отметила юбилей выдающегося ученого, специалиста по искусству, архитектуре и археологии Центральной Азии, академика АН Узбекистана Галины Анатольевны Пугаченковой.

Г.А. Пугаченкова родилась 7 февраля 1915 г. в г. Верном (совр. Алма-Ата). Ее отец был архитектором, мать – педагогом. Оба завершили образование во Франции. Семейные традиции и детские впечатления от экскурсии по архитектурным ансамблям Самарканда определили ее дальнейшую судьбу. Она с отличием закончила архитектурное отделение Среднеазиатского политехнического института. Перед ней стоял выбор: стать профессиональным архитектором или заняться историей архитектуры. Она избрала второе. В этом, быть может, решающую роль сыграло ее участие в Термезской археологической комплексной экспедиции 1938 г., которую возглавлял М.Е. Массон – один из виднейших знатоков древней и средневековой культуры Средней Азии.

Галина Анатольевна начала с разработки проблем эллинистической и средневековой архитектуры Средней Азии, вскоре она завершила диссертацию на тему "Архитектура эпохи Навои" (1941 г.), за которую получила ученую степень "кандитат архитектуры", а затем вторую диссертацию "Пути развития архитектуры Южного Туркменистана" (1959) и стала доктором искусствоведения. В Среднеазиатском государственном университете она читала курсы по архитектуре и искусству Средней Азии и Востока. Она воспитала не одно поколение среднеазиатских археологов. Галина Анатольевна участвовала в археологических обследованиях и экспедициях, работавших в Узбекистане, Туркменистане, Киргизии, а затем в Иране и Афганистане. С 1946 г. она – начальник специального отряда Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), позже – один из ведущих сотрудников Советско-афганской археологической экспедиции. В 1958 г. Г.А. Пугаченкова переходит на работу в Институт искусствознания Министерства культуры Узбекистана и возглавляет сектор истории искусств и

архитектуры. В 1959 г. она создала и до 1984 г. возглавляла работу Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Признанием большого вклада в науку явилось ее избрание членом-корреспондентом, а затем академиком АН Узбекистана (1984). Она была академиком-секретарем Отделения истории, языка и литературы АН Узбекистана, а сейчас работает в Институте археологии АН Республики Узбекистан.

Г.А. Пугаченкова написала и издала около 600 работ – книг, статей, заметок на русском, французском, немецком, английском, дари. Они охватывают период древности, средневековья, нового времени – фактически в ее трудах нашла отражение вся гамма художественной культуры Центральной Азии на протяжении трех тысячелетий.

Остановимся на ее трудах, связанных с древностью. В те годы, когда Г.А. Пугаченкова начинала свою работу, все поле истории искусств и архитектуры древней Средней Азии, за исключением нескольких участков, оставалось terra incognita. Она сама выбирала направления и сама пролагала пути. И делала это с честью. Сейчас, когда по многим проблемам работают те или иные специалисты, появляются новые данные или трактовки. Но это отнюдь не умаляет ее заслуг первопроходца.

Огромное значение имеют археологические исследования Г.А. Пугаченковой в важнейших центрах Южной Туркмении, особенно в Нисе. Она руководила раскопками на двух интереснейших кушанских памятниках Центральной Азии – Халчаяне и Дальверзин-тепе (Узбекистан) и принимала участие в раскопках на Дильберджине и других памятниках Афганистана. По результатам раскопок ею издана большая серия статей и книг.

Прекрасное знание античности позволило Г.А. Пугаченковой осуществить (совместно с М.Е. Массоном) публикацию парфянских ритонов из слоновой кости, найденных при раскопках Старой Нисы (1959). Иконографический анализ большого числа персонажей и сцен, украшающих эти ритоны, – огромная заслуга Г.А. Пугаченковой и значительный вклад в изучение и понимание культуры Восточной Парфии, ее эллинистических и местных начал. Сейчас работа над ритонами продолжается (П. Бернар, А. Инверницци), вносятся коррективы, но этот труд остается основополагающим, недавно он был переиздан в Италии на английском языке. Столь же значимы труды Г.А. Пугаченковой по парфянской скульптуре и по древней архитектуре Восточной Парфии. Материалы Г.А. Пугаченковой самым широким образом используются во всех зарубежных изданиях по эллинистической культуре. Цикл работ по древней Бактрии открыла одна из первых публикаций Г.А. Пугаченковой "Фрагменты эллинистической архитектуры Тохаристана" (1945). Уже в ней она поставила вопрос "об историческом месте и культурной роли Центральной Азии в общем круге государств древнего мира первых столетий до и после начала нашей эры". Она обратила внимание и на особую роль индийского, особенно гандхарского искусства, отмечая при этом, что бактрийское искусство ему отнюдь не идентично. За полстолетия, прошедшие со времени, когда молодая исследовательница сформулировала эти воистину пророческие тезисы, она и возглавляемая ею Узбекистанская искусствоведческая экспедиция изучили десятки памятников. Дворец в Халчаяне открыл миру сокровища юэчжийского-раннекушанского искусства. Дальверзин-тепе – облик северобактрийского кушанского города с его улицами, домами аристократов и рядовых граждан, ремесленными мастерскими и храмами, фортификацией и погребальными сооружениями. Рукой зрелого мастера написаны монографии об этих памятниках и найденных в них произведениях искусства. Эти проблемы раскрываются и в цикле работ Г.А. Пугаченковой по древнему Афганистану и гандхарскому искусству. Целостная концепция кушанского искусства и архитектуры дана в обобщающем труде Г.А. Пугаченковой "Искусство Бактрии эпохи кушан" (1979) и в ее последующих трудах. Глубокий стилистический разбор, широкие обобщения, превосходный язык – вот что характеризует работы юбиляра. Это широкие концептуально-обобщающие полотна. К их числу относятся и написанные в соавторстве с Л.И. Ремпелем "История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в." (1965) и "Очерки искусства Средней Азии" (1982) – наиболее полные труды по искусству Центральной Азии.

Труды Г.А. Пугаченковой широко известны за рубежом. О международном признании свидетельствует присвоение ей докторской степени honoris causa Страсбургским университетом, избрание членом-корреспондентом Германского археологического института и Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, почетным членом многих международных комитетов и ассоциаций.

Поздравляя Галину Анатольевну Пугаченкову, желаем ей здоровья и многих лет плодотворной работы в нашей науке.

Б.А. Литвинский

* * *

Редколлегия и Редсовет журнала, все многочисленные поклонники таланта Галины Анатольевны присоединяются к этому поздравлению и пожеланиям и надеются, что еще в течение многих лет читатели журнала будут иметь удовольствие читать ее блестящие статьи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1995 г.

В.М. ЗУБАРЬ. Херсонес Таврический в античную эпоху (*Экономика и социальные отношения*). Киев: Наукова думка, 1993. 140 с.; *ОН ЖЕ. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки по военно-политической истории.* Киев, 1994. 180 с.

Херсонес Таврический – один из ведущих античных центров Северного Причерноморья – долгое время в отечественной литературе был недостаточно хорошо представлен капитальными исследованиями, во всяком случае значительно меньше, чем Боспор или Ольвия. В определенной степени такое положение несколько изменилось в 80-е годы, когда стали появляться монографии, в которых обстоятельно анализировались самые различные стороны богатой херсонесской истории[1]. Среди этого оживления, можно даже сказать, всплеска херсонесской историографии, выделим работы В.М. Зубаря, опубликовавшего две монографии, из которых одна посвящена социально-экономическим отношениям в херсонесском обществе, а другая – военно-политической истории Херсонесского государства. В целом в них автор как бы подвел итоги своим многолетним полевым работам и аналитическим исследованиям, дав общий синтетический обзор херсонесской истории в античный период.

Из названных монографий наиболее обобщающей херсонесскую историю применительно к социально-экономическим отношениям является работа "Херсонес Таврический в античную эпоху", в которой впервые в отечественной историографии рассматривается ключевая проблема о существовании херсонесского полиса. Именно в этой работе прослеживается общая концепция автора всей античной истории Херсонеса Таврического.

Итак, какова же общая концепция исторического развития херсонесского общества, которую предлагает читателям один из современных исследователей Херсонеса Таврического?[2] Автор предпочитает дать не историко-археологические очерки отдельных отраслей экономики Херсонеса, а исследование социально-экономических отношений как определенной исторической системы, в которой отрасли хозяйства, производственные технологии, товарные потоки видов продукции выступают в качестве живого организма, как система взаимодействующих элементов. Именно такой системный подход позволил не только представить более рельефно роль различных элементов, но и поставить новые проблемы, например, проблему товарного производства и товарного обращения, эксплуатации различных категорий населения, динамику соотношения различных отраслей, роль торговли в системе сельскохозяйственного производства. Более того, выявление внутренней зависимости в системе различных элементов экономики автор дополняет выявлением взаимозависимости более высокого порядка, в частности, через анализ системы эксплуатации переходит к анализу социально-классовой структуры, что вывело его на более взвешенную интерпретацию различных социальных категорий: роли рабского труда, разного типа арендных отношений, состава господствующего класса в Херсонесе (роль крупных и средних собственников).

---

[1] *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981; *Фирсов Л.В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976; *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (По материалам Херсонеса). Харьков, 1989; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – II в. до н.э.). Киев, 1977; *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида VI–II вв. до н.э. Киев, 1990; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986; *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994; *Монахов С.Ю.* Амфорная тара Херсонеса Таврического. Саратов, 1989; *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

[2] Из них наиболее крупные: *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. Киев, 1982; *Зубарь В.М., Павленко Ю.В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988; *Зубарь В.М., Шульц П.Н.* Позднескифское царство в Крыму // Археология УССР. Т. 2. Киев, 1986; *Зубарь В.М.* О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990; *он же.* Новая латинская надпись из Болгарии и некоторые вопросы истории Таврики // Археологія. 1991. № 1.

Другой особенностью исследования является органическое включение установленной автором системы социально-экономических отношений в античном Херсонесе в общую причерноморскую и даже средиземноморскую структуру социально-экономических взаимосвязей. Вообще-то это положение рассматривается в отечественной литературе как обычная аксиома: практически все исследователи считают Херсонес греческим полисом, городом-государством, и потому кажется естественным фундаментальный вывод о том, что полисные структуры Херсонеса и какого-либо другого греческого полиса, скажем, в Балканской, или малоазийской, или Великой Греции, по меньшей мере, подобны. В работах С.Ф. Стржелецкого эта мысль вообще гипертрофирована: он просто переносил вычисления римских агрономов – Катона, Варрона и Колумеллы – на отношения, сложившиеся в Херсонесе[3]. Значит, возможно и законно проводить самые широкие аналогии между отношениями, институтами, обычаями греческих полисов и Херсонеса. Так, в последнее время это наблюдается в работах В.И. Кадеева, С.Ю. Сапрыкина, Ю.Г. Виноградова. Однако, все это делалось довольно редко и, самое главное, робко, применительно, главным образом, к отдельным конкретным институтам или установлениям (например, количество фил, те или иные магистратуры, отдельные культуры и т.п.). В отечественной литературе все-таки сохранялся устойчивый взгляд на Херсонес как на особый полис, как полис на краю ойкумены, в котором местные особенности перевешивали общие основы греческого полиса. В работе В.М. Зубаря этот подход пересмотрен наиболее радикально, а проблема соотношения общего и особенного в структуре и эволюции античного Херсонеса и типичных греческих полисов (включая римское время) на современном этапе его изучения решается более адекватно имеющемуся материалу. Автор самым широким образом применяет и использует наблюдения и выводы, сделанные отечественной и мировой наукой в области изучения социально-экономических отношений полисных структур Балканской Греции, эллинистических государств, Италии и римских провинций и сопоставляет их с материалами Херсонеса, причем далеко не механически и достаточно осторожно. Такой подход позволил автору обогатить свое исследование и поставить ряд проблем, которые ранее с трудом прослеживались на херсонесском материале, но при новой постановке оказались в зоне исследования (например, проблема илотии или арендных отношений, роль мелких производителей).

Насколько я знаю, трудно найти какую-либо другую работу по Херсонесу, в которой бы так полно использовались выводы наших ведущих антиковедов. Следует еще раз сказать, что речь не идет о так называемом престижном упоминании, а именно, об использовании идей и выводов наших исследователей при изучении социально-экономических отношений и институтов в Херсонесе в порядке плодотворного сопоставления. В более полной мере, чем это обычно делалось ранее в отечественной литературе, автор использует выводы зарубежных исследователей, известных специалистов в области античной или греческой экономики, хотя здесь выбор автора оказался весьма ограничен.

Принятый системный подход и использование большого арсенала отечественной специальной литературы позволили автору показать реальную эволюцию, динамизм херсонесской экономики и социальных отношений на протяжении всей античной эпохи, наметить современную периодизацию, основанную на совокупности исторических внутренних и внешних факторов.

Вкратце эта периодизация такова. Небольшой, живущий примитивным земледелием на маленьких наделах Маячного полуострова городок с последней трети IV в. до н.э. вступает в период своего максимального процветания, которое продолжалось до конца II в. до н.э. Это была эпоха активной завоевательной политики присоединения к Херсонесу обширных территорий в Северо-Западном Крыму и активного производственного освоения этого региона, ставшего хлебной житницей Херсонеса, обеспечившего его хлебными ресурсами не только достаточными для собственного потребления, но и для экспорта на причерноморский и эгейский рынок. К тому же в это время было проведено тщательное размежевание ближайшей херсонесской периферии, в пределах которой было налажено рационально поставленное сельскохозяйственное производство с преобладанием интенсивного виноградарства и садоводства. Сельское хозяйство нового типа приобретает товарный характер, что ведет к интенсификации ремесленных мастерских в пределах города. Увеличение производственного потенциала вело в свою очередь к активизации товарно-денежного обращения и торговых операций в двух направлениях; с одной стороны, с ближайшей скифской и иной местной периферией (торговля вином), с другой стороны, к расширению торговых связей с Южным Причерноморьем (Гераклея, Синопа), а также и с Грецией. Наступивший экономический расцвет усложнил социальную структуру херсонесского общества, причем автор связывает это с возрастанием роли так называемого классического рабства афинского типа, но и других категорий зависимого населения типа спартанских илотов, а также юридически свободного, но выплачивающего ренту-налог местного (скифского?) населения Северо-Западного Крыма. Именно использование всех этих форм экономической и внеэкономической эксплуатации стало основой экономического расцвета Херсонеса в эллинистический период. Конец II – первая половина I в. до н.э., т.е. время вхождения Херсонеса в состав Понтийского

---

[3] См.: *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Симферополь, 1961. С. 144–162.

государства Митридата VI, стали, по мнению автора, временем тяжелого социально-экономического кризиса и общего оскудения Херсонеса. Следующий период, который автор датирует серединой I в. до н.э. – серединой II в. н.э., характеризуется воздействием нового мощного фактора, повлиявшего на состояние херсонесской экономики и социальных отношений: включение Херсонеса в орбиту Римской империи. Потеря северо-западных владений и ограничение херсонесской территории, главным образом районом Гераклейского полуострова, привели к необходимости переориентации экономики, сокращению собственных продовольственных и сырьевых ресурсов, переходу сельского хозяйства к хлебопашеству, но вместе с тем это вызвало интенсификацию ремесленной деятельности, направленной на обеспечение собственных городских нужд.

Новый этап в развитии социально-экономических отношений продолжался с середины II до третьей четверти III в. н.э. Он характеризуется длительным присутствием римских войск в Херсонесе и Юго-Западной Таврике и предоставлением Херсонесу так называемой "второй элевтерии". В целом этот период стал новым расцветом Херсонеса как провинциального города и государственного образования, защищенного от варварской опасности римским оружием. Однако характер этого второго расцвета существенно отличался от уровня развития экономики города в эпоху раннего эллинизма. Теперь основой экономического процветания Херсонеса стало не столько собственное сельское хозяйство (оно, видимо, было ориентировано на городские нужды), сколько выгоды от посреднической торговли между греческими центрами Южного Причерноморья с варварским населением Юго-Западной Таврики. Именно расширение посреднической торговли с этим регионом стимулировало ремесленное производство в самом Херсонесе и сделало его важным перевалочным пунктом между богатыми городами Южного Причерноморья и Таврикой. Таким образом, для данного времени ключевыми отраслями стало не столько сельское хозяйство, сколько активная ремесленная деятельность и посредническая торговля. Конечно, новая модель экономики успешно могла функционировать лишь под защитой римских военных отрядов, которые в то время оккупировали Южную и Юго-Западную Таврику.

Естественно, эти новые особенности экономического положения Херсонеса не могли не повлиять и на социальные отношения. В составе херсонесского населения возрастает роль городских ремесленников и торговцев, увеличивается приток пришлых элементов из других, главным образом малоазийских городов, а также численность вольноотпущенников, в сельском же хозяйстве возрастает роль зависимых арендаторов типа римских колонов. Однако автор настаивает на том, что мелкие производители в Херсонесе по-прежнему составляли значительную часть населения. Среди господствующего класса несколько усилилась роль крупных собственников, хотя, видимо, основную его массу составляли люди со средним достатком.

С конца III в. н.э. и до второй половины V в. н.э. (до правления императора Зенона) Херсонес вступает в новый период своей социально-экономической истории, который автор, однако, характеризует крайне неопределенно. Он считает возможным отказаться от утверждения о серьезном социально-экономическом кризисе в позднеантичном Херсонесе и этот исторический отрезок рассматривает как медленную эволюцию полисных отношений античного типа в средневековые социально-экономические структуры. Но принципиальное значение имеет положение о том, что IV–V века – органическая часть античной эпохи и должны рассматриваться как заключительный этап античной истории, а не начальный этап византийского Херсонеса[4]. И здесь аргументы В.М. Зубаря представляются довольно убедительными.

Анализ всего хода социально-экономических отношений в Херсонесе Таврическом позволяет автору сделать общий вывод о херсонесской экономике как варианте типичной полисной экономики в целом: расцвет полисной экономики в тот или иной период истории достигался, по его словам, "не за счет развития различных форм экономического воздействия и рыночных отношений, а благодаря преимущественно эксплуатации зависимого и покоренного населения" (с. 122). В ранний период эллинизма расцвет достигался за счет эксплуатации населения Северо-Западного Крыма, а в римскую эпоху – за счет населения Юго-Западной и Южной Таврики.

Отмеченные выше особенности рецензируемой монографии позволяют сделать вывод, что перед нами интересная попытка проанализировать экономику и социальные отношения на протяжении всей античной истории с новой исторической точки зрения.

Конечно, такая точка зрения, выдвигающая на первый план общность херсонесской экономики и полисного мира в целом, не обошлась без дискуссионных положений. Выше в качестве важной особенности монографии отмечалось стремление автора к системности концепции, позволившей говорить о херсонесской экономике как о функционирующем организме. Однако эта системность не доведена до логического конца. Для настоящего состояния исторической науки, особенно при анализе хозяйственной эволюции того или иного общества, невозможно обойтись без постановки экологических проблем. Для развития отдельных отраслей экономики, например сельского хозяйства, в частности виноградарства или хлебопашества,

---

[4] В.И. Кадеев доводит изложение истории античного Херсонеса лишь до III–IV вв. (*Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Харьков, 1989; *он же.* Очерки экономики Херсонеса. Харьков, 1970).

ремесленных производств или промыслов экологические условия имели очень большое значение (состояние сырьевой базы, обилие рыбных запасов, выгодность географического расположения). При современном состоянии уже трудно изучать экономический потенциал Херсонеса в эпоху его первого и наиболее блестящего расцвета без тщательного анализа продуманного экологического обустройства Гераклейского полуострова, его оптимального приспособления к сельскохозяйственному использованию. Этот безводный, перерезанный во всех направлениях неудобными балками, выжженный солнцем, со скалистой поверхностью с минимальным почвенным слоем, казалось, совершенно непригодный для рациональной культуры полуостров был превращен в цветущий, благоустроенный, приспособленный к такой капризной культуре, как виноград, сельскохозяйственный регион. Конечно, процесс экологической трансформации Гераклейского полуострова и в меньшей степени Северо-Западного Крыма происходил под влиянием внутренних, в том числе и социальных причин, но, тем не менее, этот исторический феномен имел известное самостоятельное значение.

По нашему мнению, без внимательного рассмотрения экологической трансформации (межевания территории, выравнивания рельефа, создания искусственного почвенного слоя, использования резких перепадов дневных и ночных температур, учета ветров, создания скальных цистерн для собирания дождевых вод, поиска водоносных подземных слоев и сооружения системы артезианских колодцев) очень трудно понять интенсивное сельскохозяйственное производство на Гераклейском полуострове, которое и создало главный фундамент экономики и вообще процветания Херсонеса. Более того, изучение имеющихся материалов римского времени, в частности полученных при раскопках "виллы Басилида" (виллы № 150), показывает, что определенная перестройка хозяйства в римское время была вызвана не только социальными изменениями, например ростом богатства и влияния владельца усадьбы, но и экологическими мероприятиями, в частности новой распланировкой территории, созданием новой системы водоснабжения, изменением климатических условий.

Поскольку автор монографии не обращает должного внимания на влияние экологии, то в его выводах более конкретного плана, в частности о роли разных категорий рабочей силы, используемой в сельскохозяйственном производстве, проявляется недостаток аргументации. Например, он пересматривает тезис С.Ф. Стржелецкого о большой роли рабского труда в усадьбах Херсонеса. И его рассуждения на этот счет весьма спорны. Автор элиминирует вопрос о том, за счет каких категорий работников были проведены трудоемкие работы по экологическому переустройству Гераклейского полуострова. Оно вряд ли могло проводиться руками илотов, свободных херсонеситов или пришлых людей из соседних таврских или скифских деревень. Здесь напрашивается следующий наиболее вероятный ответ: за счет рабской силы. В связи с этим вывод автора о роли рабов в хозяйстве и среди социальных категорий Херсонеса в раннеэллинистический период нуждается в корректировке в сторону ее увеличения.

Если брать описательную часть монографии, где автор приводит современные данные, например по различным отраслям хозяйства, то здесь хотелось бы видеть более глубокий анализ двух проблем, имеющих особое значение для Херсонеса. Одна из них – межевание Гераклейского полуострова, другая – роль виноградарства. Что в данном случае имеется в виду? Если говорить об анализе межевой сетки Гераклейского полуострова, то хотелось бы в развитие принятого автором метода использования общегреческого контекста увидеть более обстоятельный анализ херсонесского межевания как одной из лучше сохранившихся и самых разработанных систем межевания сельскохозяйственной территории вплоть до остатков знаменитой римской центуриации. Автор приводит ссылки на работы Ф. Сальвиа и К. Ватэна о межевании сельской территории фессалийской Ларисы, т.е. одного из немногих, если не единичных примеров сохранившегося межевания полисной территории в Балканской Греции[5]. Вот здесь бы и следовало дать сравнительный анализ этих сохранившихся межевых планов и принципов землеустройства, продемонстрировать весь рационализм и хозяйственную эффективность херсонесского примера размежевания. Более того, автору известна сводная работа французских специалистов, из которой он упоминает статьи Г. Шуке и Ф. Фавори[6], т.е. он в курсе поставленной проблемы, однако к современному состоянию вопроса он так и не смог подключить великолепный пример херсонесского кадастра и не находит ему, так сказать, достойного места среди столь редких примеров доримских систем межевания. А ведь это очень важный экономический вопрос.

И еще одно соображение. Автор развивает существующее в литературе мнение о большой роли виноградарства в структуре херсонесского сельского хозяйства эллинистического времени. Этот тезис развивается в том направлении, что большая роль виноградарства определялась потребностями внешнего

---

[5] *Salviat F., Vatin C.* Le cadastre de Larissa de Thessalie. État des questions // Cadastres et Grece rurale. P., 1983. P. 309–311; *Salviat F., Vatin C.* Le cadastre de Larissa // BCH. 1974. V. 48. Pt 1. P. 247–262.

[6] *Favory F.* Propositions pour une modelisation des cadastres ruraux antiques // Cadastres et Grece rural. P., 1983. P. 51–137; *Chouquer G.* Degradation et fossilisation des cadastres centuries. Etude morphologique // Cadastres et Grece rurale. P. 138–157.

экспорта херсонесского дешевого вина в разные центры Таврики и всего Северного Причерноморья, в частности в Истрию, Ольвию, Пантикапей, не говоря уже о соседнем Неаполе Скифском. Фактически эллинистический Херсонес рассматривается как важнейший центр виноградарства, виноделия и виноторговли всего Северного Причерноморья. Этот вывод интересный, но его еще нужно доказывать новыми и более весомыми аргументами. Если же допустить, что данный вывод представляется автору приемлемым при современном состоянии вопроса, то тогда следует предположить, что доля крупного производства на виллах с использованием рабского труда должна быть несколько большей, чем это представлено в монографии, автор которой как бы задался целью показать преобладание мелкого землевладения в раннеэллинистическом Херсонесе. Ведь на мелких парцеллах вряд ли можно было получить значительное количество экспортного продукта.

Несколько замечаний по проблемам социальной структуры херсонесского общества. Уже отмечалось, что новый подход к проблеме социальных связей как реализации производственных отношений позволил автору теснее увязать проблему социальной стратиграфии и экономического положения, выявить некоторые новые аспекты социальных отношений, например, роль арендаторов (возможных илотов), разных категорий зависимого населения, вольноотпущенников, соотношения мелких производителей, средних и крупных собственников. Тем не менее, на наш взгляд, исследование социальных отношений в монографии – не самая ее сильная часть, так как приобретает черты теоретизирования и абстрактности, выдвигая на первый план слишком общие характеристики, при этом херсонесский колорит утончается до опасной черты. Приведу лишь два примера. Доказывая трансформацию херсонесского общества в римский период и изменение экономических приоритетов, в частности повышение роли ремесленного производства, автор считает возможным констатировать возрастание роли вольноотпущенников в производстве, рассматривая их как зависимый элемент (с. 115–116). Однако такой констатации при современном состоянии вопроса явно недостаточно. Проблема отпущенничества вообще сейчас считается одной из сложных проблем античного, особенно римского, общества, а сословие отпущенников предполагает довольно широкий спектр имущественных и общественных состояний[7]. Да и в херсонесском обществе положение отпущенников было значительно более дифференцировано, чем это предполагается в рецензируемой монографии[8].

Автор считает преувеличенным прежнее положение, высказанное еще Г.Д. Беловым, о возрастании роли крупных собственников в римском Херсонесе, хотя и не отрицает ее известного увеличения[9]. Однако это только тезис. В монографии он не развернут. Бесспорно, конкретный анализ был бы весьма желателен в специальном исследовании о социальной структуре Херсонеса. Тем более, что в нашем распоряжении такие материалы уже появились. Они частично приведены в последней монографии В.И. Кадеева. К тому же раскопки ряда крупных вилл римского времени, особенно "виллы Басилида", позволяют конкретнее и детальнее представить социальный тип крупного землевладельца – херсонесского аристократа, располагавшего солидным поместьем с укрепленной виллой, тесно связанного с командованием римского отряда, избираемого на высшие магистратуры. К сожалению, этого не сделано, да, видимо, автор и не ставил такую задачу, увлекшись иной целью: показать длительное существоание мелкого землевладения, которое рассматривается как наиболее прочная основа херсонесского полиса.

В целом рецензируемый труд можно оценить как серьезный вклад в историографию Херсонеса, синтезирующий результаты многолетних исследований по социально-экономическим отношениям античного Херсонеса, обогащающий наши знания об этом интересном греческом полисе.

В другой монографии В.М. Зубаря "Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории" исследуется иной комплекс проблем истории Херсонеса Таврического, а именно: взаимоотношения маленького северопричерноморского городка и Римской империи. Как известно, роль Римской империи в судьбе Херсонеса была исключительно велика и определяла основные линии его социально-экономической, политической и культурной истории. Автор посвятил свой труд светлой памяти великого русского историка Михаила Ивановича Ростовцева, и это не только дань глубочайшего уважения к одному из патриархов мирового антиковедения, но и имеет большое значение для всего труда. Дело в том, что М.И. Ростовцев был прекрасным знатоком херсонесских древностей, любил Херсонес и впервые в историографии стал разрабатывать проблему тесных взаимоотношений между Херсонесом и Римской

---

[7] См., например, *Chantraine H.* Freigelassene und Sklaven in Dienst der römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur. Wiesbaden, 1967; *Weaver P.* Familia Caesaris. A Social Study of Emperor's Freedmen and Slaves. Cambr., 1972; *Штаерман Е.М.* Рабство в Римской империи. М., 1971; *Fabre G.* Libertus. Recherche sur les rapports patron-affranchi à la fin de la République Romaine. Rome, 1981.

[8] В.И. Кадеев (Херсонес Таврический... С. 50–60) совершенно правомерно уделяет проблеме положения отпущенников большое внимание и дает самый обстоятельный анализ во всей отечественной литературе.

[9] *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Л., 1948.

империей, посвятив ей несколько первоклассных исследований[10]. После М.И. Ростовцева проблема взаимоотношений Херсонеса и Римской империи ввиду ее исключительной важности для Херсонеса и наличия содержательных источников не могла не интересовать специалистов, и разным сторонам этих отношений были посвящены довольно многочисленные исследования. Однако практически все они давали разработку лишь частных сюжетов, будь то сообщение о конкретных раскопках отдельных памятников, уточнение или публикация отдельных надписей, исследование ряда конкретных взаимоотношений между римскими отрядами и херсонеситами (особо излюбленный сюжет – поход Т. Плавция Сильвана) или более общая проблема торговых отношений между Херсонесом и теми или иными центрами римского Средиземноморья. Даже в таком обобщающем труде, каким является монография В.И. Кадеева, которая целиком посвящена описанию социально-политической истории Херсонеса в римский период, проблема взаимоотношений Херсонеса с Римом рассматривается как периферийная, к тому же это исследование доведено лишь до конца III в. н.э.

Особенность нового труда В.М. Зубаря – исследование взаимоотношений Херсонеса и Римской империи в качестве специальной проблемы, с одной стороны, и рассмотрение ее в более широком хронологическом аспекте (с начала I в. до н.э. до конца V в. н.э.) – с другой. В таком контексте эта проблема исследуется в историографии впервые и данное обстоятельство позволяет отнести монографию к обобщающим работам: она как бы подводит итог многочисленным исследованиям частного характера в отечественной историографии и становится заметным рубежом в том направлении ее изучения, которое было заложено М.И. Ростовцевым.

Вторая монография В.М. Зубаря была издана спустя год после его книги о социально-экономических отношениях в Херсонесе. Вот почему в работе о военно-политических отношениях Херсонеса и Римской империи читатель постоянно ощущает прочный фундамент социально-экономической эволюции, на котором разворачиваются сложные херсонесско-римские отношения. Претворяя этот подход в практику анализа, автор придерживается той же периодизации, которая намечена им в его первой монографии, а военно-политические отношения лишь дополняют или взаимопереплетаются с социально-экономическими. Следует отметить, что это не только укрепляет анализ военно-политических связей, но и обогащает его, выводя на различные направления внешней политики Рима как тактического, так и стратегического порядка. Особенно ценна в рецензируемой монографии постановка вопроса о стратегических задачах римской политики применительно к Херсонесу. Оказывается, этот небольшой город (конечно, с точки зрения римских масштабов) стал играть ключевую роль в общей стратегии Рима на далеком северо-восточном фланге, стал своего рода важнейшим опорным пунктом сдерживания воинственных и опасных для Империи варварских племен. А раз так, то отношение Империи к Херсонесу – это отношение к обороне Таврики, т.е. ближайшим соседям Херсонеса, обороне всей полосы северного побережья Черного моря, т.е. дальних соседей Херсонеса, это, наконец, овладение ключевым пунктом, который контролировал прямой путь через Черное море, т.е. по существу, обеспечивал римское господство в акватории Черного моря.

Следует заметить, что подобная постановка вопроса, бесспорно, является большим достоинством данной монографии. Она стала возможной только в результате большой и трудоемкой аналитической работы по многим конкретным сюжетам, которая проведена в отечественной науке многими поколениями исследователей после М.И. Ростовцева. В конкретном исследовании она проявилась в том, что автор выделяет ряд блоков вопросов, ответы на которые подготовлены предшествующей литературой. В частности, можно выделить проблему присутствия римских войск в самом городе и его окрестностях (включая Харакс), взаимоотношения Рима, Херсонеса с Юго-Западной и Южной Таврикой; военно-политические отношения Рима, Херсонеса и Боспора с Таврикой и Северо-Западным Причерноморьем, наконец, отношения между Херсонесом и дунайским регионом, в частности с военными частями римлян, дислоцированными в Мезии, Дакии и во Фракии. Используя накопленный материал, имеющийся в литературе, и подвергая его тщательному анализу, автор воспроизводит меняющуюся время от времени (в рамках принятой периодизации) ситуацию. В сущности, в монографии показано, насколько сложной и противоречивой была внешнеполитическая ситуация в Таврике и Северном Причерноморье, как Римская империя тщательно учитывала эту ситуацию и мастерски использовала выгодное стратегическое положение Херсонеса, а сам Херсонес под широким имперским щитом организовывал свое существование в качестве цивилизованного полиса в варварском окружении. Особо хотелось бы отметить те разделы монографии, в которых показана роль Юго-Западной Таврики в стратегических планах Рима и в жизни самого Херсонеса. Автор доказывает, что этот регион был превращен римлянами в настоящий укрепрайон, своего рода

---

[10] Назовем лишь некоторые: *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900. Март; *он же.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев на Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40; *он же.* Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. Вып. 60; *он же.* Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63.

мощный плацдарм, опираясь на который римляне полностью контролировали положение во всей Таврике, а возможно, и во всем Северном Причерноморье.

Постановка и решение этих проблем делает монографию В.М. Зубаря заметным явлением в науке, но содержание его работы более широко и разнообразно: в поле его зрения не только военно-политические отношения, но и ряд вопросов, связанных с ними: сложнейшая проблема романизации Херсонеса и Юго-Западной Таврики, политический статус Таврики в условиях римской оккупации, отношения с наместниками дунайских провинций, этнический состав римских гарнизонов, проблема римской канабы при квартировавшей в Херсонесе когорте и гражданском статусе ее населения, юридическое положение городов применительно к Херсонесу и др.

Обобщая свое аналитическое исследование длительных взаимоотношений Херсонеса и Римской империи, автор приходит к выводу о необходимости отказаться от принятого в отечественной науке положения о римской оккупации Херсонеса и Таврики как негативной оценки римской политики и римского присутствия. Ни в коем случае не идеализируя римскую политику по отношению к Херсонесу, все же следует еще раз подчеркнуть, что только благодаря тесному взаимодействию с этой мировой державой город смог не только существовать в сложных условиях варварского окружения, но и достиг максимального в своей истории расцвета (с. 152).

Если говорить о некоторых упущениях в данной монографии, то они проистекают из очень обширного объема понятия военно-политических отношений Херсонеса и Римской империи. Все внимание автора было сконцентрировано на северопричерноморском направлении политики и он весьма удачно проследил его. Однако в проблеме "Римская империя и Херсонес" есть и другие стороны: роль Черного моря и обеспечение нормального судоходства в его акватории, что представляло собой постоянную заботу начиная со времени Митридата VI Евпатора, а возможно, и боспорского царя Евмела, и, конечно, было постоянной головной болью римских императоров. К тому же Херсонес контролировал северную оконечность прямого краткого пути через Черное море, что имело громадное стратегическое значение для всех причерноморских держав и, безусловно, для Римской империи.

Еще один аспект черноморской политики Рима и Херсонеса, тесно связанный с контролем над кратким путем через Черное море: регулирование непростых и традиционных для Херсонеса отношений с южнопонтийскими крупными городами, особенно с Синопой и Гераклеей. Это южное направление херсонесской политики и его значение для Римской империи практически не разработано в данной монографии. И, конечно, дело здесь не столько в отсутствии материалов (их вполне достаточно, здесь сведения и Мемнона и Иосифа Флавия, археологические данные о торговле, монеты малоазийского происхождения, наконец, упомянутый автором приток малоазийских выходцев в Херсонес и др.), сколько в определенной ориентации автора именно на северопричерноморское направление всего исследования в целом и, может быть, даже на его северо-западную половину, поскольку даже проблема херсонесско-боспорских отношений и римский арбитраж в них даны автором в более общем виде, чем это сделано для других регионов. Ведь нельзя забывать, что Гераклея и в римский период воспринималась как метрополия Херсонеса и оказывала ему свою помощь (вспомним активную помощь Гераклеи в получении элевтерии в 138 г. н.э.). Особенно усилились связи Херсонеса с Южным Причерноморьем в IV–V вв. н.э., когда он, видимо, и в административном отношении был подчинен наместнику провинции Вифиния. Ведущая роль малоазийских общин в распространении христианства в Херсонесе, активно внедрявшегося с IV в. н.э., выросла не на пустом месте. Однако это направление исследования не получило добротного исторического анализа.

Если подводить итоги, то можно сказать, что в целом обе монографии представляют собой крупный вклад в историографию античного Херсонеса и всего Северного Причерноморья. Они являются серьезным обобщением не только работ автора, но многих исследований этого региона. В сущности в этих работах впервые в отечественной литературе систематически и в качестве специальных проблем разработаны социально-экономические отношения на протяжении всего античного времени и поднимается сложная проблема взаимоотношений между Херсонесом и Римской империей.

В.И. Кузищин

© 1995 г.

R. SALLARES. The Ecology of the Ancient Greek World. London: Duckworth, 1991. X,588 p.

Книга английского исследователя Роберта Саллареса посвящена истории экологии древней Греции. В аннотации к работе говорится, что это "первая подробная история экологии древнегреческого мира", автор которой "стремится преодолеть барьер между гуманитарными и естественными науками". Р. Салларес, сотрудник кафедры биохимии и прикладной молекулярной биологии Манчестерского университета, в недавнем прошлом ученик П. Картледжа и П. Гарнсея, историк и биолог по образованию, в своем исследовании основное внимание сосредоточил на естественнонаучных, главным образом биологических, аспектах экологии древности. Такой новаторский подход к теме, традиционно освещаемой антиковедами с точки зрения того, как древние греки и римляне представляли природу и как они воздействовали на нее[1], не может не привлечь внимания специалистов. Думается, что читателям ВДИ, на страницах которого развернулась дискуссия по проблемам экологии древних обществ, будет небезынтересно познакомиться с книгой автора, чья статья по экологии Средиземноморья в античную эпоху публикуется в этом же номере.

Рассматриваемая работа состоит из четырех разделов: введения, двух больших глав о демографии и сельском хозяйстве и заключения. Все они сопровождены подробными примечаниями и комментариями, обширной библиографией и предметным указателем. Лаконичная структура внушительной по объему книги – своеобразная иллюстрация к высказыванию Аристотеля о том, что жизнь живых существ подчинена добыванию пищи и размножению (Arist. Hist. anim. 589a 3–5). Р. Салларес, подразумевающий под экологией науку, изучающую взаимодействие определенной популяции живых организмов со средой своего обитания (с. 5), подчиняет логику изложения показу взаимосвязи между народонаселением в античной Греции и состоянием ее природных ресурсов. Отдавая должное продуманности замысла автора, обращение которого к проблемам демографии и сельского хозяйства позволяет охватить важнейшие аспекты как экологии человека, так и культурной экологии – двух основных направлений данной науки, заметим, что предмет экологии вовсе не исчерпывается вышеназванными проблемами[2]. Впрочем, по своему содержанию книга Р. Саллареса выходит за рамки тезиса Аристотеля и затрагивает, по признанию автора, "широкий круг интеллектуальных проблем", а также предлагает "такое множество их решений, что было бы утопией ожидать от кого-либо из читателей книги полного согласия со всем, что в ней написано" (с. VII).

Прежде чем перейти к разбору содержания основной части работы, остановимся на некоторых методологических посылках автора, тем более что их изложению он уделяет значительное место в своей книге. Исторический метод Р. Саллареса сочетает естественнонаучный подход с элементами социологического анализа. На страницах его книги часто встречаются имена Платона и Аристотеля, Ч. Дарвина и Т. Мальтуса, К. Маркса и М. Вебера, Ф. Броделя и М. Финли. Круг интеллектуальных оппонентов автора свидетельствует о его интересе к глобальным проблемам истории. Данный интерес подкрепляется исследовательским методом Р. Саллареса, который определяет его как *холизм*, или стремление к полноте и целостности научного исследования. "Невозможно понять, – пишет автор, – такие различные факторы, как политическая организация, демографический тип, социальная структура, содержание двуокиси углерода в атмосфере, система кровного родства, численность и ареал распространения популяций живых организмов, подъем и упадок цивилизаций, если рассматривать их отдельно друг от друга" (с. 415). Обращаясь к вопросам истории и археологии, демографии и антропологии, ботаники и зоологии, медицины и климатологии, агрономии и молекулярной биологии, Р. Салларес не только увязывает их в попытке понять и объяснить своеобразие различных институтов древнегреческой цивилизации, но и не отрывает социально-экономическую и политическую историю древней Греции от демографической и – шире – экологической истории. Так, древнегреческий полис рассматривается исследователем как "экосистема", т.е. "определенная биологическая общность, занимающая определенную среду обитания" (с. 11).

Стремление объединить социальные и биологические феномены свидетельствует о том, что автор находится на позициях *редукционизма* – метода, с помощью которого более сложные формы материи объясняются на основе закономерностей, характерных для ее менее сложных форм (в данном случае,

---

[1] Классическим примером традиционного подхода к теме является книга: *Hughes J.D.* Ecology in Ancient Civilizations. Albuquerque, 1975. Из немногочисленных отечественных работ по экологии древнего мира следует отметить: *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М., 1976 (посвящена в основном проблеме воздействия античного общества на природную среду); *Баландин Р.К., Бондарев Л.Г.* Природа и цивилизация. М., 1989 (авторы – географы, придерживаются хрестоматийной – "покоряющий природу человек" – интерпретации темы в исторической части своего повествования).

[2] См.: International Encyclopaedia of the Social Sciences / Ed .D.L. Sills. N.Y., 1968. V. 4. P. 329–337. Кроме демографии и сельского хозяйства, в энциклопедическом справочнике говорится о таких аспектах экологической науки, как окружающая среда, типы поселений, технология, социальная организация и др.

объяснение исторических и социологических феноменов биологическими). Р. Салларес не скрывает своих симпатий к вышеназванным методам (не случайно, он дает самую высокую оценку универсализму Аристотеля, объединившего различные отрасли знания в единую философскую систему, в которой политике и биологии было отведено далеко не последнее место), которые, по его мнению, позволяют преодолеть изживший себя антикварный принцип "знать все больше и больше о все меньшем и меньшем", еще широко распространенный в современном антиковедении (с. 407 сл., 414 сл.). Рассмотрим, к каким результатам привели исследователя его нарушающие каноны классических штудий методологические установки.

В первой (вводной) главе Р. Салларес рисует общую картину экологической ситуации, сложившейся в Средиземноморье к началу античной эпохи. Таким образом, географические и хронологические рамки его исследования не замыкаются собственно древнегреческим миром I тыс. до н.э. В центре внимания автора – заключительный этап происходившего в Европе в последний послеледниковый период формирования новой экосистемы, закончившийся возникновением и расцветом античной цивилизации. Глобальные климатические сдвиги, наблюдавшиеся на протяжении мезолита, неолита и ранней бронзы, завершились становлением современного средиземноморского климата с его четко выраженным сезонным характером (жаркое засушливое лето и относительно прохладная дождливая зима)[3]. На фоне климатических перемен, в средиземноморском бассейне происходило складывание нового сельскохозяйственного порядка – этот процесс характеризуется автором как "сельскохозяйственная революция" (с. 34). В отличие от общепринятого в историографии мнения считать неолитическую революцию и ее последствия результатом технологического прогресса, Р. Салларес видит главными причинами этих революционных преобразований перемены климата и сопутствовавшую им биологическую эволюцию сельскохозяйственных культур, распространявшихся в ходе доместикации в средиземноморском регионе с эпохи неолита. К началу I тыс. до н.э. здесь становятся повсеместными культуры "средиземноморской триады", которые, способствуя значительному демографическому росту в регионе, сыграли исключительную роль в судьбе античной цивилизации и последующих эпох европейской истории.

Особое внимание автор уделяет путям распространения новых сельскохозяйственных культур и пород домашних животных в Средиземноморье в древности. По его мнению, магистральным маршрутом этих процессов было движение с востока на запад. Культурно-экологическая экспансия Передней Азии оказала, таким образом, огромное влияние на возникновение в эгейском бассейне к исходу поздней бронзы новой экосистемы (с. 31). В связи с этим характерна критика Р. Салларесом восходящего к европейской историографии XIX в. тезиса о культурном превосходстве древнегреческой цивилизации над "отсталыми" цивилизациями древнего Востока (с. 412).

Самая большая по объему и, бесспорно, центральная по содержанию II глава книги посвящена демографии древней Греции I тыс. до н.э. Как известно, эта проблема занимает историков уже свыше ста лет, с тех пор как Ю. Белох опубликовал свое "Население в греко-римском мире". Обычно исследователи ограничиваются количественным подсчетом населения древнегреческих полисов[4] – отсутствие статистических данных (первые несовершенные переписи населения в древнем мире относятся лишь ко времени Августа в Риме и позднеханьской династии в Китае[5]) ограничивает возможности всестороннего демографического анализа. В лучшем случае подобные исследования позволяют воссоздать статичную картину демографической ситуации в том или ином регионе в тот или иной период. К достоинствам книги Р. Саллареса можно отнести то, что в ней прослеживается демографическая эволюция древнегреческого мира от "темных веков" до эпохи эллинизма. Опираясь на данные античной традиции и археологии, популяционной биологии и медицины, автор исследует такие вопросы, как демографические флуктуации и миграции, численность населения и его плотность, продолжительность жизни и соотношение уровней рождаемости и смертности, социально-политические институты контроля за рождаемостью и семьей, семейное планирование и социально-экономические аспекты семейной организации, история и экология заболеваний.

В первых четырех параграфах II главы Р. Салларес затрагивает собственно демографические аспекты древнегреческой истории. Согласно его концепции, динамика народонаселения в древней Греции подчинялась определенному циклу демографических флуктуаций. (Попутно заметим, что аналогичные концепции были выдвинуты в свое время английским ученым Э. Хантингтоном и русским историком и географом Л.Н. Гумилевым – применительно к евразийским номадам[6].) Сопоставление фаз этого цикла с политической

---

[3] Подробнее об этом см. в статье Р. Саллареса, которая публикуется в данном номере журнала.

[4] См., например, книгу датского ученого М. Хансена: *Hansen M.H.* Demography and Democracy. The Number of Athenian Citizens in the Fourth Century B.C. Herning, 1986.

[5] International Encyclopaedia... V. 12. P. 350.

[6] См., например: *Huntington E.* The Pulse of Asia: A Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History. L., 1907; *Гумилев Л.Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1; *он же.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. К сожалению, автор книги, вероятно, не знаком с работами Л.Н. Гумилева.

канвой древнегреческой истории приводит Р. Саллареса к выводу о том, что "демографический пик" совпадал с максимальным военно-политическим расцветом Эллады (V–IV вв. до н.э.), тогда как спады численности населения приходились на смутное время "темных веков" и эллинистическо-римского периода. "Критическими" отрезками полученной демографической кривой и по этой причине важнейшими периодами древнегреческой истории исследователь считает VIII и IV века до н.э., которые он называет периодами соответственно "r" и "K" видов (с. 46).

Среди основных факторов, предопределивших демографическую нестабильность в древней Греции, автор выделяет частые миграции, которым способствовал "береговой" характер ландшафта, а также межгодовые колебания климата, диктовавшие определенный тип "репродуктивного поведения" всех живых организмов. Если "r-виды" потенциально способны к быстрому популяционному росту в благоприятные сезоны и не менее стремительному сокращению в неблагоприятные сезоны, то "K-виды", как правило, обитающие в зонах более или менее устойчивого климата, отличаются более плавным протеканием демографических процессов (с. 68–69). Центральным понятием популяционной биологии, активно используемым Р. Салларесом, является понятие "пропускной способности" (carrying capacity) окружающей среды. Историки и антропологи обычно подразумевают под ним количество населения, которое может прокормить данная территория, экологи и демографы – плотность населения, при которой темпы рождаемости и смертности относительно сбалансированы. В своей работе автор оперирует обоими определениями этого понятия и показывает, что с VIII по IV в. до н.э. в древней Греции происходила демографическая эволюция от "r-видов" к "K-видам", которая сопровождалась снижением темпов демографического роста и возрастанием плавности демографических флуктуаций по мере достижения пределов "пропускной способности" и территории и плотности населения.

В качестве главного источника для исследования вопроса о смертности и продолжительности жизни в античной Греции Р. Салларес использует остеологический материал, в частности, данные обработанной Дж. Эйнджелом самой крупной для памятников древней Греции остеологической коллекции VII—IV вв. до н.э.[7] (с. 110). Анализ этих данных позволяет утверждать, что в рассматриваемый период уровень смертности в Греции не превышал средних показателей возрастной таблицы продолжительности жизни[8]. На основании этого Р. Салларес приходит к выводу, что на динамику народонаселения древней Греции в архаическую и классическую эпохи решающее влияние оказывала не смертность, как полагает большинство исследователей, а рождаемость (с. 115).

Автор подробным образом рассматривает круг проблем, связанный с уровнем рождаемости, семейным контролем за рождаемостью (другими словами, планированием семьи) и прочими частными мерами по регулированию численности населения в древней Греции. Он считает, что в VIII–IV вв. до н.э. динамика народонаселения в древней Греции подчинялась режиму "естественной плодовитости", который характеризуется отсутствием каких-либо мер по ограничению рождаемости. В таких условиях, разумеется, темпы рождаемости были высокими, сопоставимыми, по оценке автора, с темпами рождаемости в странах "третьего мира" в наши дни. Демографические взрывы VIII и V–IV вв. до н.э. порождали колонизационные всплески, способствовали усилению не только коллективных, но и индивидуальных (наемничество) миграций, что, в свою очередь, подрывало устойчивость и без того хрупкой экосистемы древнегреческого мира (показ ее нестабильности – пожалуй, один из важнейших итогов исследования). По мнению Р. Саллареса, период бесконтрольного роста населения в древней Греции заканчивается "мальтузианским кризисом" IV в. до н.э., отголоски которого дошли до нас в виде рефлексий древнегреческих авторов (Платон, Аристотель, Дикеарх) о месте и роли голода, болезней и войн в жизни людей. Именно с этого времени получают распространение различные формы индивидуального контроля за рождаемостью, включая аборты, контрацепцию и убийство младенцев. Если превентивные меры предотвращения рождаемости не имели, согласно данным источников, широкого распространения в древнегреческом обществе, то такие, говоря определениями Мальтуса, "деструктивные" способы ограничения численности населения[9], как подкидывание или убийство младенцев, были, как полагают многие историки, достаточно широко в нем распространены. Учитывая спорность последнего утверждения, которое является предметом дискуссий в современной историографии[10], автор проявляет вполне обоснованную осторожность в оценке реальных масштабов инфантицида в античном мире и ограничивает его распространение рамками эллинистическо-римской эпохи. К тому же он не склонен преувеличивать негативные демографические последствия данной практики, которая, как показывают современные антропологические исследования, в конечном счете была направлена

---

[7] *Angel J.L.* The Bases of Palaeodemography // AJPA. 1969. V. 30. P. 427–43°.

[8] Методика составления и обработки такого рода материалов приводится в книге: *Coale A.J., Demeny P.* Regional model life tables and stable populations. N.Y., 1983.

[9] *Malthus.* Essai sur le principe de population. I. P., 1992. P. 77.

[10] См.., например: *Engels D.* The Use of Demography in Ancient History // Classical Quarterly. 1984. V. 34. 2. P. 390–393.

на повышение выживаемости оставшихся детей и создание оптимальных условий для продолжения рода (с. 151–153). К сожалению, Р. Салларес не проводит четкого различия между детоубийством и подкидыванием младенцев, тогда как такое разграничение внесло бы дополнительные коррективы в оценки реальных демографических последствий рассматриваемых акций[11].

Один из главных тезисов демографической концепции Р. Саллареса заключается в том, что период стихийного демографического роста в VIII–IV вв. до н.э. был своего рода "интерлюдией" между периодами двух различных систем контроля за семьей и рождаемостью, направленных на регулирование численности населения в древнегреческом мире: господствовавшей в "темные века" системой возрастных классов с ее *институционально закрепленными формами коллективного контроля, с одной стороны, и уже упомянутыми* не контролируемыми сверху индивидуальными формами семейного планирования, получившими распространение в эллинистическо-римскую эпоху, с другой. Переход от одной системы к другой являлся, по словам автора, "одной из сторон трансформации древнегреческого полиса в совершенно иной тип общества" (с. 160). Социологическому анализу этого демографического перехода посвящены следующие два параграфа второй главы книги.

В данной части своего исследования Р. Салларес активно использует метод сравнительного социологического анализа с целью показать историческую уникальность древнегреческого полиса. Ни одно из наиболее известных определений полиса, включая "гражданскую общину, основанную на античной форме собственности" марксистской историографии, "коллектив воинов" М. Вебера, "потребляющий город" М. Финли и т.д., не отражает, по мнению автора, его специфических, индивидуальных черт. Так, по остроумному замечанию исследователя, популярное в англоязычной историографии определение полиса как "города-государства"*ничем не отличает древние Афины от средневековой Венеции или современного* Монако (с. 161). Будучи создателями сравнительно-социологического метода, К. Маркс и М. Вебер, продолжает свою критику автор, не использовали все его возможности, в частности, применительно к анализу древних обществ, ограничиваясь выявлением различий между ними и западным капиталистическим обществом. Вот почему ни марксистская концепция "экономического базиса", "классов" и "классовой борьбы", ни веберовское понятие "статуса" не позволяют выявить принципиальные различия, существовавшие между самими обществами древности, например, между Грецией и Римом. Задавшись целью наверстать "упущенные" великими предшественниками возможности, Р. Салларес предлагает свое видение древнегреческого полиса, которое, по его словам, подведет нас ближе, чем предыдущие концепции, к пониманию его исторического своеобразия и которое, в отличие от предыдущих концепций, неразрывно связано с демографической историей древней Греции (с. 161–164).

Вслед за Платоном и Аристотелем, считавшими, что основу иерархической структуры полиса составляет *половозрастное деление его граждан, Р. Салларес рассматривает внутреннюю организацию полиса с точки* зрения системы возрастных классов. Нельзя сказать, что такой взгляд – новое слово в историографии. В качестве своих предшественников автор называет А. Жанмэра, С. Айзенштадта, А. Брелича, К. Калама и Ф.де Полиньяка (странным образом из его списка выпал "Черный охотник" П. Видаль-Наке). Однако никто из них, как справедливо замечает автор, не исследовал демографические аспекты системы возрастных классов как основы социальной организации древнегреческого полиса. Суть этой системы, в интерпретации Р. Саллареса, состояла в контроле полисными институтами семейной жизни граждан, в том числе времени вступления в брак и сексуальных отношений супругов, рождаемости, прохождения возрастных ступеней членами гражданского коллектива. Обусловленная демографической нестабильностью, экономической замкнутостью и малоземельем, система возрастных классов была направлена на регулирование доступа к ограниченным материальным благам (пища) и управление естественными потребностями (сексуальные связи) граждан. Через ее институты распределялась политическая власть, поддерживался *социальный порядок, осуществлялась манипуляция системой ценностей и идеологией* (с. 185). *Распределение* сексуальных и социальных ролей, доступ к политической власти и объем гражданских прав в условиях данной системы зависели главным образом от занимаемой индивидом возрастной ступени. Другими словами, полноправное гражданство в полисе могло быть лишь приобретенным (по определению автора, "пережитым") по мере прохождения всех ступеней – от рождения до смерти – человеческой жизни (с. 188–189).

Несмотря на то, что система возрастных классов была характерна, согласно антропологическим данным, для многих архаических обществ (в качестве аналогии древнегреческой социальной организации, Р. Салларес приводит примеры некоторых реликтовых обществ Восточной Африки, Южной Америки и Новой Гвинеи), было бы неверным распространять ее на все общества древности. Так, в древнем Риме возраст не являлся структурообразующим принципом социальной организации, поскольку индивид интегрировался в нее через отсутствовавший в греческом полисе интститут patria potestas и, соответственно, регулирование прохождения возрастных ступеней осуществлялось здесь в рамках семьи и рода, а не всего

[11] Engels. Op. cit. P. 390.

полисного коллектива. Как следствие такого различия, римское понятие гражданства совершенно отличалось от греческого: древние римляне под гражданством подразумевали совокупность прав и обязанностей, часть которых можно было получить независимо от принадлежности к той или иной возрастной группе и даже к самому гражданскому коллективу. Различие социальной структуры древнегреческого полиса и древнеримской civitas предопределило различные пути их исторического развития в I тыс. до н.э. – к такому выводу приходит автор, отстаивающий тезис об исключительности феномена полиса, по крайней мере, в рамках классической древности (с. 189–191).

Вернемся, однако, к вопросу о том, какую роль сыграла система возрастных классов в истории демографии древней Греции, поскольку этот вопрос – ключевой в предлагаемой Р. Салларесом демографической концепции. Характерное для рассматриваемой системы государственное вмешательство в семейную и сексуальную жизнь не могло не повлечь за собой демографические последствия. Археологически засвидетельствованный низкий уровень плотности населения Греции в "гомеровскую" эпоху автор объясняет определенным типом социально-политической организации греческого общества, основанной на системе возрастных классов, которая контролировала темпы рождаемости. По мере усложнения экосистемы мира раннегреческих полисов вследствие демографических флуктуаций, миграционных процессов, распространения новых сельскохозяйственных культур и экономического роста в целом[12], усложнялась социальная структура общества, перераставшая рамки архаической системы возрастных классов. Этот рост сопровождался разрушением социально-политических институтов, регулирующих "репродуктивное поведение" населения, результатом чего явился демографический взрыв VIII в. до н.э. Время и сроки перехода от системы возрастных классов к основанным на тимократических конституциях социально-политическим системам в разных полисах варьировались: в Афинах этот переход, в основном, завершился к концу VI в. до н.э., а в Спарте и на Крите – лишь к III в. до н.э. (с. 191–192, 405). Повсюду он сопровождался демографическими скачками, социальными смутами и политическими кризисами (весьма оригинальной представляется трактовка автором суда над Сократом как реакции гибнущей системы на новую мораль и идеологию – с. 405). Одновременно с трансформацией социально-политических институтов наблюдался переход к новому типу "репродуктивного поведения", окончательно завершившийся в эллинистическо-римскую эпоху. Таким образом, история демографии древней Греции была неразрывно связана с различными аспектами истории древнегреческого полиса. Уникальность его социальной, политической и экономической организации предопределила, согласно логике автора, исключительное своеобразие демографической системы древнегреческого мира.

От социологических аспектов древнегреческой демографии Р. Салларес переходит к исследованию проблемы выживаемости в античную эпоху. В последнем параграфе второй главы своей книги он рассматривает вопрос о том, какое влияние оказывали болезни на демографическую ситуацию в античном Средиземноморье. Автор исследует условия возникновения и распространения в регионе, а также демографические последствия таких болезней, как: чума, оспа, малярия, венерические заболевания и т.п. Заслуживает внимания обращение автора к такой перспективной теме истории экологии человека, как структура питания и ее влияние на здоровье. В частности, исследование диеты античного человека и степени распространенности в греко-римском мире сердечно-сосудистых и раковых заболеваний привело Р. Саллареса к выводу о том, что повседневное употребление оливкового масла существенно снижало уровень заболеваемости этими болезнями (с. 286 сл.). В отличие от общепринятого среди историков мнения о губительных последствиях для населения древности различных инфекционных заболеваний, основанного на некритическом восприятии данных античных авторов, многие из которых к тому же не имеют отношения к медицине, Р. Салларес, тщательно проработав практически весь корпус античных медиков от Гиппократа до Галена (на с. 266 книги допущена фактическая ошибка: римский врач второй половины I в. н.э. Диоскурид причислен автором к медикам I в. до н.э.), а также исследовав доступные ему остеологические материалы, пришел к выводу, что основным препятствием на пути к демографическому росту в античном мире было недостаточное питание, а не болезни.

В III главе книги Р. Салларес рассматривает широкий круг экологических, биологических и агрономических вопросов, относящихся к истории сельского хозяйства в древней Греции. Данная глава представляется менее удачной по сравнению с предыдущей. Меньшая по объему, она, в то же время, состоит из 12 разнородных по содержанию и порой не связанных логикой последовательного изложения параграфов, оставляя впечатление "ученого трактата" по сельскому хозяйству. Вот их неполный перечень: система землепользования в Аттике, разведение олив в древней Аттике, размеры культивируемой территории в Аттике, историография проблемы происхождения и распространения безостных сортов пшеницы,

[12] Утверждая на с. 405 своей книги, что "древние греки пережили фазу экономического роста неизвестную ни в Восточной Африке, ни в Новой Гвинее в намного более поздние эпохи", Р. Салларес не выдерживает роли последовательного сторонника М. Финли в вопросе о значении технологического прогресса в хозяйственной жизни древних, вопреки своим неоднократным скептическим высказываниям по этому вопросу на с. 14–15, 81, 191–192, 414.

посевные сезоны, зерновые культуры в Аттике, сельское хозяйство греков в Египте, урожайность зерновых. Не имея возможности дать обзор всех вышеназванных разделов, так как некоторые из них требуют специальных агрономических знаний, коротко остановимся на нескольких, на наш взгляд, принципиальных положениях автора, касающихся всей главы в целом.

В центре внимания исследователя – история биологической эволюции важнейших для античного Средиземноморья сельскохозяйственных культур, в первую очередь пшеницы. Очевидно, что временные рамки исследования при такой постановке вопроса не могут замыкаться лишь эпохой античности – Р. Салларес дает широкую панораму сельскохозяйственной истории региона (чаще всего он, впрочем, обращается к фактам, связанным с сельским хозяйством Аттики) от неолитической революции до современной эпохи. По мнению автора, основным фактором, влиявшим на эволюцию урожаев тех или иных сельскохозяйственных культур в древности, была начавшаяся еще в эпоху неолита и с тех пор не прекращавшаяся селекционная работа. Благодаря многотысячелетней рутинной практике, включавшей различные способы сельскохозяйственной деятельности, накопление сельскохозяйственного опыта, заимствования извне передовых сортов и т.п., к I тыс. до н.э. удалось улучшить безостные (мягкие) сорта пшеницы, которые постепенно, в течение всего тысячеления, завоевывали античное Средиземноморье в качестве основного продукта питания, вытесняя ячмень, эммер и твердые сорта пшеницы. По определению Р. Саллареса, это была настоящая "революция", следующий этап которой приходится лишь на начало современной эпохи (с. 389).

Подводя в заключительной главе итоги, Р. Салларес вновь возвращается к центральной, как нам представляется, идее своей экологической истории древнегреческого мира – идее "прорыва I тыс. до н.э.", своего рода "осевого времени" в истории экологии не только Греции, но и всей европейской цивилизации. Согласно этой идее, именно в I тыс. до н.э. развитие экосистемы в рамках древнегреческих полисов, сопровождавшееся "сельскохозяйственной революцией", демографическим переходом и сменой парадигм "репродуктивного поведения", наконец, исчезновением первобытной системы возрастных классов, заложило фундамент всей последующей истории Европы, не пошедшей по пути стран "третьего мира" (с. 418).

"Анахронизм – вечный враг историков", – пишет Р. Салларес в конце своего большого труда (с. 411). В этой борьбе историки неизбежно проигрывают, поскольку нельзя победить время, заставить его повернуть вспять. В данной ситуации честнее признать свое поражение, чем, прикрываясь щитом какого-нибудь "всесильного" учения, твердить об истине в последней инстанции. В самом деле, разве концепции антиковедов XIX в., веривших в непогрешимость идей объективизма, не рассказывают нам больше о Европе XIX в., чем о древних Греции и Риме? Р. Салларес признается читателям, что обратиться к проблемам экологии древнего мира его побудили экологические проблемы современного мира. Актуальность рассматриваемой работы состоит еще и в том, что проделанный в ней синтез гуманитарных и естественных наук открывает перед исследователями увлекательные перспективы написания тотальной истории человека, общества и природы. Но это – дело будущего. *Habent sua fata libelli*. Нет сомнений, что книга Р. Саллареса, как одна из первых попыток такого рода, займет достойное место в историографических анналах стремительно надвигающегося нового столетия.

Ю.Н. Литвиненко

© 1995 г.

ЗАМЕТКИ ПО ДЕЛОССКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

Предлагаемая работа обязана своим появлением двум опубликованным недавно книгам, подводящим итоги исследований их авторов в области делосской эпиграфики. Со времени опубликования основной массы делосских документов (в Inscriptions graecae и Inscriptions de Délos[1]) появилось значительное количество работ, основанных на анализе надписей и посвященных тем или иным аспектам истории Делоса[2]. Тем не менее количество исследований не уменьшается, что не должно удивлять, если учесть обширность и информативность документации, довольно полно (в сравнении с другими городами) отражающей жизнь небольшого полиса. В последнее время вышли из печати две книги, которые должны привлечь внимание историков и специально эпиграфистов.

Первая из этих книг — докторская диссертация Мари-Кристин Эльман, в прошлом члена Французской школы в Афинах, давно и плодотворно занимающейся делосской эпиграфикой[3]. Темой работы является анализ архитектурных и строительных терминов в делосской эпиграфике. Причем, как подчеркивает автор (с. 13), были использованы все делосские надписи, а не только Bauinschriften. Книга состоит из введения, словаря архитектурных терминов, заключения и указателей (лексикологического, французских архитектурных терминов, топографических). 24 таблицы фотографий иллюстрируют те или иные термины.

Во введении, которое является несколько переработанным вариантом статьи, опубликованной в REG за 1989 г. (см. прим. 3), подводится итог более чем столетнему периоду изучения архитектурных и строительных терминов по данным эпиграфики. Автор дает оценку всем более или менее значительным работам в этой области, начиная от трудов первопроходцев, какими были О. Шуази, Е. Фабрициус, Г. Латтерманн, Ф. Эберт[4], до последней по времени книги, вышедшей недавно, — словарю А. Орландоса и

---

[1] Примерно три тысячи надписей распределены в этих двух сборниках следующим образом:

— ID (N° 1—88), Dédicaces et décrets, périodes de l'amphictyonie ionienne et de l'amphictyonie attico-délienne / Par A. Plassart. P., 1950.

— ID (N° 89—104^{-33}). Amphictyonie attico-délienne, actes administratifs / Par J. Coupry. P., 1972.

— IG XI, 2 (N° 105—289). Inscriptiones Deli liberae. Tabulae archontum. Tabulae hieropoeorum annorum 314—250. F. Durrbach (1912).

— ID (N° 290—371). Comptes des hiéropes / Par F. Durrbach. P., 1926.

— ID (N° 372—509). Comptes des hiéropes.Lois et réglements, contrats, d'enterprise et devis / Par Durrbach. P., 1929.

— IG XI, 4 (N° 510—1349). Inscriptiones Deli liberae. Decreta, foedera, catalogi, dedicationes, varia. P. Roussel (1914).

— ID (N° 1400—1496). Actes des fonctionnaires athéniens préposés à l'administration des sanctuaires après 166 avant J.-C. / Par. F. Durrbach, P. Roussel. P., 1935.

— ID (N° 1497—2219). Décrets et dédicaces postérieurs à 166 avant J.-C. / Par. Roussel, M. Launey. P., 1937.

—ID (N° 2220—2879). Dédicaces postérieures à 166 avant J.-C. Textes divers et fragments postérieurs à 166 avant J.-C. / Par P. Roussel, M. Launey. P., 1937.

Поскольку нумерация делосских надписей сплошная, далее в тексте ссылки на надписи будут производиться без указания названия сборника.

[2] Не имея возможности перечислить все работы, сошлюсь на книгу Клод Виаль (*Vial C.* Délos Indépendante // BCH. Suppl. X. P., 1984), в которой дана подробная библиография.

[3] *Hellmann M.-Ch.* Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque, d'après les inscriptions de Délos. Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. 178. P., 1992. 471 p., XXIV planches des ill. Перечислим другие работы, посвященные этой проблеме: *Hellmann M.-Ch., Fraisse Ph.* Le monument aux hexagones et le portique des Naxiens // EAD. 32. P., 1979. 136 p.; *Hellmann M.-Ch.* Un problème d'architecture et d'épigraphie délienne // BCH. 1980. 104. P. 152—159; *eadem.* À propos du vocabulaire architectural dans les inscriptions déliennes: les parties des portes // BCH. 1986. 110. P. 237—247; *eadem.* À propos d'un lexique des termes d'architecture grecque // Comptes et inventaires dans la cité grecque. Neuchâtel-Genève, 1988. P. 239—261; *eadem.* Le vocabulaire architectural grec: bilan de plus de cent ans de recherches // REG. 1989. 102. P. 549—560; *eadem.* À propos de certains termes techniques dans les inscriptions de Délos // ZPE. 1990. 80. P. 65—71; *eadem.* Cave et sous-sols dans l'habitat grec antique // BCH. 1992. 106. P. 259—266.

[4] *Choisy A.* Études épigraphiques sur l'architecture grecque. P., 1884; *Fabricius E.* De architectura graeca commentationes epigraficae. B., 1881; *Lattermann H.* Griechische Bauinschriften. Strassburg, 1908; *Ebert F.* Fachausdrücke des griechischen Bauhandwerk. I. Der Tempel. Würzburg, 1910.

И. Травлоса[5]. Что касается этого словаря, то М.-К. Эльман, отмечая его очевидные достоинства, обращает внимание на два существенных момента (с. 9): 1) в нем имеются малообъяснимые пропуски терминов (таких, как ἑστιατόριον, θυμέλη, ἱπνών, и др.); 2) древнегреческие термины объясняются греческим языком, хотя и современным, что лимитирует их понимание негреческим читателем, поскольку затрудняет поиски соответствующих терминов в других языках.

Основную часть книги (с. 21—440) занимает непосредственно словарь архитектурных терминов. Он включает в себя 658 слов, часть которых отсутствует как в лексиконе Орландоса—Травлоса, так и в словаре LSJ (с. 12). Он состоит из статей, в каждой из которых трактуется тот или иной термин или несколько терминов. Слова в нем расположены и по алфавиту, и тематически одновременно. Это значит, что родственные термины или термины, относящиеся к одним и тем же или схожим строительным операциям, объединены в одну статью. Например, статья, трактующая слово ἀλείφω (с. 37—42), объединяет 18 других терминов (которые даются в скобках под главным словом). Кроме того, они помещены еще и в соответствующих местах (там, где они должны быть расположены по алфавиту) с отсылкой к обобщающей статье. Такая система расположения терминов представляется оптимальной, поскольку позволяет без труда найти необходимое слово, давая возможность в то же время объединить их тематически.

М.-К. Эльман отличает глубокое знание всех категорий греческих письменных источников. В своем анализе архитектурных терминов она не остается на почве только делосских надписей, а постоянно и широко использует и данные литературной традиции, и папирусы, и практически все виды надписей, происходящих из различных регионов античной ойкумены. Все это позволило автору уточнить значение или подчеркнуть те или иные нюансы большого количества терминов. Отметим среди них, в частности, следующие: ἀνδρών и производные от него (local ou atelier pour travailleurs de sexe masculin), ἀντίθημα (contre-parement), γυναικωνῖτις (zone de la maison ou atelier réservé aux femmes), ἐπωροφίς и ὑπωροφία (charpente de comple), ἐργαστήριον (atelier), ἐργασία (façonnage, travail de préparation), θύρα и производные от него (porte, vantail ou battant, bais; contrevent), ψαλίς (arc?), κιγκλίς (grille, barrière [mobile], τρύφακτος (grille, barrière [le plus souvent fixe]), κλείς и производные от него [vertou [= l'ensemble du système de fermeture, qu'il soit ou non muni d'une cle]; clé) σωλήν (tuyau), ὑπολαμπάς (lanterneau) и некоторые другие. Некоторые статьи стали весьма интересными и глубокими, несмотря на свой небольшой объем, исследованиями по тому или иному вопросу (svv. ἀλείφω, γυμνάσιον, θύρα, καμάρα, κρήνη, λιμήν, ὀροφή, παράδειγμα и др.).

Безусловно, М.-К. Эльман не решила окончательно все проблемы, связанные с правильным и всесторонним пониманием анализируемых ею терминов. Вряд ли это и возможно, поскольку их интерпретация часто лимитируется такими обстоятельствами, как единичное употребление слова, плохая сохранность надписи, неясность контекста и т.д. Тем не менее представляется, что в ряде случаев тщательный анализ контекста позволяет дополнительно обнаружить некоторые нюансы тех или иных архитектурных и строительных терминов. Приведем два примера. Первый из них касается слова θύρετρον, который М.-К. Эльман переводит как проем, рама и врата (поэтич.) (с. 161). Не ставя под сомнение правильность понимания и перевода слова, отметим, что одна из делосских надписей дает возможность прибавить к нему еще одно значение. Речь идет о пассаже из отчета гиеропеев за 274 г. В нем говорится об изготовлении решеток — τρύφακτοι[6]. Поскольку известно, что один из перечисленных в документе подрядчиков был каменотесом (Никокл, сын Никона), а другой — столяром и плотником (Антик, сын Каика)[7], мы можем заключить, что изготовленные ими τρύφακτοι были составными (из мрамора и дерева)[8]. Одной строкой ниже (199A.76) сообщается еще об одном подряде, взятом Никоклом и Антиком («Антику и Никоклу, после того как каждый (из них) закончил (работу над) θύρετρον в соответствии с одной и той же спецификацией, плата обоим 570 драхм»). Следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое состоит в том, что θύρετρον в данном контексте невозможно перевести ни одним из

---

[5] ΟΡΛΑΝΔΟΥ Α., ΤΡΑΥΛΟΥ Ι. Λεξικόν ἀρχαίων ἀρχιτεκτονικῶν ὅρων. ΑΘΗΝΑ, 1986.

[6] «Следующие работы мы (т.е. гиеропеи. — *В.К.*) сдали (с подряда) вместе с архитектором и эпимелетами в соответствии с законом: решетки-перегородки (τρύφακτους), для интерколумниев (храма) П[орина?]: Никоклу, сыну Никона, (одна) решетка; 5[70] драхм; Антику, сыну Каика, (одна) решетка, 570 драхм; [наксос]цу Аглосфену, (одна) решетка, 570 драхм; Онесифонту, (одна) решетка, 5[70 драхм; ...] лл ..у, (одна) решетка, 570 драхм» (199A. 72—4).

[7] *Lacroix M.* Les étrangers à Délos pendant la période de l'indépendance // Mélanges G. Glotz. T. II. P., 1932. P. 509; *idem.* Les architectes et entrepreneurs à Délos de 314 à 240 // Revue de philologie. 1914. 38. P. 327. 329; *Vial.* Op. cit. P. 350—351.

[8] Это подтверждается и делосскими храмовыми инвентарными списками, в одном из которых говорится следующее: «Мраморная перегородка-барьер (τρύφακτος) с шестью железными прутьями, в которой (имеется) деревянная решетка (κίγκλις) и (есть) четырнадцать железных гвоздей на перегородке» (1403 Bb. col. II. 12—21).

значений, предлагаемых М.-К. Эльман, поскольку над его изготовлением работали каменотес и столяр. Другими словами, θύρετρον здесь не может быть ни мраморной, ни деревянной дверной рамой, ибо один из ремесленников был бы в таком случае не нужен. Второе обстоятельство заключается в стоимости работы, которая равна 570 драхмам. Именно столько стоила решетка — τρύφακτος. Таким образом, становится очевидным, что эти два ремесленника делали решетку-барьер, состоящую из мраморной и деревянной частей. Из этого следует, что слово θύρετρον могло иметь еще одно значение: в некоторых случаях так называлась решетка — τρύφακτος, имеющая решетчатую же дверцу.

Теперь обратимся к слову λιθεία. М.-К. Эльман переводит его как lot de pierres de construction (p. 248)[9]. В этом переводе лишь констатируется наличие камней, предназначенных для строительства, и не фиксируется факт их добычи, так что остается неясным, откуда они взялись. Контекст надписей позволяет, на мой взгляд, уточнить значение рассматриваемого термина. Всего имеется шесть полностью сохранившихся записей контрактов, в которых речь идет о λιθεία (203A. 88—92, 95—7; 287A, 89—91, 92—3; 290, 180—2, 182—4). Во всех этих подрядах, кроме одного (287A, 95—7, описание которого непонятным образом не закончено), сообщается о покупке камня у подрядчика и привозе его тем же подрядчиком в святилище[10]. Иначе говоря, подрядчик добывал этот камень в каменоломне, а затем доставлял его на стройплощадку. Таким образом, все эти пассажи свидетельствуют о том, что слово λιθεία надо понимать, как процесс добычи камня в каменоломне и первичной его обработки, т.е. обтески блоков до заданных размеров с оставлением припуска[11], который снимался непосредственно на строительной площадке (что называлось термином ἐργασία)[12]. Эти два приведенные выше примера демонстрируют большой объем информации, содержащийся в делосских документах. Несмотря на всю сложность работы по анализу архитектурных и строительных терминов, требующей огромной эрудиции от исследователя, мы должны признать, что М.-К. Эльман блестяще справилась с поставленной задачей. Ее исследование будет способствовать более правильному и четкому пониманию многих слов из древнегреческой строительной и архитектурной лексики. Книга М.-К. Эльман является одной из лучших работ в своей области и безусловно станет настольной книгой как для специалистов по истории Делоса, так и исследователей, работающих в области эпиграфики.

Другая работа принадлежит перу одного из старейших «делосцев», на протяжении многих десятилетий занимающегося сверкой опубликованных делосских надписей с камнями, — Жаку Трео. В результате этой своей плодотворной деятельности ему удалось сделать многочисленные эмендации, прояснить запутанные пассажи в ряде надписей[13]. Рассматриваемое же здесь его исследование является первым томом указателей

---

[9] Перевод этого термина, который дает словарь LSJ (a sort of fine stone or marble), не подходит к контекстам, в которых оно употреблено в делосских надписях.

[10] Приведем для примера переводы двух из них: 1) «Аристоклу и Каллигену τῆς λιθείας пятисот футов для параскения мы (гиеропеи. — *В.К.*) выдали в соответствии со спецификацией (κατὰ τὴν συγγραφήν) по распоряжению архитектора и эпимелетов Полиба, сына Диодота, и Гегия, сына Фокея, первую долю в 1166 драхм 3 обола; после того, как они привезли половину камней, 250 футов, мы выдали, по распоряжению архитектора и эпимелетов, вторую долю в 933 драхмы 3 обола, удержав 1/10 часть от всей суммы денег; после же того, как они привезли оставшиеся камни, мы выдали Каллигену и Аристоклу, по распоряжению архитектора и эпимелетов Полиба и Гегия, 1/10 часть суммы, 233 драхмы 2 обола» (203A, 88—92); 2) «τὴν λιθείαν для стои, которую посвятили наксосцы, 840 футов, (за каждый фут) 5 драхм 3 обола; подрядился Сопатр и после того, как привез (ἀπαγαγών) камни и измерил их архитектору, получил, по распоряжению эпимелетов и архитектора, 4620 драхм» (287A, 89—91). Сопатр транспортировал камни до делосского порта, как это видно из этой же стк. 91, где говорится о доставке 840 футов неким Евтихом в святилище к стое (ἀναγεῖν τοὺς λίθους εἰς τὸ ἱερὸν τοὺς εἰς τὴν στοάν). Кстати, археологический анализ остатков стои наксосцев показывает, что в эллинистическое время в нем был произведен ремонт с использованием серо-голубого мелкозернистого мрамора так называемого «теносского типа» и серого гранита. Полагают, что этот ремонт был связан с λιθεσία, о которой мы только что говорили (*Hellmann, Fraisse*. Op. cit. P. 109, 113). Если это так, то тем самым еще больше подтверждается предположение о перевозке Сопатром камня по морю.

[11] В одной из аттических спецификаций говорится: «Вырубить (блок) пентелийского мрамора... и обтесать, оставив припуск» (IG. II/III^2 1666A. 45—7).

[12] Следует отметить, что в одной из работ М.-К. Эльман примерно так и понимает значение рассматриваемого термина; la fourniture de pierre à bâtir. И ниже: λιθεία terme vague (cf. ID 290, l. 181; 291b, l. 16, qui montrent clairement qu'il s'agit là d'une fourniture, soit uniquement l'extraction et le dégrossissage, le transport n'étant pas nécessairement compris dans le travail) (*Hellman, Fraisse*. Op. cit. P. 93). Остается непонятным, почему она не уточнила свой перевод в своем новом словаре.

[13] Библиографию Ж. Трео см. Comptes et inventaires dans la cité grecque. Actes du colloque international d'épigraphie tenu à Neuchâtel du 23 au 26 septembre 1986 en l'honneur de Jacques Tréheux. Neuchâtel-Genève, 1988. P. 1—8.

к корпусу делосских надписей[14]. В этот том вошли только имена иностранцев (за исключением афинян-клерухов и римлян), имена которых известны по делосскому корпусу.

Книга Ж. Трео состоит из небольшого введения (с. 7—8) и четырех указателей: *1*) цари и лица царского ранга (с. 9—19), *2*) частные лица (с. 21—88), *3*) поврежденные (на камне) имена (с. 89—92), *4*) этноним, демотиконы и имена феоров (с. 93—113). Последний указатель удобен тем, что в нем все имена заново ранжированы в соответствии с этноником (в тех случаях, естественно, когда он имеется). Во введении к указателю автор кратко излагает критерии, по которым он выделял иностранцев из общей массы людей, известных по надписям. Этот вопрос чрезвычайно актуален и крайне сложен. Важность его определяется следующим обстоятельством: Делос был небольшим полисом[15], поэтому при необычно большом количестве надписей, характеризующих различные стороны жизни острова, представляется редкая возможность восстановить, например, социальную структуру города. Для этого необходимо определить этническую и гражданскую принадлежность возможно большего числа людей, упоминаемых в документах. Сложность же состоит в том, что во многих случаях в надписях отсутствуют этноним[16]. Поэтому выделение иностранцев из большой массы (нескольких сотен) имен, не сопровождаемых этноником, представляется задачей весьма и весьма трудной. Вернемся к критериям Ж. Трео. Автор пишет (с. 7), что все его определения иностранцев не являются случайными. Прежде всего он постарался различными методами, малоиспользуемыми до сих пор, уменьшить число сомнительных идентификаций. Трео приводит пример одного такого метода. Опыт показывает, пишет он, что большинство предпринимателей (имеются в виду подрядчики. — *В.К.*), работавших на Делосе, были иностранцами. Поэтому он считает иностранцами «всех предпринимателей, имена которых не являются специфически делосскими». Посмотрим внимательно, насколько плодотворен такой подход.

Прежде всего зададим себе вопрос, соответствует ли действительности утверждение о том, что большинство подрядчиков, работавших на строительных и ремонтных работах в делосском святилище, были иностранцами? В эпоху независимости (315/4—166 гг. до н.э.) в отчетах гиеропеев, должностных лиц святилища, этникон ремесленников указывался далеко не всегда. Если в начальный период надписи время от времени сообщают сведения о месте происхождения того или иного подрядчика, то после же 269 г. эта практика почти полностью исчезает[17]. Эпиграфические документы действительно свидетельствуют о большом значении, которое имели иностранцы в делосском ремесле, поскольку крупные подряды на строительные работы в святилище часто брали именно приезжие мастера. Их было много среди камнетесов, плотников и столяров, специалистов по обработке металлов. Однако же не все ремесленники были иностранцами. Среди делосцев также были мастера высокой квалификации. Назовем хотя бы Фанея, Антигона и Антика, сыновей Каика, и Дейнократа и Дейномена, сыновей Леофанта. Все пятеро были

---

[14] *Tréheux J.* Index. T. I. Les étrangers, à l'exclusion des Athéniens de la clérouchie et des Romains. Inscriptions de Délos. P., 1992. 113 p.

[15] По некоторым подсчетам в первой трети II в. до н.э. здесь жило около 1200 полноправных граждан (*Vial.* Op. cit. P. 20).

[16] Этому вопросу всегда уделялось внимание специалистов. При отсутствии этноников одним из методов разделения всех упомянутых в надписях лиц на делосцев и неделосцев является анализ имен. Это привело исследователей к выделению ряда имен, которые принято считать типично делосскими (например, Ἄμυος или имена на -ακος) (*Lacroix.* Les étrangers... P. 501—504; *Vial.* Op. cit. P. 307—315; *Masson O.* Les anthroponymes grecs à Délos // Comptes et inventaires dans la cité grecque. Neuchâtel-Genève, 1988. P. 73—80). М.-Ф. Баслез посвятила этой проблеме диссертацию, которая остается неопубликованной (хранится в библиотеке Дома Средиземноморского Востока в Лионе) (*Baslez M.-F.* Les étrangers à Délos. Formes et évolution de la vie de relation dans un sanctuaire panhellénique. Thèse pour le doctorat ...Université de Paris I. 1982). В этой работе автор переоценивает, на мой взгляд, возможности такого критерия, как определение «гражданства» на основе анализа имени (об этом ниже).

[17] М. Лакруа полагал, что исчезновение указаний этникона связано с ростом «национальной конкуренции» и постепенной заменой иностранных ремесленников делосскими (*Les étrangers*... P. 506). С этим согласиться нельзя уже хотя бы потому, что гиеропеи далеко не всегда сообщали этникон ремесленника, какой бы период истории независимого Делоса мы ни взяли (см. *Vial.* Op. cit. P. 349—350). «Уменьшение» количества иностранных подрядчиков, начиная с 60-х годов III в., связано, на мой взгляд, с изменениями в практике составления годовых отчетов гиеропеев. Если, например, строительная часть отчета 297 г. (IG XI. 2. 150) представляет собой по сути дела список контрактов с фиксированием не только имени, но часто и патронима и этникона, что выглядит вполне естественным в документе такого рода, то в надписях второй половины III—II вв. ситуация меняется. Списки контрактов исчезают, вместо этого отчеты подробно сообщают, на сколько частей был разбит каждый подряд, сколько денег было уплачено за каждую часть работы и т.д. (см., например, ID № 365, 366, 442 и др.). Дополнительные сведения о подрядчике исчезают из годового отчета и сохраняются только в спецификации-контракте, который выбивался на отдельном камне.

известными специалистами по деревообработке, выполнявшими, сложные работы, а Фаней, Антигон и Дейнократ выбирались даже архитекторами (199C.41—5; 203A.60; 287A.87; 290.107; 507 bis. 3), что свидетельствует об их незаурядной квалификации. Следовательно, вряд ли мы можем безоговорочно считать ремесленника с нетипично делосским именем иностранцем. В таком случае мы должны были бы, например, считать только что упомянутых Антигона или Дейномена, носивших «нетипичные делосские» имена, приезжими специалистами. Однако этому противоречат наши сведения о них.

Другой пример: Ж. Трео считает (с. 41) иностранцем Дионисия, сына Сатира (442B.243—4). М.-Ф. Баслез же видит в нем потомка архитектора Сатира, работавшего на острове (159A.63), которого почему-то считают камнетесом[18], и внуком слесаря Дионисия (316.101; 338Aa.57)[19]. Прежде всего отметим, что архитектор Сатир был по своей основной специальности плотником, а не камнетесом[20]. Таким образом, два Сатира, известных по отчету 281 года, были одним и тем же лицом (159A. 40, 51, 63). Поскольку Дионисий, которого М.-Ф. Баслез считает слесарем[21], был на самом деле столяром, то мы можем дать стемму семьи делосских плотников и столяров, работавших в святилище на протяжении более ста лет:

Сатир (281 г.: 159A.40, 51, 63)
|
Дионисий (сын Сатира) (231—224 гг.: 316.14; 338Aa.57)
|
Сатир (сын Дионисия) (208—207 гг.: 365.45; 366.16—9, 33—4; 37—8, 46)
|
Дионисий, сын Сатира (179 г.: 442B.243—4)

Мы можем прибавить к приведенным выше именам, например, Диоскурида (370.2; 403.30) и Филоксена, сына Полихарма (365.44—5; 366A.14—6, 46; 372A.111; 402.2—7; 443B.163—4; 461Ab. 31—2), которых вряд ли можно считать, как Ж. Трео (с. 41, 85), иностранцами. Однако в ряде случаев французский исследователь не относит к иностранцам ремесленников, которых с большой долей уверенности можно считать таковыми. Ими, в частности, были камнетесы Аристокл и Каллиген, о которых мы уже говорили выше. Эти два мастера подряжались добывать мрамор, необходимый для строительных работ в святилище. Вырубали его в местности Кестрейон, местонахождение которой неизвестно (165.38; 199A.77—8; 203A. 88—92; 274.28). Поскольку качество добываемого на Делосе камня не было высоким[22], можно думать, что Кестрейон находился за пределами острова[23]. Если это так, вполне логичным будет считать Аристокла и Каллигена не-делосцами. Это следует из того факта, что обычно камень в тех или иных каменоломнях добывался местными мастерами[24].

Исходя из этого принципа, мы должны будем отнести к числу не-делосцев еще ряд ремесленников,

---

[18] *Lacroix.* Les architectes... P. 306.

[19] *Baslez.* Op. cit. II. P. 401; III. P. 184. Not. 135.

[20] Как показал Ж. Трео, он работал по дереву (Tréheux J. Une nouvelle lecture des inventaires d'Apollon à Délos // Comptes et inventaires dans la cité grecque. Neuchâtel-Genève, 1988. P. 30).

[21] На основании того, что он изготовил κλείς καὶ χελώνιον (316.101). Однако оба эти предмета (κλείς — ключ, запор, χελώνιον — запор, коробка для замка) могли быть сделаны как из металла, так и из дерева (подробнее об этом см.: *Hellmann.* Vocabulaire... P. 218—223). Мы имеем надежное свидетельство об изготовлении столяром (Дейнократом, сыном Леофанта) деревянного запора κλείς (158A.65). Специальность же столяра Дионисия подтверждается тем, что он отремонтировал (или изготовил) деревянную статую-идола для праздника Дионисия (338Aa.57).

[22] Он использовался в первую очередь для сооружения фундаментов и других невидимых частей зданий. Геологическое описание Делоса см.: *Cayeux L.* Description physique de l'île de Délos // EAD 4. P., 1911 (делосские карьеры — P. 8—11); *Fraisse Ph., Koželj T.* Une carrière de marbre au Sud-Est du Cynthe // BCH. 1991. 115. P. 283—296. Об использовании местного камня см. *Hellman, Fraisse.* Op. cit. P. 54.

[23] Это надежно подтверждается тем, что дважды в надписях говорится о транспортировке камня, вырубленного Аристоклом, по морю (165.39: θέσθαι εἰς τὰ πλοῖα κτλ; 199A.78—79: ναῦλλον Στρά?τ]ωνι τῶν λίθων κτλ).

[24] Юридический аспект этой проблемы является весьма важным. Кому принадлежали каменоломни — государству или частным лицам? Существуют различные точки зрения на этот счет (подробнее об этом см. *Ampolo C.* Le cave di pietra dell'Attica: problemi giuridici ed economici // Opus. 1982. 1. P. 251—260). Письменные источники, касающиеся этого вопроса, крайне скудны. Имеются три надписи (датируются IV в. до н.э.), происходящие из Аттики (одна из Элевсина, две из Пирея), которые свидетельствуют о том, что если не все, то по крайней мере часть каменоломен находилась в общественной собственности (*Coumanoudis S., Goufas D.* Deux décrets inédits d'Eleusis // REG. 1978. 91. P. 290—291; *Meritt B.D.* Greek Inscriptions // Hesperia. 1936. 5. P. 401. N° 10. 138—140; IG II/III^2. 47.30). Строительные отчеты, происходящие из разных городов, сообщают о том, что подряды на добычу камня в каменоломнях брали местные ремесленники (*Ampolo.* Op. cit. P. 260. Not. 31).

бывших подрядчиками на работах в святилище. К ним, несомненно, относятся Конон (163A.37—8; 165.20—1; 269Af.14; 506d.23), который добывал камень вместе с миконосцем Мнесибулом на Миконосе[25], Поликлид (165.33), который вырубал καταληπτῆρες[26] (как и Аристокл), использованные затем в работе четырьмя подрядчиками, двое из которых были сиросцами (165.37), Собарокл (290.67, 69, 211—5) и Сопатр (287A.77—8, 89—93), добывавшие в каменоломнях мрамор и привозившие его на Делос. Всех их Ж. Трео справедливо считает иностранцами (с. 57, 72, 78), хотя и без каких-либо комментариев. К ним можно отнести Архела (199A.101—2), который доставил в храм и продал гиеропеям глину из местечка Панорм на Миконосе, а также Демофила (158A.59) и Феогнота (165.6), которые изготовили сырцовые кирпичи, привезенные от них морем (с Сироса?)[27]. К. Виаль считает одного из камнетесов, Менеса (287A.121—2; 290.215—7), делосским гражданином, который активно занимался политической деятельностью, в частности, вносил предложения на заседаниях народного собрания (см.: 599.1—2; 600.2; 601.2; 602.2—3; 603.2; 604.1—2). Его сын, Евелтон, был художником, расписавшим в технике энкаустики дверь храма Аполлона (290.146—8)[28]. С этой точкой зрения согласен Ж. Трео, который не включил Менеса и Евелтона в свой указатель. Однако документы не подтверждают это мнение. Во-первых, Менес и Евелтон не были отцом и сыном, поскольку практиковали разные ремесла, что должно быть признано необычным для семьи ремесленника. Следовательно, камнетес Менес не имел отношения к политику Менесу, сыну Евелтона. Во-вторых, судя по тому, что ремесленник Менес добывал в каменоломне мрамор[29] и перевозил его на стройплощадку, можно говорить о том, что он не был делосцем. Не был им и камнетес Филонид (158A.82; 161A.117—8; 165.31—20), поскольку он, так же как и Менес, работал в каменоломне за пределами Делоса.

В некоторых случаях контекст надписей дает возможность определенно говорить о том, что данный ремесленник жил на Делосе, хотя он не обязательно при этом был гражданином. Например, это относится к Амфиклу, Аполлодору и Каллисфену (158A.57—60), у которых покупались сырцовые кирпичи, переносившиеся на строительную площадку какими-то наемными рабочими. Судя по использованию глагола *ἀναφέρω, они транспортировали их по суше*, т.е. *мастерские этих трех ремесленников находились* на острове. То же самое можно сказать о Гераке, из мастерской которого была доставлена дверь (147A.11), и о Неогене: из его мастерской в святилище привезли стелу с выбитой на ней надписью (290.135—6)[30].

Таким образом, попытки определения гражданства работавших в делосском святилище ремесленников, этникон которых в надписи не указан, базирующиеся на предположении о том, что они были приезжими мастерами в том случае, когда не носили типично делосских имен, нельзя признать полностью удачными. Они привносят в исследование элемент гадания. Не случайно М.-Ф. Баслез и Ж. Трео, пользующиеся одним принципом при решении этой проблемы, часто приходят к прямо противоположным выводам[31].

---

[25] Ж. Трео (с. 57) ошибочно принимает за одного человека камнетеса Конона и плотника Конона (287A.49; 290.52, 54, 124—6, 171—2; 291b.3, 25).

[26] Блоки или плиты, оформляющие ту или иную поверхность (*Hellmann*. Recherches... P. 195).

[27] «Для дома "Сосилейя" двести сырцовых кирпичей от Феогнота, 3 драхмы; плата за перевозку морем Антигону и (рабочим), сопровождавшим (груз), 7 драхм 3 обола». Таким образом, перевозка оказалась в 2,5 раза дороже стоимости самих кирпичей. Это говорит об относительной удаленности от Делоса того места, где жил Феогнот. Возможно, что этим местом был о-в Сирос, где гиеропеи покупали черепицу (158A.85) (*Hellmann*. Recherches... P. 343).

[28] *Vial*. Op. cit. P. 261—262, 350—352.

[29] Хотя в тексте одного из его подрядов (290.215—7) прямо не говорится о том, что он добывал камень, а только привозил его («Менесу, подрядившемуся привезти на [стройплощадку] для перистиля Асклепиейона 16 [мраморных оконных наличников?], каждый наличник 57 драхм; из них два по шесть футов, две перекладины каждая шириной дес[ять.....] футов....»). Тем не менее не может быть сомнений в том, что он работал в каменоломне, поскольку в надписи указаны точные размеры блоков и сообщается цена каждого набора для одного окна, что лишено всякого смысла, если бы речь шла о контракте перевозчика камня. Именно потому, что Менес работал в каменоломне, он смог продать гиеропеям мраморную стелу для выбивания надписей и основание для нее (287A. 121—2).

[30] Некто Архикл однажды клал тростник под черепицу на крыше храма Деметры (144A.81—2), а в другой раз продал факелы (δαῖδες) (161A.100). Очевидно, у него была своя лавка-мастерская, где он использовал в работе тростник, в том числе и для приготовления факелов.

[31] Например, если М.-Ф. Баслез считает Пирра (372A.145 etc.), Собарокла (290.67 etc.), Сополиса (291b.67 etc.), Дионисия (316.101 etc.), Клеанакса (443Bb.140), Гагния (203B.8), Парменона (290.84; 316.68 etc.) делосцами (II, p. 394, 395, 399—401, III, p. 184, Not. 138), то Трео считает их иностранцами (p. 22, 41, 56, 74, 77, 79).

Необходимо подходить индивидуально к каждому имени, не оставляя без внимания контекст надписи. Безусловно, критерий определения гражданства по имени носителя имеет право на существование и должен максимально использоваться[32]. Однако вряд ли следует его переоценивать.

Книга Ж. Трео будет чрезвычайно полезной для всех тех, кто пользуется богатыми делосскими эпиграфическими документами. Однако следует иметь в виду, что не все люди, при именах которых отсутствуют этноконы, правильно определены в качестве иностранцев. С другой стороны, некоторые лица, внесенные в указатель, были на самом деле делосцами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ ИНОСТРАНЦЕВ Ж. ТРЕО

Ἀριστοκλῆς	(161A.55—6; 165.1—3.38, 40; 199A.77—8, 81—2; 203A.32—3, 88—92; 274.28)
Ἀρχέλας	(199A.101—2)
Δημόφιλος	(158A.57, 59, 84; 161A.58—64)
Θεόγνωτος	(165.6)
Καλλιγένης	(203A.88—92; 287A.94; 506d.23)
Μένης	(287A.121—2; 290.215—7)
Φιλιωνίδης	(158A.82; 161A.117—8; 165.31—2)

В.Д. Кузнецов

© 1995 г.

V. RUDICH. Political Dissidence under Nero: The Price of Dissimulation. London – New York: Routledge, 1993. XXXIV, 354 p.

Проблема перехода от республики к империи в Риме, становления и развития императорского режима в I в. н.э. всегда была одной из центральных проблем изучения римской истории[1]. В последние десятилетия эта тема вызвала дополнительный интерес в западной исторической науке[2], однако, несмотря на обилие литературы, многие сюжеты остаются спорными и неясными, и потому недавно появившаяся монография Василия Рудича заслуживает особого внимания. Обилие глубоких идей, практически полный фактологический компендиум, касающийся правления Нерона, тщательный анализ источников, огромная информативность и во многом новый свежий взгляд на систему принципата позволяют считать эту работу одним из заметных исследований ранней Империи в мировой исторической науке.

Центральной проблемой книги является не столько принципат Нерона и принципат как система в целом, сколько проблема отношений ее с представителями высшей сенаторской и всаднической элиты, реакция людей на сложную, ломающую судьбы, психологию и традиции политико-социальную реальность императорской системы. Поскольку существование оформленной, характерной для свободного общества оппозиции было невозможно в условиях Римской империи I в. н.э., речь может идти именно о диссидентских

---

[32] Такие имена, как Кайбон, Амн, Кокон, Акридион, Демарет, по всей видимости, были типично делосскими, поскольку встречаются только на этом острове (A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. P.M. Fraser, E. Matthews. V. I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxf., 1987. P. 24, 125, 242, 280).

[1] *Dill S.* Roman Society from Nero to Marc Aurelius. L., 1925; *Hammond M.* The Augustan Principate. Cambr., 1933; *Klein R.* Principat und Freiheit // Wege der Forschung. 135. Darmstadt, 1969; *Premerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. B., 1937; *Syme R.* Roman Revolution. Oxf., 1939; *Béranger J.* Recherches sur l'aspect idéologique du principat. Bâle, 1953; *Wickert L.* Princeps (civitatis) // RE. 22. Stuttgart, 1954. Sp. 1998–2296; *Bauman R.* Impietas in principem. München, 1974.

[2] *Garnsey P., Saller R.* The Roman Empire. L., 1987; *Millar F.* The Emperor in the Roman World. L., 1977; *Raatflaub K., Toher M.* Between Republic and the Empire: Interpretation of Augustus and his Principate. Berkeley, 1990; *Talbert R.J.R.* The Senate in Imperial Rome. Princeton, 1984.

проявлениях, широкий спектр которых (от слабо заметного дистанцирования от режима до прямого заговора и военного путча) и прослеживает автор монографии.

Изучение темы нероновского принципата невозможно без рассмотрения двух принципиальных проблем – проблемы Тацита и проблемы Нерона. В новейшей западной историографии наблюдается сильная тенденция к переосмыслению традиционного образа Нерона и соответственно к недоверию основным источникам, прежде всего Тациту, а также Светонию и Диону Кассию[3]. Своеобразная "реабилитация" Нерона началась еще в прошлом веке работой Г. Шиллера, а затем, уже в начале XX в., работой Б. Хендерсона[4]. Если, однако, в первых работах делались достаточно умеренные заключения, связанные прежде всего с опровержением наиболее крайних сведений об императоре (поджог Рима, сведения о распущенности и сверхжестокости и т.п.), и перенесением части вины на его окружение (Агриппину, Бурра и Сенеку, Поппею Сабину, Тигеллина и др.), то более поздние исследователи пошли гораздо дальше.

Так, например, Р. Роджерс пытается опровергнуть главное обвинение против Нерона, указывая, что его террор и все репрессии были ответной реакцией на заговоры или их попытки[5]. Другие пытаются показать императора смелым реформатором, который стремился к эллинизации римского быта и соответственно к радикальному преобразованию римских нравов. Наконец, имеются и совсем курьезные попытки представить Нерона как... верующего христианина[6].

Все эти и многие другие проблемы рассмотрены в фундаментальной монографии американского исследователя из Йельского университета Василия Рудича. Монография состоит из введения, шести глав и заключения, а также обширных примечаний к главам, в которых содержится обзор литературы и анализ ряда конкретных проблем римской истории 50–60-х годов I в. н.э. Уже в предисловии автор определяет основные методологические позиции работы, подтверждаемые всем ее последующим содержанием. Так, он заявляет, что тема Нерона вовсе не является главной для него и основным сюжетом монографии должна стать проблема диссидентов и диссидентства при императорском режиме. Крайне интересен вывод автора о том, что в Риме того времени отсутствовало понятие оппозиции в современном смысле слова, поскольку оппозиция предполагает наличие определенной правовой базы и организации, а также возможность более или менее беспрепятственно выражать свои взгляды, чего не было и не могло быть в Риме нероновского времени. Заменой оппозиции стал весьма широкий спектр различных, чаще всего завуалированных форм проявления несогласия с правящим режимом, зачастую вовсе не оппозиционных по сути, но несущих на себе отпечаток сложного понятия "инакомыслие". Рудич справедливо отмечает, что политический словарь Рима того времени не знал понятия, обозначающего оппозицию, а термины dissidere и dissentire выражают различие мнений (с. 246). Диссидентство, по мнению автора, это феномен, который можно оценить только при высоком уровне культуры, и потому, по крайней мере, в античном обществе, это отношение к власти было присуще представителям высших и образованных слоев.

Переходя к проблеме Нерона и Тацита, Рудич подчеркивает свое доверие к традиции, что, на наш взгляд, может быть единственным приемлемым подходом. В отношении к Тациту основополагающим он считает фундаментальный труд Р. Сайма[7], а Светоний и Сенека, по его мнению, в целом не расходятся с версиями основного источника. Несколько труднее принять его вывод об альтернативности позиции Диона Кассия (с. XIII), поскольку, на наш взгляд, если не считать прямых ошибок этого источника, степень корреляции с традицией Тацита здесь весьма велика. Из этой позиции следует и полное согласие автора с традиционным образом Нерона, итогом правления которого стала национальная катастрофа 69 г. н.э., что было крахом не только конкретного режима, но и всей системы правления Юлиев – Клавдиев, которое по большому счету было властью произвола (с. XIV).

Во введении, озаглавленном "Век притворства"[8], Рудич дает общую характеристику системы принципата и реакции на нее высших слоев в Империи. В споре между исследователями о природе принципата Августа автор книги примыкает к той части историков, которая считает принципат фактически монархией с сохранением республиканских институтов, превратившихся, однако, в каналы личной власти (с. XVII).

---

[3] В ряде случаев делается попытка противопоставить данные этих авторов Тациту, однако сведения их и негативное отношение к Нерону настолько сходны, что эти мнения не выдерживают проверки фактами.

[4] *Henderson B.* The Life and Principate of the Emperor Nero. L., 1903.

[5] *Rogers R.S.* Tacitean Account of a Neronian Trial // TAPA. 1952. 83; *idem.* Heirs and Rivals to Nero // TAPA. 1955. 86; *idem.* Freedom of Speech in the Empire under Nero // *Gyles M.F., Davis E.V.* (ed.) *Laudatoris temporis acti.* Studies in Memory of W.E. Caldwell. Chapel Hill, 1964.

[6] *Pichon J.C.* Néron et le mystère des origines chrétiennes. P., 1971.

[7] *Syme R.* Tacitus. V. I–II. Oxf., 1958.

[8] Слово "притворство" выбрано нами как лучший, но вовсе не адекватный перевод английского dissimulation и тем более латинского dissimulatio, обозначавшего "сокрытие того, что есть" в отличие от simulatio: "представление того, чего на самом деле нет". См. *Sall.* Cat. 5.

В качестве доказательства своего тезиса автор указывает на полный контроль принцепса над сенатом, падение роли сената в дипломатии, контроль императора за выборами, рост имперской бюрократии, доминирование императора над законом, наследование власти и, естественно, полный контроль принцепса над силовыми структурами (с. 248–256). На наш взгляд, ситуация с Августом и даже его ближайшими преемниками оказывается несколько сложнее. Республиканизм или квазиреспубликанизм системы Августа заметен в ряде других, не менее важных факторов: это и правовое оформление власти правителя, и экстралегальность его реального положения; и гибкость его сенатской политики и управление через сенат, лишь постепенно заменяемый в этом качестве внесенатским аппаратом; и широкое привлечение к управлению старой сенатской аристократии; и положение Рима и Италии, осторожная провинциальная политика, и, наконец, консервативная идеология принципата, представляющая его как продолжение и восстановление республики. Более справедливым было бы считать принципат Августа и в меньшей степени режим Юлиев–Клавдиев переходным этапом, когда новая власть еще внедрялась в старые структуры, осуществляя не только их ломку, но и взаимодействуя с ними. А фиаско императоров из династии Юлиев–Клавдиев во многом объясняется их неспособностью проводить необходимую для того времени гибкую политику.

Не вызывает возражений другой важный вывод Рудича. Императорское общество страдало от создавшейся двойственности и вызванного ею кризиса ценностей, когда новая ситуация вступала в противоречие с mos maiorum, а правление Нерона вело к полному коллапсу старинного идеала (с. XIX). Являясь формально высшим органом власти, сенат все более отстранялся от политики. Все это порождало психологический разрыв, выраженный понятием dissimulatio (с. XXII). Индивидуальная dissimulatio и традиционная existimatio диктовали противоречивые требования к одним и тем же людям, вызывая у них моральный надлом, ставший основой выражавшегося по-разному диссидентства, характерного, прежде всего, для верхов общества.

Глава I "Годы ожидания" охватывает период с 54 по 58 г. н.э., известный как знаменитое "нероновское пятилетие", эпоха реального правления Бурра и Сенеки и эра либерализма. Детально рассматривая события этого времени, Рудич рисует принципиально иную картину. Приход Нерона к власти действительно приветствовался как приход "золотого века" и восстановление августовского конституционализма (с. 5), что дало определенный эффект, однако уже с самого начала правления Нерона его режим обнаружил свой репрессивный характер, обрушившись на так называемых "династических диссидентов", т.е. лиц, которые самим фактом происхождения были связаны с правящей семьей и тем самым представляли реальную либо мнимую опасность для императора (М. Юний Силан и особенно Британник). Отравление Британника и стало первой демонстрацией истинного лица нероновского принципата (с. 9).

Уделяя большое внимание Бурру и особенно Сенеке, Рудич ставит вопрос о том, было ли их правление реальным и проводили ли они сколь-нибудь значимые реформы. Автор считает, что "картина процветания под властью солдата, философа и правителя не выдерживает критики" (с. 11), а целью Бурра и Сенеки, как и любых других царедворцев, было собственное утверждение у власти, причем с помощью весьма традиционных методов придворной интриги. Как и для других, для Сенеки dissimulatio стала доминирующей чертой (с. 13). Автор даже считает, что рассуждения Сенеки мало действовали на правителя, однако отметим, что некоторое смягчение террора происходит именно в этот период.

Важным эпизодом первых лет правления стал процесс Суиллия Руфа, который стал для современников символом борьбы с негативными проявлениями правления Клавдия (с. 26). Наконец, глава завершается первым выступлением Тразеи Пета, образ которого проходит через весь труд Рудича, который считает, что, отдавая дань стоицизму, легализму и mos maiorum, Тразея Пет не был сторонником ни одного из этих течений. Его оппозиция носила по преимуществу моральный характер. Не имея возможности открыто критиковать положение дел, Тразея Пет показывал пример человеческого, морального противостояния системе, следуя своего рода "теории малых дел" (с. 33), т.е. возможного совершения добра в условиях режима, не дающего делать большое благо. Именно это моральное противостояние Нерону и было одним из самых мужественных и достойных способов борьбы.

Глава II "Годы разочарования" посвящена времени, когда "благие надежды", связанные с Нероном, окончательно рухнули. Центральными эпизодами главы, охватывающей 58–62 гг., стали убийство Агриппины, устройство новых игр "Нероний", отстранение от власти Бурра и Сенеки и, наконец, смерть Октавии. Ранее Рудич касался вопроса о возможности заговора Агриппины против Нерона и пришел к негативному выводу (с. 18, 263). В том, что касается убийства императрицы, автор считает, что тацитовский рассказ в основе своей не может быть оспорен, как это делают некоторые современные исследователи[9]. Рудич также не разделяет основанные на тексте Диона Кассия (61. 12, 1) мнения о том, что инициаторами убийства были Бурр и Сенека; более того, он считает, что оба против своей воли были вынуждены примириться с действиями Нерона, проявив свой оппортунизм и беспомощность, а это в свою очередь не способствовало

[9] *Dawson A.* Whatever Happened to Lady Agrippina // CJ. 1969. 64.

росту их авторитета (с. 36 сл.). Автор указывает, что реакция на убийство оказалась на удивление благоприятной для императора (с. 40), чему, на наш взгляд, способствовали атмосфера страха и присущая авторитарной системе тенденция публично одобрять все действия правителя. Представляется вместе с тем, что многие исследователи, в том числе и сам Рудич, недооценивают урона, который убийство Агриппины нанесло общественному имиджу Нерона: теперь его репутация была безнадежно испорчена, а общество рано или поздно должно было вступить в конфликт с императором-матереубийцей даже независимо от того, как оно относилось к убитой.

Рудич справедливо отмечает, что именно в это время складывается достаточно популярная в массах своеобразная "артистическая тирания" Нерона. Секрет этой популярности крылся, вероятно, в том, что образ императора-актера воспринимался знатью как оскорбление традиционных римских ценностей, в то время как плебс, достаточно чуждый этим идеологическим установкам, воспринимал глумление императора с явной симпатией, а выступающий перед народом Нерон эксплуатировал популистскую идею единства с массами (с. 40 сл., 272). "Артистическая тирания" импонировала и некоторым представителям верхушки из числа pauci et validi, но, естественно, вызывала протест большинства, приверженного традициям mos maiorum. Артистическая "реформа" Нерона завершилась крахом, и римляне традиционного воспитания не приняли ее, тем более что многие сенаторы и всадники должны были (зачастую против своей роли) участвовать в зрелищах и состязаниях. Вместе с тем Рудич отказывает Нерону в попытке принципиальной реформы, считая, что этот император вообще не мог проводить целенаправленную политику и его действия скорее можно считать иррациональным капризом.

Симптомами нарастающей напряженности были дело рабов Педания Секунда и восстание Боудикки в Британии. В первом случае инициаторами экзекуции как раз выступили multi bonique во главе со старым правоведом "легалистом" Г. Кассием Лонгином, не упустившим шанса высказать свое недовольство, не рискуя попасть в опалу (с. 49, 50). В целом Рудич выявляет еще один аспект антирабской политики сената – намерение сравнительно безнаказанно выступить против императоров, проводивших более либеральную линию в отношении, прежде всего, их собственных рабов и отпущенников. Восстание Боудикки было провинциальным движением, вызванным спонтанным сопротивлением недавнему завоеванию (с. 274).

Особое внимание Рудич уделяет первому при Нероне процессу об оскорблении величия, делу Антистия Созиана, обвиненного за famosi libelli, направленные против Нерона. С Антистием Созианом автор вводит тему литературного диссиденства, в связи с которым дается крайне интересный обзор творчества А. Персия Флакка (с. 62), единственного поэта, который из-за ранней кончины сумел избежать преследования. Детальному анализу подвергнуты фигура самого Антистия Созиана и личности доносчиков, Коссуциана Капитона и А. Фабриция Вейентона (с. 277–279), а также выступление Тразеи Пета, смягчившее судьбу подсудимого.

Смерть Бурра, в насильственном характере которой Рудич практически не сомневается, оказалась важной вехой в жизни общества и привела к приходу Тигеллина на пост префекта претория и к отставке Сенеки, принятой Нероном с изрядной долей dissimulatio. Сравнивая Бурра и Тигеллина, автор указывает, что человек, думавший об интересах civitas и знавший известные пределы для компромисса, был заменен оппортунистом и карьеристом, готовым на все ради собственного возвышения[10]. Впрочем, по мнению Рудича, отстранение Бурра и Сенеки было неизбежно в любом случае. Со сменой окружения Нерон начинает избавляться от диссидентов, прежде всего династических. Первыми жертвами стали Корнелий Сулла, Рубеллий Плавт и Октавия.

Глава III "Годы действия" в основном посвящена заговору Пизона 65 г. как крупнейшему столкновению диссидентских кругов и нероновского режима. Усиление террора и пожар Рима в 64 г. приводят к этому "последнему акту диссидентского отчаяния" (с. 87). Хотя Тацит имел хорошую информацию о заговоре, его рассказ не свободен от загадок и противоречий. Рудич видит ряд сходных черт между планом убийства Нерона и убийством Калигулы, а момент созревания заговора относит ко времени Великого Пожара (с. 87, 285; cf. Tac. Ann. 15.50). По мнению автора, заговорщики учли опыт 41 г. и не ставили перед собой цели возрождения Республики. Никто из них не стремился к продолжению реформ, замысленных ранее Сенекой, и, наконец, никто из заговорщиков не находился в непосредственной опасности (с. 87 сл.). Заговор не обнаруживал и черт оппозиции, в нем не было ни одного "династического" диссидента, многие участники его были друзьями Нерона. Не видит автор и стоических мотивов, и вообще, по его мнению, стоицизм I в. н.э. не был антимонархическим течением (с чем, конечно, трудно согласиться). В целом делается вывод о том, что мотивы участников заговора были весьма сложны и противоречивы, не будучи связанными ни с философскими воззрениями, ни с этическими принципами.

---

[10] Даже признавая известную справедливость мнения Т. Ропера (*Roper T.R.* Seneca and Tigellinus // Historia. 1979. 28.) о том, что на определенном этапе Сенека мог оказать помощь Тигеллину, Рудич считает, что это не улучшало положения Сенеки, поскольку люди типа Тигеллина были чужды благодарности.

Нам, однако, представляется, что, несмотря на крайне сложную и запутанную ситуацию, слабую связь заговорщиков между собой и незначительную роль идеологии в заговоре, Латерана или Лукана все же можно считать республиканцами и здесь мнение Рудича нуждается в некоторой корректировке.

Значительная часть главы посвящена основным участникам заговора. Сам Пизон был спорной фигурой даже для своего окружения, и его выбор не совсем ясен. Детально исследуя генеалогию Пизона, Рудич не находит веских оснований считать Пизона "династическим" диссидентом. У Пизона, по мнению автора, не было ярко выраженных политических мотивов, и главным оказывался элементарный страх. Крайне интересны замечание о Пизоне как потомке Гнея Помпея[11] и небольшой экскурс о том, что большинство потомков Помпея оказались при принципате в положении заговорщиков или жертв режима (с. 286). Нам представляется, что выбор заговорщиков пал на Пизона не случайно, а потому, что он был самым знатным из участников coniuratio. Как показывает поведение противника Германика Гн. Кальпурния Пизона (Tac. Ann. 11. 43), считавшего себя стоящим немногим ниже Тиберия, представители рода Пизонов вполне могли претендовать на роль "династических" диссидентов, но не в силу родства с принцепсом, а в соответствии с иерархией республиканской аристократии.

Просопографические данные используются и для биографии М. Аннея Лукана. Основные мотивы участия Лукана в заговоре Рудич видит в характере конфликта, обусловленного личным соперничеством в литературной сфере и преследованиями Нерона (с. 94–96). После раскрытия заговора поведение поэта вряд ли соответствовало mos maiorum. Автор отказывает в республиканизме и Плавтию Латерану и тем более – офицерам-преторианцам, которым в книге посвящен специальный раздел: именно их Рудич считает ведущей силой заговора.

Одним из самых интересных оказывается образ префекта претория Фения Руфа, противоречивость действий которого во многом сорвала планы заговорщиков, поскольку преторианские офицеры ориентировались именно на него. А у другого префекта привычка к dissimulatio вызвала паралич воли и своеобразную "политическую шизофрению", при которой человек перестает четко осознавать свои цели и задачи (с. 113). Вопрос о причастности Сенеки к заговору Пизона автор, опираясь на историографию, решает отрицательно.

Раскрытие заговора Пизона дало Нерону возможность расправиться с неугодными режиму людьми, большинство из которых не имели отношения к заговору. Эта тема, намеченная в III главе, наиболее полно раскрывается в IV и V главах ("Годы децимации" I, II), посвященных последним годам правления Нерона и начавшемуся тотальному террору. Первыми из жертв стали Аттик Вестин, Музоний Руф, затем Тразея Пет и Барея Соран. Рассматривая систему политического сыска в Империи, Рудич допускает возможность существования определенного штата политической полиции, которую, видимо, возглавлял префект претория Тигеллин (с. 135). 66 год открывается новыми жертвами, и в работе детально исследуется история процессов Остория Скапулы, Руфрия Криспина, М. Аннея Мелы, а также говорится об "эстете-диссиденте" Петронии Арбитре.

Неординарно, но весьма убедительно изложен процесс Бареи Сорана. Последний обычно воспринимается как соратник Тразеи Пета, однако Рудич склонен видеть в нем скорее коллаборациониста, на определенном этапе утратившего способность к dissimulatio под воздействием стоицизма и сожалений относительно своего "сикофантства".

Здесь снова появляется Тразея Пет, который, видимо, претендует на роль главного героя книги. Автор считает, что отношение Тацита к Тразее Пету было неоднозначным, а его собственная "душевная мука" была сродни переживаниям знаменитого диссидента. Тацит уделяет много внимания речам доносчиков Коссуциана Капитона и Эприя Марцелла, которые, подчеркивая республиканизм и стоицизм Тразеи, пытались представить его поведение и отход от дел как участие в заговоре и мятеже, что им вполне удалось в условиях нероновского "правосудия". Рудич отрицает республиканизм Тразеи Пета и полагает, что, хотя тот и находился под значительным стоическим влиянием, будучи к тому же стоиком по склонности и темпераменту (с. 163 сл.), нет оснований видеть в нем фанатичного приверженца стоицизма. Вместо символа, каковым его часто изображали, этот едва ли не самый колоритный диссидент эпохи Нерона предстает перед нами как живой человек с болезненной и глубокой личной реакцией на предательство древних обычаев, с желанием служить государству, быть верным друзьям и со стремлением жить согласно моральному императиву, который был сформулирован много веков спустя И. Кантом и тем не менее понятен каждому высоконравственному человеку. Репрессивный режим, считает Рудич, стремился сделать всех соучастниками своих действий, а моральный императив Тразеи Пета заключался как раз в отказе от этого соучастия, что делало формально невиновного человека оппозиционером в высшем понимании этого слова. Стремление "жить не по лжи", моральная оппозиция были содержанием отношений Тразеи Пета, virtus ipsa, по выражению Тацита, с режимом принципата. Хотя сам Тразея Пет и его главные сторонники

[11] О потомках Помпея см., например, *Grenade P.* Le mythe de Pompée et les Pompéiens sous les Césars // REA. 1950; *Mc Alindon D.* Senatorial Opposition to Claudius and Nero // AJP. 1956. 77.

пали жертвами репрессий, их дело не пропало даром, и в следующем веке террор прекратился, а сенат получил право быть партнером императора (с. 165).

Характеризуя поездку Нерона по Греции, Рудич также далек от идиллических оценок: он указывает на факты репрессий и в Греции, где в этот период происходит немало антитиранических выпадов интеллектуалов (с. 307 сл.). Само "освобождение" Греции свелось главным образом к устранению проконсульской администрации и освобождению от налогов (с. 189), что, правда, было немалым благом для подданных. Автор напоминает также, что, как и все провинции, Греция пострадала от поборов в связи с пожаром Рима, и в том числе, от реквизиций памятников искусства.

*Последняя,*VI *глава* ("*Год революции*") *посвящена свержению нероновского принципата.* Автор, конечно, далек от мысли считать диссидентское движение основной причиной этого события. Важную роль в восстании сыграл социально-экономический и финансовый крах режима, вызвавший также нарушение экономической стабильности в ряде провинций, в том числе в Галлии и Испании, которые и возглавили движение. Еще одной причиной стало то, что репрессии (особенно после виницианского заговора) затронули военную верхушку общества, которая без особого труда смогла повести армию против непопулярного правителя. Известную роль сыграли и другие события, как, например, восстание в Иудее и зарождавшееся движение галлов и германцев на Рейне. Особое внимание Рудич уделяет сложной и дискуссионной проблеме восстания Юлия Виндекса, которое было подхвачено Гальбой и Отоном в Испании, а также действиям германских легионов Вергиния Руфа. Хотя опорой Виндекса были галльские племена (прежде всего эдуи, секваны, арверны и аллоброги), автор, опираясь на ряд новых работ[12], показывает, что Виндекс, возможно и отдавая дань галльскому национализму, ставил своей целью прежде всего свержение Нерона и *уже на ранних этапах стал поддерживать Гальбу. Менее убедителен Рудич, когда сомневается в том, что* битва при Везонтионе произошла спонтанно, против воли Вергиния Руфа, само поведение которого автор объясняет параличом воли, как и у Фения Руфа (с. 215–218). Интересен также очерк деятельности наместника Африки Клодия Макра (с. 218 сл.).

Ключевым событием в падении Нерона стало выступление Гальбы, детально разобранное автором. Гальбу признали Отон и наместник Египта Тиберий Юлий Александр, причем не были исключены и контакты Гальбы с восточными армиями. Решительный удар Нерону нанес мятеж преторианцев во главе с Нимфидием Сабином, стремившимся к положению всемогущего префекта типа Сеяна и Афрания Бурра. Когда падение Нерона стало очевидным, произошла и его детронизация сенатом (Suet. Nero 47). Итогом стали бегство и смерть императора. В главе VI автор книги приводит обширный просопографический материал. Чрезвычайно интересны разделы о Виндексе, Веспасиане, Вергинии Руфе, Гальбе, Отоне, Клодии Макре, семье Пизонов, Тиберии Юлии Александре, Нимфидии Сабине (прим. к гл. VI, с. 314–327).

В заключении к работе Рудич снова возвращается к теме диссиденства. Он указывает, что период жизни двух поколений между республикой и временем Нерона был слишком мал для выработки приспособления к принципату. Стало ясно только одно – невозможность ликвидации принципата и восстановления республики. Понятие "идеология" мало что объясняет в данном случае и, по мысли автора, не вполне подходит для выражения чувств и настроений людей того времени, поскольку идеология предполагает систему взглядов и определенное постоянство в мыслях и действиях. Этого не было у сенатских диссидентов. Ни республиканизм, ни стоицизм, ни mos maiorum не были их идеологией, а непостоянная диссидентская психология была подвержена всевозможным противоречивым воздействиям. Диссиденты не могут быть квалифицированы как ряд определенных групп, разделенных по формальному признаку, существенным критерием их выделения могут быть внешние обстоятельства (так появлялись диссиденты династические, сексуальные, эстетические, "диссиденты в силу несчастного случая" и т.п.). Их отношения с властью постоянно менялись, и, хотя в них можно заметить и "легализм", и "конституционализм", и "республиканизм", *многое зависело от конкретных факторов, личного темперамента и обстоятельств* (с. 239, 242). Тем не менее диссиденты I в. "внесли вклад в гуманизацию режима II в... Их достижения составляют часть нашего наследия, и этот вечный аспект их опыта имел в виду Тразея Пет, "римский Сахаров", обращаясь со своими последними словами к императорскому офицеру, свидетелю его самоубийства: "Specta, iuvenis..." (с. 243).

Монография Рудича примечательна не только интересными и оригинальными выводами, но и огромным аналитическим и справочно-библиографическим материалом, который приведен в приложении к основному тексту работы. Есть все основания полагать, что работа американского исследователя войдет в число основных произведений о принципате. В книге намечена и некоторая дополнительная перспектива. Это, во-первых, уже практически готовая монография автора о литераторах эпохи Нерона – Сенеке, Лукане, Петронии и Персии – и, во-вторых, задуманное им исследование отношений между Римом и иудеями и христианами.

---

[12] *Kraay C.M.* The Coinage of Vindex and Galba // NC. 1949. 9; *Chilver C.E.F.* The Army in Politics A.D. 68–70 // JRS. 1957. 47; *Hainsworth J.B.* Verginius and Vindex // Historia. 1962. 11; *Sancery J.* Galba ou l'armée face au pouvoir. P., 1983.

Рецензируемая работа имеет особое значение для российского читателя: автор является представителем российской эмиграции и ранее был выпускником Ленинградского университета, а в настоящее время работает в Йельском университете, где в свое время заведовал кафедрой выдающийся русский антиковед М.И. Ростовцев. В этом смысле чрезвычайно интересны параллели, которые В. Рудич проводит между диссидентским движением в древнем Риме и диссидентским движением в СССР, что уже относится к нашему недавнему прошлому.

А.Б. Егоров

© 1995 г.

V. RUDICH. Political Dissidence under Nero: The Price of Dissimulation. London – New York: Routledge, 1993. XXXIV, 354 p.

Василий Рудич заявляет о своем намерении применить к правлению Нерона историко-психологический подход – жанр сложный, если вообще возможный. Его цель – рассмотреть условия функционирования политической жизни, проанализировав, в частности, механизмы existimatio и dissimulatio. Первый из этих терминов, связанный с mos maiorum, соответствует, как он полагает, общественному мнению, репутации (с. XXII), короче говоря, это то, что подталкивает политика вступать или нет на путь инакомыслия. Dissimulatio он определяет как некую позицию, будь то сознательную или неосознанную, призванную защитить индивида, вовлеченного в политические игры. На этой основе автор, шаг за шагом следуя за Тацитом, воссоздает хронологию правления Нерона.

Каждый эпизод политической жизни в том виде, как он изложен Тацитом, включается в эту заданную a priori интерпретацию. Опасность такого подхода очевидна. Автор зачастую накладывает на события политической жизни Рима современные понятия, а то и концепции, не проводя по-настоящему ни исторического, ни даже психологического анализа. То, что таким образом он вправе определять Агриппину как инакомыслящую, исходя при этом из понимания диссидентства "в очевидном смысле отвращения к правящему режиму" (с. 17), следовало бы доказать. Чтó нового привносит в наши знания о правлении Нерона утверждение, что Лукан писал "самиздат" (с. 94) или что Тразея Пет был движим "кантовским категорическим императивом" (с. 165), либо был "римским Сахаровым" (с. 243), коль скоро эти сравнения остаются не аргументированными? Автор не отказывает себе в удовольствии продемонстрировать свое владение английским языком и постоянно играет созвучиями "dissidence" и "dissimulatio", "ambivalence" и "ambiguity" не без ущерба желаемой глубине его теорий.

Это тем более досадно, что в заключении мы обнаруживаем краткий перечень категорий диссидентов, появлявшихся по ходу изложения в книге, и это резюме стоило бы развить (с. 240). "Династические диссиденты", оказывавшиеся в положении инакомыслящих в силу своих связей с императорской фамилией, вовсе не столь ускользающе неопределенны, как это утверждает Рудич. Куда больше сомнений вызывает выделение категории "сексуальных диссидентов", поскольку всегда необходимо различать пункты обвинения и реальность инкриминируемых поступков. Наконец, категория "диссидентов невзначай" заслуживала бы того, чтобы на ней задержаться. Итак, метод Рудича оказывается ослабленным из-за недостаточной глубины анализа, происходящей от склонности к блеску и форме. Решение давать источники только в переводе, а иногда даже лишь в пересказе подчеркивает эту поверхность. Мы нигде не найдем сводки употреблений слова dissimulatio у латинских авторов, а тем более – анализа смыслов этого слова. Просопография представлена в самом сжатом виде, без попыток ее обновления. К тому же оформление научного аппарата (на каждую главу приходится одно-единственное примечание, где в произвольном порядке приводятся точки зрения разных исследователей и соответствующие сноски) вызывает по меньшей мере удивление: чтобы найти ссылки на тот или иной источник в связи с упоминаемым в тексте персонажем, необходимо обращаться к указателю.

В целом эта книга, которая читается легко, вызывает интерес, поскольку предлагает ключ к объяснению политической жизни – скрытность, притворство; но, с другой стороны, потребность вместить в эту картину все заставляет автора пережимать и предлагать скорее философское эссе, чем историко-психологическое исследование, посвященное эпохе, богатой перекличками с современностью.

И. Кожитор

© 1995 г.

J. PELIKAN. Christianity and Classical Culture: The Metamorphosis of Natural Theology. New Haven — London: Yale University Press, 1993. XVI, 368 p.

Новая книга Я. Пеликана, известного специалиста по истории христианства, представляет собой очевидное событие в истории изучения сложной проблемы взаимодействия христианства и классической культуры в трудах ученых и богословов, писавших на переломе античности и средневековья. Я. Пеликан — выдающийся авторитет в вопросах истории христианства, президент Американской Академии наук и искусств и автор многих книг по самым различным темам, таких, как «Иисус сквозь века», «Реабилитация Предания»[1], пятитомного труда «Христианское Предание» и многих других. Настоящая книга представляет собою публикацию серии лекций (так называемые Gifford Lectures), прочитанных на тему «Естественное богословие» в Абердинском университете в 1992—1993 годах. До известной степени эту книгу можно рассматривать как продолжение и развитие исследований по восточному христианству, начатых автором еще в 60-е годы под руководством о. Георгия Флоровского. Книга задумана как синтетический очерк «инкультурации» христианства, данный через призму естественного богословия (natural theology)[2] у великих святителей и богословов «Золотого века» патристики, четырех каппадокийцев Григория Богослова, Василия Великого, Григория Нисского и св. Макрины. Строго говоря, сам вопрос ставится шире: о способах и формах присутствия классической культуры античного мира в христианском самосознании IV в. А коли великие каппадокийцы и были в определенной степени творцами этого самосознания, то их пример как нельзя более показателен. Надо оговориться (и автор делает это сразу же на с. IX), что эта проблема, правда в более общем смысле, становилась предметом отдельных книг Ч. Кошрэна (1944) и А.Д. Нока (1972).

Гиффордовские лекции Я. Пеликана ставят проблему в двух аспектах, которым соответствуют две части книги — «Естественное богословие как апологетика» и «Естественное богословие как базовая концепция (presupposition)». В программной для всей первой части второй главе автор проводит различение между исторически конкретными формами, которыми пользовалось богословие каппадокийцев, уже применявшимися в дохристианское время (слова типа ναός, ἱερεύς, μυστήριον), и христианским содержанием, полностью меняющим саму суть предмета (с. 23). Более того, каппадокийцы специально разрабатывали богословскую терминологию, используя философские и религиозные термины, бытовавшие до этого среди язычников (такие, как ὑπόστασις, πανηγυρίζειν, ἑορτάζειν). В этой своей деятельности они противостояли императору Юлиану, что выразилось в двух речах «Против Юлиана» св. Григория Богослова и в небольшом, но важном сочинении св. Василия Великого «К юношам о пользе чтения греческих книг». Оба названных богослова в 50-е годы учились вместе с Юлианом в Афинах риторике, и именно риторика, бывшая своеобразным культурным кодом эпохи, стала de facto оспариваема у христиан после знаменитого «школьного закона». Император — и шире — образованные язычники-реформаторы, стремившиеся отождествить формально-языковое и религиозное значение слов Ἕλλην, ἑλληνικός, были первыми адресатами критики каппадокийцев. С другой стороны, как справедливо отмечает Я. Пеликан (с. 25), неправильное, «технологическое» использование достижений эллинской науки и культуры еретическими оппонентами никейской ортодоксии, такими, как Евномий и Аэтий, делало их вторыми адресатами апологетической критики каппадокийских отцов. Как заметил Григорий Богослов в IV речи, для христиан важна была не λόγων κομψεία, а γνῶσις τῆς ἀληθείας, т.е. единство внутреннего содержания. Тот же писатель определил веру как τοῦ καθ' ἡμᾶς λόγου πλήρωσις. Именно эта ориентация каппадокийцев на «правильное» использование достижений античной мысли и культуры и объясняет равную полемико-апологетическую активность «в обоих направлениях». Далее в первой части Я. Пеликан рассматривает несколько магистральных тем богословской мысли каппадокийцев, таких, как апофатический метод (с. 40—56), гносеология и богопознание (с. 57—79), понятие единства и множественности (с. 74—89), космология (с. 90—106), соотношение пространства, времени и Божества (с. 107—119), образ Божий (с. 120—135), благость как основной атрибут Божества (с. 136—151) и телеолого-эсхатологические вопросы (с. 152—161).

Апофатический метод в том виде, в каком его применяли каппадокийцы, и названный автором «одним из наиболее существенных показателей традиции и инновации» (с. 40), характеризуется им же как «камень

[1] *Pelikan J.* Jesus Through the Centuries. New Haven-London, 1985; *idem:* The Vindication of the Tradition. New Haven-London, 1984.

[2] Традиционно естественное богословие понимается как сумма представлений о Боге, человеке и мире, связующая христианскую традицию с культурным «эллинизмом», некоторая общая философско-богословская линия, противопоставлявшаяся в философской традиции античности культовой практике и священным повествованиям, т.е. как неязыческая амальгама достойных уважения представлений.

в огород всей традиции греческого интеллектуализма». Естественное богословие есть прежде всего богословие апофатическое, ибо имеет конечным предметом неатрибутируемую реальность Божества. В своих письмах Василий писал: «Наша мысль слаба, но наш язык еще слабее» (см. также Ep. 7, с. 42), т.е. словами даже невозможно адекватно выразить концепции ума. Однако такое настояние каппадокийцев на апофатике, которое кажется даже требованием «библизма» в богословской терминологии, на взгляд автора, есть лишь предупредительная мера, ибо именно каппадокийские отцы выступили за употребление нового термина ὁμοούσιος. Таким образом, апофатизм служит как бы средством против сомнительных спекуляций относительно богословской терминологии, делающих понятие ὀρθοδοξία лишь учением о правильных словах, а не о правильной вере. В начале второй части Я. Пеликан справедливо оговаривается, что на знамени этой важной для «синтеза греко-римской философии и христианской мысли» эпохи были начертаны в первую очередь не имена каппадокийцев, а имена трех византийских императоров — Константина, Юлиана и Феодосия. Христианский нейтралитет первого, воинствующее антихристианство второго и ориентация на христианское царство (Christianisierte Imperium Romanum по выражению Г. Острогорского) третьего определили перипетии культурно-политической истории IV в. Автор отмечает, что расцвет богословия в IV в. был не только усвоением и переработкой способов и форм естественного богословия, но и борьбой с неправильной, некорректной практикой его употребления.

Я. Пеликан пишет, что император Юлиан, ограничивая круг преподавателей только язычниками в строгом смысле слова, сам того не желая, играл на руку определенной ригористической тенденции каппадокийцев, иначе говоря, противопоставлению христианской и греческой (ἑλληνική) культур (παιδεία), Афин и Константинополя. Впрочем, известная позиция св. Василия служит здесь коррелятом: в этом мире христианам необходим дорожный запас, фураж (ἐφόδια), который включает и античную классическую литературу (с. 176). Как отмечает Я. Пеликан, часто именно те мыслители, которые впадали в ересь из-за чрезмерного увлечения философскими концепциями античности, вроде Евномия, становились обвинителями каппадокийцев в излишней эллинизованности (с. 179). Ἡ ἔξωθεν φιλοσοφία, которая и была основным камнем преткновения в этих спорах, рассматривалась и самими каппадокийцами как тонкий и опасный инструмент, который может завести такие увлекающиеся и податливые натуры как Евномий в болото ереси.

Новые и оригинальные обертоны и смыслы понятия «философия» были открыты во многом благодаря рефлексированию антиномической структуры самого понятия. Последовательно применяя апофатический метод для начертания идеала истинного мудреца, св. Григорий фактически сближает христианский идеал аскетизма и философский идеал бесстрастия (ἀπάθεια), подводя уже тем самым к классическому византийскому пониманию φιλοσοφία как монашеского делания (с. 181). Кроме того, как отмечает автор, немалая заслуга каппадокийцев была и в том, что φιλοσοφία стала фактически синонимом богословия, причем именно в смысле православного, догматического спекулятивного богословия (с. 182). Возникающему в связи с этим соображением вопросу, что же стало с философией в традиционном смысле «классической», «профанной», т.е. «естественным богословием», и посвящены остальные главы второй части.

Я. Пеликан говорит о том, что сложные вопросы естественного богословия, затронутые в антиязыческой апологетике, нашли выразителей в различных оппозиционных (вариантных, по терминологии А.Н. Уайтхеда) системах: вариантных школах языческой философии, вариантных направлениях христианских ересей, вариантных эмфазах того, что в целом относится к Православию (Christian orthodoxy). Автор выделяет две особенно важные импликации или два «фундаментальных представления» (ὑπολήψεις), укорененных в естественном богословии: осознание современной историографией времени каппадокийцев как точки отсчета, контрапункта истории христианства, и осознание того, что Коперникова революция (и ergo современная научная «картина мира») в этих фундаментальных представлениях (о Божественной трансцедентности, бессмертии человеческой души и телеологии космоса) противостоит христианской точке зрения как каппадокийцев, так и христианского богословия XIX—XX вв. (с. 185). Разумеется, сами каппадокийцы критиковали (и порой весьма резко) неверные выводы, которые можно сделать из правильных предпосылок естественного богословия и которые делались еретиками. Такие предпосылки, как учение о бессмертии души, признание тварности мира (учение о димиургии), учение о благости Божией, могли дать неверные с точки зрения Православия выводы о переселении душ, о материальности Божественной природы, предсуществовании и со-вечности материи Богу и учение о предопределении (ἀνάγκη τῆς εἱμαρμένης).

Для каппадокийцев никейская ортодоксия была богословской системой, согласной с предпосылками естественного богословия и одновременно базирующая на Откровении (явном или явленном богословии, revealed theology). А уже ἄνωθεν γνῶσις, т.е. Откровение, подправляет, дополняет и проясняет естественное богословие. Таким образом, с помощью этих концепций и концепций о концепциях (presuppositions about presuppositions) каппадокийцы подходили не только к решению апологетических задач в отношении античной культуры, но и догматических задач в отношении Церкви (с. 198).

К заслугам автора книги следует причислить и то внимание, которое он уделяет единству мысли всех

четырех каппадокийцев. В этом ряду особенное отношение к образу мыслей св. Макрины, «четвертого каппадокийца», важно и необходимо.

В целом книга Я. Пеликана производит очень благоприятное впечатление. Ясное живое изложение, удобная система ссылок, оформленных как маргиналии, делают чтение легким и придают вес изложенному. Библиография, отличающаяся замечательной полнотой, включает 356 названий, также имеется Index locorum, общий указатель и краткий толковый словарь терминов. Книга написана с изначальным расчетом на широкий круг читателей, интересующихся историей христианского богословия, историей Византии и вообще историей культуры, но, строго говоря, она не является популярной в нашем понимании этого слова. Книга равно интересна и для богослова, и для историка, однако для адекватного понимания текста Я. Пеликана, для того, чтобы находиться на уровне его исследования, надобно быть специалистом. В связи с вышеизложенным нам представляется, что некоторые правила внешнего оформления, обязательные в популярном издании, не являются во всем необходимыми. Транслитерация греческого текста латинскими буквами, согласно правилам Эразмова произношения (которое едва ли практиковали сами каппадокийцы и которое не исповедовал, кстати, о. Георгий Флоровский), вполне могла быть заменена стандартным греческим текстом, тем более что именно в транслитерации попадаются отдельные опечатки.

Пожалуй, можно выразить сожаление, что в книге уделено мало места Оригену, его ученикам, в частности Григорию Неокесарийскому, и противникам, таким как св. Мефодий Олимпийский. Как известно, каппадокийцы много и внимательно изучали Оригена, а св. Григорий Нисский обнаруживает даже определенную к нему близость. Именно Ориген стал активно вводить понятия и определения из античной философии в лексикон христианского богословия. И именно Оригена впоследствии обвиняли в «острейшей эллинизации христианства», которая привела его к учению о метемпсихозе и апокатастасисе.

Проблема, вынесенная в заглавие Гиффордовских лекций Я. Пеликана, освещается автором в достаточно полной мере, и задачу показа соотношений между классической античной культурой и христианством в формативный период автор выполнил. Разумеется, за пределами общего рассмотрения остались некоторые частные вопросы, но, наверное, им скорее место в специальных статьях и монографиях. Отрадно, что такая важная проблема, как естественное богословие, получила в работе Я. Пеликана такое глубокое и по-настоящему ученое освещение.

А.В. Муравьев

© 1995 г.

РОССИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ РИМСКОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

(30 мая – 1 июня 1994 г., Москва)

С 30 мая по 1 июня 1994 г. в Москве по инициативе Группы по изучению распространения римского права (Италия) и Российской ассоциации антиковедов, под председательством соответственно проф. П. Каталано и президента ассоциации Е.С. Голубцовой проходил Российско-латинский коллоквиум по истории римского публичного права. Его подготовку и проведение координировали проф. Дж. Лобрано и Л.Л. Кофанов. В работе коллоквиума участвовали ученые из различных регионов России, Италии и стран Латинской Америки. Общая тема коллоквиума – "Трибунат и конституции" – включала в себя три подтемы: "Смешанная конституция"; "Трибунат"; «Принципат и "перманентная юридическая революция"».

Утреннее заседание 30 мая открыл доклад *П. Каталано* (Рим) "Разделение власти и народная власть". Докладчик отметил, что тема данного коллоквиума уже с 1973 г. разрабатывается возглавляемой им исследовательской группой в рамках общей проблемы "революционных институтов". Тема трибуната тесно связана со смешанной конституцией. Античная теория смешанной конституции недооценивала трибунат точно так же, как и современные теории буржуазной демократии, провозглашающие принцип разделения властей. И наоборот, в революционной традиции, от Руссо до якобинцев, придавалось большое значение трибунату как "негативной власти". Со сходных позиций, делая акцент на революционном потенциале трибунской власти императоров, можно рассматривать и тему принципата.

И.Л. Маяк (Москва) в докладе «Источниковедческие заметки к трактату Цицерона "De re publica"» обратилась к идеям Цицерона о том, что прочность государства достигается взаимодействием различных видов власти, а также о том, что в Риме, в отличие от Греции, государство создавалось не отдельными лицами, а многими поколениями людей. Цицерон аргументировал это изложением римской истории начиная с Ромула, оперируя уже по отношению к этой эпохе термином "государство". Он использует для обозначения государства слова res publica и civitas, которые у него взаимозаменяемы. Последний термин античные греки переводили как "полис", обозначавший у них и город, и гражданскую общину (отсюда современное определение полиса как города-государства). Но в латинских текстах civitas, как правило, отождествляется с гражданской общиной и даже более примитивными общинными образованиями. Цицерон не усматривал между ними разницы, отсюда – заметная у него некоторая модернизация архаического Рима. В частности, это выражается в оценке плебса: противопоставляя плебеев "отцам", он понимает первых как незнатную часть народа, что было свойственно более поздней эпохе. У Дионисия плебеи почти равнозначны греческим демотам – гражданам, имевшим право на землю. В таком значении плебс фигурирует и у Цицерона. По мнению докладчика, нельзя забывать о необходимости осторожного отношения к сообщениям Цицерона об архаическом Риме, тем более что его авторитет оказал огромное влияние на всю последующую античную историографию, в частности при трактовке значения термина "плебс".

В докладе *В.Н. Токмакова* (Москва) "Некоторые аспекты консульской власти в конституции Рима V в. до н.э." была подчеркнута двойственность положения коллегии преторов-консулов между сенатом и военной организацией. В V в. до н.э. сенат противился введению их прерогатив в правовые рамки, стремясь превратить их в орудие своего господства. После второй сецессии плебеев, с заменой военных вождей-преторов на коллегию консулов, отношения последних с populus и сенатом приобрели конституционные черты. В итоге докладчик отметил, что высшая магистратура, несмотря на ограничение своих прерогатив и компетенции, вышла за узковоенные рамки и трансформировалась в общегражданскую должность.

В докладе *А.М. Сморчкова* (Москва) "Проблема взаимоотношения сакральной и политической власти в Риме V–IV вв. до н.э." рассматривалась роль жреческих коллегий (прежде всего понтификов) в римской политической системе. Опираясь на анализ конкретных политических событий, а также исследуя характер полномочий понтификов, докладчик пришел к выводу, что политическое значение сакральных институтов в Риме рассматриваемой эпохи было невелико и жреческие коллегии никогда не были сколько-нибудь самостоятельной политической силой, противостоящей другим социальным группам.

О.В. Сидорович (Москва) в своем докладе "Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме" отметила, что теорию смешанного государственного устройства, окончательно оформившуюся в сочинении Полибия, Цицерон применил для рассмотрения истории развития римской конституции. При этом важное место, по словам докладчика, оказалось отведенным децемвирату, который, оттеснив от власти военных командиров (преторов) и расширив социальную базу режима, обеспечил дальнейшее развитие римской civitas в форме аристократической республики.

Вечернее заседание по теме "Трибунат" началось докладом *Дж. Лобрано* (Сассари) "Равновесие властей и трибунат: два средства защиты свободы от власти", где он изложил свою концепцию истории развития политической идеи "трибуната" в европейской общественной мысли от Руссо до Моммзена. По мнению докладчика, институт разделения властей отнюдь не гарантирует свободы народа и не ограждает его от злоупотреблений государственной власти, что видно на примере английского конституционного парламентаризма. В то же время современная теория разделения властей совершенно не учитывает рассматриваемый Руссо и Монтескье инструмент запретительной власти – плебейский трибунат. Дж. Лобрано в своем докладе проследил, как постепенно "негативная власть" Фихте, "трибунат" Руссо и "право воспрепятствования" Монтескье вымывались из институционной модели XIX в. Немецкая историко-юридическая наука исходила из сознательного устранения идеи трибуната. В конечном итоге у Моммзена трибунат вовсе теряет свой негативный, запретительный характер, превращясь в магистратуру "позитивного содержания". Так трибунат Руссо у Моммзена приобрел форму, предвосхищавшую черты аристократического английского конституционализма.

К проблеме трибуната в связи с происхождением республики обратился *А. Мастрочинкве* (Тренто), рассмотревший характерные особенности такого установления, как плебейский трибунат, в контексте перипетий политической борьбы V в. до н.э., нашедших свое отражение в весьма запутанной и неоднородной анналистической традиции.

А в докладе *Л.Л. Кофанова* (Москва) "Создание трибуната": изначальная идея трибунской власти" рассматривались первоначальные функции плебейских трибунов. Согласно традиции, трибунат был создан в результате борьбы плебеев против их долгового закабаления отцами-сенаторами и потому одной из основных изначальных функций трибунов был контроль за уровнем цен на рынке, а также регулирование уровня арендной платы за землю. Докладчик пришел к выводу, что именно из функций экономического контроля трибунов за деятельностью высших магистратов и "отцов" выросли и прочие функции плебейских трибунов.

В докладе *Н.Г. Майоровой* (Москва) "Трибуны и фециальное право. К интерпретации Кавдинского эпизода" на основе анализа эпизода о поражении римлян в Кавдинском ущелье были сделаны следующие выводы: во-первых, трибуны в этот период уже не ощущали себя представителями исключительно плебеев; во-вторых, отношение плебеев и патрициев к фециальному праву как к нормам, регулировавшим международные отношения, говорит, по мнению докладчика, о размывании границ между двумя сословиями и о консолидации римлян в рамках полиса.

Ф. Сини (Сассари) посвятил свой доклад "интерпретации на тему трибунской неприкосновенности в римской юриспруденции" рассмотрению сакрально-правовых аспектов трибунской неприкосновенности. Обращаясь к данным античной традиции, докладчик подчеркнул важность правильной интерпретации имеющихся в ней сведений, в особенности настаивая на необходимости позитивного отношения к данным традиции. Весьма важны свидетельства о сакральных аспектах трибунской власти, позволяющие восстановить черты древнейшего трибуната.

На утреннем заседании 31 мая рассмотрение темы "Смешанная конституция" начал *Ю.Г. Чернышов* (Барнаул), который в своем докладе «Теория "смешанной конституции" у Цицерона и система принципата» обратил внимание на изменение общественного сознания римлян I в. до н.э., его "монархизацию". Цицерону же благодаря теории "смешанной конституции" удалось вписать в традиционную систему институтов римской civitas объективно усиливавшиеся монархические тенденции. Отсюда и принципат, по мнению докладчика, в своем идеальном выражении символизировал не установление единовластия, а лишь как бы продолжение республики с некоторым повышением роли монархического элемента.

В докладе "Римские институты в независимом Парагвае: консулат и диктатура" *О. Пасьельо* (Асунсьон) показал роль римских институтов в формировании парагвайской нации и государства, происходившем под сильным влиянием французской революции и идей "Общественного договора" Руссо. Руссоистская модель древнего Рима послужила основой для создания государственных институтов независимого Парагвая, в частности годичного и коллегиального консулата, в соответствии с республиканской конституцией 1813 г., и диктатуры, введенной в 1814 г. в качестве временной должности, а в 1816 г. ставшей постоянной. Занимавший все эти посты доктор Франсиа, основатель и идеолог независимого парагвайского государства, был ревностным последователем Руссо и вместе с тем почитателем римской древности. Кроме того, докладчик отметил, что институты, скроенные по римскому образцу, вполне соответствовали социально-экономическим и политическим структурам Парагвая.

В докладе "Dominium и proprietas в римских юридических источниках классического периода" *В.А. Савельев* (Москва), отказываясь от традиционного понимания proprietas и осмысливая ее как необходимый элемент устойчивой юридической конструкции proprietas – ususfructus, квалифицировал данную конструкцию как исторический вариант разделенной собственности. Докладчик отметил, что в юридических источниках конца классического периода так и не сложилась устойчивая и общепринятая терминология для обозначения правоотношений собственности. Наличие двух различных, параллельно существующих правовых режимов (dominium и proprietas) наряду с дополнительным правовым режимом in bonis esse – все это, вместе взятое, позволяет, по мнению докладчика, сделать вывод, что в римском праве классического периода не сформировалось адекватного и даже сколько-нибудь близкого современному понимания права собственности.

С.Ю. Седаков (Москва) в докладе "Роль претора в создании норм римского частного права предклассического периода", основываясь на анализе некоторых юридических источников, пришел к выводу, что воздействие претора на право возрастало не в результате предоставления ему новых полномочий, а в связи с ростом самих потребностей гражданской жизни. Лишь к концу II в. до н.э. складывается преторский эдикт как противовес квиритскому праву.

Обсуждение темы "Трибунат" было продолжено на вечернем заседании. *Ф.А. Михайловский* (Москва) выступил с докладом "Роль трибунских полномочий при передаче власти в период первых принцепсов", в котором рассматривались различия между трибунскими полномочиями принцепсов и их коллег по трибунской власти. По мнению докладчика, трибунская власть служила конституционной гарантией при передаче принципата.

Н. Риналъди (Буэнос-Айрес) включил обсуждаемую тему в широкую временну́ю перспективу – его доклад назывался «От античного плебейского трибуна к современному "защитнику народа"». Древний трибунат показал себя весьма действенным средством интеграции и сплочения разных, в том числе и противостоящих, социальных групп римского полиса. И этот исторический и институционный опыт мог бы послужить примером для нынешней Латинской Америки, где постоянно нарастает разрыв между господствующими слоями и угнетенными. К сожалению, введение в латиноамериканских странах института "защитника народа" по образцу скандинавского "омбудсмана" разрешить данную проблему не в состоянии. Не имея настоящей негативной власти, которой в древности располагали трибуны (intercessio, ius agendi cum plebe), защитник народа, к тому же назначаемый, а не избираемый народом, рискует оказаться совершенно беспомощным и неэффективным.

Р. Де Бритто Полетти (Бразилиа) в докладе "Демократическая идея в римском праве. Влияние трибуната на бразильский конституционализм" продемонстрировал наличие римских по характеру правовых норм в бразильских юридических источниках. Речь идет прежде всего о запретительной власти императора (veto) по конституции 1824 г. Другой пример подобного рода можно видеть в идее республиканской диктатуры, разрабатывавшейся в кругу позитивистов контианского толка ("Позитивистский апостолат"). Исходя из римской идеи народного суверенитета, конституция Бразилии 1988 г., хотя и ориентированная на поиск равновесия между либерализмом и демократией, также допускает некоторые элементы прямой демократии – такие, например, как плебисцит, референдум, народная законодательная инициатива. По мнению докладчика, в настоящее время благодаря современным информационным технологиям осуществление прямой, непосредственной демократии становится все более реальным делом.

Последний день был посвящен третьей теме коллоквиума – «Принципат и "перманентная юридическая революция"». Рассмотрение ее открылось докладом *Я.Ю. Межерицкого* (Калуга) "Принципат Августа: от республики к монархии". Автор подчеркнул, что в начале принципата Августа республиканские механизмы управления не только формально, но и реально сохраняли свое значение. По мнению докладчика, новые функции принцепса не вытесняли республиканские институты, а сосуществовали с ними, что позволяет применить по отношению к режиму Августа термин "республиканская монархия".

В докладе *И.М. Наджафовой* (Баку) "Принципат и муниципальная власть" на основе анализа эпиграфического материала из Аквилеи была представлена структура муниципальной власти города в эпоху ранней империи: сенат, магистратуры, народное собрание. Кроме того, в городе действовали и представители центральной императорской администрации.

Вопрос о наследственности сенаторского звания в эпоху Юлиев – Клавдиев рассматривался в докладе *А.С. Балахванцева* (Москва). По мнению докладчика, данные источников (Suet. Aug. 38. 2; D.1.9.5–7; D.23.2.44 pr.) не могут служить основанием для традиционного вывода о наследовании сенаторского звания в эпоху Августа. Вместе с тем сведения, приводимые Светонием (Calig. 15.2) и Дионом Кассием (59.6.6), о том, что будущий император Клавдий до отправления консулата носил всадническое звание, доказывают тот факт, что в эпоху Юлиев – Клавдиев сенаторское звание по наследству не передавалось.

В докладе *А.А. Елагиной* (Омск) "Идея принципата в римском праве I в. н.э. (По Тациту и Плинию Младшему)" особое внимание было уделено трактовке этой проблемы в русской историографии, начиная с князя Курбского. По мнению докладчика, творчество Тацита и Плиния Младшего свидетельствует о том,

что оба они были проводниками идеи принципата, способной успешно противостоять политическому кризису их времени.

П. Синискалько (Рим) выступил с докладом "Res publica и populus у Августина Блаженного (De civitate Dei II.21; XIX. 21 sqq.)". Главный труд Августина был создан после разорения Рима для того, чтобы опровергнуть обвинения язычников, утверждавших, что катастрофа произошла по вине христиан, предавших веру предков. В De civ. Dei II.21 Августин, следуя мысли Цицерона, дает определение res publica как res populi. К этому же определению он возвращается и в XIX книге (гл. 21 сл.), где излагает свое собственное, христианское понимание populus и res publica в более теоретическом, нежели апологетическом ключе, намечая градации принадлежности реально существовавших в истории res publicae к "двум градам".

После перерыва *А.В. Коптев* (Вологда) в докладе "Princeps и dominus: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи" обратился к рассмотрению исторических судеб имперских структур, основанных на принципах античной гражданской общины, после того как эдикт Каракаллы предоставил римское гражданство провинциальному населению. В результате этого окончательно нарушился баланс традиционных функций императора как представителя всех римских граждан (princeps) и как владыки подданных (dominus). Тем не менее еще в начале домината многие существенно важные черты принципата сохранялись.

Х.Ф. Бульте (Гавана) сделал доклад на тему "Негативная власть и социалистический реализм". Подчеркнув важность функций трибунов по обеспечению гласности при отправлении власти патрициями, докладчик под этим углом зрения проанализировал ряд эпизодов римской истории (первая сецессия, борьба за опубликование законов XII таблиц, обнародование actio legis и т.д., преподавание права первым плебейским понтификом Тиберием Корунканием, деятельность Тиберия Гракха). Именно благодаря трибунату как негативной, запретительной власти были одержаны многие победы в вечной борьбе против обмана и тайны власти.

Е.В. Ляпустина (Москва) в докладе "Идеи Моммзена о принципате в русской историографии" обратила внимание на трудность прямого сопоставления идей Моммзена о принципате, включенных им в правовой, сознательно и намеренно внеисторический контекст "Римского государственного права", с русской историографией, в которой предпочтение изначально отдавалось его историческим трудам ("Римской истории", заканчивавшейся временем Республики). В России системный и формальный подход "Государственного права" встретил суровую критику, хотя при этом и была воспринята идея "диархии". Таким образом, в рамках одного и того же историографического контекста творчество Моммзена оказалось как признанным, так и оспоренным. Вместе с тем в последние десятилетия именно этот его системный подход оказывается все более созвучным историографии, перенесшей центр внимания на "longue durée" и малоподвижные структуры (социальные, ментальные и др.).

В. Поджи (Рим) посвятил свой доклад организации изучения латинского языка в России XVII в. Оно началось при царе Алексее Михайловиче, и тогда же здесь появились иезуиты, продолжавшие активную деятельность и в дальнейшем. Многие из декабристов получили образование у иезуитов, а некоторые даже приняли католичество. Истоки провозглашавшихся ими идеалов справедливости, равенства, братства также отчасти крылись в воспитании, полученном у иезуитов.

На протяжении всех трех дней работы коллоквиума доклады нередко сопровождались оживленными обсуждениями, ограниченными лишь недостатком времени. В кратком заключительном слове П. Каталано и Е.С. Голубцова поблагодарили всех участников за успешную плодотворную работу и выразили общее пожелание продолжать сотрудничество в изучении этого важного аспекта римского публичного права[1].

Л.Л. Кофанов, Е.В. Ляпустина

[1] См. также: *Kofanov L.L., Liapustina E.V., Sini F.* Tribunato e costituzioni: "colloquio" russo-latino // Index. 1995. 23. P. 499–505.

© 1995 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ АНТИКОВЕДОВ "ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ"

(2–3 июня 1994 г., Москва)

2–3 июня 1994 г. в Москве, в Институте всеобщей истории РАН состоялась ежегодная конференция антиковедов. Тема конференции – "Формации и цивилизации", в повестку дня пленарных заседаний были включены доклады теоретического характера, на секциях были представлены сообщения по различным конкретным вопросам истории античного мира.

Конференция вызвала большой интерес как отечественных, так и зарубежных ученых. В ней приняли участие свыше 100 представителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Вологды, Барнаула, Казани, Саратова, Баку, Калуги, Харькова, Астрахани, Иванова, Владикавказа, Воронежа, Омска, Белгорода, Перми и др., а также группа итальянских ученых, специалистов по истории римского права, под руководством А. Корбино, интересующихся вопросами методологии истории. На пленарных заседаниях были сделаны доклады: *Е.С. Голубцовой* и *И.Л. Маяк* – "Формации и цивилизации"; *И.С. Свенцицкой* – "Культурно-исторический подход к изучению античности"; *Г.С. Кнабе* – "Культурно-историческая антропология, ее преимущества и опасности"; *А.П. Мартемьянова* – "К вопросу о месте формационного и цивилизационного анализа в современном антиковедении". Большой интерес вызвало выступление доктора филологических наук *В.Н. Ярхо* по поводу проблематики конференции.

Открывая конференцию, *Е.С. Голубцова* отметила, что постановка вопроса о формациях и цивилизациях вызвана необходмостью обсудить проблему соотношения этих категорий, дать их определения, установить их место в структуре социальных отношений античного мира. Следует также учитывать, что теория формаций – это система взглядов, в основе которой лежат производственные отношения, и это позволяет проследить историю человечества "по вертикали", начиная с примитивного развития общества и до сегодняшнего дня. Не надо считать, что вопрос о теории формаций явился самостоятельным творением Маркса и Энгельса и до них не существовал вообще. Однако Маркс, кроме проблем экономики, подчеркивал важность определенных форм общественного сознания при изучении структуры той или иной формации, т.е. идеологии, культуры, духовного наследия. Это обстоятельство часто не учитывалось в исследованиях наших ученых, основное внимание уделявших вопросам классовой борьбы, экономических отношений, социальной структуре общества. Теория формации, сформулированная Марксом, дает возможность для различных дискуссий, уточнений, определений, ее не надо понимать как догму.

И.Л. Маяк (Москва) отметила важность понятийного аппарата при решении вопроса о формациях и цивилизациях. Поэтому толкование этих понятий имеет большое значение. В отличие от "формаций" термин "цивилизация" многозначен. При этом сопоставляются разные подходы – что это – культура или прогресс? Существуют три основные группы таких сравнений: 1) культура и цивилизация – это синонимы; 2) культура – область духовного развития, цивилизация – материального; 3) культура – внутренний элемент цивилизации, что связано с деятельностью человека как общественного субъекта. Среди множества определений культуры наиболее общепринятым является следующая дефиниция: это целенаправленная деятельность человека и ее результаты в материальной и духовной сферах. Определения цивилизации историки избегают, хотя они имеются у марксистов, у О. Шпенглера и А. Тойнби. Не давая дефиниций, современные отечественные ученые рассматривают цивилизации в разных ракурсах, пользуясь разными критериями, но признавая их всеобщим фактором культурно-исторического развития и важным средством познания. Принимая правомерность понятия "формация", утвердившуюся в советской науке, автор доклада полагает, что пятичленная схема сменяющихся формаций вряд ли приемлема, во всяком случае история древнего Рима не укладывается в рамки единой рабовладельческой формации.

В докладе *И.С. Свенцицкой* (Москва) подчеркивалось, что наиболее продуктивным является метод, который называют историко-антропологическим или культурно-историческим. Он предусматривает отказ от жесткого детерминизма в истории и направлен на изучение человека, его ментальности, стереотипов индивидуального и группового поведения, соотношения индивидуальных решений и групповой социальной психологии. Такой подход охватывает все стороны жизни человека. В докладе разбираются примеры применения этого метода в отечественной историографии.

А.П. Мартемьянов (Харьков) в своем докладе отметил, что в последние годы исследователи античности в восточноевропейских странах заняты поиском новых подходов к изучению прошлого. Определенный интерес представляет опыт работы в этом направлении болгарских специалистов. Судя по опубликованным к настоящему времени трудам, в болгарском антиковедении продолжает сохранять достаточно прочные

позиции формационный подход, но вместе с тем наблюдается растущий интерес к изучению возможностей цивилизационного анализа. Однако конкретных исследований по античной проблематике, проведенных с позиций цивилизационного подхода, в болгарской историографии до сих пор практически нет. По сути аналогичная ситуация сложилась и в нашем антиковедении. В свете этого представляется необходимой дальнейшая разработка различных аспектов цивилизационного анализа как методологии исторического исследования. Вместе с тем следует обратить внимание и на далеко не исчерпанные возможности формационного подхода, который, во-первых, с полным основанием может и в настоящее время рассматриваться как один из возможных вариантов методологии истории, во-вторых, предоставляет необходимый категориальный аппарат, которому после соответствующей предварительной обработки можно найти место и в новых исторических исследованиях. С этих позиций магистральная перспектива развития современной исторической науки видится во взаимном сотрудничестве представителей различных школ исторической мысли, основной целью которого должно стать в первую очередь усвоение всего лучшего, что присуще другим направлениям.

В.Н. Ярхо (Москва) в докладе "О системном единстве античной литературы" отметил, что независимо от решения вопроса о наличии в античном мире четко очерченных общественно-экономических формаций существует такая область греко-римской цивилизации, где ее системное единство не подлежит никакому сомнению. Это античная литература, появляющаяся в Греции и Риме в процессе формирования, расцвета и кризиса полиса, но обладающая на каждом этапе специфическими особенностями. Это объясняется различными формами существования культуры в греческих полисах VII–IV вв. до н.э., эллинистических монархиях III–I вв. до н.э. и в Риме периода утверждения и кризиса аристократической Республики (civitas). В частности, римская литература в каждый период ее развития использует достижения не современного ей, а предыдущего этапа литературы греческой, как бы повторяя под новым углом зрения уже пройденный путь и используя готовый материал.

Ю.К. Колосовская (Москва) в докладе "Формационная принадлежность варварского и римского мира" поставила вопрос о наличии связей обоих миров, что было особенно значимо для периода Римской империи, когда варварский мир оказался у ее границ. С народами Европы Империя находилась в мирных отношениях или военных конфликтах. В сущности это была проблема взаимодействия разных формаций – рабовладельческой и первобытнообщинной. Все народы тогдашнего мира, в том числе и варварские общества знали монархическую власть, более или менее четкое деление на классы, города или городища, определяемые как polis или civitas. У них была собственная монетная чеканка, пока ее не заменил римский денарий в качестве мировых денег; они имели свою духовную и материальную культуру. Торговые отношения у племен существовали всегда. Морские и речные суда были известны варварскому обществу. Варварский мир постоянно находился в движении, меняя историческую обстановку в самой Империи. Переселение племен было следствием движения внутренних сил варварского общества, и эта сила направлялась к границам римского мира.

Из докладов, прочитанных на секционных заседаниях, остановимся на тех, которые вызвали наибольшую дискуссию.

Доклад *С.М. Перевалова* (Владикавказ) был посвящен выдающемуся произведению военно-теоретической литературы поздней античности – трактату "Тактика" Флавия Арриана – известного писателя, философа и государственного деятеля эпохи Антонинов. Его труд представляет собой систематическое описание важнейших элементов организации армии, боевых порядков и тактических приемов. Военное дело в нем представлено статично, а в качестве идеала берется тактика позднеклассических и эллинистических армий. Этот традиционный для сочинений такого рода подход дополняется у Арриана сравнительно широким привлечением примеров из военной практики многих народов, включая римлян. Последним, однако, не отводится самостоятельного места в общей схеме, отчего их важнейшее достижение – легионная организация – выпала из поля зрения автора.

В докладе *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) "Disciplina militaris. Ценностный аспект" было показано, что ни в какой другой армии древнего мира военная дисциплина не имела столь фундаментальных институциональных оснований, столь разносторонней правовой разработанности, столь глубокой укорененности в военных традициях, как в армии античного Рима. Не случайно, конечно, дисциплинарная практика римлян стала одним из важных образцов для военных институтов нового времени. Disciplina militaris связана с основополагающими чертами традиционного римского менталитета и в то же время, если говорить об эпохе Империи, неотделима от профессионального характера постоянной армии, требующей особого качества дисциплины.

В докладе *Ю.Г. Чернышова* (Барнаул) "Цивилизация и варварство: антипримитивизм политической теории Аристотеля" подчеркивалось, что с разделением человечества на два взаимосвязанных и принципиально разных мира – "цивилизованного" и "варварского" – появляются феномены взаимного отчуждения и взаимной идеализации. В греческой утопической традиции довольно значительное место занимал примитивизм, и лишь отдельные мыслители (в частности, Аристотель) высказывали антипримитивистские взгляды. В своих идеальных проектах Аристотель все же ставит некоторые

ограничения на пути тех явлений цивилизации, которые были способны подорвать устойчивость полиса. Рационалистический антипримитивизм Аристотеля был подчинен системе этических взглядов. Развитие цивилизации, по Аристотелю, не самоцель, и его следует оценить позитивно лишь в тех случаях, когда оно ведет "к хорошей жизни". Этот урок аристотелевской мудрости особенно актуален для современного "индустриализованного" общества, в котором преобладает прогрессистский способ мышления.

Доклад *В.Р. Гущина* (Санкт-Петербург) "Устроение и Закон в архаической Греции" сводился к следующим четырем тезисам. *1.* Первоначально эффективным регулятором общественных отношений является обычай (nomina). На страже справедливости (Dike) стоит сам Зевс. Основной мерой пресечения и наказания служит atimia. *2.* Со временем обычай оказывается не в состоянии регулировать вспыхивавшие время от времени конфликты. Разрешение последних вверяется либо приглашаемым со стороны лицам, облеченным особым доверием (критянин Эпименид), либо избираемым органам (эсимнеты, 300 судей в Афинах). Их решения (thesmia) гарантировали мир и стабильность в обществе. *3.* В дальнейшем прежние нормы жизни входят в противоречие с быстро меняющимся социальным ландшафтом. Нормой становится соперничество аристократических группировок (staseis), а также борьба демоса и аристократии. Возникает потребность в кардинальных изменениях, которые вносятся древними законодателями – харизматическими лидерами тех или иных общин. *4.* Особенностью законодательной реформы в Афинах было то, что здесь законодателями оказываются политики-демократы – простаты демоса. Защита ими интересов демоса впоследствии приводит к становлению демократии в Афинах.

В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) "Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах" подчеркивалась первостепенная значимость тех источников, которые современны событиям, т.е. относятся к самому V в. Уже к свидетельствам IV в. (ораторам, Аристотелю), не говоря о более поздних, мы не можем относиться с такой же степенью доверия, поскольку их авторы, не будучи непосредственными свидетелями описываемых событий, вынуждены были черпать информацию из предшествующей письменной и устной традиции, при этом зачастую пользуясь категориальным аппаратом собственной эпохи, во многом чуждым реалиям ранней классики (как дихотомия "демократы – олигархи"). Наш обостренный интерес к ранним, наиболее аутентичным источникам объясняется их явным дефицитом. Собственно исторические произведения – труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта – при всей их ценности имеют в высшей степени фрагментарный характер, как бы "высвечивая" из тьмы веков лишь отдельные эпизоды афинской истории. На этом фоне особенно остро встает проблема поиска дополнительных источников того же времени, содержащих хотя бы косвенные данные, которые позволили бы восполнить имеющиеся пробелы.

В докладе *А.А. Молчанова* (Москва) "Институт парадинастии в Греции II тысячелетия до н.э." собраны и обобщены сведения о соправительстве как форме разделения государственной власти в ахейских царствах и выявлены многочисленные свидетельства из разного рода нарративных (генеалогические предания, сакральные мифы, эпос) и эпиграфических (таблички линейного письма В) источников.

Доклад *М.Э. Курилова* (Астрахань) был посвящен рассмотрению функциональных особенностей института спартанских глашатаев. Анализ литературной традиции позволил сделать вывод, что уже ко времени второй Пелопоннесской войны "почетная обязанность" спартанских глашатаев – талфибиадов – была сведена, по сути, к эпизодическим действиям, едва различимым на фоне возросшей активности других дипломатических институтов. Поэтому Геродотова формула (VII. 134. 1), выведенная в одном из спартанских логосов, перестала быть верной с момента своего появления; важнейшим критерием являлись личные качества, а не принадлежность к определенному роду.

Н.Н. Болгов (Белгород) в докладе "Периферийная государственность позднеантичной эпохи" отстаивал мысль о том, что на всем пространстве античной цивилизации, по мере расширения ее территориальных пределов, складывается система "центр–периферия", "цивилизация–дальняя (варварская) периферия". Ко времени поздней античности северная и южная границы античного мира соприкасались лишь с варварскими обществами. Восточная же представляла собой систему периферийных (буферных) государств с клиентским статусом. Все они – от Боспора на севере до арабских княжеств на юге – имели однотипный политический статус и одинаковую геополитическую задачу – защищать восточные рубежи античного мира. Приняв христианство, эти общества в определенном смысле продолжали играть роль буфера.

Е.А. Семичева (Белгород) в докладе "Эллинское и варварское в земледельческих культах Боспора" отмечает, что культовая обрядность античных городов связана с "зольниками"-эсхарами, выполнявшими функции импровизированных алтарей, куда приносили жертвы для сожжения. Подобные святилища на Боспоре существовали в Мирмекии, Илурате, Нимфее, Фанагории, на мысе Такиль. Уникальным по масштабам, структуре, времени функционирования является "зольник"-эсхара в Китее (V в. до н.э. – IV в. н.э.). Анализ терракот, вотивов и граффити позволяет сделать вывод о широком распространении на Боспоре культов земледельческих божеств, в первую очередь Деметры, Коры и Диониса. Материалы закрытого комплекса раннего китейского святилища V–IV вв. до н.э. дают возможность выяснить специфику обрядовой стороны земледельческих культов на Боспоре. Наличие варварских черт в

"зольниках" (кости собаки, лепная посуда, фрагменты оружия и др.) свидетельствуют об элементах синкретизма в религиозных представлениях боспорян.

И.П. Сергеев (Харьков) выступил с докладом по дискуссионному вопросу о соотношении кризиса рабовладельческого способа производства и кризиса III в. н.э. в Римской империи. Согласно господствующей в марксистской историографии точке зрения, кризис рабовладельческого строя в Римской империи начался во второй половине II в. н.э. Историки-марксисты толкуют этот кризис как всеобщий, охвативший все основные сферы жизни римского государства и общества. Однако они отмечают, что кризисные явления возникают не сразу на всей территории Империи и не во всех сферах одновременно (в экономике и социальной структуре раньше, чем в политическом строе и идеологии). Кризис, который пришлось преодолевать Римской империи почти на протяжении всего III в. н.э., большинство историков называют ярким проявлением кризиса рабовладельческого способа производства. Острую борьбу за императорскую власть, частую смену императоров в III в. н.э. они связывают с расколом господствующего класса Империи на средних и мелких муниципальных землевладельцев и крупных собственников, земли которых не входили в состав земель городских общин. Кризис III века возник в условиях начавшегося кризиса рабовладельческого способа производства, но не был его проявлением. Это был политический кризис системы принципата.

В докладе *Н.С. Талашовой* (Иваново) "Формация или цивилизация. Взгляд Маркса на античное общество" были раскрыты многие понятия, приписываемые Марксу, но которые он не употреблял. Так, например, у Маркса не встречается понятие "первобытнообщинная формация". Понятие "формация" не имело для Маркса самодовлеющего значения. Маркс, видевший альтернативность исторического процесса, не являлся автором теории пяти формаций. Понятия "цивилизация", "античная цивилизация" редко использовались Марксом, чаще всего он употреблял термины "древний мир", "древнее общество", "античный мир", "античность", "античное общество", которые можно определить как качественные характеристики общества.

В докладе *С.Ю. Сапрыкина* и *О.Л. Габелко* (Москва) "О хронологических границах эллинизма" рассматривались некоторые вопросы истории государств Малой Азии, Ближнего Востока и Причерноморья, возникших в эпоху эллинизма и продолжавших существовать в течение длительного времени после традиционно принимаемой даты ее окончания – 30 г. до н.э. По формам государственного устройства, социальной структуре, характеру взаимоотношений греческого и местного населения они были близки типичным эллинистическим монархиям III–I вв. до н.э. Это заставляет несколько расширить понятие "постэллинизм", в которое обычно включают только явления сферы культуры.

Таким образом, конференция Российской Ассоциации антиковедов "Формации и цивилизации", в докладах которой были поставлены весьма актуальные темы и дискутировались методологические вопросы на конкретно-историческом материале, прошла очень успешно.

Е.С. Голубцова

© 1995 г.

Авраам Григорьевич Лундин

(25.12.1929–12.10.1994)

Конец восьмидесятых. Долина Хадрамаут в Южной Аравии. Археологические раскопки на городище Рейбун. Два сабеиста обсуждают только что открытые каменные плиты с ровными строчками сабейского письма – Глеб Михайлович Бауэр и Авраам Григорьевич Лундин. Они во многом дополняли друг друга. Взыскательный Бауэр предпочитал шлифовать и уточнять свои выводы, неутомимый Лундин щедро делился предположениями и гипотезами, причем, казалось, он получал одинаковое удовольствие, когда собеседник принимал их или когда тот решительно с ними не соглашался. Глядя на обоих ученых, любой понимал, как повезло Советско-йеменской экспедиции.

Но вот наступил 1989 год. Вернувшись из Хадрамаута и не успев обработать результаты последнего экспедиционного сезона, скоропостижно умирает Г.М. Бауэр. А почти ровно через пять лет трагический случай обрывает жизнь А.Г. Лундина. Мировая сабеистика понесла невосполнимую утрату.

Научные интересы А.Г. Лундина определились под влиянием его наставницы Нины Викторовны Пигулевской, еще до того как он окончил Восточный факультет Ленинградского университета в 1951 г. Верность южноаравийской эпиграфике он сохранил на всю жизнь. Вехи его пути были последовательны и вроде бы благополучны: с 1957 г. аспирантура в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, сотрудником которого он был до конца, уже через год защита кандидатской[1], через одиннадцать – докторской[2], звание профессора... Однако в этот перечень не включены шесть долгих лет, когда после окончания Восточного факультета Лундин не мог получить работу по специальности, упрямо занимаясь диссертацией вопреки обстоятельствам. Вряд ли можно назвать благополучным и положение научного сотрудника, которому клеймо "невыездного" закрывало дорогу не только в край его научных интересов, Южную Аравию, но и в востоковедные центры Европы и Северной Америки.

Однако А.Г. Лундин сумел вырваться за "железный занавес" своими публикациями. Заочное, по переписке, знакомство с бельгийским сабеистом Жаком Рикмансом открыло для отечественного ученого страницы журнала "Le Muséon"[3]. По предложению Австрийской Академии наук он издает эстампажи из архива Э. Глазера[4] со списком эпонимов из племени халил. Эта работа замечательна тем, что Лундин установил правило, по которому представители разных родов занимали пост эпонима, заложил основу относительной хронологии Сабы, а данная им реконструкция списка имен была подтверждена после того, как ученые ознакомились с оригиналом надписи. От конкретного списка ученый перешел к эпонимату Сабы в целом: его работа вызвала довольно широкий, для столь узкой научной дисциплины, мировой резонанс.

Помимо лингвистических, филологических и палеографических аспектов эпиграфики, Лундина всегда интересовали проблемы возникновения алфавитного письма[5], вопросы, связанные с социальной структурой древнего и раннесредневекового общества на Ближнем Востоке, принципы его хронологии, особенности его хозяйства (особенно после открытия южноаравийских хозяйственных документов на черенках пальмовых листьев)[6].

Последние девять лет жизни Лундин прожил свободно и насыщенно: впервые смог побывать в Южной Аравии, принять деятельное участие в работе отечественной научной экспедиции в Йемене, выступал с

---

[1] *Лундин А.Г.* Южная Аравия в VI в. // Палестинский сборник. 1961. Вып. 8. (71).

[2] *Он же.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971.

[3] См., например, *Lundine A., Ryckmans J.* Nouvelles donnees sur la chronologie des rois de Saba et du Raydan // Le Muséon. 1964. T. LXXVII. № 3–4.

[4] *Lundin A.* Die Eponymenliste von Saba (aus den Stamme Halil). Wien, 1965 (Sitzungsber. der Phil.-hist. Kl. der Akad. der Wiss. in Wien. 248. Bd. Abh. 1. Sammlung Eduard Glaser V).

[5] См. *Лундин А.Г.* Дешифровка протосинайского письма. М., 1991.

[6] См., например, *Бауэр Г.М., Акопян А.М., Лундин А.Г.* Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2. С. 168–173.

докладами в Великобритании, Бельгии, Франции, Италии, США. Израиле... Был полон творческих планов, ибо считал, что занятия наукой или деятельностью по приращению знаний требуют постоянного добавления, уточнения, а то и пересмотра прежних положений. Опытный альпинист, Лундин покорял вершины в жизни и в науке и был по существу основоположником нашей сабеистики. Кто и как продолжит его дело?

М.А. Родионов

* * *

Редколлегия, Редсовет и редакция "Вестника древней истории" потеряли своего близкого друга, выдающегося ученого, постоянного автора... Многие годы российская сабеистика была блестяще представлена на страницах журнала работами А.Г. Лундина, и мы надеемся, что его ученики и последователи продолжат его исследования.

Незнакомый Еврипид*

ТРАГЕДИИ ИНТРИГИ И СЛУЧАЯ

Основной принцип бытия – случай... На атомном уровне миром правит чистая случайность. Хотя поверить в это до конца, естественно, невозможно.

Дж. Фоулз. Волхв. Гл. 75

Коль существует случай, нет нужды в богах. Где боги в силе, места нет для случая.

Еврипид. Фр. 154, 4–5. Остин

Заглавие этой подборки следует понимать cum grano salis: специалистам по истории древнегреческой литературы и особенно трагедии все приводимые ниже материалы, конечно, давно знакомы. Неизвестны же они почти за полным отсутствием русского перевода[1] достаточно широкому кругу читателей, которые из так называемых "трагедий интриги" Еврипида знают только три, дошедшие целиком: "Ифигению в Тавриде", "Елену" и "Иона"[2]. Между тем на самом деле их было гораздо больше, и время их создания не ограничивается второй половиной 410-х годов, которой обычно датируют три названные трагедии. Как ранее известные из позднеантичных источников, так особенно папирусные фрагменты, накопившиеся с конца прошлого столетия (первый из них был опубликован в 1880 г.), позволяют значительно расширить наше представление об этой стороне творчества "трагичнейшего из поэтов". Набирающиеся в общей сложности около тысячи стихов вместе с античными свидетельствами и соответствующим комментарием давно пора ввести в круг наших сведений о Еврипиде, что и является целью предлагаемого ниже собрания материала.

Сначала, однако, надо уточнить, что разумеется под "трагедиями интриги", ибо название это, давно укрепившееся за тремя упомянутыми выше драмами (отчасти к ним может быть отнесен еще "Орест"), нельзя назвать слишком удачным. В самом деле, интрига присутствует в творчестве древнегреческих поэтов от первых литературных памятников: без притворства Синона не мог быть введен в Илион знаменитый троянский конь, о чем сообщалось уже в киклическом эпосе[3]. В "Одиссее" предложенное Пенелопой женихам по наущению Афины состязание в стрельбе из лука входит как составная часть в задуманное Одиссеем истребление своих оскорбителей (для чего по его же приказу из зала заранее было вынесено развешанное по

---

* Далее употребляются краткие обозначения для следующих изданий, на которые встретятся многократные ссылки: *Аполлодор* – *Apollodorus*. The Library... by Sir J.G. Fraser. V. I–II. 1963–1967. L. – N.Y. (в рус. пер.: *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972; 1993); *Арним* – Supplementum Euripideum bearbeitet von H.V.'Arnim. Bonn, 1913; *Ван Луа* – *Van Looy H.* Zes Verloren Tragedies van Euripides. Studie... door H. Van Looy. Brussel, 1964; *Гигин* – Hygini fabulae. rec... H. I. Rose / Ed. altera. Lugduni Batavorum, 1963 (перепечатка изд. 1933 г.); *Наук* – Tragicorum Graecorum Fragmenta. Rec. A. Nauck. Ed. 2. Lipsiae, 1889 (перепечатка с дополнениями Б. Снелля – Hildesheim, 1964); *Остин* – Nova fragmenta Euripedea in papyris reperta / Ed. C. Austin. B., 1968; *Пэйдж* – Select Papyri. III. Literary Papyri. Poetry Text... by D.L. Page. L. – Cambr. Mass., 1952. Кроме того, о трагедиях, являющихся здесь предметом разбора, см.: *Lesky A.* Die tragische Dichtung der Hellenen. 3. Aufl. Göttingen, 1972; *Webster T.B.L.* The Tragedies of Euripides. L., 1967. Сведения обо всех публикациях фрагментов Еврипида, появившихся после издания А. Наука, см. в обзорах Г.И. Метте (Euripides. Die Bruchstücke): Lustrum. Bd 12(1968), S. 5–288; Bd 13 (1969), S. 289–403, 568–571; Bd 17 (1976), S. 5–26; Bd 19 (1978), S. 65–78; Bd 23/24 (1982), S. 5–434; Bd 25 (1983), S. 5–13; Bd 27 (1985), S. 23–26.

[1] Исключение составляют отрывки из "Гипсипилы", переведенные Ф.Ф. Зелинским (Из жизни идей. Т. 1. Пг., 1916. С. 127–176. Первоначально: Вестник Европы. 1910. Кн. VII, VIII).

[2] *Тронский И.М.* История античной литературы. 5-е изд. М., 1988. С. 145–147; *Ярхо В.Н.* Античная драма. М., 1990. С. 48–69, 142 (важнейшая литература).

[3] Речь об этом шла в поэме Арктина Милетского "Разрушение Трои" (см. с. 88, 10 сл. Бернабе = с. 107, 26 сл. Аллен = с. 62, 14 сл. Дэвис). Содержался ли эпизод с Синоном также в "Разрушении Трои" Стесихора, зависит от того, насколько достоверным признается изображение на знаменитой "Илионской таблице" (см. *Sadurska A.* Les Tables Iliaques. Warszawa, 1964. P. 24–37), выполненной в Риме в начале Империи. См. *Horsfall N.* Stesichorus at Boville? // JHS. 1979. V. 99. P. 26–48.

стенам оружие). В трагедии более или менее хитроумная интрига помогает Оресту осуществить месть над убийцами отца: у Эсхила в "Хоэфорах" Орест вместе с Пиладом выдают себя за случайных путников из Фокиды, чтобы проникнуть во дворец, да еще хор советует старой кормилице позвать Эгисфа без телохранителей; у Софокла в "Электре" появление Ореста подготовляется рассказом Воспитателя о его вымышленной смерти. У Еврипида число подобных примеров, как в целиком дошедших трагедиях, так и в сохранившихся только в античных свидетельствах и фрагментах, может быть значительно умножено. При этом выявляются пять типов возможного построения и обоснования интриги, ведущей к трагической развязке.

Ближе всего нашему сознанию – осуществление некоего замысла с целью справедливой мести. Здесь наиболее развитую форму представляет, конечно, сюжет "Электры", в котором сначала Орест, пользуясь обстановкой праздничного жертвоприношения, под видом пришельца из Фессалии расправляется с Эгисфом, а затем в дом земледельца – фиктивного супруга Электры – заманивают Клитеместру придуманным рассказом о рождении у нее внука. Точно так же Гекуба в одноименной трагедии с помощью Агамемнона завлекает в свой шатер Полиместора и ослепляет его, мстя за предательскую гибель вверенного его заботам Полидора. И Амфитрион в "Геракле" побуждает Лика войти в дом, где якобы укрылись у алтаря ожидающие незаслуженной смерти Мегара с детьми, на самом деле там Лика подстерегает Геракл. Из недошедших драм интрига ради мести имела место уже в самой ранней трагедии Еврипида "Пелиады" (454 г.). Здесь Ясон, натерпевшись опасностей по вине Пелия, по возвращении из Колхиды с Медеей задумывает устранить соперника, и тогда Медея, явившись под видом жрицы Артемиды к дочерям Пелия, коварными речами уговорила их вернуть отцу молодость. Она даже показала, как это делается, омолодив в котле с кипящей водой старого барана. Разумеется, Пелий, попав в котел, больше оттуда не выбрался[4] . Вероятно, какую-то причину должен был придумать в "Фиесте" Атрей, чтобы заманить к себе своего изгнанного брата и отомстить ему за прелюбодеяние с Аэропой. Действия, предпринятые противоположной стороной, составляли содержание, если верить Гигину (№ 86), трагедии "Плисфен". Персонаж под этим именем не занимает твердого места в мифологической традиции, но чаще его все-таки признают за сына Атрея[5]. Его-то и воспитал вдали от родного дома Фиест, которого юноша считал родным отцом; Фиест же подослал Плисфена во дворец Атрея с наказом убить его владельца, но Атрей, распознав в юноше сына Фиеста, предупредил его намерения и убил его, не зная, что имеет дело с собственным сыном. Надо признать, что Фиест замыслил достаточно коварную интригу: кто бы ни пал ее жертвой – отец или сын (или оба вместе) – собственные дети Фиеста были бы отомщены сполна.

Другой тип интриги представлен сюжетами, в которых мотивы мести вполне понятны, но объектом ее являются ни в чем не повинные люди. Наилучший пример – "Медея": измена Ясона, чувство оскорбленного женского достоинства, естественная в таких случаях ревность объясняют страшную месть, задуманную героиней, но ни погибающая в мучениях коринфская царевна Главка, ни ее отец, ни тем более собственные дети Медеи не виноваты в решении Ясона. Другой случай – "Ипполит", где целомудренный юноша, отвергнув любовные притязания мачехи, становится жертвой ее посмертной клеветы. Аналогичным было содержание несохранившейся трагедии "Феникс" (вероятно, хронологически достаточно близкой к "Ипполиту"). Здесь (иначе, чем в "Илиаде", IX, 448–457) юноша также отвергал притязания наложницы своего отца Аминтора, становился жертвой клеветы и подвергался ослеплению[6].

Разновидность того типа интриги, который известен нам по "Ипполиту" и "Фениксу", была представлена еще в двух, тоже недошедших, трагедиях – в "Сфенебее" и "Пелее". В обеих драмах благородные герои (Беллерофонт и Пелей) находили приют и очищение от случайно пролитой крови в домах у царей, чьи жены (Сфенебея и Астидамия) не отличались таким же благородством; в обоих случаях молодые люди не могли даже помыслить о посягательстве на ложе своих благодетелей и становились объектами клеветы со стороны отвергнутых женщин; в обоих случаях доверчивые мужья (Прет и Акаст) не решались все же

---

[4] *Наук.* С. 550 сл.; *Гигин*, № 24; *Диодор Сиц.* IV. 50. 5 – 52. 2. Возможно, остаток "содержания" "Пелиад" дошел в папирусном отрывке. P. Oxy. 2455, фр. 18 (см. *Luppe W.* Plazierung und Identifizierung von P. Oxy. 2455. Fr. 18 // Anagennesis. 1983. V. 3. P. 128–142. О другой возможности обнаружить "содержание" "Пелиад" см. *Sijpesteijn P.* The Rejuvenation Cure of Pelias // ZPE. 1972. Bd 9. S. 104–110 = Papyri Amstelodamenses I. № 7. S. 16–18.

[5] *Aeschylus.* Agamemnon ed. with commentary / Ed. Fraenkel. V. III. Oxf., 1950. P. 740 ad v. 1569.

[6] *Наук.* С. 621; *Аполлодор.* III. 13. 8.

расправиться с мнимым оскорбителем, которого сами только что очистили от скверны, и замышляли, как бы избавиться от него с чужой помощью. Прет послал Беллерофонта в Ликию к Иобату. Акаст отправил Пелея на охоту, причем спрятал его чудесный меч, которым тот мог бы отбиться от напавших на него кентавров; если бы не вмешательство Хирона, Пелею пришлось бы туго. Таким образом, оба юных героя избегали гибели, но зато обрушивали ее на виновниц их бедствий: Беллерофонт сбросил Сфенебею с взмывшего в воздух Пегаса, Пелей убил Астидамию и, расчленив ее тело, прошел по останкам в завоеванный им Иолк[7]. Неправедная месть обернулась в обеих трагедиях против самих замысливших ее.

В следующем типе интриги ее побудительные мотивы оказываются вовсе низменными.

Один из сюжетных мотивов "Андромахи" составлял инспирированный Орестом заговор дельфийских жрецов против Неоптолема; таким путем Орест мстил ему за то, что Менелай выдал замуж за сына Ахилла свою дочь Гермиону, ранее обещанную сыну Агамемнона.

В "Паламеде", поставленном в 415 г. вместе с "Александром" и "Троянками", Одиссей не мог простить герою того, как тот разоблачил его попытку уклониться от участия в Троянской войне, и задумывал далеко идущую провокацию: тайно зарыв под палаткой Паламеда мешок с золотом, он затем подбросил ахейцам подложное письмо, якобы отправленное Паламедом Приаму, и добился осуждения и казни ни в чем не повинного человека[8].

Вариантом этого типа интриги являлся такой поворот событий, при котором обман или злодеяние обрушивались своими последствиями на самого их инициатора. Материалом здесь снова служат трагедии, дошедшие только фрагментарно. Так обстояло дело в одном из произведений, относящихся к самому началу известного нам творческого пути Еврипида, – в "Алкмеоне в Псофиде", показанной в 438 г. вместе с "Алкестидой". Как известно, Полиник, собирая семерых вождей для похода против Фив, подкупил Эрифилу, жену Амфиарая, дорогим пеплосом и ожерельем Гармонии, чтобы она подговорила мужа принять участие в походе. Амфиарай, зная, что он не вернется домой живым, завещал своему сыну Алкмеону отмстить матери. Тот выполнил наказ, но, естественно, должен был искать очищения от пролитой крови, которое совершил над ним царь Псофиды Фегей; он даже выдал за него свою дочь Арсиною. Ей и достались сокровища Гармонии. Однако земля Псофиды не захотела терпеть матереубийцу, и Алкмеон получил прорицание отправиться к Ахелою (реке и одноименному богу) за новым очищением. Достигнув цели, он получил в жены дочь речного бога Каллирою, которая стала требовать себе пеплос и ожерелье. Алкмеон вернулся в Псофиду, сообщил Фегею, что должен посвятить злосчастные сокровища в Дельфы. Замысел Алкмеона почти удался: Фегей вручил ему пеплос и ожерелье, но узнал от слуги, что драгоценности предназначены вовсе не для храма Аполлона, а для удовлетворения тщеславия Каллирои. Тогда сыновья Фегея подстерегли Алкмеона в засаде и убили его[9].

Содержание другой трагедии, относимой нами к этому типу интриги, – "Ино́" (до 425 г.) – восходит к фольклорному мотиву: "Мачеха, преследующая пасынков". Героиня трагедии, будучи супругой фессалийского царя Афаманта, удалилась на Парнас для участия в вакхических неистовствах; мужу она оставила двоих сыновей. Посчитав жену погибшей, царь женился на другой женщине по имени Фемисто, от которой также имел двух сыновей. Со временем Афамант узнал, где находится Ино, велел ее привести и отдал в служанки Фемисто, не сказав, однако, новой жене, чьими услугами она будет пользоваться. Со своей стороны Фемисто вздумала извести детей мужа от предыдущего брака и приказала Ино одеть их в черное, а своих детей – в белое. Ино, конечно, поступила наоборот, Фемисто убила собственных детей и, узнав правду, наложила на себя руки. Дальнейшее развитие событий не вполне ясно. По-видимому, Афамант, впав в безумие от всего случившегося, убивал одного из сыновей от Ино, а сама она, спасаясь от мужа, вместе со вторым сыном бросалась в море, где

---

[7] К "Сфенебее" см.: *Наук.* С. 567 сл.; *Аполлодор.* II. 3. 1; *Арним.* С. 43–45; *Пэйдж.* С. 126–129; P. Oxy 27 (1962). 2455, фр. 5 и 6; *Korzeniewski D.* Zum Prolog der Stheneboia des Euripides // Philologus. 1964. Bd. 108. S. 45–65; *Lappe W.* Zu P. Strasb. 2676 BD: Stheneboia – Hypothesis. ZPE. 1984. Bd. 55. S. 7 f. К "Пелею" см.: *Аполлодор.* III. 13. 2–4; *Антонин Либерал.* 38, 3. Само собой разумеется, что о смерти обеих женщин могло сообщаться только в эпилоге трагедий, скорее всего в прорицании какого-нибудь deus ex machina. Жертвой своей клеветы становилась в трагедии "Тенн" жена Кикна Филонома (см. *Аполлодор.* Эпит. III. 24 сл.); впрочем, уже древние считали эту трагедию не принадлежащей Еврипиду, и современные издатели включают ее в число произведений Крития (см. Tragicorum Graecorum Fragmenta. 1^2. Göttingen, 1986. S. 182 f.).

[8] *Наук.* С. 541 сл.; *Гигин.* № 105; *Scodel R.* The Trojan Trilogy of Euripides. Göttingen, 1980. P. 43–63.

[9] *Наук.* С. 379 сл.; *Аполлодор.* III. 7, 5; *Павсаний.* VIII. 24, 7–10; *Ван Луа.* С. 78–103, 310–312.

они превращались в морских божеств – Левкотею и Палемона[10]. Скорее всего, об этих последних событиях сообщал в виде прорицания в качестве deus ex machina какой-нибудь бог, возможно, Дионис, как он сделает это в отношении пасынков самой Ино в трагедии "Фрикс", о которой еще пойдет речь. Как бы то ни было, ясно, что интрига, затеянная Фемисто, стоила жизни ей самой и ее детям. Нечто подобное происходило и в "Андромеде" (412 г.). Финей, жених девушки, прикованной к скале в наказание за высокомерие ее матери, спокойно дожидался, пока морской дракон съест невинную жертву. Когда же Персей освободил Андромеду с условием, что ее отдадут ему в жены, Финей составил заговор с целью убить освободителя царской дочери, так что Персею пришлось пустить в ход голову Горгоны, которая и превратила в камень Финея и остальных заговорщиков[11].

Заключить этот раздел можно изложением содержания трагедии "Архелай", написанной Еврипидом в конце его жизни в Македонии. Изгнанный братьями Архелай, сын Темена[12], праправнук Геракла, прибыл в Македонию, где теснимый соседями царь Киссей обещал герою руку дочери и царство, если тот избавит его от врагов. Когда же Архелай победил противников в битве и стал требовать обещанного, Киссей задумал от него избавиться и велел вырыть на его пути яму, наполнить ее тлеющими углями и прикрыть хворостом. Предупрежденный о заговоре царским слугой Архелай вызвал Киссея якобы для тайной беседы и столкнул его в заготовленную огненную яму[13].

Таким образом, во всех упомянутых здесь трагедиях, несомненно, имела место интрига различной степени сложности, которая завершалась, как правило, смертью то ли преступника, ставшего жертвой справедливой мести, то ли невиновного, вовлеченного не по своей воле в трагическую ситуацию, то ли самого замыслившего заговор[14]. В тех же произведениях Еврипида, которые принято называть "трагедиями интриги", картина совсем иная: угроза гибели и здесь витает либо над самими героями, либо над их детьми, но она отвращается благодаря случаю или счастливому стечению обстоятельств. При этом неправильно думать, будто такой тип трагедии впервые зародился в сознании Еврипида только в последнее десятилетие его жизни; первые примеры интриги с благополучным завершением при помощи случая прослеживаются в его творчестве достаточно рано.

В нашу подборку включены фрагменты из 11. трагедий Еврипида (в примерном хронологическом порядке: "Эгей", "Кресфонт", "Александр", "Меланиппа-узница", "Фрикс", "Мудрая Меланиппа", "Алопа", "Авга", "Антиопа", "Гипсипила", "Алкмеон в Коринфе"),

---

[10] *Наук.* С. 482; *Гигин.* № 4.

[11] *Аполлодор.* II. 4. 3. У Гигина (№ 64) в заговоре принимает участие сам отец Андромеды Кефей, нарушая, таким образом, свое обещание (ср. сходную ситуацию ниже – в "Архелае"). К сожалению, из сохранившихся фрагментов невозможно понять, была ли в трагедии сцена договора против Персея или Финей предъявлял свои права, явившись сразу на свадьбу. Может быть, только фр. 149 содержит его запоздалое раскаяние: "Виною молодость и смелость неразумная". Нет ничего о заговоре и в остатках послеврипидовских "Андромед" – у Энния и Акция. Из последнего, впрочем, ясно, что Кефей обвинял Финея в страхе и медлительности, а последний искал благовидные предлоги для оправдания (фр. 65–67 W). Только по названиям известны мне две новейшие работы: *Bubel F.* Euripides' Andromeda. Stuttgart, 1991; *Klimer-Winter R.* Andromedatragödien. Sophokles, Euripides, Livius Andronikos, Ennius, Accius. Text. Einleitung und Kommentar. Stuttgart – Lpz, 1993.

[12] Судьба самого Темена составляла содержание трагедии "Темениды" (время постановки определяется достаточно широко – от 422 до 406 г.), о которой имеются разноречивые сведения в источниках. Все же надо признать и в этой драме наличие интриги. Сыновья Темена, недовольные предпочтением, которое он оказывал своему зятю Деифонту, задумали погубить отца и наняли для этого заговорщиков, устроивших ему засаду во время купания в реке. Им, однако, удалось только ранить царя, успевшего перед смертью передать царство Деифонту и разоблачить сыновей (*Диодор Сиц.* VII. 13. 1). По другой версии царскую власть Деифонту вручило войско (*Аполлодор.* II. 8. 5). См. *Harder M.A.* Euripides' Temenos and Temenidai // Fragmenta Dramatica. Beiträge... Göttingen, 1991. S. 117–135.

[13] *Наук.* С 427; *Гигин.* № 219; *Остин.* С. 11 сл.; *Harder A.*, Euripides' Kresphontes and Archelaos. Leiden, 1985. P. 125–147. Если в упомянутом выше "Паламеде" сам Навплий или какой-нибудь deus ex machina сообщал о его намерении завлечь флот ахейцев на пути из-под Трои обманными сигнальными огнями на подводные скалы, то эта трагедия невинной гибели могла предвещать интригу с целью справедливой мести.

[14] Особняком среди прочих трагедий Еврипида с использованием интриги стоит "Ифигения в Авлиде". Здесь тоже девушку, обреченную на заклание, заманивают в ахейский лагерь под ложным предлогом ее бракосочетания с Ахиллом, но при этом преследуется патриотическая цель: без жертвоприношения Ифигении греческий флот не может покинуть гавань в Авлиде, чтобы покарать троянцев за преступление Париса.

которые охватывают не менее 30 лет, т.е. больше, чем половину творческого пути Еврипида[15]. Поскольку во вступительных заметках к каждой трагедии дается характеристика источников и делается, насколько это возможно, попытка их реконструкции, здесь нет необходимости излагать их содержание. Более целесообразным представляется классифицировать используемые в них сюжетные мотивы и принципы построения.

С точки зрения сюжетных мотивов можно выделить по меньшей мере три типа трагедий интриги и случая.

Первый из них наиболее близок к уже известным нам трагедиям мести. Так, первая половина "Кресфонта" напоминает драмы с участием Ореста: юный наследник престола, вовремя спрятанный в надежном месте и теперь не узнанный ни царем-узурпатором, ни собственной матерью (которая в отличие от Клитеместры против воли делит ложе с убийцей своего первого мужа), является в отчий дом, чтобы, обманом усыпив бдительногсть царя, убить его и воцариться в своей земле. Здесь, однако, подключается новый мотив: заподозрив в пришельце убийцу своего сына, мать готова сама его убить, и только вмешательство старого слуги, бывшего посредником между матерью и сыном, предотвращает ситуацию, которую Аристотель считал одной из наиболее эффектных для организации сценического действия (К., св. 3, 4). В трагедию же Еврипида вторгается новый сюжетный ход: мотив мести, исполнению которой мешает счастливый случай.

Готовность матери к убийству собственного, не узнанного ею сына, и спасительная роль старого слуги позволяют объединить с "Кресфонтом" трагедию "Александр", хотя поведение Гекубы и не может здесь быть оправдано долгом справедливой мести: вся "вина" Александра состоит только в том, что Гектор и Деифоб, сыновья Гекубы, уступили неизвестному пришельцу первенство в спортивном агоне, и Гекубой руководит чувство оскорбленной матери (см. А., св. 5; фр. 25), которое можно, если не простить, то хотя бы понять. Иначе обстояло дело в самой ранней из открывающих нашу подборку трагедий – в "Эгее", где переселившаяся в Афины Медея затевала адскую интригу ради устранения Тесея и его введенный в заблуждение отец уже готов был поднести неузнанному сыну яд, когда в дело снова вмешивался случай – на этот раз в виде опознавательных признаков при сыне, выросшем в отсутствии отца (Э., св. 1–3). С другой стороны, "Эгей" открывает ряд трагедий, где беда грозит детям от более раннего брака со стороны мачехи. О произведении такого рода с трагическим исходом ("Ино") мы уже говорили. Теперь сама Ино становилась инициатором злодейского замысла против пасынка ("Фрикс"), прибегнув для этого к ложному пророчеству (Ф., св. 1, 2; фр. 2). И здесь дело доходило почти до смертельного исхода, когда старый слуга, знавший всю историю заговора, из сострадания к невиновному юноше открывал его отцу вину Ино, и теперь ей самой угрожала гибель, от которой ее спасал бог Дионис (Ф., св. 2, 4). Отметим в этой трагедии снова роль слуги, как это имеет место в "Архелае" (см. выше).

Наконец, группу трагедий "неосуществленной мести" с участием злокозненной мачехи завершает "Меланиппа-узница", где царица Феано, сначала усыновив найденышей, затем, после рождения собственных детей, стремится избавиться от приемышей. В отличие от ранее рассмотренных трагедий, здесь, однако, спасение приносят не случай и не приметы, а собственная доблесть молодых людей (М.у., фр. 5). К тому же братья Феано погибают в схватке с ее приемными сыновьями, и таким образом, эта драма только отчасти увенчивается благополучным исходом.

Вместе с тем "Меланиппа-узница" подводит нас к другой группе достаточно однотипных трагедий случая, в которых девушка становится жертвой насилия со стороны бога (реже – героя). Среди целиком дошедших трагедий этот мотив служит исходным пунктом для развития действия в "Ионе", среди несохранившихся – кроме "Меланиппы-узницы" – также в"Мудрой Меланиппе", "Авге", "Алопе" и "Антиопе". В оформлении этого сюжета возможны варианты. Например, отец замечает беременность дочери и передает виновницу для наказания кому-нибудь из близких, кто должен заточить ее в тюрьму или бросить в море. По дороге, однако, молодая мать разрешается от бремени и либо подбрасывает новорожденных, либо передает их какому-нибудь оказавшемуся поблизости пастуху (Ан., св. 1–3). Возможно также, что беременность и роды протекают втайне от отца и тогда мать подбрасывает новорожденных, надеясь скрыть последствия своего невольного греха (М., св. 1–2; Ал., св. 1). Подкидышей и в этом случае находят пастухи, но предварительно младенцев кормит некоторое время какое-

[15] В дальнейшем ссылки на названия даются в сокращении: А. – 'Александр", Ав. – "Авга", А.К. – "Алкмеон в Коринфе", Ал. – "Алопа", Ан. – "Антиопа", Г. – "Гипсипила", К. – "Кресфонт", М. – "Мудрая Меланиппа", М.у. – "Меланиппа-узница", Ф. – "Фрикс", Э. – "Эгей". Ссылки на свидетельства (св.) и фрагменты (фр.) – по нумерации, принятой в пределах каждой трагедии.

нибудь животное: корова (М., св. 1), лань (Ав., св. 1), кобылица (Ал., св. 1). Существует также версия, что и подброшенного Париса кормила медведица (А., св. 3). Средством узнавания подкидышей служат оставленные при них вещи: кольцо Геракла – при его сыне от Авги (св. 1), кусок одежды Алопы – при ее сыне от Посидона (св. 1). Разумеется, после обнаружения подброшенных детей как матери, так и им грозит гибель (М., св. 1–2, фр. 6; Ав., св.1; Ал., св. 1), от которой их спасает вмешательство божественного отца или другого персонажа, приобщившегося к лику героев или пророков.

Впрочем, узнавание подброшенных матерью или почему-либо разлученных с нею (или с отцом) сыновей может произойти и значительно позже, когда дети уже выросли. Из названных выше трагедий такой ход используется в "Антиопе", где взрослые сыновья поначалу не признаю́т матери, а, признав, сомневаются в своем божественном происхождении[16]. Это по́зднее узнавание дает основание отнести "Антиопу" также к трагедиям третьей группы, где, в отличие от предыдущих, нет никакого совращения девушки, а есть только неблагоприятное стечение обстоятельств, заставляющих родителей надолго потерять из виду своих детей. Так, в частности, обстояло дело в "Гипсипиле" (св. 5; фр. 18,ст. 307–329) и в "Алкмеоне в Коринфе" (св. 1). Конечно, и здесь для благоприятного завершения требовался, с одной стороны, счастливый случай, с другой – опять же появление deus ex machina, например, Гермеса (Ан., св. 1, 2; фр. 43, ст. 64–67). Вмешательство deus ex machina ставит нас перед проблемой, многократно обсуждавшейся в литературе о Еврипиде: видел ли он в боге-спасителе какого-то гаранта мировой справедливости, который должен был возвратить сбившийся с пути истинного мир в его рациональную колею, или для драматурга deus ex machina служил не более чем техническим приемом, чтобы привести разработанный им вариант мифа к его традиционному завершению? Общеизвестный скепсис Еврипида в отношении богов заставляет усомниться в его вере в их благодетельное участие в судьбах смертных. К тому же героев тех трагедий, которые являются здесь предметом рассмотрения, чаще выручает благополучное стечение обстоятельств или их собственная активность, чем непосредственное вмешательство божества: Эгей узнает Тесея по своему мечу и сандалиям (Э., св. 1–3); Кресфонта и Александра узнает старый слуга (К., св. 1; А., св. 5), такой же слуга спасает Фрикса (фр. 9), пастух открывает Амфиону и Зету их происхождение от Антиопы (Ан., св. 1, 2), Амфиарай – Евну и Фоанту, что их матерью является Гипсипила; сыновья Меланиппы благодаря собственному мужеству справляются с противником. Боги, появляющиеся "под занавес", по существу, только санкционируют исход событий, которые развивались по собственному пути, подчиняясь игре случая. Два стиха из "Фрикса", вынесенные в эпиграф настоящей статьи, только констатируют противоречие между ролью богов и значением случая, отнюдь не снимая его. В рассматриваемых здесь трагедиях боги крайне редко развязывают безнадежно запутавшийся узел трагических проблем, как это имело место, положим, в "Филоктете" у Софокла. Когда Дионис во "Фриксе" выручал Ино, то он скорее поступал вопреки справедливости, которая требовала казни заговорщицы. Посидону, судя по всему, не удавалось спасти Алопу, коль скоро он превратил ее в источник (Ал., св. 1).

Вместе с тем было бы непростительным упрощением видеть в Еврипиде последовательного атеиста, ставившего своей целью разоблачение богов и освобождение современников от наивной религиозности. Пусть deus ex machina и с опозданием освящает своим авторитетом сложившееся положение вещей, он все-таки нередко вызволяет людей из бед. Так, в "Ифигении в Тавриде" и в "Елене" бог спасает героев от погони, без чего все их усилия оказались бы напрасными. Среди недошедших трагедий выделяется в этом смысле "Фрикс", где Нефела избавляет от преследования своих детей, то ли похищая сына прямо у жертвенного алтаря, то ли посылая им златорунного барана в некую пустынную местность (св. 1, 2 и 4). В других трагедиях, если верна их предполагаемая реконструкция, Афина или Аполлон предрекает благополучное прибытие Авги в Мисию и ее последующую встречу с выросшим сыном; Посидон направит сыновей Меланиппы в Эолию и Беотию, а Гиппофоонта, своего сына от Алопы, назовет эпонимом одной из аттических фил; Гермес откроет будущее Амфиону и Зету (этот случай божественного вмешательства подтверждается и дошедшим текстом – см. Ан., фр. 43, ст. 80–97)[17]. Другими словами, в явлении deus ex machina знающего, в отличие от смертных,

---

[16] Ан., фр. 26; 43, ст. 68–71; ср.: Ион, ст. 1520–1531.

[17] Заметим, что пророческие функции унаследовали от богов еврипидовской трагедии божества или обожествленные персонификации в комедии Менандра, с той, однако, разницей, что они успевали сообщить зрителям о благополучной развязке еще до того, как начинались всевозможные осложнения. Ср. роль Пана в "Брюзге", Неведения – в "Остриженной", Тихи – в "Щите". Появления какого-нибудь божественного персонажа надо было ожидать, вероятно, также в "Третейском суде", "Ненавистном" и "Герое".

будущее, Еврипид и его зрители могли улавливать существование в мире хоть малой доли той разумной закономерности, которая, несмотря на все драматические коллизии, в конечном счете торжествовала в драмах Эсхила и Софокла. Что касается самого Еврипида, то говорить о сколько-нибудь законченной теодицее в его произведениях не приходится, и меньше всего – в трагедиях случая.

Следует при всем том отметить, что сценическое бытие героев этих трагедий складывается отнюдь не безмятежно. Так, угроза смерти нависает не только над подброшенными младенцами и неузнанными сыновьями; она достаточно долго дает себя знать и по отношению к их матерям: Меланиппа, Авга и Алопа заключены отцами в темницу, две последние – в ожидании казни; Антиопа терпит издевательства и заточение от Дирки, которая в конце концов ведет ее на смерть; Гипсипила избегает казни только благодаря вмешательству Амфиарая, но все же попадает в тюрьму. Расправа угрожает сначала Фриксу, потом – Ино ("Фрикс"). Жертвами заговора могут стать выросшие дети Меланиппы (М.у.). В двух случаях причиной преследования героев становится стихийное бедствие: один раз – спровоцированное людьми ("Фрикс"), другой раз – как наказание за осквернение храма (Ав., фр. 1, 2).

Наконец, как всегда у Еврипида, развитие событий и размышления персонажей сопровождаются высказываниями общего порядка, которые трудно включить в какую-нибудь определенную ситуацию. Так, неоднократно повторяется мысль о том, что счастье приносит только равный брак и долг жены – переносить вместе с мужем все тяготы жизни; напротив, нет худшей беды для мужа, чем сварливая или чересчур требовательная жена (Э., фр. 3; М.у., фр. 1–3 и 6–9; Ан., фр. 27–28 и 33–34; Ал., фр. 7). Высоко оценивается женская солидарность и готовность слабого пола ко всяким уловкам (К., фр. 8; Ан., фр. 27–28; Ав., фр. 3; Ал., фр. 3). Не один раз заходит речь о рабском сословии: с одной стороны, оно осуждается (А., фр. 6–13 и 21; Ан., фр. 35–37), с другой – утверждается, что в душе раб может быть благороднее свободного (Ф., фр. 9; М.у., фр. 5, ст. 40–43; фр. 10). Не обходится без признания непрочности человеческого счастья и неизбежности смерти (Э., фр. 9 и 11; К., фр. 6 и 9–11; А., фр. 2-3; Ан., фр. 17; Ав., фр. 13), а также веры, что дурные деяния рано или поздно будут раскрыты силой Правды (Ф., фр. 13; М., фр. 5; Ан., фр. 42 и 43, ст. 54 сл.). Осуждаются красивые, но не искренние речи (А., фр. 14–15; Ан., фр. 12–13 и 32). Попадаются рассуждения на естественно-космическую тему (М., фр. 4; Ан., фр. 6–8). Все эти мотивы известны и из других трагедий Еврипида, дошедших как целиком, так и в отрывках.

Труднее – в силу специфики материала – делать далеко идущие выводы об употребленных в трагедиях случая композиционных приемах, но похоже, что и в этой области Еврипид оставался верен своей традиционной художественной практике. Так, обычный для него экспозиционный пролог надежно засвидетельствован в обеих трагедиях о Фриксе, в "Мудрой Меланиппе", "Гипсипиле" (Во "Фриксе 2" и двух других трагедиях его содержание составляла генеалогия говорившего), "Антиопе", "Авге"; достаточно оснований предполагать его в "Кресфонте" и "Александре". За прологом следовала диалогическая сцена: разговор Кресфонта со служанкой (К., фр. 1), Гипсипилы с сыновьями (Г., фр. 3). Парод в форме обмена лирическими строфами между солистом и хором совершенно очевиден в "Кресфонте" (фр. 3–4) и "Гипсипиле" (фр. 5–8), как это было у Еврипида в "Троянках", "Ифигении в Тавриде", "Электре", "Елене" и у Софокла – в то же поздней "Электре". По меньшей мере в двух случаях имел место обширный агон: в "Александре" (фр. 6–19) и "Антиопе" (фр. 9–24). Характер агона носила, вероятно, большая сцена с участием Евридики и Гипсипилы (Г., фр. 15–17). Возможно, из агона "Мудрой Меланиппы" – ее доводы в пользу подброшенных детей (св. 2; фр. 3–6). Еще в двух случаях известно о появлении дополнительного хора: пастухов – в "Александре" (св. 2 и 5), женщин, чествующих Вакха, – в "Антиопе" (св. 1 и 6; прим. к фр. 40). Что касается такой важной сцены, как узнавание, то ни от одной трагедии ни одного фрагмента из нее не сохранилось. О завершающих трагедии монологах deus ex machina мы уже говорили.

В заключение – несколько слов о составе нижеследующей подборки.

Материал внутри каждого раздела, посвященного одной трагедии, расположен по единой схеме: вступление, объем которого зависит от уровня наших знаний о данной драме; свидетельства; фрагменты, между которыми в квадратных скобках помещены связующие их замечания и предположения по реконструкции содержания, включая сюда цитаты из римских драматургов. Для каждой пьесы приводится своя нумерация свидетельств и фрагментов; при последних в скобках, если нет других указаний, даны отсылки к нумерации фрагментов по изданию Наука. Фрагменты римских драматургов приведены по изданию: Remains of Old Latin. Ed. E.H. Warmington. V. I–II. Cambr. Mass. – London, 1967–1979. Составитель не ставил своей задачей исправление стиля античных свидетельств. Если в изложении Гигина прошедшее время

перебивается настоящим и три фразы из четырех начинаются с союза cum, то в переводе эти особенности оригинала будут оставлены.

Что касается литературы вопроса, то максимально подробно даны отсылки к античным источникам и публикациям папирусных текстов; напротив, современная научная литература приводится выборочно, и среди нее преимущественно – последние по времени работы, в которых читатель, как правило, найдет указания на предшествующие исследования. Незаменимым путеводителем по библиографии остаются названные в начале вступления обзоры Метте.

ЭГЕЙ

Согласно мифу, афинский царь Эгей, долго оставаясь бездетным, отправился в Дельфы за советом, как обзавестись наследником. Получив непонятное пророчество, он обратился за разъяснением к трезенскому царю Питфею, который положил Эгея переночевать со своею дочерью Эфрой. Ожидая рождения от этого союза сына, Эгей оставил Эфре свой меч и сандалии и велел, чтобы сын – Тесей, достигнув возмужалости, взял эти опознавательные знаки и отправился на поиски отца[18]. По дороге Тесей расправился с разбойниками, терзавшими путников (Синис, Скирон, Прокруст), и достиг Афин. Дальше начинается содержание трагедии, ясное в общих чертах из приводимых ниже свидетельств. Разница между ними только в том, что, по Аполлодору, поход Тесея на Марафонского быка провоцирует Медея, а по Плутарху (и более частой версии мифа), Тесей отправляется против него, уже будучи узнан Эгеем.

Точное время постановки трагедии неизвестно, однако все большее распространение получает мнение, что она принадлежит к "раннему" периоду творчества Еврипида – от начала 40-х до середины 30-х годов V в.

Свидетельства

Св. 1[19]. Медея была дочерью Ээта и женой Ясона. После совершенного ею в Коринфе убийства своих детей она явилась изгнанницей в Афины и вышла там замуж за Эгея, сына Пандиона. Когда Тесей, рожденный Эгею Эфрой, прибыл туда из Трезена, чтобы узнать своего отца, она убеждает Эгея дать ему смертельного яда, сказав, что Тесей явился с мыслью отнять у него царскую власть. Убежденный ею Эгей поднес сыну яд, но когда тот уже собирался его выпить, отец узнал свой меч и сандалии – опознавательные признаки, которые он оставил в Трезене. Он отобрал у него яд, а Медею изгнал из Аттики.

Св. 2[20]. Итак, очистив дорогу (от злодеев), Тесей прибыл в Афины. Но Медея, жившая тогда с Эгеем, устроила заговор против пришельца: она убеждает Эгея остерегаться его, так как он-де злоумышляет против него. Эгей, не зная собственного сына, в страхе послал его против Марафонского быка. Когда же Тесей убил зверя, Эгей, получив от Медеи приготовленный в тот же день яд, поднес его пришельцу. Но в то мгновенье, когда Эгей собирался поднести ему питье, Тесей вручил отцу меч. Узнав его, Эгей вырвал из рук сына чашу. Опознанный отцом по приметному знаку Тесей, поняв смысл заговора, изгнал Медею.

Св. 3[21]. Тесей прибыл в Афины. Он застал в городе волнения и распри, да и в семье Эгея все было неладно. С ним жила бежавшая из Коринфа Медея, которая посулила царю с помощью волшебных зелий исцелить его от бездетности. Догадавшись первой, кто такой Тесей, она уговорила Эгея, еще ни о чем не подозревавшего, дряхлого и во

[18] *Еврипид*. Медея, 665–685; *Плутарх*. Тесей. 3.

[19] Схол. к Ил. XI. 471.

[20] *Аполлодор*. Эпит. I. 4–6.

[21] *Плутарх*. Тесей. 12 (пер. С.П. Маркиша).

всем видевшего угрозу мятежа, опоить гостя ядом во время угощения. Придя к завтраку, Тесей почел за лучшее не открывать, кто он такой, но предоставить отцу возможность самому узнать сына; и вот, когда подали масо, он вытащил нож, чтобы, разрезая еду, показать старику меч. Эгей сразу узнал свой меч, отшвырнул чашу с ядом, расспросил сына, обнял его и, созвавши граждан, представил им Тесея; афиняне радостно приняли юношу – они были уже наслышаны о его храбрости.

Фрагменты

[При немногочисленности сохранившихся фрагментов всякая попытка реконструкции хода действия обречена на неуспех. Можно только некоторые из них отнести к определенным ситуациям. Так, афиняне расспрашивают Тесея о его происхождении:]

Фр. 1 (1). Как землю нам назвать, что ты покинул, гость,
Коль в город наш пришел? Отцовский где удел?
Кто твой родитель? Чьим зовешься сыном ты?

Фр. 2 (2). Как в день десятый матерь нарекла тебя?[22]

[Вопросы эти, как следует из Плутарха, оставались без ответа. Но, может быть, еще до начала интриги Тесей узнавал, что Эгей находится под властью жены:]

Фр. 3 (3). У мужа робкого жена в речах смела.

[После разоблачения Медеи хор реагировал на ее злодейский план сентенцией корифея:]

Фр. 4 (4). Когда отец повторным браком женится,
Вражды всегда полна супруга к пасынкам.

[Если Медея пыталась оправдаться, то к ней могло быть обращено предупреждение Эгея:]

Фр. 5 (5). Замкни уста – иль бед не избежать тебе!

[Остальные фрагменты носят достаточно общий характер:]

Фр. 6 (6). Что людям может быть дороже родины?

Фр. 7 (7). Богатств дороже и земли ухоженной
С мужами справедливыми общение.

Фр. 8 (8). Коль благороден муж, то в подчинении
Быть у него прекрасно.

Фр. 9 (10). ...Ведь умирать приходится
И тем, кто в доме вовсе без забот живет.

Фр. 10 (389) Коль очень в деньгах человек нуждается
И смелости хватает руки в ход пустить,
То силой у имущих отберет добро[23].

[Еще два фрагмента, судя по лирическим размерам, заимствованы из хоровых партий:]

Фр. 11(9). Лучше всякого рода знатного
Жизнь счастливая.

Фр. 12 (11). Тот, кто доблести не явил,
Все равно смерти предстанет[24].

---

[22] Древние греки давали имя ребенку на десятый день после рождения. См.: *Еврипид*. Электра. 654; *Аристофан*. Птицы. 494, 922.

[23] Фрагмент приведен у Стобея, причем в одной рукописи указано «из "Тесея"», в двух других – «из "Тесея", "Эгея"». К одной из этих трагедий может быть возведен и недавно опубликованный папирусный фрагмент (P. Oxy. 50(1983), 3530), в котором ст. 7 совпадает, за исключением одной формы, с фр. 926, сохранившимся без указания на название трагедии Еврипида. Плохо сохранившиеся 13 стихов принадлежали, скорее всего, к монологу вестника, сообщавшего о сражении Тесея с быком, вероятно, Марафонским. Упоминался его "кривой рог", "язык, облизывающий ноздри" и палица, с помощью которой Тесей одолел зверя. Впрочем, добавлял вестник, хотя Тесей и зовется сыном Эгея, на самом деле он происходит от Посидона. Стало быть, когда Тесей отправился против Марафонского быка, он уже был узнан отцом, что противоречит св. 1 и 2.

[24] Фрагмент отрывочный, и перевод – приблизительный.

[В трагедии упоминался также Панакт (фр. 12) – городок на границе Аттики и Беотии, находившийся совсем в стороне от пути Тесея как из Трезена в Афины, так и из Афин в Марафон; назначение его в пьесе непонятно.]

КРЕСФОНТ[25]

Содержание трагедии достаточно связно передают свидетельства 1 и 2; различие между ними и сравнительно недавно опубликованными папирусными фрагментами сводится к тому, что у Еврипида сын убитого царя носил имя Кресфонт, в то время как Гигин называет его Телефонтом, а Аполлодор – Эпитом. Зато Аполлодор ближе к Еврипиду, сообщая, что Кресфонт был укрыт матерью у его деда (по мифологической генеалогии Меропа была дочерью Кипсела, царя Аркадии). Два обстоятельства остаются, впрочем, не вполне ясными. Во-первых, явился ли Кресфонт с уже готовым планом выдать себя за того человека, убийце которого Полифонт посулил золото, или эта мысль созревает у него только по прибытии в Мессению. Во-вторых, как, собственно, происходило узнавание сына матерью. Скорее всего, о готовности отомстить убийце своего сына Меропа сообщала в монологе перед воротами дворца, а затем входила в дом в сопровождении старика, который и узнавал в спящем юного Кресфонта (для изображения сцены внутри дворца использовалась, естественно, эккиклема).

Два относительно крупных папирусных отрывка из трагедии обнаружены сравнительно недавно: один в лондонском собрании из Оксиринха (P. Oxy. 27(1962), 2458), другой, добытый в конце 1980-х годов в результате демонтажа мумии, – в коллекции Мичиганского университета (P. Mich. Inv. 6973). Он происходит скорее всего из Фаюма и относится ко II в. до н.э. По счастливому совпадению, первые 30 стихов мичиганского папируса накладываются на последнюю часть уже известного оксиринхского, так что вместе они дают около 90 стихов из начала трагедии. Колонке I мичиганского папируса предшествовала, по расчетам его издателей, еще 5 колонок по 23–24 стиха, т.е. 115–120 стихов.

Документальных данных о времени постановки "Кресфонта" не сохранилось. В качестве terminus ante quem принимаются аристофановские "Земледельцы", относимые к Великим Дионисиям 424 г.: фр. 111 PCG содержит очевидную пародию на хоровую песнь из "Кресфонта" (ниже, фр. 15). Terminus post quem может служить текст Геродота (V. 4.2), совпадающий с нашим фр. 11 из "Кресфонта" не только по содержанию, но и по его лексическому оформлению. Публикацию "Истории" Геродота относят обычно к 430–425 гг. Таким образом, почти общепризнанным временем создания "Кресфонта" надо считать отрезок между 430 и 424 гг.

В древности трагедия была весьма популярна. На нее ссылаются Аристотель и Демосфен (св. 3, 4, 6). В Риме ее переложил Энний (фр. 133–139). Автор трактата "Утешение, адресованное Аполлонию", сохранившегося под именем Плутарха, видел "Кресфонта" на сцене, так как описывает ее воздействие на зрителей (фр. 7 и 8). Наконец, упомянутый выше папирусный фрагмент из Оксиринха является частью актерского экземпляра с распределением ролей между протагонистом и тритагонистом, следовательно, еще в середине III в. н.э. "Кресфонта" представляли на театре.

---

[25] *Harder M.A.* Euripides' Kresphontes and Archelaos. Introduction, Text and Commentary. Leiden, 1985 (далее – Хардер); *Bonnycastle S., Koenen L.* Euripides' Kresphontes: A Ptolemaic Fragment from the Papyrus Collection of the University of Michigan (P. Mich. Inv. 6973). Эта работа известна мне по препринту, любезно присланному Л. Кененом. Первоначально предполагалось ее опубликовать в ZPE, но там она так и не появилась (по состоянию на январь 1994 г.). Более точными сведениями, при нынешнем уровне наших зарубежных связей, я не располагаю. По этой статье дается нумерация стихов в фр. 1–4.

Свидетельства[26]

Св. 1[27]. Царь Мессении Полифонт, убив Кресфонта, сына Аристомаха, завладел его царством и женой Меропой... Однако Меропа тайно переправила своего малолетнего сына от Кресфонта к другу дома в Этолию. Полифонт очень тщательно его разыскивал и обещал наградить золотом того, кто его убьет. Когда же мальчик достиг зрелого возраста, он решил отомстить за смерть отца и братьев. Итак, он явился к царю Полифонту требовать золото, утверждая, что он убил Телефонта, сына Кресфонта и Меропы. Однако царь повелел ему оставаться в доме, чтобы более обстоятельно разведать дело. Когда утомленный чужестранец заснул, старик, который был посредником между метерью и сыном, пришел в слезах к Меропе, сообщая, что последнего нет у друга дома и что он явно исчез. Меропа, полагая, что убийца ее сына – тот человек, который спал в доме, вошла в покой с секирой в руках, не ведая, что собирается убить собственного сына. Однако старик его узнал и удержал мать от преступления. Меропа, уведев, что ей представляется возможность отомстить своему врагу, проявила притворную благосклонность к Полифонту. Когда царь с радостью совершал жертвоприношение богам, пришелец, притворившись, будто он хочет сразить жертвенное животное, убил царя и завладел отцовским царством.

Св. 2[28]. Кресфонт недолго царствовал в Мессении, когда он был убит вместе с двумя сыновьями. Воцарился Полифонт, один из Гераклидов, и взял себе в жены, против ее воли, Меропу, жену убитого царя. Но и Полифонт был убит, ибо Меропа отдала на воспитание своему отцу третьего сына, по имени Эпит. Он, достигши зрелости, тайно прибыл (в Мессению), убил Полифонта и вернул себе отцовское царство.

Св. 3[29]. Примером этого является Меропа. У Еврипида в "Кресфонте" она по неведению злоумышляет против своего сына Кресфонта.

Св. 4[30]. Самый же сильный случай – последний: я говорю о том, как, например, в "Кресфонте" Меропа намеревается убить своего сына, но не убивает его, а узнает...

Св. 5[31]. На пятом рельефе изображен Кресфонт, сражающий Полифонта, убийцу его отца. Здесь же и Меропа с палкой в руках, помогающая сыну в убийстве.

Брата сразил Полифонт, отца младенца Кресфонта,
Ложе супруги его похотью он осквернил.
Долгие годы спустя Кресфонт объявляется мститель,
Чтоб за отца и за мать пеню с убийцы взыскать.
Мощным ударом копья поражает Кресфонт Полифонта,
Мать помогает ему, раня злодея в висок.

Св. 6[32]. Но скажи, Эсхин, какими угодно тебе представить себя и меня в тот самый день? Хочешь, представь меня этаким Батталом, над которым ты уже не раз издевался и насмехался, а себя представь героем, да не первым попавшимся, но из тех, кого играют в театре, – этаким Кресфонтом, или Креонтом, или даже Эномаем, с которым ты некогда провалился на коллитских подмостках?

Св. 7[33]. Александр, тиран Фер, слыл одним из самых жестоких людей. Однажды, когда трагический поэт Феодор проникновенно играл роль Меропы, он заплакал и покинул театр.

---

[26] *Наук.* С. 497 сл.; *Хардер.* С. 27–29.

[27] *Гигин.* № 137.

[28] *Аполлодор.* II, 8, 5. Ср.: *Павсаний.* IV, 3, 8.

[29] Схолий к "Никомаховой этике" Аристотеля (III 2, 111а, 11 сл.).

[30] *Аристотель.* Поэтика. 1454 а 4–7 (пер. М.Л. Гаспарова).

[31] Палат. антол. III. 5 (из описания рельефов в храме в Кизике).

[32] *Демосфен.* XVIII. 180 (перевод Е.Г. Рабинович). *Баттал* (заика) – прозвище Демосфена. *Креонт* – персонаж в "Антигоне" Софокла. *Эномай* – герой одноименных трагедий Софокла и Еврипида. *Коллит* – дем в Аттике.

[33] *Элиан.* Пестрые рассказы. XIV. 40 (пер. С. Поляковой). Меропа – чтение Фалькенаера; в ркп. – Аэропа.

Св. 8[34]. Если какой-нибудь лицедей, сыграв Эномая или Кресфонта, доиграется до того, что, спустившись с подмостков, пожелает начальствовать над товарищами и вообразит себя самодержцем, что ты о нем скажешь?

Фрагменты

[Явившийся в Мессению инкогнито Кресфонт представляется зрителям. Из его монолога сохранились только отдельные слова: "тираннической" (власти Полифонта?), "отец", "дети". После лакуны в 27–28 стихов начинается связный текст: стихомифия с участием Кресфонта и какой-то женщины из числа прислужниц Меропы, которая, выйдя из дворца, советует пришельцу не задерживаться у дверей дома. На это следует вопрос Кресфонта:]

Фр. 1 (40–58).

– Иль к чужеземцам так суров хозяин твой?
– Да, нынешний, а прежний всем любезен был.
– Кто ж нынешний? О прежнем после скажешь мне.
– Царь Полифонт, из рода Гераклидов он.
– А кто же был предшественник скончавшийся?
– Того же рода брат его Кресфонт – слыхал?
– Мессенского был царства основателем?
– Его убив, владеет домом новый царь.
– Убил, замыслив, иль по воле случая?
– Коварной силой: царством завладеть хотел.
– Детей имел убитый или холост был?
– Зарезал Полифонт двух сыновей с отцом.
– И что же? С ними весь пресекся царский род?
– Нет, сын есть младший, если только жив еще.
– Как он смертельной доли избежать сумел?
– Младенцем был еще грудным у матери.
– И где же он теперь? Здесь иль в другой стране?
– У деда он растет...
– Вернется ли...

[От дальнейшего диалога, занимавшего нижнюю половину колонки, сохранились только отдельные слова: "сын", "какое же имя он носит?", "то же, что убитый", "вражда", "иметь женой", "мужа", "считает врагами", "отомстит" или "чтобы не отомстил", "как бы это могло случиться?", "иди от дома", и снова: "жена", "мужа", "чужестранки", "оплакав. Прощай же...". Как видно, собеседница Кресфонта сообщала ему, что вдова убитого царя не очень жалует узурпатора престола, который боится мести со стороны уцелевшего сына Меропы. Затем она снова настойчиво советовала ему убираться восвояси. Оставшись один, Кресфонт отдавал себе отчет в сложности стоящей перед ним задачи. От его монолога (83–100) сохранились только начальные слова стихов: "Увы, увы, что делать... Как в бедствиях... О, сердце бедное... Мой острый меч... Подземных недр... И ты, Аид, что властвует... Кого вражда сокрыла... Вы дайте мне... Припомнив все... О, мой любимый...". Ясно, что наподобие многих других героев греческой трагедии (и в первую очередь Ореста) Кресфонт искал поддержки у подземных богов и убитого отца. Завершалась его мольба четверостишием:] Фр. 2 (106–109).

Нельзя от этой цели отступиться мне:
Я должен вместе с матерью врагу отмстить.
О, сделай, Зевс, меня отца счастливее,
Иначе род его на мне окончится.

---

[34] *Филострат.* Жизнь Аполлония. V. 7. 193 (пер. Е.Г. Рабинович). Если это всего лишь реминисценция из Демосфена (см. св. 6), она не может служить свидетельством знакомства Филострата с трагедией Еврипида.

[С этими словами Кресфонт удалялся, и начинался парод хора, состоявшего из городских старейшин:]
Фр. 3 (110–117). Ай-ай! Увы!

Старцы, смело сюда ступайте!
Тяжесть годов многолетняя прожитых
Гнетет наши члены. Палкой упрись
В землю. Слыхал я, этот чертог,
Отпрыска царственного лишившись,
Полон угроз. Слез он достоин многих.
Пусть слова я молвлю запретные...

[В этот момент во дворце раздавался вопль тоскующей Меропы, и следовала ее песнь, в которой она сравнивала себя с Прокной, потерявшей единственного сына. От жалобы несчастная женщина переходила к горькой констатации:]
Фр. 4 (122–124). ... Руки кровью детей бессильных
Брата родного осквернивши, стал мне убийца
Страданий таких виновником.

[В антистрофе, от которой сохранились остатки 4-х стихов, хор прибавлял мрачные подробности: тела убитых детей были брошены на растерзание собакам[35]. Здесь папирус обрывается, и мы можем только предполагать, что после парода из дворца выходил Полифонт с целью унять неумеренные вопли Меропы. Убийство Кресфонта старшего он объяснял тем, что тот якобы сам хотел устранить брата-соперника. На это Меропа возражала:]
Фр. 5 (451). Ты говоришь, тебя хотел убить мой муж.
Так надо б и тебе хотеть до времени.
[Другой довод Полифонта носил более циничный характер:]
Фр. 6 (452). То перенес твой муж, что людям свойственно;
А мне не стыдно больше всех любить тебя.
[После спора Меропы с Полифонтом появлялся чужеземец, принесший весть об убийстве Кресфонта младшего, затем – старый слуга с сообщением о его исчезновении. У Меропы – созревал план мести, и, готовясь войти к спящему незнакомцу, она произносила:]
Фр. 7 (456). Смертельный нанесу тебе удар!
[После взаимного узнавания матери и сына Меропа предлагала сыну свое содействие в убийстве Полифонта. При этом она соглашалась усыпить бдительность царя своим притворным смирением. Заметим, что на всякого рода уловки у Еврипида особенно охотно идут женщины. Так, и Меропа говорит:]
Фр. 8 (458). ... Отняла судьба,
Что мне всего дороже, а взамен того
Прибавила мне хитрости...
[Соответственно в новом разговоре с Полифонтом она делала вид, что осознала бесплодность своих жалоб:]
Фр. 9 (454). Не у меня одной лишь дети умерли,
Не я одна лишилась мужа: тысячи
В такую бездну горя погружаются.
Фр. 10 (455). Ведь и Ниобы дважды семь детей
Бог Локсий погубил своими стрелами.
[Может быть, Меропе принадлежали и следующие рассуждения:]
Фр. 11 (449). Коль поразмыслить, должно тех оплакивать,
Родится кто на горести несчетные;

[35] Об этом варварском обычае см. у Еврипида: Гекуба, 1075–1078; Геракл. 567–568; Финикиянки. 1650.

Того ж, кто умер и от бед избавился,
С веселым сердцем провожать на кладбище[36].

[Наконец, сохранился ряд фрагментов, которым трудно найти определенное место в трагедии. В одном из них речь шла о Геракле, праотце Кресфонта:]

Фр. 12 (450). Но если он живет среди покойников,
В подземном царстве – силы он своей лишен.

[Два других носили достаточно общий характер:]

Фр. 13 (457). Дитя мое, во взорах стыд рождается.

Фр. 14 (459). Такой барыш приобретать нам следует,
Который позже плакать не заставит нас.

[В уста хора Еврипид вложил горячий призыв к Ирине – богине мира:]

Фр. 15 (453). Богатством изобильная,
Прекраснейшая всех богов,
Жду, зову: к нам вернись ты, Ирина!
Боюсь я, заботами
Сломит нас злая старость,
Прежде чем встречу приход твой радостный,
С плясками песни прекрасные,
Толпища любовенчанные.
К нам явись в город наш, госпожа,
А Смуту ненавистную
От наших стен ты отврати,
Вместе с ней и Вражду, взъяренную
Жезлом наточенным[37].

(*Продолжение следует*)

---

[36] Узенькая полоска с несколькими буквами из середины этих стихов дошла в виде папируса из Фаюма конца I или начала II в. (ZPE. 1970. Bd. 6. S. 247 f. См. *Хардер*. С. 24–26, 40-41).

[37] Какое место занимала эта песнь в трагедии? У Павсания (IV. 3.8) есть сообщение, что правление Кресфонта было направлено на пользу простого народа и потому богатые восстали против него и убили его самого и его сыновей. Может быть, хор имеет в виду отзвуки возникшей затем смуты? Попытки связать эту песнь с событиями на Керкире в 427 г. представляются очень искусственными. А может быть, достаточно того, что уже началась Пелопоннесская война, во время которой мечта о возвращении мира была вполне естественной?

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП – *Античные города Северного Причерноморья*. М., 1984
АИУ – Археологические исследования на Украине
АМА – Античный мир и археология
ВМУ – Вестник Московского университета
ДАН – Доклады Академии наук СССР
ИАК – Известия Археологической Комиссии
ИАН – Известия Академии наук СССР
ИБАИ – Известия на Български Археологически Институт
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КБН – *Корпус боспорских надписей*. М.–Л., 1965
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОАМ – Краткие сообщения Одесского археологического музея
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЮЗ СССР и РНР – Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТОАМ – Труды отдела античного мира Государственного Эрмитажа
AA – Archäologischer Anzeiger
AJA – American Journal of Archaeology
AJPh – American Journal of Philology
AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
ANRW – Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt
BCH – Bulletin de correspondance hellénique
BSL – Bulletin de la Société Linguistique de Paris
CAH – Cambridge Ancient History
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
CRAI – *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres*
CQ – Classical Quarterly
EC – Les Études Classiques
FGrH – *F. Jacoby*. Die Fragmente der Griechischen Historiker. Bd I–III. Berlin – Leiden, 1926–1958
HSCPh – Harvard Studies in Classical Philology
IDR – Inscripţiile Daciei Romane. V. II–III. Bucureşti, 1971–1980
IG – Inscriptiones Graecae
IGB – *Inscriptiones Graece in Bulgaria repertae*. Ed. G. Mihailov. Serdicae, 1970
IOSPE – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
ISM – Inscripţiile din Scythia Minor. V. I, V. Bucureşti, 1980, 1983
IstMit – Istanbuler Mitteilungen
IvPriene – Die Inschriften von Priene. Hrsg. von F.H. von Gaertringen. B., 1906
IvPrusa – Die Inschriften von Prusa ad Olympum. Bd II. Hrsg. von Th. Corsten. Bonn, 1993
JHS – Journal of Hellenic Studies
JKF – Jahbruch für kleinasiatische Forschungen
JRS – Journal of Roman Studies
JQR – The Jewish Quarterly Review
LB – Linguistique Balkanique. Sofia
OGIS – *W. Dittenberger*. Orientis Graeci inscriptiones selectae. V. I–II. Lipsiae, 1903–1905
PF – Pergamenische Forschungen
RA – Révie d'archéologie
RCRF – Rei Cretariae romanae fautorum
RE – *Pauly's* Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*
REL – Revue des Études Latines

Recueil – *Waddington W.H., Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. I. P., 1908
RFIC – Rivista di Filologia e di Istituzione Classica
RHA – Revue Hittite et Asianique
RhM – Rheinisches Museum
RN – Revue Numismatique
Rostovtzeff. SEHHW – *Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. I–III. Oxf., 1941
RPh – Revue Philologique
RSI – Rivista Storica Italiana
SCIV – Studii şi cercetări de istorie veche
SDHI – Studi et Documenta Historiae et Iuris
TAM – Tituli Asiae Minoris
Syll.^{3} – Sylloge Inscriptionum Graecarum a G. Dittenberger condita et aucta. 3 ed. V. 1–4. Lipsieae, 1915–1924
Welles. RC – *C. Welles.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik